Н. ЛЕНИН
/В. УЛЬЯНОВ/

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

II

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

Б Т

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Н. ЛЕНИН (В. УЛЬЯНОВ)

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Т. II

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ и СТАТЬИ

1894—1899 гг.

(85 — 100 т.).

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ЛЕНИНГРАД

Печатается по постановлению
IX съезда РКП (б.)

Главлит № 36.196 Гиз. № 9.760. Тираж 16.000 экз.

Типография Госиздата „Красный Пролетарий". Москва, Пименовская, 16.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Согласно плану издания, литературная деятельность В. И. Ленина до первой эмиграции (1900 г.) должна быть охвачена первыми тремя томами Собрания сочинений. Первый том занят нелегальными произведениями тех лет, в третий том вошло «Развитие капитализма в России» и полемика по поводу этой книги. Таким образом, второй том занят статьями, предназначенными для легальной печати и написанными в период 1894—1899 гг.

По содержанию своему собранные во втором томе статьи разбиваются на две группы.

Одна группа этих статей посвящена борьбе против народничества и выяснению мелкобуржуазных корней и реакционного содержания этого пережитка крестьянофильского якобы-социализма. В этих статьях не только разобраны социально-политические взгляды народничества в сопоставлении с соответствующими взглядами реакционных мелкобуржуазных романтиков Западной Европы (в особенности в статье «К характеристике экономического романтизма»), но и прослежена эволюция и роль народничества, как одного из течений русской революционной мысли (в частности в статье «От какого наследства мы отказываемся»). Последняя задача могла быть выполнена В. И. в легальной прессе только в самой общей форме. В точных политических терминах отношение к различным течениям среди народничества со стороны марксистов дано В. И. в написанной почти одновременно с вышеназванной статьей брошюре «Задачи русских социал-демократов», предназначенной для нелегальной печати и появившейся в Женеве.

Две из статей, посвященных народничеству («К вопросу о нашей фабрично-заводской статистике» и «Кустарная перепись 1894/5 года в Пермской губернии и общие вопросы кустарной промышленности»), представляют детальный разбор тех методов, при помощи которых народническо-либеральная мысль обраба-

тывала факты экономической жизни России и прикрашивала размеры и глубину капиталистической эксплоатации трудовых масс населения.

Эти две статьи служат как бы подготовительными и дополнительными этюдами к книге «Развитие капитализма в России», которая заканчивалась В. И. как-раз в это же время.

Другая группа статей II тома посвящена борьбе с так называемым «легальным марксизмом», который В. И. уже в 1894 г. охарактеризовал, как течение буржуазной мысли, подделывающейся под марксизм, и главными представителями которого в 90-х гг. являлись П. Струве, М. Туган-Барановский и С. Булгаков.

В первом томе Собрания сочинений будет впервые напечатана вышедшая в 1894 г., *до* выхода книжки Струве, брошюра Ленина «Что такое «друзья народа» и как они борются с социал-демократами». Книжка эта, выпущенная на гектографе в количестве нескольких десятков оттисков, с тех пор не перепечатывалась. Из брошюры этой читатели убедятся, какая глубокая пропасть уже в 1894 г. отделяла «марксизм» Струве, с его лозунгом: «пойдем на выучку к капитализму», от марксизма Ленина, с его лозунгом— готовить коммунистическую революцию в России (этими словами кончалась брошюра Ленина 1894 г.). Разбор книги Струве, перепечатываемый в этом томе Собрания сочинений, представляет следующий этап в отмежевании пролетарского социализма от буржуазных течений, принужденных своеобразными общественными отношениями в России и ходом борьбы с реакционным утопизмом народников прикрываться марксизмом или заигрывать с марксизмом.

Прежде чем окончательно перейти на точку зрения штампованного либерализма, представители легального марксизма сделали попытку приспособить к себе учение Маркса при помощи, с одной стороны, неокантианства, а с другой стороны—при помощи восстановления экономических учений до-марксовского периода. Эти попытки нашли широкий отклик в легальной литературе 90-х гг., в частности в статьях Струве, который выкинул знамя борьбы против ортодоксии, и в статьях Булгакова, разнесшего книгу Каутского об аграрном вопросе. На эти попытки «критического» пересмотра, т.-е. буржуазного опошления марксизма, тов. Ленин ответил рядом статей собранных в этом томе под заголовком: «Статьи по вопросу о теории рынков», к которым надо прибавить замечания, сделанные В. И. по тому же вопросу в статье «Некритическая критика» (см. III том Собр. сочинений и мое послесловие к нему).

В перепечатываемой здесь статье 1899 г. против Струве В. И. прямо ссылается против новой критической струи на «ортодоксов» Каутского и Плеханова, как на представителей подлинного марксизма, и противопоставляет критике будущих либералов лозунг: «останемся под знаком ортодоксии». Особо следует отметить, что в этой статье так же, как и в первой статье, направленной против Струве, В. И. специально подчеркивает правильность материалистической философии Маркса в ее противопоставлении неокантианству буржуазных критиков марксизма.

Однако, все эти замечания, искусно вставленные в легальные статьи и долженствовавшие указать читателям легальных журналов на несовместимость пролетарского социализма с буржуазной критикой марксизма, могли получить точную и определенную формулировку лишь в нелегальной прессе. Таким документом, подводившим отчетливые политические итоги размежеванию между пролетарским социализмом Ленина и ревизионизмом его противников, явился написанный в том же 1899 г. Лениным «Протест русских социал-демократов» (см. I том Собр. соч.). Этот документ надо иметь в виду, чтобы понять политический смысл легальных статей Ленина 1899—1900 гг.

Все собранные в данном томе статьи Ленина, за исключением первой, написаны частью в тюрьме, главным же образом в сибирской ссылке.

Нам известно, что, кроме перепечатываемых в этом томе статей, В. И. из ссылки рассылал товарищам обширные письма, заключавшие его мнения о важнейших литературных явлениях и политических событиях как в русском, так и в европейском рабочем движении. К сожалению, этих писем нам пока не удалось разыскать, и мы принуждены ограничиться здесь наличным печатным материалом.

Том снабжен примечаниями, указателем упоминаемых В. И. авторов и переводом встречающихся иностранных слов и цитат, составленными тов. И. Товстухой. Все ссылки на «Капитал» и другие произведения Маркса в тексте В. И. сохранены в первоначальной форме, но тут же даны ссылки на соответствующие места по новейшим изданиям.

Л. Каменев.

Дербент.
10/III 1923 г.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ НАРОДНИЧЕСТВА И КРИТИКА ЕГО В КНИГЕ Т. СТРУВЕ [1])

(Отражение марксизма в буржуазной литературе) [2]).

По поводу книги П. Струве: „Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России". Спб. 1884 г.

Написано в конце 1884 г.

Первоначально напечатано за подписью К. Тулин в сборнике: „Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития". Спб. 1805 г. [3]).

Названная книга г. Струве [4]) представляет из себя систематическую критику народничества, понимая это слово в широком смысле, как теоретическую доктрину, определенно решающую важнейшие социологические и экономические вопросы, и как «систему догматов экономической политики» (VII с.). Одна уже постановка подобной задачи могла бы сообщить книге выдающийся интерес; но еще важнее в этом отношении та точка зрения, с которой ведется критика. Об ней автор говорит в предисловии следующее:

«Примыкая по некоторым основным вопросам к совершенно определившимся в литературе взглядам, он (автор) нисколько не считал себя связанным буквой и кодексом какой-нибудь доктрины. Ортодоксией он не заражен» (IX).

Из всего содержания книги явствует, что под этими «совершенно определившимися в литературе взглядами» разумеются взгляды марксистские. Спрашивается, какие же именно «некоторые основные» положения марксизма автор принимает и какие отвергает?—почему и насколько? Автор не дает прямого ответа на этот вопрос. Поэтому, для выяснения того, что именно в этой книге может быть отнесено на счет марксизма,—какие положения доктрины автор принимает и насколько последовательно их выдерживает,—какие отвергает и что в этих случаях получается,—для выяснения всего этого необходим подробный разбор книги.

Содержание ее чрезвычайно разнообразно: автор дает, во-первых, изложение «субъективного метода в социологии» [5]), принимаемого нашими народниками, критикует его и противопоставляет ему метод «историко-экономического материализма». Затем он дает экономическую критику народничества, во-первых, на основании «общечеловеческого опыта» (с. IX) и, во-вторых, на основании данных русской экономической истории и действительности. Попутно дается и критика догматов народнической экономической политики. Это разнообразие содержания (совершенно неизбежное при критике крупнейшего течения нашей общественной мысли)

определяет и форму разбора: приходится следить шаг за шагом за изложением автора, останавливаясь на каждом ряде его аргументов.

Но прежде чем приступать к разбору книги, мне кажется необходимым остановиться подробнее на некотором предварительном объяснении. Задача настоящей статьи — критика книги г. Струве с точки зрения человека, «примыкающего» по всем (а не по «некоторым» только) «основным вопросам к совершенно определившимся в литературе взглядам».

Взгляды эти не раз уже излагались с целью критики на страницах либерально-народнической печати [6]), и это изложение до безобразия затемнило их,—даже более того: исказило, припутав не имеющие никакого отношения к ним гегельянство, «веру в обязательность для каждой страны пройти через фазу капитализма» и много другого чисто уже нововременского [7]) вздора .

Особенно практическая сторона доктрины, применение ее к русским делам, подвергалась искажениям. Не желая понять, что исходным пунктом доктрины русского марксизма является совершенно иное представление о русской действительности, наши либералы и народники сличали доктрину со своим старым взглядом на эту действительность и получали выводы не только ни с чем не сообразные, но еще вдобавок возводящие на марксистов самые дикие обвинения.

Не определив с точностью своего отношения к народничеству, мне представляется поэтому невозможным приступать к разбору книги г. Струве. Кроме того, предварительное сличение народнической и марксистской точек зрения необходимо для разъяснения многих мест разбираемой книги, которая ограничивается объективной стороной доктрины и оставляет почти вовсе в стороне практические выводы.

Сличение это покажет нам, какие есть общие исходные пункты у народничества и марксизма, и в чем их коренное отличие. При этом удобнее взять старое русское народничество, так как оно, во-первых, неизмеримо выше современного (представляемого органами в роде «Русск. Богатства») [8]) в отношении последовательности и договоренности, а во-вторых, цельнее доказывает лучшие стороны народничества, к которым в некоторых отношениях примыкает и марксизм.

Возьмем одну из таких professions de foi старого русского народничества и будем следить шаг за шагом за автором.

ГЛАВА I.

Подстрочный комментарий к народнической profession de foi.

В CCLXII томе «Отечественных Записок» *) [9]) помещена, без имени автора, статья: «Новые всходы на народной ниве» [10]), которая рельефно выдвигает прогрессивные стороны народничества в противовес русскому либерализму.

Автор начинает с того, что «теперь» протестовать против «людей, выделяющихся из народной среды и становящихся на высшую общественную ступень», считается «чуть не изменой».

> «Еще недавно один литературный осел лягнул «Отечественные Записки» за пессимизм к народу, как он выразился по поводу небольшой рецензии о книжке Златовратского [11]), в которой, кроме пессимизма к ростовщичеству и развращающему влиянию полтины вообще, ничего пессимистического не было; а когда, затем, Гл. Успенский [12]) написал комментарий к своим последним очеркам («О. З.» 1878, № 11), то либеральное болото, совсем как в сказке, всколыхнулось... и, нежданно-негаданно, явилось такое множество защитников народа, что мы, поистине, удивились тому, что народ наш имеет столько друзей... Я не могу не сочувствовать... постановке вопроса о красавице-деревне и об отношении к ней литературных парней или, лучше сказать, не парней, а старых волокит из гг. дворян и лакеев, и молодого купечества... Петь деревне серенады и «строить ей глазки» вовсе еще не значит любить и уважать ее, точно так же, как и указывать ее недостатки вовсе еще не значит—относиться к ней враждебно. Если вы спросите того же самого Успенского... к чему больше лежит его душа, в чем он видит больше залогов будущего—в деревне или в старо-дворянском и ново-мещанском наслоениях,—то разве может быть какое-нибудь сомнение в том, что он скажет: «в деревне».

Это место весьма характерно. Во-первых, оно показывает наглядно, в чем сущность народничества: в протесте против кре-

---

*) Год 1879, IV-й том, «Современное обозрение», стр. 125 — 152.

постничества (старо-дворянское наслоение) и буржуазности (ново-мещанское) в России с точки зрения крестьянина, мелкого производителя. Во-вторых, оно показывает в то же время и мечтательность этого протеста, его отворачиванье от фактов.

Разве «деревня» существует где-нибудь вне «старо-дворянских» или «ново-мещанских» порядков? Разве не «деревню» именно строили и строят по-своему представители тех и других? Деревня—это и есть «наслоение» отчасти «старо-дворянское», отчасти «ново-мещанское». Как ни вертите деревню,—но если вы будете ограничиваться констатированием действительности (об этом только и идет речь), а не возможностями, вы не сумеете найти в ней ничего иного, никакого третьего «наслоения». И если народники находят, то только потому, что за деревьями не видят леса, за формой землевладения отдельных крестьянских общин не видят экономической организации всего русского общественного хозяйства. Эта организация, превращая крестьянина в товаропроизводителя, делает его мелким буржуа,—мелким обособленным хозяином на рынок; в силу этого она исключает возможность искать «залогов будущего» позади и заставляет искать их впереди—не в «деревне», в которой сочетание «старо-дворянского» и «ново-мещанского» наслоений страшно ухудшает положение труда и отнимает у него возможность борьбы против владык «ново-мещанских» порядков, так как самая противоположность их интересов интересам труда недостаточно развита,—а вполне развитом, до самого конца «ново-мещанском» наслоении, вполне очистившемся от «старо-дворянских» прелестей, обобществившем труд, довершившем и выяснившем ту социальную противоположность, которая в деревне находится еще в зачаточном, придавленном состоянии.

Теперь следует наметить те теоретические различия, которые есть между доктринами, приводящими к народничеству и марксизму, между пониманиями русской действительности и истории.

Пойдем дальше за автором.

Он уверяет «гг. возмутившихся духом», что соотношение между народной бедностью и народной нравственностью Успенский понимает

> «лучше многих поклонников деревни, для которых... деревня есть... нечто в роде либерального паспорта, которым в эпохи, подобные переживаемым, запасаются обыкновенно все неглупые и практические буржуа».

Почему бы это, думаете вы, г. народник, происходит такая прискорбная и обидная для человека, желающего представлять интересы труда, вещь, как обращение в «либеральный паспорт» того, в чем он видит «залоги будущего»? Это будущее должно исключать буржуазию,—а то, через что хотите вы итти к этому будущему, не только не встречается враждебно «практическими и неглупыми буржуа», а напротив, охотно берется и берется за «паспорт».

Как вы думаете, мыслима ли была бы такая скандальная вещь, если бы «залоги будущего» стали указывать вы не там, где социальные противоположности, свойственные тому строю, в котором хозяйничают «практические и неглупые буржуа», находятся еще в неразвитом, зачаточном состоянии, а там, где они развиты до конца, до nec plus ultra *), где нельзя, следовательно, ограничиваться паллиативами и полумерами, где нельзя утилизировать desiderata **) трудящихся в свою пользу, где вопрос поставлен ребром.

Не говорите ли вы сами ниже такой вещи:

> «Не хотят понять пассивные друзья народа той простой вещи, что в обществе все действующие силы слагаются обыкновенно в две равнодействующие, взаимно-противоположные, и что пассивные силы, не принимающие, новидимому, участия в борьбе, служат только той силе, которая в данную минуту имеет перевес» (стр. 132).

Разве деревня не подпадает под эту характеристику, разве она—какой-нибудь особый мир, в котором нет этих «взаимно противоположных сил» и борьбы, чтобы о ней можно было говорить огулом, не боясь сыграть на руку «имеющей перевес силе»? Разве, раз уже речь пошла о борьбе, основательно начинать с того, где содержание этой борьбы загромождено кучей посторонних обстоятельств, мешающих твердо и окончательно отделить друг от друга эти взаимно-противоположные силы, мешающих видеть ясно главного врага? Не очевидно ли, что та программа, которую выставляет автор в конце статьи—образование, расширение крестьянского землевладения, уменьшение податей—не в состоянии затронуть ни на иоту того, кто имеет перевес, а последний пункт программы—«организация народной промышленности»—уже предполагает ведь, что борьба не только была, но сверх того, что она уже кончилась победой? Ваша программа сторонится от того антагонизма, наличность которого вы сами не могли не при-

---

*) — до крайних пределов. Ред.

**) — требований. Ред.

знать. Поэтому она и не страшна хозяевам «ново-мещанского наслоения». Ваша программа—мелкобуржуазная мечта. Вот почему только и годна она на то, чтобы быть «либеральным паспортом».

> «Люди, для которых деревня есть отвлеченное понятие, а мужик—отвлеченный Нарцис, даже думают плохо, когда говорят, что деревню нужно только хвалить и утверждать, что она отлично противостоит всем разрушающим ее влияниям. Если деревня поставлена в такие условия, что каждый день должна биться из-за копейки, если ее обирают ростовщики, обманывают кулаки, притесняют помещики, если ее иногда секут в волостном правлении, то разве это может оставаться без влияния на ее нравственную сторону?.. Если рубль, эта капиталистическая луна, выплывает на первый план деревенского ландшафта, если на него обращаются все взоры, все помыслы и душевные силы, если он становится целью жизни и мерилом способностей личности, то разве можно скрывать этот факт и говорить, что мужик есть такой Косьма-бессребренник, которому вовсе не нужны деньги? Если в деревне заметны стремления к розни, расцветает пышным цветом кулачество и стремится к закабалению слабейшего крестьянства в батраки, к разрушению общины и т. д., то разве можно, спрашиваю я, скрывать все эти факты?! Мы можем желать более обстоятельного и всестороннего их исследования, можем объяснять их себе гнетущими условиями бедности (с голоду люди воруют, убивают, а в крайних случаях даже едят друг друга), но скрывать их совсем невозможно. Скрывать их—значит защищать statum quo, значит защищать пресловутое laissez faire, laissez aller, пока грустные явления не примут ужасающих размеров. Подрумянивать истину вообще всегда излишне».

Опять-таки, как хороша эта характеристика деревни и как мелки выводы из нее! Как верно подмечены факты и как мизерно объяснение, понимание их! Снова видим мы тут гигантскую пропасть между desiderat'ами насчет защиты труда и средствами их осуществления. Капитализм в деревне—это для автора не более как «грустное явление». Несмотря на то, что он видит такой же капитализм и в городе в крупных размерах, видит, как капитализм подчинил себе не только все области народного труда, но даже и «прогрессивную» литературу, преподносящую буржуазные меры от имени народа и во имя народа,—несмотря на это, он не хочет признать, что дело в особой организации нашего общественного хозяйства, и утешает себя мечтами, что это только грустное явление, вызванное «гнетущими условиями». А если, де, не держаться теории невмешательства, тогда можно устранить эти условия. Да, если*бы* да кабы! Но никогда еще не бывало на Руси политики невмешательства; всегда было вмешательство... в пользу

буржуазии, и только сладкие грезы «послеобеденного спокойствия» могут породить надежду на изменение этого без «перераспределения социальной силы между классами», как говорит г. Струве.

> «Мы забываем, что обществу нашему нужны идеалы—политические, гражданские и иные—главным образом для того, чтобы, запасшись ими, можно было уже ни о чем не думать, что ищет оно их не с юношеской тревогой, а с послеобеденным спокойствием, что разочаровывается оно в них не с душевными муками, а с легкостью аркадского принца. Таково, по крайней мере, громадное большинство нашего общества. Ему собственно говоря, и не нужно никаких идеалов, потому что оно сыто и вполне удовлетворяется утробными процессами».

Превосходная характеристика нашего либерально-народнического общества.

Спрашивается, кто же теперь последовательнее: «народники» ли, продолжающие возиться и няньчиться с этим «обществом», угощающие его изображением ужасов «грядущего» капитализма, «грозящего зла» *), как выразился автор статьи, призывающие его представителей сойти с неправильного пути, на который «мы» уклонились и т. д., — или марксисты, которые так «узки», что резко отграничивают себя от общества и считают необходимым обратиться исключительно к тем, кто не «удовлетворяется» и не может удовлетвориться «утробными процессами», для кого идеалы нужны, для кого они являются вопросом повседневной жизни.

Это—отношение институтки,—продолжает автор. Это

> «свидетельствует о глубоком развращении мысли и чувства... никогда еще не было такого приличного, лакированного, такого невинного и вместе с тем глубокого разврата. Разврат этот есть целиком достояние нашей новейшей истории, достояние мещанской культуры [т.-е. буржуазных, капиталистических порядков, точнее сказать. К. Т.], развившийся на почве барства, дворянского сентиментализма, невежества и лени. Мещанство принесло в жизнь свою науку, свой нравственный кодекс и свои софизмы».

Казалось бы, автор настолько верно оценил действительность, чтобы понять и единственно возможный выход. Ежели все дело в нашей буржуазной культуре,—значит не может быть иных «залогов будущего», кроме как в «антиподе» этой буржуазии, потому что он один окончательно «диференцирован» от этой «мещанской культуры, окончательно и бесповоротно враждебен ей

---

*) Грозящего чему? Утробным процессам? Капитализм не только не «грозит» им, а, напротив, обещает тончайшие и изысканнейшие яства.

и неспособен ни на какие компромиссы, из которых так удобно выкраивать «либеральные паспорта».

Но нет. Можно еще помечтать. «Культура» — действительно одно «мещанство», один разврат. Но ведь это только результат старого барства (сам же сейчас признал, что она создана новейшей историей, той историей, которая именно и уничтожила старое барство) и лени,—нечто, значит, случайное и не имеющее прочных корней и т. д. и т. д. Начинаются фразы, не имеющие никакого смысла, кроме отворачивания от фактов и сентиментального мечтания, закрывающего глаза на наличность «взаимно противоположных сил». Слушайте:

> «Ему (мещанству) нужно водворить их (науку, нравственный кодекс) на кафедре, в литературе, в суде и в других пунктах жизни. [Выше мы видели, что оно уже водворило их в таком глубоком «пункте жизни», как деревня. К. Т. [13].]. Оно прежде всего не иаходит для этого достаточно годных людей и, по необходимости, обращается к людям других традиций. [Это русская-то буржуазия «не находит людей»?! Не стоит и опровергать этого, тем более, что автор сам себя ниже опровергает. К. Т.]. Люди эти не знают дела [русские капиталисты?! К. Т.], шаги их неопытны, движения неуклюжи [достаточно «знают дело», чтобы получать десятки и сотни процентов прибыли; достаточно «опытны», чтобы практиковать повсеместно truck-system [14]); достаточно ловки, чтобы получать покровительственные пошлины. Только тому, кто непосредственно и прямо не чувствует на себе гнета этих людей, только мелкому буржуа и могла померещиться такая фантазия. К. Т.]; они стараются подражать западноевропейской буржуазии, выписывают книжки, учатся [вот уже автор сам должен признать фантастичность сочиненного им сейчас мечтания: будто у нас «мещанская культура» развилась на почве невежества. Не правда. Именно она принесла пореформенной России се культурность, «образованность». «Подрумянивать истину», изображать врага бессильным и беспочвенным, «вообще всегда излишне». К. Т.]; порой их берет сожаление о прошлом, а порой раздумье о будущем, так как слышны откуда-то голоса, что мещанство есть только наглый временщик, что наука его не выдерживает критики, а нравственный кодекс и совсем никуда не годится».

Это русская-то буржуазия грешит «сожалением о прошлом», «раздумьем о будущем»?! Подите вы! И охота же людям самих себя морочить, клеветать так необъятно на бедную русскую буржуазию, будто она смущалась голосами о «негодности мещанства»! Не наоборот ли: не «смутились» ли эти «голоса», когда на них хорошенько прикрикнули, не они ли это проявляют «раздумье о будущем»?..

И подобные господа удивляются еще и прикидываются непонимающими, за что их называют романтиками!

> «Между тем, надо спасаться. Мещанство не просит, а приказывает, под страхом погибели, итти на работу *). Не пойдешь,—останешься без хлеба и будешь стоять среди улицы—выкрикивать: «отставному штабс-капитану!», а то и совсем околеешь с голоду. И вот начинается работа, слышится визг, скрип, лязганье, идет суматоха. Работа спешная, не терпящая отлагательств. Наконец, механизм пущен. Визга и острых звуков как будто бы меньше, части как будто бы обходятся, слышен только грохот чего-то неуклюжего. Но тем страшнее: доски гнутся все больше и больше, винты хлябают и, того и гляди, все разлетится вдребезги».

Это место потому особенно характерно, что в рельефной, лаконической, красивой форме содержит схему тех рассуждений, которые любят облачать в научную форму российские народники. Исходя из бесспорных, не подлежащих никакому сомнению фактов, доказывающих наличность противоречий при капиталистическом строе, наличность угнетения, вымирания, безработицы и т. д., они усиливаются доказать, что капитализм—крайне нехорошая вещь, «неуклюжая» [ср. В. В. Каблукова 16) (Вопрос о рабочих в сельском хозяйстве), отчасти г. Николая—она 17)]? которая «того и гляди» разлетится вдребезги.

Глядим, вот уже много-много лет, как глядим, и видим, что эта сила, приказывающая русскому народу итти на работу, все крепнет и растет, хвастает перед всей Европой мощью создаваемой ею России и радуется, конечно, тому, что «слышатся голоса» только о необходимости уповать на то, что «винты расхлябаются».

> «У людей слабых замирает сердце от страха. «Тем лучше», говорят люди отчаянные. «Тем лучше», говорит и буржуазия:—«скорее выпишем из-за границы новый механизм, скорее приготовим платформы, доски и другие грубые части из домашнего материала, скорее заведем искусных машинистов». Между тем нравственная сторона общества во все это время находится в самом скверном состоянии. Некоторые входят во вкус новой деятельности и стараются через силу, некорые отстают и разочаровываются в жизни».

Бедная русская буржуазия! «Через силу» старается присвоивать сверхстоимость! и чувствует себя скверно с нравственной

---

*) Заметьте это, читатель. Когда народник говорит, что у нас в России «на работу приказывает итти «мещанство»,—тогда это правда. А когда марксист скажет, что у нас господствует капиталистический способ производства,—тогда г. В. В. [15]) закричит, что он стремится к «замене демократического (sic!!) строя капиталистическим».

стороны! (Не забудьте, что страницей назад вся эта нравственность сводилась к утробным процессам и разврату). Понятно, что тут уже нет никакой надобности в борьбе с ней—да еще какой-то классовой борьбе,—а просто пожурить хорошенько—и она перестанет себя насиловать.

> «О народе в это время почти никто не думает; между тем делается, по правилам буржуазии, все для народа, за его счет; между тем, каждый общественный деятель и литература считают долгом распространяться об его благе... Это либерально-кокетливое направление подавило все остальные и сделалось преобладающим. В наш демократический век не только г. Суворин [18]) публично признается в любви к народу и говорит: «одно я всегда любил и умру с этой любовью—народ, я сам вышел из народа» (что еще равно ничего не доказывает); но даже «Московские Ведомости» [19]) как-то совсем иначе относятся к нему... и как-то, по-своему, конечно, заботятся об его благоустройстве. В настоящее время не осталось ни одного органа печати, подобного покойной «Вести» [20]), т.-е. явно недружелюбного к народу. Но явно недружелюбное отношение было лучше, потому что тогда враг был на чистоту, как на ладони: видно было, с какой стороны он дурак, с какой—плут. Теперь все—друзья и в то же время все—враги; все перемешалось в общем хаосе. Народ, как говорит Успенский, именно опутан каким-то туманом, сбивающим неопытного человека с толку и пути. Прежде он видел перед собой одну искреннюю беззаконность. Теперь же ему говорят, что он так же свободен, как и помещик, говорят, что он сам управляет своими делами, говорят, что его поднимают из ничтожества и ставят на ноги, тогда как во всех этих заботах тянется, перевивая их тонкою, но цепкою нитью, одна нескончаемая фальшь и лицемерие».

Что верно, то верно!

> «Тогда далеко не все занимались устройством ссудосберегательных товариществ, поощряющих кулачество и оставляющих настоящих бедняков без кредита».

Сначала можно бы подумать, что автор, понимая буржуазность кредита, должен совершенно сторониться от всяких таких буржуазных мер. Но отличительная и основная черта мелкого буржуа—воевать против буржуазности средствами буржуазного же общества. Поэтому и автор, как и народники вообще, исправляет буржуазную деятельность, требуя более широкого кредита, кредита для настоящих бедняков!

> ...«не толковали о необходимости интенсивного хозяйства, которому мешает передел полей и община (?); не распространялись о тяжести подушных податей, умалчивая о нало-

гах косвенных и о том, что подоходный налог превращается обыкновенно на практике в налог на тех же бедняков; не говорили о необходимости земельного кредита для покупки крестьянам земель у помещиков по ненормально высоким ценам и т. д.... То же самое и в обществе: там тоже такое множество друзей у народа, что только даешься диву... Вероятно, скоро о любви к народу станут говорить закладчики и целовальники».

Протест против буржуазности превосходен; но выводы мизерные: буржуазия царит и в жизни, и в обществе. Казалось бы, следует отвернуться от общества и итти к антиподу буржуазии.

Нет, следует пропагандировать кредит для «настоящих бедняков»!

«Кто больше виноват в подобном смутном положении вещей—литература или общество,—определить трудно, да и определять совершенно бесполезно. Говорят, что рыба разлагается с головы, но я не придаю этому чисто-кулинарному наблюдению никакого значения».

Разлагается буржуазное общество—вот, значит, мысль автора. Стоит подчеркнуть, что именно таков исходный пункт марксистов.

«А между тем, когда мы кокетничаем с деревней и делаем ей глазки, колесо истории вертится, действуют стихийные силы, или, говоря понятнее и проще, к жизни пристегиваются всевозможные пройдохи и перестраивают ее по-своему. Пока литература будет спорить о деревне, о прекраснодушии мужика и об отсутствии у него знаний, пока публицистика будет исписывать целые ведра чернил по вопросам об общине и формах землевладения, пока податная комиссия будет продолжать обсуждать податную реформу,—деревня окажется в конец обездоленной».

Вот что! «Пока мы говорим—колесо истории вертится, действуют стихийные силы»!

Какой бы шум вы подняли, друзья, когда бы это сказал я!

Когда марксисты говорят о «колесе истории и стихийных силах», поясняя притом с точностью, что эти «стихийные силы» есть силы развивающейся буржуазии,—гг. народники предпочитают замалчивать вопрос о том, верен ли и верно ли оценен факт роста этих «стихийных сил», и болтать непроходимую белиберду о том, какие это «мистики и метафизики» люди, способные говорить о «колесе истории» и «стихийных силах».

Разница между выписанным признанием народника и обычным положением марксистов только та—и весьма существенная разница—что, между тем как для народника эти «стихийные силы» сводятся к «пройдохам», которые «пристегиваются к жизни»,

для марксиста стихийные силы воплощаются в классе буржуазии, который является продуктом и выражением общественной «жизни», представляющей из себя капиталистическую общественную формацию, а не случайно или извне откуда-то «пристегиваются к жизни». Оставаясь на поверхности различных кредитов, податей, форм землевладения, переделов, улучшений и т. п., народник не может видеть у буржуазии глубоких корней в русских производственных отношениях, и потому утешает себя детскими иллюзиями, что это не более как «пройдохи». И естественно, что с такой точки зрения, действительно, будет абсолютно непонятно, при чем тут классовая борьба, когда все дело только в устранении «пройдох». Естественно, что гг. народники на усиленные и многократные указания марксистов на эту борьбу отвечают ничего непонимающим молчанием человека, который не видит класса, а видит только «пройдох».

С классом может бороться только другой класс, и притом непременно такой, который вполне уже «диференцирован» от своего врага, вполне противоположен ему, но с «пройдохами», разумеется, достаточно бороться одной полиции, в крайнем случае,—«обществу» и «государству».

Скоро мы увидим однако, каковы эти «пройдохи» по характеристике самого народника, как глубоки их корни, как всеобъемлющи их общественные функции.

Далее, после вышевыписанных слов о «пассивных друзьях народа» автор непосредственно продолжает:

> «Это—нечто худшее, чем вооруженный нейтралитет в политике, худшее потому, что тут всегда оказывается активная помощь сильнейшему. Как бы пассивный друг ни был искренен в своих чувствах, какое бы скромное и тихое положение он ни старался принять на житейском поприще, он все равно будет вредить друзьям»...
>
> ...«Для людей, более или менее цельных и искренно любящих народ *), подобное положение вещей становится, наконец, невыносимо омерзительным. Им становится стыдно и противно слушать это сплошное и приторное изъяснение в любви, которое повторяется из года в год каждый день, повторяется и в канцеляриях, и в великосветских салонах,

---

*) Как неопределенны тут отличительные признаки от «пассивных друзей»! Те ведь тоже бывают «цельными» людьми и, несомненно, «искренне» «любят народ». Из предыдущего противопоставления с очевидностью следует, что пассивному надо противопоставить того, кто участвует в борьбе «взаимно-противоположных» общественных сил. Hier liegt der Hund begraben. (Вот где собака зарыта. Ред.).

и в трактирах, за бутылкою клико, и никогда не переходит в дело. Вот поэтому-то, в конце-концов, они и приходят к огульному отрицанию всей этой мешанины».

Эта характеристика отношения прежних русских народников к либералам почти целиком подошла бы к отношению марксистов к теперешним народникам. Марксистам тоже «невыносимо» уже слушать о помощи «народу» кредитами, покупками земель, техническими улучшениями, артелями, общественными запашками *) и т. п. Они тоже требуют от людей, желающих стоять на стороне... не «народа», нет,—а того, кому буржуазия приказывает итти на работу,—«огульного отрицания» всей этой либерально-народнической мешанины. Они находят, что это «невыносимое» лицемерие—толковать о выборе путей для России, о бедствиях «грозящего» капитализма, о «нуждах народной промышленности», когда во всех областях этой народной промышленности царит капитал, идет глухая борьба интересов, и надо не замазывать, а раскрывать ее,—не мечтать: «лучше бы без борьбы» **), а развивать ее в отношении прочности, преемственности, последовательности и, главное, идейности.

«Вот поэтому-то, в конце-концов, и являются известные гражданские заповеди, известные категорические требования порядочности, требования строгие и подчас даже узкие, за что́ их в особенности не долюбливают ширококрылые либералы, любящие простор в потемках и забывающие их логическое происхождение».

Превосходное пожелание! Безусловно необходимы именно «строгие» и «узкие» требования.

Но беда в том, что все превосходные намерения народников оставались в области «невинных пожеланий». Несмотря на то, что они сознавали необходимость таких требований, несмотря на то, что они имели весьма достаточно времени для их осуществления,—они до сих пор не выработали их, они постоянно сливались с российским либеральным обществом целым рядом постепенных переходов, они продолжают сливаться с ним и до сих пор» ***).

---

*) Г. Южаков [21]) в № 7 «Р. Б-ва» за 1894 г.

**) Выражение г-на Кривенко [22]) («Р. Б.» 189, № 10) в ответ на слова г-на Струве о «суровой борьбе общественных классов».

***) Некоторые наивные народники, в простоте своей не понимающие, что пишут против себя, даже хвалятся этим.

«Наша интеллигенция вообще, литература в частности,—пишет г. В. В. против г. Струве,—даже представители наиболее буржуазных течений носят

Поэтому—пускай уже они пеняют на себя, если теперь марксисты против них выдвигают требования действительно очень «строгие» и очень «узкие»,—требования исключительного служения исключительно одному классу (именно тому, который «диференцирован от жизни»), его самостоятельному развитию и мышлению, требования полного разрыва с «гражданской» «порядочностью» российских «порядочных» буржуев.

> «Как бы ни были, на самом деле, узки эти заповеди в частностях, во всяком случае ничего не скажешь против общего требования: «одно из двух: или будьте действительными друзьями, или же обратитесь в открытых врагов!».
>
> «Мы переживаем в настоящее время чрезвычайно важный исторический процесс—процесс формирования третьего сословия. Перед нашими глазами совершается подбор представителей и происходит организация новой общественной силы, которая готовится управлять жизнью».

Только еще «готовится»? А кто же «управляет»? Какая другая «общественная сила»?

Уж не та ли, которая выражалась в органах à la «Весть»?—Невозможно. Мы не в 1894 г., а в 1879 г., накануне «диктатуры сердца» [24]),—когда, по выражению автора статьи, «на крайних консерваторов показывают на улице пальцем», над ними «хохочут во всю глотку».

Уж не «народ» ли, трудящиеся?—Отрицательный ответ дает вся статья автора.

И при этом говорить все еще: «готовится управлять»?! Нет, сила эта давным давно «приготовилась», давным давно «управляет», «готовятся» же только одни народники—выбирать лучшие пути для России, да так, должно быть, и просбираются до тех пор, пока последовательное развитие классовых противоречий не оттеснит, не вытолкает за борт всех, кто от них сторонится.

> «Процесс этот, начавшийся в Европе гораздо раньше нашего, во многих государствах пришел уже к концу *); в других

на себе, так сказать, народнический характер». («Неделя» [23]) 1894 г., № 47, стр. 1506).

Как в жизни мелкий производитель рядом незаметных переходов сливается с буржуазией,—так в литературе народнические невинные пожелания становятся «либеральным паспортом» для вместителей утробных процессов, пенкоснимателей и т. д.

*) Т.-е. что это значит: «пришел к концу»? То ли, что уже виден его конец, что уже собирается «новая сила»?—тогда он и у нас приходит к концу. Или то, что там уже более не нарождается третьего сословия?—это неверно, потому что и там есть еще мелкие производители, выделяющие горстки буржуазии и массы пролетариата.

он еще задерживается обломками феодализма и противодействием рабочих классов, но историческое колесо и здесь с каждым годом все больше и больше дробит эти обломки и укатывает жизнь для новых порядков».

Вот до какой степени не понимают наши народники западноевропейского рабочего движения! Оно «задерживает», видите ли, капитализм,—и его, как «обломок», ставят рядом с феодализмом!

Наглядное доказательство того, что не только для России, но и для Запада наши народники не в состоянии понять того, как можно бороться с капитализмом: не «задерживанием» его развития, а ускорением его, не сзади, а спереди, не реакционно, а прогрессивно.

«В общих чертах, процесс этот состоит в следующем: между дворянством и народом образуется новый общественный слой из элементов, опускающихся сверху, и элементов, поднимающихся снизу, которые как бы имеют одинаковый удельный вес, если можно так выразиться; элементы эти тесно сплачиваются, соединяются, претерпевают глубокое внутреннее изменение и начинают изменять и верхние, и нижние слои, приспособляя их к своим потребностям. Процесс этот чрезвычайно интересен сам по себе, а для нас он имеет особенно важное значение. Для нас тут представляется целый ряд вопросов: составляет ли господство третьего сословия роковую и неизбежную ступень цивилизации каждого народа?..».

Что за гиль?! Откуда и при чем тут «роковая неизбежность»? Не сам ли автор описывал и еще подробнее будет ниже описывать господство третьего сословия у нас, на святой Руси, в 70-е годы?

Автор берет, очевидно, те теоретические доводы, за которые прятались представители нашей буржуазии.

Ну, как же это не мечтательная поверхностность—принимать такие выдумки за чистую монету? не понимать, что за этими «теоретическими» рассуждениями стоят интересы,—интересы того общества, которое сейчас так верно было оценено, интересы буржуазии?

Только романтик и может думать, что можно силлогизмами бороться с интересами.

...«нельзя ли государству прямо с одной ступени перейти на другую, не делая при этом никаких сальто-мортале́й, которые чудятся на каждом шагу чересчур предусмотрительным филистерам, и, не слушая фаталистов, видящих в истории один роковой порядок, вследствие которого господство третьего сословия так же неизбежно для государства, как неизбежна для человека старость или юность?..».

Вот какое глубокое понимание у народников нашей действительности! Если государство содействует развитию капитализма, то это вовсе не потому, что буржуазия владеет такой материальной силой, что «посылает на работу» народ и гнет в свою сторону политику. Вовсе нет. Дело просто в том, что профессора Вернадские [25]), Чичерины [26]), Менделеевы [27]) и пр. держатся неправильных теорий о «роковом» порядке, а государство их «слушает».

> ...«нельзя ли, наконец, смягчить отрицательные стороны наступающего порядка, как-нибудь видоизменить его или сократить время его господства? Неужели, и в самом деле, государство есть нечто такое инертное, непроизвольное и бессильное, что не может влиять на свои судьбы и изменять их; неужели, и в самом деле, оно есть нечто вроде волчка, пускаемого провидением, который двигается по определенному только пути, только известное время и совершает известное число оборотов, или вроде организма с весьма ограниченной волей; неужели и в самом деле им управляет нечто вроде гигантского чугунного колеса, которое давит всякого дерзновенного, осмеливающегося попытать ближайших путей к человеческому счастью?!».

Это чрезвычайно характерное место, с особенной наглядностью показывающее реакционность, мелкобуржуазность того представительства интерсов непосредственных производителей, которое давалось и дается российскими народниками. Будучи враждебно настроены против капитализма, мелкие производители представляют из себя переходный класс, смыкающийся с буржуазией, и потому не в состоянии понять, что неприятный им крупный капитализм—не случайность, а прямой продукт всего современного экономического (и социального, и политического, и юридического) строя, складывающегося из борьбы взаимно-противоположных общественных сил. Только непонимание этого и в состоянии вести к такой абсолютной нелепости, как обращение к «государству», как будто бы политические порядки не коренились в экономических, не выражали их, не служили им.

Неужели государство есть нечто инертное?—вопрошает с отчаянием мелкий производитель, видя, что по отношению к его интересам оно, действительно, замечательно инертно.

Нет,—могли бы мы ответить ему,—государство ни в каком случае не есть нечто инертное, оно всегда действует и действует очень энергично, всегда активно и никогда пассивно,—и автор сам страничкой раньше характеризовал эту активную деятельность, ее буржуазный характер, ее естественные плоды. Плохо

только то, что он не хочет видеть связи между таким ее характером и капиталистической организацией русского общественного хозяйства, и поэтому так поверхностен.

Неужели государство—волчок, неужели это—чугунное колесо? спрашивает Kleinbürger (мелкий буржуа. Р е д.), видя, что «болесо» вертится вовсе не так, как он того желал бы.

О нет,—могли бы мы ответить ему,—это не волчок, не колесо, не закон фатума, не воля провидения; его двигают «живые личности» «сквозь строй препятствий»? *) (вроде, напр., сопротивления непосредственных производителей, или представителей старо-дворянского наслоения), именно те «живые личности», которые принадлежат к имеющей перевес общественной силе. И поэтому, чтобы заставить колесо вертеться в другую сторону, надо против «живых личностей» (т.-е. общественных элементов, принадлежащих не к идеологическим состояниям, а прямо выражающих насущные экономические интересы) обратиться тоже к «живым личностям», против класса—обратиться тоже к классу. Для этого весьма недостаточно добрых и невинных пожеланий насчет «ближайших путей»,—для этого нужно «перераспределение социальной силы между классами», для этого нужно стать идеологом не того непосредственного производителя, который стоит в стороне от борьбы, а того, который стоит в самой горячей борьбе, который уже окончательно «диференцирован от жизни» буржуазного общества. Это единственный, а потому ближайший «путь к человеческому счастью»,—путь, на котором можно добиться не только смягчения отрицательных сторон положения вещей, не только сократить его существование ускорением его развития, но и совсем положить конец ему, заставив «колесо» (не государственных уже, а социальных сил) вертеться совсем в иную сторону.

> ...«Нас занимает только процесс организации третьего сословия, даже только люди, выходящие из народной среды и становящиеся в его ряды. Люди эти очень важны: они исполняют чрезвычайно важные общественные функции, от них прямо зависит степень интенсивности буржуазного порядка. Без них не обходилась ни одна страна, где только этот порядок водворялся. Если их нет, или недостаточно в стране, то их необходимо вызвать из народа, необходимо создать в народной жизни такие условия, которые способствовали бы их обра-

---

*) Г. Н. Михайловский [28]), у г. Струве, с. 8: «Живая личность со всеми своими помыслами и чувствами становится деятелем истории на свой собственный страх. Она, а не какая-нибудь мистическая сила, ставит цели в истории и движет к ним события сквозь строй препятствий, поставляемых ей стихийными силами природы и исторических условий».

зованию и выделению, необходимо, наконец, охранять их и помогать их росту, пока они не окрепнут. Здесь мы встречаемся с прямым вмешательством в исторические судьбы со стороны людей наиболее энергичных, которые пользуются обстоятельствами и минутой для своих интересов. Обстоятельства эти состоят, главным образом, в необходимости промышленного прогресса (в замене кустарного производства мануфактурным и мануфактурного фабричным, в замене одной системы полеводства другою, более рациональною), без чего государство, действительно, обойтись не может при известной густоте населения и международных сношениях, и в разладе политическом и нравственном, чтó обусловливается как экономическими факторами, так и ростом идей... Эти-то настоятельные в государственной жизни изменения и связывают обыкновенно люди ловкие с собой и с известными порядками, которые, без всякого сомнения, могли бы быть заменены и всегда могут быть заменены другими, если другие люди будут умнее и энергичнее, чем они были до сих пор».

Итак, автор не может не признать, что буржуазия исполняет «важные общественные функции»,—функции, которые обще можно выразить так: подчинение себе народного труда, руководство им и повышение его производительности. Автор не может не видеть того, что экономический «прогресс» действительно «связывается» с этими элементами, т.-е. что наша буржуазия действительно несет с собой экономический, точнее сказать, технический прогресс.

Но тут-то и начинается коренное различие между идеологом мелкого производителя и марксистом. Народник объясняет этот факт (связи между буржуазией и прогрессом) тем, что «ловкие люди» «пользуются обстоятельствами и минутой для своих интересов»,—другими словами, считает это явление случайным и потому с наивной смелостью заключает: «без всякого сомнения, эти люди всегда (!) могут быть заменены другими», которые тоже дадут прогресс, но прогресс не буржуазный.

Марксист объясняет этот факт теми общественными отношениями людей по производству материальных ценностей, которые складываются в товарном хозяйстве, делают товаром труд, подчиняют его капиталу и поднимают его производительность. Он видит тут не случайность, а необходимый продукт капиталистического устройства нашего общественного хозяйства. Он видит поэтому выход не в россказнях о том, что «могут, без сомнения», сделать люди, заменяющие буржуа (сначала ведь надо еще «заменить»,—а для этого одних слов или обращения к обществу и государству недостаточно), а в развитии тех классовых противоречий данного экономического порядка.

Всякий понимает, что эти два объяснения диаметрально противоположны, что из них вытекают две исключающие друг друга системы действия. Народник, считая буржуазию случайностью, не видит связей ее с государством и с доверчивостью «простодушного мужичка» обращается за помощью к тому, кто именно и охраняет ее интересы. Его деятельность сводится к той умеренной и аккуратной, казенно-либеральной деятельности, которая совершенно равносильна с филантропией, ибо «интересов» серьезно не трогает и нимало им не страшна. Мрксист отворачивается от этой мешанины и говорит, что не может быть иных «залогов будущего», кроме «суровой борьбы экономических классов».

Понятно также, что если эти различия в системах действия непосредственно и неизбежно вытекают из различий объяснения факта господства нашей буржуазии, — то марксист, ведя теоретический спор, ограничивается доказательством необходимости и неизбежности (при данной организации общественного хозяйства) этой буржуазии (это и вышло с книгой г. Струве) и если народник, обходя вопрос об этих различных приемах объяснения, занимается разговорами о гегельянстве и о «жестокости к личности» *),—то это наглядно показывает лишь его бессилие.

> «История третьего сословия в Зап. Европе чрезвычайно длинная... Мы, конечно, всю эту историю не повторим, вопреки учению фаталистов; просвещенные представители нашего третьего сословия не станут, конечно, также употреблять всех тех средств для достижения своих целей, к каким прибегали прежде, и возьмут из них только наиболее подходящие и соответствующие условиям места и времени. Для обезземеления крестьянства и создания фабричного пролетариата они не станут, конечно, прибегать к грубой военной силе или не менее грубой прочистке поместий»...

«Не станут прибегать»...?!! Только у теоретиков слащавого оптимизма и можно встретить такое умышленное забывание фактов прошлого и настоящего, которые уже сказали свое «да»,—и розовое упованье, что в будущем, конечно, будет «нет». Конечно это ложь.

> ...«а обратятся к уничтожению общинного землевладения, созданию фермерства, немногочисленного класса зажиточных крестьян **) и вообще к средствам, при которых экономи-

---

*) Г. Михайловский в № 10 «Р. Б.» за 1894 г.

**) Это превосходно осуществляется и без уничтожения общины, которая нисколько не устраняет раскола крестьянства,—как это установлено земской статистикой.

чески слабый погибает сам собой. Они не станут теперь создавать цехов, но будут устраивать кредитные, сырьевые, потребительные и производительные ассоциации, которые, суля общее счастье, будут только помогать сильному делаться еще сильнее, а слабому еще слабее. Они не будут хлопотать о патримониальном суде [29]), но будут хлопотать о законодательстве для поощрения трудолюбия, трезвости и образования, в которых будет подвизаться только молодая буржуазия, так как масса будет попрежнему пьянствовать, будет невежественна и будет трудиться за чужой счет».

Как хорошо характеризованы тут все эти кредитные, сырьевые и всякие другие ассоциации, все эти меры содействия трудолюбию, трезвости и образованию, к которым так трогательно относится наша теперешняя либерально-народническая печать, «Р. Б-во» в том числе. Марксисту остается только подчеркнуть сказанное, согласиться вполне, что действительно все это — не более как представительство третьего сословия, и, след., люди, пекущиеся об этом, не более как маленькие буржуа.

Эта цитата—достаточный ответ современным народникам, которые из презрительного отношения марксистов к подобным мерам заключают, что они хотят быть «зрителями», что они хотят сидеть сложа руки. Да, конечно, в буржуазную деятельность они никогда не вложат своих рук, они всегда останутся по отношению к ней «зрителями».

«Роль этого класса (выходцев из народа, мелкой буржуазии), образующего сторожевые пикеты, стрелковую цепь и авангард буржуазной армии, к сожалению, очень мало интересовала историков и экономистов, тогда как роль его, повторяем, чрезвычайно важна. Когда совершалось разрушение общины и обезземеление крестьянства, то совершалось это вовсе не одними лордами и рыцарями, а и своим же братом, т.-е. опять-таки выходцами из народа,—выходцами, наделенными практической сметкой и низкой спиной, пожалованными барской милостью, выудившими в мутной воде или приобревшими грабежом некоторый капиталец,—выходцами, которым протягивали руку высшие сословия и законодательство. Их называли наиболее трудолюбивыми, способными и трезвыми элементами народа»...

Это наблюдение с фактической стороны очень верно. Действительно, обезземеление производилось главным образом «своим же братом», мелким буржуа. Но понимание этого факта у народника неудовлетворительно. Он не отличает двух антагонистических классов, феодалов и буржуазии, представителей «старо-дворянских» и «ново-мещанских» порядков, не отличает различных систем

хозяйственной организации, не видит прогрессивного значения второго класса по сравнению с первым. Это—во-первых. Во-вторых, он приписывает рост буржуазии грабежу, сметке, лакейству и т. д., тогда как мелкое хозяйство на почве товарного производства превращает в мелкого буржуа самого трезвого, работящего хозяина: у него получаются «сбережения», и силою окружающих отношений эти «сбережения» превращаются в капитал. Прочитайте об этом в описаниях кустарных промыслов и крестьянского хозяйства, у наших беллетристов-народников.

...«Это даже не стрелковая цепь и авангард, а главная буржуазная армия, строевые нижние чины, соединенные в отряды, которыми распоряжаются штаб- и обер-офицеры, начальники отдельных частей и генеральный штаб, состоящий из публицистов, ораторов и ученых *). Без этой армии буржуазия ничего не могла бы поделать. Разве английские лендлорды, которых не насчитывается 30 тысяч, могли бы управлять голодной массой в несколько десятков миллионов без фермеров?! Фермер, это—настоящий боевой солдат в смысле политическом и маленькая экспроприирующая ячейка в смысле экономическом ...На фабриках роль фермеров исполняют мастера и подмастерья, получающие очень хорошее жалованье не за одну только более искусную работу, но и за то, чтобы наблюдать за рабочими, чтобы отходить последними от станка, чтобы не допускать со стороны рабочих требований о прибавке заработной платы или уменьшении часов труда и чтобы давать хозяевам возможность говорить, указывая на них: «смотрите, сколько мы платим тем, кто работает и приносит нам пользу»; лавочники, находящиеся в самых близких отношениях к хозяевам и заводской администрации; конторщики, всевозможных видов надсмотрщики и тому подобная мелкая тля, в жилах которой течет еще рабочая кровь, но в душе которой засел уже полновластно капитал. [Совершенно верно! К. Т.]. Конечно, то же самое, что мы видим в Англии, можно видеть и во Франции, и в Германии, и в других странах. [Совершенно верно! И в России тоже. К. Т.]. Изменяются в некоторых случаях только разве частности, да и те по большей части остаются неизменными. Французская буржуазия, восторжествовавшая в конце прошлого столетия над дворянством, или, лучше сказать, воспользовавшаяся народной победой, выделила из народа мелкую буржуазию, которая помогла обобрать и сама обобрала народ и отдала его в руки авантюристов... В то время, как в литературе пелись гимны французскому народу, когда превозносилось его величие, великодушие и любовь к свободе, когда все эти воскурівання стоя-

*) Следовало добавить: администраторов, бюрократии. Иначе указание состава «генерального штаба» грешит невозможной неполнотой,—невозможной по русским особенно условиям.

ли над Францией туманом, буржуазный кот уплетал себе курчонка и уплел его почти всего, оставив народу одни косточки. Прославленное народное землевладение оказалось микроскопическим, измеряющимся метрами и часто даже не выдерживающим расходов по взиманию налогов»...

Остановимся на этом.

Во-первых, нам интересно бы спросить народника, кто у нас «воспользовался победой над крепостным правом», над «стародворянским наслоением»? Вероятно, не буржуазия. Что делалось у нас в «народе» в то время, когда «в литературе пелись гимны», которые приводил сейчас автор, о народе, о любви к народу, о великодушии, об общинных свойствах и качествах, о «социальном взаимоприспособлении и солидарной деятельности» внутри общины, о том, что Россия—вся артель, что община,это «все, что есть в мыслях и действиях сельского люда», etc. etc. etc., что поется и по сейчас (хотя и в минорном тоне) на страницах либерально-народнической печати? Земли, конечно, не отбирались у крестьянства; буржуазный кот не уплетал курчонка, но уплел почти всего; «прославленное народное землевладение» не «оказалось микроскопическим», в нем не было превышения платежей над доходами? *).—Нет, только «мистики и метафизики» способны утверждать это, считать это фактом, брать этот факт за исходную отправную точку своих суждений о наших делах, своей деятельности, направленной не на поиски «иных путей для отечества», а на работу на данном, совершенно уже определившемся, капиталистическом пути.

Во-вторых, интерсно сравнить метод автора с методом марксистов. На конкретных рассуждениях гораздо лучше можно уяснить их различие, чем посредством отвлеченных соображений. Почему это автор говорит о французской «буржуазии», что она восторжествовала в конце прошлого века над дворянством? Почему деятельность, состоявшая преимущественно и почти исключительно из деятельности интеллигенции, именуется буржуазной? И потом, действовало ведь правительство, отбирая земли у крестьянства, налагая высокие платежи и т. д.? Наконец, ведь эти деятели говорили о любви к народу, о равенстве и всеобщем счастьи, как говорили и говорят российские либералы и народники? Можно ли при этих условиях видеть во всем этом одну «буржуазию»? Не «узок» ли этот взгляд, сводящий политические и идейные движения к Plusmacherei (прибавочной стоимости. Ред.)?—

*) И не только «часто», как во Франции, а в виде общего правила, при чем превышение исчисляется не только десятками, а даже сотнями процентов.

Смотрите, это—все те же вопросы, которыми заваливают русских марксистов, когда они однородные вещи говорят про нашу крестьянскую реформу (видя ее отличие лишь в «частностях»), про пореформенную Россию вообще. Я говорю здесь, повторяю, не о фактической правильности нашего взгляда, а о методе, который в данном случае употребляет народник. Он берет критерием—результаты («оказалось», что народное землевладение микроскопично, кот «уплетал» и «уплел» курчонка) и притом исключительно экономические результаты.

Спрашивается, почему же применяет он этот метод только по отношению к Франции, не желая употреблять его и для России? Ведь метод должен быть везде один. Если во Франции за деятельностью правительства и интеллигенции вы ищете интересов, то почему вы не ищете их на святой Руси? Если там критерий ваш ставит вопрос о том, каково «оказалось» народное змлевладение, почему здесь критерий ставится о том, каково оно «может» оказаться? Если там фразы о народе и его великодушии при наличности «уплетания курчонка» внушают вам справедливое отвращение,—почему здесь не отворачиваетесь вы, как от буржуазных философов, от тех, кто, при несомненной, вами же признаваемой наличности «уплетания», способен говорить о «социальном взаимоприспособлении», о «народной общиности», о «нуждах народной промышленности» и тому подобные вещи?

Ответ один: потому, что вы—идеолог мелкой буржуазии, потому что ваши идеи, т.-е. идеи народнические вообще, а не идеи Ивана, Петра, Сидора,—результат отражения интересов и точки зрения мелкого производителя, а вовсе не результат «чистой» *) мысли.

> «Но для нас в особенности поучительна в этом отношении Германия, опоздавшая так же, как и мы, с буржуазной реформой и потому воспользовавшаяся опытом других народов не в положительном, а в отрицательном, конечно, смысле». Состав крестьянства в Германии,—пересказывает автор Васильчикова [30]),—был неоднороден; крестьяне разделялись и по правам, и по владению, по размерам наделов. Весь процесс привел к образованию «крестьянской аристократии», «сословия мелкопоместных землевладельцев недворянского происхождения», к превращению массы «из домохозяев в чернорабочих». «Наконец, довершила дело и отрезала вся-

---

*) Выражение г-на В. В. См. «Наши направления», а также «Неделю» 1894 г. №№ 47—49.

кие легальные пути к поправлению положения рабочих полуаристократическая, полумещанская конституция 1849 г. [31]), давшая право голоса только дворянству и имущему мещанству».

Оригинальное рассуждение. Конституция «отрезала» легальные пути?! Это—еще отражение той доброй старой теории российских народников, по которой «интеллигенция» приглашалась пожертвовать «свободой», ибо таковая, дескать, служила бы лишь ей, а народ отдала бы в руки «имущего мещанства». Мы не станем спорить против этой нелепой и реакционной теории, потому что от нее отказались современные народники вообще и наши ближайшие противники, г.г. публицисты «Русского Богатства» в частности. Но мы не можем не отметить, что, отказываясь от этой идеи, делая шаг вперед к открытому признанию данных путей России, вместо разглагольствования о возможности иных путей,— эти иародники тем самым окончательно установили свою мелкобуржуазность, так как настаивание на мелких мещанских реформах в связи с абсолютным непониманием классовой борьбы ставит их на сторону либералов против тех, кто становится на сторону «антипода», видя в нем единственного, так-сказать, дестинатэра (производителя. Ред.) тех благ, о которых идет речь.

«И в Германии в это время было много людей, которые предавались только восторгам от эмансипации, предавались десять лет, двадцать лет, тридцать лет и более, люди, которые всякий скептицизм, всякое недовольство реформой считали на руку реакции и предавали их проклятию. Простодушные из них представляли себе народ в виде коня, выпущенного на волю, которого опять можно поставить в конюшню и начать на нем почтовую гоньбу (что вовсе не всегда возможно). Но были тут и плуты, льстившие народу, но под шумок ведшие другую линию,—плуты, пристроивавшиеся к таким искренно любившим народ разиням, которых можно было проводить и эксплоатировать. Ах, эти искренние разини! Когда начинается гражданская борьба, то вовсе не всякий готов к ней и вовсе не всякий к ней способен».

Прекрасные слова, которые хорошо резюмируют лучшие традиции старого русского народничества и которыми мы можем воспользоваться для характеристики отношения русских марксистов к современному русскому народничеству. Для такого употребления—не приходится много изменять в них: настолько однороден процесс капиталистического развития обеих стран; настолько однородны общественно-политические идеи, отражавшие этот процесс.

У нас тоже царят и правят в «передовой» литературе люди, которые толкуют о «существенных отличиях нашей крестьянской реформы от западной», о «санкции народного (sic) производства», о великом «наделении землей» (это выкуп-то!!) и т. п. и ждут поэтому от начальства ниспослания чуда, именуемого «обобществлением труда», ждут «десять лет, двадцать лет, тридцать лет и более», а кот—о котором мы сейчас говорили—уплетает курчонка, смотря с ласковостью сытого и спокойного зверя на «искренних разинь», толкующих о необходимости избрать другой путь для отечества, о вреде «грозящего» капитализма, о мерах помощи народу кредитами, артелями, общественными запашками и тому подобным невинным штопаньем. «Ах, эти искренние разини!».

> «Вот этот-то процесс образования третьего сословия переживаем теперь и мы, и, главным образом, наше крестьянство. Россия отстала с этим делом от всей Европы, даже от своей институтской подруги, или, вернее, пепиньерки—Германии. Главным рассадником и бродилом третьего сословия были везде в Европе города. У нас, наоборот»,—несравненно меньше городских жителей... «Главная причина этой разницы заключается в нашем народном землевладении, удерживающем население в деревне. Увеличение городского населения в Европе тесно связано с обезземелением народа и фабричной промышленностью, которая при капиталистических условиях производства нуждается в дешевом труде и в избытке его предложения. В то время, как изгоняемое из деревень европейское крестьянство шло на заработки в города, наше крестьянство, докуда хватает сил, держится за землю. Народное землевладение есть главный стратегический пункт, главный ключ крестьянской позиции, значение которого отлично понимают вожаки мещанства и потому направляют на него все свое искусство и все свои силы. Отсюда-то и происходят все нападки на общину, отсюда-то и выходят в великом множестве разные проекты об отрешении земледельца от земли во имя рациональной агрономии, во имя процветания промышленности, во имя национального прогресса и славы!»

Тут уже наглядно сказывается поверхностность народнической теории, которая, из-за мечтаний об «иных путях», совершенно неправильно оценивает действительность: усматривает «главный пункт»—в таких не играющих коренной роли юридических институтах, как формы крестьянского землевладения (общинное или подворное); видит нечто особенное в нашем мелком крестьянском хозяйстве, как будто бы это не было обыкновенное хозяйство мелких производителей, совершенно однородное—по типу своей политико-экономической организации—с хозяйством западно-европейских ремесленников и крестьян, а какое-то «народное» (!?) зе-

млевладение. По установившейся в нашей либерально-народнической печати терминологии, слово «народный» означает такой, который исключает эксплоатацию трудящегося,—так что автор своей характеристикой прямо затушевывает несомненный факт наличности в нашем крестьянском хозяйстве того же присвоения сверхстоимости, того же труда за чужой счет, какой царит и вне «общины», и настежь отворяет двери сентиментальному и слащавому фарисейству.

> «Настоящая наша община, малоземельная и обремененная податями, еще не бог весть какая гарантия. Земель у крестьянства было и без того немного, а теперь, вследствие возрастания населения и ухудшения плодородия, стало еще меньше; податная тягость не уменьшается, а увеличивается; промыслов мало; местных заработков еще меньше; жизнь в деревне становится настолько тяжелою, что крестьянство целыми деревнями уходит далеко на заработки, оставляя дома только жен и детей. Таким образом пустеют целые уезды... Под влиянием этих-то тяжелых условий жизни, с одной стороны, из крестьянства и выделяется особый класс людей—молодая буржуазия, которая стремится покупать землю на стороне, в одиночку, стремится к другим занятиям—торговле, ростовщичеству, составлению рабочих артелей, с собою во главе, получению разных подрядов и тому подобным мелким аферам».

Стоит со всей подробностью остановиться на этом месте.

Мы видим тут, во-первых, констатирование известных фактов, которые можно выразить двумя словами: крестьяне бегут; во-вторых, оценку их (отрицательную) и, в-третьих, объяснение их, из которого вытекает непосредственно и целая программа, здесь не изложенная, но слишком хорошо известная (земли прибавить, подати уменьшить; промыслы «поднять» и «развить»).

Необходимо подчеркнуть, что с точки зрения марксиста вполне и безусловно справедливо (и только выражено, как сейчас увидим, крайне неудовлетворительно) и первое и второе. Но никуда уже ровно не годится третье *).

Поясню это. Справедливо первое. Справедлив факт, что община наша—не гарантия, что крестьянство бросает деревню, уходит с земли; надо было сказать: эксплоатируется,—потому что оно владело (на правах частной собственности) известными средствами производства (из них землею на особом праве, дававшем однако тоже в частное эксплоатирование и землю, выкупаемую общинами) и теряет их. Справедливо, что кустарные про-

---

*) Вот почему теоретики марксизма, воюя с народничеством, напирают так на объяснение, понимание, на объективную сторону.

мыслы «падают» *т.-е.* и тут крестьяне экспроприируются, теряют средства и орудия производства, бросают домашнее ткачество и идут в рабочие по постройке железных дорог, в каменщики, в чернорабочие и т. д. по найму. Те средства производства, от которых освобождаются крестьяне, идут в руки ничтожного меньшинства, служа источником эксплоатации рабочей силы,—капиталом. Поэтому прав автор, что владельцы этих средств производства становятся «буржуазией», т.-е. классом, держащим в своих руках «народный» труд при капиталистической организации общественного хозяйства. Все эти факты констатированы правильно, оценены верно за их эксплоататорское значение.

Но уже из сделанного описания читатель увидел, конечно, что марксист совсем иначе объясняет эти факты. Народник видит причины этих явлений в том, что «мало земли», обременительны подати, падают «заработки»—т.-е. в особенностях политики—поземельной, податной, промышленной, а не в особенностях общественной организации производства, из которой уже неизбежно вытекает данная политика.

Земли мало—рассуждает народник—и становится все меньше. (Я беру даже не это непременно заявление автора статьи, а общее положение народнической доктрины.)—Совершенно справедливо, но почему же это вы говорите только, что земли мало, а не добавляете: мало продают. Ведь вы знаете, что наши крестьяне выкупают свои наделы у помещиков. Почему вы обращаете главное внимание на то, что мало, а не на то, что продают?

Самый уже этот факт продажи, выкупа—указывает на господство таких принципов (приобретение средств производства за деньги), при которых трудящиеся все равно останутся без средств производства, мало ли, много ли их продавать станут. Замалчивая этот факт, вы замалчиваете тот капиталистический способ производства, на почве которого только и могла появиться такая продажа. Замалчивая его, вы тем самым становитесь уже иа почву этого буржуазного общества и превращаетесь в простого политикана, рассуждающего о том, много или мало продавать земли. Вы не видите, что самый уже этот факт выкупа доказывает, что «в душе» тех, чьи интересы осуществили «великую» реформу, кто провел ее, «засел уже полновластно капитал», что для всего этого либерально-народнического «общества», которое опирается на созданные реформой порядки, политиканствуя о различных улучшениях их,—только и света, что от «капиталистической луны». Поэтому-то народник и ополчается с такой ненавистью на тех, кто последовательно стоит на принципиально иной почве.

Он поднимает крик, что они не заботятся о народе, что они хотят обезземеливать крестьян!!

Он, народник, заботится о народе, он не хочет обезземелить крестьянство, он хочет, чтобы ему земли было больше (продано). Он—честный лавочник. Правда, он умалчивает о том, что земли не даром даются, а продаются,—но разве в лавках говорят о том, что за товары надо платить деньги? Это всякий и так знает.

Понятно, что он ненавидит марксистов, которые говорят, что надо обращаться исключительно к тем, кто уже «дифференцирован» от этого лавочнического общества, «отлучен» от него,—если позволительно употребить эти характернейшие мелко-буржуазные выражения господ Михайловских и Южаковых *).

Пойдем дальше. «Промыслов мало»—вот точка зрения народника на кустарные промыслы. И опять-таки о том, какова организация этих промыслов, он умалчивает. Он благодушно закрывает глаза на то, что и те промыслы, которые «падают», и те, которые «развиваются»,—одинаково организованы капиталистически, с полным порабощением труда капиталу скупщиков, купцов и т. д., и ограничивается мещанскими требованиями прогрессов, улучшений, артелей и т. п., как будто бы подобные меры могут хоть сколько-нибудь затронуть факт господства капитала. Как в области земледелия, так и в области промышленности обрабатывающей он становится на почву данной их организации и воюет не против самой этой организации, а против различных несовершенств ее.— Что касается податей, то тут уж народник сам опроверг себя, выставив рельефно основную характеристическую черту народничества—способность на компромиссы. Выше он сам утверждал, что всякий налог (даже подоходный) ляжет на рабочие руки при наличности системы присвоения сверхстоимости,— но тем не менее он вовсе не отказывается потолковать с либеральным обществом о том, велики ли подати или малы, и преподать «с гражданской порядочностью» надлежащие советы департаменту податей и сборов.

Одним словом, причина, по мнению марксистов, не в политике, не в государстве и не в «обществе»,—а в данной системе экономической организации России; дело не в том, что «ловкие люди» или «пройдохи» ловят рыбу в мутной воде, а в том, что «народ»

---

*) Кроме замалчивания и непонимания капиталистического характера выкупа, г.г. народники скромно обходят и тот факт, что «малоземелье» крестьян дополняется наличностью весьма хороших кусочков земли у представителей «старо-дворянского» наслоения.

представляет из себя два, друг-другу противоположные, друг-друга исключающие класса: «в обществе все действующие силы слагаются в две равнодействующие, взаимнопротивоположные».

> «Люди, заинтересованные в водворении буржуазного порядка, видя крушение своих проектов *), не останавливаются на этом; они ежечасно твердят крестьянству, что виновата во всем община и круговая порука, переделы полей и мирские порядки, потворствующие лентяям и пьяницам; они устраивают для достаточных крестьян ссудо-сберегательные товарищества и хлопочут о мелком земельном кредите для участкового землевладения; они устраивают в городах технические, ремесленные и разного рода другие училища, в которых опять-таки попадают только дети достаточных людей, тогда как масса остается без школ; они помогают крестьянам улучшать скот выставками, премиями, племенными производителями, отпускаемыми из депо за плату и т. п. Все эти мелкие усилия складываются в одну значительную силу, которая действует на деревенский мир разлагающим образом и все больше и больше раскалывает крестьянство надвое».

Характеристика «мелких усилий» хороша. Мысль автора, что все мелкие усилия (на которых так усердно стоит теперь «Русское Богатство» и вся наша либерально-народническая пресса) означают, выражают и проводят «ново-мещанское» наслоение, капиталистические порядки,— совершенно справедлива.

Это обстоятельство именно и является причиной отрицательного отношения марксистов к подобным усилиям. А тот факт, что эти «усилия» несомненно представляют собою ближайшие desiderata мелких производителей,— доказывает, по их мнению, правильность основного их положения: что нельзя видеть представителя идеи труда в крестьянине, так как он, являясь при

---

*) Итак, крушение проекта об уничтожении общины—означает победу над интересами «водворения буржуазного порядка».

Сочинивши себе мещанскую утопию из «общины», народник доходит до такого замечательного игнорирования действительности, что в проекте против общины видит целое водворение буржуазного порядка, тогда как это—простое политиканство на почве вполне уже «водворенного» буржуазного строя.

Самым решительным доводом против марксизма является для него вопрос, который и задается с видом окончательного торжества: нет, вы скажите, вы хотите уничтожить общину или нет? Да или нет? Для него тут весь вопрос, все «водворение». Он абсолютно не хочет понять, что с точки зрения марксиста «водворение»—давний и уже бесповоротный факт, которого ни уничтожение общины, ни укрепление ее не затронет,—как и теперь господство капитала одинаково и в общинной и в подворной деревне.

Более глубокий протест против «водворения» народник старается выставить апологией водворения. Утопающий за соломинку хватается.

капиталистической организации хозяйства мелким буржуа, в силу этого становится на почву данных порядков, в силу этого примыкает некоторыми сторонами своей жизни (и своих идей) к буржуазии.

Этим местом небесполезно также воспользоваться, чтобы подчеркнуть следующее. Отрицательное отношение марксистов к «мелким усилиям» особенно вызывает нарекания господ народников. Напоминая им об их предках, мы тем самым показываем, что было время, когда народники иначе смотрели на это, когда они не так охотно и усердно шли на компромиссы [хотя и тогда все-таки шли, как доказывает эта же статья], когда они—не скажу: понимали,—но по крайней мере чувствовали буржуазность всех таких усилий, когда отрицание их осуждалось как «пессимизм к народу» только самыми наивными из либералов.

Приятное общение господ народников с этими последними, в качестве представителей «общества», принесло, видимо, полезные плоды.

Неспособность удовлетворяться «мелкими усилиями» буржуазного прогресса вовсе не означает абсолютного отрицания частных реформ. Марксисты вовсе не отрицают некоторой (хотя и мизерной) пользы этих мероприятий: они могут принести трудящемуся некоторое (хотя и мизерное) улучшение его положения; они ускорят вымирание особенно отсталых форм капитала, ростовщичества, кабалы и т. под., ускорят превращение их в более современные и человечные формы европейского капитализма. Поэтому марксисты, если бы их спросили, следует ли принимать такие меры, ответили бы, конечно: следует, но при этом пояснили бы свое отношение вообще к тому капиталистическому строю, который этими мерами улучшается,— при этом мотивировали бы свое согласие желанием ускорить развитие этого строя и, следовательно, финал его *).

> «Если мы обратим внимание, что у нас крестьянство разделено, как в Германии, по правам и владению, на различные категории (государственные крестьяне, удельные, бывшие помещичьи, и из них получившие полные наделы, средние и четвертные, дворовые); что общинный быт не представляется у нас общим бытом; что в юго-западном крае, встречаясь с личным землевладением, мы встречаемся опять с крестьянами тяглыми, пешими, огородными, батрачными и чиншевиками, из которых одни имеют по 100 десятин и более, а другие не имеют вершка земли; что в балтийских губер-

*) Это относится не только к «техническим и другим училищам», к улучшениям техники крестьян и кустарей, но и к «расширению крестьянского землевладения», к «кредиту» и т. п.

ниях аграрный строй представляется совершенным сколком с германского аграрного строя и т. д.,—то увидим, что и у нас есть почва для буржуазии».

Нельзя не отметить тут того мечтательного преувеличения значения общины, которым всегда грешили народники. Автор выражается так, как-будто бы «общинный быт» исключал буржуазию, исключал раздробление крестьян! Да ведь это же прямая неправда!

Всякий знает, что и общинные крестьяне тоже раздроблены по правам и наделам; что во всякой наиобщинной деревне крестьяне опять-таки раздроблены и «по правам» (безземельные, надельные, бывшие дворовые, выкупившие наделы особыми взносами, приписные etc., etc.) и «по владению»: крестьяне, которые сдали наделы, у которых их отобрали за недоимки, за то, что не обрабатывают и запускают,—и которые снимают чужие наделы; крестьяне, имеющие «вечную» землю или «покупающие на года» по нескольку десятин; наконец, крестьяне бездомовые, без всякого скота, безлошадные и многолошадные. Всякий знает, что в каждой наиобщинной деревне на этой почве хозяйственной раздробленности и товарного хозяйства растут пышные цветы ростовщического капитала, кабалы во всех ее формах. А народники все еще рассказывают свои приторные сказки о каком-то «общинном быте»!

«И молодая буржуазия у нас, действительно, растет не по дням, а по часам, растет не по одним только еврейским окраинам, но и внутри России. Выразить цифрами ее численность пока очень трудно, но, смотря на возрастающее число землевладельцев, на увеличивающееся число торговых свидетельств, на увеличивающееся число жалоб из деревень на мироедство и кулачество и т. п. признаки *), можно думать, что численность ее уже значительна».

Совершенно верно! Именно этот факт, верный для 1879 года и бесспорный, в неизмеримо большем развитии, для 1895 года, и служит одним из устоев марксистского понимания русской действительности.

Отношение к этому факту у нас одинаково отрицательное; мы оба согласны в том, что он выражает явления, противоположные интересам непосредственных производителей,— но мы совер-

*) К которым следует добавить—покупки с помощью крестьянского банка, «прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве»—улучшения техники и культуры, введение улучшенных орудий, травосеяние и т. п., развитие мелкого кредита и организацию сбыта для кустарей и т. д.

шенно различно понимаем эти факты. Теоретическую сторону этого различия я уже охарактеризовал выше, а теперь обращусь к практической.

Буржуазия—особенно деревенская—еще слаба у нас; она только еще зарождается, говорит народник. Поэтому с ней и можно еще бороться. Буржуазное направление очень еще несильно—поэтому можно еще повернуть назад. Время не ушло.

Только метафизик-социолог (превращающийся на практике в трусливого реакционного романтика) в состоянии рассуждать таким образом. Я уже не буду говорить о том, что «слабость» буржуазии деревенской объясняется отливом сильных ее элементов, ее вершин, в города,—что в деревнях это только—«солдаты», а в городах уже сидит «генеральный штаб»,—я не буду говорить о всех этих, до-нельзя очевидных извращениях факта народниками. Есть еще ошибка в этом рассуждении, которая и делает его метафизическим.

Мы имеем перед собой известное общественное отношение, отношение между деревенским мелким буржуа (богатым крестьянином, торгашом, кулаком, мироедом и т. п.) и «трудовым» крестьянином, трудовым «за чужой счет», разумеется.

Отношение это существует—народник не сможет отрицать его всеобщей распространенности. Но оно слабо—говорит он—и потому его можно еще исправить.

Историю делают «живые личности», скажем мы этому народнику, угощая его его же добром. Исправление, изменение общественных отношений, разумеется, возможно, но возможно лишь тогда, когда исходит от самих членов этих исправляемых или изменяемых общественных отношений. Это ясно, как ясен ясный божий день. Спрашивается, может ли «трудовой» крестьянин изменить это отношение? В чем оно состоит?—В том, что два мелкие производителя хозяйничают при системе товарного производства, что это товарное хозяйство раскалывает их «надвое», что оно дает одному капитал, другого заставляет работать «за чужой счет».

Каким же образом наш трудовой крестьянин изменит это отношение, когда он сам одной ногой стоит на той именно почве, которую и нужно изменять? как может он понять негодность обособленности и товарного хозяйства, когда он сам обособлен и хозяйничает на свой риск и страх, хозяйничает на рынок? когда эти условия жизни порождают в нем «помыслы и чувства», свойственные тому, кто по одиночке работает на рынок? когда он раздроблен самыми материальными условиями, величиной и хара-

ктером своего хозяйства, и в силу этого его противоположность капиталу настолько еще не развита, что он не может понять, что это именно—капитал, а не только «пройдохи» да ловкие люди?

Не очевидно ли, что следует обратиться туда, где это же (nota bene) общественное отношение развито до конца, где члены этого общественного отношения, являющиеся непосредственными производителями, сами уже окончательно «дифференцированы» и «отлучены» от буржуазных порядков, где противоположность уже развита так, что ясна сама собой, где невозможна уже никакая мечтательная, половинчатая постановка вопроса? И когда непосредственные производители, стоящие в этих передовых условиях, будут «дифференцированы от жизни» буржуазного общества не только в факте, но и в своем сознании,—тогда и «трудовое» крестьянство, поставленное в отсталые, худшие условия, увидит, «как это делается» и примкнет к своим товарищам по работе «за чужой счет».

> «Когда у нас говорят о фактах покупки крестьянами земель и объясняют, что крестьянство покупает землю и в личную собственность и миром, то никогда почти не добавляют к этому, что мирские покупки составляют только редкое и ничтожное исключение из общего правила личных покупок».

Приведя далее данные о том, как число частных землевладельцев, достигавшее 103.158 в 1861 году, оказалось 313.529 по данным 60-х годов, и сказав, что это объясняется тем, что второй раз сосчитаны мелкие собственники из крестьян, которые не считались при крепостном праве, автор продолжает:

> «это и есть наша молодая сельская буржуазия, непосредственно примыкающая и соединяющаяся с мелкопоместным дворянством».

Правда—скажем мы на это,—совершенная правда,—особенно насчет того, что она «примыкает» и «соединяется»! И поэтому к идеологам мелкой буржуазии относим мы тех, кто придает серьезное значение (в смысле интересов непосредственных производителей) «расширению крестьянского землевладения», т.-е. и автора, говорящего это на стр. 152.

Поэтому-то и считаем мы не более как политиканами людей, разбирающих вопрос о личных и мирских покупках так, как-будто бы от него зависело хоть на иоту «водворение» буржуазных порядков. Мы и тот и другой случай относим к буржуазности, ибо покупка есть покупка, деньги суть деньги в обоих случаях, т.-е. такой товар, который попадает лишь в руки мелкого бур-

жуа *), все равно, объединенного ли миром «для социального взаимоприспособления и солидарной деятельности» или разъединенного участковым землевладением.

> «Впрочем, она (молодая сельская буржуазия) тут далеко еще не вся. «Мироед»—слово, конечно, не новое на Руси, но оно никогда не имело такого значения, какое получило теперь, никогда не оказывало такого давления на односельцев, какое оказывает теперь. Мироед был лицом каким-то патриархальным, сравнительно с настоящим, — лицом, всегда подчинявшимся миру, а иногда просто лентяем, особенно и не гнавшимся за наживой.—В настоящее время слово мироед имеет другое нзачение, а в большинстве губерний оно сделалось уже родовым понятием, сравнительно мало употребляется и заменяется словами: кулак, коштан, купец, кабатчик, кошатник, подрядчик, закладчик и т. д. Это раздробление одного слова на несколько слов,—слов, отчасти тоже не новых, а отчасти совершенно новых или доселе не встречавшихся в крестьянском обиходе, показывает прежде всего на то, что в эксплоатации народа произошло разделение труда, а затем на широкое разрастание хищничества и на специализацию его. Почти в каждом селе и в каждой деревне есть один или несколько таких эксплоататоров».

Бесспорно, что этот факт разрастания хищничества подмечен верно. Напрасно только автор, как и все народники, несмотря на все эти факты, не хочет понять, что это систематическое, всеобщее, правильное (даже с разделением труда) кулачество есть проявление капитализма в земледелии, есть господство капитала в его первичных формах, который, с одной стороны, постоянно высачивает тот городской, банковский, вообще европейский капитализм, который народники считают чем-то наносным, а с другой стороны,—поддерживается и питается этим капитализмом; одним словом, что это—одна из сторон капиталистической организации русского народного хозяйства.

Кроме того, характеристика «эволюции» мироеда даст нам возможность еще уличить народника.

В реформе 1861 года народник видит санкцию народного производства, усматривает в ней существенные отличия от западной.

Те мероприятия, которых он теперь жаждет, равным образом сводятся к подобной же «санкции»—общины и т. п., к подобным же «обеспечениям наделом» и средствами производства вообще.

---

*) Речь идет, разумеется, не о таких деньгах, которые служат только для приобретения необходимых предметов потребления, а о свободных деньгах, которые могут быть сбережены для покупки средств производства.

Отчего же это, г. народник, реформа, «санкционировавшая народное (а не капиталистическое) производство», привела только к тому, что из «патриархального лентяя» получился сравнительно энергичный, бойкий, подернутый цивилизацией хищник? только к перемене формы хищничества, как и соответствующие великие реформы на Западе?

Отчего думаете вы, что следующие шаги «санкции» (вполне возможные в виде расширения крестьянского землевладения, переселений, регулирований аренды и прочих несомненных прогрессов, но только прогрессов буржуазных),—почему думаете вы, что они поведут к чему-нибудь иному, кроме дальнейшего видоизменения формы, дальнейшей европеизации капитала, перерождению его из торгового в производительный, из средневекового—в новейший?

Иначе не может быть—по той простой причине, что подобные меры нисколько не задевают капитала, т.-е. того отношения между людьми, при котором в руках одних скоплены деньги—продукт общественного труда, организованного товарным хозяйством,—а у других нет ничего кроме свободных «рук» *), свободных именно от того продукта, который сосредоточен у предыдущего разряда.

> ...«Из них (из этих кулаков и т. д.) не имеющая капитала мелюзга примыкает обыкновенно к крупным торговцам, снабжающим их кредитом или поручающим им покупку за свой счет; более самостоятельные ведут дела самостоятельно, сами сносятся с большими торговыми и портовыми городами, отправляют туда от своего имени вагоны и сами отправляются за товарами, потребными на месте. Садитесь вы на любую железную дорогу и вы непременно встретите в III классе (редко во II) десятки этого люда, отправляющегося куда-нибудь по своим делам. Вы узнаете этих людей и по особому костюму, и по крайней бесцеремонности обращения, и по резкому гоготанью над какой-нибудь барыней, которая просит не курить, или над мужичком [так и стоит: «мужичком». К. Т.], отправляющимся куда-нибудь на заработки, который оказывается «необразованным», потому что ничего не понимает в коммерции и ходит в лаптях. Вы узнаете этих людей и по разговору. Разговаривают они обыкновенно: о «курпеях», о «постных маслах», о «коже», о «снетке», о просах и т. п. Вы услышите при этом и цинические рассказы об употребляемых ими мошенничествах и фальсификациях това-

---

*) «Масса будет попрежнему... трудиться за чужой счет» (разбираемая статья, стр. 135): если бы она не была «свободна» (de facto,—de jure же, может быть, и «обеспечена наделом»), этого не могло бы, разумеется, быть.

ров: о том, как солонину, давшую «сильный дух, сбыли на фабрику», о том, что «подкрасить чай всякий сумеет, ежели раз ему показать», что «в сахар можно вогнать водою три фунта лишнего веса на голову, так что покупатель ничего не заметит», и т. д. Рассказывается все это с такой откровенностью и бесцеремонностью, что вы ясно видите, что люди эти не воруют в буфетах ложек и не отвертывают в вокзалах газовых рожков только потому, что боятся попасть в тюрьму. Нравственная сторона этих людей ниже самых элементарных требований, вся она основана на рубле и исчерпывается афоризмами: купец-ловец; на то и щука в море, чтобы карась не дремал; не плошай; присматривайся к тому, что плохо лежит; пользуйся минутой, когда никто не смотрит; не жалей слабого; кланяйся и пресмыкайся, когда можешь. И дальше приводится из газетной корреспонденции пример, как один кабатчик и ростовщик, Волков, поджег свой дом, застрахованный в большую сумму. Этого субъекта «учитель и местный священник считают самым уважаемым своим знакомым», один «учитель пишет ему за вино все кляузные бумаги». «Волостной писарь обещает ему опутать мордву». «Один земский агент и в то же время член земской управы страхует ему старый дом в 1000 р.» и т. д. «Волков—явление вовсе не единичное, а тип. Нет местности, где бы ни было своих Волковых, где бы не рассказывали вам не только о подобном же обирании и закабалении крестьян, но и о случаях подобных же поджогов»...

...«Но как же относится, однако, к подобным людям крестьянство? Если они глупы, грубо-бессердечны и мелочны, как Волков, то крестьянство не любит их и боится, боится потому, что они могут сделать ему всякую мерзость, тогда как оно им ничего сделать не может; у них дома застрахованы, у них борзые кони, крепкие запоры, злые собаки и связи с местными властями. Но если эти люди поумнее и похитрее Волкова, если они обирание и закабаление крестьянства облекают в благовидную форму, если, утаивая рубль, они в то же время во всеуслышание скидывают грош, не жалеют лишнего полштофа водки или какой-нибудь меры пшена на погорелую деревню, то они пользуются со стороны крестьян почетом, авторитетом и уважением, как кормильцы, как благодетели бедняков, без которых те, пожалуй, пропали бы. Крестьянство смотрит на них, как на людей умных, и отдает им даже детей в науку, считая за честь, что мальчик сидит в лавке, и будучи уверено, что из него выйдет человек».

Я нарочно выписал поподробнее рассуждения автора, чтобы привести характеристику нашей молодой буржуазии, сделанную противником положения о буржуазной организации русского общественного хозяйства. Разбор ее может много уяснить в теории русского марксизма, в характере ходячих нападок на него со стороны современного народничества.

По началу этой характеристики видно, что автор понимает, как-будто, глубокие корни этой буржуазии, понимает связь ее с крупной буржуазией, к которой «примыкает» мелкая, связь ее с крестьянством, которое отдает ей «детей в науку»,—но по примерам автора видно, что он далеко не достаточно оценивает силу и прочность этого явления.

Его примеры говорят об уголовных преступлениях, мошенничествах, поджогах и т. д. Получается впечатление, что «обирание и закабаление» крестьянства—какая-то случайность, результат (как выше выразился автор) тяжелых условий жизни, «грубости нравственных идей», стеснений «доступа литературы к народу» (с. 152) и т. п.— одним словом, что все это не вытекает вовсе с неизбежностью из современной организации нашего общественного хозяйства.

Марксист держится именно этого последнего мнения; он утверждает, что это вовсе не случайность, а необходимость,—необходимость, обусловленная капиталистическим способом производства, господствующим в России. Раз крестьянин становится товарным производителем (а таковыми стали уже все крестьяне),— то «нравственность» его неизбжеио уже будет «основана на рубле», и винить его за это не приходится, так как самые условия жизни заставляют ловить этот рубль всяческими торговыми ухищрениями *). При этих условиях без всякой уголовщины, без всякого лакейства, без всяких фальсификаций,—из «крестьянства» выделяются богатые и бедные. Старое равенство не может устоять перед рыночными колебаниями. Это—не рассуждение; это—факт. И факт—то, что «богатство» немногих становится при этих условиях капиталом, а «бедность» массы заставляет ее продавать свои руки, работать за чужой счет. Таким образом, с точки зрения марксиста, капитализм засел уже прочно, сложился и определился вполне не только в фабрично-заводской промышленности, а и в деревне и вообще везде на Руси.

Можете себе представить теперь, какое остроумие проявляют г.г. народники, когда в ответ на аргументацию марксиста, что причина этих «печальных явлений» в деревнях—не политика, не малоземелье, не платежи, не худые «личности», а капитализм, что все это необходимо и неизбежно при существовании капиталистического способа производства, при господстве буржуазии,— когда в ответ на это народник начинает кричать, что марксисты хотят обезземелить крестьянство, что они «предпочитают» проле-

---

*) Ср. Успенского.

тария «самостоятельному» крестьянину, что они проявляют,—как говорят провинциальные барышни и г. Михайловский в ответе г. Струве—«презрение и жестокость» к «личности»!

На этой картинке деревни, которая интересна тем, что приведена противником, мы можем видеть наглядно вздорность ходячих возражений против марксистов, выдуманность их—в обход фактов, в забвение прежних своих заявлений—все ради того, чтобы спасти, coûte que coûte, те теории мечтаний и компромиссов, которые, к счастью, не спасет уже теперь никакая сила.

Толкуя о капитализме в России, марксисты перенимают готовые схемы, повторяют как догмы положения, являющиеся слепком с других совсем условий. Ничтожное по развитию и значению капиталистическое производство России (на наших фабриках и заводах занято всего 1.400 тыс. человек) они распространяют на массу крестьянства, которое еще владеет землей. Таково одно из любимых в либерально-народническом лагере возражений.

И вот на этой же картинке деревни видим мы, что народник, описывая порядки «общинных» и «самостоятельных» крестьян, не может обойтись без той же, заимствованной из абстрактных схем и чужих догм, категории буржуазии, не может не констатировать, что она—деревенский тип, а не единичный случай, что она связана с крупной буржуазией в городах крепчайшими нитями, что она связана и с крестьянством, которое «отдает ей детей в науку», из которого, другими словами, и выходит эта молодая буржуазия. Мы видим, стало-быть, что растет эта молодая буржуазия изнутри нашей «общины», а не извне ее, что порождается она самими общественными отношениями в среде ставшего товаропроизводителем крестьянства; мы видим, что не только «1.400 тыс. человек», а и вся масса сельского русского люда работает на капитал, находится в его «заведываиии».—Кто же делает правильнее выводы из этих фактов, констатируемых не каким-нибудь «мистиком и метафизиком» марксистом, верующим в «триады» (32), а самобытным народником, умеющим ценить особенности русского быта? Народник ли, когда он толкует о выборе лучшего пути, как будто бы капитал не сделал уже своего выбора,—когда он толкует о повороте к другому строю, ожидаемом от «общества» и «государства», т.-е. от таких элементов, которые только на почве этого выбора и для него выросли? или марксист, говорящий, что мечтать об иных путях значит быть наивным романтиком, так как действительность показывает самым очевидным образом, что «путь» уже выбран, что господство капитала—факт, от которого нельзя отговориться попреками и осуждениями,—

факт, с которым могут считаться только непосредственные производители?

Другой ходячий упрек. Марксисты признают крупный капитализм в России прогрессивным явлением. Они предпочитают таким образом пролетария — «самостоятельному» крестьянину, сочувствуют обезземелению народа и, с точки зрения теории, выставляющей идеалом принадлежность рабочим средств производства, сочувствуют отделению рабочего от средств производства, т.-е. впадают в непримиримое противоречие.

Да, марксисты считают крупный капитализм явлением прогрессивным,—не потому, конечно, что он «самостоятельность» заменяет несамостоятельностью, а потому, что он создает условия для уничтожения несамостоятельности. Что касается до «самостоятельности» русского крестьянина,—то это слащавая народническая сказка, ничего более; в действительности ее нет. И приведенная картина (да и все сочинения и исследования экономического положения крестьянства) тоже содержит признание этого факта (что в действительности нет самостоятельности): крестьянство тоже, как и рабочие, работает «за чужой счет». Это признавали старые русские народники. Но они не понимали причин и характера этой *не*самостоятельности, не понимали, что это—тоже капиталистическая несамостоятельность, отличающаяся от городской меньшей развитостью, большими остатками средневековых, полукрепостнических форм капитала, и только. Сравним хотя бы ту деревню, которую нарисовал нам народник, с фабрикой. Отличие (по отношению к самостоятельности) только в том, что там видим мы «мелкую тлю», здесь—крупную, там—эксплоатацию по одиночке, приемами полукрепостиическими; здесь—эксплоатацию масс, и уже чисто капиталистическую. Понятно, что вторая прогрессивна: тот же капитализм, который не развит и потому уснащен ростовщичеством etc. в деревне, здесь—развит; та же противоположность, которая есть в деревне, здесь выражена вполне; здесь раскол уже полный, и нет возможности такой половинчатой постановки вопроса, которой удовлетворяется мелкий производитель (и его идеолог), способный распекать, журить и проклинать капитализм, но не способный отказаться от самой почвы *) этого капитализма, от доверия к его слугам, от розовых

*) Во избежание недоразумений поясню, что под «почвой» капитализма я разумею то общественное отношение, которое, в разных формах, царит в капиталистическом обществе, и которое Маркс выразил формулой: деньги—товар—деньги с плюсом.

Народнические меры не затрагивают этого отношения, не колебля

мечтаний насчет того, что «лучше бы без борьбы», как сказал великолепный г. Кривенко. Здесь уже мечты невозможны,—и это одно—гигантский шаг вперед; здесь уже ясно видно, на чьей стороне сила, и нельзя болтать о выборе пути, ибо ясно, что сначала надо «перераспределить» эту силу.

«Слащавый оптимизм»— так охарактеризовал г. Струве народничество, и это—глубоко верно. Как же не оптимизм, когда полнейшее господство капитала в деревне игнорируется, замалчивается, изображается случайностью? когда предлагаются разные кредиты, артели, общественные запашки, как-будто бы все эти «кулаки, коштаны, купцы, кабатчики, подрядчики, закладчики» и т. д., как-будто бы вся эта «молодая буржуазия» не держала уже «в руках» «каждую деревню»?—Как же не слащавость, когда люди продолжают говорить «10 лет, 20 лет, 30 лет и более»: «лучше бы без борьбы»—в то время как борьба уже идет, но только глухая, бессознательная, не освещенная идеей.

> «Перейдите теперь, читатель, в города. Здесь вы встретите еще большее число и еще большее разнообразие молодой буржуазии. Все, что становится грамотным и считает себя пригодным к более благородной деятельности, все, что считает себя достойным лучшей участи, чем жалкая участь рядового крестьянина, — все, наконец, что на этих условиях не помещается в деревне, стремится теперь в город»...

И тем не менее г.г. народники слащаво толкуют об «искусственности» городского капитализма, о том, что это—«тепличное растение», которое если не оберегать, так оно само сгинет и т. д. Стоит только посмотреть попроще на факты, и ясно будет, что эта «искусственная» буржуазия просто—переселившиеся в города деревенские мироеды, которые растут совершенно самопроизвольно на почве, освещенной «капиталистической луной» и вынуждающей каждого рядового крестьянина—дешевле купить, дороже продать.

> ...«Здесь вы встречаете: приказчиков, конторщиков, мелочных торговцев, разносчиков, разнообразных подрядчиков (штукатуров, плотников, каменщиков и т. д.), кондукторов, старших дворников, городовых, биржевых артельщиков, содержателей перевозов, съестных и постоялых дворов, хозяев

ни товарного производства, дающего в руки частных лиц деньги=продукт общественного труда, ни раскола «народа» на владельцев этих денег и голь.

Марксист обращается к этому отношению в его наиболее развитой форме, являющейся квинт-эссенцией всех остальных форм, и указывает производителю задачу и цель: уничтожить это отношение, заменить его другим.

различных мастерских, фабричных мастеров и т. д., и т. д. Все это—настоящая молодая буржуазия, со всеми ее характерными признаками. Кодекс ее морали и здесь также весьма не широк: вся деятельность основана на эксплоатации труда *), а жизненная задача заключается в приобретении капитала или капитальца для тупоумного времяпрепровождения»... ...«Я знаю, что многие радуются, смотря на этих людей, видят в них ум, энергию и предприимчивость, считают их элементами наиболее прогрессивными из народа, видят в них прямой и естественный шаг отечественной цивилизации, неровности которой сгладятся со временем. О, я давно уже знаю, что у нас создалась высшая буржуазия из людей образованных, купечества и дворянства, либо не выдержавшего кризиса 1861 года и опустившегося, либо охваченного духом времени, что буржуазия эта образовала уже кадры третьего сословия и что ей недостает только именно таких элементов из народа, без которых она ничего поделать не может и которые потому ей и нравятся»...

И тут оставлена лазейка «слащавому оптимизму»: крупной буржуазии «недостает только» буржуазных элементов в народе!! Да откуда же крупная-то буржуазия вышла, как не из народа? Уж не станет ли автор отрицать связи нашего «купечества» с крестьянством?

Здесь проглядывает стремление выставить этот рост молодой буржуазии делом случайным, результатом политики и т. п. Эта поверхностность понимания, неспособная видеть корни явления в самой экономической структуре общества,—способная перечислить со всей подробностью отдельных представителей мелкой буржуазии, но не способная понять, что самое уже мелкое самостоятельное хозяйство крестьянина и кустаря является, при данных экономических порядках, вовсе не каким-то «народным» хозяйством, а хозяйством мелко-буржуазным,—крайне типична для народника.

---

*) Неточно. Мелкий буржуа тем и отличается от крупного, что трудится и сам, как трудятся и перечисленные автором разряды. Эксплоатация труда, конечно, есть, но не исключительно одна эксплоатация.

Еще одно замечаньице: жизненная задача тех, кто не удовлетворяется участью рядового крестьянина,—приобретение капитала. Так говорит (в трезвые минуты) народник. Тенденция русского крестьянства—не общинный, а мелко-буржуазный строй. Так говорит марксист.

Какая разница между этими положениями? Не та ли только, что один дает эмпирическое бытовое наблюдение; а другой—обобщает наблюдаемые факты (выражающие реальные «помыслы и чувства» реальных «живых личностей») в политико-экономический закон?

...«Я знаю, что многие потомки древних родов занялись уже винокурением и кабаками, железнодорожными концессиями и изысканиями, засели в правления акционерных банков, пристроились даже в литературе и поют теперь новые песни. Я знаю, что многие из этих литературных песен чрезвычайно нежны и чувствительны, что говорится в них о народных нуждах и желаниях; но я знаю также и то, что обязанность порядочной литературы состоит в обнаружении намерений преподнести народу вместо хлеба камень».

Какая аркадская идиллия! Только еще намерение преподнести?!

И как это гармонирует: знает, что «уже давно» образовалась буржуазия,—и все еще видит свою задачу в «обнаружении намерений» создать буржуазию!

Вот это-то и называется «прекраснодушием», когда в виду мобилизованной уже армии, в виду выстроенных «солдат», объединенных «давно уже» образовавшимся «генеральным штабом»,— люди все еще толкуют об «обнаружении намерений», а не о вполне уже обнаружившейся борьбе интересов.

...«Французская буржуазия тоже отожествляла себя с народом и всегда предъявляла свои требования от имени народа, но всегда обманывала его. Мы считаем буржуазное направление, принятое нашим обществом за последние годы, вредным и опасным для народной нравственности и благосостояния».

В этой фразе всего нагляднее, пожалуй, сказалась мелко-буржуазность автора. Буржуазное направление объявляет он «вредным и опасным» для нравственности и благосостояния народа! Какого же это «народа», почтенный г. моралист?—того, который работал па помещиков при крепостном праве, укреплявшем «семейный очаг», «оседлость» и «святую обязанность труда»? *), или того, который после шел доставать выкупной рубль? Вы хорошо знаете, что уплата этого рубля была основным и главным условием «освобождения» и что достать этот рубль крестьянину негде, кроме как у господина Купона. Вы сами же описали, как хозяйничал этот господин, как «мещанство принесло в жизнь свою науку, свой нравственный кодекс и свои софизмы», как образовалась уже литература, поющая об «уме, предприимчивости и энергии» буржуазии. Ясно, что все дело сводится к смене двух форм общественной организации: система присвоения прибавочного труда прикрепленных к земле крепостных крестьян создала нрав-

*) Слова г-на Южакова.

ственность крепостническую; система «свободного труда», работающего «за чужой счет», на владельца денег,—создала взамен ее нравственность буржуазную.

Но мелкий буржуа боится прямо взглянуть на вещи и назвать их своим именем: он отворачивается от этих бесспорных фактов и начинает мечтать. «Нравственным» считает он только мелкое самостоятельное хозяйство (на рынок—об этом скромно умалчивается), а наемный труд—«безнравственным». Связи одного с другим—и связи неразрывной—он не понимает и считает, что буржуазная нравственность—какая-то случайная болезнь, а не прямой продукт буржуазных порядков, вырастающих из товарного хозяйства (против которого он, собственно, ничего не имеет). И вот он начинает свою старушечью проповедь: «вредно и опасно». Он не сличает новейшей формы эксплоатации с предыдущей, крепостной, он не смотрит на те изменения, которые внесла она в отношения производителя к собственнику средств производства,—он сравнивает ее с бессмысленной, мещанской утопией: с таким «мелким самостоятельным хозяйством», которое, будучи товарным хозяйством, не вело бы к тому, к чему оно ведет (ср. выше: «расцветает пышным цветом кулачество, стремится к закабалению слабейшего в батраки» и т. д.). Поэтому его протест против капитализма (как таковой, как протест—совершенно законный и справедливый) становится реакционной ламентацией.

Ои не понимает, что, заменяя ту форму эксплоатации, которая прикрепляла трудящегося к месту, такой, которая бросает его с места на место по всей стране, «буржуазное направление» делало полезную работу; что, заменяя такую форму эксплоатации, при которой присвоение прибавочного продукта опутывалось личными отношениями эксплоататора к производителю, взаимными гражданскими политическими обязательствами, «обеспечением наделом» и т. п.,—такой которая ставит на место всего этого «бессердечный чистоган», сравнивает рабочую силу со всяким другим товаром, с вещью, что «буржуазное направление» тем самым оголяет эксплоатацию от всех ее затемнений и иллюзий, а оголить ее—уже большая заслуга.

Потом еще обратите внимание на заявление, что буржуазное направление принято нашим обществом «за последние годы».—Неужели только «за последние годы»? Не выразилось ли оно вполне ясно и в 60-е годы? Не господствовало ли оно и в течение всех 70-х годов?

Мелкий буржуа и тут старается смягчить дело, представить буржуазность, характеризующую наше «общество» в течение всей

пореформенной эпохи, каким-то временным увлечением, модой. За деревьями не видеть леса—это основная черта мелко-буржуазной доктрины. За протестом против крепостного права и ярыми нападками на него—он (идеолог мелкой буржуазии) не видит буржуазности, потому что боится прямо взглянуть на экономические основы тех порядков, которые при этих яростных криках строились. За толками всей передовой («либерально-кокетливой» с. 129) литературы о кредитах, ссудо-сберегательных товариществах, о тяжести податей, о расширении землевладения и тому подобных мерах помощи «народу»—он видит лишь буржуазность «последних годов». Наконец, за сетованиями насчет «реакции», за плачем по «60-м годам»—он уже не видит вовсе лежащей в основе всего этого буржуазности, и потому все больше и больше сливается с этим «обществом».

На самом деле—в течение всех этих трех периодов пореформенной истории наш идеолог крестьянства всегда стоял рядом с «обществом» и вместе с ним, не понимая, что буржуазность этого «общества» отнимает всякую силу у его протеста против буржуазности и неизбежно осуждает его либо на мечтания, либо на жалкие мелко-буржуазные компромиссы.

Эта близость нашего народничества («в принципе» враждебного либерализму) к либеральному обществу умиляла многих и даже по сю пору продолжает умилять г-на В. В. (ср. его статью в «Неделе» за 1894 год, №№ 47—49). Из этого выводят слабость или даже отсутствие у нас буржуазной интеллигенции, что и ставится в связь с беспочвенностью русского капитализма. На самом же деле как раз наоборот: эта близость является сильнейшим доводом против народничества, прямым подтверждением его мелкобуржуазности. Как в жизни мелкий производитель сливается с буржуазией наличностью обособленного производства товаров на рынок, своими шансами выбиться на дорогу, пробиться в крупные хозяева,—так идеолог мелкого производителя сливается с либералом, обсуждая совместно вопросы о разных кредитах, артелях etc.; как мелкий производитель неспособен бороться с буржуазией и уповает на такие меры помощи, как уменьшение податей, увеличение землицы и т. п.,—так народник доверяет либеральному «обществу» и его подернутой «нескончаемой фальшью и лицемерием» болтовне о «народе». Если он иногда и обругает «общество», то тут же прибавит, что это только «за последние годы» оно испортилось, а вообще и само по себе недурно.

«Рассматривая недавно новый экономический класс, сложившийся у нас после реформы, «Современные Известия [33])

так хорошо характеризуют его: «Скромный и бородатый, в смазных сапогах, миллионер старого времени, смирявшийся перед малым полицейским чином, быстро преобразился в европейски развязного, даже бесцеремонного и надменного антрепренера, иногда украшенного очень заметным орденом и высоким чином. Присмотревшись к этому нежданно выросшему люду, с удивлением замечаешь, что большинство этих светил дня—вчерашние кабатчики, подрядчики, приказчики и т. п. Новые пришельцы оживили городскую жизнь, но не улучшили ее. Они внесли в нее суетливое движение и чрезвычайную путаницу понятий. Усиление оборотов, спрос на капитал развили лихорадку предприятий, которая превратилась в горячку игры. Множество состояний, создавшихся нежданно-негаданно, довели до высшей степени нетерпения аппетит наживы» и т. д...

«Несомненно, что подобные люди оказывают самое гибельное влияние на народную нравственность [вот в чем беда-то: в порче нравов, а вовсе не в капиталистических производственных отношениях! К. Т.], и если не сомневаться в том факте, что городские рабочие развращены более деревенских, то, конечно, нельзя сомневаться и в том, что это зависит от того, что они здесь гораздо больше окружены подобными людьми, дышат их воздухом и живут созданной ими жизнью».

Наглядное подтверждение мнения г-на Струве о реакционности народничества. «Разврат» городских рабочих пугает мелкого буржуа, который предпочитает «семейный очаг» (с снохачеством и палкой), «оседлость» (с забитостью и дикостью) и не понимает, что пробуждение человека в «коняге»— пробуждение, которое имеет такое гигантское, всемирно-историческое значение, что для него законны все жертвы,—не может не принять буйных форм при капиталистических условиях вообще, русских в особенности.

«Если русский помещик отличался дикостью, и стоило его только немного поскоблить, чтобы увидеть в нем татарина, то русского буржуа не нужно даже и скоблить. Если старое русское купечество создало темное царство, то теперь оно с новой буржуазией создадут такую тьму, в которой будет гибнуть всякая мысль, всякое человеческое чувство».

Автор жестоко ошибается. Тут должно стоять прошедшее, а не будущее время, должно было стоять и тогда, в 70-х годах.

«Ватаги новых завоевателей расходятся во все стороны и нигде и ни в ком не встречают противодействия. Помещики им покровительствуют и встречают их с радостью, земские люди выдают им громадные страховые премии, народные учителя пишут им кляузы, духовенство делает визиты, а волостные писаря помогают опутывать мордву».

Совершенно верная характеристика! «не только не встречают ни в ком противодействия», но во всех представителях «общества» и «государства»,—которых сейчас примерно исчислял автор,—встречают содействие. Поэтому—самобытная логика!—чтобы переменить дело, следует посоветовать избрать другой путь, посоветовать именно «обществу» и «государству».

> «Что же, однако, делать против подобных людей?».
> ...«Ожидать умственного развития эксплоатирующих и улучшения общественного мнения невозможно ни с точки зрения справедливости, ни с точки зрения нравственной и политической, на которые должно становиться государство».

Изволите видеть: государство должно становиться на «нравственную и политическую точку зрения»! Это уже просто одно фразерство. Разве описанные сейчас представители и агенты «государства» (начиная от волостных писарей и выше) не стоят уже на точке зрения «политической» [ср. выше: «многие радуются... считают их элементами наиболее прогрессивными из народа, видят в них прямой и естественный шаг отечественной цивилизации»] и «нравственной» [ср. там же: «ум, энергия, предприимчивость»]? К чему же вы замазываете факт раскола нравственных и политических идей, столь же враждебных, как в жизни безусловно враждебны «новые всходы»—тем, «кому буржуазия приказывает итти на работу»? К чему затушевываете вы борьбу этих идей, которая является лишь надстройкой над борьбой общественных классов?

Это—все естественный и неизбежный результат мелкобуржуазной точки зрения. Мелкий производитель сильно страдает от современных порядков, но он стоит в стороне от прямых, обнажившихся вполне противоречий, боится их и утешает себя наивно-реакционными мечтами, будто «государство должно становиться на нравственную точку зрения» и именно на точку зрения той нравственности, которая мила мелкому производителю.

Нет, вы неправы. Государство, к которому вы обращаетесь, современное, данное государство должно становиться на точку зрения той нравственности, которая мила высшей буржуазии, должно потому, что таково распределение социальной силы между наличными классами общества.

Вы возмущены. Вы начинаете кричать о том, что, признавая это «долженствование», эту необходимость, марксист защищает буржуазию.

Неправда. Вы чувствуете, что факт—против вас, и потому

прибегаете уже к фокусничанью: приписываете желание защищать буржуев тому, кто опровергает ваши мещанские мечты о выборе пути без буржуазии ссылкой на факт господства буржуазии;—кто опровергает пригодность ваших мелких, мизерных мер против буржуазии—ссылкой на глубокие корни ее в экономической структуре общества, на экономическую борьбу классов, лежащую в фундаменте «общества» и «государства»;—кто требует от идеологов трудящегося класса полного разрыва с этими элементами и исключительного служения тому, кто «доференцирован от жизни» буржуазного общества.

> «Мы не считаем, конечно, влияния литературы совсем бессильным, но для этого она должна: во-первых, лучше понимать свое назначение и не ограничиваться одним только (sic!!!) воспитанием кулачества, но и будить общественное мнение».

Вот уже вам petit bourgeois (мелкий буржуа. Ред.) в чистом виде! Если литература воспитывает кулачество, так это потому, что она плохо понимает свое назначение!! И эти господа еще удивляются, когда их называют наивными, когда про них говорят, что они—романтики!

Наоборот, почтенный г. народник: «кулачество» *) воспитывает литературу, оно дает ей идеи (об уме, энергии, предприимчивости, о естественном шаге отечественной цивилизации), оно дает ей средства. Ваше обращение к литературе так же смехотворно, как если бы кто в виду двух стоящих друг перед другом неприятельских армий обратился к адъютанту неприятельского фельдмаршала с покорной просьбой: «действовать дружнее». Совершенно то же самое.

Таково же пожелание—«будить общественное мнение».—Мнение того общества, которое «ищет идеалов с послеобеденным спокойствием»? Привычное для г.г. народников занятие, которому они предаются с таким блестящим успехом «10 лет, 20 лет, 30 лет и более».

Постарайтесь еще, господа! Наслаждающееся послеобеденным сном общество иногда мычит—наверное, это значит, что оно приготовилось дружно действовать против кулачества. Поговорите еще с ним. Allez toujours! (Вперед! Ред.).

> ...«а во-вторых, она должна пользоваться большей свободой слова и большим доступом к народу».

---

*) Это—слишком узкое слово. Надо было сказать точнее и определеннее: буржуазия.

Хорошее желание. «Общество» сочувствует этому «идеалу». Но так как оно и его «ищет» с послеобеденным спокойствием и так как оно пуще всего на свете боится нарушения этого спокойствия, то... то оно и спешит очень медленно, прогрессирует так мудро, что с каждым годом оказывается все дальше и дальше позади. Г.г. народники думают, что это—случайность, что сейчас послеобеденный сон кончится и начнется настоящий прогресс. Дожидайтесь!

> «Мы не считаем точно так же бессильным совсем и влияния воспитания и образования, но полагаем прежде всего: 1) что образование должно даваться всем и каждому, а не исключительно только личностям, выделяя их из среды и превращая в кулаков»...

«Всем и каждому»...—именно этого хотят марксисты. Но они думают, что это недостижимо на почве данных общественно-экономических отношений, потому что даже и при даровом и обязательном обучении для «образования» нужны будут деньги, каковые имеются только у «выходцев». Они думают, что и тут, следовательно, выхода нет вне «суровой борьбы общественных классов».

> ...«2) что в народные школы должен быть открыт доступ не одним только отставным дьячкам, чиновникам и разным забулдыгам, а людям действительно порядочным и искренно любящим народ».

Трогательно! Но ведь те, кто видит «ум, предприимчивость и энергию» в «выходцах из народа»,—также уверяют (и не всегда неискренно), что «любят народ», из них многие, несомненно, «действительно порядочные» люди? Кто же тут судить будет? Критически мыслящие и нравственно-развитые личности? Но не сказал ли сам автор, что презрением нельзя действовать на этих выходцев? *).

Мы опять, в заключение, стоим у той же основной черты народничества, которую пришлось констатировать в самом начале—отворачивание от фактов.

Когда народник дает описание фактов,—он сам всегда вынужден признать, что действительность принадлежит капиталу, что действительная наша эволюция—капиталистическая, что сила находится в руках буржуазии. Это признал сейчас, напр., и автор комментируемой статьи, констатировавший, что у нас создалась «мещанская культура», что итти на работу приказывает народу буржуазия, что буржуазное общество занято только утробными

---

*) Стр. 151: «...не презирают ли они уже раньше (заметьте хорошенько это «уже раньше») тех, кто мог бы их презирать?»

процессами и послеобеденным сном, что «мещанство» создало даже буржуазную науку, буржуазную нравственность, буржуазные софизмы политики, буржуазную литературу.

И тем не менее все народнические рассуждения всегда основаны на обратном предположении: что сила не на стороне буржуазии, а на стороне «народа». Народник толкует о выборе пути (рядом с признанием капиталистического характера действительного пути), об обобществлении труда (находящегося в «заведывании» буржуазии), о том, что государство должно стать на нравственную и политическую точку зрения, что учить народ должны именно народники и т. д., как будто бы сила была уже на стороне трудящихся или их идеологов, и оставалось уже только указать «ближайшие», «целесообразные» и т. п. приемы употребить эту силу.

Все это—сплошная приторная ложь. Можно еще себе представить raison d'être (основание. Ред.) для подобных иллюзий полвека тому назад, в те времена, когда прусский регирунсрат[34]) открывал в России «общину»,—но теперь, после свыше чем 30-летней истории «свободного» труда, это—не то насмешка, не то фарисейство, слащавое лицемерие.

В разрушении этой благонамеренной и прекраснодушной лжи заключается основная теоретическая задача марксизма. Первая обязанность тех, кто хочет искать «путей к человеческому счастью»—не морочить самих себя, иметь смелость признать откровенно то, что есть.

И когда идеологи трудящегося класса поймут это и прочувствуют,—тогда они признают, что «идеалы» должны заключаться не в построении лучших и ближайших путей, а в формулировке задачи и целей той «суровой борьбы общественных классов», которая идет перед нашими глазами в нашем капиталистическом обществе; что мерой успеха своих стремлений является не разработка советов «обществу» и «государству», а степень распространения этих идеалов в определенном классе общества; что самым высоким идеалам цена—медный грош, покуда вы не сумели слить их неразрывно с интересами самих участвующих в экономической борьбе, слить с теми «узкими» и мелкими житейскими вопросами данного класса, в роде вопроса о «справедливом вознаграждении за труд», на которые с таким величественным пренебрежением смотрит широковещательный народник.

...«Но этого мало, умственное развитие, как это мы видим, к сожалению, на каждом шагу, не гарантирует еще человека от хищных поползновений и инстинктов. А потому должны

быть приняты немедленно меры к ограждению деревни от хищничества, должны быть, прежде всего, приняты меры к ограждению нашей общины, как формы общежития, помогающей нравственному несовершенству человеческой природы. Община раз навсегда должна быть обеспечена. Но этого еще мало: община, при настоящих ее экономических условиях и податных тягостях, существовать не может, а потому нужны меры к расширению крестьянского землевладения, уменьшению податей, организации народной промышленности».

«Вот те средства против кулачества, на которых должна сойтись вся порядочная литература и стоять за них. Средства эти, конечно, не новы; но дело в том, что это единственные в своем роде средства, а в этом далеко еще не все убеждены». (Конец.)

Вот вам и программа этого широковещательного народника! Из описания фактов видели мы, что повсюду обнаруживается полное противоречие экономических интересов,—«повсюду» не только в том смысле, что и в городе и в деревне, и внутри общины и вне ее, и в фабрично-заводской и в «народной» промышленности, но и за пределами хозяйственных явлений—и в литературе и в «обществе», в сфере идей нравственных, политических, юридических и т. д. А наш рыцарь—Kleinbürger проливает горькие слезы и взывает: «немедленно принять меры к ограждению деревни». Мещанская поверхностность понимания и готовность итти на компромиссы выступает с полной очевидностью. Самая эта деревня, как мы видели, представляет из себя раскол и борьбу, представляет строй противоположных интересов,— но народник видит корень зла не в самом этом строе, а в частных недостатках его, строит свою программу не на том, чтобы придать идейность идущей борьбе, а на том, чтобы «оградить» деревню от случайных, незаконных, извне являющихся «хищников»! И кому же, достопочтенный г. романтик, следует принять меры к ограждению? Тому «обществу», которое удовлетворяется утробными процессами на счет именно тех, кого ограждать следует? Земским, волостным и всяким другим агентам, которые живут долями прибавочной стоимости и поэтому, как мы сейчас видели, оказывают не противодействие, а содействие?

Народник находит, что это—грустная случайность, не более,— результат дурного «понимания своего назначения»; что достаточно призыва «сойтись и действовать дружно», чтобы все подобные элементы «сошли с неверного пути». Он не хочет видеть, что если в отношениях экономических сложилась система Plusmacherei, сложились такие порядки, что иметь средства и досуг для обра-

зования может только «выходец из народа», а «масса» должна «остаться невежественной и трудиться за чужой счет»,—то прямым уже и непосредственным следствием их является то, что в «общество» попадают только представители первых, что из этого же «общества» да из «выходцев» только и могут рекрутироваться волостные писаря, земские агенты и так далее, которых народник имеет наивность считать чем-то стоящим выше экономических отношений и классов над ними.

Поэтому и воззвание его: «оградите» обращается совсем не по адресу.

Он успокаивается либо на мещанских паллиативах (борьба с кулачеством—см. выше о ссудо-сберегательных товариществах, кредите, о законодательстве для поощрения трезвости, трудолюбия и образования; расширение крестьянского землевладения—см. выше о земельном кредите и покупке земли; уменьшение податей—см. выше о подоходном налоге), либо на розовых институтских мечтаниях—«организовать народную промышленность».

Да разве она уже не организована? Разве вся эта вышеописанная молодая буржуазия не организовала уже по-своему, по-буржуазному эту «народную промышленность»? Иначе как бы могла она «держать каждую деревню в своих руках»? Как бы могла она «приказывать народу итти на работу» и присвоивать сверхстоимость?

Народник доходит до высшей степени высоконравственного возмущения. Безнравственно—кричит он—признавать капитализм «организацией», когда он построен на анархии производства, на кризисах, на постоянной, нормальной и все углубляющейся безработице масс, на безмерном ухудшении положения трудящихся.

Напротив. Безнравственно подрумянивать истину, изображать чем-то случайным, нечаянным порядки, характеризующие всю пореформенную Россию. Что всякая капиталистическая нация несет технический прогресс и обобществление труда ценой калечения и уродования производителя,—это установлено уже давным давно. Но обращать этот факт в материал моральных собеседований с «обществом» и, закрывая глаза на идущую борьбу, лепетать с послеобеденным спокойствием: «оградите», «обеспечьте», «организуйте»—значит быть романтиком, наивным, реакционным романтиком.

Читателю покажется, вероятно, что этот комментарий не имеет никакой связи с разбором книги г. Струве. По-моему, это—отсутствие лишь внешней связи.

Книга г. Струве совсем не открывает русский марксизм. Она только впервые выносит в нашу печать теории, сложившиеся и изложенные уже раньше *) [35]). Этому вынесению предшествовала, как было уже замечено, ожесточенная критика марксизма в либерально-народнической печати,—критика, запутавшая и исказившая дело.

Не ответив на эту критику, нельзя было, во-первых, подойти к современному положению вопроса; во-вторых, нельзя было понять книги г-на Струве, ее характера и назначения.

Старая народническая статья взята была для ответа потому, что нужна была принципиальная статья и, сверх того, статья сохраняющая хотя бы некоторые заветы старого русского народничества, ценные для марксизма.

Этим комментарием мы старались показать выдуманность и вздорность ходячих приемов либерально-народнической полемики. Рассуждения на тему, что марксизм связывается с гегельянством **), с верой в триады, в абстрактные, не требующие проверки фактами, догмы и схемы, в обязательность для каждой страны пройти через фазу капитализма и т. п.,—оказываются пустой болтовней.

Марксизм видит свой критерий в формулировке и в теоретическом объяснении идущей перед нашими глазами борьбы общественных классов и экономических интересов.

Марксизм не основывается ни на чем другом, кроме как на фактах русской истории и действительности; он представляет из себя тоже идеологию трудящегося класса, но только он совершенно иначе объясняет общеизвестные факты роста и побед русского капитализма, совсем иначе понимает задачи, которые ставит наша действительность идеологам непосредмственных производителей. Поэтому, когда марксист говорит о необходимости, неизбежности, прогрессивности русского капитализма,—он исходит из общеустановленных фактов, которые именно в силу их общеустановленности, в силу их не-новизны и не всегда приводятся; он дает иное объяснение тому, что́ рассказано и пересказано народнической литературой,—и если народник в ответ на это кричит, что марксист не хочет знать факта, тогда для уличения его достаточно даже простой ссылки на любую принципиальную народническую статью 70-х годов.

Перейдем теперь к разбору книги г. Струве.

---

*) Ср. *В. В.* «Очерки теоретической экономии». СПБ. 1895, стр. 257—8.

**) Я говорю, разумеется, не об историческом происхождении марксизма, а о его современном содержании.

ГЛАВА II.

Критика народнической социологии.

«Сущность» народничества, его «основную идею» автор видит в «теории самобытного экономического развития России». Теория эта, по его словам, имеет «два основных источника: 1) определенное учение о роли личности в историческом процессе и 2) непосредственное убеждение в специфическом национальном характере и духе русского народа и в особенных его исторических судьбах» (2). В примечании к этому месту автор указывает, что «для народничества характерны вполне определенные социальные идеалы» *), и говорит, что экономическое мировоззрение народников он излагает ниже.

Такая характеристика сущности народничества требует, мне кажется, некоторого исправления. Она слишком абстрактна, идеалистична, указывая господствующие теоретические идеи народничества, но не указывая ни его «сущнотси», ни его «источника». Остается совершенно неясным, почему указанные идеалы соединялись с верой в самобытное развитие, с особым учением о роли личности, почему эти теории стали «самым влиятельным» течением нашей общественной мысли. Если автор, говоря о «социологических идеях народничества» (заглавие 1-й главы), не мог однако ограничиться чисто социологическими вопросами (метод в социологий), а коснулся и воззрений народников на русскую экономическую действительность, то он должен был указать сущность этих воззрений. Между тем, в указанном примечании это сделано лишь на половину. Сущность народничества—представительство интересов производителей с точки зрения мелкого производителя, мелкого буржуа. Г. Струве в своей немецкой статье о книге г. Н.—она

*) Конечно, этого выражения: «вполне определенные идеалы» нельзя понимать буквально, т.-е. в том смысле, чтобы народники «вполне определенно» знали, чего они хотят. Это было бы совершенно неверно. Под «вполне определенными идеалами» следует разуметь не более как идеологию непосредственных производителей, хотя бы эта идеология и была самая расплывчатая.

(Socialpolitisches Centralblatt, 1893, № 1) [36]) назвал народничество «национальным социализмом» («Русское Богатство», 1893, № 12, стр. 185). Вместо «национальный» следовало бы сказать «крестьянский»—по отношению к старому русскому народничеству и «мещанский» по отношению к современному. «Источник» народничества—преобладание класса мелких производителей в пореформенной капиталистической России.

Необходимо пояснить эту характеристику. Выражение «мещанский» употребляю я не в обыденном, а в политико-экономическом значении слова. Мелкий производитель, хозяйничающий при системе товарного хозяйства,—вот два признака, составляющие понятие «мелкого буржуа», Kleinbürger'а, или, что то же, мещанина. Сюда подходят таким образом и крестьянин и кустарь, которых народники ставили всегда на одну доску—и вполне справедливо, так как оба представляют из себя таких производителей, работающих на рынок, и отличаются лишь степенью развития товарного хозяйства. Далее, я отличаю старое *) и современное народничество на том основании, что это была до некоторой степени стройная доктрина, сложившаяся в эпоху, когда капитализм в России был еще весьма слабо развит, когда мелко-буржуазный характер крестьянского хозяйства совершенно еще не обнаружился, когда практическая сторона доктрины была чистая утопия, когда народники резко сторонились от либерального «общества» и «шли в народ». Теперь не то: капиталистический путь развития России никем уже не отрицается, разложение деревни—бесспорный факт. От стройной доктрины народничества с детской верой в «общину» остались одни лохмотья. В отношении практическом—на место утопии выступила вовсе не утопическая программа мелко-буржуазных «прогрессов», и только пышные фразы напоминают об исторической связи этих убогих компромиссов с мечтами о лучших и самобытных путях для отечества. Вместо отделения от либерального общества мы видим самое трогательное сближение с ним. Вот эта-то перемена и заставляет отличать идеологию крестьянства от идеологии мелкой буржуазии.

Эта поправка насчет действительного содержания народничества казалась тем более необходимой, что указанная абстрактность изложения у г-на Струве—основной его недостаток; это—во-первых. А во-вторых, «некоторые основные» положения той доктрины,

---

*) Под старыми народниками я разумею не тех, кто двигал, напр., «Отечественные Записки», а тех именно,, «кто шел в народ».

которою г. Струве не связан, требуют именно сведения общественных идей к общественно-экономическим отношениям. И мы постараемся теперь доказать, что без такого сведения нельзя уяснить себе даже чисто теоретических идей народничества, вроде вопроса о методе в социологии.

Указавши, что народническое учение об особом методе в социологии всего лучше изложено г.г. Миртовым [37]) и Михайловским, г. Струве характеризует это учение как «субъективный идеализм» и в подтверждение этого приводит из сочинений названных лиц ряд мест, на которых стоит остановиться.

Оба автора ставят во главу угла положение, что историю делали «одинокие борющиеся личности». «Личности создают историю» (Миртов). Еще яснее у г. Михайловского: «Живая личность со всеми своими помыслами и чувствами становится деятелем истории на свой собственный страх. Она, а не какая-нибудь мистическая сила, ставит цели в истории и движет к ним события сквозь строй препятствий, поставляемых ей стихийными силами природы и исторических условий» (8). Это положение—что историю делают личности — теоретически совершенно бессодержательно. История вся и состоит из действий личностей, и задача общественной науки состоит в том, чтобы объяснить эти действия, так что указание на «право вмешательства в ход событий» (слова г. Михайловского, цитированные у г. Струве, с. 8) сводится к пустой тавтологии. Особенно ясно обнаруживается это на последней тираде у г. Михайловского. Живая личность,—рассуждает он,—движет события сквозь строй препятствий, поставляемых стихийными силами исторических условий. А в чем состоят эти «исторические условия?» По логике автора, опять-таки в действиях других «живых личностей». Неправда ли, какая глубокая философия истории: живая личность движет события сквозь строй препятствий, поставляемых другими живыми личностями! И почему это действия одних личностей именуются стихийными, а о других говорится, что они «двигают события» к поставленным заранее целям? Ясно, что искать тут хоть какого-нибудь теоретического содержания было бы предприятием едва ли не безнадежным. Дело все в том, что те исторические условия, которые давали для наших субъективистов материал для «теории», представляли из себя (как представляют и теперь) отношения антагонистические, порождали экспроприацию производителя. Не умея понять этих антагонистических отношений, не умея найти в них же такие общественные элементы, к которым бы могли примкнуть «одинокие личности», субъективисты ограничивались сочинением

теорий, которые утешали «одиноких» личностей тем, что историю делали «живые личности». Решительно ничего, кроме хорошего желания и плохого понимания знаменитый «субъективный метод в социалогии» не выражает. Дальнейшее рассуждение г. Михайловского, приводимое у автора, наглядно подтверждает это.

Европейская жизнь,—говорит г. Михайловский,—«складывалась так же бессмысленно и безнравственно, как в природе течет река или растет дерево. Река течет по направлению наименьшего сопротивления, смывает то, что может смыть, будь это алмазная копь, огибает то, чего смыть не может, будь это навозная куча. Шлюзы, плотины, обводные и отводные каналы устраиваются по инициативе человеческого разума и чувства. Этот разум и это чувство, можно сказать, не присутствовали (? П. С.) при возникновении современного экономического порядка в Европе. Они были в зачаточном состоянии, и воздействие их на естественный стихийный ход вещей было ничтожно» (9).

Г. Струве ставит вопросительный знак, и мы недоумеваем, почему он поставил его при одном только слове, а не при всех словах: до того бессодержательна вся эта тирада! Что это за чепуха, будто разум и чувство не присутствовали при возникновении капитализма? Да в чем же состоит капитализм, как не в известных отношениях между людьми, а таких людей, у которых бы не было разума и чувства, мы еще не знаем. И что это за фальшь, будто воздействие разума и чувства тогдашних «живых личностей» на «ход вещей» было «ничтожно»? Совсем напротив. Люди устраивали тогда, в здравом уме и твердой памяти, чрезвычайно искусные шлюзы и плотины, загонявшие непокорного крестьянина в русло капиталистической эксплоатации; они создавали чрезвычайно хитрые обводные каналы политических и финансовых мероприятий, по которым (каналам) устремлялись капиталистическое накопление и капиталистическая экспроприация, не удовлетворявшиеся действием одних экономических законов. Одним словом, все эти заявления г. Михайловского так чудовищно неверны, что одними теоретическими ошибками их не объяснишь. Они объясняются вполне той мещанской точкой зрения, на которой стоит этот писатель. Капитализм обнаружил уже совершенно ясно свои тенденции, он развил присущий ему антагонизм до конца, противоречие интересов начинает уже принимать определенные формы, отражаясь даже в русском законодательстве,—но мелкий производитель стоит в стороне от этой борьбы. Он еще привязан к старому буржуазному обществу своим крохотным хозяйством и потому, будучи угнетаем капиталистическим строем, он не в состоянии понять истинных причин своего угнетения и продолжает утешать

себя иллюзиями, что все беды оттого, что разум и чувство людей находятся еще «в зачаточном состоянии».

«Конечно,—продолжает идеолог этого мелкого буржуа,—люди всегда старались так или иначе повлиять на ход вещей».

«Ход вещей» и состоит в действиях и «влияниях» людей и ни в чем больше, так что это опять пустая фраза.

«Но они руководствовались при этом указаниями самого скудного опыта и самыми грубыми интересами; и понятно, что только в высшей степени редко эти руководители могли случайно натолкнуть на путь, указываемый современной наукой и современными нравственными идеями» (9).

Мещанская мораль, осуждающая «грубость интересов» вследствие неумения сблизить свои «идеалы» с какими-нибудь насущными интересами; мещанское закрывание глаз на происшедший уже раскол, ярко отражающийся и на современной науке и на современных нравственных идеях.

Понятно, что все эти свойства рассуждений г. Михайловского остаются неизменными и тогда, когда он переходит к России. Он «приветствует от всей души» столь же странные россказни некоего г. Яковлева [38]), что Россия—tabula rasa, что она может начать с начала, избегать ошибок других стран и т. д. и т. д. И все это говорится в полном сознании того, что на этой tabula rasa очень еще прочно держатся представители «старо-дворянского» уклада, с крупной поземельной собственностью и с громадными политическими привилегиями, что на ней быстро растет капитализм с его всевозможными «прогрессами». Мелкий буржуа трусливо закрывает глаза на эти факты и уносится в сферу невинных мечтаний о том, что «мы начинаем жить теперь, когда наука уже обладает и некоторыми истинами и некоторым авторитетом».

Итак, уже из тех рассуждений г. Михайловского, которые приведены у г. Струве, явствует классовое происхождение социологических идей народничества.

Не можем не оставить без возражения одно замечание г. Струве против г. Михайловского. «По его взгляду,—говорит автор,—не существует непреодолимых исторических тенденций, которые, как таковые, должны служить, с одной стороны, исходным пунктом, с другой—обязательными границами для целесообразной деятельности личности и общественных групп» (11).

Это—язык объективиста, а не марксиста (материалиста). Между этими понятиями (системами воззрений) есть разница, на которой следует остановиться, так как неполное уяснение этой разницы

принадлежит к основному недостатку книги г. Струве, проявляясь в большинстве его рассуждений.

Объективист говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения. Объективист говорит о «непреодолимых исторических тенденциях»; материалист говорит о том классе, который «заведует» данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия других классов. Таким образом, материалист, с одной стороны, последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, какой именно класс определяет эту необходимость. В данном случае, напр., материалист не удовлетворился бы констатированием «непреодолимых исторических тенденций», а указал бы на существование известных классов, определяющих содержание данных порядков и исключающих возможность выхода вне выступления самих производителей. С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы *).

От г. Михайловского автор переходит к г. Южакову, который не представляет из себя ничего самостоятельного и интересного. Г. Струве совершенно справедливо отзывается о его социологических рассуждениях, что это—«пышные слова», «лишенные всякого содержания». Стоит остановиться на чрезвычайно характерном (для народничества вообще) различии между г. Южаковым и г. Михайловским. Г. Струве отмечает это различие, называя г-на Южакова «националистом», тогда как, де, г. Михайловскому «всякий национализм всегда был совершенно чужд» и для него, по его собственным словам, «вопрос о народной правде обнимает не только русский народ, а весь трудящийся люд всего цивилизованного мира». Мне кажется, что за этим различием проглядывает еще отражение двойственного положения мелкого производителя,

*) Конкретные примеры неполного проведения материализма у г. Струве и невыдержанности у него теории классовой борьбы будут указываться ниже в каждом отдельном случае.

который является элементом прогрессивным, поскольку он начинает, по бессодержательно-удачному выражению г. Южакова, «диференцироваться от общества,» — и элементом реакционным, поскольку борется за сохранение своего положения, как мелкого хозяина, и старается задержать экономическое развитие. Поэтому и русское народничество умеет сочетать прогрессивные, демократические черты доктрины с реакционными, вызывающими сочувствие «Московских Ведомостей». Что касается до этих последних, то трудно было бы, думается, рельефнее выставить их, чем сделал это г. Южаков в следующей тираде, приводимой у г. Струве.

«Только крестьянство всегда и всюду являлось носителем чистой идеи труда. Повидимому, эта же идея вынесена на арену современной истории так-называемым четвертым сословием, городским пролетариатом, но видоизменения, претерпенные ее сущностью, при этом так значительны, что крестьянин едва ли бы узнал в ней обычную основу своего быта. Право на труд, а не святая обязанность труда, обязанность в поте лица добывать хлеб свой [так вот что скрывалось за «чистой идеей труда»! Чисто крепостническая идея об «обязанности» крестьянина добывать хлеб.. для исполнения своих повинностей? Об этой «святой» обязанности говорится забитому и задавленному ею коняге!! *]; затем выделение труда и вознаграждение за него, вся эта агитация о справедливом вознаграждении за труд, как будто не сам труд в плодах своих создает это вознаграждение; [«Что это,—спрашивает г. Струве,—sancta simplicitas (святая простота. Ред.) или нечто иное?» Хуже. Это—апофеоз послушливости прикрепленного к земле батрака, привыкшего работать на других чуть не даром]; диференцирование труда от жизни в какую-то отвлеченную (?! П. С.) категорию, изображаемую столькими-то часами пребывания на фабрике, не имеющими никакого иного (?! П. С.) отношения, никакой связи с повседневными интересами работника; [чисто мещанская трусость мелкого производитель, которому порой очень и очень плохо приходится от современной капиталистической организации, но который пуще всего на свете боится серьезного движения против этой организации со стороны элементов, окончательно «диференцировавшихся» от всякой связи с ней]; наконец, отсутствие оседлости, домашнего, созданного трудом очага, изменчивость поприща труда,—все это совершенно чуждо идее кре-

*) Автор не знает, должно быть,—как и подобает маленькому буржуа,—что западно-европейский трудящийся люд давно перерос ту стадию развития, когда он требовал «права на труд», и требует теперь «права на леность», права на отдых от чрезмерной работы, которая калечит и давит его.

стьянского труда. Трудовой, от отцов и дедов завещанный очаг, труд, проникающий своими интересами всю жизнь и строящий ее мораль—любовь к политой потом многих поколений ниве,—все это, составляющее неотъемлемую отличительную черту крестьянского быта, совершенно незнакомо рабочему пролетариату, а потому, в то время, как жизнь последнего, хотя и трудовая, строится на морали буржуазной (индивидуалистической и опирающейся на принцип приобретенного права), а в лучшем случае отвлеченно-философской, в основе крестьянской морали лежит именно труд, его логика, его требования» (18). Тут выступают уже в чистом виде реакционные черты мелкого производителя, его забитость, заставляющая его верить в то, что ему навеки суждена «святая обязанность» быть конягой; его «завещанный от отцов и дедов» сервилизм; его привязанность к отдельному крохотному хозяйству, боязнь потерять которое вынуждает его отказаться даже от всякой мысли о «справедливом вознаграждении» и выступать врагом всякой «агитации»,—которое, вследствие низкой производительности труда и прикрепления трудящегося к одному месту, делает его дикарем и, силою одних уже хозяйственных условий, необходимо порождает его забитость и сервилизм. Разрушение этих реакционных черт должно быть безусловно поставлено в заслугу нашей буржуазии; прогрессивная работа ее состоит именно в том, что она порвала все связи трудящегося с крепостническими порядками, с крепостническими традициями. Средневековые формы эксплоатации, которые были прикрыты личными отношениями господина к его подданному, местного кулака и скупщика к местным крестьянам и кустарям, патриархального «скромного и бородатого миллионера» к его «ребятам», и которые в силу этого порождали ультра-реакционные идеи,—эти средневековые формы она заменила и продолжает заменять эксплоатацией «европейски-развязного антрепренера», эксплоатацией безличной, голой, ничем неприкрытой и уже тем самым разрушающей нелепые иллюзии и мечтания. Она разрушила прежнюю обособленность крестьянина («оседлость»), который не хотел, да и не мог знать ничего, кроме своего клочка земли, и, обобществляя труд и чрезвычайно повышая его производительность, стала силой выталкивать производителя на арену общественной жизни.

Г. Струве говорит по поводу этого рассуждения г-на Южакова: «Таким образом, г. Южаков с полной ясностью документирует славянофильские корни народничества» (18) и ниже, подводя итоги своему изложению социологических идей народничества, он добавляет, что вера в «самобытное развитие России» составляет

«историческую связь между славянофильством и народничеством» и что поэтому спор марксистов с народниками есть «естественное продолжение разногласия между славянофильством и западничеством» (29). Это последнее положение, мне кажется, требует ограничения. Бесспорно, что народники очень и очень повинны в квасном патриотизме самого низкого разбора (г. Южаков, напр.). Бесспорно и то, что игнорирование социологического метода Маркса и его постановки вопросов, касающихся непосредственных производителей, равносильно для тех русских людей, кто хочет представлять интересы этих непосредственных производителей, с полным отчуждением от западной «цивилизации». Но сущность народничества лежит глубже, не в учении о самобытности и славянофильстве, а в представительстве интересов и идей русского мелкого производителя. Поэтому среди народников и были писатели (и это были лучшие из народников), которые, как это признал и г. Струве, не имели ничего общего с славянофильством, которые даже признавали, что Россия вступила на тот же путь, что и Западная Европа. С такими категориями, как славянофильство и западничество, в вопросах русского народничества никак не разобраться. Народничество отразило такой факт русской жизни, который почти еще отсутствовал в ту эпоху, когда складывалось славянофильство и западничество, именно: противоположность интересов труда и капитала. Оно отразило этот факт через призму жизненных условий и интересов мелкого производителя, отразило поэтому уродливо, трусливо, создав теорию, выдвигающую не противоречия общественных интересов, а бесплодные упования на иной путь развития, и наша задача исправить эту ошибку народничества, показать, какая общественная группа может явиться действительным представителем интересов непосредственных производителей.

Переходим теперь ко второй главе книги г. Струве.

План изложения у автора следующий: сначала он указывает те общие соображения, которые заставляют считать материализм единственно правильным методом общественной науки; затем излагает воззрения Маркса и Энгельса и, наконец, применяет полученные выводы к некоторым явлениям русской жизни. Вследствие особенной важности предмета этой главы, мы попытаемся подробнее разобрать ее содержание, отмечая все те пункты, которые вызывают возражение.

Автор начинает с совершенно справедливого указания на то,

что теория, сводящая общественный процесс к действиям «живых личностей», которые «ставят себе цели» и «двигают события»,—есть результат недоразумения. Никто, разумеется, и не думал никогда о том, чтобы приписывать «социальной группе самостоятельное, независимое от составляющих ее личностей, существование» (31), но дело в том, что «личность, как конкретная индивидуальность, есть производная всех раньше живших и современных ей личностей, т.-е. социальной группы» (31). Поясним мысль автора. Историю делает,—рассуждает г. Михайловский,—«живая личность со всеми своими помыслами и чувствами». Совершенно верно. Но чем определяются эти «помыслы и чувства»? Можно ли серьезно защищать то мнение, что они появляются случайно, а не вытекают необходимо из данной общественной среды, которая служит материалом, объектом духовной жизни личности и которая отражается в ее «помыслах и чувствах» с положительной или отрицательной стороны, в представительстве интересов того или другого общественного класса? И далее: по каким признакам судить нам о реальных «помыслах и чувствах» реальных личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: действия этих личностей,—а так как речь идет только об общественных «помыслах и чувствах», то следует добавить еще: общественные действия личностей, т.-е. социальные факты. «Обособляя социальную группу от личности,—говорит г. Струве,—мы подразумеваем под первой все те многообразные взаимодействия между личностями, которые возникают на почве социальной жизни и объективируются в обычаях и праве, в нравах и нравственности, в религиозных представлениях» (32). Другими словами: социолог-материалист, делающий предметом своего изучения определенные общественные отношения людей, тем самым уже изучает и реальных личностей, из действий которых и слагаются эти отношения. Социолог-субъективист, начиная свое рассуждение якобы с «живых личностей», на самом деле начинает с того, что вкладывает в эти личности такие «помыслы и чувства», которые он считает рациональными (потому что, изолируя своих «личностей» от конкретной общественной обстановки, он тем самым отнял у себя возможность изучить действительные их помыслы и чувства), т.-е. «начинает с утопии», как это и пришлось признать г-ну Михайловскому *). А так как, далее, собственные представления этого социолога о рациональном сами отражают (бессознательно для него

*) Сочинения, т. III, ст. 155: «Социология должна начать с некоторой утопии».

самого) данную социальную среду, то окончательные выводы его из рассуждения, которые представляются ему «чистейшим» продуктом «современной науки и современных нравственных идей», на самом деле выражают только точку зрения и интересы...мещанства.

Этот последний пункт,—т.-е. что особая социологическая теория о роли личности или о субъективном методе ставит утопию на место критического материалистического исследования,—особенно важен, и так как он опущен г. Струве, то на нем стоит несколько остановиться.

Возьмем для иллюстрации ходячее народническое рассуждение о кустаре. Народник описывает жалкое положение этого кустаря, мизерность его производства, безобразнейшую эксплоатацию его скупщиком, который кладет в карман львиную долю продукта, оставляя производителю гроши за 16—18-часовой рабочий день,—и заключает: жалкий уровень производства и эксплоатация труда кустаря—это дурные стороны данных порядков. Но кустарь не наемный рабочий; это—хорошая сторона. Следует сохранить хорошую сторону и уничтожить дурную и для этого устроить кустарную артель. Вот—законченное народническое рассуждение.

Марксист рассуждает иначе. Знакомство с положением промысла возбуждает в нем кроме вопроса о том, хорошо это или дурно, еще вопрос о том, какова организация этого промысла, т.-е. как и почему именно так, а не иначе, складываются отношения между кустарями по производству данного продукта. И он видит, что эта организация есть товарное производство, т.-е. производство обособленных производителей, связанных между собою рынком. Продукт отдельного производителя, предназначенный на чужое потребление, может дойти до потребителя и дать право производителю на получение другого общественного продукта, только принявши форму денег, т.-е. подвергшись предварительно общественному учету как в качественном, так и в количественном отношениях. А учет этот производится за спиной производителя, посредством рыночных колебаний. Эти неведомые производителю, независимые от него рыночные колебания не могут не порождать неравенства, разоряя одних и давая другим в руки деньги—продукт общественного труда. Отсюда ясна и причина могущества владельца денег, скупщика: она состоит в том, что среди кустарей, живущих со дня на день, самое большое с недели на неделю, он один владеет деньгами, т.-е. продуктом прежнего общественного труда, который в его руках и становится капиталом, орудием присвоения прибавочного продукта других кустарей. Поэтому,—заключает марксист,—при таком устрой-

стве общественного хозяйства экспроприация производителя и эксплоатация его совершенно неизбежны, совершенно необходимо подчинение неимущих имущим, и та противоположность их интересов, которая дает содержание научному понятию борьбы классов. И, следовательно, интерес производителя состоит совсем не в примирении этих противоположных элементов, а, напротив, в развитии противоположности, в развитии созания этой противоположности. Мы видим, что рост товарного хозяйства приводит и у нас, на Руси, к такому развитию противоположности: по мере увеличения рынка и расширения производства капитал торговый становится индустриальным. Машинная индустрия, разрушая мелкое обособленное производство окончательно (оно уже в корень подорвано скупщиком), обобществляет труд. Система Plusmacherei, которая в кустарном производстве прикрыта кажущейся самостоятельностью кустаря и кажущейся случайностью власти скупщика,—теперь становится ясной и ничем неприкрытой. «Труд», который и в кустарном промысле принимал участие в «жизни» только тем, что дарил прибавочный продукт скупщикам, теперь окончательно «диференцируется от жизни» буржуазного общества. Это общество выталкивает его с полной откровенностью прочь, договаривая до конца лежащий в его основе принцип, что производитель может получить средства к жизни лишь тогда, когда найдет владельца денег, соблаговоляющего присвоить прибавочный продукт его труда,—и то, чего не мог понять кустарь [и его идеолог-народник]—именно: глубокий, классовый характер вышеуказанной противоположности,—становится само собой ясным для производителя. Вот почему интересы кустаря могут быть представлены только этим передовым производителем.

Сравним теперь эти рассуждения со стороны их социологического метода.

Народник уверяет, что он—реалист. «Историю делают живые личности», и я, мол, начинаю с «чувств» кустаря, отрицательно настроенного к современному порядку, и с помыслов его об устройстве порядков лучших, а марксист рассуждает о какой-то необходимости и неизбежности; он мистик и метафизик.

Действительно,—отвечает этот мистик,—историю делают «живые личности»,—и я, разбирая вопрос о том, почему общественные отношения в кустарном промысле сложились так, а не иначе (вы этого вопроса даже и не поставили!), разбирал именно то, как «живые личности» свою историю сделали и продолжают делать. И у меня был в руках надежный критерий того, что я имею дело с «живыми», действительными личностями,

с действительными помыслами и чувствами: критерий этот состоял в том, что у них уже «помыслы и чувства» выразились в действиях, создали определенные общественные отношения. Я, правда, не говорю никогда о том, что «историю делают живые личности» (потому что мне кажется, что это—пустая фраза), но, исследуя действительные общественные отношения и их действительное развитие, я исследую именно продукт деятельности живых личностей. А вы говорить-то о «живых личностях» говорите, а на самом деле берете за исходный пункт не «живую личность» с теми «помыслами и чувствами», которые действительно создаются условиями их жизни, данной системой производственных отношений, а куклу и начиняете ей голову своими собственными «помыслами и чувствами». Понятно, что от такого занятия получаются одни только невинные мечтания; жизнь оказывается в стороне от вас, и вы — в стороне от жизни *). Да мало еще этого: вы посмотрите-ка, чем вы начиняете голову этой куклы, и какие меры вы проповедуете. Рекомендуя трудящимся артель, как «путь, указываемый современной наукой и современными нравственными идеями», вы не приняли во внимание одного маленького обстоятельства: всей организации нашего общественного хозяйства. Не понимая, что это — капиталистическое хозяйство, вы не заметили, что на этой почве все возможные артели останутся крохотными паллиативами, нимало не устраняющими ни концентрации средств производства, и денег в том числе, в руках меньшинства (эта концентрация — неоспоримый факт), ии полной обездоленности громадной массы населения,— паллиативами, которые в лучшем случае поднимут только кучку отдельных кустарей в ряды мелкой буржуазии. Из идеолога трудящегося вы становитесь идеологом мелкой буржуазии.

Возвратимся, однако, к г. Струве. Указавши на бессодержательность рассуждений народников о «личности», он продолжает: «Что социология в самом деле стремится всегда свести элементы индивидуальности к социальным источникам, в этом убеждает любая попытка объяснить тот или другой крупный момент исторической эволюции. Когда дело доходит до «исторической личности» «великого человека», всегда является стремление выставить его, как «носителя» духа известной эпохи, представителя своего времени, — его действия, его успехи и неудачи представить

*) «Практика урезывает ее («возможность нового исторического пути») беспощадно»; «она убывает, можно сказать, с каждым днем» (слова г. Михайловского, у П. Струве, стр. 16). Убывает, конечно, не «возможность», которой никогда не было, а убывают иллюзии. И хорошо делают, что убывают.

как необходимые результаты всего предшествующего хода вещей» (32). Эта общая тенденция всякой попытки — объяснить социальные явления, т.-е. создать общественную науку, «нашла себе яркое выражение в учении о классовой борьбе, как основном процессе общественной эволюции. Раз личность была сброшена со счетов, нужно было найти другой элемент. Таким элементом оказалась социальная группа» (33). Г. Струве совершенно прав, указывая, что теория классовой борьбы довершает, так-сказать, общее стремление социологии сводить «элементы индивидуальности к социальным источникам». Мало этого: теория классовой борьбы впервые проводит это стремление с такой полнотой и последовательностью, что возводит социологию на степень науки. Достигнуто было это материалистическим определением понятия «группы». Само по себе это понятие слишком еще неопределенно и произвольно: критерий различения «групп» можно видеть и в явлениях религиозных, и этнографических, и политических, и юридических и т. п. Нет твердого признака, по которому бы в каждой из этих областей можно было различать те или иные «группы». Теория же классовой борьбы потому именно и составляет громадное приобретение общественной науки, что установляет приемы этого сведения индивидуального к социальному с полнейшей точностью и определенностью. Во-первых, эта теория выработала понятие общественно-экономической формации. Взявши за исходный пункт основной для всякого человеческого общежития факт—способ добывания средств к жизни, она поставила в связь с ним те отношения между людьми, которые складываются под влиянием данных способов добывания средств к жизни, и в системе этих отношений («производственных отношений» по терминологии Маркса) указала ту основу общества, которая облекается политико-юридическими формами и известными течениями общественной мысли. Каждая такая система производственных отношений является, по теории Маркса, особым социальным организмом, имеющим особые законы своего зарождения, функционирования и перехода в высшую форму, превращения в другой социальный организм. Этой теорией был применен к социальной науке тот объективный, общенаучный критерий повторяемости, возможность применения которого к социологии отрицали субъективисты. Они рассуждали именно так, что вследствие громадной сложности социальных явлений и разнообразия их нельзя изучать эти явления, не отделив важные от неважных, и для такого выделения необходима точка зрения «критически мыслящей» и «нравственно-развитой» личности,—и

они приходили таким образом благополучно к превращению общественной науки в ряд назиданий мещанской морали, образцы которой мы видели у г. Михайловского, философствовавшего о нецелесообразности истории и о пути, руководимом «светом науки». Вот этим-то рассуждениям и был подрезан корень теорией Маркса. На место различия важного и неважного было поставлено различие между экономической структурой общества, как содержанием, и политической, и идейной формой: самое понятие экономической структуры было точно разъяснено опровержением взгляда прежних экономистов, видевших законы природы там, где есть место только законам особой, исторически определенной системы производственных отношений. На место рассуждений субъективистов об «обществе» вообще, рассуждений бессодержательных и не шедших далее мещанских утопий (ибо не выяснена была даже возможность обобщения самых различных социальных порядков в особые виды социальных организмов)—было поставлено исследование определенных форм устройства общества. Во-вторых, действия «живых личностей» в пределах каждой такой общественно-экономической формации, действия, бесконечно разнообразные и, казалось, не поддающиеся никакой систематизации, были обобщены и сведены к действиям групп личностей, различавшихся между собою по роли, которую они играли в системе производственных отношений, по условиям производства и, следовательно, по условиям их жизненной обстановки, по тем интересам, которые определялись этой обстановкой,—одним словом, к действиям классов, борьба которых определяла развитие общества. Этим был опровергнут детски-наивный, чисто механический взгляд на историю субъективистов, удовлетворявшихся ничего не говорящим положением, что историю делают живые личности, и не хотевших разобрать, какой социальной обстановкой и как именно обусловливаются их действия. На место субъективизма было поставлено воззрение на социальный процесс, как на естественно-исторический процесс,—воззрение, без которого, конечно, и не могло бы быть общественной науки. Г. Струве очень справедливо указывает, что «игнорирование личности в социологии или, вернее, ее устранение из социологии есть в сущности частный случай стремления к научному познанию» (33), что «индивидуальности» существуют не только в духовном, но и в физическом мире. Все дело в том, что подведение «индивидуальностей» под известные общие законы давным-давно завершено для мира физического, а для области социальной оно твердо установлено лишь теорией Маркса.

Дальнейшее возражение г. Струве против социологической теории российских субъективистов состоит в том, что помимо всех вышеприведенных аргументов—«социология» ни в каком случае не может признавать то, что мы называем индивидуальностью, за первичный факт, так как самое понятие индивидуальности (не подлежащей дальнейшему объяснению) и соответствующий ему факт есть результат долгого социального процесса» (36). Это—очень верная мысль, на которой следует остановиться, тем более, что аргументация автора представляет некоторые неправильности. Он приводит взгляды Зиммеля [39]), который, де, в сочинении своем: «О социальной диференциации» доказал прямую зависимость между развитием индивидуальности и диференциацией той группы, в которую входит эта личность. Г. Струве противополагает это положение теории г. Михайловского об обратной зависимости между развитием индивидуальности и диференциацией («разнородностью») общества. «В недиференцироной среде,—возражает ему г. Струве,—индивидуум будет «гармонически целостен»... в своем «однообразии и безличности». «Реальная личность не может быть «совокупностью всех черт, свойственных человеческому организму вообще», просто потому что такая полнота содержания превышает силы реальной личности» (38 — 39). «Для того, чтобы личность могла быть диференцированной, она должна находиться в диференцированной среде» (39).

Не ясно из этого изложения, каким именно образом ставит вопрос Зиммель и как он аргументирует. Но в передаче г. Струве постановка вопроса грешит тем же недостатком, что и у г. Михайловского. Абстрактное рассуждение о том, в какой зависимости стоит развитие (и благосостояние) индивидуальности от диференциации общества,—совершенно ненаучно, потому что нельзя установить никакого соотношения, годного для всякой формы устройства общества. Самое понятие «диференциации», «разнородности» и т. п. получает совершенно различное значение, смотря по тому, к какой именно социальной обстановке применить его. Основная ошибка г. Михайловского именно и состоит в абстрактном догматизме его рассуждений, пытающихся обнять «прогресс» вообще вместо изучения конкретного «прогресса» какой-нибудь конкретной общественной формации. Когда г. Струве выставляет против г. Михайловского свои общие положения (вышевыписанные), он повторяет его ошибку, отходя от изображения и выяснения конкретного процесса в область туманных и голословных догм. Возьмем пример: «Гармоническая

целостность индивидуума в своем содержании определяется степенью развития, т.-е. диференциации группы,—говорит г. Струве и пишет эту фразу курсивом. Однако, что следует понимать тут под «диференцией» группы? Уничтожение крепостного права усилило эту «диференциацию» или ослабило? Г. Михайловский решает вопрос в последнем смысле («Что такое прогресс?»); г. Струве решил бы его, вероятно, в первом—ссылаясь на усиление общественного разделения труда. Один имел в виду уничтожение сословных различий; другой—создание экономических различий. Термин так неопределен, как видите, что его можно натягивать на противоположные вещи. Еще пример. Переход от капиталистической мануфактуры к крупной машинной индустрии можно было признать уменьшением «диференциации», ибо детальное разделение труда между специализировавшимися рабочими прекращается. А между тем, не может подлежать сомнению, что условия развития индивидуальности гораздо благоприятнее (для рабочего) именно в последнем случае. Вывод отсюда—тот, что неправильна уже самая постановка вопроса. Автор сам признает, что существует также антагонизм между личностью и группой (о чем и говорит Михайловский). «Но жизнь,—прибавляет он,—никогда не слагается из абсолютных противоречий: в ней все текуче и относительно, и в то же время все отдельные стороны находятся в постоянном взаимодействии» (39). Если так,—то к чему же было и выставлять абсолютные соотношения между группой и личностью?—соотношения, не относящиеся к строго-определенному моменту развития определенной общественной формации? почему было и не отнести всю аргументацию к вопросу о конкретном процессе эволюции России? У автора есть попытка поставить вопрос таким образом, и если бы он выдержал ее последовательно, его аргументация много выиграла бы. «Только разделение труда,—это грехопадение человечества, по учению г. Михайловского,—создало условия для развития той «личности», во имя которой г. Михайловский справедливо протестует против современных форм разделения труда» (38). Это превосходно сказано; только бы вместо «разделение труда» следовало сказать «капитализм» и даже еще уже: русский капитализм. Прогрессивное значение капитализма состоит, именно, в том, что он разрушил прежние узкие условия жизни человека, порождавшие умственную тупость и не дававшие возможности производителям самим взять в руки свою судьбу. Громадное развитие торговых сношений и мирового обмена, постоянные передвижения громадных масс насе-

ления разорвали исконные узы рода, семьи, территориальной общины и создали то разнообразие развития, «разнообразие талантов, богатство общественных отношений» *), которое играет такую крупную роль в новейшей истории Запада. В России этот процесс сказался с полной силой в пореформенную эпоху, когда старинные формы труда рушились с громадной быстротой и первое место заняла купля-продажа рабочей силы, отрывавшая крестьянина от патриархальной полукрепостнической семьи, от отупляющей обстановки деревни и заменявшая полукрепостнические формы присвоения сверхстоимости—формами чисто-капиталистическими. Этот экономический процесс отразился в социальной области «общим подъемом чувства личности», вытеснением из «общества» помещичьего класса разночинцами, горячей войной литературы против бессмысленных средневековых стеснений личности и т. п. Что именно пореформенная Россия принесла этот подъем чувства личности, чувства собственного достоинства,—этого народники не станут, вероятно, оспаривать. Но они не задаются вопросом, какие материальные условия повели к этому. При крепостном праве, разумеется, ничего подобного быть не могло,—и вот народник приветствует «освободительную» реформу, не замечая, что он впадает в такой же близорукий оптимизм. как буржуазные историки, про которых Маркс сказал, что они смотрят на крестьянскую реформу сквозь clair-obscur «эмансипации», не замечая, что он впадает в такой же близорукий оптимизм, как феодального прибавочного продукта буржуазною прибавочною стоимостью. Совершенно то же самое было и у нас. Именно система «старо-дворянского» хозяйства, привязывавшая население к месту, раздроблявшая его на кучки подданных отдельных вотчинников, и создавала придавленность личности. И здесь именно капитализм, оторвавший личность от всех крепостных уз, поставив ее в самостоятельные отношения к рынку, сделав ее товаровладельцем (и в качестве такового—равной всякому другому товаровладельцу),—и создал подъем чувства личности. Если г.г. народники фарисейски ужасаются, когда им говорят о прогрессивности русского капитализма, то это только потому, что они не задумываются над вопросом о материальных условиях тех «благ прогресса», которые знаменуют пореформенную Рос-

---

*) K. Marx, Der achtzehnte Brumaire, S. 98 u. s. w. (К. Маркс. 18-е Брюмера Луи Бонапарта, стр. 98 и след. В. И. Ленин ссылается здесь на немецкий текст как по цензурным соображениям, так и потому, что русского перевода этой статьи в то время еще не было. Ред.).

сию. Если г. Михайловский начинает свою «социологию» с «личности», протестующей против русского капитализма, как случайного и временного уклонения России с правильного пути, то он уже тут побивает сам себя, не понимая, что только капитализм и создал условия, сделавшие возможным этот протест личности.—На этом примере мы видим еще раз, в каком изменении нуждается аргументация г. Струве. Вопрос следовало свести целиком на почву русской действительности, на почву выяснения того, что есть, и почему есть именно так, а не иначе: народники не даром всю свою социологию строили на том, что вместо анализа действительности рассуждали о том, что «может быть»; они не могли не видеть, что действительность беспощадно разбивает их иллюзии.

Свой разбор теории «личностей» автор заключает такой формулировкой: «личность для социологии есть функция среды», «личность является тут формальным понятием, содержание которого дается исследованием социальной группы» (40). Последнее противоположение особенно хорошо подчеркивает противоположность субъективизма и материализма: рассуждая о «личности», субъективисты определяли содержание этого понятия (т.-е. «помыслы и чувства» этой личности, ее социальные действия) a priori, т.-е. подсовывали свои утопии вместо «исследования социальной группы».

Другая «важная сторона» материализма,—продолжает г. Струве,—«заключается в том, что экономический материализм подчиняет идею факту, сознание и долженствование—бытию» (40). «Подчиняет»—это значит, конечно, в данном случае: отводит подчиненное место в объяснении общественных явлений. Субъективисты-народники поступают как-раз наоборот: они исходят в своих рассуждениях из «идеалов», нисколько не задумываясь о том, что эти идеалы могли явиться только известным отражением действительности, что их, следовательно, необходимо проверить фактами, свести к фактам.—Народнику, впрочем, без пояснений будет непонятно это последнее положение. Как это так?—думает он,—идеалы должны осуждать факты, указывать, как изменить их, проверить факты, а не проверяться фактами. Это последнее кажется народнику, привыкшему витать в заоблачных сферах, примирением с фактом. Объяснимся.

Наличность «хозяйничанья за чужой счет», наличность эксплоатации всегда будет порождать как в самих эксплоатируемых, так и в отдельных представителях «интеллигенции» идеалы, противоположные этой системе.

Эти идеалы чрезвычайно ценны для марксиста; он только на их почве и полемизирует с народничеством, он полемизирует исключительно по вопросу о построении этих идеалов и осуществлении их.

Для народника достаточно констатировать факт, порождающий такие идеалы, затем привести указания на законность идеала с точки зрения «современной науки и современных нравственных идей» [причем он не понимает, что эти «современные идеи» «означают только уступки западно-европейского «общественного мнения» новой нарождающейся силе] и взывать далее к «обществу» и «государству»: обеспечьте, оградите, организуйте!

Марксист исходит из того же идеала, но сличает его не с «современной наукой и современными нравственными идеями» *), а с существующими классовыми противоречиями и формулирует его поэтому не как требование «науки», а как требование такого-то класса, порождаемое такими-то общественными отношениями (которые подлежат объективному исследованию) и достижимое лишь так-то вследствие таких-то свойств этих отношений. Если не свести таким образом идеалы к фактам, то эти идеалы останутся невинными пожеланиями, без всяких шансов на принятие их массой и, следовательно, на их существование.

Указав, таким образом, общие теоретические положения, заставляющие признать материализм единственно правильным методом общественной науки, г. Струве переходит к изложению взглядов Маркса и Энгельса, цитируя преимущественно сочинения последнего. Это—чрезвычайно интересная и поучительная часть книги.

Чрезвычайно справедливо указание автора, что «нигде не приходится натыкаться на такое непонимание Маркса, как у русских публицистов» (44). В пример приводится, прежде всего, г. Михайловский, усматривающий в «историко-философской теории» Маркса только выяснение «генезиса капиталистического строя». Г. Струве с полным правом протестует против этого. Действительно, это в высшей степени характерный факт. Г. Ми-

---

*) Энгельс в своей книге «Herrn E. Dührings Umwälzung der Wissenschaft» «Переворот в науке, произведенный г-ном Дюрингом». (В русском переводе обыкновенно называется сокращенно «Анти-Дюрингом». Ред.) превосходно заметил, что это—старый психологический метод: сличать свое понятие не с фактом, который оно отражает, а с другим понятием, с слепком с другого факта.

хайловский писал о Марксе много раз, но никогда и не заикался о том отношении, в котором находится метод Маркса к «субъективному методу в социологии». Г. Михайловский писал о «Капитале», заявлял свою «солидарность» (?) с экономической доктриной Маркса, но обходил строгим молчанием вопрос—к примеру скажем — о том, не подходят ли российские субъективисты под метод Прудона [40]), желающего переделать товарное хозяйство по своему идеалу справедливости?*). Чем отличается этот критерий (справедливости—justice éternelle) от критерия г-на Михайловского: «современная наука и современные нравственные идеи»? И почему г. Михайловский, так энергично протестовавший всегда против отождествления метода общественных наук с методом наук естественных, не спорил против заявления Маркса, что подобный метод Прудона совершенно так же нелеп, как если бы химик пожелал вместо «изучения действительных законов обмена веществ» преобразовать этот обмен по законам «сродства»? не спорил против того взгляда Маркса, что социальный процесс есть «естественно-исторический процесс»? Незнакомством с литературой этого не объяснишь: дело, очевидно, в полнейшем непонимании или нежелании понять. Г. Струве первый, кажется, в нашей литературе заявил это,—и в этом его большая заслуга.

Перейдем теперь к тем заявлениям автора по поводу марксизма, которые вызывают критику. «Мы не можем не признать,—говорит г. Струве,—что чисто-философское обоснование этого учения еще не дано, и что оно еще не справилось с тем огромным конкретным материалом, который представляет всемирная история. Нужен, очевидно, пересмотр фактов с точки зрения новой теории; нужна критика теории на фактах. Быть-может, многие односторонности и слишком поспешные обобщения будут оставлены» (46). Не совсем ясно, что́ разумеет автор под «чисто-философским обоснованием»? С точки зрения Маркса и Энгельса, философия не имеет никакого права на отдельное самостоятельное существование, и ее материал распадается между разными отраслями положительной науки. Таким образом, под философским обоснованием можно разуметь или сопоставление посылок ее с твердо-установленными законами других наук [и г. Струве сам признал, что уже психология дает положения, заставляющие отказаться от субъективизма и принять материа-

*) «Das Kapital». I B. 2-te Aufl., S. 62 и 38. («Капитал», том I, стр. 54 и 37 русского издания под ред. И. Степанова. Гос. Изд. 1920. Ред.).

лизм], или опыт применения этой теории. А в этом отношении мы имеем заявление самого г. Струве, что «за материализмом всегда останется та заслуга, что он дал глубоко-научное, поистине философское (курсив автора) истолкование целому ряду (это *NB*) исторических фактов огромной важности» (50). Последнее заявление автора содержит признание, что материализм—единственно научный метод социологии, и поэтому, конечно, нужен «пересмотр фактов» с этой точки зрения, особенно пересмотр фактов русской истории и действительности, так усердно искажавшихся российскими субъективистами. Что касается до последнего замечания насчет возможных «односторонностей» и «слишком поспешных обобщений», то мы, не останавливаясь на этом общем и потому неясном замечании, обратимся прямо к одной из тех поправок, которую вносит «не зараженный ортодоксией» автор «слишком поспешные обобщения» Маркса.

Дело идет о государстве. Отрицая государство, «Маркс и его последователи» «увлеклись» «слишком далеко в критике современного государства» и впали в «односторонность». «Государство,—исправляет это увеличение г. Струве,—есть, прежде всего, организация порядка; организацией же господства (классового) оно является в обществе, в котором подчинение одних групп другим обусловливается его экономической структурой» (53). Родовой быт, по мнению автора, знал государство, которое останется и при уничтожении классов, ибо признак государства—принудительная власть.

Можно только подивиться тому, что автор с таким поразительным отсутствием аргументов критикует Маркса с своей профессорской точки зрения. Прежде всего, он совершенно неправильно видит отличительный признак государства в принудительной власти: принудительная власть есть во всяком человеческом общежитии, и в родовом устройстве и в семье, но государства тут не было. «Существенный признак государства,—говорит Энгельс в том самом сочинении, из которого г. Струве взял цитату о государстве,—состоит в публичной власти, отдельной от массы народа» [Ursprung der Familie u. s. w., 2-te Aufl., S. 84; русский пер., с. 109]*), и несколько выше он говорит об учреждении навкрарий [41]), что оно подрывало двояким образом родовое устройство: во-первых, оно создавало публичную власть (oeffentliche Gewalt—в русском переводе неверно передано: об-

*) «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Страницы русского перевода указаны по изданию 1894 года. Ред.

щественная сила), которая уже не совпадала просто на просто с совокупностью вооруженного народа» (ib., S. 79; русский пер., стр. 105). Итак, признак государства—наличность особого класса лиц, в руках которого сосредоточивается власть. Общину, в которой «организацией порядка» заведывали бы поочередно все челны ее, никто, разумеется, не мог бы назвать государством. Далее, по отношению к современному государству рассуждение г. Струве еще более несостоятельно. Говорить о нем, что оно, «прежде всего (sic!?!) организация порядка»—значит не понимать одного из очень важных пунктов теории Маркса. Тот особый слой, в руках которого находится власть в современном обществе, это—бюрократия. Непосредственная и теснейшая связь этого органа с господствующим в современном обществе классом буржуазии явствует и из истории (бюрократия была первым политическим орудием буржуазии против феодалов вообще, против представителей «старо-дворянского» уклада, первым выступлением на арену политического господства не породистых землевладельцев, а разночинцев, «мещанства») и из самых условий образования и комплектования этого класса, в который доступ открыт только буржуазным «выходцам из народа» и который связан с этой буржуазией тысячами крепчайших нитей*). Ошибка автора тем более досадна, что именно российские народники, против которых он возымел такую хорошую мысль ополчиться, понятия не имеют о том, что всякая бюрократия и по своему историческому происхождению, и по своему современному источнику, и по своему назначению представляет из себя чисто и исключительно буржуазное учреждение, обращаться к которому, с точки зрения интересов производителя, только и в состоянии идеологи мелкой буржуазии.

Стоит остановиться еще несколько на отношении марксизма к этике. Автор приводит на странице 64—5 прекрасное разъяснение Энгельсом отношения свободы к необходимости: «Свобода есть понимание необходимости». «Детерминизм [42]) не только не предполагает фатализма, а, напротив, именно и дает почву для разумного действования. Нельзя не добавить к этому, что россий-

---

*) Ср. K. Marx, Bürgerkrieg in Frankreich, S. 23 (Lpz. 1876). (К. Маркс. Гражданская война во Франции. Ред.) и Der achtzehnte Brumaire, S. 45—46 (Hmb. 1885): «Материальный интерес французской буржуазии теснейшим образом сплетается с сохранением этого широкого и широко разветвляющегося механимза [речь идет о бюрократии]. Сюда сбывает он свое излишнее население и пополняет в форме казенного жалованья то, чего она не смогла заполучить в форме прибыли, процентов, ренты и гонораров».

ские субъективисты не сумели разобраться даже в столь элементарном вопросе, как вопрос о свободе воли. Г. Михайловский беспомощно путался в смешении детерминизма с фатализмом и находил выход... усаживаясь между двумя стульями: не желая отрицать законосообразности, он утверждал, что свобода воли—факт нашего сознания (собственно, идея Миртова, перенятая г. Михайловским) и потому может служить основой этики: Понятно, что в применении к социологии эти идеи не могли дать ничего, кроме утопии или пустой морали, игнорирующей борьбу классов, происходящую в обществе. Нельзя не признать поэтому справедливости утверждения Зомбарта[43]), что «в самом марксизме от начала до конца нет ни грана этики»: в отношении теоретическом «этическую точку зрения» он подчиняет «принципу причинности»; в отношении практическом—он сводит ее к классовой борьбе.

Изложение материализма г. Струве дополняет оценкой с материалистической точки зрения «двух факторов, играющих весьма важную роль во всех народнических построениях»—«интеллигенции» и «государства» (70). На этой оценке опять-таки отразилась та же «неортодоксальность» автора, которая была отмечена выше по поводу его объективизма. «Если... все вообще общественные группы представляют из себя реальную силу только поскольку... они совпадают с общественными классами или к ним примыкают, то очевидно, что «бессословная интеллигенция» не есть реальная общественная сила» (70). В абстрактном теоретическом смысле автор, конечно, прав. Он ловит, так сказать, народников на слове. Вы говорите, что на «иные пути» должна направить Россию интеллигенция—вы не понимаете, что, не примыкая к классу, она есть нуль. Вы хвастаетесь, что русская бессословная интеллигенция отличалась всегда «чистотой» идей—поэтому-то и была она всегда бессильна. Критика автора ограничивается сопоставлением нелепой народнической идеи о всемогуществе интеллигенции с своей совершенно справедливой идеей о «бессилии интеллигенции в экономическом процессе» (71). Но такого сопоставления мало. Чтобы судить о русской «бессословной интеллигенции», как об особой группе русского общества, которая так характеризует всю пореформенную эпоху,—эпоху окончательного вытеснения дворянина разночинцем,—которая, несомненно, играла и продолжает играть известную историческую роль, для этого нужно сопоставить идеи и еще более программы нашей «бессословной интеллигенции» с положением и интересами данных классов русского общества. Чтобы устранить возможность за-

подозрить нас в пристрастности, мы не будем делать этого сопоставления сами, а ограничимся ссылкой на того народника, статья которого была комментирована в I главе. Вывод из всех его отзывов вытекает совершенно определенный: русская передовая, либеральная, «демократическая» интеллигенция была интеллигенцией буржуазной. «Бессословность» нимало не исключает классового происхождения идей интеллигенции. Всегда и везде буржуазия восставала против феодализма во имя бессословности— и у нас против старо-дворянского, сословного строя выступила бессословная интеллигенция. Всегда и везде буржуазия выступала против отживших сословных рамок и других средневековых учреждений во имя всего «народа», классовые противоречия внутри которого были еще не развиты, и она была, как на Западе, так и в России, права, так как критикуемые учреждения стесняли действительно всех. Как только сословности в России нанесен был решительный удар (1861),—тотчас же стал обнаруживаться антагонизм внутри «народа», а на-ряду с этим и в силу этого антагонизм внутри бессословной интеллигенции между либералами и народниками, идеологами крестьянства (внутри которого первые русские идеологи непосредственных производителей не видели да и не могли еще видеть, образования противоположных классов). Дальнейшее экономическое развитие повело к более полному обнаружению социальных противоположностей в русском обществе, заставило признать факт разложения крестьянства на деревенскую буржуазию и пролетариат. Народничество совсем уже почти превратилось в идеологию мелкой буржуазии, отделив от себя марксизм. Поэтому русская «бессословная интеллигенция» представляет из себя «реальную общественную силу» поскольку она заступает обще-буржуазные интересы*). Если тем не менее эта сила не смогла создать подходящих для защищаемых ею интересов учреждений, не сумела переделать «атмосферы современной российской культуры» (г. В. В.), если «активный демократизм в эпоху политической борьбы» сменился «общественным индиферентизмом» (г. В. В. в «Неделе» 1894 г. № 47),—то причина

*) Мелкобуржуазный характер громадной массы народнических пожеланий отмечен был в I главе. Пожелания, не подходящие под эту характеристику (вроде «обобществления труда»), занимают в современном народничестве совсем уже миниатюрное место. И «Русское Богатство» (1.893, № 11—12, ст. Южакова «Вопросы экономического развития России») и г. В. В. («Очерки теоретической экономии», СПБ. 1895) протестуют против г. Н.—она, отзывающегося «сурово» (выражение г. Южакова) об истасканной панацее кредитов, расширения землевладения, переселений и т. д.

этого лежит не только в мечтательном характере отечественной «бессословной интеллигенции», но и главным образом в положении тех классов, из которых она выходила и от которых черпала силу,—в их двухличности. Неоспоримо, что российская «атмосфера» представляла для них много минусов, но она давала им и некоторые плюсы.

В России особенно велика историческая роль того класса, который, по мнению народников, не является носителем «чистой идеи труда»; его «активность» нельзя усыплять «севрюжиной с хреном». Поэтому указания на него со стороны марксистов не только не «обрывают демократической нити», как уверяет г. В. В., специализирующийся на выдумывании самых невероятных нелепостей про марксистов, а, напротив, подхватывают эту «нить», которую выпускает из рук индиферентное «общество», требуют ее развития, укрепления, приближения к жизни.

В связи с неполнотой в оценке интеллигенции стоит у г. Струве не вполне удачная формулировка следующего положения. «Надо доказать,—говорит он,—что разложение старого экономического строя неизбежно» (71). Во-первых, что разумеет автор под «старым экономическим строем»? Крепостничество?—но разложение его нечего и доказывать.—«Народное производство»?—но он сам же говорит ниже и говорит совершенно справедливо, что это словосочетание «не отвечает никакому реальному историческому порядку» (177), что это, другими словами,—миф, так как после отмены «крепостного права» у нас ускоренно стало развиваться товарное хозяйство. Вероятно, автор имел в виду ту стадию развития капитализма, когда он не вполне еще выпутался из средневековых учреждений, когда силен еще торговый капитал и мелкое производство еще держится для большой части производителей. Во-вторых, в чем видит автор критерий этой неизбежности? В господстве таких-то классов? в свойствах данной системы производственных отношений? В обоих случаях вопрос сводится к констатированию наличности тех или других (капиталистических) порядков; вопрос сводится к констатированию факта, и его ни в каком случае не следовало переносить в область рассуждений о будущем. Подобные рассуждения следовало бы оставить в монопольном владении г.г. народников, ищущих «иных путей для отечества». Автор сам говорит на следующей же странице, что всякое государство есть «выражение господства известных общественных классов», что «нужно перераспределение социальной силы между отдельными классами для того, чтобы государство коренным образом изменило свой курс» (72). Все

это—глубоко верно и очень метко направлено против народников, и сообразно с этим вопрос следовало поставить иначе: надо доказать (не «неизбежность разложения» и т. д.) наличность в России капиталистических производственных отношений; надо доказать, что и на русских данных оправдывается тот закон, что «товарное хозяйство есть хозяйство капиталистическое», т.-е. что и у нас товарное хозяйство повсюду перерастает в капиталистическое; надо доказать, что повсюду господствуют порядки в существе своем буржуазные, что именно господство этого класса, а не пресловутые народнические «случайности» или «политика» и т. п. вызывают освобождение производителя от средств производства и повсеместное хозяйничанье его за чужой счет.

Этим закончим разбор первой части книги г. Струве, носящей общий характер.

ГЛАВА III.

Постановка экономических вопросов у народников и у г. Струве.

Покончив с социологией, автор переходит к более «конкретным экономическим вопросам» (73). Он считает при этом «естественным и законным» начать с «общих положений и исторических справок», с «бесспорных, общечеловеческим опытом установленных, посылок»,—как он говорит в предисловии.

Нельзя не заметить, что этот прием грешит той же абстрактностью, которая была отмечена с самого начала как основной недостаток разбираемой книги. В тех главах, к которым мы теперь переходим (третья, четвертая и пятая), этот недостаток привел к двоякого рода нежелательным последствиям. С одной стороны, он ослабил те определенные теоретические положения, которые автор выставил против народников. Г. Струве рассуждает вообще, обрисовывает переход от натурального к товарному хозяйству, указывает, что бывало на свете дело по большей части вот так-то и так-то, и при этом отдельными, беглыми указаниями переходит и к России, распространяя и на нее общий процесс «исторического развития хозяйственного быта». Бесспорно, что такое распространение совершенно законно и что «исторические справки» автора совершенно необходимы для критики народничества, неправильно представляющего историю не одной только России. Но следовало бы конкретнее высказать эти положения, определеннее противопоставить их доводам народников, которые отрицают правильность распространения общего процесса на Россию; следовало бы сопоставить такое-то понимание русской действительности народниками с другим пониманием той же действительности марксистами. С одной стороны, абстрактный характер рассуждений автора ведет к недоговоренности его положений, к тому, что он, правильно указывая на наличность такого-то процесса, не разбирает, какие классы складывались при этом, ка-

кие классы являлись носителями процесса, заслоняя собой другие, подчиненные им, слои населения; одним словом, объективизм автора не доходит тут до материализма—в вышеупомянутом значении этих терминов *).

Доказательства такой оценки указанных глав сочинения г. Струве мы приведем сейчас, разбирая отдельные, наиболее важные положения.

Чрезвычайно верно замечание автора, что «в русской истории зависимость (юридическая и экономическая) непосредственных производителей от господ встречается нам чуть не с первых страниц, как исторический спутник идиллии «народного производства» (81). В эпоху натурального хозяйства крестьянин был порабощен землевладельцу, он работал не на себя, а на боярина, на монастырь, на помещика,—и г. Струве с полным правом противопоставляет этот исторический факт россказням наших самобытных социологов о том, как «средства производства принадлежали производителю» (81). Эти россказни представляют из себя одно из тех искажений русской истории в угоду мещанской утопии, на которые так щедры были всегда народники. Боясь прямо взглянуть на действительность, боясь назвать это угнетение его настоящим именем, они обращались к истории, изображая дело таким образом, что принадлежность средств производства производителю была «исконным» началом, «вековым устоем» крестьянского труда и что современная экспроприация крестьянства объясняется поэтому не сменой феодального прибавочного продукта буржуазною сверхстоимостью, не капиталистическою организацией нашего общественного хозяйства, а случайностью неудачной политики, временным «отклонением от пути, предписываемого всею историческою жизнью нации» (г. Южаков, цитировано у П. Струве, стр. 15). И эти вздорные побасенки не стыди-

---

*) Такое соотношение объективизма и материализма указано, между прочим, Марксом в предисловии к его сочинению: «Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonapartes». Маркс говорит, что об этом историческом событии писал Прудон (Coup d'état) (Государственный переворот. Ред.) и отзывается о его точке зрения в противоположность своей следующим образом:

«Прудон, с своей стороны, стремится представить государственный переворот [2-го декабря] результатом предшествующего исторического развития. Но историческая конструкция государственного переворота превращается у него под рукой в историческую апологию героя этого переворота. Он впадает, таким образом, в ошибку наших так называемых объективных историков. Я, напротив, показываю, каким образом классовая борьба во Франции создала условия и обстоятельства, давшие возможность дюжинной и смешной личности сыграть роль героя» (Vorwort) (Предисловие. Ред.).

лись рассказывать про страну, в которой только очень недавно прекратилась*) крепостническая эксплоатация крестьянства в самых грубых, азиатских формах, когда не только средства производства не принадлежали производителю, но и сами производители очень мало отличались от какого-нибудь «средства производства». Г. Струве очень метко противополагает этому «слащавому оптимизму» резкий отзыв Салтыкова[44]) о связи «народного производства» и крепостного права, о том, как «изобилие» эпохи «вековых устоев» «выпадало только [это заметьте] на долю потомков лейбкампанцев[45]) и прочих дружинников» (83).

Далее, отметим следующее замечание г. Струве, определенно касающееся определенных фактов русской действительности и содержащее чрезвычайно верную мысль. «Когда производители начинают работать не на местный, точно отграниченный, а на отдаленный и неопределенный рынок, и развивается конкуренция, борьба за рынок, то эти условия приводят к техническому прогрессу... Раз возможно разделение труда, оно должно быть проведено как можно шире, но, прежде чем производство реорганизуется в техническом отношении, влияние новых условий обмена (сбыта) скажется в том, что производитель попадет в экономическую зависимость от торговца (скупщика), и в социальном отношении этот момент имеет решающее значение. Это упускают из виду наши «истинные марксисты» вроде г. В. В., ослепленные значением чисто технического прогресса» (98). Это указание на решающее значение появления скупщика—глубоко верно. Решающим является оно в том отношении, что безусловно доказывает уже наличность капиталистической организации производства, доказывает применимость и к России положения, что «товарное хозяйство—денежное хозяйство—есть хозяйство капиталистическое», создает то подчинение производителя—капиталу, из которого не может быть иного выхода, кроме самодеятельности производителя. «С того момента, что между потребителем и производителем становится капиталист-предприниматель,—а это неизбежно при производстве на широкий и неопределенный рынок,—мы имеем перед собой одну из форм капиталистического производства». И автор справедливо добавляет, что, «если под кустарным производством разуметь такое, при котором про-

*) Даже еще нельзя сказать, чтобы окончательно прекратилась. С одной стороны, мы имеем выкупные платежи (а известно, что в них вошла не только цена земли, но и выкуп крепостного права); с другой стороны, например, отработки крестьян за «отрезные земли»—прямое переживание феодального способа производства.

изводитель, работая на неопределенный и отдаленный рынок, пользуется полной экономической самостоятельностью, то окажется, пожалуй, что этого настоящего кустарного производства в русской действительности почти не имеется». Напрасно только употреблено тут выражение «пожалуй» и будущее время: преобладание домашней системы крупного производства и полнейшего порабощения кустарей скупщикам—общераспространенный и преобладающий факт действительной организации наших кустарных промыслов. Эта организация—не только капиталистическая, но, по верному замечанию автора, это еще организация «чрезвычайно выгодная для капиталистов», обеспечивающая им гигантские барыши, безобразно низкую заработную плату и в высшей степени затрудняющая организацию и развитие рабочих (стр. 99—101). Нельзя не отметить, что факт преобладания капиталистической эксплоатации в наших кустарных промыслах известен давным давно, но народники игнорируют его самым беззастенчивым образом. В каждом почти номере их журналов и газет, где идет речь об этом предмете, встретите вы сетования на то, что правительство поддерживает «искусственно» крупный капитализм [вся «искусственность» которого состоит в том, что он крупный, а не мелкий, фабричный, а не кустарный, механический, а не ручной] и ничего не делает для «нужд народной промышленности». С полной наглядностью выказывается тут ограниченность мелкого буржуа, борющегося за мелкий капитал против крупного и упорно закрывающего глаза на бесспорно установленный факт, что и в этой «народной» промышленности существует такая же противоположность интересов и что, следовательно, не в жалких кредитах и т. п. заключается выход. Так как для мелкого хозяина, привязанного к своему хозяйству и боящегося постоянно потерять его, все это представляется чем-то ужасным, какой-то «агитацией» «о справедливом вознаграждении за труд, как-будто не сам труд в плодах своих создает это вознаграждение»,—то понятно, что единственным представителем трудящейся массы кустарей может быть только производитель, стоящий в «искусственных», «тепличных» условиях фабрично-заводской промышленности *).

Остановимся еще на рассуждении г. Струве о земледелии. Паровой транспорт вынуждает переход к меновому хозяйству, он

---

*) «Весь процесс выражается в том, что мелкое производство (ремесло) одними своими элементами сближается с «капитализмом», другими—с наемным трудом, свободным от средств производства» (стр. 104).

делает сельскохозяйственное производство товарным. Товарный же характер производства безусловно требует «его экономической и технической рациональности» (110). Положение это автор считает особенно важным аргументом против народников, которые с торжеством указывают на недоказанность (будто бы) преимуществ крупного производства в земледелии. «Тем, кто опирается на учение Маркса,—отвечает им автор,—не пристало отрицать значение экономических и технических особенностей сельскохозяйственного производства, благодаря которым в известных случаях мелкие предприятия имеют экономические преимущества над крупными,—хотя бы сам Маркс и отрицал значение этих особенностей» (111). Очень неясное место. О каких это особенностях говорит автор? Почему не указывает их точно? Почему не указывает, где и как выражал об этом свое мнение Маркс и на каких основаниях признается нужным исправить это мнение?

«Мелкое земледельческое производство,—продолжает автор,—все больше и больше должно принимать товарный характер и для того, чтобы быть жизнеспособными предприятиями, мелкие земледельческие хозяйства должны удовлетворять общим требованиям экономической и технической рациональности» (111). «Дело вовсе не в том, будут ли мелкие земледельческие предприятия поглощены крупными—такого исхода экономической эволюции вряд ли можно ждать—а в том метаморфозе, которому подвергается все народное хозяйство под влиянием обмена. Народники упускают из виду, что вытеснение натурального хозяйства меновым в связи с констатированным выше «рассеянием промышленности» совершенно изменяет всю структуру общества. Прежнее отношение между земледельческим (сельским) и неземледельческим (городским) населением нарушается в пользу последнего. Самый экономический тип и психический склад сельскохозяйственных производителей коренным образом изменяется под влиянием новых условий хозяйственной жизни» (114).

Приведенное место поясняет нам что́ хотел сказать автор своей тирадой о Марксе, и вместе с тем наглядно иллюстрирует вышесделанное замечание, что догматичный способ изложения, не опирающийся на изображение конкретного процесса, затемняет мысли автора и оставляет их недоговоренными. Положение его о неверности народнических взглядов совершенно правильно, но неполно, потому что не сопровождается указанием на те новые формы классового антагонизма, которые развиваются при этой замене нерационального производства рациональным. Автор, например, ограничивается беглым упоминанием, что «экономическая рацио-

нальность» означает «наивысшую ренту» (110), но забывает добавить, что рента предполагает буржуазную организацию земледелия, т.-е., во-первых, полное подчинение его рынку, и, во-вторых, образование в земледелии таких же классов буржуазии и пролетариата, которые свойственны и капиталистической индустрии.

Народники, рассуждая о некапиталистической, будто бы, организации нашего земледелия, ставят вопрос безобразно узко и неправильно, сводя все к вытеснению мелких хозяйств крупными, и только. Г. Струве совершенно справедливо говорит им, что при таком рассуждении они упускают из виду общий характер земледельческого производства, который может быть (и действительно является у нас) буржуазным и при мелком производстве, как является буржуазным хозяйство западно-европейских крестьян. Условия, при которых мелкое самостоятельное хозяйство («народное»— по терминологии российской интеллигенции) становится буржуазным, известны: это, во-первых, господство товарного хозяйства, которое при изолированности*) производителей порождает среди них конкуренцию и, разоряя массу, обогащает немногих; это, во-вторых, превращение рабочей силы в товар и средств производств в капитал, т.-е. освобождение производителя от средств производства и капиталистическая организация важнейших отраслей промышленности. При этих условиях мелкий самостоятельный производитель становится в исключительное положение по отношению к массе производителей,—как и у нас сейчас действительно самостоятельные хозяева представляют исключение среди массы, работающей за чужой счет, не имеющей не только «самостоятельного» хозяйства, но даже и жизненных средств на неделю. Положение и интересы самостоятельного хозяина обособляют его от массы производителей, живущих главным образом заработной платой. Между тем, как последние выдвигают вопрос о «справедливом вознаграждении», являющийся по необходимости преддверием коренного вопроса об ином устройстве общественного хозяйства,—первого интересует гораздо живее совсем другое: кредит, и особенно мелкий «народный» кредит, улучшенные удешевленные орудия, «организация сбыта», «расширение землевладения» и т. п.

---

*) Понятно, что речь идет о хозяйственной изолированности. Общинное землевладение нимало ее не устраняет. При самых «уравнительных» переделах крестьянин в одиночку хозяйничает на своей полосе, следовательно, является изолированным, обособленным производителем.

Самый закон о преимуществе крупных хозяйств над мелкими есть закон только товарного производства и, следовательно, не может быть прилагаем к хозяйствам, не втянутым еще окончательно в товарное производство, не подчиненным рынку. Поэтому такая аргументация (в которой, между прочим, упражнялся г. В. В.), что упадок дворянских хозяйств после реформы и аренда крестьянами частновладельческих земель опровергает мнение о капиталистической эволюции нашего земледелия,—эта аргументация доказывает только полное непонимание дела у прибегавших к ней. Понятно, что разрушение крепостных отношений, при которых культура была в руках крестьян, вызвало кризис помещиков. Но не говоря уже о том, что этот кризис повел только к применению все в больших и больших размерах труда батраков и поденщиков, сменявшего отживающие формы полуфеодального труда (за отработки),—не говоря уже об этом, самое крестьянское хозяйство стало существенно изменять свой характер: оно вынуждено было работать на рынок, что́ и не замедлило повести к расколу крестьянства на деревенскую мелкую буржуазию и сельский пролетариат. Этот раскол окончательно решает вопрос о капитализме в России. Г. Струве поясняет указанный процесс в V главе, где он замечает: «Мелкий земледелец диференцируется: развивается, с одной стороны, «экономически крепкое» крестьянство [надо было сказать: буржуазное], с другой—крестьянство пролетарского типа. Черты народного производства соединяются с капиталистическими в одну картину, над которой явственно значится надпись: чумазый идет» (стр. 177).

Вот на эту сторону дела, на буржуазную организацию нового, «рационального» земледелия и следовало обратить внимание. Следовало показать народникам, что, игнорируя указанный процесс, они превращаются из идеологов крестьянства в идеологов мелкой буржуазии. «Поднятие народного производства», которого они жаждут, может означать, при такой организации крестьянского хозяйства, только «поднятие» мелкой буржуазии. Напротив, те, кто указывает на производителя, живущего в наиболее развитых капиталистических отношениях, выражают правильно интересы не одного только этого производителя, а и всей гигантской массы «пролетарского» крестьянства.

Неудовлетворительность изложения у г. Струве, его неполнота и недоговоренность привела к тому, что, говоря о рациональном земледелии, он не характеризовал его общественно-экономической организации,—что, показывая, как паровой транспорт заменяет нерациональное производство рациональным, натуральное—товар-

ным, он не характеризовал той новой формы классового антагонизма, которая складывается при этом.

Этот же недостаток в постановке вопросов сказывается на большей части рассуждений в разбираемых главах. Для иллюстрации приведу еще несколько примеров. Товарное хозяйство,—говорит автор,—и широкое общественное разделение труда «развиваются, опираясь на институт частной собственности, принципы экономической свободы и чувство индивидуализма» (91). Прогресс национального производства связан с «мерой господства института частной собственности над обществом». «Быть может, это печально, но так происходит дело в действительности, это—эмпирически, исторически установленное сосуществование. В настоящее время, когда с таким легкомыслием третируются идеи и принципы XVIII века, при чем в сущности повторяется его же ошибка,—слишком часто забывается эта культурно-историческая связь экономического прогресса с институтом частной собственности, принципами экономической свободы и чувством индивидуализма. Только игнорируя эту связь, можно рассчитывать на то, что без осуществления названных начал возможен для экономически и культурно неразвитого общества хозяйственный прогресс. Мы не чувствуем никакой особенной симпатии к этим началам и прекрасно понимаем их исторически-преходящий характер, но в то же время мы не можем не видеть в них огромной культурной силы, не только отрицательной, но и положительной. Не видеть ее может только идеализм, мнящий себя в своих построениях не связанным никакой исторической преемственностью» (91).

Автор совершенно прав в своем «объективном» констатировании «исторических сосуществований», но тем более досады возбуждает недоговоренность его аргументации. Так и хочется сказать ему: договаривайте же! Сводите эти общие положения и исторические справки к определенному периоду нашей русской истории, формулируйте их так, чтобы показать, почему и в чем именно отличается ваше понимание от народнического, сопоставляйте их с той действительностью, которая должна служить критерием для русского марксиста, показывайте классовые противоречия, скрадываемые всеми этими прогрессами и культурами*).

Тот «прогресс» и та «культура», которые принесла с собой пореформенная Россия, несомненно, связаны с «институтом част-

*) Contra principia negantem disputari non potest,—говорит автор о споре с народниками. Это зависит от того, как формулировать эти principia,—как общие ли положения и справки, или как иное понимание таких-то и таких-то фактов русской истории и действительности.

ной собственности»—он не только был проведен впервые со всей полнотой созданием нового «состязательного» гражданского процесса, обеспечившего такое же «равенство» на суде, которое воплощалось в жизни «свободным трудом» и его продажей капиталу; он был распространен на землевладение как помещиков, избавленных от всех государственных повинностей и обязанностей, так и крестьян, превратившихся в крестьян-собственников; он был положен даже в основание политических прав «граждан» на участие в местном самоуправлении (ценз) и т. д. Еще более несомненна «связь» нашего «прогресса» с «принципами экономической свободы»: мы уже слышали в I главе от нашего народника, как эта «свобода» состояла в освобождении «скромных и бородатых» собирателей земли русской от необходимости «смиряться перед малым полицейским чином». Мы уже говорили о том, как «чувство индивидуализма» создавалось развитием товарного хозяйства. Сводя вместе все эти черты отечественного прогресса, нельзя не притти к выводу (сделанному и народником 70-х годов), что этот прогресс и культура были сплошь буржуазными. Современная Россия гораздо лучше дореформенной, но так как все это улучшение целиком и исключительно обязано буржуазии, ее агентам и идеологам, то производители им и не воспользовались. Для них эти улучшения означали только перемену формы прибавочного продукта, означали только улучшенные и усовершенствованные приемы освобождения производителя от средств производства. Поэтому г.г. народники проявляют самое невероятное «легкомыслие» и забывчивость, когда с протестом против русского капитализма и буржуазности обращаются к тем, кто именно и был их носителем и проводником. Про них только и можно сказать: «своя своих не познаша».

Согласиться с такой квалификацией пореформенной России и «общества» современному народнику будет не под силу. А чтобы оспаривать это, ему пришлось бы отрицать буржуазный характер пореформенной России, отрицать то самое, во имя чего поднимался его отдаленный предок, народник 70-х годов, и «шел в народ» искать «залогов будущего» у самих непосредственных производителей. Конечно, современный народник не только решится, чего доброго, отрицать это, но и станет, пожалуй, доказывать, что в рассматриваемом отношении произошла перемена к лучшему; но этим он только показал бы всем, кто еще этого не видит, что он не представляет из себя решительно ничего более, как самого обыкновенного маленького буржуа.

Как видит читатель, мне приходится только договаривать по-

ложения г. Струве, давать им иную формулировку,—«то же слово да иначе молвить». Спрашивается, есть ли нужда в этом? Стоит ли останавливаться с такою подробностью на этих дополнениях и выводах? Не разумеются ли они сами собой?

Мне кажется,—стоит, по двум причинам. Во-первых, узкий объективизм автора крайне опасен, так как доходит до забвения граней между старыми, так вкоренившимися в нашей литературе, профессорскими рассуждениями о путях и судьбах отечества,—и точной характеристикой действительного процесса, двигаемого такими-то классами. Этот узкий объективизм, эта невыдержанность марксизма—основной недостаток книги г. Струве, и на нем необходимо особенно подробно остановиться, чтобы показать, что он и вытекает именно не из марксизма, а из недостаточного проведения его; не из того, что автор видел иные критерии своей теории кроме действительности, чтобы он делал другие практические выводы из доктрины (они невозможны, повторяю, немыслимы без искалечения всех главнейших ее положений), а потому, что автор ограничился одной, наиболее общей, стороной теории и не провел ее с полной последовательностью. Во-вторых, нельзя не согласиться с той мыслью, которая высказана автором в предисловии, что прежде, чем критиковать народничество на частных вопросах, необходимо было «раскрыть самые основы разногласия» (VII) посредством «принципиальной полемики». Но именно для того, чтобы эта цель автора не осталась недостигнутой, и необходимо придать более конкретный смысл почти всем его положениям, необходимо свести его слишком общие указания на конкретные вопросы русской истории и действительности. По всем этим вопросам предстоит еще русским марксистам большая работа «пересмотра фактов» с материалистической точки зрения,—раскрытия классовых противоречий в деятельности «общества» и «государства», за теориями «интеллигенции»,—наконец, работа по установлению связи между всеми отдельными, бесконечно разнообразными формами присвоения прибавочного продукта в российских «народных» производствах и той передовой, наиболее развитой капиталистической формой этого присвоения, которая содержит в себе «залоги будущего» и выдвигает в настоящее время на первый план идею и историческую задачу «производителя». Поэтому, как бы ни казалась смелой попытка указать решение этих вопросов, сколько изменений, исправлений ни принесло бы дальнейшее, детальное изучение,—все-таки стоит труда наметить конкретные вопросы, чтобы вызвать возможно более общее и широкое обсуждение их.

Кульминационной точкой того узкого объективизма г. Струве, который порождает у него неправильность постановки вопросов, является рассуждение его о Листе [46]), о его «замечательном учении» насчет «конфедерации национальных производительных сил», о важности для сельского хозяйства развития фабричной промышленности, о превосходстве мануфактурно-земледельческого государства над земледельческим и т. п. Автор находит, что это «учение» чрезвычайно «убедительно говорит об исторической неизбежности и законности капитализма в широком смысле слова» (123), о «культурно-исторической мощи торжествующего товарного производства» (124).

Профессорский характер рассуждений автора, как бы поднимающегося выше всяких определенных стран, определенных исторических периодов, определенных классов, сказывается тут особенно наглядно. Как ни смотреть на это рассуждение,—с теоретической ли чисто или с практической стороны,—одинаково правильна будет такая оценка. Начнем с первой. Не странно ли думать, что можно «убедить» кого бы то ни было в «исторической неизбежности и законности капитализма» для известной страны абстрактными, догматичными положениями о значении фабричной промышленности? Не ошибка ли ставить вопрос на эту почву, столь любезную либеральным профессорам из «Русского Богатства»? Не обязательно ли для марксиста свести все дело к выяснению того что́ есть и почему есть именно так, а не иначе?

Народники считают наш капитализм искусственным, тепличным растением, потому что не понимают связи его со всей товарной организацией нашего общественного хозяйства, не видят корней его в нашем «народном производстве». Покажите им эти связи и корни, покажите, что капитализм господствует в наименее развитой и потому в наихудшей форме и в народном производстве,—и вы докажете «неизбежность» русского капитализма. Покажите, что этот капитализм, повышая производительность труда и обобществляя его, развивает и выясняет ту классовую, социальную противоположность, которая повсюду сложилась в «народном производстве»,—и вы докажете «законность» русского крупного капитализма. Что касается до практической стороны этого рассуждения, соприкасающегося с вопросом о торговой политике, то можно заметить следующее. Русские марксисты, подчеркивая прежде всего и сильнее всего, что вопрос о свободе торговли и протекционизме есть вопрос капиталистический, вопрос буржуазной политики, должны стоять за свободу торговли, так как в России с особенной силой сказывается реакционность

протекционизма, задерживающего экономическое развитие страны, служащего интересам не всего класса буржуазии, а лишь кучке олигархов-тузов,—так как свобода торговли означает ускорение того процесса, который несет средства избавления от капитализма.

Последний § (XI) III главы посвящен разбору понятия «капитализм». Автор очень справедливо указывает, что это слово употребляется «весьма вольно», приводит примеры «очень узкого» и «очень широкого» его понимания, но никаких точно определенных признаков не устанавливает; понятие—«капитализм», несмотря на разбор автора, осталось неразобранным. А между тем, казалось бы, это не должно представить особенного труда, потому что понятие это введено в науку Марксом и им же обосновано фактически. Но г. Струве и тут не желал бы заражаться «ортодоксией». «Маркс сам,—говорит он,—представлял себе процесс превращения товарного производства в товарно-капиталистическое, быть-может, более стремительным и прямолинейным, чем он есть на самом деле» (стр. 127, прим.). Быть-может. Но так как это единственное представление, обоснованное научно и подкрепленное историей капитала, так как с другими представлениями, «быть-может», менее «стремительными» и менее «прямолинейными», мы не знакомы, то мы и обратимся к Марксу. Существенными признаками капитализма, по его учению, являются (1) товарное производство, как общая форма производства. Продукт принимает форму товара в самых различных общественных производственных организмах, но только в капиталистическом производстве такая форма продукта труда является общей, а не исключительной, не единичной, не случайной. Второй признак капитализма—(2) принятие товарной формы не только продуктом труда, но и самим трудом, т.-е. рабочей силой человека. Степень развития товарной формы рабочей силы характеризует степень развития капитализма *).—При помощи этого определения мы легко разберемся в приводимых г. Струве примерах неправильного понимания этого термина. Несомненно, что противопоставление русских порядков капитализму, основанное на технической отста-

---

*) «Das Kapital», II Band (1885), S. 93. («Капитал», том II, стр. 93 русского издания под ред. И. Степанова. Ред.). Необходимо оговориться, что Маркс в указанном месте вовсе не дает дефиниции (определения. Ред.) капитализма. Он вообще дефинициями не занимался. Здесь указывается лишь на отношение товарного производства к капиталистическому, о чем в тексте и идет речь.

лости нашего народного хозяйства, на преобладании ручного производства и т. п., и так часто приводимое народниками,—совершенно нелепо, ибо капитализм существует и при низкой и при высоко развитой технике, и Маркс много раз подчеркивает в «Капитале», что капитал сначала подчиняет себе производство таким, каким он его находит, и лишь впоследствии преобразует его технически. Несомненно, что немецкая Hausindustrie (домашняя промышленность. Ред.), русская «домашняя система крупного производства» представляют из себя капиталистическую организацию промышленности, ибо тут не только господствует товарное производство, но и владелец денег господствует над производителем и присваивает себе сверхстоимость. Несомненно, что любимое народническое противопоставление западно-европейскому капитализму русского «владеющего землей» крестьянства показывает тоже только непонимание того, что такое капитализм. И на Западе, как совершенно справедливо замечает автор, сохраняется кое-где полунатуральное хозяйство крестьян» (124), но этот факт ни на Западе, ни в России не устраняет ни преобладания товарного производства, ни подчинения преобладающего большинства производителей капиталу,—подчинения, которое до своего высшего, предельного развития проходит много ступеней, обыкновенно народниками игнорируемых, несмотря на совершенное точное разъяснение дела Марксом. Начинается это подчинение торговым и ростовщическим капиталом, затем переходит в индустриальный капитализм, который в свою очередь сначала является технически совершенно примитивным и ничем не отличается от старых систем производства, затем организует мануфактуру, которая все еще основывается на ручном труде, покоится на преобладающих кустарных промыслах, не нарушая связи наемного рабочего с землей,—и завершает развитие крупной машинной индустрией. Только последняя, высшая стадия представляет кульминационную точку развития капитализма, только она создает совершенно экспроприированного, свободного, как птица, рабочего *), только она порождает (и в материальном и в социальном отношении) то «объединяющее значение» капитализма, которое народники привыкли связывать с капитализмом вообще, только она противополагает капитализму его «кровное детище».

Четвертая глава книги: «Прогресс экономический и прогресс

*) Народники всегда изображают дело так, что обезземеленный рабочий—необходимое условие капитализма вообще, а не только машинной индустрии.

социальный» составляет прямое продолжение третьей главы, относясь к той части книги, которая выдвигает против народников данные «общечеловеческого опыта». Нам придется тут подробно остановиться, во-первых, на одном неправильном взгляде автора [или неудачном выражении?] насчет последователей Маркса и, во-вторых, на формулировке задач экономической критики народничества.

Г. Струве говорит, что Маркс представлял себе переход от капитализма к новому общественному строю в виде резкого падения, крушения капитализма. (Он находит, что это дают основание думать «некоторые места» у Маркса, тогда как на самом деле этот взгляд содержится во всех сочинениях Маркса.) Последователи его борются за реформы. В точку зрения Маркса 40-х годов «внесен был важный корректив»: вместо «пропасти», отделяющей капитализм от нового строя, был признан «целый ряд переходов».

Мы никак не можем признать это правильным. Никакого «корректива» (исправления по-русски) ни важного, ни неважного не вносили «последователи Маркса» в его точку зрения. Борьба за реформы нисколько не свидетельствует о «коррективе», нимало не исправляет учения о пропасти и резком падении, так как эта борьба ведется с открыто и определенно признанной целью—дойти именно до «падения»; а что для этого необходим «целый ряд переходов»—одного фазиса борьбы, одной ступени ее в следующие,—это признавал и Маркс в 1840-х гг., говоря в «Манифесте», что нельзя отделять движение к новому строю от рабочего движения (и, следовательно, от борьбы за реформы), выставляя сам в заключение ряд практических мероприятий.

Если г. Струве хотел указать на развитие точки зрения Маркса, то он, конечно, прав. Но тогда мы видим тут не «корректив» к его взглядам, а как-раз наоборот: проведение, осуществление их.

Мы не можем также согласиться с отношением автора к народничеству.

«Наша народническая литература,—говорит он,—подхватила противопоставление национального богатства и народного благосостояния, прогресса социального, прогресса распределения» (131).

Народничество не «подхватило» этого противопоставления, а только констатировало наличность в пореформенной России той же противоположности между прогрессом, культурой, богатством и—освобождением производителя от средств производства, уменьшением доли производителя в продукте народного

труда, ростом нищеты и безработицы, которая создала это противопоставление и на Западе.

...«В силу своего гуманного, народолюбивого характера, эта литература сразу решила вопрос в пользу народного благосостояния, и так как некоторые народно-экономические формы (община, артель) повидимому, воплощали в себе идеал экономического равенства и таким образом обеспечивали народное благосостояние, а прогресс производства под влиянием усиленного обмена отнюдь не обещал благоприятствовать этим формам, устраняя их экономические и психические основы, то народники, указывая на печальный опыт Запада с производственным прогрессом, опирающимся на частную собственность и экономическую свободу, противопоставили товарному хозяйству—капитализму так-называемое «народное производство», гарантирующее народное благосостояние, как общественно-экономический идеал, за сохранение и дальнейшее развитие которого надлежит бороться русской интеллигенции и русскому народу».

В этом рассуждении с полной наглядностью выступают недостатки изложения у г. Струве. Народничество изображается как «гуманная» теория, которая «подхватила» противопоставление национального богатства и народной бедности, «решила вопрос» в пользу распределения, ибо «опыт Запада» «не обещал» народного благосостояния. И автор начинает спорить против такого «решения» вопроса, упуская из виду, что он воюет только против идеалистического и притом наивно-мечтательного обличения народничества, а не против его содержания, упуская из виду, что он самым уже допущением обычной у гг. народников профессорской постановки вопроса делает крупную ошибку. — Как уже было замечено, содержание народничеству дает отражение точки зрения и интересов русского мелкого производителя. «Гуманность и народолюбивость» теории была следствием придавленного положения нашего мелкого производителя, терпевшего жестокие невзгоды и от «старо-дворянских» порядков и традиций, и от гнета крупного капитала. Отношение народничества к «Западу» и его влиянию на Россию определилось, конечно, уже не тем, что оно «подхватило» у него ту или иную идею, а условиями жизни мелкого производителя: он видел против себя крупный капитализм заимствующий западно-европейскую технику *), и, будучи угнетаем им, строил наивные теории, объяснявшие не капиталистическую политику капиталистическим хозяйствам, а капи-

*) Ср. вышеприведенную статью из «От. Зап.».

тализм—политикой, объявлявшие крупный капитализм чем-то чуждым русской жизни, наносным. Прикрепление к своему отдельному маленькому хозяйству отнимало у него возможность понять истинный характер государства,—и он обращался к нему с просьбой о поддержке и развитии мелкого («народного») производства. Неразвитость классовой противоположности, присущей русскому капиталистическому обществу, породила то, что теория этих идеологов мещанства выступила как представительница интересов труда вообще.

Вместо того, чтобы показать нелепость самой уже постановки вопроса у народников и объяснить их «решение» этого вопроса материальными условиями жизни мелкого производителя, автор сам в своей постановке вопроса проявляет догматизм, напоминающий о народническом «выборе» между экономическим и социальным прогрессом.

«Задачей критики экономических основ народничества является... доказать следующее:

1) «Прогресс экономический есть необходимое условие прогресса социального; последний исторически вытекает из первого, и на известной ступени развития между обоими процессами должно явиться и на самом деле является органическое взаимодействие, взаимная обусловленность» (131).

Вообще говоря, положение это, разумеется, совершенно справедливо. Но оно намечает скорее задачи критики социологических, а не экономических основ народничества: в сущности, это—иная формулировка того учения, по которому развитие общества определяется развитием производительных сил и о котором шла речь в I и II главах. Для критики «экономических основ народничества» этого недостаточно. Надо конкретнее формулировать вопрос, свести его от прогресса вообще к «прогрессу» капиталистического русского общества, к тем неправильностям в понимании этого прогресса, которые породили смешные народнические сказки о tabula rasa, о «народном производстве», о беспочвенности русского капитализма и т. д. Вместо того, чтобы говорить: между экономическим и социальным прогрессом должно явиться взаимодействие,—надо указать (или хотя бы наметить) определенные явления социального прогресса в России, у которых народники не видят таких-то экономических корней *).

*) Могут возразить, что я просто забегаю вперед: автор ведь сказал, что от общих вопросов намерен постепенно переходить к конкретным, которые он и разбирает в VI главе. Но дело в том, что указанная абстрактность

2) «Поэтому вопрос об организации производства и степени производительности труда есть вопрос, первенствующий над вопросом о распределении; при известных исторических условиях, когда производительность народного труда и абсолютно и относительно очень низка, первостепенное значение производственного момента сказывается особенно резко».

Автор опирается тут на учение Маркса о подчиненном значении распределения. Эпиграфом к IV главе взяты слова его из замечаний на Готскую программу [47]), где Маркс противопоставляет вульгарный социализм—научному, который не придает существенного значения распределению, объясняя общественный строй организацией производственных отношений и считая, что данная организация их уже включает в себе определенную систему распределения. Эта идея, по совершенно справедливому замечанию автора, проникает собой все учение Маркса, и она имеет крайне важное значение для уяснения мещанского содержания народничества. Но вторая половина фразы г. Струве сильно затуманивает ее, особенно благодаря неясному термину «производственный момент». Может, пожалуй, возникнуть недоумение, в каком смысле понимать этот термин. Народник стоит на точке зрения мелкого производителя, объясняющего свои невзгоды крайне поверхностно: тем, что он «беден», сосед скупщик «богат», тем, что «начальство» помогает только крупному капиталу и т. д., одним словом, особенностями распределения, ошибками политики и т. п. Какую же точку зрения противополагает ему автор: точку ли зрения крупного капитала, с презрением смотрящего на мизерное хозяйствование крестьянина-кустаря и гордившегося высокой степенью развития своего производства, своей «заслугой», состоящей в повышении и абсолютно и относительно низкой производительности народного труда? или точку зрения его антипода, который живет уже в отношениях настолько развитых, что не может удовлетвориться ссылками на политику да на распределение, который начинает понимать, что причина лежит глубже—в самой организации (общественной) производства, в самом устройстве общественного хозяйства на началах индивидуальной собственности под контролем и руководством рынка? Такой вопрос естественно мог бы возникнуть у читателя, тем более, что автор иногда употребляет выражение «производственный момент» на-ряду с выражением «хозяйственность»

критики г. Струве составляет отличительное свойство всей его книги, и VI главы и даже заключительной части. Нуждается в исправлении у него больше всего именно постановка вопросов.

(см. с. 171: «игнорирование производственного момента» у народников, «доходящее до отрицания всякой хозяйственности»), тем более, что автор иногда соотношением «нерационального» и «рационального» производства заслоняет отношение мелкого производителя и производителя, окончательно уже потерявшего средства производства. Спору нет, что верность изложения автора с объективной стороны от этого не уменьшается; что представить себе дело с точки зрения последнего отношения легко для всякого понимающего антагонистичность капиталистического строя. Но так как общеизвестно, что именно господа российские народники этого не понимают, то в спорах с ними и желательно видеть больше определенности и договоренности и как можно меньше слишком общих абстрактных положений.

Как мы старались показать на конкретном примере в I главе, все отличие народничества от марксизма состоит в характере критики русского капитализма. Народник для критики капитализма считает достаточным констатировать наличность эксплоатации, взаимодействие между ней и политикой и т. п. Марксист считает необходимым объяснить и связать вместе эти явления эксплоатации, как систему известных производственных отношений, как особую общественно-экономическую формацию, законы функционирования и развития которой подлежат объективному изучению. Народник считает достаточным для критики капитализма—осудить его с точки зрения своих идеалов, с точки зрения «современной науки и современных нравственных идей». Марксист считает необходимым проследить со всей подробностью те классы, которые образуются в капиталистическом обществе, считает основательной только критику с точки зрения определенного класса,—критику, основывающуюся не на моральных суждениях «личности», а на точной формулировке действительно происходящего общественного процесса.

Если попытаться, исходя из этого, формулировать задачи критики экономических основ народничества, то они выразились бы примерно таким образом:

Надо доказать, что крупный капитализм в России относится к «народному производству», как вполне развитое явление к неразвитому, как высшая стадия развития капиталистической общественной формации к низшей ее стадии *);—что освобождение

---

*) Анализ экономической стороны должен быть, разумеется, дополнен анализом социальных, юридико-политических и идейных надстроек. Непони-

производителя от средств производства и присвоение продукта его труда владельцем денег должно быть объяснено как на фабрике, так и в самой хотя бы общинной деревне не политикой, не распределением, а теми отношениями производства, которые необходимо складываются в товарном хозяйстве, тем образованием противоположных по своим интересам классов, которое характеризует капиталистическое общество *);—что та действительность (мелкое производство), которую народники хотят поднять на высшую ступень, минуя капитализм, уже включает в себя капитализм и присущую ему противоположность классов и столкновения их,—но только в наихудшей ее форме, затрудняющей самостоятельную деятельность производителя, и что поэтому народники, игнорируя сложившиеся уже социальные противоположности и мечтая об «иных путях для отечества», являются утопистами, реакционерами, так как крупный капитализм только развивает, очищает и выясняет содержание этих противоположностей, существующих в России везде и повсюду.

В непосредственной связи с слишком абстрактной формулировкой задач экономической критики народничества стоит и дальнейшее изложение автора, доказывающего «необходимость» и «прогрессивность» не русского капитализма, а западно-европейского. Не затрагивая непосредственно экономического содержания народнической доктрины, это изложение дает однако много интересного и поучительного. В нашей народнической литературе не раз раздавались голоса недоверия к западно-европейскому рабочему движению. Особенно ярко выразилось это во время последней полемики против марксистов г.г. Михайловского и К° («Русское Богатство», 1893—4). Мы еще ничего хорошего не видали от капи-

---

мание связи капитализма с «народным производством» порождало у народников идеи о неклассовом характере крестьянской реформы, государственной власти, интеллигенции и т. д. Материалистический анализ, сводя все эти явления к классовой борьбе, должен показать конкретно, что наш русский пореформенный «социальный прогресс» был только следствием капиталистического «экономического прогресса».

*) «Пересмотр фактов» русской экономической действительности, особенно той, из которой народники почерпают материал для своих институтских мечтаний, т.-е. крестьянского и кустарного хозяйства, должен показать, что причина угнетенного положения производителя лежит не в распределении («мужик беден, скупщик богат»), а в самых уже отношениях производства, в самой общественной организации современного крестьянского и кустарного хозяйства. Отсюда выяснится, что и в «народном» производстве «вопрос об организации производства первенствует над вопросом о распределении».

тализма, — писал тогда г. Михайловский *). Нелепость этих мещанских взглядов прекрасно опровергается данными г. Струве, тем более, что данные эти заимствованы из новейшей буржуазной литературы, которую никак нельзя заподозрить в преувеличении. Цитаты, приводимые автором, показывают, что на Западе все, даже буржуа, видят, что переход капитализма в новую общественно-экономическую формацию неизбежен.

Обобществление труда капитализмом подвинулось так далеко, что даже и в буржуазной литературе громко говорят о необходимости «планомерной организации народного хозяйства». Автор совершенно прав, говоря, что это—«признак времени», признак полного разложения капиталистических порядков. Крайне интересны приводимые им заявления не только буржуазных профессоров, но и консерваторов, вынужденных признать то, что и по сю пору хотят отрицать российские радикалы,—именно, что рабочее движение создано теми материальными условиями, которые порождены капитализмом, а не «просто» культурой или иными политическими условиями.

После всего вышеизложенного, нам едва ли уже есть надобность останавливаться на рассуждении автора, что распределение может прогрессировать только опираясь на рациональное производство. Ясно, что смысл этого положения—тот, что только крупный капитализм, основанный на рациональном производстве, ставит производителя в условия, позволяющие ему поднять голову, подумать и позаботиться и о себе и о тех, кто благодаря отсталому производству не находится в этих условиях.

Мы заметим только два слова по поводу такой фразы г. Струве: «Крайне неравномерное распределение, задерживающее экономический прогресс, не создано капитализмом: оно перешло к нему по наследству» от той эпохи, в которой романтики видят

---

*) Нельзя не отметить, что в ответе г. Струве г. Михайловский усматривает «влюбленность в себя» у Энгельса, который говорит, что доминирующим, гигантским фактом современности, делающим эту современность лучше всякой другой эпохи, оправдывающим историю ее происхождения, является рабочее движение на Западе.

Этот просто возмутительный упрек Энгельсу крайне характерен для оценки современного русского народничества.

Эти господа умеют болтать о «народной правде», умеют разговаривать с нашим «обществом», журя его за неправильный выбор пути для отечества, умеют сладко петь о том, что «либо сейчас, либо никогда», и петь это «10 лет, 20 лет, 30 лет и более»,—но абсолютно неспособны понять, какое всеобъемлющее значение имеет самостоятельное выступление тех, во имя кого и пелись эти сладкие песни.

молочные реки и кисельные берега (стр. 159). Это верно, если при этом автор хочет сказать только, что и до капитализма было неравномерное распределение, о котором склонны забывать г.г. народники. Но это неверно, если отрицать усиление неравномерности капитализмом. При крепостном праве не было и быть не могло такого резкого неравенства между совершенно обнищавшим крестьянином или босяком, — и банковским, железнодорожным, промышленным тузом, которое создано пореформенной капиталистической Россией.

Перейдем к V главе. Автор дает тут общую характеристику «народничества, как экономического мировоззрения». «Народники», по мнению г. Струве,—«идеологи натурального хозяйства и первобытного равенства» (167).

С такой характеристикой невозможно согласиться. Мы не станем здесь повторять доводов, приведенных в I главе, в пользу того, что народники—идеологи мелкого производителя. Там было уже показано, как именно материальные условия жизни мелкого производителя,—его переходное, срединное положение между «хозяевами» и «рабочими»,—порождает и непонимание классовых противоречий народниками и странную смесь прогрессивных и реакционных пунктов их программы.

Здесь добавим только, что первой, т.-е. прогрессивной, своей стороной русское народничество сближается с западно-европейским демократизмом, и потому к нему целиком приложима гениальная характеристика демократизма, данная свыше 40 лет назад по поводу событий французской истории:

«Демократ, представляя мелкую буржуазию, т.-е. переходный класс, в котором взаимно притупляются интересы двух классов,—воображает поэтому, что он вообще стоит выше классового антагонизма. Демократы допускают, что против них стоит привилегированный класс, но вместе со всем остальным населением нации они составляют народ. Они стоят за народное право; они представляют народные интересы. Поэтому им нет надобности исследовать интересы и положение различных классов. Им нет надобности слишком строго взвешивать свои собственные средства *)... Если оказывается, что их интересы не за-

---

*) Точь-в-точь российские народники. Они не отрицают, что есть на Руси классы, антагонистичные производителю, но они убаюкивают себя рассуждениями о ничтожности этих «хищников» перед «народом» и не хотят заняться точным исследованием положения и интересов каждого отдельного класса, не хотят разобрать, не переплетаются ли интересы некоторого разряда

интересовывают, что их сила есть бессилие, то виноваты тут либо вредные софисты, раскалывающие единый народ на различные враждебные лагери *)..., либо все рухнуло из-за какой-нибудь детали исполнения, либо, наконец, непредусмотренная случайность повела на этот раз к неудаче. Во всяком случае демократ выходит из самого позорного поражения настолько же незапятнанным, насколько невинным он туда вошел, выходит с укрепившимся убеждением, что он должен победить, что не он сам и его партия должны оставить старую точку зрения, а, напротив, обстоятельства должны дорасти до него» (ihm entgegenzureifen haden. Der achtzehnte Brumaire u. s. w., S. 39).

О неправильности той характеристики народников, которая видит в них идеологов натурального хозяйства и первобытного равенства, говорят приведенные самим автором примеры. «Как курьез следует отметить, — говорит г. Струве,—что г.—он до сих пор называет Васильчикова либеральным экономистом» (169). Если брать это наименование по существу, то оно вовсе не курьезно. Васильчиков ставит в свою программу дешевый и широко распространенный кредит. Г. Николай — он не может не видеть, что на почве капиталистического общества, каково русское, кредит только усилит буржуазию, поведет к «развитию и упрочению капиталистических отношений» («Очерки», стр. 77). Васильчиков, как и все народники, своими практическими мероприятиями представляет интересы одной лишь мелкой буржуазии. Курьезно тут разве только то, что г.—он, восседая рядом с публицистами «Русского Богатства», «до сих пор» не видит, что они представляют из себя совершенно таких же маленьких «либеральных экономистов», как и кн. Васильчиков. Теория утопизма легко мирится на практике с мещанскими прогрессами. Еще более подтверждает такую квалификацию народничества Головачев [48]), сознающий бессмысленность поголовного надела и предлагающий «дешовый кредит для рабочего люда». Критикуя эту «изумительную» теорию, г. Струве обращает внимание только на ее теоретическую вздорность, но не замечает как-будто ее мелкобуржуазного содержания.

Нельзя не остановиться еще, по поводу V главы, на «законе

производителей с интересами «хищников», ослабляя силу сопротивления первых против последних.

*) Для российских народников виноваты зловредные марксисты, искусственно прививающие капитализм и его классовые антагонизмы к почве, на которой так пышно растут цветы «социального взаимоприспособлеиия» и «солидарной деятельности», (г. В. В. у Струве, стр. 161).

средних потребностей» г. Щербины [49]). Это важно для оценки мальтузианства [50]) г. Струве, которое рельефно выступает в VI главе. «Закон» состоит в том, что при группировке крестьян по наделу получается очень мало колеблющаяся (по группам) средняя величина потребностей крестьянской семьи (т.-е. расходов на разные нужды), при чем расходы г. Щербина расчисляет на 1 душу населения.

Г. Струве с удовольствием подчеркивает, что этот «закон» «имеет огромное значение», так как, дескать, подтверждает «общеизвестный» закон Мальтуса, что «благосостояние и размножение населения определяется доступными ему средствами существования».

Непонятно, почему обрадовался этому закону г. Струве. Непонятно, каким образом можно усматривать «закон» да еще с «огромным значением» в расчетах г. Щербины. Очень естественно, что при не особенно больших различиях в образе жизни отдельных крестьянских семей мы получаем мало колеблющиеся средние, если разобьем крестьян по группам; особенно если за основание при делении на группы возьмем размер надела, не определяющий непосредственно благосостояния семьи (так как надел может-быть сдан а может-быть, и еще арендована земля) и достающийся одинаково и богатому и бедному крестьянину, владеющим одинаковым числом окладных душ. Расчеты г. Щербины только и доказывают, что он избрал неудачный прием группировки. Если г. Щербина видит тут какой-то открытый им закон,—то это совсем странно. Не менее странно усматривать тут подтверждение закона Мальтуса, как-будто бы по величине надела можно было судить о «доступных крестьянину средствах существования», не принимая во внимание ни аренды, ни «заработков», ни экономической зависимости крестьянина от помещика и скупщика.—По поводу этого «закона» г. Щербины (изложение его у г. Щербины показывает, что сам автор «закона» придает невероятно большое значение своим ровно ничего недоказывающим средним цифрам) г. Струве говорит: «Народное производство» в данном случае означает просто хозяйство без приложения наемного труда. Что при такой организации хозяйства «прибавочная стоимость» остается в руках производителя,—это бесспорно» (176). И автор указывает, что при низкой производительности труда это не мешает представителю такого «народного производства» жить хуже рабочего. Увлечение мальтузианством привело автора к неточной формулировке выписанного положения. Торговый и ростовщический капитал подчиняет себе труд в каждой русской деревне и—не обращая

производителя в наемного рабочего—отнимает у него не меньше прибавочной стоимости, чем капитал индустриальный берет у работника. Г. Струве справедливо указал выше, что капиталистическое производство наступает с того момента, когда между производителем становится капиталист, хотя бы он только покупал у самостоятельного (по виду) производителя готовый товар (стр. 99 и пр. 2), и из русских «самостоятельных» производителей было бы не легко найти таких, которые не работают на капиталиста (купца, скупщика, кулака и пр.). Одна из самых крупных ошибок народников состоит в том, что они не видят теснейшей и неразрывной связи между капиталистической организацией русского общественного хозяйства и полновластным господством в деревне торгового капитала. Поэтому замечательно верно говорит автор, что «самое словосочетание «народное производство» в том смысле, как его употребляют г.г. народники, не отвечает никакому реальному историческому порядку. У нас в России до 1861 года «народное производство» было тесно связано с крепостным правом, а затем после 1861 года ускоренным темпом происходило развитие товарного хозяйства, которое не могло не искажать чистоты народного производства» (177). Когда народник говорит, что принадлежность производителю средств производства—исконное начало русского быта, он просто-на-просто извращает историю в угоду своей утопии, извращает посредством словесного ухищрения: при крепостном праве средства производства давались производителю помещиком для того, чтобы производитель мог отрабатывать на него барщину; надел был как бы натуральной заработной платой,—«исконным» средством присвоения прибавочного продукта. Разрушение крепостного права вовсе не было «освобождением» производителя; оно означало только перемену формы прибавочного продукта. Если где-нибудь в Англии падение крепостного права создало действительно самостоятельных и свободных крестьян, то наша реформа сразу совершила переход от «позорного» крепостного прибавочного продукта к «свободной» буржуазной сверхстоимости.

ГЛАВА VI.

Объяснение некоторых черт пореформенной экономики России у г. Струве.

Последняя (шестая) глава книги г. Струве посвящена самому важному вопросу—экономическому развитию России. Теоретическое содержание ее распадается на следующие отделы: 1) перенаселение в земледельческой России, его характер и причины; 2) разложение крестьянства, его значение и причины; 3) роль промышленного капитализма в разорении крестьянства; 4) частновладельческое хозяйство, характер его развития, и 5) вопрос о рынках для русского капитализма. Прежде чем перейти к разбору аргументации г. Струве по каждому из этих вопросов, остановимся на замечаниях его о крестьянской реформе.

Автор заявляет протест против «идеалистического» ее понимания и указывает на потребности государства, которые требовали подъема производительности труда, на выкуп, на давление «снизу». Жаль, что автор не договорил своего законного протеста до конца. Народники объясняют реформу развитием в «обществе» «гуманных» и «освободительных» идей. Факт этот несомненен, но объяснять им реформу—значит впадать в бессодержательную тавтологию, сводя «освобождение» к «освободительным» идеям. Для материалиста необходимо особое рассмотрение содержания тех мероприятий, которые во имя идей были осуществлены. Не было в истории ни одной важной «реформы», хотя бы и носившей классовый характер, в пользу которой не приводились бы высокие слова и высокие идеи. Точно так же и в крестьянской реформе. Если обратить внимание на действительное содержание произведенных ею перемен, то окажется, что характер их таков: часть крестьян была обезземелена, и—главное—остальным крестьянам, которым была оставлена часть их земли, пришлось выкупать ее как совершенно чужую вещь у помещиков и притом еще выкупать по цене, искусственно поднятой. Такие реформы не только у нас в России, но и на Западе облекались

теориями «свободы» и «равенства», и было уже показано в «Капитале», что почвой, взрастившей идеи свободы и равенства, было именно товарное производство. Во всяком случае, как ни сложен был тот бюрократический механизм, который проводил реформу в России, как ни далек он был, повидимому *), от самой буржуазии,—остается неоспоримым, что на почве такой реформы только и могли вырасти порядки буржуазные. Г. Струве совершенно справедливо указывает, что ходячее противоположение русской крестьянской реформы—западно-европейским неправильно: «совершенно неверно (в столь общей форме) утверждение, что в Западной Европе крестьяне были освобождены без земли или, другими словами, обезземелены законодательным путем» (196). Я подчеркиваю слова: «в столь общей форме», так как обезземеление крестьян законодательным путем—несомненный исторический факт всюду, где была произведена крестьянская реформа, но это факт не всеобщий, ибо часть крестьян, при освобождении от крепостной зависимости, выкупила землю у помещиков на Западе, выкупает и у нас. Только буржуа способны затушевывать этот факт выкупа и толковать о том, будто «освобождение крестьян с землей **) сделало из России tabula rasa» (слова некоего г. Яковлева, «от души приветствуемые» г. Михайловским—см. стр. 10 у П. Струве).

I.

Перейдем к теории г. Струве о «характере перенаселения в земледельческой России». Это—один из самых важных пунктов, в которых г. Струве отступает от «доктрины» марксизма к доктрине мальтузианства. Сущность его взглядов, развиваемых им в полемике против г. Н.—она, состоит в том, что перенаселение в земледельческой России—«не капиталистическое, а, так-сказать, простое, соответствующее натуральному хозяйству» ***).

---

*) На самом деле, как было указано выше, этот механизм только и мог служить буржуазии и по своему составу и по своему историческому происхождению.

**) Ежели говорить правду, то следовало бы сказать: предоставление части крестьян выкупать у помещиков часть их надельной земли за двойную цену. И даже еще не годится слово «предоставление», потому что за отказ крестьянина от такого «обеспечения наделом» ему грозила порка в волостном правлении.

***) Так формулировал г. Струве в своей статье в Socialpolitisches Centralblatt (1893, № 1, от 2 okt.). Он прибавляет, что не считает этого взгляда «мальтузианским».

Так как г. Струве говорит, что его возражение г.—ону «вполне совпадает с общим возражением Ф. А. Ланге [51]) против теории относительно перенаселения Маркса» (183, пр.), то мы и обратимся сначала к этому «общему возражению» Ланге для его проверки.

Ланге рассуждает о законе народонаселения Маркса в своем «Рабочем вопросе» в главе V (русский перевод, стр. 142—178). Он начинает с основного положения Маркса, что «вообще каждому исторически особенному способу производства соответствует свой собственный закон возрастания народонаселения, имеющий только историческое значение. Абстрактный закон размножения существует только для растений и животных». Ланге говорит на это:

«Да будет нам позволено заметить, что и для растений и животных, строго говоря, не существует никакого «абстрактного» закона размножения, так как вообще абстракция есть только выделение в целом ряде однородных явлений» (143), и Ланге с подробностью разъясняет Марксу, что̀ такое абстракция. Очевидно, что он просто не понял смысла заявления Маркса. Маркс противополагает в этом отношении человека—растениям и животным на том основании, что первый живет в различных, исторически сменяющихся, социальных организмах, определяемых системой общественного производства, а следовательно, и распределения. Условия размножения человека непосредственно зависят от устройства различных социальных организмов, и потому закон народонаселения надо изучать для каждого такого организма отдельно, а не «абстрактно, без отношения к исторически различным формам общественного устройства. Разъяснение Ланге, что абстракция есть выделение общего из однородных явлений, обращается целиком против него самого: мы можем считать однородными условия существования только животных и растений, но никак не человека, раз мы знаем, что̀ он жил в различных по типу своей организации социальных союзах.

Изложивши затем теорию Маркса об относительном перенаселении в капиталистической стране, Ланге говорит: «с первого взгляда может показаться, что эта теория порывает длинную нить, проходящую через всю органическую природу вплоть до человека, что она объясняет основания рабочего вопроса так, как будто бы общие изыскания о существовании, размножении и совершенствовании человеческого рода для нашей цели, т.-е. для понимания рабочего вопроса, вполне излишни» (154) *).

*) И в чем могут состоять эти «общие изыскания»? Если они будут игнорировать особенные экономические формации человеческого общества,—они

Нити, проходящей через всю органическую природу вплоть до человека, теория Маркса нимало не прерывает: она требует только, чтобы «рабочий вопрос»—так как таковой существует лишь в капиталистическом обществе—решался не на основании «общих изысканий» о размножении человека, а на основании особенных изысканий о законах капиталистических отношений. Но Ланге другого мнения: «в действительности же,—говорит он,—это не так. Прежде всего ясно, что фабричный труд уже в первых начатках своих предполагает нищету» (154). И Ланге посвящает полторы страницы доказательствам этого положения, которое очевидно само собой и которое ни на волос не двигает нас вперед: во-первых, мы знаем, что капитализм сам создает нищету еще ранее той стадии его развития, когда производство принимает фабричную форму, ранее того, как машины создают избыточное население; во-вторых, и предшествующая капитализму форма общественного устройства—феодальная, крепостническая, сама создавала свою особую нищету, которую она и передала по наследству капитализму.

«Но даже с таким могучим помощником [т.-е. с нуждой] первому предпринимателю лишь в редких случаях удается переманить значительное количество рабочих сил к новому роду деятельности. Обыкновенно дело происходит следующим образом. Из местности, где фабричная промышленность отвоевала уже себе права гражданства, предприниматель привозит с собой контингент рабочих; к нему он присоединяет нескольких бобылей *), не имеющих в данный момент работы, и дальнейшее выполнение наличного фабричного контингента производится уже среди подростающего юношества (156). Два последние слова Ланге пишет курсивом. Очевидно, «общие изыскания о существовании, размножении и совершенствовании человеческого рода» выразились именно в том положении, что фабрикант набирает новых рабочих из «подрастающего юношества», а не из увядающей старости. Добрый Ланге на целой странице еще (157) продолжает эти «общие изыскания», рассказывая читателю, что родители стремятся обеспечить своих детей,—что досужие моралисты напрасно осуждают стремление

сведутся к банальностям. А если они должны обнять несколько формаций, тогда, очевидно, что им должны предшествовать особенные изыскания о каждой формации отдельно.

*) Между прочим: откуда взялись эти «бобыли»? Вероятно, по мнению Ланге, это—не остаток крепостных порядков и не продукт господства капитала, а результат того, что «в народных нравах не укрепилась тенденция добровольного ограничения рождений» (стр. 157)?

выбиться из того состояния, в котором родился, что стремиться пристроить детей к собственному заработку—вполне естественно. Только преодолев все эти рассуждения, уместные разве в прописях, доходим мы до дела:

«В земледельческой стране, почва которой принадлежит мелким и крупным владельцам, неизбежно возникает, если только в народных нравах не укрепилась тенденция добровольного ограничения рождений, постоянный избыток рабочих рук и потребителей, желающих существовать на произведения данной территории» (157—158). Это чисто мальтузианское положение Ланге просто выставляет, без всяких доказательств. Он повторяет его еще и еще раз, говоря, что «во всяком случае народонаселение такой страны, хотя бы оно абсолютно и было очень редко, представляет обыкновенно признаки относительного перенаселения», что «на рынке постоянно преобладает предложение труда, между тем как спрос остается незначительным» (158),—но все это остается совершенно голословным. Откуда это следует, чтобы «избыток рабочих» получался действительно «неизбежно»? Откуда явствует связь этого избытка с отсутствием в народных нравах тенденции добровольного ограничения рождений? Не следовало ли, прежде чем рассуждать о «народных нравах», посмотреть на те производственные отношения, в которых живет этот народ? Представим себе, например, что те мелкие и крупные владельцы, о которых говорит Ланге, были соединены по производству материальных ценностей таким образом: мелкие владельцы получали от крупных земельные наделы на свое содержание и за это работали на крупных барщину, обрабатывая их поля. Представим далее, что эти отношения разрушены, что гуманные идеи до того закружили голову крупным владельцам, что они «освободили своих крестьян с землей», *т.-е.* отрезали у них, примерно, 20% наделов, а за остальные 80% заставили платить покупную цену земли, повышенную вдвое. Понятно, что эти крестьяне, обеспеченные таким образом от «язвы пролетариата», попрежнему должны работать на крупных владельцев, чтобы существовать, но работают они теперь уже не по наряду крепостного бурмистра, как прежде, а по свободному договору — следовательно, перебивают друг у друга работу, так как теперь они уже вместе не связаны и каждый хозяйничает за свой счет. Этот порядок перебивания работы неизбежно вытолкнет некоторых крестьян: так как они вследствие уменьшения наделов и увеличения платежей стали слабее по отношению к помещику, то конкуренция их увеличит норму прибавочного продукта, и помещик обойдется меньшим числом крестьян.

Сколько бы ни укреплялась в народных нравах тенденция добровольного ограничения рождений, — образование «избытка» все равно неизбежно. Рассуждение Ланге, игнорирующее общественно-экономические отношения, служит только наглядным докзательством негодности его приемов. А Ланге ничего не дает еще кроме таких же рассуждений. Он говорит, что фабриканты охотно переносят производство в деревенскую глушь, по той причине, что там «всегда имеется наготове потребное количество детского труда для любого дела» (161), не исследуя, какая история, какой способ общественного производства создал эту «готовность» родителей отдавать своих детей в кабалу. Его приемы всего рельефнее выясняются на таком его рассуждении: он цитирует Маркса, который говорит, что машинная индустрия, давая возможность капиталу покупать труд женщин и детей, делает рабочего «работорговцем».

«Так вот к чему клонилась речь!—победоносно восклицает Ланге.—Но разве можно думать, что рабочий, который из нужды продает свою собственную рабочую силу, так легко перешел бы и к торговле женой и детьми, если бы его и к этому шагу не побуждали, с одной стороны, нужда, а с другой—соблазн?» (163).

Добрый Ланге довел свое усердие до того, что защищает рабочего от Маркса, доказывая Марксу, что рабочего «толкает нужда».

...«Да и что иное в сущности представляет собою эта, все дальше развивающаяся нужда, как не метаморфозу борьбы за существование?» (163).

Вот к каким открытиям приводят «общие изыскания о существовании, размножении и совершенствовании человеческого рода»! Узнаем ли мы хоть что-нибудь о причинах «нужды», об ее политико-экономическом содержании и ходе развития, если нам говорят, что это—метаморфоза борьбы за существование? Ведь это можно сказать про все, что угодно, и про отношения рабочего к капиталисту, и землевладельца к фабриканту и к крепостному крестьянину, и т. д., и т. д. Ничего, кроме подобных бессодержательных банальностей или наивностей, не дает нам попытка Ланге исправить Маркса. Посмотрим теперь, что дает в подкрепление этой поправки последователь Ланге, г. Струве—на рассуждении о конкретном вопросе, именно перенаселении в земледельческой России.

Товарное производство, — начинает г. Струве, — увеличивает емкость страны. «Обмен проявляет такое действие не только путем полной технической и экономической реорганизации производства, но и в тех случаях, когда и техника производства остается на

прежней ступени и натуральное хозяйство удерживает, в общей экономии населения, прежнюю доминирующую роль. Но в этом случае после короткого оживления совершенно неизбежно наступает «перенаселение»; в нем, однако, товарное производство если и виновато, то только 1) как возбудитель, 2) как усложняющий момент» (182). Перенаселение наступило бы и без товарного хозяйства: оно носит некапиталистический характер.

Вот те положения, которые выставляет автор. С самого начала они поражают той же голословностью, какую мы видели у Ланге. Утверждается, что натурально-хозяйственное перенаселение неизбежно, но не поясняется, каким именно процессом оно создается. Обратимся к тем фактам, в которых автор находит подтверждение своих взглядов.

Данные за 1762—1846 год показывают, что население в общем размножалось вовсе не быстро: ежегодный прирост—1,07—1,5%. При этом быстрее размножилось оно, по словам Арсеньева [52]), в губерниях «хлебопашественных». «Факт этот,—заключает г. Струве,—чрезвычайно характерен для примитивных форм народного хозяйства, где размножение стоит в непосредственной зависимости от естественного плодородия,—зависимости, которую можно, так сказать, осязать руками». Это—действие «закона соответствия между размножением населения и средствами существования» (185). «Чем шире земельный простор и чем выше естественное плодородие земли, тем больше естественный прирост населения» (186). Вывод совершенно бездоказательный: на основании одного того факта, что в губерниях центральной области Европ. России население всего менее возросло с 1790 по 1846 год в Владимирской и Калужской губерниях, строится целый закон о соответствии между размножением населения и средствами существования. Да разве по «земельному простору» можно судить о средствах существования населения? (Если бы даже и признать, что столь немногочисленные данные позволяют делать общие выводы.) Ведь, «население» это не прямо обращало на себя добытые им продукты «естественного плодородия»: оно делилось ими с помещиками, с государством. Не ясно ли, что та или другая система помещичьего хозяйства,—оброк или барщина, размер повинностей и способы их взимания и т. д.,—неизмеримо более влияли на величину достающихся населению «средств существования», чем земельный простор, находившийся не в исключительном и свободном владении производителей? Да мало этого. Независимо от тех общественных отношений, которые выражались в крепостном праве, население связано было и тогда обменом: «отделение обрабаты-

вающей промышленности от земледелия, — справедливо говорит автор,—т.-е. общественное, национальное разделение труда существовало и в дореформенную эпоху» (189). Спрашивается, почему же в таком случае должны мы думать, что «средства существования» были менее обильны у владимирского кустаря или прасола, живших на болоте, чем у тамбовского серого земледельца со всем его «естественным плодородием земли»?

Заем г. Сттруве приводит данные об уменьшении крепостного населения перед освобождением. Экономисты, мнение которых он сообщает, приписывают это явление «упадку благосостояния» (189). Автор заключает:

«Мы остановились на факте уменьшения числа крепостного населения перед освобождением, потому что он—по нашему мнению—бросает яркий свет на экономическое положение России в ту эпоху. Значительная часть страны была... насыщена населением при данных техно-экономических и социально-юридических условиях: последние были прямо неблагоприятны для сколько-нибудь быстрого размножения почти 40% всего населения» (189). При чем же тут «закон» Мальтуса о соответствии размножения со средствами существования, когда крепостнические общественные порядки направляли эти средства существования в руки кучки крупных землевладельцев, минуя массу населения, размножение которой подвергается изучению? Можно ли признать какую-нибудь цену за таким, например, соображением автора, что наименьший прирост оказался или в малоплодородных губерниях со слабым развитием промышленности, или в густо населенных чисто-земледельческих губерниях? Г. Струве хочет видеть в этом проявление «некапиталистического перенаселения», которое должно было бы наступить и без товарного хозяйства, которое «соответствует натуральному хозяйству». Но с таким же, если не с большим правом можно было бы сказать, что это перенаселение соответствует крепостному хозяйству, что медленный рост населения всего более зависел от того усиления эксплоатации крестьянского труда, котрое произошло вследствие роста товарного производства в помещичьих хозяйствах вследствие того, что они стали употреблять барщинный труд на производство хлеба для продажи, а не на свои только потребности. Примеры автора говорят против него: они говорят о невозможности построить абстрактный закон народонаселения, по формуле о соответствии размножения со средствами существования, игнорируя исторически особые системы общественных отношений и стадии их развития.

Переходя к пореформенной эпохе, г. Струве говорит: «в исто-

рии населения после падения крепостного права мы видим ту же основную черту, что и до освобождения. Энергия размножения в общем стоит в прямой зависимости от земельного простора и земельного надела» (198). Это доказывается табличкой, группирующей крестьян по размеру надела и показывающей, что прирост населения тем больше, чем больше размер надела. «Да оно и не может быть иначе при условии натурального «самопотребительского»... хозяйства, служащего прежде всего для непосредственного удовлетворения нужд самого производителя» (199).

Действительно, если бы это было так, если бы наделы служили прежде всего для непосредственного удовлетворения нужд производителя, если бы они представляли единственный источник удовлетворения этих нужд,—тогда и только тогда можно было бы выводить из подобных данных общий закон размножения. Но мы знаем, что это не так. Наделы служат «прежде всего» для удовлетворения нужд помещиков и государства: они отбираются от владельцев, если эти «нужды» не удовлетворяются в срок; они облагаются платежами, превышающими их доходность. Далее, это — не единственный ресурс крестьянина. Дефицит в хозяйстве,—говорит автор,—должен превентивно и репрессивно отражаться на населении. Отхожие промыслы, отвлекая взрослое мужское население, сверх того задерживают размножение (199). Но если дефицит надельного хозяйства покрыт арендой или промысловым заработком, то средства существования крестьянина могут оказаться вполне достаточными для «энергичного размножения». Бесспорно, что так благоприятно обстоятельства могут сложиться лишь для меньшинства крестьян, но—при отсутствии специального разбора производственных отношений внутри крестьянства—ниоткуда не видно, чтобы этот прирост шел равномерно, чтобы он не вызывался преимущественно благосостоянием меньшинства. Наконец, автор сам ставит условием доказательности своего положения,—натуральное хозяйство, а после реформы, по его собственному признанию, широкой волной проникло в прежнюю жизнь товарное производство. Очевидно, что для установления общего закона размножения данные автора абсолютно недостаточны. Мало того—абстрактная «простота» этого закона, предполагающего, что средства производства в рассматриваемом обществе «служат прежде всего для непосредственного удовлетворения нужд самого производителя», дает совершенно неправильное, ничем недоказанное освещение в высшей степени сложным фактам. Например: после освобождения,—говорит г. Стру-

ве,—помещикам выгодно было сдавать крестьянам земли в аренду. «Таким образом, пищевая площадь, доступная крестьянству, т.-е. его средства существования увеличились» (200). Это прямолинейное отнесение всей аренды на счет «пищевой площади» совершенно голословно и неверно. Автор сам указывает, что помещики брали себе львиную долю продукта, производимого на их земле (200), так что еще вопрос, не ухудшала ли такая аренда (за отработки, например) положение арендаторов, не возлагала ли она на них обязательств, приводивших в конце концов к уменьшению пищевой площади. Далее, автор сам указывает, что аренда под силу лишь зажиточным (216) крестьянам, в руках которых она должна являться скорее средством расширения товарного хозяйства, чем укрепления «самопотребительского». Если бы даже было доказано, что в общем аренда улучшила положение «крестьянства»,—то какое значение могло бы иметь это обстоятельство, когда по словам самого автора, бедняки разорялись арендами (216)—т.-е. это улучшение для одних означало ухудшение для других? В крестьянской аренде, очевидно, переплетаются старые, крепостнические отношения и новые, капиталистические; абстрактное рассуждение автора, не принимающего во внимание ни тех, ни других, не только не помогает разобраться в этих отношениях, а напротив, запутывает дело.

Остается еще одно указание автора на данные, подтверждающие, якобы, его взгляды. Это именно ссылка на то, что «старое слово малоземелье есть только общежитейский термин для того явления, которое наука называет перенаселением» (186). Автор как бы опирается таким образом на всю нашу народническую литературу, которая бесспорно установила тот факт, что крестьянские наделы «недостаточны», которая тысячи раз «подкрепляла» свои пожелания о «расширении крестьянского землевладения» таким «простым» соображением: население увеличилось—наделы измельчали — естественно, что крестьяне разоряются. Едва ли однако это избитое народническое рассуждение о «малоземелье» имеет какое-нибудь научное *) значение, едва ли оно может годиться на что-нибудь иное, кроме как на «благонамеренные речи» в комиссии по вопросу о безболезненном шествовании отечества по правильному пути. В этом рассуждении за деревьями не видно

---

*) Т.-е. это рассуждение совершенно непригодно для объяснения разорения крестьянства и перенаселения, хотя самый факт «недостаточности» стоит вне спора, равно как и обострение его вследствие роста населения. Требуется не констатировать факт, а объяснить, откуда он вышел.

леса, за внешними контурами явления не видно основного общественно-экономического фона картины. Принадлежность огромного земельного фонда представителям «старо-дворянского» уклада—с одной стороны, приобретение земли покупкой, с другой—вот тот основной фон, при котором всякое «расширение землевладения» останется жалким паллиативом. И народнические рассуждения о малоземельи и Мальтусовы «законы» о соответствии размножения со средствами существования грешат именно своей абстрактной «простотой», игнорирующей данные, конкретные общественно-экономические отношения.

Этот обзор аргументов г. Струве приводит нас к тому выводу, что положение его, будто перенаселеиие в земледельческой России объясняется несоответствием размножения со средствами существования, решительно ничем не доказано. Свои аргументы он заключает таким образом: «и вот—перед нами картина натурально-хозяйственного перенаселения, осложненного товарно-хозяйственными моментами и другими важными чертами, унаследованными от социального строя крепостной эпохи» (200). Конечно, про всякий экономический факт, происходящий в стране, которая переживает «переход от «натурального» хозяйства к «товарному», можно сказать, что это — явление «натурально-хозяйственное, осложненное товарно-хозяйственными моментами». Можно и наоборот сказать: «товарно-хозяйственное явление, осложненное натурально-хозяйственными моментами»,—но все это не в состоянии дать не только «картины», но даже и малейшего представления о том, как именно создается перенаселение на почве данных общественно-экономических отношений. Окончательный вывод автора против г. Н.—она и его теории капиталистического перенаселения в России гласит: «наши крестьяне производят недостаточно пищи» (237).

Земледельческое производство крестьян до сих пор дает продукты, идущие помещикам, получающим чрез посредство государства выкупные платежи,—оно служит постоянным объектом операций торгового и ростовщического капитала, отбирающего громадные доли продукта у преобладающей массы крестьянства,—наконец, среди самого «крестьянства» это производство распределено так сложно, что общий и средний плюс (аренда) оказывается для массы минусом, и всю эту сеть общественных отношений г. Струве разрубает, как Гордиев узел, абстрактным и голословнейшим решением: «недостаточно производство». Нет, эта теория не выдерживает никакой критики: она только загромождает то, что подлежит исследованию,—производственные отношения в зе-

мледельческом хозяйстве крестьян. Мальтузианская формула изображает дело так, как будто перед нами tabula rasa, а *) не крепостнические и буржуазные отношения, переплетающиеся в современной организации русского крестьянского хозяйства.

Разумеется, мы никак не можем удовлетвориться одной критикой взглядов г. Струве. Мы должны еще задаться вопросом: в чем основания его ошибки? и кто из противников (г. Н.—он и г. Струве) прав в своих объяснениях перенаселения?

Г. Н.—он основывает свое объяснение перенаселения на факте «освобождения» массы рабочих вследствие капитализации промыслов. При этом он приводит только данные о росте крупной фабрично-заводской промышленности и оставляет без внимания параллельный факт роста кустарных промыслов, выражающий углубление общественного разделения труда **). Он переносит свое объяснение на земледелие, даже и не пытаясь обрисовать точно его общественно-экономическую организацию и степень ее развития.

Г. Струве указывает в ответ на это, что «капиталистическое перенаселение в смысле Маркса тесно связано с прогрессом техники» (183), и так как он, вместе с г. Н.—оном, находит, что «техника» крестьянского «хозяйства почти не прогрессировала» (200),—то он и отказывается признать перенаселение в земледельческой России капиталистическим и ищет других объяснений.

Указание г. Струве в ответ г. Н.—ону правильно. Капиталистическое перенаселение создается тем, что капитал овладевает производством и, уменьшая число необходимых (для производства данного количества продуктов) рабочих, создает излишнее население. Маркс говорит о капиталистическом перенаселении в земледелии следующее:

«Как скоро капиталистическое производство овладевает сельским хозяйством или по мере того, как оно овладевает им,—спрос на сельских рабочих абсолютно уменьшается вместе с накоплением функционирующего в этой области капитала, при чем выталкивание рабочих не сопровождается, как в промышленности не земледельческой, большим привлечением их. Поэтому

---

*) — чистое место. Ред.

**) Известен факт роста наших кустарных промыслов и появления массы новых после реформы. Известно также теоретическое объяснение этого факта на-ряду с капитализацией других промыслов, данное Марксом при объяснении «создания внутреннего рынка для промышленного капитала. [«Das Kapital», S. Aufl., S. 776 u. ff. «Капитал», I том, стр. 768 и след. русского издания под ред. И. Степанова. Ред.].

часть сельского населения постоянно готова перейти в городское или мануфактурное население *). (Мануфактура — здесь в смысле всякой неземледельческой промышленности.) Этот источник относительного перенаселения течет таким образом постоянно. Но его постоянное течение предполагает уже в деревне постоянное скрытое перенаселение, размер которого становится виден только тогда, когда отводные каналы открываются необыкновенно широко. В силу этого, сельский рабочий вынужден ограничиваться минимумом заработной платы и постоянно стоит одной ногой в болоте пауперизма» (Das Kapital, 2 Aufl., S. 668) **).

Г. Н.—он не доказал капиталистического характера перенаселения в земледельческой России потому, что не поставил его в связь с капитализмом в земледелии: ограничившись беглым и неполным указанием на капиталистическую эволюцию частновладельческого хозяйства, он совершенно упустил из виду буржуазные черты организации крестьянского хозяйства. Г-ну Струве следовало исправить эту неудовлетворительность изложения г. Н.—она, имеющую очень важное значение, ибо игнорирование капитализма в земледелии, его господства и в то же время его слабого еще развития, естественно повело к теории об отсутствии или сокращении внутреннего рынка. Вместо того, чтобы свести теорию г. Н.—она к конкретным данным нашего земледельческого капитализма, г. Струве впал в другую ошибку, отрицая совершенно капиталистический характер перенаселения.

Вторжением капитала в земледельческое хозяйство характеризуется вся пореформенная история. Помещики переходили (медленно или быстро, это—другой вопрос) к вольнонаемному труду, который получил весьма широкое распространение и определил собой даже характер преобладающей части крестьянских заработков; они повышали технику и вводили в употребление машины. Даже вымирающая крепостническая система хозяйства—отдача крестьянам земли за отработки—подвергалась буржуазному превращению вследствие конкуренции крестьян, поведшей

---

*) Между прочим, наблюдение этого факта и подало, вероятно, повод Ланге сочинять поправку к теории Маркса, которую он недостаточно понял. Вместо того, чтобы, анализируя этот факт, взять исходным пунктом данный (капиталистический) способ общественного производства и следить за его проявлением в земледелии, он вздумал сочинять из головы разные особенности «народных нравов».

**) «Капитал», I том, стр. 660—661 русск. изд. под ред. И. Степанова. Ред.

к ухудшению положения съемщиков, к более тяжелым условиям *) и, следовательно, к уменьшению числа рабочих. В крестьянском хозяйстве обнаружилось совершенно ясно разложение крестьянства на деревенскую буржуазию и пролетариат. «Богатеи» расширяли запашку, улучшали хозяйство [ср. *В. В.* «Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве»] и вынуждены были прибегать к наемному труду. Все это—давно установленные, общепризнанные факты, которые указывает (как сейчас увидим) и сам г. Струве. Возьмем еще для иллюстрации самый обыкновенный в русской деревне случай: «кулак» оттягал у «общины», вернее, у сообщников пролетарского типа, лучший кусок надельной земли и ведет на нем хозяйство трудом и инвентарем тех же «обеспеченных наделом» крестьян, которые опутаны долгами и обязательствами и привязаны к своему благодетелю—для социального взаимоприспособления и солидарной деятельности—силою излюбленных народниками общинных начал. Его хозяйство ведется, конечно, лучше хозяйства разоренных крестьян и требует гораздо меньше рабочих сравнительно с тем временем, когда этот кусок был в руках нескольких мелких хозяев. Что подобные факты не единичны, а всеобщи,—этого ни один народник отрицать не может. Самобытность их теорий состоит только в том, что они не хотят назвать эти факты их настоящим именем, не хотят видеть, что они означают господство капитала в земледелии. Они забывают, что первичной формой капитала всегда и везде был капитал торговый, денежный, что капитал всегда берет технический процесс производства таким, каким он его застает, и лишь впоследствии подвергает его техническому преобразованию. Они не видят поэтому, что, «отстаивая» (словами, разумеется,—не более того) современные земледельческие порядки от «грядущего» (?!) капитализма, они отстаивают только средневековые формы капитала от натиска его новейших, чисто-буржуазных форм.

Таким образом нельзя отрицать капиталистического характера перенаселения России, как нельзя отрицать господства капитала в земледелии. Но совершенно нелепо, разумеется, игнорировать степень развития капитала, как это делает г. Н.—он, который в своем увлечении представляет его почти

---

*) См., например, Карышева [53]) («Итоги земской статистики», т. II, 266)—указание сборника по Ростовскому-на-Дону уезду на постепенное уменьшение доли крестьян в общине. Там же, глава V, § 9—о доплатах крестьян трудом при издольной аренде.

завершившимся, и потому сочиняет теорию о сокращении или отсутствии внутреннего рынка, тогда как на самом деле капитал, хотя уже и господствует, но в очень неразвитой сравнительно форме; до полного развития, до полного отделения производителя от средств производства еще много промежуточных ступеней, и каждый шаг вперед земледельческого капитализма означает рост внутреннего рынка, который, по теории Маркса, именно земледельческим капитализмом и создается,—который в России не сокращается, а, напротив, складывается и развивается.

Далее, мы видим из этой, хотя бы и самой общей, характеристики нашего земледельческого капитализма *), что он не покрывает собой всех общественно-экономических отношений в деревне. Рядом с ним мы видим все еще и крепостнические отношения—и в хозяйственной области (напр., сдача отрезных земель за отработки и взносы натурой—тут налицо все признаки крепостнического хозяйства: и натуральный «обмен услуг» между производителем и владельцем средств производства, и эксплоатация производителя посредством прикрепления его к земле, а не отделения от средств производства), и еще более в социальной и юридико-политической («обязательное обеспечение наделом», прикрепление к земле, т.-е. отсутствие свободы передвижения, платеж выкупных, т.-е. того же оброка помещику, подчинение привелигированным землевладельцам в области суда и управления и т. д.); эти отношения тоже ведут, несомненно, к разорению крестьян и к безработице, «перенаселению» прикрепленных к земле батраков. Капиталистическая основа современных отношений не должна скрывать этих все еще могущественных остатков «стародворянского» наслоения, которые еще не разрушены капитализмом именно вследствие его неразвитости. Неразвитость капитализма, «отсталость России», которую народники считают «счастьем» **), является «счастьем» только для эксплоататоров благородного звания. В современном «перенаселении» кроме основных капиталистических черт есть, следовательно, еще крепостнические.

Если мы сравним это последнее положение с положением г. Струве о том, что в «перенаселении» есть натурально-хозяйственные и товарно-хозяйственные черты, то увидим, что первое не исключает второго, а, напротив, включается в него: крепостное

---

*) О нем будет подробнее говориться ниже, по отношению к крестьянам и помещикам отдельно.

**) Г. Южаков. «Р. Богатство».

право относится к явлениям «натурально-хозяйственным», капитализм—к «товарно-хозяйственным». Положение г. Струве, с одной стороны, точно не указывает, какие именно отношения натурально-хозяйственные и какие товарно-хозяйственные, а с другой стороны, ведет нас назад к голословным и бессодержательным «законам» Мальтуса.

Из этих недостатков естественно вытекла неудовлетворительность последующего изложения. «Каким же образом,—спрашивает автор,—на каких началах может быть реорганизовано наше народное хозяйство?» (202). Странный вопрос, формулированный опять-таки совершенно по-профессорски, совершенно так, как привыкли ставить вопросы г.г. народники, констатирующие неудовлетворительность настоящего и выбирающие лучшие пути для отечества. «Наше народное хозяйство» есть капиталистическое хозяйство, организация и «реорганизация» которого определяется буржуазией, «заведующей» этим хозяйством. Вместо вопроса о возможной реорганизации и следовало поставить вопрос о последовательных ступенях развития этого буржуазного хозяйства,—следовало с точки зрения той именно теории, во имя которой автор так прекрасно отвечает г. В. В., аттестующему г. Н.—она «несомненным марксистом», что этот «несомненный марксист» понятия не имеет о классовой борьбе и о классовом происхождении государства. Изменение постановки вопроса в указанном смысле гарантировало бы автора от таких сбивчивых рассуждений о «крестьянстве», которые мы читаем на стр. 202—204.

Автор начинает с того, что крестьянству недостаточно надельной земли, что если оно и покрывает этот недостаток арендой, то «у значительной части его» тем не менее всегда бывает дефицит; говорить о крестьянстве, как о целом, нельзя, ибо это значит говорить о фикции*) (стр. 203). И непосредственно из этого выводится:

«Во всяком случае, недостаточное производство—основной, доминирующий факт нашего народного хозяйства»(стр. 204). Совершенно голословно и ни в какой связи не стоит с предыдущим: почему «основным, доминирующим фактом» не является тот, что крестьянство как целое есть фикция, ибо внутри его складываются враждебные классы? Автор делает свой вывод без всяких данных, без всякого анализа фактов, относящихся к «не-

---

*) «Главный недостаток рассуждений г. Голубева [54]) в его замечательных статьях состоит именно в том, что он никак не может отделаться от этой фикции» (203).

достаточному производству» [которое однако не мешает меньшинству обзаводиться достатком на счет большинства] или к расчленению крестьянства,—просто в силу какого-то предубеждения в пользу мальтузианства.—«Поэтому,—продолжает он,—увеличение производительности земледельческого труда прямо выгодно и благодетельно для русского крестьянства» (206). Мы в недоумении: сейчас только автор выставил против народников серьезное (и в высшей степени справедливое) обвинение за рассуждения о «фикции»—«крестьянстве», вообще, а теперь сам вводит в свой анализ эту фикцию! Если отношения внутри этого «крестьянства» таковы, что меньшинство становится «экономически крепким», а большинство пролетаризуется, если меньшинство расширяет землевладение и богатеет, а большинство имеет всегда дефицит и разоряется, то каким образом можно говорить о «выгодности и благодетельности» процесса вообще? Вероятно, автор хотел сказать, что процесс выгоден и для той и для другой части крестьянства. Но тогда, во-первых, он должен был разобрать положение каждой отдельной группы и исследовать его особо, а во-вторых, при наличности антагонизма между группами, необходимо было определенно установить, с точки зрения какой группы говорится о «выгодности и благодетельности». Неудовлетворительность, недоговоренность объективизма г. Струве еще и еще раз подтверждается на этом примере.

Так как г. Н.—он по данному вопросу держится противного мнения, утверждая, что «увеличение производительности земледельческого труда*), если продукты будут производиться в виде товара, не может служить к поднятию народного благосостояния» («Очерки», стр. 266),—то г. Струве и переходит теперь к опровержению этого мнения.

Во-вторых,—говорит он,—тот крестьянин, на которого современный кризис обрушился всей своей тяжестью, производит хлеб для собственного потребления; он не продает хлеб, а прикупает его. Для такого крестьянина—а их до 50% (однолошадные и безлошадные) и уже никак не менее 25% (безлошадные)—увеличение производительности труда во всяком случае выгодно, несмотря на понижение цены хлеба.

Да, конечно, увеличение производительности было бы для такого крестьянина выгодно, если бы он мог удержать свое хозяйство и поднять его на высшую ступень. Но ведь этих-то условий и нет у однолошадных и безлошадных крестьян. Им не

*) «Как бы ни было» оно «желательно и необходимо»,—добавляет г. Н.—он.

под силу удержать теперешнее свое хозяйство, с его примитивными орудиями, с небрежной обработкой почвы и т. д., а не то, чтобы повышать технику. Это повышение техники является результатом роста товарного хозяйства. И если уже на данной ступени развития товарного производства продажа хлеба является необходимостью даже для тех крестьян, которым приходится прикупать хлеб, то последующая ступень сделает эту продажу еще более обязательной (автор сам признает необходимость перехода от натурального хозяйства к товарному), и конкуренция повысивших культуру хозяев неминуемо и немедленно экспроприирует его до конца, обратит из пролетария, прикрепленного к земле, в пролетария, свободного как птица. Я вовсе не хочу сказать, чтобы такая перемена была для него невыгодна. Напротив, раз производитель уже попал в лапы капитала—а это бесспорно совершившийся факт по отношению к рассматриваемой группе крестьянства—ему весьма «выгодна и благодетельна» полная свобода, позволяющая менять хозяев, развязывающая ему руки. Но полемика г.г. Струве и Н. — она ведется совсем не в области таких соображений.

Во-вторых,—продолжает г. Струве,—г. Н.—он «забывает, что повышение производительности земледельческого труда возможно только путем изменений в технике и в системе хозяйства или полеводства» (206). Действительно, г. Н.—он забывает это, но это соображение только усилит положение о неизбежности окончательной экспроприации несостоятельных крестьян, крестьян «пролетарского типа». Для изменения техники к лучшему нужны свободные денежные средства, а у этих крестьян нет даже продовольственных средств.

В-третьих,—заключает автор,—не прав г. Н.—он, утверждая, что повышение производительности земледельческого труда заставит конкурентов понизить цену. Для такого понижения,—справедливо говорит г. Струве,—необходимо, чтобы производительность нашего земледельческого труда не только догнала западно-европейскую [в этом случае мы будем продавать продукт по уровню общественно-необходимого труда], но и перегнала ее.—Это возражение вполне основательно, но оно ничего еще не говорит о том, для какой именно части «крестьянства» и в силу чего будет выгодно это повышение техники.

«Вообще, г. Н.—он напрасно так боится увеличения производительности земледельческого труда» (207). Происходит это у него, по мнению г. Струве, оттого, что он не может себе иначе представить прогресс сельского хозяйства, как в виде прогресса

экстенсивного земледелия, сопровождающегося все большим и большим выталкиванием рабочих машинами.

Автор очень метко характеризует отношение г. Н.—она к росту земледельческой техники словом: «боязнь»; он совершенно прав, что эта боязнь—нелепа. Но его аргументация затрогивает, кажется нам, не основную ошибку г. Н.—она.

Г. Н.—он, придерживаясь будто бы со всей строгостью доктрины марксизма, резко отличает тем не менее капиталистическую эволюцию земледелия в капиталистическом обществе от эволюции обрабатывающей промышленности,—различает в том отношении, что для последней он признает прогрессивную работу капитализма, обобществление труда, а для первой не признает. Поэтому для обрабатывающей промышленности он «не боится» увеличения производительности труда, а для земледелия—«боится», хотя общественно-экономическая сторона дела и отражение этого процесса на разных классах общества совершенно одинаковы в обоих случаях... Маркс выразил это положение особенно рельефно в следующем замечании: «Филантропические английские экономисты, как Милль, Роджерс, Гольдвин Смит, Фаусетт [55]) и т. д., и либеральные фабриканты, как Джон Брайт [56]) и К°, спрашивают английских поземельных аристократов, как бог спрашивал Каина о его брате Авеле,—куда девались тысячи наших крестьян?—Да откуда же вы-то произошли? Из уничтожения этих крестьян. И почему вы не спрашиваете, куда девались самостоятельные ткачи, прядильщики, ремесленники?» («Das Kapital» I. S. 780, Anm. 237) *). Последняя фраза наглядно отождествляет судьбу мелких производителей в земледелии с судьбой их в обрабатывающей промышленности, подчеркивает образование классов буржуазного общества в обоих случаях **). Основная ошибка г. Н.—она состоит именно в том, что он игнорирует эти классы, их образование в нашем крестьянстве, не задается целью проследить со всей точностью каждую последовательную ступень развития противоположности этих классов.

Но г. Струве совсем не так ставит вопрос. Он не только не исправляет указанной ошибки г. Н.—она, а, напротив, сам повторяет ее, рассуждая с точки зрения профессора, стоя-

---

*) «Капитал», I том, стр. 773, прим. 284 русск. изд. под ред. И. Степанова. Ред.

**) См. особенно параграф 4 главы XXIV: «Генезис капиталистических арендаторов». SS. 773—776 (стр. 766—768 русск. изд. под ред. И. Степанова. Ред.).

щего над классами, о «выгодности» прогресса для «крестьянства». Это покушение подняться выше классов приводит к крайней туманности положений автора,—туманности, доходящей до того, что из них могут быть сделаны буржуазные выводы: против неоспоримо-верного положения, что капитализм в земледелии (как и капитализм в индустрии) ухудшает положение производителя — он выдвигает положение о «выгодности» этих изменений вообще. Это все равно, как если бы кто-нибудь, рассуждая о машинах в буржуазном обществе, стал опровергать теорию экономиста-романтика, что они ухудшают положение трудящихся доказательствами «выгодности и благодетельности» процесса вообще.

На соображение г. Струве народник, вероятно, ответит: г. Н.—он боится не увеличения производительности труда, а буржуазности.

Что прогресс техники в земледелии при наших капиталистических порядках связан с буржуазностью —это несомненно, но «боязнь», проявляемая народниками, разумеется, совершенно нелепа. Буржуазность—уже факт действительной жизни, труд подчинен капиталу уже и в земледелии,—и «бояться» надо не буржуазности, а отсутствия сознания этой буржуазности у производителя, отсутствия у него способности отстаивать свои интересы против нее. Поэтому надо желать не задержки развития капитализма, а, напротив, полного его развития, развития до конца.

Чтобы подробнее и точнее указать основания той ошибки, которую допустил г. Струве, трактуя о земледелии в капиталистическом обществе, попробуем обрисовать (в самых общих чертах) процесс образования классов рядом с теми изменениями в технике, которые подали повод к рассуждению. Г. Струве различает при этом строго экстенсивное земледелие и интенсивное, усматривая корень заблуждений г. Н.—она в том, что он кроме экстенсивного земледелия не хочет ничего знать. Мы постараемся доказать, что основная ошибка г. Н.—она не в этом, что, при переходе земледелия в интенсивное, образование классов буржуазного общества в сущности однородно с тем, которое происходит при развитии экстенсивного земледелия.

Об экстенсивном земледелии говорить много не приходится, потому что и г. Струве признает, что тут получается выталкивание буржуазией «крестьянства». Отметим только два пункта. Во-первых, прогресс техники вызывается товарным хозяйством; для осуществления его необходима наличность у хозяина свободных, избыточных [по отношению к его потреблению и вос-

произведению его средств производства] денежных средств. Откуда могут взяться эти средства? Очевидно, они не могут взяться ниоткуда, кроме как из того, что обращение: товар—деньги—товар превратится в обращение: деньги—товар—деньги с плюсом. Другими словами, средства эти могут взяться исключительно от капитала, от торгового и ростовщического капитала, от тех самых «коштанов, кулаков, купцов» и т. д., которых наивные российские народники относят *не* к капитализму, *а* к «хищничеству» (как-будто капитализм не есть хищничество, как-будто русская действительность не показывает нам взаимной связи всевозможных форм этого «хищничества»—от самого примитивного и первобытного кулачества до самого новейшего, рационального предпринимательства!) *). Во-вторых, отметим странное отношение г. Н.—она к этому вопросу. В примечании 2-м на стр. 233-й он опровергает автора «Южно-русского крестьянства», В. Е. Постникова, который указывает, что машины повысили рабочую площадь крестьянского двора равно вдвое, с 10 дес. до 20 дес. на рабочего, и что поэтому причина «бедности России»—«малый размер крестьянского хозяйства». Другими словами: рост техники в буржуазном обществе ведет к экспроприации мелких и отсталых хозяйств. Г. Н.—он возражает: завтра техника может еще втрое повысить рабочую площадь. Тогда 60-десятинные хозяйства надо будет превратить в 200 или 300-десятинные.—Такой аргумент против положения о буржуазности нашего земледелия так же смешон, как если бы кто-нибудь стал доказывать слабость и бессилие фабричного капитализма на том основании, что сегодняшнюю паровую машину придется «завтра» заменить электрической. «Также остается неизвестным, куда деваются миллионы освободившихся рабочих сил, — добавляет г. Н. — он, призывая на суд перед собой буржуазию и забывая, что судить-то ее

---

*) Есть у г.г. народников еще один, весьма глубокий, прием затушевывать корни нашего промышленного капитализма в «народном производстве», т.-е. в «народном» ростовщичестве и кулачестве. Кулак несет свои «сбережения» в государственный банк: вклады его позволяют банку, опираясь на рост народного богатства, народных сбережений, народной предприимчивости, народной кредитоспособности, занять денег у англичанина. Занятые деньги «государство» обращает на помощь...—какая недальновидная политика! какое печальное игнорирование «современной науки» и «современных нравственных идей»!—...капиталистам. Спрашивается теперь, неужели не ясно, что ежели бы государство обращало эти деньги (капиталистов) не на капитализм, а на «народное производство», то у нас на Руси был бы не капитализм, «народное производство»?

некому, кроме самого производителя. Образование резервной армии безработных—такой же необходимый результат применения машин в буржуазном земледелии, как и в буржуазной индустрии.

Итак, по отношению к развитию экстенсивного земледелия нет сомнения, что прогресс техники при товарном хозяйстве ведет к превращению «крестьянина» в фермера, с одной стороны (понимая под фермером предпринимателя, капиталиста в земледелии), в батрака и поденщика—с другой. Посмотрим теперь на тот случай, когда экстенсивное земледелие переходит в интенсивное. Г. Струве именно от этого процесса ждет «выгод» для «крестьянина». Чтобы устранить спор о пригодности того материала, по которому мы описываем этот переход, воспользуемся сочинением: «Влияние парового транспорта на сельское хозяйство» г. А. И. Скворцова *) [58]), которого так безмерно восхваляет г. Струве.

В главе 3-й отдела IV своей книги г. А. Скворцов рассматривает «изменение техники земледелия под влиянием парового транспорта» в странах экстенсивных и интенсивных. Возьмем описание этого изменения в густонаселенных экстенсивных странах. Можно думать, что центральная Европейская Россия подойдет под такую характеристику. Г. Скворцов предсказывает для такой страны те же изменения, которые неминуемо должны произойти, по мнению г. Струве, и в России, именно: превращение в страну интенсивного земледелия с развитым фабричным производством.

Последуем за г. А. Скворцовым (§§ 4—7, стр. 440—451).

Страна экстенсивная **). Весьма значительная часть населения занята земледелием. Однообразие занятий вызывает отсутствие рынка. Население бедно, во-первых, вследствие малого размера

---

*) В нашей литературе принято относить его к марксистам. На это так же мало оснований, как и на зачисление в марксисты г-на Н.—она. Г. А. Скворцов тоже незнаком с учением о классовой борьбе и классовом характере государства. Его практические предложения в «Экономических этюдах» ничем не отличаются от обыкновенных буржуазных предложений. Если он гораздо трезвее смотрит на русскую действительность, чем г.г. народники, то на этом одном основании следовало бы зачислять в марксисты и г. Б. Чичерина и многих других.

**) Г. А. Скворцов указывает, что обыкновенно под экстенсивной страной разумеют малонаселенную (стр. 439, пр.). Он считает это определение неправильным, указывая следующие признаки экстенсивности: 1) сильные колебания урожаев; 2) однообразие культур и 3) отсутствие внутренних рынков, т.-е. больших городов, концентрирующих в себе обрабатывающую промышленность.

хозяйства и, во-вторых, вследствие отсутствия обмена: «удовлетворение остальных потребностей, кроме пищи, производимой самим земледелием, совершается, можно сказать, исключительно на счет произведений первобытного ремесла, так-называемого у нас кустарного промысла».

Проведение железной дороги повышает цену земледельческих продуктов и, следовательно, увеличивает покупательную силу населения. «Вместе с железной дорогой страна наводняется дешевыми произведениями мануфактур и фабрик», которые разоряют местных кустарей. Это—первая причина «крушения многих хозяйств».

Вторая причина того же явления — неурожаи. «Земледелие также велось до сих пор первобытным способом, т.-е. всегда нерационально, и, следовательно, неурожаи составляют нередкое явление, а с проведением железной дороги вздорожание продукта бывшее прежде последствием неурожая, или совсем не имеет места, или, во всяком случае, значительно уменьшается. Поэтому естественным последствием первого же неурожая здесь является обыкновенно крушение многих хозяйств. Такой результат является тем скорее, чем вообще меньше были избытки нормальных урожаев и чем более население должно было полагаться на заработок от кустарных промыслов».

Для того, чтобы обойтись без кустарных промыслов и обеспечить себя от неурожаев переходом к интенсивному (рациональному) земледелию,—необходимы, во-первых, большие избытки денежных средств (от продажи по более высоким ценам земледельческих продуктов) и, во-вторых, интеллигентная сила населения, без которой невозможно повышение рациональности и интенсивности. У массы населения, конечно, этих условий нет: им удовлетворяет лишь меньшинство *).

«Избыточное население, образовавшееся таким образом [т.-е. вследствие «ликвидации» многих хозяйств, разоренных падением кустарных промыслов и более высокими требованиями от земледелия], частью будет поглощено теми хозяйствами, которые выйдут из этого положения более счастливо и будут иметь возможность увеличить интенсивность производства»—(т.-е., конечно, будут «поглощены» в качестве наемных рабочих, батраков и поденщиков. Г. А. Скворцов не говорит этого, считая, может-быть,

*) «Для такой страны (насыщенной населением при данной степени хозяйственной культурности) мы должны допустить, что, с одной стороны, малые избытки, с другой—низкая образовательная ступень населения заставляет, при изменившихся условиях, многие хозяйства притти к ликвидации» (442).

что это слишком ясно). Потребуется большая затрата живой силы, ибо близость рынка, достигаемая улучшенными путями сообщения, дает возможность производить трудно транспортируемые продукты, «производство которых по большей части требует значительной затраты живой рабочей силы». «Обыкновенно, однако,—продолжает г. Скворцов,—процесс разрушения идет гораздо быстрее процесса улучшения сохранившихся хозяйств, и часть разоренных хозяев должна выселиться если не вон из страны, то, по крайней мере, в города. Эта-то часть составила главный контингент прироста населения европейских городов со времени проведения железных дорог».

Далее. «Избыток населения означает дешовые рабочие руки». «При плодородной почве (и благоприятном климате...) здесь даны все условия для культуры растений и вообще производства земледельческих продуктов, требующих большого расхода рабочей силы на единицу пространства» (443), тем более, что мелкие размеры хозяйств («хотя они, быть-может, и увеличатся против прежнего») затрудняют введение машин. «Рядом с этим не останется без изменений и основной капитал, и прежде всего должен изменить свой характер мертвый инвентарь». И помимо машин «необходимость лучшей обработки почвы поведет к замене прежних первобытных орудий более современными, к замене дерева железом и сталью. Это преобразование необходимо вызовет образование здесь фабрик, занятых приготовлением таких орудий, ибо они не могут быть изготовляемы сколько-нибудь сносно кустарным путем». Развитию этой отрасли промышленности благоприятствуют следующие условия: 1) необходимость получить машину или часть ее в скором времени; 2) «рабочих рук здесь изобилие и они дешевы»; 3) топливо, постройки и земля дешевы; 4) «мелкость хозяйственных единиц ведет к тому, что потребление орудий увеличивается, ибо известно, что мелкие хозяйства требуют относительно больше инвентаря». Развиваются и производства иного рода. «Вообще развивается городская жизнь». Развиваются в силу необходимости горные промыслы, «так как, с одной стороны, является масса свободных рук, а с другой—благодаря железным дорогам — развитию перерабатывающей машинной и другой промышленности усиливается запрос на продукты горного промысла».

«Таким образом, такой район, бывший до проведения железной дороги густонаселенным районам экстенсивного земледелия, более или менее быстро обращается в район очень интенсивного земледелия с более или менее развитым фабричным производ-

ством». Увеличение интенсивности проявляется изменением системы полеводства. Трехполье невозможно вследствие колебания урожаев. Необходим переход к плодосменной системе полеводства», устраняющий колебания урожаев. Конечно, полная плодосменная система*), требующая очень высокой интенсивности, не может войти в употребление сразу. Сначала поэтому введется зерновой плодосменный севооборот [правильное чередование растений], разовьется скотоводство посев кормовых трав.

В конце-концов, следовательно, наш густонаселенный экстенсивный район более или менее быстро, по мере развития путей сообщения, превратится в район высоко-интенсивного хозяйства, при чем интенсивность его, как сказано, будет расти прежде всего на счет увеличения переменного капитала.

Это подробное описание процесса развития интенсивного хозяйства показывает наглядно, что и в этом случае прогресс техники при товарном производстве ведет к буржуазному хозяйству, раскалывает непосредственного производителя на фермера, пользующегося всеми выгодами от интенсивности, улучшения орудий и т. д.,—и рабочего, доставляющего своей «свободой» и своей «дешевизной» самые «благоприятные условия» для «прогрессивного развития всего народного хозяйства».

Основная ошибка г. Н.—она не в том, что он игнорирует интенсивное земледелие, ограничиваясь одним экстенсивным, а в том, что он вместо анализа классовых противоречий в области русского земледельческого производства угощает читателя бессодержательными ламентациями, что «мы» идем неверным путем. Г. Струве повторяет эту ошибку, заслоняя классовые противоречия «объективными» рассуждениями, и исправляет лишь второстепенные ошибки г. Н.—она. Это тем более странно, что сам же он совершенно справедливо упрекает этого «несомненного марксиста» в непонимании теории классовой борьбы. Это тем более досадно, что такой ошибкой г. Струве ослабляет доказательное значение своей совершенно верной мысли, что «боязнь» технического прогресса в земледелии нелепа.

Чтобы покончить с этим вопросом о капитализме в земледелии, резюмируем вышеизложенное. Как ставит вопрос г. Струве? Он исходит из априорного, голословного объяснения перенесен-

---

*) Признаки ее: 1) вся земля обращается в пашню; 2) пар, по возможности, исключается; 3) в севообороте правильно чередуются растения; 4) возможно тщательная обработка; 5) стойловое содержание скота.

ления несоответствием размножения со средствами существования, указывает далее, что производство пищи у нашего крестьянина «недостаточно», и решает вопрос тем, что прегресс техники выгоден для «крестьянства», что «земледельческая производительность должна быть повышена» (211). Как должен он был поставить вопрос, если бы был «связан доктриной» марксизма? Он должен был начать с анализа данных производственных отношений в русском земледелии и—показавши, что угнетение производителя объясняется не случайностью и не политикой, а господством капитала, необходимо складывающегося на почве товарного хозяйства,—следить, далее, за тем, как этот капитал разрушает мелкое производство и какие формы при этом принимают классовые противоречия. Он должен был затем показать, как дальнейшее развитие ведет к тому, что капитал перерастает из торгового в индустриальный (принимая такие-то формы при экстенсивном, такие-то при интенсивном хозяйстве), развивая и обостряя ту классовую противоположность, основа которой была вполне уже положена при старой ее ферме, окончательно противополагая «свободный» труд «рациональному» производству. Тогда достаточно уже было бы простого сопоставления этих двух последовательных форм буржуазного производства и буржуазной эксплоатации, чтобы «прогрессивный» характер изменения, его «выгодность» для производителя выступили с полной очевидностью: в первом случае подчинение труда капиталу прикрыто тысячами обломков средневековых отношений, которые мешают производителю видеть сущность дела и порождают у его идеолога нелепые и реакционные идеи о возможности ждать помощи от «общества» *и т. п.*; во втором случае подчинение это совершенно свободно от средневековых пут, и производитель получает возможность и понимает необходимость самостоятельной, сознательной деятельности против своего «антипода». На место рассуждений о «трудном, болезненном переходе» к капитализму выступила бы теория, не только говорящая о классовых противоречиях, но и действительно вскрывающая их в каждой форме «нерационального» и «рационального» производства, «экстенсивного» и «интенсивного» хозяйства.

Результаты, к которым привел нас разбор первой части VI главы книги г. Струве, посвященной «характеру перенаселения в земледельческой России», можно формулировать следующим образом: 1) Мальтузианство г. Струве не подкреплено никакими фактическими данными и основано на методологически неправильных догматических посылках.—2) Перенаселение в земле-

дельческой России объясняется господством капитала, а не отсутствием соответствия между размножением и средствами существования населения.—3) Положение г. Струве о натурально-хозяйственном характере перенаселения верно только в том смысле, что земледельческий капитал задерживается в неразвитых и потому особенно тяжелых для производителя формах переживанием крепостнических отношений.—4) Г. Н.—он не доказал капиталистического характера перенаселения в России потому, что не исследовал господства капитала в земледелии.—5) Основная ошибка г. Н.—она, повторяемая и г. Струве, состоит в отсутствии анализа тех классов, которые складываются при развитии буржуазного земледелия.—6) Это игнорирование классовых противоречий у г. Струве естественно привело к тому, что совершенно верное положение о прогрессивности и желательности технических улучшений выражено было в крайне неудачной и туманной форме.

II.

Перейдем теперь ко второй части главы VI, посвященной вопросу о разложении крестьянства. Эта часть стоит в прямой и непосредственной связи с предыдущей частью, служа дополнением к вопросу о капитализме в земледелии.

Указавши на повышение цен на сельскохозяйственные продукты в течение первых 20 лет после реформы, на расширение товарного производства в земледелии, г. Струве совершенно справедливо говорит, что от этого «выиграли по преимуществу землевладельцы и зажиточные крестьяне» (214). «Диференциация в среде крестьянского населения должна была увеличиться, и к этой эпохе относятся первые ее успехи». Автор цитирует указания местных исследователей, что проведение железных дорог подняло только благосостояние зажиточной части крестьянства, что аренда порождает среди крестьян «чистый бой», приводящий всегда к победе экономически сильных элементов (216—217). Он цитирует исследование В. Постникова, по которому хозяйство крестьян зажиточных настолько уже подчиняется рынку, что 40% посевной площади дают продукт, идущий на продажу, и—добавляя, что на противоположном полюсе крестьяне «теряют свою экономическую самостоятельность и, продавая свою рабочую силу, находятся на границе батрачества»,—справедливо заключает: «Только проникновением менового хозяйства объясняется тот факт, что экономически сильные крестьянские хозяйства могут извлекать выгоду из разорения слабых дворов» (223).

«Развитие денежного хозяйства и рост населения, — говорит автор,—приводит к тому, что крестьянство распадается на две части: одну экономически крепкую, состоящую из представителей новой силы, капитала во всех его формах и степенях, и другую, состоящую из полу-самостоятельных землевладельцев и настоящих батраков» (239).

Как ни кратки замечания автора об этой «диференциации», тем не менее они дают нам возможность отметить следующие важные черты рассматриваемого процесса: 1) Дело не ограничивается созданием одного только имущественного неравенства: «создается «новая сила»—капитал». 2) Создание этой новой силы сопровождается созданием новых типов крестьянских хозяйств: во-первых, зажиточного, экономически крепкого, ведущего развитое товарное хозяйство, отбивающего аренду у бедноты, прибегающего к эксплоатации чужого труда *); во-вторых, «пролетарского» крестьянства, продающего свою рабочую силу капиталу. 3) Все эти явления прямо и непосредственно выросли на почве товарного хозяйства. Г. Струве сам указал,—что без товарного производства они были невозможны, а с его проникновением стали необходимы. 4) Явления эти («новая сила», новые типы крестьянства) относятся к области производства, а не ограничиваются областью обмена, товарного обращения: капитал проявляется в земледельческом производстве; тоже и продажа рабочей силы.

Казалось бы, эти черты процесса прямо определяют, что мы имеем дело с чисто капиталистическим явлением, что в крестьянстве складываются классы, свойственные капиталистическому обществу,—буржуазия и пролетариат. Мало этого: эти факты свидетельствуют не только о господстве капитала в земледелии, но и о том, что капитал сделал уже, если можно так выразиться, второй шаг. Из торгового капитала он превращается в индустриальный, из господствующего на рынке — в господствующий в производстве; классовая противоположность богача-скупщика и бедняка-крестьянина превращается в противоположность рационального буржуазного хозяина и свободного продавца свободных рук.

Но г. Струве и тут не мог обойтись без своего мальтузиан-

*) Г. Струве не упоминает об этой черте. Она выражается и в употреблении наемного труда, играющем не малую роль в хозяйстве зажиточных крестьян, и в операциях ростовщического и торгового капитала в их руках, равным образом отнимающего сверхстоимость у производителя. Без этого признака нельзя и говорить о «капитале».

ства; в указанном процессе, по его мнению, выражается лишь одна сторона дела («только прогрессивная сторона»), рядом с которой есть и другая: «техническая нерациональность всего крестьянского хозяйства»; «в ней выражается, так-сказать, регрессивная сторона всего процесса», она «нивелирует» крестьянство, сглаживает неравенство, действуя «в связи с ростом населения» (223—224).

В этом довольно туманном рассуждении только и видно, что автор предпочитает крайне абстрактные положения конкретным указаниям, что он ко всему припутывает «закон» о соответствии размножения со средствами существования. Говорю: припутывает, потому что, если даже строго ограничиться фактами, приводимыми самим автором, невозможно найти указания на такие конкретные черты процесса, которые бы не подходили под «доктрину» марксизма и требовали признания мальтузианства. Наметим еще раз этот процесс: сначала мы имеем натуральных производителей, крестьян, сравнительно однородных *). Проникновение товарного производства ставит богатство отдельного двора в зависимость от рынка, создавая, таким образом, путем рыночных колебаний, неравенство и обостряя его, сосредоточивая у одних в руках свободные деньги и разоряя других. Эти деньги служат, естественно, для эксплоатации неимущих, превращаются в капитал. Покуда еще разоряющиеся крестьяне держатся за свое хозяйство, капитал может эксплоатировать их, оставляя их хозяйничать попрежнему, на старых, технически нерациональных основаниях, может основывать эксплоатацию на покупке продукта их труда. Но разорение достигает, наконец, такой степени развития, что крестьянин вынужден совсем бросить хозяйство: он не может уже продавать продукт своего труда, ему остается только продавать труд. Капитал берет тогда хозяйство в свои руки, при чем он вынужден уже—силою конкуренции—организовать его рационально: он получает возможность к тому, благодаря «сбереженным» ранее свободным денежным средствам, он эксплоатирует уже не хозяина, а батрака, поденщика. Спрашивается, какие же это две стороны отличает автор в этом процессе? Каким образом находит он возможным делать такой чудовищный мальтузианский вывод: «Техническая нерациональ-

*) Работающих на помещика. Эта сторона отодвигается, чтобы яснее представить переход от натурального хозяйства к товарному. Что остатки «старо-дворянских» отношений ухудшают положение производителя и придают разорению особенно тяжелые формы,—об этом было уже говорено.

ность хозяйства, а не капитализм [заметьте это «а не»]—вот тот враг, который отнимает хлеб насущный у нашего крестьянства» (224). Как-будто бы этот насущный хлеб доставался когда-нибудь целиком производителю, а не делился на необходимый продукт и прибавочный, получаемый помещиком, кулаком, «крепким» крестьянином, капиталистом!

Нельзя не добавить, однако, что по вопросу о «нивелировке» у автора есть некоторое дальнейшее разъяснение. Он говорит, что «результатом указанной выше нивелировки» является «констатируемое во многих местах уменьшение или даже исчезновение среднего слоя крестьянского населения» (223). Приведя цитату из земского издания, констатирующего «еще большее увеличение расстояния, отделяющего сельских богатеев от безземельного и безлошадного пролетариата», он заключает: «Нивелировка в данном случае, конечно, в то же время и диференциация, но на почве такой диференциации развивается только одна кабала, могущая быть лишь тормозом экономического прогресса» (236).—Итак, оказывается уже теперь, что диференциацию, создаваемую товарным хозяйством, следует противополагать не «нивелировке», а тоже диференциации, но только диференциации иного рода, а именно—кабале. А так как кабала «тормозит» «экономический прогресс», то автор и называет эту «сторону»—«регрессивной».

Рассуждение построено по крайне странным, никак уже не марксистским приемам. Сравниваются «кабала» и «диференциация», как какие-то две самостоятельные, особые «системы»; одна восхваляется за то, что содействует «прогрессу»; другая осуждается за то, что тормозит прогресс. Куда делось у г. Струве то требование анализа классовых противоположностей, за неисполнение которого он так справедливо нападал на г. Н.—она, то учение о «стихийном процессе», о котором он так хорошо говорил? Ведь эта кабала, которую он сейчас уничтожил за ее регрессивность, представляет из себя не что иное, как первоначальное проявление капитализма в земледелии, того самого капитализма, который ведет далее к прогрессивному подъему техники. В самом деле, что такое кабала? Это—зависимость владеющего своими средствами производства хозяина, вынужденного работать на рынок, от владельца денег,—зависимость, которая,—как бы она различно ни выражалась (в форме ли ростовщического капитала или капитала скупщика, который монополизировал сбыт),—всегда ведет к тому, что громадная часть продукта труда достается не производителю, а владельцу денег. Следовательно,

сущность ее—чисто-капиталистическая*), и вся особенность заключается в том, что эта первичная, зародышевая форма капиталистических отношений целиком опутана прежними, крепостническими отношениями: тут нет свободного договора, а есть сделка вынужденная (иногда приказом «начальства», иногда желанием сохранить хозяйство, иногда старыми долгами и т. д.); производитель тут привязан к определенному месту и к определенному эксплоататору: в противоположность безличному характеру товарной сделки, свойственному чисто-капиталистическим отношениям, здесь сделка носит непременно личный характер «помощи», «благодеяния»,—и этот характер сделки неизбежно ставит производителя в зависимость личную, полу-крепостническую. Такие выражения автора, как «нивелировка», «тормоз прогресса», «регрессивность»,—не означают ничего иного, кроме того, что капитал овладевает сначала производством на старом основании, подчиняет производителя, технически отсталого. Указание автора, что наличность капитала не дает еще права считать его «виновным во всех бедствиях», верно в том смысле, что наш работающий на других крестьянин страдает не только от капитализма, но и от недостаточного развития капитализма. Другими словами: в громадной массе крестьянства нет почти уже вовсе самостоятельного производства на себя; на-ряду с работой на «рациональных» буржуазных хозяев мы видим только работу на владельцев денежного капитала, т.-е. тоже капиталистическую эксплоатацию, но только неразвитую, примитивную, которая в силу этого, во-первых, вдесятеро ухудшает положение трудящегося, опутывая его сетью особых, добавочных прижимок, а во-вторых, отнимает у него (и его идеолога-народника) возможность понять классовый характер совершаемых по отношению к нему «неприятностей» и сообразовать свою деятельность с таковым их характером. Следовательно, «прогрессивная сторона» «диференциации» (говоря языком г. Струве) состоит в том, что

---

*) Тут налицо все признаки: товарное производство, как почва,—монополизация продукта общественного труда в форме денег, как результат,—и обращение этих денег в капитал. Я нисколько не забываю, что эти первичные формы капитала встречались в отдельных случаях и до капиталистических порядков. Но дело именно в том, что они являются в современном русском крестьянском хозяйстве не как единичные случаи, а как правило, как господствующая система отношений. Они связались уже (торговыми оборотами, банками) с крупным фабрично-заводским машинным капитализмом и тем показали свою тенденцию,—показали, что представители этой «кабалы»—только боевые солдаты единой и нераздельной армии буржуазии.

она выводит на свет ту противоположность, которая прячется в форме кабалы, и отнимает у нее ее «старо-дворянские» черты. «Регрессивность» народничества, отстаивающего крестьянское равнение (пред... кулаком), состоит в том, что оно желает задержать капитал в его средневековых формах, соединяющих эксплоатацию с раздробленным, технически отсталым производством, с личным давлением на производителя. В обоих случаях (и в случае «кабалы» и в случае «диференциации») причиной угнетения является капитализм, и противоположные заявления автора, что дело «не в капитализме», а в «технической нерациональности», что «не капитализм — виновник крестьянской бедности» и т. п.,—показывают только, что г. Струве слишком увлекся, защищая правильную мысль о предпочтительности развитого капитализма перед неразвитым, и благодаря абстрактности своих положений противопоставил первое второму не как две последовательные стадии развития данного явления, а как особые случаи *).

III.

Увлечение автора сказывается и на следующем рассуждении о том, что причину разорения крестьянства нельзя видеть собственно в крупном промышленном капитализме. Он вступает тут в полемику с г. Н.—оном.

Дешевое производство фабричных продуктов, — говорит г. Н.—он о фабричной одежде,—вызвало сокращение домашней их выработки (стр. 227 у г. Струве).

«Дело представлено тут как раз навыворот, — восклицает г. Струве,—и это не трудно показать. Уменьшение крестьянского производства прядильных материалов повело к увеличению производства и потребления продуктов капиталистической хлопчатобумажной промышленности, а не наоборот» (227).

Автор едва ли удачно ставит вопрос, загромождая суть дела

---

*) На каком основании—спросит, пожалуй, читатель—относится это лишь к увлечению г-на Струве? На том основании, что автор вполне определенно признает капитализм, как основной фон, на котором совершаются все описываемые явления. Он совершенно ясно указал на быстрый рост товарного хозяйства, на разложение крестьянства, на «распространение улучшенных орудий» (245) и т. п., с одной стороны; на «освобождение крестьян от земли, создание сельского пролетариата» (238),—с другой. Он сам, наконец, характеризовал это, как создание новой силы—капитала, и отметил решающее значение появления капиталиста между производителем и потребителем.

второстепенными частностями. Если исходить из наблюдения над фактом развития фабричной промышленности (а г. Н.—он именно из наблюдения этого факта и исходит, то невозможно отрицать), что и дешевизна фабричных продуктов ускоряет рост товарного хозяйства, ускоряет вытеснение домашних продуктов. Возражая против такого заявления г. Н.—она, г. Струве только ослабляет этим свою аргументацию против этого автора, основная ошибка которого состоит в том, что он пытается представить «фабрику» чем-то оторванным от «крестьянства», случайно, извне нагрянувшим на него, тогда как на самом деле «фабрика» является (и по той теории, которой г. Н.—он хочет верно следовать, и по данным русской истории) только завершением развития товарной организации всего общественного, следовательно, и крестьянского хозяйства. Крупно-буржуазное производство на «фабрике»—прямое и непосредственное продолжение мелкобуржуазного производства в деревне, в пресловутой «общине» или в кустарном промысле. «Для того, чтобы «фабричная форма» стала «более дешевой»,—совершенно справедливо говорит г. Струве,—крестьянин должен стать на точку зрения экономической рациональности при условии денежного хозяйства». «Если бы крестьянство держалось... за натуральное хозяйство, никакие ситцы... его не соблазнили бы».

Другими словами: «фабричная форма» — это не более как развитое товарное производство, а развилось оно из того неразвитого товарного производства, которое мы имеем в крестьянском и кустарном хозяйстве. Автор желает доказать г. Н.—ону, что «фабрика» и «крестьянство» взаимно связаны, что хозяйственные «начала» их порядков не антагонистичны *), а тождественны. Для этого ему и следовало свести вопрос к экономической организации крестьянского хозяйства, выставить против г. Н.—она положение, что наш мелкий производитель (крестьянин-земледелец и кустарь) есть мелкий буржуа. Такой постановкой вопроса он свел бы его из области рассуждений о том, что «должно» быть, что «может» быть и т. д., в область высянения того, что есть, и объяснения, почему оно есть именно так, а не иначе. Чтобы опровергнуть это положение, народникам пришлось бы либо отрицать общеизвестные и бесспорные факты о росте товарного хозяйства и разложении крестьянства [а эти факты доказывают мелкобуржуазность крестьян-

*) Народники это говорили открыто и прямо, а «несомненный марксист» г-н Н.—он преподносит эту же бессмыслицу в туманных фразах о «народном строе» и «народном производстве», уснащенных цитатами из Маркса.

ства], либо отрицать азбучные истины политической экономии. Принять это положение — значит признать нелепость противопоставления «капитализма»—«народному строю», признать реакционность прожектов «искать иных путей для отечества» и обращаться с своими пожеланиями об «обществлении» к буржуазному «обществу» или на половину еще «старо-дворянскому» «государству».

А г. Струве вместо того, чтобы начать с начала *), начинает с конца: «Мы отвергаем,—говорит он,—одно из самых краеугольных положений народнической теории экономического развития России,—положение, что развитие крупной обрабатывающей промышленности разоряет крестьянина-земледельца» (246). Это уже значит, как говорят немцы, выплескивать из ванны вместе с водой и ребенка! «Развитие крупной обрабатывающей промышленности» означает и выражает развитие капитализма. А что разоряет крестьянина именно капитализм, это — краеугольное поолжение совсем не народничества, а марксизма. Народники видели и видят причины освобождения производителя от средств производства не в той специфической организации русского общественного хозяйства, которая носит название капитализма, а в политике правительства, которая, де, была неудачна («мы» шли неверным путем и т. д.), в косности общества, недостаточно сплотившегося против хищников и пройдох и т. п. Поэтому и «мероприятия их сводились к деятельности «общества» и «государства». Напротив, указание причин экспроприации в наличности капиталистической организации общественного хозяйства приводит неминуемо к учению о борьбе классов (ср. у Струве, стр. 101, 288 и мн. др.). Неточность выражения автора состоит в том, что он говорит о «земледельце» вообще, а не о противоположных классах буржуазного земледелия. Народники говорят, что капитализм губит земледелие и потому неспособен обнять все производство страны и ведет это производство неправильным путем; марксисты говорят, что капитализм как в обрабатывающей промышленности, так и в земледелии давит производителя, но, поднимая производство на высшую ступень, создает условия и силы для «обобществления» **).

---

*) Т.-е. начать с мелкобуржуазности «крестьянина-земледельца» для доказательства «неизбежности и законности» крупного капитализма.

**) «Великая заслуга капиталистического способа производства состоит, с одной стороны, в рационализировании земледелия, возможность общественного ведения которого создает только этот способ производства,—а с другой стороны, в доведении поземельной собственности до абсурда. Как и все его

Заключение г. Струве по этому вопросу таково: «одна из самых коренных ошибок г. Н.—она заключается в том, что он на современное, до сих пор более натуральное, чем денежное, крестьянское хозяйство целиком перенес представления и категории сложившегося капиталистического строя» (237).

Мы видели выше, что только полное игнорирование конкретных данных русского земледельческого капитализма повело к смешной ошибке г. Н.—она, толкующего о «сокращении» внутреннего рынка. Но произошла эта ошибка не оттого, что он перенес на крестьянство все категории капитализма, а оттого, что он никаких категорий капитализма не приложил к данным о земледелии. Важнейшей «категорией» капитализма являются, конечно, классы буржуазии и пролетариата. Г. Н.—он не только не «перенес» их на «крестьянство» т.-е. не проанализировал, к каким именно группам или разрядам крестьянства приложимы эти категории и насколько они развиты), а, напротив, рассуждал чисто по-народнически, игнорируя противоположные элементы внутри «общины», рассуждая о «крестьянстве» вообще. Это и повело к тому, что положение его о капиталистическом характере перенаселения, о капитализме, как о причине экспроприации земледельца, осталось недоказанным и послужило лишь для реакционной утопии.

IV.

В параграфе VIII шестой главы г. Струве излагает свои мысли о частновладельческом хозяйстве. Он совершенно справедливо указывает на тесную и непосредственную зависимость тех форм, которые принимает это хозяйство, от крестьянского разорения. Разоренный крестьянин не «соблазняет» уже помещика «баснословными арендными ценами», и помещик переходит к батрацкому труду. В доказательство приводятся выписки из статьи Распопина [59]), обработавшего данные земской статистики помещичьего хозяйства, и из земского издания по текущей статистике, отмечающего «вынужденный» характер увеличения экономических запашек. В ответ г.г. народникам, столь охотно загромождающим рассуждениями о «будущности» капитализма в земледелии и его «возможности» факт господства его в настоящем, автор дает точное указание на действительность.

другие исторические прогрессы, так и этот был куплен капитализмом ценой полного обнищания непосредственного производителя». («Das Kapital», III B., 2 Th., стр. 157) («Капитал», III том, 2 часть, стр. 155 русского перевода под ред. В. Базарова и И. Степанова, изд. 1908 г. Ред.).

Мы должны остановиться тут лишь на оценке этого явления автором, который говорит, что это—«прегрессивные течения в частновладельческом хозяйстве» (244), что эти течения создаются «неумолимой логикой экономической эволюции» (240). Мы боимся, что эти совершенно верные положения, по своей абстрактности, останутся невразумительны для читателя, незнакомого с марксизмом; что читатель не поймет—без определенного указания на смену таких-то систем хозяйства, таких-то форм классовой противоположности,—почему это данное течение «прогрессивно» (с той точки зрения, разумеется, с которой только и может ставить вопрос марксист,—с точки зрения определенного класса), в чем именно «неумолимость» происходящей эволюции. Попробуем поэтому обрисовать эту смену (хотя бы в самых общих чертах) в параллель с народническим изображением дела.

Народник изображает процесс развития батрацкого хозяйства как переход от «самостоятельного» крестьянского хозяйства к подневольному, и — естественно — считает это регрессом, упадком и т. д. Такое изображение процесса прямо фактически неверно, совершенно не соответствует действительности, а потому нелепы и выводы из него. Изображая дело таким оптимистическим (по отношению к прошлому и настоящему) образом, народник просто отворачивается от фактов, установленных народнической же литературой, в сторону утопий и возможностей.

Возьмем за исходный пункт дореформенное крепостническое хозяйство.

Основное содержание производственных отношений при этом было таково: помещик давал крестьянину землю, лес для постройки, вообще средства производства (иногда и прямо жизненные средства) для каждого отдельного двора, и, предоставляя крестьянину самому добывать себе пропитание, заставлял все прибавочное время работать на себя, на барщине. Подчеркиваю: «все прибавочное время», чтобы отметить, что о «самостоятельности» крестьянина при этой системе не может быть и речи *). «Надел», которым «обеспечивал» крестьянина помещик, служил не более как натуральной заработной платой, служил всецело и исключительно для эксплоатации крестьянина помещиком, для «обеспечения» помещику рабочих рук, никогда для действительного обеспечения самого крестьянина **).

---

*) Я ограничиваюсь исключительно хозяйственной стороной дела.

**) Поэтому ссылаться на крепостническое «наделение землей» для доказательства «исконности» принадлежности средств производства производителю—сплошная фальшь.

Но вот вторгается товарное хозяйство. Помещик начинает производить хлеб на продажу, а не па себя. Это вызывает усиление эксплоатации труда крестьян, — затем, затруднительность системы наделов, так как помещику уже невыгодно наделять подрастающие поколения крестьян новыми наделами, и появляется возможность расплачиваться деньгами. Становится удобнее отграничить раз навсегда крестьянскую землю от помещичьей (особенно ежели отрезать при этом часть наделов и получить «справедливый» выкуп) и пользоваться трудом тех же крестьян, поставленных материально в худшие условия и вынужденных конкурировать и с бывшими дворовыми, и с «дарственниками», и с более обеспеченными бывшими государственными и удельными крестьянами, и т. д.

Крепостное право падает.

Система хозяйства,—рассчитанного уже на рынок (это особенно важно),—меняется, но меняется не сразу. К старым чертам и «началам» присоединяются новые. Эти новые черты состоят в том, что основой Plusmacherei делается уже не снабжение крестьянина средствами производства, а, напротив, «свобода» его от средств производства, его нужда в деньгах; основой становится уже не натуральное хозяйство, не натуральный обмен «услуг» (помещик дает крестьянину землю, а крестьянин—продукты прибавочного труда, хлеб, холст и т. п.), а товарный, денежный «свободный» договор. Эта именно форма хозяйства, совмещающая старые и новые черты, и воцарилась в России после реформы. К старинным приемам ссуды земли за работу (хозяйство за отрезные земли, напр.) присоединилась «зимняя наемка»—ссуда денег под работу в такой момент, когда крестьянин особенно нуждается в деньгах и в трндешева продает свой труд, ссуда хлеба под отработки и т. п. Общественно-экономические отношения в бывшей «вотчине» свелись, как видите, к самой обыкновенной ростовщической сдлеке: это операции—совершенно аналогичные с операциями скупщика над кустарями.

Неоспоримо, что именно такое хозяйство стало типом после реформы, и наша народническая литература дала превосходные описания этой особенной непривлекательной формы Plusmacherei соединенной с крепостническими традициями и отношениями, с полной беспомощностью связанного своим «наделом» крестьянина.

Но народники не хотели и не хотят видеть, в чем же экономическая основа этих отношений?

Основой господства здесь является уже не только владение

землей, как в старину, а еще владение деньгами, в которых нуждается крестьянин (а деньги, это—продукт общественного труда, организованного товарным хозяйством),—и «свобода» крестьянина от средств к жизни. Очевидно, что это—отношение капиталистическое, буржуазное. «Новые черты—не что иное, как первичная форма господства капитала в земледелии,—форма, не высвободившаяся еще от «старо-дворянских» пут, форма, создавшая классовую противоположность, присущую капиталистическому обществу, но еще не фиксировавшая ее.

Но вот с развитием товарного хозяйства ускользает почва из-под этой первичной формы господства капитала: разорение крестьянства, дошедшее теперь уже до полного краха, означет потерю крестьянами своего инвентаря, на основании которого держалась и крепостная и кабальная форма труда—и тем вынуждает помещика переходить к своему инвентраю, крестьянина—делаться батраком.

Что этот переход и начал совершаться в пореформенной России,—это опять-таки бесспорный факт. Факт этот показывает тенденцию той кабальной формы, которую народники рассматривают чисто метафизически—вне связи с прошлым, вне стремления к развитию; факт этот показывает дальнейшее развитие капитализма, дальнейшее развитие той классовой противоположности, которая присуща нашему капиталистическому обществу и которая в предыдущую эпоху выражалась в отношении «кулака» к крестьянину, а теперь начинает выражаться в отношении рационального хозяина к батраку и поденщику.

И вот эта-то последняя перемена и вызывает отчаяние и ужас народника, который начинает кричать об «обезземелении», о «потере самостоятельности», о «водворении капитализма» и «грозящих» от него бедствиях и т. д. и т. д.

Посмотрите на эти рассуждения беспристрастно,—и вы увидите в них, во-первых, ложь, хотя бы и благонамеренную, так как предшествует этому батрацкому хозяйству не «самостоятельность» крестьянина, а другие формы отдавания прибавочного продукта тому, кто не участвовал в его создании. Во-вторых, вы увидите поверхностность, мелкость народнического протеста, обращающую его, по меткому выражению г. Струве, в вульгарный социализм. Почему это «водворение» усматривается лишь во второй форме, а не в обеих? Почему протест направляется не против того основного исторического факта, который сосредоточил в руках «частных землевладельцев» средства производства, а лишь против одного из приемов утилизации этой монополии? Почему корень зла усматривается не в тех производственных отношениях,

которые везде и повсюду подчиняют труд владельцу денег, а лишь в той неравномерности распределения, которая так рельефно выступает в последней форме этих отношений? Именно это основное обстоятельство—протест против капитализма, остающийся на почве капиталистических же отношений—и делает из народников идеологов мелкой буржуазии, боящейся не буржуазности, а лишь обострения ее, которое одно только и ведет к коренному изменению.

V.

Переходим к последнему пункту теоретических рассуждений г-на Струве, к «вопросу о рынках для русского капитализма» (245).

Разбор построенной народниками теории об отсутствии у нас рынков автор начинает вопросом: «что понимает г. В. В. под капитализмом?» Такой вопрос поставлен очень уместно, так как г. В. В. (да и все народники вообще) всегда сличали русские порядки с какою-нибудь «английской формой» (247) капитализма, а не с основными его чертами, изменяющими свою физиономию в каждой стране. Жаль только, что г. Струве не дает полного определения капитализма, указывая вообще на «господство менового хозяйства» [это—один признак; второй—присвоение прибавочной стоимости владельцем денег, господство этого последнего над трудом], на «тот строй, который мы видим на западе Европы» (247), «со всеми его последствиями», с «концентрацией промышленного производства, капитализмом в узком смысле слова» (247).

«Г. В. В.,—говорит автор,—в анализ понятия «капитализм» не вдался, а заимствовал его у Маркса, который имел в виду, по преимуществу, капитализм в узком смысле, как уже вполне сложившийся продукт отношений, развивающихся на почве подчинения производства обмену» (247). С этим невозможно согласиться. Во-первых, если бы г. В. В. действительно заимствовал свое представление о капитализме у Маркса, то он имел бы правильное представление о нем и не мог бы смешивать «английскую форму» с капитализмом. Во-вторых, совершенно несправедливо, что Маркс по преимуществу имел в виду «централизацию или концентрацию промышленного производства» [это разумеет г. Струве под капитализмом в узком смысле]. Напротив, он проследил развитие товарного хозяйства с первых его шагов, он анализировал капитализм в его примитивных формах простой кооперации и мануфактуры,—формах, на целые века отстоящих от концентрации

производства машинами,—он показал связь промышленного капитализма с земледельческими. Г. Струве сам суживает понятие капитализма, говоря: «...объектом изучения г-на В. В. являлись первые шаги народного хозяйства на пути от натуральной организации к товарной». Надо было сказать: последние шаги. Г. В. В., насколько известно, изучал только пореформенное хозяйство России. Начало товарного производства относится к дореформенной эпохе, как указывает сам г. Струве (189—190), и даже капиталистическая организация хлопчато-бумажной промышленности сложилась до освобождения крестьян. Реформа дала толчок окончательному развитию в этом смысле; она выдвинула на первое место не товарную форму продукта труда, а товарную форму рабочей силы; она санкционировала господство не товарного, а уже капиталистического производства. Неясное различие капитализма в широком и узком смысле*) приводит г. Струве к тому, что он смотрит, повидимому, на русский капитализм, как на нечто будущее, а не настоящее, вполне уже и окончательно сложившееся. Он говорит, например:

«Прежде чем ставить вопрос: неизбежен ли для России капитализм в английской форме, г. В. В. должен был поставить и разрешить другой, более общий и потому более важный вопрос: неизбежен ли для России переход от натурального хозяйства к денежному и каково отношение капиталистического производства sensu stricto*) к товарному производству вообще?» (247). Едва ли удобно так ставить вопрос. Если данная, существующая теперь в России, система производственных отношений будет выяснена, тогда вопрос о «неизбежности» того или другого развития будет уже решен eo ipso**). Если же она не будет выяснена, тогда он неразрешим. Вместо рассуждений о будущем (излюбленных г.г. народниками) следует объяснять настоящее. В пореформенной России крупнейшим фактом выступило внешнее, если можно так выразиться проявление капитализма, т.-е. проявление его «вершин» (фабричного производства, железных дорог, банков и т. п.), и для теоретической мысли тотчас же стал вопрос о капитализме в России. Народники старались доказать, что эти вершины—случай-

---

*) Не видно, по какому признаку отличает автор эти понятия? Если под капитализмом в узком смысле разуметь машинную индустрию только, тогда непонятно, почему не выделить особо и мануфактуру? Если под капитализмом в широком смысле разуметь товарное только хозяйство, тогда тут нет капитализма.

*) — в узком смысле. Ред.

**) — тем самым. Ред.

ны, не связаны со всем экономическим строем, беспочвенны и потому бессильны; при этом они оперировали с слишком узким понятием «капитализма», забывая, что порабощение труда капиталу проходит очень длинные и различные стадии от торгового капитала до «английской формы». Марксисты и должны доказать, что эти вершины—не более как последний шаг развития товарного хозяйства, давно сложившегося в России и повсюду, во всех отраслях производства, порождающего подчинение капиталу труда.

С особенной наглядностью воззрение г-на Струве на русский капиталзим как на нечто будущее, а не настоящее, сказалось в следующем рассуждении: «пока будет существовать современная община, закрепленная и укрепленная законом, на ее почве разовьются такие отношения, которые с «народным благосостоянием» не имеют ничего общего. [Неужели только еще «развьются», а не развились уже так давно, что вся народническая литература, с самого своего возникновения, более четверти века тому назад, описывала эти явления и протестовала против них?] На Западе мы имеем несколько примеров существования парцеллярного [60]) хозяйства рядом с крупным капиталистическим. Наша Польша и наш юго-западный край представляют явления того же порядка. Можно сказать, что и подворная и общинная Россия, поскольку разоренное крестьянство остается на земле, и в его среде нивелирующие явления оказываются сильнее диференцирующих, приближается к этому типу» (280). Неужели только еще приближается, а не представляет уже сейчас именно этот тип? Для определения «типа» надо брать, конечно, основные экономические черты порядков, а не юридические формы. Если мы посмотрим на эти основные черты экономики русской деревни, то увидим изолированное хозяйство крестьянских дворов на мелких участках земли, увидим растущее товарное хозяйство, играющее доминирующую роль уже сейчас. Это именно те черты, которые дают содержание понятию: «парцеллярное хозяйство». Мы видим далее ту же задолженность крестьян ростовщикам, ту же экспроприацию, о которой свидетельствуют данные Запада. Вся разница—в особенности наших юридических порядков (гражданская неравноправность крестьян; формы землевладения), которые сохраняют цельнее следы «старого режима» вследствие более слабого развития у нас капитализма. Но однородности типа наших крестьянских порядков с западными эти особенности нимало не нарушают.

Переходя к самой теории рынков, г. Струве замечает, что г.г. В. В. и Н.—он путаются в порочном круге: для развития

капитализма нужен рост рынка, а капитализм разоряет население. Автор исправляет этот порочный круг своим мальтузианством крайне неудачно, относя причину разорения крестьянства не к капитализму, а к «росту населения»!! Ошибка указанных авторов совсем иная: капитализм не разоряет только, а разлагает крестьянство на буржуазию и пролетариат. Процесс этот не сокращает внутренний рынок, а создает его: товарное хозяйство растет у обоих полюсов разлагающегося крестьянства, и у «пролетарского», вынужденного продавать «свободный труд», и у буржуазного, поднимающего технику своего хозяйства (машины, инвентарь, удобрения и т. д. Ср. «Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве» г. В. В.) и развивающего потребности. Несмотря на то, что такое понимание процесса непосредственно основано на теории Маркса о соотношении индустриального и земледельческого капитализма, г. Струве игнорирует его,—может быть, оттого, что введен в заблуждение «теорией рынков» г-на В. В. Этот последний, опираясь, якобы на Маркса, преподнес российской публике «теорию», будто бы в капиталистическом развитом обществе неизбежен «излишек товаров»; внутренний рынок не может быть достаточным, необходим внешний. «Эта теория верна (?!),—заявляет г. Струве,—поскольку она констатирует тот факт, что прибавочная стоимость не может быть реализована в потреблении ни капиталистов, ни рабочих, а предполагает потребление третьих лиц» (251). С заявлением этим нет никакой возможности согласиться. «Теория» г-на В. В. (если можно тут говорить о теории) состоит просто в игнорировании того различия личного и производительного потребления, различия средств производства и предметов потребления, без которого (различия) невозможно уяснение воспроизводства всего общественного капитала в капиталистическом обществе. Маркс показал это со всею подробностью во II томе «Капитала» (третий отдел: «Воспроизводство и образование всего общественного капитала»), и отметил рельефно и в I, критикуя то положение классической политической экономии, по которому накопление капитала состоит в превращении сверхстоимости в заработную плату только, а не в постоянный капитал (средства производства) плюс заработная плата. Для подтверждения такой характеристики теории г-на В. В. ограничимся двумя цитатами из указанных г-ном Струве статей.

«Каждый рабочий,—говорит г. В. В. в статье «Излишек снабжения рынка товарами»,—производит больше, чем он потребляет, и все эти излишки скопляются в немногих руках; владельцы этих излишков потребляют их сами, для чего обменивают их

внутри страны и за границей на разнообразные продукты необходимости и комфорта; но сколько бы они ни пили, ни ели и ни плясали (sic!!)—всей прибавочной стоимости им не извести» («От. Зап.» 1883 г., № 5, стр. 16), и «для большей наглядности» автор «рассматривает главнейшие траты» капиталиста вроде обедов, поездок и т. д. Еще рельефнее в статье «Милитаризм и капитализм»: «Ахиллесова пята капиталистической организации промышленности заключается в невозможности для предпринимателей потребить весь свой доход» («Русская Мысль» 1889 г., № 9, стр. 81). «Ротшильд не сумеет потребить всего приращения своего дохода... просто потому, что это приращение... представляет такую значительную массу предметов потребления, что Ротшильд, все прихоти которого и без того исполняются, решительно затруднился бы» и т. д.

Все эти рассуждения, как видите, основаны на том наивном мнении, будто капиталист имеет целью личное потребление, а не накопление сверхстоимости,—на той ошибке, будто общественный продукт распадается на $v+m$ (переменный капитал плюс сверхстоимость), как учил А. Смит[61]) и вся политическая экономия до Маркса, а не на $c+v+m$ (постоянный капитал, средства производства, и затем уже заработная плата и сверхстоимость), как показал Маркс. Раз исправлены эти ошибки и принято во внимание то обстоятельство, что в капиталистическом обществе громадную и все растущую роль играют средства производства (та часть общественных продуктов, которая идет не на личное, а на производительное потребление, на потребление не людей, а капитала), рушится совершенно и вся пресловутая «теория». Маркс доказал во II томе, что вполне мыслимо капиталистическое производство без внешних рынков, с растущим накоплением богатства и без всяких «третьих лиц», привлечение которых г-ном Струве в высшей степени неудачно. Рассуждение г. Струве об этом предмете тем более вызывает недоумение, что сам же он указывает на преобладающее значение для России внутреннего рынка и ловит г. В. В. на «программе развития русского капитализма», опирающегося на «крепкое крестьянство». Процесс образования этого «крепкого» (сиречь буржуазного) крестьянства, идущий в настоящее время в нашей деревне, прямо показывает нам зарождение капитала, пролетаризирование производителя и рост внутреннего рынка: «распростанение улучшенных орудий», напр., означает именно накопление капитала на счет средств производства. По этому вопросу особенно необходимо было бы вместо изложения «возможностей» дать изложение и объяснение

того действительного процесса, который выражается в создании внутреннего рынка для русского капитализма *).

Заканчивая этим разбор теоретической части книги г. Струве, мы можем теперь попытаться дать общую, сводную, так сказать, характеристику основных приемов его рассуждений и подойти таким образом к разрешению вопросов, выставленных в начале: «что именно в этой книге может быть отнесено на счет марксизма?», «какие положения доктрины (марксизма) автор отвергает, пополняет или поправляет, и что в этих случаях получается?».

Основная черта рассуждений автора, отмеченная с самого начала, это его узкий объективизм, ограничивающийся доказательством неизбежности и необходимости процесса и не стремящийся вскрывать в каждой конкретной стадии этого процесса присущую ему форму классового антагонизма, — объективизм, характеризующий процесс вообще, а не те антагонистические классы в отдельности, из борьбы которых складывается процесс.

Мы вполне понимаем, что для такого ограничения своих «заметок» одной «объективной» и притом наиболее общей частью у автора были свои основания: во-первых, желая противопоставить народникам основы враждебных воззрений, он излагал одни principia, предоставляя развитие и более конкретное их выяснение дальнейшему развитию полемики; во-вторых, мы в I главе старались показать, что все отличие народничества от марксизма состоит в характере критики русского капитализма, в ином объяснении его,—откуда естественно и проистекает то, что марксисты ограничиваются иногда одними общими «объективными» положениями, напирают исключительно на то, что отличает наше понимание (общеизвестных фактов) от понимания народнического.

Но у г. Струве, кажется нам, дело зашло уже слишком далеко в этом отношении. Абстрактность изложения давала часто положения, не могущие не вызвать недоразумений; постановка вопроса не отличалась от ходячих, царящих в нашей литературе приемов рассуждать по-профессорски, сверху—о путях и судьбах отечества, а не об отдельных классах, идущих таким-то и таким-то путем; чем конкретнее становились рассуждения автора, тем более становилось невозможным разъяснить principia марксизма, оста-

---

*) Так как это очень важный и сложный вопрос, то мы намерены посвятить ему отдельную статью (см. III том собр. соч. Н. Ленина «Развитие капитализма в России». Ред.).

ваясь на высоте общих абстрактных положений, тем необходимее было давать определенные указания на такое-то положение таких-то классов русского общества, на такое-то соотношение разных форм Plusmacherei к интересам производителей.

Поэтому и казалась нам не совсем неуместной попытка дополнить и пояснить положения автора, проследить шаг за шагом его изложение, чтобы отметить необходимость иной постановки вопросов, необходимость более последовательного проведения теории классовых противоречий.

Что касается до прямых отступлений г. Струве от марксизма— по вопросам о государстве, о перенаселении, о внутреннем рынке— то об них достаточно было уже говорено.

VI.

В книге г. Струве кроме критики теоретического содержания народничества помещены, между прочим, еще некоторые замечания, касающиеся народнической экономической политики. Хотя замечания эти брошены бегло и не развиты автором, но мы не можем, тем не менее, не коснуться их, чтобы не оставлять места никаким недоразумениям.

В этих замечаниях содержатся указания на «рациональность», прогрессивность, «разумность» и т. п. либеральной, т.-е. буржуазной политики по сравнению с политикой народнической *).

Очевидно, автор хотел сопоставить две политики, остающиеся на почве существующих отношений,—и в этом смысле он совершенно справедливо указал, что «разумна» политика, развивающая, а не задерживающая капитализм,—«разумна», конечно, не потому, что, служа буржуазии, все сильнее подчиняет ей производителя [как пытаются истолковать разные «простяки»

*) Укажем образчики этих замечаний: «Если государство... желает укрепить не крупное, а мелкое землевладение, то при данных экономических условиях оно может достигнуть этой цели не тем, что будет гоняться за неосуществимым экономическим равенством в среде крестьянства, а только путем поддержания его жизнеспособных элементов, путем создания из них экономически крепкого крестьянства» (240). «Я не могу не видеть, что политика, которая направится на создание такого крестьянства (именно: «экономически крепкого, приспособленного к товарному производству») будет единственной разумной и прогрессивной политикой» (281). «Россия из бедной капиталистической страны должна стать богатой капиталистической же страной» (251) и т. д., вплоть до заключительной фразы: «пойдем на выучку к капитализму».

или «акробаты»], а потому, что, обостряя и очищая капиталистические отношения, она просветляет разум того, от кого только и зависит перемена, и развязывает ему руки.

Мы не можем не заметить, однако, что это совершенно верное положение выражено г-ном Струве неудачно, высказано им благодаря свойственной ему абстрактности так, что иногда хочется сказать ему: предоставьте мертвым погребать своих мертвецов. Никогда не было в России недостатка в людях, всю душу полагавших на создание теорий и программ, выражающих интересы нашей буржуазии, выражающих все эти «долженствования» сильного и крупного капитала раздавить маленький капитал и разрушить его примитивные и патриархальные приемы эксплоатации.

Если бы автор и тут строго выдержал требования «доктрины» марксизма, обязывающей сводить изложение к формулировке действительного процесса, обязывающей вскрывать классовые противоречия за каждой формой «разумной», «рациональной» и прогрессивной политики,—он высказал бы ту же мысль иначе, дал другую постановку вопроса. Он привел бы те теории и программы либерализма, т.-е. бружуазии, которые как грибы после дождя росли после великой реформы, в параллель с фактическими данными о развитии капитализма в России. Он бы показал таким образом на русском примере ту связь общественных идей с экономическим развитием, которую он доказывал в первых главах и которая может быть окончательно установлена только материалистическим анализом русских данных. Он бы показал таким образом, во-вторых, как наивны народники, воюющие в своей литературе против буржуазных теорий так, как будто бы эти теории представляли только ошибочные рассуждения, а не интересы могущественного класса, который глупо усовещивать, который может быть «убежден» только внушительной силой другого класса. Он показал бы таким образом, в-третьих, какой класс на самом деле определяет у нас «долженствование» и «прогресс», и как смешны народники, рассуждающие о том, какой «путь» «выбрать».

Г.г. народники с особенным удовольствием подхватили эти выражения г-на Струве, злорадствуя по поводу того, что неудачная формулировка их позволила разным буржуазным экономистам (вроде г. Янжула)[62]) и крепостникам (вроде г. Головина)[63]) цепляться за отдельные, вырванные из общей связи, фразы. Мы видели, в чем состоит неудовлетворительность г. Струве, давшая противникам такое оружие в руки.

Попытки критиковать народничество просто как теорию, не-

правильно указывающую пути для отечества *), привели автора к неясной формулировке своего отношения к «экономической политике» народничества. Тут могут увидеть, пожалуй, огульное отрицание этой политики, а не одной только ее половины. Необходимо поэтому остановиться на этом пункте.

Философствование о возможности «иных путей для отечества», это—только внешнее облачение народничества. Содержание же его—представительство интересов и точки зрения русского мелкого производителя, мелкого буржуа. Поэтому народник в теории точно так же является Янусом, который смотрит одним ликом в прошлое, другим—в будущее, как в жизни является Янусом мелкий производитель, который смотрит одним ликом в прошлое, желая укрепить свое мелкое хозяйство, не зная и знать ничего не желая об общем экономическом строе и о необходимости считаться с заведующим им классом,—а другим ликом—в будущее, настраиваясь враждебно против разоряющего его капитализма.

Понятно отсюда, что отвергать всю народническую программу целиком, без разбора, было бы абсолютно неправильно. В ней надо строго отличать ее реакционную и прогрессивную стороны. Народничество реакционно, поскольку оно предлагает мероприятия, привязывающие крестьянина к земле и к старым способам производства, вроде неотчуждаемости наделов и т. п. **), поскольку они хотят задержать развитие денежного хозяйства, поскольку они ждут не частичных улучшений, а перемены пути от «общества» и от воздействия представителей бюрократии (пример: г. Южаков, рассуждавший в «Рус. Бог.» 1894, № 7, об общественных запашках, проектируемых одним земским начальником, и занимавшийся внесением поправок в эти проекты). Против подобных пунктов народнической программы необходима, конечно, безусловная война. Но есть у них и другие пункты, относящиеся к самоуправлению, свободному и широкому доступу знаний к «народу», к «подъему» «народного» (сиречь мелкого) хозяйства посредством дешевых кредитов, улучшений техники, упорядочений сбыта и т. д., и т. д., и т. д. Что подобные, обще-демократические, мероприятия прогрессивны,—это признает, конечно, вполне и г. Струве. Они не задержат, а ускорят экономическое развитие России по капиталистическому пути, ускорят создание внутреннего рынка,

---

*) Автор «Критических заметок» указывает на экономическую почву народничества (стр. 166—167), но его указание представляется нам недостаточным.

**) Чрезвычайно верно говорит г. Струве, что эти меры могли бы лишь «осуществить пламенные мечтания некоторых западно-европейских и российских землевладельцев о крепких земле батраках» (279).

ускорят рост техники и машинной индустрии улучшением положения трудящегося и повышением его уровня потребностей, ускорят и облегчат его самостоятельное мышление и действие.

Тут может только разве возникнуть вопрос: кто вернее и лучше указывает подобные, безусловно желательные меры,—народники ли или публицисы à la г. А. Скворцов, который тоже распинается за технический прогресс и к которому так чрезвычайно расположен г. Струве? Мне кажется, что с марксистской точки зрения нельзя сомневаться в абсолютной предпочтительности народничества в этом отношении. Мероприятия г.г. Скворцовых так же относятся к интересам всего класса мелких производителей, мелкой буржуазии, как программа «Московских Ведомостей» к интересам крупной. Они рассчитаны не на всех *), а только на отдельных избранников, удостоивающихся внимания начальства. Они безобразно грубы, наконец, потому что предполагают полицейское вмешательство в хозяйство крестьян. Взятые в совокупности, эти меры не дают никаких серьезных гарантий и шансов на «производственный прогресс крестьянского хозяйства».

Народники неизмеримо правильнее понимают и представляют в этом отношении интересы мелких производителей, и марксисты должны, отвергнув все реакционные черты их программы, не только принять обще-демократические пункты, но и провести их точнее, глубже и дальше. Чем решительнее будут такие реформы в России, чем выше поднимут жизненный уровень трудящихся масс,—тем резче и чище выступит важнейшая и основная (уже сейчас) социальная противоположность русской жизни. Марксисты не только не «обрывают демократической нити» или течения, как клеплет на них г. В. В.,—напротив, они хотят развития и усиления этого течения, хотят приближения его к жизни, хотят поднять ту «нить», которую выпускает из рук «общество» и «интеллигенция» **).

Это требование—не бросать «нити», а, напротив, укреплять ее—вовсе не случайно вытекает из личного настроения тех или

---

*) Т.-е., конечно, на всех, кому доступен технический прогресс.

**) «Неделя» 1894 г., № 44, г. В. В.: «В пореформенный период нашей истории социальные отношения в некоторых чертах приблизились к западно-европейским, с активным демократизмом в эпоху политической борьбы и общественным индиферентизмом в последующее время». Мы старались показать в I главе, что этот «индиферентизм»—не случайность, а неизбежный результат положения и интересов того класса, из которого выходят представители «общества», и который рядом с минусами от современных отношений получает от них весьма немаловажные плюсы.

других «марксистов», а необходимо определяется положением и интересами того класса, которому они хотят служить, необходимо и безусловно предписывается коренными требованиями их «доктрины». Я не могу, по легко понятным причинам, останавливаться здесь на разборе первой части этого положения, на характеристике «положения» и «интересов»; да тут, кажется, дело само говорит за себя. Коснусь только второй части, именно отношения марксистской доктрины к вопросам, выражающим «обрывающуюся нить».

Марксисты должны иначе ставить эти вопросы, чем это делали и делают г.г. народники. У последних вопрос становится с точки зрения «современной науки, современных нравственных идей»; дело изображается так, будто нет каких-нибудь глубоких, в самых производственных отношениях лежащих причин неосуществления подобных реформ, а есть препятствия только в грубости чувств: в слабом «свете разума» и т. п., будто Россия—tabula rasa, на которой остается только правильно начертать правильные пути. При такой постановке вопроса ему обеспечивалась, понятно, «чистота», которой хвастается г. В. В. и которая на самом деле означает «чистоту» институтских мечтаний, которая делает народнические рассуждения столь пригодными для бесед в кабинетах.

Постановка этих же вопросов у марксистов необходимо должна быть совершенно иная *). Обязанные отыскивать корни общественных явлений в производственных отношениях, обязанные сводить их к интересам определенных классов, они должны формулировать те же desiderata, как «пожелания» таких-то общественных элементов, встречающие противодействие таких-то других элементов и классов. Такая постановка будет уже абсолютно устранять возможность утилизации их «теорий» для профессорских, поднимающихся выше классов, рассуждений, для каких-нибудь обещающих «блестящий успех» **) проектов и докладов. Это, конечно, только еще косвенное достоинство указываемой перемены точки зрения, но и оно очень велико, если принять во внимание, по какой крутой наклонной плоскости катится современное народничество в болото оппортунизма. Если ставить те же вопросы применительно к теории классового антагонизма [для чего нужен, конечно, «пересмотр фактов» русской истории и действительности],—тогда ответы на них будут давать формулировку насущных

*) Если они будут последовательно проводить свою теорию. Мы много уже говорили о том, что неудовлетворительность изложения у г. Струве произошла именно оттого, что он не выдержал со всей строгостью этой теории.

**) Выражение г. Южакова.

интересов таких-то классов,—эти ответы будут предназначаться на практическую утилизацию *) их именно этими заинтересованными классами и исключительно одними ими,—они будут рваться, говоря прекрасным выражением одного марксиста, из «тесного кабинета интеллигенции» к самим участникам производственных отношений в наиболее развитом и чистом их виде, к тем, на ком всего сильнее сказывается «обрыв нити», для кого «идеалы» «нужны», потому что без них им приходится плохо. Такая постановка вдохнет новую живую струю во все эти старые вопросы—о податях, паспортах, переселениях, волостных правлениях и т. п.,—вопросы, которые наше «общество» обсуждало и трактовало, жевало и пережевывало, решало и перерешало, и к которым оно стало теперь терять всякий вкус.

Итак, как бы ни подходили мы к вопросу,—разбирая ли содержание царящей в России системы экономических отношений и разные формы этой системы в их исторической связи и в их отношении к интересам трудящихся,—или же разбирая вопрос об «обрыве нити» и о причинах этого «обрыва»,—в обоих случаях мы приходим к одному выводу, к выводу о великом значении той исторической задачи, «диференцированного от жизни труда», которая выдвигается переживаемой нами эпохой, к выводу о всеобъемлющем значении идеи этого класса.

---

*) Конечно, для этой «утилизации» требуется громадная подготовительная работа, притом работа, по самому существу своему, невидная. До этой утилизации может пройти более или менее значительный период времени, в течение которого мы будем прямо говорить, что нет еще никакой силы, способной дать лучшие пути для отечества,—в противоположность «слащавому оптимизму» г.г. народников, уверяющих, что силы есть и остается лишь посоветовать им «сойти с неправильного пути».

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОМАНТИЗМА

Сисмонди и наши отечественные сисмондисты.

Написано в начале 1897 г.

Первоначально напечатано в журнале „Новое Слово“ [64]) кн. 7 — 10. апрель — июль 1897 г. за подписью *К. Т — н.* Перепечатано в сборнике *Владимир Ильин* — „Экономические этюды и статьи“, 1899 г.

Швейцарский экономист Сисмонди (S. C. L. Simonde de Sismondi) [65]), писавший в начале текущего столетия, представляет особенный интерес для разрешения тех общих экономических вопросов, которые с особенной силой выступают теперь в России. Если прибавить к этому, что в истории политической экономии Сисмонди занимает особое место, стоя в стороне от главных течений, что он горячий сторонник мелкого производства, выступающий с протестом против защитников и идеологов крупного предпринимательства (точно так же, как выступают против них и современные русские народники), то читатель поймет наше намерение дать очерк учения Сисмонди в главных его чертах и в отношении его к другим—одновременным и последующим—направлениям экономической науки. Интерес изучения Сисмонди усиливается как раз в настоящую минуту тем, что в журнале «Р. Богатство» за прошлый год мы находим статью, посвященную тоже изложению учения Сисмонди (Б. Эфруси [66]): «Социально-экономические воззрения Симонда де-Сисмонди». «Р. Б.» 1896 г., № 7 и 8) *).

Сотрудник «Русск. Богатства» заявляет с самого начала, что нет писателя, который «подвергся бы столь неправильной оценке», как Сисмонди, которого, дескать, «несправедливо» выставляли то реакционером, то утопистом.—Как-раз наоборот. Именно такая оценка Сисмонди вполне правильна. Статья же «Русс. Богатства», представляя из себя подробный и аккуратный пересказ Сисмонди, характеризует его теорию совершенно неверно **), идеализируя Сисмонди именно в тех пунктах его учения, в которых он всего ближе подходит к народникам, игнорируя и неправильно освещая отношение его к последующим течениям экономической науки. Поэтому наше изложение и разбор учения Сисмонди будет в то же время критикой статьи Эфруси.

---

*) Эфруси умер в 1897 г. Некролог его напечатан в мартовской книжке «Русского Богатства» за 1897 г.

**) Вполне справедливо, что Сисмонди—не социалист, на что указывает г. Эфруси в начале статьи, повторяя сказанное Липпертом [67]) (см. Handwörterbuch der Staatswissenschaften, V Band, Artikel «Sismondi» von Lippert, Seite 678).

ГЛАВА I.

Экономические теории романтизма.

Отличительной особенностью теории Сисмонди является его учение о доходе, об отношении дохода к производству и к населению. Главное произведение Сисмонди и озаглавлено так: «Nouveaux principes d'économie politique ou de la richesse dans ses rapports avec la population» (Seconde édition, Paris 1827, 2 vol. Первое издание было в 1819 г.)—«Новые начала политической экономии, или о богатстве в его отношениях к населению». Тема эта почти тождественна с тем вопросом, который в русской народнической литературе известен под названием «вопроса о внутреннем рынке для капитализма». Сисмонди утверждал именно, что развитие крупного предпринимательства и наемного труда в промышленности и земледелии ведет к тому, что производство необходимо обгоняет потребление и становится перед неразрешимой задачей: найти потребителей; что внутри страны потребителей оно найти не может, ибо превращает массу населения в поденщиков, простых рабочих и создает незанятое население, а искать внешнего рынка становится все труднее с выступлением на мировую арену новых капиталистических стран. Читатель видит, что это совершенно те же самые вопросы, которые занимают экономистов-народников с г.г. В. В. и Н.—оном во главе. Посмотрим же поближе на отдельные моменты аргументации Сисмонди и на ее научное значение.

I.

Сокращается ли внутренний рынок вследствие разорения мелких производителей?

В противоположность экономистам-классикам [68]), которые имели в виду при своих построениях уже сложившийся капиталистический строй и наличность класса рабочих брали за нечто данное и подразумевающееся само собой, Сисмонди подчеркивает именно процесс разорения мелкого производителя,—процесс, ведший

к образованию этого класса. Что указание этого противоречия в капиталистическом строе составляет заслугу Сисмонди—это неоспоримо, но дело в том, что, как экономист, Сисмонди не сумел понять этого явления, и свою неспособность к последовательному анализу прикрывал «благими пожеланиями». Разорение мелкого производителя доказывает, по мнению Сисмонди, сокращение внутреннего рынка.

«Если фабрикант будет продавать дешевле» —говорит Сисмонди в главе о том, «как продавец расширяет свой рынок?» (Ch. III, livre IV, t. I, p. 342 et suiv.) *),—то он продаст больше, ибо другие продадут меньше. Поэтому усилия фабриканта направлены всегда на то, чтобы сделать какое-нибудь сбережение на труде или на сырых материалах, которое дало бы ему возможность продавать дешевле его товарищей. Так как материалы сами представляют из себя продукт прошлого труда, то его сбережение сводится всегда, в конце-концов, к употреблению меньшего количества труда на производство того же продукта». «Правда, отдельный фабрикант старается не сокращать количества рабочих, а увеличивать производство. Допустим, что это ему удастся, что он перебьет покупателей у своих конкурентов, понизив цену товара. Каков же будет «национальный результат» этого? Другие фабриканты введут у себя его приемы производства. Тогда тем или другим из них придется, разумеется, отпустить часть рабочих, соответственно тому, насколько новая машина усиливает производительную силу труда. Если потребление осталось неизменным, и если то же количество труда исполняется числом рук вдесятеро меньшим, то девять десятых доходов этой части рабочего класса будут у него отняты, и его потребление во всех видах уменьшится на столько же... Результатом изобретения—если нация не имеет внешней торговли и если потребление остается неизменным—будет, следовательно, потеря для всех, уменьшение национального дохода, которое в следующем году поведет к уменьшению общего потребления» (I, 344). «И это так и должно было быть: труд сам по себе составляет важную часть дохода (Сисмонди имеет в виду заработную плату), и потому нельзя уменьшать спрос на труд без того, чтобы не сделать нацию более бедной. Поэтому-то выгода, ожидаемая от изобретения новых способов производства, относится почти всегда на счет иностранной торговли» (I, 345).

---

*) Все дальнейшие цитаты, без особых указаний, относятся к указанному выше изданию «Nouveaux Principes».

Читатель видит, что уже в этих словах перед нами вся столь знакомая нам «теория» «сокращения внутреннего рынка» вследствие развития капитализма и необходимости ввиду этого внешнего рынка. Сисмонди возвращается к этой мысли чрезвычайно часто, связывая с ней и свою теорию кризисов и «теорию» населения; в его учении это такой же доминирующий пункт, как и в учении русских народников.

Сисмонди не забыл, разумеется, что разорение и безработица при новых отношениях сопровождаются увеличением «торгового богатства», что речь должна итти о развитии крупного производства, капитализма. Он прекрасно понимал это и утверждал именно, что рост капитализма уменьшает внутренний рынок: «Точно так же, как для блага граждан небезразлично, будет ли довольство и потребление всех приближаться к равенству, или небольшое меньшинство будет иметь во всем избыток, а масса будет сведена к строго необходимому, точно так же эти два вида распределения дохода небезразличны и для развития торгового богатства (richesse commerciale) *). Равенство потребления должно всегда вести в результате к расширению рынка производителей, неравенство—к сокращению рынка» (de le (le marché) resserer toujours davantage) (I, 357).

Итак, Сисмонди утверждает, что внутренний рынок сокращается свойственным капитализму неравенством распределения, что рынок должен создаваться равномерным распределением. Но каким же образом может происходить это при богатстве торговом, к которому незаметно перешел Сисмонди (и к которому не мог не перейти, ибо иначе он не мог бы говорить о рынке)? Этого он не исследует. Чем доказывает он возможность сохранения равенства производителей при торговом богатстве, *т.-е.* при конкуренции между отдельными производителями? Абсолютно ничем не доказывает. Он просто декретирует, что так должно быть. Вместо дальнейшего анализа того противоречия, которое он справедливо указал, он принимается толковать о нежелательности противоречий вообще. «Возможно, что с заменой мелкого земледелия крупным в землю вложено больше капиталов, что между всей массой земледельцев распределено больше богатства, чем прежде»... (т.-е. «возможно», что внутренний рынок, определяемый ведь именно абсолютным количеством торгового богатства, возрос?—возрос рядом с развитием капитализма?)... «Но для нации потребление одной семьи богатых фер-

*) Курсив здесь, как и везде в других местах, наш, если не оговорено противное.

меров плюс 50 семей нищих поденщиков неравносильно потреблению 50-ти семей крестьян, из которых ни одна не богата, но зато ни одна не лишена (умеренного) приличного довольства (une honnète aisance) (I, 358). Другими словами: может быть, развитие фермерства и создает внутренний рынок для капитализма. Сисмонди был слишком образованный и добросовестный экономист, чтобы отрицать этот факт, но... но здесь автор покидает свое исследование и вместо «нации» торгового богатства подставляет прямо «нацию» крестьян. Отбояриваясь от неприятного факта, опровергающего его мелкобуржуазную точку зрения, он забывает даже о том, что сам же говорил несколько раньше, именно: что «фермеры» и развились из «крестьян», благодаря развитию торгового богатства. «Первые фермеры,—говорил Сисмонди,—были простыми пахарями... Они не переставали быть крестьянами... Они не употребляли почти никогда для совместной работы поденных работников, а только слуг (батраков—des domestiques), избираемых всегда среди их равных, с которыми и обращались, как с равными, ели за одним столом... составляли один класс крестьян» (I, 221). Все дело сводится, значит, к тому, что эти патриархальные мужички с своими патриархальными батраками гораздо более по душе автору, и он просто отворачивается от тех изменений, которые произвел в этих патриархальных отношениях рост торгового богатства».

Но Сисмонди нисколько не намерен признаться в этом. Он продолжает думать, что исследует законы торгового богатства, и, позабыв свои оговорки, утверждает прямо:

«Итак, вследствие концентрации имуществ у небольшого числа собственников, внутренний рынок все более и более сокращается (!), и промышленности все более и более приходится искать сбыта на внешних рынках, где ей угрожают великие сотрясения» (des grandes revolutions) (I, 361). «Итак, внутренний рынок не может расширяться иначе, как при расширении национального благосостояния» (I, 362). Сисмонди имеет в виду народное благосостояние (применяясь к терминологии народников), ибо он сейчас только признавал возможность «национального» благосостояния при фермерстве.

Как видит читатель, наши экономисты-народники говорят слово в слово то же самое.

Сисмонди возвращается к этому вопросу еще раз в конце сочинения, в VII книге: «О населении», в главе VII: «О населении, которое сделалось излишним вследствие изобретения машин».

«В деревне введение системы крупных ферм повело в Великобритании к исчезновению класса арендаторов-крестьян (fermiers-paysans), которые сами работали и пользовались тем не менее умеренным довольством; население значительно уменьшилось; но его потребление уменьшилось еще больше, чем его число. Поденщики, исполняющие все полевые работы, получая лишь самое необходимое, далеко не дают такого поощрения (encouragement) городской индустрии, какое давали раньше богатые крестьяне» (II, 327). «Аналогичное изменение произошло и в городском населении... Мелкие торговцы, мелкие промышленники исчезают, и сотни их заменяет один крупный предприниматель; может-быть, они все вместе не были так богаты, как он. Тем не менее они, вместе взятые, были лучшими потребителями, чем он. Его роскошь дает гораздо меньшее поощрение индустрии, чем умеренное довольство тех ста хозяйств, которые он заменил» (ib.).

К чему же сводится, спрашивается, эта теория Сисмонди о сокращении внутреннего рынка при развитии капитализма? К тому, что автор ее, едва попытавшись взглянуть на дело прямо, увернулся от анализа условий, соответствующих капитализму («торговое богатство» плюс крупное предпринимательство в промышленности и земледелии, ибо Сисмонди слова «капитализм» не знает. Тождество понятий делает это словоупотребление вполне правильным, и мы будем впредь говорить просто: «капитализм»), и подставил на место анализа свою мелкобуржуазную точку зрения и мелкобуржуазную утопию. Развитие торгового богатства и, след., конкуренции должно оставить неприкосновенным ровное, среднее крестьянство с его «умеренным довольством» и его патриархальными отношениями к батракам.

Понятно, что это невинное пожелание осталось исключительным достоянием Сисмонди и других романтиков из «интеллигенции», что оно с каждым днем приходило все в большее столкновение с действительностью, развивавшей те противоречия, глубины которых не умел еще оценить Сисмонди.

Понятно, что теоретическая политическая экономия, примкнув в своем дальнейшем развитии к классикам, установила с точностью именно то, что хотел отрицать Сисмонди, именно: что развитие капитализма вообще и фермерства в частности не сокращает, а *создает* внутренний рынок. Развитие капитализма идет вместе с развитием товарного хозяйства, и по мере того, как домашнее производство уступает место производству на продажу, а кустарь уступает место фабрике,—идет образование рынка для *капитала*. «Поденщики», выталкиваемые из земледелия

превращением «крестьян» в «фермеров», поставляют рабочую силу для капитала, а фермеры являются покупателями продуктов индустрии и притом не только покупателями предметов потребления (которые прежде производились крестьянами дома или сельскими ремесленниками), а также и покупателями орудий производства, которые не могли уже оставаться прежними при замене мелкого земледелия крупным *). Последнее обстоятельство стоит подчеркнуть, ибо его-то и игнорировал особенно Сисмонди, говоривший в цитированном нами месте о «потреблении» крестьян и фермеров так, как будто бы существовало одно только личное потребление (потребление хлеба, одежды и т. п.), как будто бы покупка машин, орудий и т. п., постройка зданий, складов, фабрик и т. п. не были тоже потреблением, только другого рода, именно: потреблением производительным, потреблением не людей, а капитала. И опять-таки приходится отметить, что именно эту ошибку, которую Сисмонди, как мы сейчас увидим, заимствовал у Ад. Смита, в полной неприкосновенности переняли и наши народники-экономисты **).

II.

Воззрение Сисмонди на национальный доход и капитал.

Аргументация Сисмонди против возможности капитализма и его развития не ограничивается только этим. Он делал такие же выводы и из своего учения о доходе. Надо сказать, что Сисмонди вполне перенял от Ад. Смита теорию трудовой стоимости и трех видов дохода: ренты, прибыли и заработной платы. Он делает даже кое-где попытку обобщить два первые вида дохода в противоположность третьему: так, иногда он соединяет их, противополагая заработной плате (I, 104—105); у него попадается даже слово: mieux-value (сверхстоимость) по отношению к ним (I, 103). Не надо однако преувеличивать значения такого словоупотребления, как это делает, кажется, г. Эфруси, говоря, «что теория Сисмонди близка к теории прибавочной ценности» («Р. Б.», № 8, с. 41).

---

*) Таким образом создаются одновременно элементы и переменного капитала («свободный» рабочий) и постоянного; к последнему относятся те средства производства, от которых освобождается мелкий производитель.

**) Г. Эфруси об этой части доктрины Сисмонди—о сокращении внутреннего рынка вследствие развития капитализма—не говорит ничего. Мы еще увидим много раз, что он опустил именно то, что наиболее рельефно характеризует точку зрения Сисмонди и отношение народничества к его учению.

Сисмонди, собственно, не сделал ни одного шага вперед против Ад. Смита, который тоже говорил, что рента и прибыль суть «вычет из труда», дань той ценности, которую работник прибавляет к продукту (См. «Исследование о природе и причинах богатства», русс. пер. Бибикова, т. I, гл. VIII: «О заработной плате» и гл. VI: «О частях, входящих в состав цены товаров»). Дальше этого не пошел и Сисмонди. Но он попытался связать это деление вновь создаваемого продукта на сверхстоимость и заработную плату с теорией общественного дохода, внутреннего рынка и реализации продукта в капиталистическом обществе. Попытки эти чрезвычайно важны для оценки научного значения Сисмонди и для уяснения связи между его доктриной и доктриной русских народников. Поэтому стоит разобрать их подробнее.

Выдвигая повсюду на первый план вопрос о доходе, об отношении его к производству, к потреблению, к населению, Сисмонди, естественно, должен был разобрать и теоретические основания понятия «доход». И мы находим у него, в самом начале сочинения, три главы, посвященные вопросу о доходе (l. II, ch. IV—VI). Глава IV: «Как доход происходит из капитала» трактует о различии капитала и дохода. Сисмонди прямо начинает излагать этот предмет по отношению ко всему обществу. «Так как каждый работает для всех,—говорит он,—то производство всех должно быть потреблено всеми... Различие между капиталами и доходами существенно для общества» (I, 83). Но Сисмонди чувствует, что это «существенное» различие для общества не так просто, как для отдельного предпринимателя. «Мы подходим,—оговаривается он,—к самому абстрактному и самому трудному вопросу политической экономии. Природа капитала и дохода постоянно переплетаются в нашем представлении: мы видим, что доход для одного становится капиталом для другого, и один и тот же предмет, переходя из рук в руки, приобретает последовательно различные наименования». (I, 84), т.-е. то наименование «капитала», то наименование «дохода». «Но смешивать их,—утверждает Сисмонди,—ошибка (leur confusion est ruineuse, p. 477). «Насколько трудно различить капитал и доход общества, настолько же важно это различие» (I, 84).

Читатель заметил, вероятно, в чем состоит трудность, о которой говорит Сисмонди: если для отдельного предпринимателя доходом является его прибыль, расходуемая на те или иные предметы потребления *), если для отдельного рабочего доходом

*) Точнее: та часть прибыли, которая не идет на накопление.

является его заработная плата, то можно ли суммировать эти доходы для получения «дохода общества»? Как быть тогда с теми капиталистами и рабочими, которые производят, напр., машины? Их продукт существует в таком виде, что в потребление войти не может (т.-е. в личное потребление). Его нельзя сложить с предметами потребления. Назначение этих продуктов—служить капиталом. Значит, они, будучи доходом для своих производителей (именно в той своей части, которая возмещает прибыль и заработную плату), становятся капиталом для покупателей. Как же разобраться в этой путанице, мешающей установить понятие общественного дохода?

Сисмонди, как мы видели, только подошел к вопросу и сейчас же уклоняется от него, ограничившись указанием на «трудность». Он заявляет прямо, что «обыкновенно признают три вида дохода: ренту, прибыль и заработную плату» (I, 85) и переходит к пересказу учения Ад. Смита о каждом из них. Поставленный вопрос о различии капитала и дохода общества—остался без ответа. Изложение идет уже теперь без строгого разделения общественного дохода от индивидуального. Но к покинутому им вопросу Сисмонди подходит еще раз. Он говорит, что, подобно различным видам дохода, существуют также «различные виды богатства» (I, 93), именно: основной капитал—машины, орудия и т. п., оборотный капитал—потребляемый в отличие от первого быстро и меняющий свою форму (семена, сырые материалы, заработная плата), и, наконец, доход с капитала, потребляемый без воспроизводства. Нам не важно здесь то обстоятельство, что Сисмонди повторяет все ошибки Смита в учении об основном и оборотном капитале, смешивая эти категории, принадлежащие к процессу обращения, с категориями, вытекающими из процесса производства (постоянный и переменный капитал). Нас интересует учение Сисмонди о доходе. И по этому вопросу он выводит из приведенного сейчас разделения трех видов богатств следующее:

«Важно отметить, что эти три вида богатств одинаково идут на потребление; ибо все, что было произведено, имеет стоимость для человека лишь постольку, поскольку служит его потребностям, а эти потребности удовлетворяются только потреблением. Но основной капитал служит этому косвенным образом (d'une maniérc indirecte); он потребляется медленно, помогая человеку в воспроизведении того, что служит его потреблению» (I, 94—95), между тем как оборотный капитал (Сисмонди отождествляет его уже с переменным) обращается в «потребительный

фонд рабочего» (I, 95). Выходит, след., что общественное потребление бывает, в противоположность индивидуальному, двух родов. Эти два рода отличаются друг от друга весьма существенно. Дело, конечно, не в том, что основной капитал потребляется медленно, а в том, что он потребляется, не образуя ни для одного класса общества дохода (потребительного фонда), что он потребляется не лично, а производительно. Но Сисмонди не видит этого, и чувствуя, что опять-таки сбился с пути *) в поисках за различием между общественным капиталом и доходом, он беспомощно заявляет: «Это движение богатства так абстрактно, оно требует такой силы внимания, чтобы отчетливо схватить его (pour le bien saisir), что мы считаем полезным взять самый простой пример» (I, 95). Пример берется, действительно «самый простой»: фермер, живущий одиноко (un fermier solitaire), собрал 100 мешков пшеницы; часть он потребляет сам, часть идет на посев, часть на потребление нанятых рабочих. Следующий год получается уже 200 мешков. Кто их потребит? Семья фермера не может возрасти так быстро. Показывая на этом (до последней степени неудачном) примере различие между капиталом основным (семена), оборотным (зар. плата) и потребительным фондом фермера, Сисмонди говорит:

«Мы различили три вида богатств в отдельной семье; рассмотрим теперь каждый вид по отношению к целой нации и разберем, как из этого распределения может произойти национальный доход» (I, 97). Но дальше говорится только, что и в обществе необходимо воспроизвести те же три вида богатств: основной капитал (при чем Сисмонди подчеркивает, что на него придется затратить известное количество труда, но не объясняет, каким образом основной капитал обменится на предметы потребления, необходимые для капиталистов и рабочих, занятых этим производством); затем сырой материал (здесь Сисмонди выделяет его особо); потом содержание рабочих и прибыль капиталистов. Вот все, что дает нам IV глава. Очевидно, что вопрос о национальном доходе остался открытым, и Сисмонди не разобрал не только распределения, но даже и понятия дохода. Крайне важное в теоретическом отношении указание на необходимость воспроизвести и основной капитал общества он сейчас же забы-

---

*) Именно: Сисмонди сейчас только выделил капитал от дохода. Первый идет на производство, второй—на потребление. Но ведь речь идет об обществе. А общество «потребляет» и основной капитал. Приведенное различие падает, и общественно-хозяйственный процесс, превращающий «капитал для одного» в «доход для другого», остается невыясненным.

вает и в следующей главе, говоря о «распределении национального дохода между различными классами граждан» (Ch. V), он прямо говорит о трех видах дохода и, объединяя ренту и прибыль вместе, заявляет, что национальный доход состоит из двух частей: прибыль от богатства (т.-е. рента и прибыль в собственном смысле) и средства существования рабочих (I, 104—105). Мало того, он заявляет:

«Точно так же годичное производство или результат всех работ, исполненных нацией в течение года, слагается из двух частей: одна... это—прибыль, проистекающая из богатства; другая—способность трудиться (la puissance de travailler), которая предполагается равной той части богатства, на которую она обменивается, или средством существования трудящихся классов». «Итак, национальный доход и годовое производство взаимно уравновешиваются и представляются величинами равными. Все годовое производстве потребляется в течение года, но отчасти рабочими, которые, давая в обмен свой труд, превращают его в капитал и воспроизводят его; отчасти капиталистами, которые, давая в обмен свой доход, уничтожают его» (I, 105).

Таким образом этот вопрос о различении национального капитала и дохода, который сам Сисмонди с такой определенностью признал крайне важным и трудным, он просто-на-просто отбросил, совершенно позабыв сказанное несколькими страницами раньше! И Сисмонди уже не замечает, что, отбросив этот вопрос, он пришел к положению совершенно бессмысленному: каким же образом годовое производство может все целиком входить в потребление рабочих и капиталистов в виде дохода, когда для производства нужен капитал, нужны—точнее выражаясь—средства и орудия производства. Надо их произвести, и они каждогодно производятся (как это и сам Сисмонди сейчас же признавал). И вот все орудия производства, сырые материалы и т. д. вдруг выкидываются, и «трудный» вопрос о различии капитала и дохода разрешается ни с чем несообразным утверждением, что годовое производство равняется национальному доходу.

Эта теория, что все производство капиталистического общества состоит из двух частей—части рабочих (заработная плата, или переменный капитал, по современной терминологии) и части капиталистов (сверхстоимость),—не составляет особенности Сисмонди. Он не составляет его достояния. Он целиком перенял ее у Ад. Смита, сделав даже некоторый шаг назад. Вся последующая политическая экономия (Рикардо, Милль, Прудон, Родбертус) [69]) повторяла эту ошибку, раскрытую только автором «Капитала»

в 3-м отделе II тома. Мы изложим основание его воззрений ниже. А теперь заметим, что повторяют эту ошибку и наши народники-экономисты. Сопоставление их с Сисмонди приобретает особый интерес потому, что они делают из этой ошибочной теории те же выводы, которые сделал прямо и Сисмонди *), именно: вывод о невозможности реализации сверхстоимости в капиталистическом обществе; о невозможности развития общественного богатства; о необходимости прибегать к внешнему рынку вследствие того, что внутри страны сверхстоимость не может быть реализована; наконец, о кризисах, вызываемых будто бы именно этой невозможностью реализовать продукт в потреблении рабочих и капиталистов.

III.

Выводы Сисмонди из ошибочного учения о двух частях годового производства в капиталистическом обществе.

Чтобы читатель мог представить себе доктрину Сисмонди в ее целом, мы дадим сначала изложение главнейших выводов его из этой теории, а потом перейдем к тому исправлению основной его ошибки, которое дано в вышеуказанном трактате.

Прежде всего Сисмонди делает из этой ошибочной теории Ад. Смита тот вывод, что производство должно соответствовать потреблению, что производство определяется доходом. Подробному разжевыванию этой «истины» (свидетельствующей о совершенном непонимании характера капиталистического производства) посвящена вся следующая глава, IV: «Взаимное определение производства потреблением и расхода—доходом». Сисмонди прямо переносит на капиталистическое общество мораль экономного крестьянина и думает серьезно, что он внес этим исправление в учение Смита. В самом начале сочинения, говоря во вступительной части (кн. I, история науки) об Ад. Смите, он заявляет, что «дополняет» Смита положением, что «потребление есть единственная цель накопления» (I, 54). «Потребление»,—говорит он,—определяет воспроизводство» (I, 119—120), «национальный расход должен регулировать национальный доход» (I, 113) и тому подобные положения пестрят все сочинение. В непосредственной связи с этим стоят еще две характерные черты доктрины Сисмонди: во-первых, недоверие

*) И от которых благоразумно воздержались другие экономисты, повторявшие ошибку А. Смита.

к развитию капитализма, непонимание того, как он создает все больший и больший рост производительных сил, отрицание возможности этого роста,—совершенно так же, как и русские романтики «учат», что капитализм ведет к растрате труда и т. п.

«Ошибаются те, кто подстрекает к безграничному производству», говорит Сисмонди (I, 121). Избыток производства над доходом вызывает перепроизводство (I, 106). Рост богатства выгоден лишь тогда, «когда он постепенен, когда он пропорционален самому себе, когда ни одна из его частей не развивается непомерно быстро» (I, 309). Добрый Сисмонди думает, что «непропорциональное» развитие не есть развитие (как думают и наши народники), что эта непропорциональность—не закон данного строя общественного хозяйства и его движения, а «ошибка» законодателя и т. п., что это искусственное подражание европейских правительств Англии, которая пошла по ложному пути*). Сисмонди совершенно отрицает то положение, которое выдвинули классики и которое вполне приняла новейшая теория, именно, что капитализм развивает производительные силы. Мало этого,—он приходит к тому, что всякое накопление считает осуществимым лишь «понемногу», будучи совершенно не в состоянии объяснить процесс накопления. Это вторая в высшей степени характерная черта его воззрений. Он рассуждает о накоплении до последней степени забавно.

«В конце-концов сумма производства данного года только обменивается всегда на сумму производства прошлого года» (I, 121). Тут уже накопление совершенно отрицается: выходит, что рост общественного богатства невозможен при капитализме. Русского читателя это положение не очень удивит, ибо он слышал то же и от г. В. В. и от г. Н.—она. Но Сисмонди был все-таки учеником Смита. Он чувствует, что говорит нечто уже совершенно несообразное, и хочет поправиться:

«Если производство возрастает постепенно,—продолжает он,—то обмен каждого года причиняет лишь небольшую потерю каждого года (une petite perte), улучшая в то же время условия для будущего (en même temps qu'elle benitice la condition future). Если эта потеря легка и хорошо распределена, то каждый перенесет ее не жалуясь... Если же несоответствие между новым производством и предшествующим велико, то капиталы гибнут (sont enta-

---

*) См., напр., II 456—7 и мн. др. места. Ниже мы приведем их образчики, и читатель увидит, что даже способ выражения наших романтиков, в роде г. Н.—она, не отлчается ни в чем от Сисмонди.

mês) ,получается страдание, и нация идет назад вместо того, чтобы прогрессировать» (I, 121). Трудно рельефнее и прямее высказать основное положение романтизма и мелко-буржуазного воззрения на капитализм, чем это сделано в данной тираде. Чем быстрее идет накопление, *т.-е.* превышение производства над потреблением,—тем лучше учили классики, которые, хотя и не умели разобраться в процессе общественного производства капитала, хотя и не умели освободиться от ошибки Смита, будто общественный продукт состоит из двух частей, но выставляли все же вполне справедливое положение, что производство само создает себе рынок, само определяет потребление. И мы знаем, что такое воззрение на накопление приняла от классиков и новейшая теория, признав, что чем быстрее рост богатства, тем полнее развиваются производительные силы труда и обобществление его, тем лучше положение рабочего, насколько оно может быть лучше в данной системе общественного хозяйства. Романтики утверждают прямо обратное и возлагают все свои надежды именно на слабое развитие капитализма, взывают к его задержке.

Далее, из непонимания того, как производство создает себе рынок, вытекает учение о невозможности реализовать сверхстоимость. «Из воспроизводства проистекает доход, но «производство само по себе не есть еще доход: оно получает такое название (ce nom! Итак, различие производства, т.-е. продукта, от дохода лишь в слове!), оно является в качестве такового (elle n'opère comme tel) лишь после того, как оно реализовано, после того, как каждая произведенная вещь нашла себе потребителя, имеющего в ней нужду или находящего в ней наслаждение» (qui en avait le besoin ou le désir, 1, 121). Таким образом из отождествления дохода с «производством» (т.-е. всем тем, что произведено) вытекает отождествление реализации с потреблением личным. О том, что реализация таких, напр., продуктов, как железо, уголь, машины и т. п., вообще средств производства, происходит особым путем,—Сисмонди уже забыл, хотя раньше вплотную подошел к этому. Из отождествления реализации с потреблением личным естественно вытекает учение, что капиталисты не могут реализовать именно сверхстоимость, ибо из двух частей общественного продукта заработную плату реализуют своим потреблением рабочие. И Сисмонди действительно пришел к этому выводу (впоследствии развитому более подробно Прудоном и постоянно повторяемому нашими народниками). В полемике с Мак-Куллохом [70]) Сисмонди указывает именно на то, будто последний (излагая Рикардо) не объясняет реализации прибыли. Мак-Куллох

говорил, что при разделении общественного труда одно производство есть рынок для другого: производители хлеба реализируют товары в продукте производителей одежды, и наоборот*). «Автор предполагает,—говорит Сисмонди,—труд без прибыли (le travail sans benetice), воспроизводство, которое возмещает только потребление рабочих» (II, 384, курсив Сисмонди)... «он не оставляет ничего на долю хозяина»... «мы исследуем, чем становится излишек производства рабочих над их потреблением» (ib). Таким образом у этого первого романтика мы находим уже вполне определенное указание, что капиталисты не могут реализовать именно сверхстоимости. Из этого положения Сисмонди делает дальнейший вывод—опять-таки именно тот, который делают и народники,—что по самым условиям реализации необходим внешний рынок для капитализма. «Так как труд сам по себе составляет важную часть дохода, то нельзя уменьшить спрос на труд, не делая нацию более бедной. Поэтому выгода, ожидаемая от открытия новых приемов производства, почти всегда относится к иностранной торговле» (I, 345). «Нация, совершающая впервые какое-либо открытие, в течение долгого времени успевает расширять свой рынок соответственно числу рук, освобождаемых каждым новым изобретением. Она употребляет их тотчас же на увеличение количества продуктов, которые ее изобретение позволяет производить дешевле. Но наступает, наконец, эпоха, когда весь цивилизованный мир образует один рынок и когда нельзя уже будет в какой-либо новой нации приобретать новых покупателей. Спрос на мировом рынке будет тогда величиной неизменной (precise), которую будут оспаривать друг у друга различные промышленные нации. Если одна поставит больше продуктов, то это будет в ущерб другой. Общая продажа не может быть увеличена иначе, как увеличением общего благосостояния или переходом товаров, бывших в исключительном владении богатых, в потребление бедных» (II, 316). Читатель видит, что Сисмонди представляет именно ту доктрину, которую так хорошо усвоили наши романтики, будто внешний рынок есть выход из затруднения по реализации продукта вообще и сверхстоимости в частности.

---

*) См. добавление к «Nouveaux Principes» 2-е издание, т. II: «Eclaircissements relatifs a la balanse des consommations avec les productions» («Разъяснения, относящиеся к балансу производства и потребления». Ред.), где Сисмонди переводит и оспаривает статью ученика Рикардо (Мак-Куллоха), напечатанную в «Edinburgh Review», под названием: «Исследование вопроса, возрастает ли всегда способность потребления в обществе вместе со способностью производства».

Наконец, из этой же доктрины о тождестве национального дохода с национальным производством вытекло учение Сисмонди о кризисах. После всего вышеизложенного нам едва ли есть надобность приводить выписки из многочисленных мест сочинения Сисмонди, посвященных этому вопросу. Из учения его о необходимости соразмерять производство с доходом вытекло само собй воззрение, что кризис и есть результат нарушения такого соответствия, результат чрезмерного производства, обогнавшего потребление. Из приведенной сейчас цитаты ясно, что Сисмонди именно это несоответствие производства с потреблением считал основной причиной кризисов, при чем на первое место выдвигал недостаточное потребление масс народа рабочих. Поэтому теория кризисов Сисмонди (перенятая также Родбертусом) и известна в экономической науке, как образчик теорий, выводящих кризисы из недостаточного потребления (Unterkonsumtion).

IV.

В чем ошибка учений Ад. Смита и Сисмонди о национальном доходе?

В чем же состоит основная ошибка Сисмонди, поведшая ко всем этим выводам?

Свое учение о национальном доходе и о распределении его на две части (часть рабочих и часть капиталистов) Сисмонди перенял целиком у Ад. Смита. Сисмонди не только не добавил ничего к его положениям, но даже, сделав шаг назад, опустил попытку Ад. Смита, хотя и неудачную, доказать теоретически это представление. Сисмонди не замечает как будто того противоречия, в котором оказалась эта теория к учению о производстве вообще. В самом деле, в стоимость отдельного продукта, по теории, выводящей стоимость из труда, входят три составные части: часть, возмещающая сырой материал и орудия труда (постоянный капитал), часть, возмещающая заработную плату или содержание рабочих (переменный капитал) и «сверхстоимость» (mieux-value у Сисмонди). Таков анализ единичного продукта по его стоимости у Ад. Смита, повторенный и Сисмонди. Спрашивается, каким же образом общественный продукт, состоящий из суммы единичных продуктов, состоит только из двух последних частей? Куда же девалась первая часть—постоянный капитал? Сисмонди, как мы видели, только ходил кругом да около этого вопроса, но Ад. Смит дал на него ответ. Он утвер-

ждал, что эта часть существует самостоятельно лишь в единичном продукте. Если же рассматривать весь общественный продукт, то она разлагается, в свою очередь, на заработную плату и сверхстоимость—именно тех капиталистов, которые производят этот постоянный капитал.

Давая такой ответ, Ад. Смит не объяснил однако, на каком основании в этом разложении стоимости постоянного капитала, ну, хоть машин, отброшен опять-таки постоянный капитал, т.-е. в нашем примере железо, из которого сделаны машины, орудия, употребленные при этом, и т. п.? Если стоимость каждого продукта включает в себе часть, возмещающую постоянный капитал (а это признают все экономисты), то исключение ее из какой бы то ни было области общественного производства является совершенно произвольным. «Когда Ад. Смит говорит, что орудия труда сами разлагаются на заработную плату и прибыль, то он забывает прибавить (говорит автор «Капитала»): и на тот постоянный капитал, который употреблен на их производство. Ад. Смит просто отсылает нас от Понтия к Пилату, от одного продукта ссылается на другой, от другого на третий», не замечая, что вопрос от этого отодвигания нисколько не изменяется. Этот ответ Смита (принятый всей последующей политической экономией до Маркса)—простое уклонение от задачи, увертка от затруднения. А затруднение тут действительно есть. Оно состоит в том, что понятие капитала и дохода нельзя перенести прямо с индивидуального продукта на общественный. Экономисты признают это, говоря, что, с общественной точки зрения, «капитал для одного становится доходом для другого» (см. выше у Сисмонди). Но эта фраза только формулирует затруднение и не разрешает его*).

Разрешение состоит в том, что при рассмотрении этого вопроса с общественной точки зрения нельзя уже говорить о продуктах вообще, без отношения к их материальной форме. В самом деле, речь идет об общественном доходе, т.-е. о продукте, поступающем на потребление. Но ведь не всякий продукт может быть потреблен в смысле личного потребления: машины, уголь, железо и т. п. предметы потребляются не лично, а производительно. С точки зрения отдельного предпринимателя это различие было лишнее: если мы говорили, что рабочие потребят перемен-

---

*) Мы приводим здесь только суть новой теории, давшей это разрешение, предоставляя себе в другом месте изложить ее подробнее. См. «Das Kapital», II Band III Abschnitt. («Капитал», II том, III отдел. Ред.). Она изложена у Туган-Барановского[71]) в «Промышленных кризисах», ч. II.

ный капитал,—мы принимали, что они выменяют на рынке предметы потребления за те деньги, которые получены капиталистами за произведенные рабочими машины и уплачены этим рабочим. Тут нас не интересует этот обмен машин на хлеб. Но с общественной точки зрения этот обмен уже нельзя подразумевать: нельзя сказать, что весь класс капиталистов, производящих машины, железо и т. п., продает их и этим реализирует. Вопрос здесь именно в том, как происходит реализация, *т.-е.* возмещение всех частей общественного продукта. Поэтому исходным пунктом в рассуждении об общественном капитале и доходе—или, что то же, о реализации продукта в капиталистическом обществе—должно быть разделение двух совершенно различных видов общественного продукта: средств производства и предметов потребления. Первые могут быть потреблены только производительно, вторые—только лично. Первые могут служить только капиталом, вторые должны стать доходом, т.-е. уничтожиться в потреблении рабочих и капиталистов. Первые достаются целиком капиталистам, вторые—распределяются между рабочими и капиталистами.

Раз усвоено это разделение и исправлена ошибка А. Смита, выкинувшего из общественного продукта постоянную его часть (т.-е. часть, возмещающую постоянный капитал),—вопрос о реализации продукта в капиталистическом обществе становится уже ясным. Очевидно, нельзя говорить о реализации заработной платы потреблением рабочих, а сверхстоимости—потреблением капиталистов и только*). Рабочие могут потребить заработную плату, а капиталисты—сверхстоимость лишь тогда, когда продукт состоит из предметов потребления, т.-е. лишь в одном подразделении общественного производства. «Потребить» же продукт, состоящий из средств производства, они не могут: его надо обменять на предметы потребления. Но на какую же часть (по стоимости) предметов потребления могут они обменять свой

---

*) А именно так рассуждают наши народники-экономисты, г.г. В. В. и Н.—он. Мы намеренно остановились выше с особенной подробностью на блужданиях Сисмонди около вопроса о производительном и личном потреблении, о предметах потребления и средствах производства (А. Смит подходил к различению их еще ближе, чем Сисмонди). Мы хотели показать читателю, что классические представители ошибочной теории чувствовали неудовлетворительность ее, видели противоречие и делали попытки выбраться из него. Наши же «самобытные» теоретики не только ничего не видят и не чувствуют, но даже не знают ни теории, ни истории вопроса, о котором так учердно разглагольствуют.

продукт? Очевидно, только на постоянную часть (постоянный капитал), ибо остальные две части составляют фонд потребления рабочих и капиталистов, производящих предметы потребления. Этот обмен, реализуя сверхстоимость и заработную плату в производствах, изготовляющих средства производства, тем самым реализует постоянный капитал в производствах, изготовляющих предметы потребления. В самом деле, у капиталиста, производящего, скажем, сахар, та часть продукта, которая должна возместить постоянный капитал (т.-е. сырье, вспомогательные материалы, машины, здания и т. п.), существует в виде сахара. Чтобы реализовать эту часть, надо получить вместо этого предмета потребления соответствующие средства производства. Реализация этой части будет, следовательно, состоять из обмена предмета потребления на продукты, служащие средствами производства. Теперь остается необъясненной реализация одной только части общественного продукта, именно: постоянного капитала в подразделении, изготовляющем средства производства. Она реализируется отчасти тем, что часть продукта в своем натуральном виде входят опять в производство (напр., часть угля, добываемого каменноугольным предприятием, идет опять на добычу угля; зерно, полученное фермерами, идет опять на посев и т. п.); отчасти же она реализируется обменом между отдельными капиталистами этого же подразделения: напр., в производстве железа необходим каменный уголь и в производстве каменного угля необходимо железо. Капиталисты, производящие оба продукта, и реализируют взаимным обменом ту часть этих продуктов, которая и возмещает их постоянный капитал.

Этот анализ (который мы изложили, повторяем, в самом сжатом виде, по причине, указанной выше) разрешил то затруднение, которое сознавали все экономисты, выражая его фразой: «капитал для одного—доход для другого». Этот анализ показал всю ошибочность сведения общественного производства к одному личному потреблению.

Теперь мы можем перейти к разбору тех выводов, которые делал Сисмонди (и другие романтики) из своей ошибочной теории. Но сначала приведем отзыв, сделанный о Сисмонди автором указанного анализа, после подробнейшего и всестороннего разбора теории А. Смита, к которой Сисмонди не сделал ни малейшего дополнения, опустив только попытку Смита оправдать свое противоречие:

«Сисмонди, бившийся над специальным рассмотрением отношения капитала к доходу и на самом деле обративший особую

формулировку этого отношения в differentia specifica *) своих «Nouveaux Principes», не сказал ни одного (курсив автора) научного слова, не внес ни атома в разрешение проблемы» (Das Kapital, II, S. 335, 1—6 Auflage) **).

V.

Накопление в капиталистическом обществе.

Первый ошибочный вывод из ошибочной теории относится к накоплению. Сисмонди абсолютно не понял капиталистического накопления, и в горячем споре, который он вел по этому вопросу с Рикардо, правда оказалась, в сущности, на стороне последнего. Рикардо утверждал, что производство само создает себе рынок, тогда как Сисмонди отрицал это, созидая на таком отрицании свою теорию кризисов. Правда, и Рикардо не сумел исправить вышеуказанной основной ошибки Смита, не сумел поэтому разрешить вопроса об отношении общественного капитала к доходу и о реализации продукта (Рикардо и не ставил себе этих вопросов),—но он инстинктивно характеризовал самую суть буржуазного способа производства, отмечал совершенно бесспорный факт, что накопление есть превышение производства над доходом. С точки зрения новейшего анализа это так и оказывается. Производство, действительно, само создает себе рынок: для производства необходимы средства производства,—и они составляют особую область общественной продукции, занимающую известную долю рабочих, дающую особый продукт, реализируемый частью внутри самой этой области, частью в обмене с другой областью—производством предметов потребления. Накопление действительно есть превышение производства над доходом (предметами потребления). Чтобы расширять производство («накоплять» в категорическом значении термина), необходимо произвести сначала средства производства ***), а для этого нужно, следовательно, расширение того отдела общественной продукции, который изготовляет средства производства, нужно отвлечение к нему рабочих, которые уже предъявляют спрос и на пред-

---

*) — Отличительные признаки. Ред.

**) «Капитал», т. II, стр. 337, русск. изд. под ред. И. Степанова. Ред.

***) Напоминаем читателю, как подходил к этому Сисмонди, выделяя отчетливо эти средства производства для отдельной семьи и покушаясь сделать это выделение и для общества. Собственно говоря, «подходил» Смит, а не Сисмонди, только пересказывающий его.

меты потребления. Следовательно, «потребление» развивается вслед за «накоплением» или вслед за «производством»,—как ни кажется это странным, но иначе и быть не может в капиталистическом обществе. В развитии этих двух отделов капиталистической продукции не только не обязательна, следовательно, равномерность, а, напротив, неизбежна неравномерность. Известно, что закон развития капитала состоит в том, что постоянный капитал возрастает быстрее переменного, т.-е. все бо́льшая часть вновь образуемых капиталов обращается к тому отделу общественного хозяйства, который изготовляет средства производства. Следовательно, этот отдел необходимо растет быстрее того отдела, который изготовляет предметы потребления, т.-е. происходит именно то, что объявил «невозможным», «опасным» и т. д. Сисмонди. Следовательно, продукты личного потребления в общей массе капиталистического производства занимают все меньшее и меньшее место. И это вполне соответствует исторической «миссии» капитализма и его специфической социальной структуре: первая состоит именно в развитии производительных сил общества (производство для производства); вторая исключает утилизацию их массой населения.

Мы можем теперь вполне оценить точку зрения Сисмонди на накопление. Его утверждения, что быстрое накопление ведет к бедствиям, совершенно ошибочны и проистекают лишь из непонимания накопления, точно так же, как многократные заявления и требования, чтобы производство не перегоняло потребления, ибо потребление определяет производство. На деле происходит именно обратное, и Сисмонди просто-на-просто отворачивается от действительности в ее особой исторически-определенной форме, подставляя на место анализа мелко-буржуазную мораль. Особенно забавное впечатление производят попытки Сисмонди прикрыть эту мораль «научной» формулой. «Г.г. Сей[72]) и Рикардо,—говорит он в предисловии ко 2-му изданию «Nouveaux Principes»,—пришли к той доктрине... что потребление не имеет других пределов, кроме пределов производства, тогда как оно ограничено доходом... Они должны были бы предупредить производителей, что они должны рассчитывать только на потребителей, имеющих доход» (I, XIII)*). Такая наивность вызывает в настоящее время

---

*) Как известно, по этому вопросу (создает ли производство само себе рынок?) новейшая теория вполне примкнула к классикам, отвечавшим на него утвердительно, против романтизма, отвечавшего отрицательно. «Настоящий предел капиталистического производства это—сам капитал» («Das

только улыбку. Но не подобными ли вещами переполнены писания современных наших романтиков вроде г.г. В. В. и Н.—она? «Пусть предприниматели банков подумают хорошенько»... найдется ли рынок для товаров? (II, 101—102). «Когда принимают рост богатства за цель общества,—всегда жертвуют целью средствами» (II, 140). «Если, вместо того, чтобы ожидать импульса от запроса труда (т.-е. импульса производству от спроса рабочих на продукты), мы будем думать, что его даст предшествующее производство,—то мы сделаем почти то же, что сделали бы с часами, если бы вместо того, чтобы повернуть назад колесо с цепочкой (la roue qui porte la chainette), отодвинули бы назад другое колесо,—мы сломали бы тогда и остановили всю машину» (II, 454). Это говорит Сисмонди. Теперь послушаем Николая —она. «Мы упустим из виду, на счет чего такое развитие (т.-е. развитие капитализма) происходит, мы забыли о цели какого бы то ни было производства... заблуждение крайне гибельное...» (Н. —он, Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства, 298). Оба эти писателя говорят о капитализме, о капиталистических странах; оба выказывают полное непонимание сущности капиталистического накопления. Но можно ли подумать, что последний пишет 70 лет спустя после первого?

Каким образом непонимание капиталистического накопления связывается с ошибочным сведением всего производства к производству предметов потребления,—это показывает наглядно один пример, приводимый Сисмонди в главе VIII: «Результаты борьбы за удешевление производства» (книга IV: «О коммерческом богатстве»).

Положим,—говорит Сисмонди,—что владелец мануфактуры имеет оборотный капитал в 100.000 франков, приносящий ему 15.000, из коих 6.000 составляют процент на капитал и отдаются капиталисту, а 9.000 составляют предпринимательский барыш фабриканта. Положим, что он употребляет труд 700 рабочих, заработная плата коих составляет 30.000 франков. Далее, пусть произойдет увеличение капитала, расширение производства («накопление»). Вместо 100.000 фр. капитал будет=200.000 фр., вложенных в основной капитал, и 200.000—в оборотный, всего 400.000 фр.; прибыль и процент = 32.000 + 16.000 фр., ибо процент понизился с 6% до 4%. Число рабочих возросло вдвое, но заработная плата понизилась с 300 фр. до 200 фр.—всего, следовательно, 40.000 фр.

Kapital», III, I, 231) («Капитал», III том, стр. 231 русск. изд. под ред. И. Степанова. Ред.).

Производство возросло, таким образом, вчетверо *). И Сисмонди подсчитывает результаты: «доход» или «потребление» были сначала 45.000 фр. (30.000—заработная плата + 6.000 процент + +9.000 прибыль), а теперь 80.000 фр. (40.000—заработная плата + 16.000 процент + 32.000 прибыль). «Производство учетверилось,—говорит Сисмонди,—а потребление даже не удвоилось. Не нужно считать потребление тех рабочих, которые изготовили машины. Оно покрыто 200.000 фр., употребленных на это; оно составляет уже часть расчета другой мануфактуры, где окажутся те же факты» (I, 406—8).

Расчет Сисмонди доказывает уменьшение дохода при росте производства. Факт бесспорный. Но Сисмонди не замечает, что своим примером он побивает свою теорию реализации продукта в капиталистическом обществе. Курьезно его замечание, что потребление рабочих, произведших машины, «не нужно считать». Почему же? Потому, во-первых, что оно покрыто 200.000 фр. Значит, капитал перенесен в область, изготовляющую средства производства,—этого Сисмонди не замечает. Значит, «внутренний рынок», о «сокращении» которого Сисмонди говорил, не исчерпывается предметами потребления, а состоит также в средствах производства. Эти средства производства составляют ведь особый продукт, «реализация» коего состоит не в личном потреблении, и чем быстрее идет накопление, тем сильнее развивается, след., та область капиталистической продукции, которая дает продукты не для личного, а для производительного потребления. Во-вторых,—отвечает Сисмонди,—это рабочие другой мануфактуры, где факты окажутся те же самые (ou les mêmes faits pourront se représenter). Как видите, это повторение смитовского отсылания читателя «от Понтия к Пилату». Но ведь в этой «другой мануфактуре» тоже употребляется постоянный капитал, и производство его тоже дает рынок тому подразделению капиталистической продукции, которое изготовляет средства производства! Сколько бы мы ни отодвигали вопрос от одного ка-

*) «Первый результат конкуренции,—говорит Сисмонди,—понижение заработной платы и увеличение числа рабочих в то же время» (I, 403). Мы не останавливаемся здесь на неправильностях расчета у Сисмонди: он считает, напр., что прибыль будет 8 процентов на основной капитал и 8% на оборотный, что число рабочих поднимется пропорционально увеличению оборотного капитала (который он не умеет как следует отделить от переменного), что основной капитал целиком входит в цену продукта. В данном случае все это неважно, ибо вывод получается правильный: уменьшение доли переменного капитала в общем составе капитала, как необходимый результат накопления.

питалиста к другому, от другого к третьему,—от этого указанное подразделение не исчезнет, и «внутренний рынок» не сведется к одним предметам потребления. Поэтому, когда Сисмонди говорит, что «этот расчет опровергает... одну из аксиом, на которой всего более настаивали в политической экономии, именно, что наиболее свободная конкуренция определяет наиболее выгодное развитие индустрии» (I, 407), то он не замечает, что «этот расчет» опровергает также и его самого. Бесспорен факт, что введение машин, вытесняя рабочих, ухудшает их положение, и бесспорна заслуга Сисмонди, который был одним из первых, указавших на это. Но это нисколько не мешает его теории накопления и внутреннего рынка быть сплошной ошибкой. Его же расчет показывает наглядно, как раз то явление, которое Сисмонди не только отрицал, но превращал даже в довод против капитализма, говоря, что накопление и производство должны соответствовать потреблению, иначе будет кризис. Расчет показывает именно, что накопление и производство обгоняют потребление, и что иначе и дело итти не может, ибо накопление совершается, главным образом, на счет средств производства, которые в «потребление» не входят. То, что казалось Сисмонди простой ошибкой, противоречием к доктрине Рикардо—именно, что накопление есть превышение производства над доходом,—это на самом деле вполне соответствует действительности, выражая противоречие, присущее капитализму. Это превышение необходимо при всяком накоплении, открывающем новый рынок для средств производства, без соответственного увеличения рынка на предметы потребления, и даже при уменьшении этого рынка*). Затем, отбрасывая учение о преимуществах свободной конкуренции, Сисмонди не замечает, что вместе с пустым оптимизмом он выбрасывает за борт несомненную истину, именно, что свободная конкуренция развивает производительные силы общества, как это явствует опять-таки из его же расчета. (Собственно, это лишь другое выражение того же факта создания особого подразделения промышленности, изготовляющего средства производства, и особенно быстрого развития его.) Это развитие производительных сил общества без соответственного развития потребления есть, конечно, противоречие, но именно

*) Из вышеприведенного анализа следует само собою, что возможен и такой случай, в зависимости от того, в какой мере распределяется новый капитал на постоянную и переменную часть, и в какой мере уменьшение относительной доли переменного капитала охватывает старые производства.

такое противоречие, которое имеет место в действительности, которое вытекает из самой сущности капитализма и от которого нельзя отговариваться чувствительными фразами.

А именно так отговариваются романтики. И чтобы читатель не заподозрил нас в голословном обвинении современных экономистов по поводу ошибок столь «устаревшего» писателя, как Сисмонди, приведем маленький образчик «новейшего» писателя, г. Н.—она. На стр. 242-й своих «Очерков» он рассуждает о развитии капитализма в русском мукомольном деле. Приводя указание на появление крупных паровых мельниц с усовершенствованными орудиями производства (на переустройство мельниц затрачено с 70-х г.г. около 100 миллионов рублей) и с производительностью труда, повысившейся более чем вдвое, автор характеризует описываемое явление так: «мукомольное дело не развивалось, а только сосредоточивалось в крупные предприятия»; затем распространяет эту характеристику на в с е отрасли промышленности (стр. 243) и делает вывод, что «во всех без исключения случаях масса работников освобождается, не находит занятия» (243) и что «капиталистическое производство развивалось за счет народного потребления» (241). Мы спрашиваем читателя, отличается ли такое рассуждение хоть чем-нибудь от приведенного сейчас рассуждения Сисмонди? Это «новейший» писатель констатирует два факта, те же самые, которые мы видели и на примере Сисмонди, и отделывается от обоих этих фактов такой же чувствительной фразой. Во-первых, его пример говорит, что развитие капитализма идет именно на счет средств производства. Это значит, что капитализм развивает производительные силы общества. Во-вторых, его пример говорит, что это развитие идет тем именно специфическим путем противоречий, который присущ капитализму: развивается производство (затрата 100 миллионов рублей—внутренний рынок на продукты, реализуемые неличным потреблением) без соответствующего развития потребления (народное питание ухудшается), т.-е. происходит именно производство ради производства. И г. Н.—он думает, что это противоречие в жизни исчезнет, если он, с наивностью старичка Сисмонди, представит его только противоречием доктрины, только «гибельным заблуждением»: «мы забыли о цели производства»!!! Что может быть характернее такой фразы: «не развивалось, а т о л ь к о сосредоточивалось»? Очевидно, г-ну Н.—ону известен такой капитализм, в котором бы развитие м о г л о и т т и и н а ч е, как путем с о с р е д о т о ч е н и я. Как жаль, что он не познакомил нас с таким «самобытным», неведомым для всей предшествовавшей ему политической экономии, капитализмом!

VI.

Внешний рынок, «как выход из затруднения» по реализации сверхстоимости.

Следующая ошибка Сисмонди, вытекающая из ошибочной теории об общественном доходе и продукте в капиталистическом обществе, это—учение о невозможности реализовать продукт вообще и сверхстоимость в частности и, как следствие этой невозможности, необходимость внешнего рынка. Что касается до реализации продукта вообще, то вышеприведенный анализ показывает, что «невозможность» исчерпывается ошибочным исключением постоянного капитала и средств производства. Раз исправлена эта ошибка,—исчезает и «невозможность». Но то же самое приходится сказать и в частности о сверхстоимости: этот анализ разъясняет и ее реализацию. Нет решительно никаких разумных оснований выделять сверхстоимость из всего продукта по отношению к ее реализации. Обратное утверждение Сисмонди (и наших народников)—просто результат непонимания основных законов реализации вообще, неумение разделить три (а не две) части продукта по стоимости и два вида продуктов по материальной форме (средства производства и предметы потребления). Положение, что капиталисты не могут потребить сверхстоимость, есть только вульгаризованное повторение недоумений Смита насчет реализации вообще. Только часть сверхстоимости состоит из предметов потребления; другая же—из средств производства (напр., сверхстоимость железозаводчика). «Потребление» этой последней сверхстоимости совершается обращением ее на производство; капиталисты же, производящие продукт в форме средств производства, потребляют сами не сверхстоимость, а вымененный у других капиталистов постоянный капитал. Поэтому и народники, толкуя о невозможности реализовать сверхстоимость, логически должны притти к признанию невозможности реализовать и постоянный капитал,—и, таким образом, они преблагополучно вернулись бы к Адаму... Разумеется, такое возвращение к «отцу политической экономии» было бы гигантским прогрессом для писателей, преподносящих нам старые ошибки под видом истин, до которых они «своим умом дошли»...

А внешний рынок? Не отрицаем ли мы необходимости внешнего рынка для капитализма? Конечно, нет. Но только вопрос о внешнем рынке не имеет абсолютно ничего общего с вопросом о реализации, и попытка связать их в одно

целое характеризует лишь романтические пожелания «задержать» капитализм и романтическую неспособность к логике. Теория, разъяснившая вопрос о реализации, показала это с полной точностью. Романтик говорит: капиталисты не могут потребить сверхстоимость и потому должны сбывать ее за границу. Спрашивается, не даром ли уже отдают капиталисты свои продукты иностранцам или не бросают ли они их в море? Продают—значит, получают эквивалент; вывозят одни продукты—значит, ввозят другие. Если мы говорим о реализации общественного продукта, то мы этим самым устраняем уже денежное обращение и предполагаем лишь обмен продуктов на продукты, ибо вопрос о реализации в том и состоит, чтобы анализировать возмещение всех частей общественного продукта по стоимости и по материальной форме. Поэтому начать рассуждение о реализации и кочить его тем, что «сбудут-де продукт за деньги»,—так же смешно, как если бы на вопрос о реализации постоянного капитала в предметах потребления был дан ответ: «продадут». Это просто грубый логический промах: люди сбиваются с вопроса о реализации всего общественного продукта на точку зрения единичного предпринимателя, которого, кроме «продажи иностранцу», ничто дальше не интересует. Припутывать внешнюю торговлю, вывоз к вопросу о реализации—это значит увертываться от вопроса, отодвигая его лишь на более широкое поле, но нисколько не выясняя его*). Вопрос о реализации ни на иоту не подвинется вперед, если мы вместо рынка одной страны возьмем рынок известного комплекса стран. Когда народники уверяют, что внешний рынок есть «выход из затруднения»**), которое ставит себе капитализм по реализации продукта, то они прикрывают этой фразой лишь то печальное обстоятельство, что для них «внешний рынок» есть «выход из затруднения», в которое они попадают, благодаря непониманию теории... Мало этого. Теория, связывающая внешний рынок с вопросом о реализации всего общественного продукта, не только показывает непонимание этой реализации, но еще содер-

*) Это настолько ясно, что даже Сисмонди сознавал необходимость абстрагировать от внешней торговли при анализе реализации. «Чтобы проследить точнее эти расчеты,—говорит он о соответствии производства с потреблением,—и упростить воцрос, мы до сих пор совершенно абстрагировали от внешней торговли; мы предполагали изолированную нацию; человеческое общество само есть такая же изолированная нация, и все, что относится к нации без внешней торговли, относится точно так же и ко всему человеческому роду» (I, 115).

**) Н.—он, «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», стр. 205.

жит в себе к тому же крайне поверхностное понимание противоречий, свойственных этой реализации. «Рабочие потребят заработную плату, а капиталисты не могут потребить сверхстоимости». Вдумайтесь в эту «теорию» с точки зрения внешнего рынка. Откуда знаем мы, что «рабочие потребят заработную плату»? На каком основании можно думать, что продукты, предназначенные всем классом капиталистов данной страны на потребление всех рабочих данной страны, окажутся действительно равными по стоимости их заработной плате и возместят ее, что для этих продуктов не будет необходимости во внешнем рынке? Нет решительно никаких оснований так думать, и на деле это вовсе не так. Не только продукты (или часть продуктов), возмещающие сверхстоимость, но и продукты, возмещающие переменный капитал; не только продукты, возмещающие переменный капитал, но и продукты, возмещающие постоянный капитал (о котором забывают наши «экономисты», не помнящие родства... с Адамом); не только продукты, существующие в форме предметов потребления, но и продукты, существующие в форме средств производства,—все одинаково реализуются лишь среди «затруднений», среди постоянных колебаний, которые становятся все сильнее по мере роста капитализма, среди бешеной конкуренции, которая принуждает каждого предпринимателя стремиться к безграничному расширению производства, выходя за пределы данного государства, отправляясь на поиски новых рынков в странах, еще не втянутых в капиталистическое обращение товаров. Мы подошли теперь и к вопросу о том, почему необходим внешний рынок для капиталистической страны? Совсем не потому, что продукт вообще не может быть реализован в капиталистическом строе. Это—вздор. Внешний рынок необходим потому, что капиталистическому производству присуще стремление к безграничному расширению—в противоположность всем старым способам производства, ограниченным пределами общины, вотчины, племени, территориального округа или государства. Между тем, как при всех старых хозяйственных режимах производство возобновлялось каждый раз в том же виде и в тех же размерах, в которых шло раньше,—в капиталистическом строе это возобновление в том же виде становится невозможным, и законом производства становится безграничное расширение, вечное движение вперед *).

---

*) Ср. Зибер [73]), Дав. Рикардо и К. Маркс в их общественно-экономических исследованиях. СПБ., 1885, стр. 466, примечание.

Таким образом, различное понимание реализации (вернее, понимание ее с одной стороны и полное непонимание с другой, романтиками) ведет к двум диаметрально противоположным воззрениям на значение внешнего рынка. Для одних (романтиков)— внешний рынок есть показатель того «затруднения», которое ставит капитализм общественному развитию. Для других, наоборот, внешний рынок показывает, как капитализм устраняет те затруднения общественному развитию, которые поставила история в виде разных перегородок, общинных, племенных, территориальных, национальных *).

Как видите, разница только в «точке зрения»... Да, «только». Отличие романтических судей капитализма от других состоит вообще «только» в «точке зрения», «только» в том, что одни судят сзади, а другие—спереди, одни—с точки зрения того строя, который капитализмом разрушается, другие—с точки зрения того, который капитализмом создается **).

Неправильное понимание внешнего рынка соединяется обыкновенно у романтиков с указанием на «особенности» международного положения капитализма в данной стране, на невозможность найти рынок и т. п.; все эти аргументы стремятся «отклонить» капиталистов от поисков внешнего рынка. Говоря «указания», мы выражаемся, впрочем, неточно, ибо фактического анализа внешней торговли страны, ее поступательного движения в области новых рынков, ее колонизации и т. п. романтик не дает. Его вовсе не интересуют изучение действительного процесса и выяснение его; ему нужна лишь мораль против этого процесса. Чтобы читатель мог убедиться в полной тождественности этой морали у современных русских романтиков и у французского романтика, приведем образчик рассуждений последнего. Как Сисмонди грозил капиталистам, что они не найдут рынка, это мы уже видели. Но он утверждал не только это. Он утверждал, что «мировой рынок уже достаточно снабжен» (II, 328), доказывая невозможность итти путем капитализма и необходимость избрать иной путь... Он уверял английских предпринимателей, что капитализм не сможет занять всех рабочих, освобождаемых фермерским хозяйством в земледелии (I, 255—256). «Те, кому приносят в жертву земледельцы, найдут ли сами какую-либо выгоду в этом? Ведь земле-

*) Ср. ниже: «Rede über die Frage des Freihandels» (К. Маркс. «Речь о свободе торговли». Ред.).

**) Я говорю здесь лишь об оценке капитализма, а не о понимании его. В этом последнем отношении романтики стоят, как мы видели, не выше классиков.

дельцы—самые близкие и самые надежные потребители английских мануфактур. Прекращение их потребления нанесло бы индустрии удар, более гибельный, чем закрытие одного из самых крупных внешних рынков» (I 256). Он уверял английских фермеров, что им не выдержать конкуренции бедного польского крестьянина, которому хлеб почти ничего не стоит (II, 257), что им грозит еще более страшная конкуренция русского хлеба из портов Черного моря. Он восклицал: «Американцы последовали новому принципу: производить, не взвешивая вопроса о рынке (produire sans calculer le marché), и производить как можно больше», и вот «характеристическая черта торговли Ооед. Штатов, с одного края страны до другого,—избыток товаров всякого рода над нуждами потребления... постоянные банкротства суть результат этого излишества торговых капиталов, которые не могут быть обменены на доход» (I, 455—456). Добрый Сисмонди! Что сказал бы он об Америке современной,—об Америке, развившейся так колоссально на счет того самого «внутреннего рынка», который, по теории романтиков, должен был «сокращаться»!

VII.

Кризис.

Третий ошибочный вывод Сисмонди из перенятой им неправильной теории Ад. Смита есть учение о кризисах. Из воззрения Сисмонди, что накопление (рост производства вообще) определяется потреблением, и из неверного объяснения реализации всего общественного продукта (сводимого к доле рабочих и доле капиталистов в доходе) вытекло естественно и неизбежно то учение, что кризисы объясняются несоответствием между производством и потреблением. Этой теории и держался целиком Сисмонди. Ее перенял и Родбертус, придав ей слегка измененную формулировку: он объяснял кризисы тем, что при росте производства доля рабочих в продукте уменьшается, при чем весь общественный продукт он так же неправильно, как и Ад. Смит, делил на заработную плату и ренту (по его терминологии «сверхстоимость», т.-е. прибыль и поземельная рента вместе). Научный анализ накопления в капиталистическом обществе *) и реализации продукта подорвал

*) В связи с учением о том, что весь продукт в капиталистическом хозяйстве состоит из двух частей, находится у А. Смита и последующих экономистов ошибочное понимание «накопления единичного капитала». Именно,

все основания этой теории, указав также, что именно в эпохи, предшествующие кризисам, потребление рабочих повышается, что недостаточное потребление (объясняющее будто бы кризисы) существовало при самых различных хозяйственных режимах, а кризисы составляют отличительный признак только одного режима—капиталистического. Эта теория объясняет кризисы другим противоречием, именно противоречием между общественным характером производства (обобществленного капитализмом) и частным, индивидуальным способом присвоения. Глубокое различие этих теорий, казалось бы, ясно само собой, но мы должны остановиться подробнее на нем, ибо именно русские последователи Сисмонди стараются стереть это различие и спутать дело. Две теории кризисов, о которых мы говорим, дают им совершенно различные объяснения. Первая теория объясняет их противоречием между производством и потреблением рабочего класса, вторая—противоречием между общественным характером производства и частным характером присвоения. Первая, след., видит корень явления вне производства (отсюда у Сисмонди, напр., общие нападки на классиков, что они игнорируют потребление, занимаясь только производством); вторая—именно в условиях производства. Говоря кратче, первая объясняет кризисы недостаточным потреблением (Unterkonsumtion) вторая—беспорядочностью производства. Итак, обе теории, объясняя кризисы противоречием в самом строе хозяйства, совершенно расходятся в указании этого противоречия. Но спрашивается: отрицает ли вторая теория факт противоречия между производством и потреблением, факт недостаточного потребления? Разумеется, нет. Она вполне признает этот факт, но отводит ему надлежащее, подчиненное место, как факту, относящемуся лишь к одному подразделению всего капиталистического производства. Она учит, что этот факт не может объяснить кризисов, вызываемых другим, более глубоким основным противоречием современной хозяйственной системы, именно противоречием между общественным характером производства и частным характером присвоения. Поэтому, что сказать о тех людях, которые, придерживаясь в сущности первой теории, прикрываются ссылками на то, как представители второй констатируют противоречие между производством и потреблением? Очевидно, эти люди не вдумались в основу различия двух теорий и не поняли, как следует, второй теории.

они учили, что накопляемая часть прибыли целиком расходуется на заработную плату, тогда как на деле она расходуется: 1) на постоянный капитал и 2) на заработную плату. Сисмонди повторяет и эту ошибку классиков.

К числу этих людей принадлежит, напр., г. Н.—он (не говоря уже о В. В.). На принадлежность их к последователям Сисмонди было уже указано в нашей литературе г. Туган-Барановским («Пром. кризисы», с. 477, с странной оговоркой относительно г. Н.—она: «повидимому»). Но г. Н.—он, толкуя «о сокращении внутреннего рынка» и о «понижении народной потребительной способности» (центральные пункты его воззрений), ссылается тем не менее на представителей второй теории, констатирующих факт противоречия между производством и потреблением, факт недостаточного потребления. Понятно, что такие ссылки показывают только характерную вообще для этого автора способность приводить неуместные цитаты, и ничего более. Напр., все читатели, знакомые с его «Очерками», помнят, конечно, его «цитату» о том, что «рабочие, как покупатели товара, важны для рынка, но капиталистическое общество имеет стремление ограничить их минимумом цены, как продавцов собственного товара—рабочей силы» («Очерки», стр. 178), помнят также, что г. Н.—он хочет выводить отсюда и «сокращение внутреннего рынка» (ib., с. 203 и др.) и кризисы (с. 298 и др.). Но, приводя эту цитату (ничего не доказывающую, как мы разъяснили), наш автор сверх того опускает конец той выноски, из которой взята эта цитата. Эта цитата представляла из себя заметку, вставленную в рукопись II отдела II тома «Капитала». Заметка эта была вставлена, «чтобы впоследствии развить ее обстоятельнее» и издатель рукописи отнес ее в примечание. После приведенных слов в этой заметке говорится: «Однако все это относится только к следующему отделу» *),—т.-е. к третьему отделу. А что это за третий отдел? Это именно тот отдел, который содержит критику теории Ад. Смита о двух частях всего общественного продукта (вместе с вышеприведенным отзывом о Сисмонди) и анализ «воспроизводства и обращения всего общественного капитала», т.-е. реализации продукта. Итак, в подтверждение своих воззрений, повторяющих Сисмонди, наш автор цитирует заметку, относящуюся «только к отделу», опровергающему Сисмонди: «только к отделу», в котором показано, что капиталисты могут реализовать сверхстоимость, и что внесение внешней торговли в анализ реализации есть нелепость...

Другая попытка стереть различие двух теорий и защитить старый романтический хлам ссылкой на новейшие учения содержится в статье Эфруси. Приведя теорию кризисов Сисмонди, Эфруси ука-

*) «Das Kapital», II Band, S. 304. Русск. пер., стр. 232. Курсив наш. («Капитал», II том, стр. 297—298, прим. 36-е русск. изд. под ред. И. Степанова. Ред.)

зывает на ее неверность («Р. Б.» № 7, с. 162). Указания его крайне неотчетливы и противоречивы. С одной стороны, он повторяет доводы противоположной теории, говоря, что предметами непосредственного потребления не исчерпывается национальный спрос. С другой стороны, он утверждает, что объяснение кризисов Сисмонди «указывает лишь на одно из многих обстоятельств, затрудняющих распределение национального производства соответственно спросу населения и его покупательной способности». Читателя приглашают, следовательно, думать, что объяснение кризисов заключается именно в «распределении», и что ошибка Сисмонди ограничивается неполным указанием причин, затрудняющих это распределение. Но главное не в этом... «Сисмонди,—говорит Эфруси,— не остановился на вышеприведенном объяснении. Уже в 1-м издании «Nouv. Princ.» мы находим глубоко поучительную главу, озаглавленную «De la connaissanse du marché» *) В этой главе Сисмонди раскрывает нам основные причины нарушения равновесия между производством и потреблением [это заметьте!] с такой ясностью, какую мы в этом вопросе встречаем лишь у немногих экономистов» (ib). И приведя цитаты о том, что фабрикант не может знать рынка, Эфруси говорит: «Почти то же самое говорит Энгельс» (стр. 163)—следует цитата о том, что фабрикант не может знать спроса. Приведя затем еще цитаты о «других препятствиях для установления равновесия между производством и потреблением» (стр. 164), Эфруси уверяет, что «в них дается то самое объяснение кризисов, которое все более и более становится господствующим»! Даже более: Эфруси находит, что «мы в вопросе о причинах народно-хозяйственных кризисов можем с полным правом смотреть на Сисмонди, как на родоначальника тех взглядов, которые позднее развиваются более последовательно и более ясно» (стр. 168).

Но всем этим Эфруси обнаруживает полное непонимание дела! Что такое кризисы?—Перепроизводство, производство товаров, которые не могут быть реализированы, не могут иайти спроса. Если товары не могут найти спроса,—значит фабрикант, производя их, не знал спроса. Спрашивается теперь: неужели указать это условие возможности кризисов значит дать объяснение кризисам? Неужели Эфруси не понимал разницы между указанием возможности и объяснением необходимости явления? Сисмонди говорит: кризисы возможны, ибо фабрикант не знает спроса; они необходимы, ибо в капиталистическом производстве не может быть

*) «О познании рынка». Ред.

равновесия производства с потреблением (т.-е. не может быть реализован продукт). Энгельс говорит: кризисы возможны, ибо фабрикант не знает спроса; они необходимы совсем не потому, чтобы вообще не мог быть реализован продукт. Это неверно: продукт может быть реализован. Кризисы необходимы потому, что коллективный характер производства приходит в противоречие с индивидуальным характером присвоения. И вот находится экономист, который уверяет, что Энгельс говорит «почти то же самое»; что Сисмонди дает «то же самое объяснение кризисов»! «Меня удивляет поэтому,—пишет Эфруси,—что г. Туган-Барановский... упустил из виду самое важное и ценное в учении Сисмонди» (стр. 168). Но г. Туган-Барановский ничего не упустил из виду. Напротив, он с полной точностью указал то основное противоречие, к которому сводит дело новая теория (стр. 455 и др.), и выяснил значение Сисмонди, который раньше указал на противоречие, проявляющееся в кризисах, не не сумел дать верного объяснения ему (стр. 457: Сисмонди до Энгельса указывал на то, что кризисы вытекают из современной организации хозяйства; стр. 491: Сисмонди излагал условия возможности кризисов, но «не всякая возможность осуществляется на деле»). А Эфруси совершенно в этом не разобрался и, свалив все в одну кучу, «удивляется», что у него выходит путаница! «Мы, правда,—говорит экономист «Русск. Бог.»,—у Сисмонди не находим тех выражений, которые теперь получили всеобщее право гражданства, вроде «анархии производства», «отсутствия планомерности (Planlosigkeit) производства», но сущность, скрывающаяся под этими выражениями, отмечена у него вполне ясно» (стр. 168). С какой легкостью романтик новейший реставрирует романтика былых дней! Вопрос сводится к различию в словах! На деле вопрос сводится к тому, что Эфруси не понимает тех слов, которые повторяет. «Анархия производства», «отсутствие планомерности производства»—о чем говорят эти выражения? О противоречии между общественным характером производства и индивидуальным характером присвоения. И мы спрашиваем всякого знакомого с разбираемой экономической литературой: признавал ли это противоречие Сисмонди или Родбертус? Выводили ли они кризисы из этого противоречия? Нет, не выводили и не могли выводить, ибо ни один из них совершенно не понимал этого противоречия. Самая идея о том, что критику капитализма нельзя основывать на фразах о всеобщем благополучии *), или

*) Cf. Sismondi, l. c., I. 8.

о неправильности «обращения, предоставленного самому себе», а необходимо основывать на характере эволюции производственных отношений,—была им абсолютно чужда.

Мы вполне понимаем, почему наши российские романтики употребляют все усилия, чтобы стереть различие между двумя указанными теориями кризисов. Это потому, что с указанными теориями самым непосредственным, самым тесным образом связаны принципиально различные отношения к капитализму. В самом деле, если мы объясняем кризисы невозможностью реализовать продукты противоречием между производством и потреблением, то мы тем самым приходим к отрицанию действительности, пригодности того пути, по которому идет капитализм, объявляем его путем «ложным» и обращаемся к поискам «иных путей». Выводя кризисы из этого противоречия, мы должны думать, что, чем дальше развивается оно, тем труднее выход из противоречия. И мы видели, как Сисмонди с величайшей наивностью высказал именно это мнение, говоря, что если капитал накопляется медленно, то это еще можно снести; но если быстро, то это становится невыносимо.—Наоборот, если мы объясняем кризисы противоречием между общественным характером производства и индивидуальным характером присвоения, мы тем самым признаем действительность и прогрессивность капиталистического пути и отвергаем поиски «иных путей», как вздорный романтизм. Мы тем самым признаем, что чем дальше развивается это противоречие, тем легче выход из него, и что выход заключается именно в развитии данного строя.

Как видит читатель, и тут мы встречаем различие «точек зрения»...

Вполне естественно, что наши романтики ищут теоретических подтверждений своим воззрениям. Вполне естественно, что эти поиски приводят их к старому хламу, давным-давно выброшенному Западной Европой. Вполне естественно, что они, чувствуя это, пытаются реставрировать этот хлам, то прямо прикрашивая романтиков западной Европы, то провозя романтизм под флагом неуместных и извращенных цитат. Но они жестоко заблуждаются, если думают, что подобная контрабанда будет оставаться нераскрытой.

Заканчивая этим изложением основной теоретической доктрины Сисмонди и главнейших теоретических выводов, сделанных им из нее, мы должны сделать маленькое добавление, относящееся опять к Эфруси. В другой своей статье о Сисмонди (продолжение первой) он говорит: «Еще более интересным (сравнительно с уче-

нием о доходе с капитала) являются воззрения Сисмонди на различные виды доходов» («Р. Б.» № 8, стр. 42). Сисмонди, дескать, так же, как и Родбертус, делит национальный доход на две части: «одна поступает владельцам земли и орудий производства, другая—представителям труда» (ib.). Следуют цитаты, в которых Сисмонди говорит о таком делении не только национального дохода, но и всего продукта: «Годовое производство, или результат всех работ, совершенных народом в течение года, также состоит из двух частей» и т. д. («N. Princ.», I, 105, цит. в «Р. Б». № 8, с. 43). «Процитированные места,—заключает наш экономист,—ясно доказывают, что Сисмонди вполне усвоил (!) ту самую классификацию народного дохода, которая играет у новейших экономистов такую важную роль, именно деление народного дохода на доход, основанный на труде, и на беструдовой доход—arbeitsloses Einkommen. Хотя, вообще говоря, взгляды Сисмонди по вопросу о доходе не всегда ясны и определенны, но в них все-таки проглядывает сознание различия, существующего между частно-хозяйственным и народно-хозяйственным доходом» (стр. 43).

Процитированное место,—скажем мы на это,—ясно доказывает, что Эфруси вполне усвоил мудрость немецких учебников, но, несмотря на это (а, может быть, именно благодаря этому), совершенно проглядел теоретическую трудность вопроса о национальном доходе в отличие от индивидуального. Эфруси выражается очень неосторожно. Мы видели, что в первой половине своей статьи он называл «новейшими экономистами» теоретиков одной определенной школы. Читатель в праве будет подумать, что и на этот раз речь идет о них же. На самом же деле автор разумеет тут нечто совершенно иное. В качестве новейших экономистов фигурируют теперь уже немецкие катедер-социалисты [74]). Защита Сисмонди состоит в том, что автор сближает его теорию с их учением. В чем же состоит учение этих «новейших» авторитетов Эфруси?— В том, что национальный доход делится на две части.

Да ведь это учение Ад. Смита, а вовсе не «новейших» экономистов! Разделяя доход на заработную плату, прибыль и ренту (кн. I, гл. VI «Богатства народов»; кн. II, гл. II), А. Смит противополагал два последние первому, именно как беструдовой доход, называя оба их вычетом из труда (кн. I, гл. VIII) и оспаривая мнение, что прибыль есть та же заработная плата за особого рода труд (кн. I, гл. VI). И Сисмонди, и Родбертус, и «новейшие» авторы немецких учебников просто повторяют это учение Смита. Различие между ними только то, что А. Смит сознавал, что ему не вполне удастся выделить национальный доход из национального

продукта; сознавая, что он впадает в противоречие, выкидывает из последнего постоянный капитал (по современной терминологии), который им включался однако в единичный продукт. «Новейшие» же экономисты, повторяя ошибку А. Смита, облекали его учение только в более напыщенную фразу («классификация национального дохода») и утрачивали сознание того противоречия, перед которым остановился А. Смит. Это—приемы, быть может, ученые, но вовсе не научные.

VIII.

Капиталистическая рента и капиталистическое перенаселение.

Продолжаем обзор теоретических воззрений Сисмонди. Все главные его воззрения—те, которые характеризуют его в отличие от всех других экономистов, мы уже рассмотрели. Дальнейшие либо не играют столь важной роли в общем его учении, либо составляют вывод из предыдущих.

Отметим, что Сисмонди, точно так же, как и Родбертус, не разделял теории ренты Рикардо. Не выдвигая своей собственной теории, он старался поколебать учение Рикардо соображениями более чем слабыми. Он выступает здесь чистым идеологом мелкого крестьянина; он не столько опровергает Рикардо, сколько отвергает вообще перенесение на земледелие категорий товарного хозяйства и капитализма. В общих отношениях его точка зрения в высшей степени характерна для романтика. Гл. XIII 3-й книги *) посвящена «теории г. Рикардо о ренте с земель». Заявив сразу

---

*) Характерна уже и самая система изложения: 3-я книга трактует о «богатстве территориальном» (richesse territoriale), земельном, т.-е. о земледелии. Следующая 4-я книга «о богатстве торговом» (de la richesse commerciale)—о промышленности и торговле. Как будто бы земельный продукт и самая земля не становились тоже товаром при господстве капитализма! Поэтому между двумя этими книгами не оказывается и соответствия. Промышленность трактуется только в ее капиталистической форме, современной Сисмонди. Земледелие же описывается в виде разношерстного перечня всяческих систем эксплоатации земли: эксплоатация патриархальная, рабская, половническая, барщинная, оброчная, фермерская, эмфитевтическая (сдача в вечно-наследственную аренду). В результате полная путаница: автор не дает ни истории земледелия, ибо все эти «системы» между собой не связаны, ни анализа земледелия в капиталистическом хозяйстве, хотя это последнее—настоящий предмет его сочинения и хотя о промышленности он говорит только в ее капиталистической форме.

о полном противоречии доктрины Рикардо его собственной теории, Сисмонди приводит такие возражения: общий уровень прибыли (на котором построена теория Рикардо) никогда не устанавливается, свободного перемещения капитала в земледелии нет. В земледелии надо рассматривать внутреннюю ценность продукта (la valeur intrinséque), не зависящую от колебаний рынка и предоставляющую владельцу «чистый продукт» (produit net), «труд природы» (I, 306). «Труд природы есть сила, источник чистого продукта земли, рассматриваемого в его внутренней стоимости» (intrinséquement) (I, 316). «Мы рассматривали ренту (le fermage), или, вернее, чистый продукт, как происходящий непосредственно из земли в пользу собственника; он не отнимает никакой доли ни у фермера, ни у потребителя» (I, 312). И это повторение старых физиократических [75]) предрассудков заключается еще моралью: «Вообще в политической экономии следует беречься (se défier) абсолютных предложений, точно так же, как и абстракций» (I, 312)! В такой «теории» нечего даже и разбирать, ибо одного маленького примечания Рикардо против «труда природы» более чем достаточно *). Это просто отказ от анализа и гигантский шаг назад сравнительно с Рикардо. С полной наглядностью сказывается и тут романтизм Сисмонди, который спешит осудить данный процесс, боясь прикоснуться к нему анализом. Заметьте, что он ведь не отрицает того факта, что земледелие развивается в Англии капиталистически, что крестьяне заменяются фермерами и поденщиками, что на континенте дела развиваются в том же направлении. Он просто отворачивается от этих фактов (которые он обязан был рассмотреть, рассуждая о капиталистическом хозяйстве), предпочитая сентиментальные разговоры о предпочтительности системы патриархальной эксплоатации земли. Точь-в-точь так же поступают и наши народники: никто из них и не пытался отрицать того факта, что товарное хозяйство проникает в земледелие, что оно не может не производить радикального

---

*) Рикардо, сочинения, пер. Зибера, стр. 35: «Разве природа ничего не делает для человека в мануфактурной промышленности? Разве силы ветра и воды, приводящие в действие наши машины и оказывающие пособие мореплаванию, не имеют никакого значения? Давление атмосферы и упругость пара, посредством которых мы приводим в движение самые удивительные машины,—разве это не дары природы? Не говоря о действии теплоты, размягчающей и расплавляющей металлы, и об участии воздуха в процессах окрашивания и брожения, нет ни одной отрасли мануфактуры, в которой бы природа не оказывала помощи человеку и притом помощи даровой и щедрой.

изменения в общественном характере земледелия,—но в то же время никто, рассуждая о капиталистическом хозяйстве, не ставит вопроса о росте торгового земледелия, предпочитая отделываться сентенциями о «народном производстве». Так как здесь мы ограничиваемся пока разбором теоретической экономии Сисмонди, то более подробное ознакомление с этой «патриархальной эксплоатацией» откладываем до дальнейшего.

Другим теоретическим пунктом, около которого вращается изложение Сисмонди, является учение о населении. Отметим отношение Сисмонди к теории Мальтуса и к излишнему населению, создаваемому капитализмом.

Эфруси уверяет, что Сисмонди согласен с Мальтусом лишь в том, что население может размножаться с чрезвычайной быстротой, служа источником чрезвычайных страданий. «В дальнейшем они являются полнейшими антиподами: Сисмонди ставит весь вопрос о населении на социально-историческую почву» («Р. Б.» № 7, стр. 148). И в этой формулировке Эфруси совершенно затушевывает характерную точку зрения Сисмонди (именно мелко-буржуазную) и его романтизм.

Что значит «ставить вопрос о населении на социально-историческую почву»? Это значит исследовать закон народонаселения каждой исторической системы хозяйства отдельно и изучать его связи и соотношение с данной системой. Какую систему изучал Сисмонди? Капиталистическую. Итак, сотрудник «Русск. Богатства» полагает, что Сисмонди изучал капиталистический закон народонаселения. В этом утверждении есть доля истины, но только доля. А так как Эфруси и не думает разбирать, чего недоставало Сисмонди в его рассуждениях о народонаселении, и так как Эфруси утверждает, что «Сисмонди является здесь предшественником самых выдающихся новейших экономистов» *) (стр. 148),— то в результате получается совершенно такое же подкрашивание мелко-буржуазного романтика, какое мы видели по вопросу о кризисах и о национальном доходе. В чем состояло сходство учения Сисмонди с новой теорией по этим вопросам? В том, что Сисмонди указал на противоречия, свойственные капиталистическому накоплению. Это сходство Эфруси отметил. В чем состояло различие Сисмонди от новой теории? В том, во-первых, что он ни на йоту не двинул вперед научного анализа этих противоречий и в некото-

*) Оговариваемся, впрочем, что мы не можем наверное знать, кто фигурирует тут у Эфруси в качестве «самого выдающегося новейшего экономиста», представитель ли известной, безусловно чуждой романтизму школы, или автор самого толстого хандбуха?

рых отношениях сделал шаг назад сравнительно с классиками,—во-вторых, в том, что он прикрывал свою неспособность к анализу (отчасти свое нежелание производить анализ) мелкобуржуазной моралью о необходимости соображать национальный доход с расходом, производство с потреблением и т. п. Этого различия Эфруси ни по одному из указанных пунктов не отметил и тем совершенно неправильно представил настоящее значение Сисмонди и его отношение к новейшей теории. Совершенно то же самое видим мы и по данному вопросу. Сходство Сисмонди с новейшей теорией и здесь ограничивается указанием на противоречие. Различие и здесь состоит в отсутствии научного анализа и в мелко-буржуазной морали вместо такого анализа. Поясним это.

Развитие капиталистической машинной индустрии с конца прошлого века повело за собой образование излишнего населения, и пред политической экономией встала задача объяснить это явление. Мальтус пытался, как известно, объяснить его естественно-историческими причинами, совершенно отрицая происхождение его из известного, исторически-определенного строя общественного хозяйства и совершенно закрывая глаза на вскрываемые этим фактом противоречия. Сисмонди указал на эти противоречия и на вытеснение населения машинами. В этом указании—его неоспоримая заслуга, ибо в ту эпоху, когда он писал, такое указание было новостью. Но посмотрим, как он отнесся к этому факту.

В 7-й книге («О населении») VII глава специально говорит «о населении, сделавшимся излишним вследствие изобретения машин». Сисмонди констатирует, что «машины вытесняют людей» (p. 315, II, V), и сейчас же ставит вопрос: есть ли изобретение машин выгода для нации или несчастие? Понятно, что «решение» этого вопроса для всех стран и времен вообще, а не для капиталистической страны состоит в бессодержательнейшей банальности: выгода—тогда, когда «спрос на потребление превышает средства производства в руках населения» (les moyens de produire de la population) (II, 317), и бедствие — «когда производство вполне достаточно для потребления». Другими словами: констатирование противоречия служит у Сисмонди лишь поводом для рассуждений о каком-то абстрактном обществе, в котором уже нет никаких противоречий, и к которому применима мораль расчетливого крестьянина! Сисмонди и не пытался анализировать это противоречие, разобрать, как оно складывается, к чему ведет и т. д. в данном капиталистическом обществе. Нет, он пользуется этим противоречием, лишь как материалом для своего нравствен-

ного негодования против такого противоречия. Все дальнейшее содержание главы не дает абсолютно ничего по данному теоретическому вопросу, исчерпываясь сетованиями, жалобами и невинными пожеланиями. Вытесняемые рабочие были потребителями... сокращается внутренний рынок... что касается внешнего, то мир уже достаточно снабжен... умеренное довольство крестьян лучше гарантировало бы сбыт.... нет более поразительного, ужасающего примера, как Англия, которой следуют государства континента— вот какие сентенции дает Сисмонди, вместо анализа явления! Его отношение к предмету точь-в-точь таково, как и отношение наших народников. Народники тоже ограничиваются одним констатированием факта избыточности населения и утилизируют этот факт лишь для сетований и жалоб на капитализм (ср. Н.—он, В. В. и т. п.). Как Сисмонди не пытается даже анализировать, в каком отношении к требованиям капиталистического производства находится это излишнее население, так и народники никогда и не ставили себе подобного вопроса.

Полная неправильность подобного приема была выяснена научным анализом этого противоречия. Этот анализ установил, что избыточное население, представляя из себя несомненно противоречие (рядом с избыточным производством и избыточным потреблением) и будучи необходимым результатом капиталистического накопления, является в то же время необходимой составной частью капиталистического механизма *). Чем дальше развивается крупная индустрия, тем большим колебаниям

*) Впервые, насколько известно, эта точка зрения на избыточное население была высказана в «Die Lage der arbeitenden Klasse in England» (1845). (Энгельс, «Положение рабочего класса в Англии». Ред.). Описавши обычный промышленный цикл английской промышленности, автор говорит:

«Отсюда ясно, что английская промышленность должна иметь во всякое время, за исключением кратких периодов высшего процветания, незанятую резервную армию рабочих,—для того, чтобы иметь возможность производить массы товаров, требуемых рынком в наиболее оживленные месяцы. Эта резервная армия расширяется или суживается, смотря по состоянию рынка, дающего занятие большей или меньшей части ее членов. И если в момент наибольшего оживления рынка земледельческие округа и отрасли промышленности, наименее затронутые общим процветанием, дают временно мануфактурам известное количество рабочих, то таковых небольшое меньшинство, и они принадлежат точно так же к резервной армии, с тем единственным различием, что именно быстрое процветание требовалось для того, чтобы вскрыть их принадлежность к этой армии».

В последних словах важно отметить отнесение к резервной армии части земледельческого населения, временно обращающегося к промышленности. Это именно то, что позднейшая теория назвала скрытой формой избыточного населения.

подвергается спрос на рабочих, в зависимости от кризисов или периодов процветания во всем национальном производстве или в каждой отдельной отрасли его. Эти колебания—закон капиталистического производства, которое не могло бы существовать, если бы не было избыточного населения (т.-е. превышающее средний спрос капитализма на рабочих), готового в каждый данный момент доставить рабочие руки для любой отрасли промышленности или для любого предприятия. Анализ показал, что избыточное население образуется во всех отраслях промышленности, куда только проникает капитализм—и в земледелии точно так же, как в промышленности,—и что избыточное население существует в разных формах. Главных форм три *): 1) Перенаселение текучее. К нему принадлежат незанятые рабочие в промышленности. С развитием промышленности необходимо растет и число их. 2) Перенаселение скрытое. К нему принадлежит сельское население, теряющее свое хозяйство с развитием капитализма и не находящее неземледельческих занятий. Это население всегда готово доставить рабочие руки для любых предприятий. 3) Перенаселение застойное. Оно занято «в высшей степени неправильно» при условиях, стоящих ниже обычного уровня. Сюда относятся, главным образом, работающие дома на фабрикантов и на магазины, как сельские жители, так и городские. Совокупность всех этих слоев населения и составляет относительно избыточное население, или резервную армию. Последний термин отчетливо показывает, о каком населении идет речь. Это—рабочие, которые необходимы капитализму для возможного расширения предприятий, но которые никогда не могут быть заняты постоянно.

Таким образом и по данному вопросу теория пришла к выводу, который диаметрально противоположен выводу романтиков. Для последних избыточное население означает невозможность капитализма или «ошибочность» его. На самом же деле—как раз наоборот: избыточное население, являясь необходимым дополнением избыточного производства, составляет необходимую принадлежность капиталистического хозяйства, без которой оно не могло бы ни существовать, ни развиваться. Эфруси и тут совершенно неправильно представил дело, умолчав об этом положении новейшей теории.

Простого сопоставления двух указанных точек зрения достаточно для суждения о том, к какой из них примыкают наши народники. Вышеизложенная глава из Сисмонди могла бы с пол-

*) Ср. Зибер, Давид Рикардо и т. д., стр. 552—3, СПБ. 1885.

нейшим правом фигурировать в «Очерках нашего пореформенного общественного хозяйства» г. Н.—она .

Констатируя образование избыточного населения в пореформенной России, народники никогда не ставили вопроса о потребностях капитализма в резервной армии рабочих. Могли ли бы быть построены железные дороги, если бы не образовалось постоянно избыточное население? Известно ведь, что спрос на такого рода труд сильно колеблется по годам. Могла ли развиться промышленность без этого условия? (В периоды горячки она требует массы строительных рабочих для вновь воздвигаемых фабрик, здания, складов и т. п. и всякого рода вспомогательной поденной работы, занимающей большую часть так-называемых отхожих неземледельческих промыслов.) Могло ли без этого условия создаться капиталистическое земледелие наших окраин, требующее сотен тысяч и миллионов поденщиков, при чем колебания спроса на этот труд, как известно, непомерно велики? Могло ли бы иметь место без образования избыточного населения феноменально быстрое сведение лесов предпринимателями-лесопромышленниками на нужды фабрик? (Лесные работы принадлежат тоже к числу наихудше оплачиваемых и наихудше обставленных, как и другие формы труда сельских жителей на предпринимателей.) Могла ли без этого условия развиться система раздачи работы на дома в городах и деревнях купцами, фабрикантами, магазинами, составляющая столь распространенное явление в т.-наз. кустарных промыслах? Во всех этих отраслях труда (развившихся главным образом после реформы) колебания спроса на наемный труд крайне велики. А ведь размер колебаний такого спроса определяет размер избыточного населения, требуемого капитализмом. Экономисты-народники нигде не показали, чтобы им был известен этот закон. Мы не намерены, конечно, входить здесь в разбор этих вопросов по существу *). Это не входит в нашу задачу. Предмет нашей статьи — западно-европейский романтизм и его отношение к русскому народничеству. И в данном случае отношение это оказывается таким же, как во всех предыдущих: во вопросу об избыточном населении народники стоят целиком на точке зрения романтизма, которая диаметрально противоположна точке зрения новейшей теории **). Капитализм не занимает освобождаемых рабочих,—говорят они. Значит, он не-

*) Поэтому мы не касаемся здесь того весьма оригинального обстоятельства, что основанием не считать всех этих очень многочисленных рабочих служит для народников-экономистов отсутствие регистрации их.

*) Т.-е. марксизму. Ред.

возможен, «ошибочен» и т. п. Вовсе еще это не «значит». Противоречие не есть невозможность (Widerspruch не то, что Widersinn). Капиталистическое накопление, это настоящее производство ради производства, есть тоже противоречие. Но это не мешает ему существовать и быть законом определенной системы хозяйства. То же самое надо сказать и о всех других противоречиях капитализма. Приведенное народническое рассуждение «значит» только, что в российскую интеллигенцию глубоко въелся порок отговариваться от всех этих противоречий фразами.

Итак, Сисмонди не дал абсолютно ничего для теоретического анализа перенаселения. Но как же он смотрел на него? Его взгляд складывается из оригинального сочетания мелкобуржуазных симпатий и мальтузианства. «Великий порок современной социальной организации,—говорит Сисмонди,—тот, что бедный не может никогда знать, на какой спрос труда он может рассчитывать» (II, 261), и Сисмонди вздыхает о тех временах, когда «деревенский сапожник» и мелкий крестьянин точно знали свои доходы. «Чем более бедняк лишен всякой собственности, тем более подвергается он опасности ошибиться насчет своего дохода и содействовать созданию такого населения (contribuer á accroitre une population...), которое, не будучи в соответствии со спросом на труд, не найдет средств к жизни» (I, 263—264). Видите: этому идеологу мелкой буржуазии мало того, что он желал бы задержать все общественное развитие, ради сохранения патриархальных отношений полудикого населения. Он готов предписывать какое-угодно калечение человеческой природы, лишь бы оно служило сохранению мелкой буржуазии. Вот еще несколько выписок, которые не оставляют сомнения насчет этого последнего пункта.

Еженедельная расплата на фабрике с полунищими рабочими приучила его не смотреть на будущее дальше следущей субботы: «в нем притупили таким образом нравственные качества и чувство симпатии» (II, 266), состоящие, как мы сейчас увидим, в «супружеском благоразумии»!..—«его семья будет становиться тем многочисленнее, чем более она в тягость обществу; и нация будет страдать (gémira) под гнетом населения, не приведенного в соответствие (disproportionnée) с средствами его содержания» (II, 267). Сохранение мелкой собственности во что бы то ни стало—вот лозунг Сисмонди — хотя бы даже ценой понижения жизненного уровня и извращения человеческой природы! И Сисмонди, поговоривши, с видом государственного человека, о том, когда «желателен» рост населения, посвящает особую главу на-

падкам на религию за то, что она не осуждала «неблагоразумных» браков. Раз только затронут его идол—мелкий буржуа, Сисмонди является более мальтузианцем, чем сам Мальтус. «Дети, рождающиеся лишь для нищеты,—поучает Сисмонди религию,—рождаются также только для порока... Невежество в вопросах социального строя заставило их (представителей религии) вычеркнуть целомудрие из числа добродетелей, свойственных браку, и было одной из тех постоянно действующих причин, которые разрушают соответствие, естественно устанавливающееся между населением и его средствами существования» (II, 294). «Религиозная мораль должна учить людей, что, возобновив семью, они не менее обязаны жить целомудренно со своими женами, чем холостяки с женщинами, им не принадлежащими» (II, 298). И Сисмонди, претендующий вообще не только на звание теоретика-экономиста, но и на звание мудрого администратора, тут же подсчитывает, что для «возобновления семьи» требуется «в общем и среднем три рождения», и дает совет правительству «не обманывать людей надеждой на независимое положение, позволяющее заводить семью, когда это обманчивое учреждение (cet établissement illusoire) оставит их на произвол страданий, нищеты и смертности» (II, 299). «Когда социальная организация не отделяла класса трудящегося от класса, владеющего какой-нибудь собственностью, одного общественного мнения было достаточно для предотвращения бича (le fléau) нищенства. Для земледельца—продажа наследия его отцов, для ремесленника—растрата его маленького капитала всегда заключает в себе нечто постыдное... Но в современном строе Европы... люди, осужденные не иметь никогда никакой собственности, не могут чувствовать никакого стыда перед обращением к нищенству» (II, 306—307). Трудно рельефнее выразить тупость и черствость мелкого собственника! Из теоретика Сисмонди превращается здесь в практического советчика, проповедующего ту мораль, которой, как известно, с таким успехом следует французский крестьянин. Это не только Мальтус, но вдобавок Мальтус, выкроенный нарочито по мерке мелкого буржуа. Читая эти главы Сисмонди, невольно вспоминаешь страстногневные выходки Прудона, доказывавшего, что мальтузианство есть проповедь супружеской практики... некоторого противоестественного порока *).

---

*) См. приложение к русскому переводу «Опыта о народонаселении» Мальтуса (Пер. Бибикова, СПБ. 1866). Отрывок из сочинения Прудона «О справедливости».

IX.

Машины в капиталистическом обществе.

В связи с вопросом об избыточном населении стоит вопрос о значении машин вообще.

Эфруси усердно толкует о «блестящих замечаниях» Сисмонди насчет машин, о том, что «считать его противником технических усовершенствований несправедливо» (№ 7, стр. 155), что «Сисмонди не был врагом машин и изобретений» (стр. 156). «Сисмонди неоднократно подчеркивал ту мысль, что не машины и изобретения сами по себе вредны для рабочего класса, а они делаются таковыми лишь благодаря условиям современного хозяйства, при котором разрастание производительности труда не ведет ни к увеличению потребления рабочего класса, ни к сокращению рабочего времени» (стр. 155).

Все эти указания вполне справедливы. И опять-таки такая оценка Сисмонди замечательно рельефно показывает, как народник абсолютно не сумел понять романтика, понять свойственную романтизму точку зрения на капитализм и ее радикальное отличие от точки зрения научной теории. Народник и не мог этого понять, потому что народничество само не пошло дальше романтизма. Но если указания Сисмонди на противоречивый характер капиталистического употребления машин были крупным прогрессом в 1820-х годах, то в настоящее время ограничиваться подобной примитивной критикой и не понимать ее мелко-буржуазной ограниченности уже совершенно непростительно.

В этом отношении [т.-е. в вопросе о различии учения Сисмонди от новейшей теории]*) Эфруси твердо остается при своем. Он не умеет даже поставить вопроса. Указавши, что Сисмонди видел противоречие, он этим и удовлетворяется, как-будто бы история не показывала самые разнородные приемы и способы критиковать противоречия капитализма. Говоря, что Сисмонди считал вредными машины не сами по себе, а вследствие их действия при данном социальном строе, Эфруси и не замечает, какая примитивная, поверхностно-сентиментальная точка зрения сказывается уже в одном этом рассуждении. Сисмонди действительно рассуждал: вредны машины или не вредны? и «решал»

*) А мы видели уже неоднократно, что Эфруси везде старался проводить это сравнение Сисмонди с современной теорией.

вопрос сентенцией: машины полезны лишь тогда, когда производство сообразуется с потреблением (ср. цитаты в «Р. Б.» № 7, стр. 156). После всего изложенного выше нам нет надобности доказывать здесь, что подобное «решение» есть не что иное, как подстановка мелко-буржуазной утопии на место научного анализа капитализма. Сисмонди нельзя винить в том, что он не произвел такого анализа. Исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно со своими предшественниками. Но мы судим здесь уже не о Сисмонди и не о его примитивной, сентиментальной точке зрения, а об экономисте «Р. Б-ва», который до сих пор не понимает отличия такой точки зрения от новейшей. Он не понимает, что для характеристики этого отличия следовало поставить вопрос не о том, был ли Сисмонди врагом машин или нет? а о том, понимал ли Сисмонди значение машин в капиталистическом строе? понимал ли он роль машин в этом строе, как фактора прогресса? И тогда экономист «Р. Б-ва» мог бы заметить, что с своей мелко-буржуазной, утопической точки зрения Сисмонди и не мог поставить такого вопроса, и что в постановке и разрешении его и состоит отличие новой теории. Тогда Эфруси мог бы понять, что, заменяя вопрос об исторической роли машин в данном капиталистическом обществе—вопрос об условиях «выгодности» и «пользы» машин вообще, Сисмонди естественно приходил к учению об «опасности» капитализма и капиталистического употребления машин, взывал о необходимости «задержать», «умерить», «регламентировать» рост капитализма, и становился в силу этого реакционером. Непонимание исторической роли машин, как фактора прогресса, и составляет одну из причин, по которой новейшая теория признала учение Сисмонди реакционным.

Мы не будем здесь, разумеется, излагать новейшее учение о машинном производстве. Отсылаем читателя хоть к вышеназванному исследованию Н. Зибера, гл. X: «Машины и крупная промышленность» и особенно глава XI: «Разбор теории машинного производства» *). Отметим только в самых кратких чертах ее суть. Она сводится к двум пунктам: во-первых, к историческому

*) «Сказать по правде,—говорит Зибер в начале этой главы,—излагаемое учение о машинах и о крупной индустрии представляет такой неисчерпаемый источник новых мыслей и оригинальных исследований, что если бы кто вздумал взвесить относительные достоинства этого учения вполне, ему пришлось бы написать по одному этому предмету чуть не целую книгу» (стр. 473).

анализу, установившему место машинного производства в ряду других стадий развития капитализма и отношение машинной индустрии к этим предшествующим стадиям (капиталистической простой кооперации и капиталистической мануфактуре); во-вторых, к анализу роли машин в капиталистическом хозяйстве и особенно к анализу того преобразования всех условий жизни населения, которое производит машинная индустрия. По первому пункту теория установила, что машинная индустрия есть только одна стадия (именно высшая) капиталистического производства, и показала ее возникновение из мануфактуры. По второму пункту теория установила, что машинная индустрия является гигантским прогрессом в капиталистическом обществе не только потому, что она в громадной степени повышает производительные силы и обобществляет труд во всем обществе *), но также потому, что она разрушает мануфактурное разделение труда, делает необходимостью переход рабочих от одних занятий к другим, разрушает окончательно отсталые патриархальные отношения, в особенности в деревне **), дает сильнейший толчок прогрессивному движению общества как по указанным причинам, так и вследствие концентрации индустриального населения. Прогресс этот сопровождается, как и все другие прогрессы капитализма, также и «прогрессом» противоречий, т.-е. обострением и расширением их.

Читатель спросит, может-быть, какой же интерес имеет разбор взглядов Сисмонди по такому общеизвестному вопросу и такое суммарное указание на новую теорию, с которой все «знакомы», с которой все «согласны»?

А вот, чтобы посмотреть на это «согласие», мы и возьмем теперь наиболее видного народнического экономиста, г. Н.—она, претендующего на строгое применение новейшей теории. В своих «Очерках», как известно, г. Н.—он одной из своих специальных задач поставил изучение капитализации русской текстильной индустрии, которая характеризуется как-раз наибольшим приложением машин.

Спрашивается, на какой точке зрения стоит г. Н.—он в этом вопросе: на точке зрения Сисмонди (с которым, как мы видели,

---

*) Сравнивая «сочетание труда» в общине и в капиталистическом обществе с машинной индустрией, Зибер вполне справедливо замечает: «Между «слагаемым» общины и «слагаемым» общества с машинной продукцией существует приблизительно такое же различие, как, напр., между единицей 10 и единицей 100» (стр. 495).

**) Зибер, н. с., стр. 467.

он разделяет точку зрения на весьма многие стороны капитализма) или на точке зрения новейшей теории? Является ли он по такому важному вопросу романтиком или... реалистом?

Мы видели, что первым отличием новейшей теории является исторический анализ возникновения машинной индустрии из капиталистической мануфактуры. Поставил ли г. Н.—он вопрос о возникновении русской машинной индустрии? Нет. Он дал, правда, указание, что ей предшествовала работа на дому на капиталиста и ручная «фабрика» *), но вопроса об отношении машинной индустрии к предшествующей стадии не только не разъяснил, но даже не «заметил», что фабрикой по научной терминологии нельзя было назвать предшествующую стадию (ручное производство на дому или в мастерской капиталиста), которая должна быть несомненно характеризована, как капиталистическая мануфактура **).

Пусть не думает читатель, что это «пробел» неважный. Напротив, он имеет громадную важность. Во-первых, г. Н.—он отождествляет таким образом капитализм с машинной индустрией. Это—грубая ошибка. Значение научной теории в том и состоит, что она выяснила настоящее место машинной индустрии, как одной стадии капитализма. Если бы г. Н.—он стоял на точке зрения этой теории, мог ли бы он изображать рост и победу машинной индустрии «борьбой двух хозяйственных форм»: какой-то неизвестной «формы, основанной на владении крестьянством орудиями производства» ***), и «капитализма» (стр. 2, 3, 66, 198 и др.), тогда как на деле мы видим борьбу машинной индустрии с капиталистической мануфактурой? Об этой борьбе г. Н.—он не сказал ни слова, хотя именно в текстильной индустрии, им специально взятой для изучения (стр. 79), по указанию, им же приведенному, происходила именно такая смена двух форм ка-

---

*) Стр. 108. Цитата из сб. ст. св. по Моск. г., т. VII, в. III, стр. 32 (статистики излагают здесь Корсака [76]) «О формах промышленности»): «Самая организация промысла с 1822 года совершенно изменяется, вместо самостоятельных кустарных производителей крестьяне становятся лишь исполнителями некоторых операций крупного фабричного производства, они ограничиваются лишь получением задельной платы».

**) Зибер вполне справедливо указывал на непригодность обычной терминологии (фабрика, завод и т. п.) для научных исследований и на необходимость выделять машинную индустрию от капиталистической мануфактуры, стр. 474.

***) Н.—он, стр. 322. Отличается ли это хоть на иоту от идеализации патриархального крестьянского хозяйства у Сисмонди?

питализма, извращенная г. Н.—оном в смену «народного производства» «капитализмом». Не очевидно ли, что в сущности его нимало не интересовал вопрос о действительном развитии машинной индустрии и что под «народным производством» прячется утопия совершенно во вкусе Сисмонди? Во-вторых, если бы г. Н.—он поставил вопрос об историческом развитии русской машинной индустрии, мог ли бы он говорить о «насаждении капитализма» (331, 283, 323 и др. стр.), основываясь на фактах правительственной поддержки и помощи—фактах, которые имели место и в Европе? Спрашивается, подражает ли он Сисмонди, который ведь совершенно так же говорил о «насаждении»,—или представителю новейшей теории, изучавшему смену мануфактуры машинной индустрией? В-третьих, если бы г. Н.—он поставил вопрос об историческом развитии форм капитализма в России (в текстильной промышленности), мог ли бы он игнорировать существование капиталистической мануфактуры в русских «кустарных промыслах»? *). А если бы он, действительно, следовал теории и попытался прикоснуться научным анализом хоть к маленькому уголку этого тоже «народного производства»,—что сталось бы с его столь суздальски намалеванной картиной русского общественного хозяйства, изображающей какое-то туманное «народное производство» и оторванный от него «капитализм», охватывающий лишь «горсть» рабочих (с. 326 и др.)?

Резюмируем: по первому пункту, составляющему отличие новейшей теории машинной индустрии от романтической, г. Н.—он ни в каком случае не может быть признан последователем первой, ибо он не понимает даже необходимости поставить вопрос о возникновении машинной индустрии, как особой стадии капитализма, и замалчивает существование капиталистической мануфактуры, этой предшествующей машинам стадии капитализма. Вместо исторического анализа он подсовывает утопию «народного производства».

Второй пункт касается учения новейшей теории о преобразовании общественных отношений машинной индустрией. Г. Н.—он и не пытался разобрать этот вопрос. Он много сетовал на капи-

---

*) Мы предполагаем здесь, что нет нужды доказывать этот общеизвестный факт. Стоит вспомнить павловский слесарный промысел, богородский кожевенный, кимрский сапожный, шапочный район Молвитина, гармонный и самоварный тульские, красносельский и рыбнослободский ювелирный, семеновский ложкарный, роговой в «Устьянщине», валяльный в Семеновск. у. Нижег. г. и т. д. Мы цитируем на память: если взять любое исследование кустарной промышленности, можно удлинить список до бесконечности.

тализм, оплакивал фабрику (точь-в-точь как оплакивал ее Сисмонди), но он не сделал даже попытки изучить то преобразование общественных условий, которое совершила фабрика *). Для этого потребовалось бы ведь именно сравнение машинной индустрии с предшествующими стадиями, которые у г. Н.—она отсутствуют. Точно так же точка зрения новейшей теории на машины, как на фактор прогресса данного капиталистического общества,—ему совершенно чужда. Опять-таки он даже и не поставил вопроса об этом **), да и не мог поставить, ибо этот вопрос является лишь результатом исторического изучения смены одной формы капитализма другою, а у г. Н.—она «капитализм» tout court сменяет... «народное производство».

Если бы мы на основании «исследования» г. Н.—она о капитализации текстильной индустрии в России задали вопрос: как смотрит г. Н.—он на машины?—то мы не могли бы получить другого ответа, кроме того, с которым знакомы уже по Сисмонди. Г. Н.—он признает, что машины повышают производительность труда (еще бы этого не признавать!),—как и Сисмонди это признавал. Г. Н.—он говорит, что вредны не машины, а капиталистическое употребление их,—как и Сисмонди это говорил. Г. Н.—он полагает, что «мы» упустили из виду, вводя машины, что производство должно соответствовать «народной потребительной способности»,—как и Сисмонди это полагал.

И только. Больше г. Н.—он ничего не полагает. О тех вопросах, которые поставила и разрешила новейшая теория, г. Н.—он и знать не хочет, ибо он даже и не попытался рассмотреть ни исторической смены разных форм капиталистического производства в России (хотя бы на взятом примере текстильной индустрии), ни роли машин, как фактора прогресса в данном капиталистическом строе.

Итак, и по вопросу о машинах — этому крупнейшему вопросу теоретической экономии — г. Н.—он стоит на точке зрения Сисмонди. Г. Н. — он рассуждает совершенно как романтик, что́ нисколько не мешает ему, разумеется, цитировать и цитировать.

---

*) Мы просим не забывать, что научное значение этого термина не то, что обыденное. Наука ограничивает его применение только крупной машинной индустрией.

**) Как поставил его, напр., А. Волгин [77]), «Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В. В.)», СПБ., 1896.

Это относится не к одному примеру текстильной индустрии, а ко всем рассуждениям г. Н.—она. Вспомните хоть вышеприведенный пример мукомольного производства. Указание на введение машин служит г. Н.—ону только поводом к сентиментальным сетованиям о том, что это повышение производительности труда не соответствует «народной потребительной способности». Тех преобразований в общественном строе, которые вносит вообще машинная индустрия (и которые она внесла действительно в России), он и не думает разобрать. Вопрос о том, были ли эти машины прогрессом в данном капиталистическом обществе, ему совершенно непонятен.

А сказанное о г. Н.—оне a fortiori *) относится к остальным экономистам-народникам: народничество в вопросе о машинах до сих пор стоит на точке зрения мелко-буржуазного романтизма, заменяя экономический анализ сентиментальными пожеланиями.

X.

Протекционизм [78]).

Последний теоретический вопрос, интересующий нас в системе воззрений Сисмонди,—вопрос о протекционизме. В «Nouveaux Principes» уделено этому вопросу не мало места, но он разбирается там больше с практической стороны—по поводу движения против хлебных законов в Англии. Этот последний вопрос мы разберем ниже, ибо он включает в себе еще другие, более широкие вопросы. Здесь же нас интересует пока лишь точка зрения Сисмонди на протекционизм. Интерес этого вопроса заключается не в каком-нибудь еще новом экономическом понятии Сисмонди, не вошедшем в предыдущее изложение, а в понимании им связи между «экономикой» и «надстройкой». Эфруси уверяет читателей «Р. Б-ва», что Сисмонди—«один из первых и самых талантливых предшественников современной исторической школы», что он восстает «против изолирования экономических явлений от всех других специальных факторов». «В трудах Сисмонди проводится тот взгляд, что хозяйственные явления не должны быть изолируемы от других социальных факторов, что они должны изучаться в связи с фактами социально-политического характера» («Р. Б.», № 8, 38—39). Вот

*) — тем более. Ред.

мы и посмотрим на взятом примере, как понимал Сисмонди связь хозяйственных явлений с социально-политическими.

«Запрещения ввоза,—говорит Сисмонди в главе «о таможнях» (l. IV, ch. XI),—так же неразумны и так же гибельны, как и запрещения вывоза: они изобретены для того, чтобы подарить нации мануфактуру, которой она еще не имела; и нельзя отрицать, что для начинающей индустрии они равняются самой сильной поощрительной премии. Эта мануфактура производит, может-быть, едва сотую часть всего потребляемого нацией количества товаров данного рода; сто покупателей должны будут соперничать друг с другом, чтобы получить товар от единственного продавца, а девяносто девять, которым он откажет, будут вынуждены пробавляться контрабандными товарами. В этом случае потеря для нации будет равна 100, а выгода—равна 1. Какие бы выгоды ни давала нации эта новая мануфактура,—нет сомнения, что их слишком мало, чтобы оправдать столь большие жертвы. Всегда можно бы было найти менее расточительные средства для того, чтобы вызвать к деятельности такую мануфактуру» (I, 440—441).

Вот как просто разрешает этот вопрос Сисмонди: протекционизм «неразумен», ибо «нация» от него теряет!

О какой «нации» говорит наш экономист? С какими хозяйственными отношениями он сопоставляет данный социально-политический факт? Он не берет никаких определенных отношений, он рассуждает вообще о нации, какой она должна бы быть по его представлениям о должном. А эти представления о должном, как мы знаем, построены на исключении капитализма и на господстве мелкого самостоятельного производства.

Но ведь это же совершенная нелепость—сопоставлять социально-политический фактор, относящийся к данному хозяйственному строю и только к нему, с каким-то воображаемым строем. Протекционизм есть «социально-политический фактор» капитализма, а Сисмонди сопоставляет его не с капитализмом, а с какой-то нацией вообще (или с нацией мелких самостоятельных производителей). Он мог бы, пожалуй, сопоставить протекционизм хоть с индийской общиной и получить еще более наглядную «неразумность» и «губительность», но эта «неразумность» относилась бы точно так же к его сопоставлению, а не к протекционизму. Сисмонди приводит детский расчетец, чтобы доказать, что покровительство выгодно очень немногим на счет массы. Но это нечего и доказывать, ибо это явствует уже из самого понятия протекционизма (все равно, будет ли это пря-

мая выдача премии или устранение иностранных конкурентов). Что протекционизм выражает собой общественное противоречие, это—бесспорно. Но разве в хозяйственной жизни того строя, который создал протекционизм, нет противоречий? Напротив, она вся полна противоречий, и Сисмонди сам отмечал эти противоречия во всем своем изложении. Вместо того, чтобы вывести это противоречие из тех противоречий хозяйственного строя, которые он сам же констатировал, Сисмонди игнорирует экономические противоречия, превращая свое рассуждение в совершенно бессодержательное «невинное положение». Вместо того, чтобы сопоставить это учреждение, служащее, по его словам, выгоде небольшой группы, с положением этой группы во всем хозяйстве страны и с интересами этой группы, он сопоставляет его с абстрактным положением об «общем благе». Мы видим, следовательно, что в противоположность утверждению Эфруси Сисмонди именно изолирует хозяйственные явления от остальных (рассматривая протекционизм вне связи с хозяйственным строем) и совершенно не понимает связи между экономическими и социально-политическими фактами. Приведенная нами тирада содержит все, что он может дать, как теоретик, по вопросу о протекционизме: остальное лишь пересказ этого. «Сомнительно, чтобы правительства вполне понимали, какой ценой они покупают эту выгоду (развитие мануфактур) и те странные жертвы, какие они налагают на потребителей» (I, 442—443). «Правительства Европы желали насиловать природу» (faire violence à la nature). Какую природу? Не природу ли капитализма «насилует» протекционизм? «Нацию принудили, так-сказать (en quelque sorte), к ложной деятельности» (I, 448). «Некоторые правительства дошли до того, что платят своим купцам, чтобы дать им возможность продавать дешевле; чем более странна эта жертва, чем более она противоречит самым простым расчетам, тем более приписывают ее высшей политике... Правительства платят своим купцам на счет своих подданных» (I, 422) и т. п., и т. п. Вот какими рассуждениями угощает нас Сисмонди! В других местах он, делая как бы вывод из этих рассуждений, называет капитализм «искусственным» и «насажденным» (I, 379 opulence factice), «тепличным» (II, 456) и т. п. Начавши с подстановки невинных пожеланий на место анализа данных противоречий, он приходит к прямому извращению действительности в угоду этих пожеланий. Выходит, что капиталистическая промышленность, которую так усердно «поддерживают», слаба, беспочвенна и т. п., не играет преобладающей роли в хозяйстве стра-

ны, что эта преобладающая роль принадлежит, следовательно, мелкому производству, и т. д. Тот несомненный и неоспоримый факт, что протекционизм создан лишь определенным хозяйственным строем и определенными противоречиями этого строя, что он выражает реальные интересы реального класса, играющего преобладающую роль в народном хозяйстве,— превращает в ничто, даже в свою противоположность посредством нескольких чувствительных фраз! Вот еще образчик (по поводу протекционизма земледельческого,—I, 265, глава о хлебных законах):

«Англичане представляют нам свои крупные фермы единственным средством улучшить агрикультуру, т.-е. доставить себе большее изобилие сельскохозяйственных продуктов по более дешевой цене, — а на самом деле они, как-раз наоборот, производят их дороже»...

Замечательно характерен этот отрывок, так рельефно показывающий те приемы романтических рассуждений, которые усвоены целиком русскими иародниками! Факт развития фермерства и техническго прогресса, связанного с ним, изображается в виде преднамеренно введенной системы: англичане (т.-е. английские экономисты) представляют эту систему усовершенствования агрикультуры единственным средством. Сисмонди хочет сказать, что «могли бы быть» и другие средства понять ее, помимо фермерства, т.-е. опять-таки «могли бы быть» в каком-нибудь абстрактном обществе, а не в том реальном обществе определенного исторического периода,—«обществе», основанном на товарном хозяйстве, о котором говорят английские экономисты и о котором должен бы был говорить и Сисмонди. «Улучшение агрикультуры, *то-есть* доставление себе (нации?) большого обилия продуктов». Вовсе не «то-есть». Улучшение агрикультуры и улучшение условий питания массы вовсе не одно и то же; несовпадение того или другого не только возможно, но и необходимо в том строе хозяйства, от которого Сисмонди с таким усердием хочет отговориться. Напр., увеличение посевов картофеля может означать повышение производительности труда в земледелии (введение корнеплодов) и увеличение сверхстоимости—на-ряду с ухудшением питания рабочих. Это все та же манера народника... то-бишь, романтика, отговариваться фразами от противоречий действительной жизни.

«На самом деле,—продолжает Сисмонди,—эти фермеры, столь богатые, столь интеллигентные, столь поддерживаемые (secondés) всяким прогрессом наук, у которых упряжка так красива,

изгороди так прочны, поля так чисто вычищены от сорных трав,—не могут выдержать конкуренции жалкого польского крестьянина, невежественного, забитого рабством, ищущего утешения лишь в пьянстве, агрикультура которого находится еще в детском состоянии искусства. Хлеб, собранный в центре Польши, заплатив фрахт за много сот льё и по рекам, и по суше, и по морю, заплатив ввозные пошлины в 30 и 40% своей стоимости,—все-таки дешевле хлеба самых богатых графств Англии» (I, 265). «Английских экономистов смущает этот контраст». Они ссылаются на подати и т. п. Но дело не в этом. «Самая система эксплоатации дурна, основана на опасном базисе... Эту систему недавно все писатели выставляли предметом, достойным нашего восхищения, но мы должны, наоборот, хорошенько ознакомиться с ней, чтобы остеречься подражать ей» (I, 266).

Не правда ли, как бесконечно наивен этот романтик, выставляющий английский капитализм (фермерство) неправильной системой экономистов, воображающий, что «смущение» экономистов, закрывающих глаза на противоречия фермерства, есть достаточный аргумент против фермеров? Как поверхностно его понимание, ищущее объяснения хозяйственным процессам не в интересах различных групп, а в заблуждениях экономистов, писателей, правительств! Добрый Сисмонди хочет усовестить и устыдить английских фермеров, а с ними и континентальных, чтобы они не «подражали» таким «дурным» системам!

Не забывайте, впрочем, что это писано 70 лет тому назад, что Сисмонди наблюдал первые шаги этих совершенно еще новых тогда явлений. Его наивность еще извинительна, ибо и экономисты-классики (его современники) с неменьшей наивностью считали эти новые явления продуктом вечных и естественных свойств человеческой природы. Но мы спрашиваем, прибавили ли наши народники хоть одно оригинальное словечко к аргументам Сисмонди в своих «возражениях» против развивающегося капитализма в России?

Итак, рассуждения Сисмонди о протекционизме показывают, что ему совершенно чужда историческая точка зрения. Напротив, он рассуждает так же, как и философы и экономисты XVIII века, совершенно абстрактно, отличаясь от них лишь тем, что нормальным и естественным объявляет не буржуазное общество, а общество мелких, самостоятельных производителей. Поэтому он совершенно не понимает связи протекционизма с определенным хозяйственным строем и отделывается от этого противоречия в социально-политической области такими же чувствительными

фразами о «ложности», «опасности», ошибочности, неразумности и т. п., какими он отделывается и от противоречий в жизни хозяйственной. Поэтому он крайне поверхностно изображает дело, предоставляя вопрос о протекционизме и фритредерстве[79]) вопросом о «ложном» и «правильном» пути (т.-е., по его терминологии, вопросом о капитализме или о некапиталистическом пути).

Новейшая теория вполне раскрыла эти заблуждения, показав связь протекционизма с определенным историческим строем общественного хозяйства, с интересами главенствующего в этом строе класса, встречающими поддержку правительств. Она показала, что вопрос о протекционизме и свободе торговли есть вопрос между предпринимателями [иногда между предпринимателями разных стран, иногда между различными фракциями предпринимателей данной страны][80]).

Сравнивая с этими двумя точками зрения на протекциозном отношение к нему экономистов-народников, мы видим, что они целиком стоят и в этом вопросе на точке зрения романтиков, сопоставляя протекционизм не с капиталистической, а с какой-то абстрактной страной, с «потребителями» tout court, объявляя его «ошибочной» и «неразумной» поддержкой «тепличного» капитализма и т. д. В вопросе, напр., о беспошлинном ввозе сельскохозяйственных машин, вызывающем конфликт индустриальных и сельскохозяйственных предпринимателей, народники, разумеется, горой стоят за сельских... предпринимателей. Мы не хотим сказать, чтобы они были неправы. Но это—вопрос факта, вопрос данного исторического момента, вопрос о том, какая фракция предпринимателей выражает более общие интересы развития капитализма. Если народники и правы, то, конечно, уже не потому, что наложение пошлин означает «искусственную» «поддержку капитализма», а сложение их—поддержку «исконного» народного промысла, а просто потому, что развитие земледельческого капитализма (нуждающегося в машинах), ускоряя вымирание средневековых отношений в деревне и создание внутреннего рынка для индустрии, означает более широкое, более свободное и более быстрое развитие капитализма вообще.

Мы предвидим одно возражение по поводу этого причисления народников к романтикам по данному вопросу. Скажут, пожалуй, что тут необходимо выделить г. Н.—она, который ведь прямо говорит, что вопрос о свободе торговли и протекционизме есть вопрос капиталистический, и говорит это не раз, который даже «цитирует»... Да, да, г. Н.—он даже цитирует! Но если нам приведут это место его «Очерков», то мы приведем другие места,

где он объявляет поддержку капитализма «насаждением» (и притом в «Итогах и выводах»! стр. 331, 323, также 283), объясняет поощрение капитализма «гибельным заблуждением», тем, что «мы упустили из виду», «мы забыли», «нас омрачили» и т. п. (стр. 298. Сравните Сисмонди!). Каким образом совместить это с утверждением, что поддержка капитализма (вывозными премиями) есть «одно из множества противоречий, которыми кишит наша хозяйственная жизнь*); оно, как и все остальные, обязано существованием форме, принимаемой всем производством» (стр. 286)? Заметьте: всем производством! Мы спрашиваем любого беспристрастного человека, на какой точке зрения стоит этот писатель, объясняющий поддержку «формы, принимаемой всем производством,—«заблуждением»? На точке зрения Сисмонди или научной теории? «Цитаты» г. Н.—она и здесь (как и в вышеразобранных вопросах) оказываются сторонними, неуклюжими вставками, ничуть не выражающими действительного убеждения о применимости этих «цитат» к русской действительности. «Цитаты» г. Н.—она, это — вывеска новейшей теории, вводящая лишь в заблуждение читателей. Это—неловко надетый костюм «реалиста», за которым прячется чистокровный романтик **).

XI.

Общее значение Сисмонди в истории политической экономии.

Мы ознакомились теперь со всеми главнейшими положениями Сисмонди, относящимся к области теоретической экономии. Подводя итоги, мы видим, что Сисмонди остается везде безусловно верен себе, что его точка зрения неизменна. По всем пунктам он отличается от классиков тем, что указывает противоречия капитализма. Это—с одной стороны. С другой стороны, ни по

---

*) Точно так же, как «Очерки» «кишат» воззваниями к «нам», восклицаниями: «мы» и т. п. фразами, игнорирующими эти противоречия.

**) Мы подозреваем, не считает ли г. Н.—он эти «цитаты» талисманом, защищающим его от всякой критики? Иначе трудно объяснить себе то обстоятельство, что г. Н.—он, зная от г.г. Струве и Туган-Барановского о сопоставлении его учения с доктриной Сисмонди, «цитировал» в одной из статей своих в «Р. Б-ве» [81]) отзыв представителя новой теории, относящего Сисмонди к мелкобуржуазным реакционерам и утопистам. Должно быть, он глубоко уверен, что подобной «цитатой» он «опроверг» сопоставление своей собственной особы с Сисмонди.

одному пункту он не может (да и не хочет) провести дальше анализ классиков и потому ограничивается сентиментальной критикой капитализма с точки зрения мелкого буржуа. Такая замена научного анализа сентиментальными жалобами и сетованиями обусловливает у него чрезвычайную поверхностность понимания. Новейшая теория, восприняв указания на противоречия капитализма, распространила и на них научный анализ и пришла по всем пунктам к выводам, которые коренным образом расходятся с выводами Сисмонди и потому приводят к диаметрально-противоположной точке зрения на капитализм.

В «Критике некоторых положений политической экономии» («Zur Kritik», рус. пер., М. 1896 г.) общее значение Сисмонди в истории науки охарактеризовано так:

«Сисмонди уже освободился от представления Буагильбера[82]), что труд, составляющий источник меновой ценности, искажается деньгами, но он нападает на крупный промышленный капитал точно так же, как Буагильбер—на деньги» (стр. 36).

Автор хочет сказать: как Буагильбер поверхностно смотрел на товарный обмен, как на естественный строй, восставая против денег, в которых он видел «чуждый элемент» (стр. 30, ibid.), так и Сисмонди смотрел на мелкое производство, как на естественный строй, восставая против крупного капитала, в котором он видел чуждый элемент. Буагильбер не понимал неразрывной и естественной связи денег с товарным обменом, не понимал, что противополагает, как чуждые элементы, две формы «буржуазного труда» (ibid., 30—31), Сисмонди не понимал неразрывной и естественной связи крупного капитала с мелким самостоятельным производством, не понимал, что это—две формы товарного хозяйства. Буагильбер, «восставая против буржуазного труда в одной его форме», «впадая в утопию, возводит его в апофеоз в другой» (ibid). Сисмонди восставал против крупного капитала, т.-е. против товарного хозяйства в одной форме, именно наиболее развитой, впадая в утопию, возводил в апофеоз мелкого производителя (особенно крестьянство), т.-е. товарное хозяйство в другой, только зачаточной форме.

«Если политическая экономия, — продолжает автор «Критики»,—в виде Рикардо беспощадно выводит свое последнее заключение и этим завершается, то Сисмонди дополняет этот результат, представляя на себе самом ее сомнения» (стр. 36).

Таким образом, автор «Критики» сводит значение Сисмонди к тому, что он выдвинул вопрос о противоречиях капитализма и таким образом поставил задачу дальнейшему анализу.

Все самостоятельные воззрения Сисмонди, который хотел также ответить на этот вопрос, признаются цитируемым автором ненаучными, поверхностными и отражающими его реакционную мелко-буржуазную точку зрения (см. вышеприведенные отзывы и один отзыв ниже, в связи с «цитатой» Эфруси).

Сравнивая доктрину Сисмонди с народничеством, мы видим по всем почти пунктам (за исключением отрицания теории ренты Рикардо и мальтузианских наставлений крестьянам) поразительное тождество, доходящее иногда до одинаковости выражений. Экономисты народники стоят целиком на точке зрения Сисмонди. Мы еще более убедимся в этом ниже, когда перейдем от теории к воззрениям Сисмонди на практические вопросы.

Что касается, наконец, до Эфруси, то он ни по одному пункту не дал правильной оценки Сисмонди. Указывая на подчеркивание противоречий капитализма и осуждение их у Сисмонди, Эфруси совершенно не понял ни резкого отличия его теории от теории научного материализма, ни диаметральной противоположности романтической и научной точки зрения на капитализм. Симпатия народника к романтику, трогательное единодушие их помешало автору статей в «Русск. Богат.» правильно охарактеризовать этого классического представителя романтизма в экономической науке.

Мы привели сейчас отзыв о Сисмонди, что «он в себе самом представлял сомнения» классической экономии.

Но Сисмонди и не думал ограничиваться такой ролью (которая дает ему почетное место среди экономистов). Он, как мы видели, пытался разрешать сомнения и пытался крайне неудачно. Мало того, он обвинял классиков и их науку не за то, что она остановилась перед анализом противоречий, а за то, что она будто бы следовала неверным приемам. «Старая наука не учит нас ни понимать, ни предупреждать» новые бедствия (I, XV), говорит Сисмонди в предисловии ко 2-му изданию своей книги, объясняя этот факт не тем, что анализ этой науки неполон и непоследователен, а тем, что она будто бы «ударилась в абстракции» (I, 55: новые ученики А. Смита в Англии бросились (se sont jetés) в абстракции, забывая о «человеке»)—и «идет по ложному пути» (II, 448). В чем же состоят обвинения Сисмонди против классиков, позволяющие ему сделать такой вывод?

«Экономисты, наиболее знаменитые, слишком мало обращали внимания на потребление и на сбыт» (I, 124).

Это обвинение повторялось со временем Сисмонди бесчисленное множество раз. Считали нужным выделять «потребление» от

«производства», как особый отдел науки; говорили, что производство зависит от естественных законов, тогда как потребление определяется распределением, зависящим от воли людей, и т. п. и т. п. Как известно, наши народники держатся тех же идей, выделяя на первое место распределение *).

Какой же смысл в этом обвинении? Оно основано лишь на крайне ненаучном понимании самого предмета политической экономии. Ее предмет вовсе не «производство материальных ценностей», как часто говорят (это—предмет технологии), а—общественные отношения людей по производству. Только понимая «производство» в первом смысле, и можно выделять от него особо «распределение», и тогда в «отделе» о производстве, вместо категорий исторически определенных форм общественного хозяйства, фигурируют категории, относящиеся к процессу труда вообще: обыкновенно такие бессодержательные банальности служат лишь потом к затушевыванию исторических и социальных условий. (Пример—хоть понятие о капитале). Если же мы последовательно будем смотреть на «производство», как на общественные отношения по производству, то и «распределение», и «потребление» потеряют всякое самостоятельное значение. Раз выяснены отношения по производству,—тем самым выяснилась и доля в продукте, приходящаяся отдельным классам, а следовательно, «распределение» и «потребление». И наоборот, при невыясненности производственных отношений (напр., при непонимании процесса производства всего общественного капитала в его целом) всякие рассуждения о потреблении и распределении превращаются в банальности или невинные романтические

---

*) Само собою разумеется, что Эфруси также не преминул выхвалять и за это Сисмонди. «В учении Сисмонди важны,—читаем мы в «Р. Б.», № 8, стр. 56,—не столько отдельные, специальные меры, предлагавшиеся им, сколько общий дух, которым проникнута вся его система. Вопреки классической школе, он выдвигает с особенной силой интересы распределения, а не интересы производства». Вопреки своим повторным «ссылкам» на «новейших» экономистов, Эфруси абсолютно не понял их учения и продолжает возиться с сентиментальным вздором, характеризующим примитивную критику капитализма. Наш народник и здесь хочет спастись тем, что сопоставляет Сисмонди с «многими видными представителями исторической школы»; оказывается, что «Сисмонди ушел дальше» (с. 56 ibid.), и Эфруси совершенно этим удовлетворяется! «Ушел дальше» немецких профессоров—чего же вам еще надо? Подобно всем народникам, Эфруси старается перенести центр тяжести на то, что Сисмонди критиковал капитализм. О том, что критика капитализма бывает разная, что критиковать капитализм можно и с сентиментальной и с научной точки зрения,—экономист «Р. Б-ва», видимо, не имеет понятия.

пожелания. Сисмонди—родоначальник подобных толков. Ротбертус тоже много говорил о «распределении национального продукта», «новейшие» авторитеты Эфруси созидали даже особые «школы», одним из принципов которых было особое внимание к распределению *). И все эти теоретики «распределения» и «потребления» не сумели разрешить даже основного вопроса об отличии общественного капитала от общественного дохода, все продолжали путаться в противоречиях, перед которыми остановился А. Смит **). Проблему удалось решить лишь экономисту, никогда не выделявшему особо распределения, протестовавшему самым энергичным образом против «вульгарных» рассуждений о «распределении» (ср. П. Струве, Кр. заметки, стр. 129, эпиграф к IV гл.). Мало того. Самое разрешение проблемы состояло в анализе воспроизводства общественного капитала. Ни о потреблении, ни о распределении автор и не ставил особого вопроса; но и то и другое выяснилось вполне само собой после того, как доведен был до конца анализ производства.

«Научный анализ капиталистического способа производства доказывает, что... условия распределения, по сущности своей тождественные с условиями производства, составляют оборотную сторону этих последних, так что и те и другие носят одинаково тот же самый исторически преходящий характер». «Заработная плата предполагает наемный труд, прибыль—капитал. Эти определенные формы распределения предполагают, следовательно, определенные общественные черты (Charaktere) условий производства и определенные общественные отношения агентов производства. Определенное отношение распределения есть, следовательно, лишь выражение исторически-определенного отношения производства»... «Каждая форма распределения исчезает вместе

---

*) Весьма справедливо Ингрем [83]) сближает Сисмонди с «катедер-социалистами» (с. 212 «Истории пол. эк.», М. 1891), заявляя наивно: «Мы уже (!!) примкнули к воззрению Сисмонди на государство, как на такую силу, которая должна заботиться... о распространении благ общественного соединения и новейшего прогресса, по возможности, на все классы общества» (215). Какой глубиной отличаются эти «воззрения» Сисмонди, мы уже видели на примере протекционизма.

**) См., напр., статью «Доход» Р. Мейера [84]) в «Handw. der St.» (русск. пер. в сборнике «Промышленность»), излагающую всю беспомощную путаницу в рассуждениях «новейших» немецких профессоров об этом предмете. Оригинально, что Р. Мейер, опираясь прямо на Ад. Смита и приводя в указании литературы ссылку на те самые главы II тома «Капитала», в которых содержится полное опровержение Смита, не упоминает об этом в тексте.

с определенной формой производства, которой она соответствует и из которой проистекает».

«То воззрение, которое рассматривает исторически лишь отношения распределения, но не отношения производства, с одной стороны, есть лишь воззрение зарождающейся, еще робкой (непоследовательной, befangen) критики буржуазной экономии. С другой же стороны, оно основано на смешении и отождествлении общественного процесса производства с простым процессом труда, который должен совершать и искусственно изолированный человек без всякой общественной помощи. Поскольку процесс труда есть лишь процесс между человеком и природой,—его простые элементы остаются одинаковыми для всех общественных форм развития. Но каждая определенная историческая форма этого процесса развивает далее материальные основания и общественные формы его» («Капитал», т. III, 2, стр. 410, 415, 420 немецк. ориг.) *).

Не более посчастливилось Сисмонди и в другого рода нападках на классиков, занимающих еще больше места в его «Nouveaux Principes». «Новые ученики А. Смита в Англии бросились в абстракции, забывая о человеке»... (I, 55). Для Рикардо «богатство — все, а люди — ничто» (II, 331). «Они (экономисты, защищающие свободу торговли) часто приносят людей и реальные интересы в жертву абстрактной теории» (II, 457) и т. п.

Как стары эти нападки и в то же время как они новы! Я имею в виду обновление их народниками, поднявшими такой шум по поводу открытого признания капиталистического развития России за настоящее, действительное и неизбежное развитие ее. Не то же ли самое повторяли они на разные лады, крича об «апологии власти денег», о «социал-буржуазности» и т. п.? И к ним еще в гораздо большей степени, чем к Сисмонди, приложимо замечание, сделанное по адресу сентиментальной критики капитализма вообще: Man schreie nicht zu sehr über den Zinismus! Der Zinismus liegt in der Sache, nicht in den Worten, welche die Sache bezeichnen! Не кричите очень о цинизме! цинизм заключается не в словах, описывающих действительность, а в самой действительности!

«Еще в гораздо большей степени»,—говорим мы. Это—по-

---

*) Стр. 407—8, 411—12, 413 русск. издания под ред. В. Базарова и И. Степанова, 1908 г. Ред.

тому, что романтики западно-европейские не имели перед собой научного анализа противоречий капитализма, что они впервые указывали на эти противоречия, что они громили («жалкими словами», впрочем) людей, не видевших этих противоречий.

Сисмонди обрушивался на Рикардо за то, что тот с беспощадной откровенностью делал все выводы из наблюдения и изучения буржуазного общества: он формулировал открыто и существование производства ради производства и превращение рабочей силы в товар, на который смотрят так же, как на всякий другой товар,—и то, что для «общества» важен только чистый доход, т.-е. только величина прибыли*). Но Рикардо говорил совершенную правду: на деле все обстоит именно так. Если эта истина казалась Сисмонди «низкой истиной», то он должен бы был искать причин этой низости совсем не в теории Рикардо и нападать совсем не на «абстракции»; его восклицания по адресу Рикардо относятся целиком к области «нас возвышающего обмана».

Ну, а наши современные романтики? Думают ли они отрицать действительность «власти денег»? Думают ли они отрицать, что эта власть всемогущая не только среди промышленного населения, но и среди земледельческого, в какой угодно «общинной», в какой угодно глухой деревушке? Думают ли они отрицать необходимую связь этого факта с товарным хозяйством? Они и не

---

*) Эфруси, напр., с важным видом повторяет сентиментальные фразы Сисмонди о том, что увеличение чистого дохода предпринимателя не есть выигрыш для народного хозяйства и т. п., упрекая его лишь в том, что он «сознавал» это «еще не вполне ясно» (стр. 43, № 8).

Не угодно ли сравнить с этим результаты научного анализа капитализма:

Валовой доход (Roheinkommen) общества состоит из заработной платы+прибыль+рента. Чистый доход (Reineinkommen) это—сверхстоимость.

«Если рассматривать доход всего общества, то национальный доход состоит из заработной платы, плюс прибыль, плюс рента, т.-е. из валового дохода. Однако, такое воззрение является лишь абстракцией в том отношении, что все общество, на основе капиталистического производства, становится на капиталистическую точку зрения и считает чистым доходом лишь доход, состоящий из прибыли и ренты» [III, 2, 375—6 («Капитал» том III, 2 часть, стр. 369—370 русск. изд., под ред. Базарова и И. Степанова, 1908. Ред.)].

Таким образом автор вполне примыкает к Рикардо и его определению «чистого дохода» «общества»,—к тому самому определению, которое вызвало «знаменитое возражение» Сисмонди («Р. Б., № 8, стр. 44): «Как? Богатство—все, а люди—ничто?» (II, 331). В современном обществе—конечно, да.

пытались подвергать это сомнению. Они просто стараются не говорить об этом. Они боятся назвать вещи их настоящим именем.

И мы вполне понимаем их боязнь: открытое признание действительности отняло бы всякую почву у сентиментальной (народнической) критики капитализма. Неудивительно, что они так страстно бросаются в бой, не успев даже вычистить заржавленное оружие романтизма. Неудивительно, что они не разбирают средств и хотят враждебность к сентиментальной критике выставить враждебностью к критике вообще. Ведь они борются за свое право на существование.

Сисмонди пытался даже возвести свою сентиментальную критику в особый метод социальной науки. Мы уже видели, что он попрекал Рикардо не тем, что его объективный анализ остановился перед противоречиями капитализма (этот упрек был бы основателен), а именно тем, что это—анализ объективный. Сисмонди говорил, что Рикардо «забывает о человеке». В предисловии ко второму изданию «Nouveaux Principes» встречаем такую тираду:

«Я считаю необходимым протестовать против обычных, столь часто легкомысленных, столь часто важных приемов суждения о сочинении, касающемся социальных наук. Проблема, подлежащая их разрешению, несравненно сложнее, чем все проблемы наук естественных; в то же время эта проблема обращается к сердцу точно так же, как к разуму» (I, XVI). Как знакомы русскому читателю эти идеи о противоположности естественных и социальных наук, об обращении последних «к сердцу»!*). Сисмонди

*) «Политическая экономия—наука не простого расчета (n'est pas une science de calcul), а наука моральная... Она ведет к цели лишь тогда, когда приняты во внимание чувства, потребности и страсти людей» (I, 313). Эти чувствительные фразы, в которых Сисмонди точно так же, как русские социологи субъективной школы в своих совершенно аналогичных восклицаниях, видит новые понятия о социальной науке,—показывают на самом деле, в каком еще детски примитивном состоянии находилась критика буржуазии. Разве научный анализ противоречий, оставаясь строго объективным «расчетом», не дает именно твердой основы для понимания «чувств, потребностей и страстей» и притом страстей не «людей» вообще,—этой абстракции, которую и романтик и народник наполняют специфически мелкобуржуазным содержанием,—а людей определенных классов? Но дело в том, что Сисмонди не мог теоретически опровергнуть экономистов и потому ограничивался сентиментальными фразами. «Утопический дилетантизм вынужден делать теоретические уступки всякому более или менее ученому защитнику буржуазного порядка. Чтобы загладить возникающее у него сознание своего бессилия, утопист утешает себя, упрекая своих противников в объективности: положим, дескать, вы ученее меня, но зато я добрее» (Бельтов [85]), стр. 43).

высказывает здесь те самые мысли, которым предстояло через несколько десятилетий быть «вновь открытыми» на дальнем востеке Европы «русской школой социологов» и фигурировать в качестве особого «субъективного метода в социологии»... Сисмонди апеллирует, разумеется,—как и наши отечественные социологи,—«к сердцу так же, как к разуму» *). Но мы видели уже как по всем важнейшим проблемам «сердце» мелкого буржуа торжествовало над «разумом» теоретика-экономиста.

---

*) Точно «проблемы», вытекающие из естественных наук, не обращаются тоже «к сердцу»?!

ГЛАВА II.

Характер критики капитализма у романтиков.

«Разумом» Сисмонди мы уже достаточно занимались. Посмотрим теперь поближе на его «сердце». Попытаемся собрать воедино все указания на его точку зрения (которую мы изучали до сих пор лишь как элемент, соприкасающийся с теоретическими вопросами), на его отношение к капитализму, на его общественные симпатии, на его понимание «социально-политических» задач той эпохи, которой он был участником.

I.

Сентиментальная критика капитализма.

Отличительной чертой той эпохи, когда писал Сисмонди, было быстрое развитие обмена (денежного хозяйства — по современной терминологии), особенно резко сказавшееся после уничтожения остатков феодализма французской революцией. Сисмонди, не обинуясь, осуждал это развитие и усиление обмена, нападал на «роковую конкуренцию», призывая «правительство защищать население от последствий конкуренции» (ch. VIII. I. VII) и т. п. «Быстрые обмены портят добрые нравы народа. Постоянные заботы о выгодной продаже не обходятся без покушений запрашивать и обманывать, и чем труднее существовать тому, кто живет постоянными обменами, тем более подвергается он искушению пустить в ход обман» (I, 169). Вот какая наивность требовалась для того, чтобы нападать на денежное хозяйство так, как нападают наши народники! «...Богатство коммерческое есть лишь второе по важности в экономическом строе; и богатство территориальное (territoriale—земельное), дающее средства существования, должно возрастать первым. Весь этот многочисленный класс, живущий торговлей, должен получать часть продуктов земли

лишь тогда, когда эти продукты существуют; он (этот класс) должен возрастать лишь постольку, поскольку возрастают также и эти продукты» (I, 322—323). Ушел ли хоть на шаг вперед от этого патриархального романтика г. Н.—он, изливающий на целых страницах жалобы на то, что рост торговли и промышленности обгоняет развитие земледелия? Эти жалобы романтика и народника свидетельствуют лишь о совершенном непонимании капиталистического хозяйства. Может ли существовать такой капитализм, при котором бы развитие торговли и промышленности *не* обгоняло земледелия? Ведь рост капитализма есть рост товарного хозяйства, то-есть общественного разделения труда, отрывающего от земледелия один за другм вид обработки сырья, первоначально связанный с добыванием сырья, обработкой и потреблением его в одно натуральное хозяйство. Поэтому везде и всегда капитализм означает более быстрое развитие торговли и промышленности сравнительно с земледелием, более быстрый рост торгово-промышленного населения, больший вес и значение торговли и промышленности в общем строе общественного хозяйства*). Иначе не может быть. И г. Н.—он, повторяя подобные жалобы, доказывает этим еще и еще раз, что он в своих экономических воззрениях не пошел дальше поверхностного, сентиментального романтизма. «Это неразумный дух предпринимательства (esprit d'entreprise), этот излишек всякого рода торговли, который вызывает такую массу банкротств в Америке, обязан своим существованием, без всякого сомнения, увеличению числа банков и той легкости, с которой обманчивый кредит становится на место реального имущества» (fortune réelle) (II, 111), и т. д. и т. д. без конца.Воимя чего же нападал Сисмонди на денежное хозяйство (и капитализм)? Что он противопоставляет ему? Мелкое самостоятельное производство, натуральное хозяйство крестьян в деревне, ремесло—в городе. Вот как говорит он о первом в главе «О патриархальном сельском хозяйстве» (ch. III, l. III, De l'exploitation patriarchale—о патриархальной эксплоатации земли. Книга 3-я трактует о «территориальном», или земельном богатстве):

«Первые собственники земли сами были пахарями, они исполняли все полевые работы трудом своих детей и своих слуг. Ни

---

*) Всегда и везде при капиталистическом развитии земледелие остается позади торговли и промышленности, всегда оно подчинено им и эксплоатируется ими, всегда оно лишь позднее втягивается ими на стезю капиталистического производства.

одна социальная организация*) не гарантирует большего участия и больших добродетелей наиболее многочисленному классу нации, большего довольства (opulence) всем, большей прочности общественному порядку... В странах, где земледелец есть собственник (où le fermier est propriétaire), и где продукты принадлежат целиком (sans partage) тем самым людям, которые произвели все работы, т.-е. в странах, сельское хозяйство которых мы называем патриархальным,—мы видим на каждом шагу следы любви земледельца к дому, в котором он живет, к земле, за которой он ухаживает... Самый труд для него удовольствие... В счастливых странах, где земледелие — патриархальное, изучается особая природа каждого поля, и эти познания переходят от отца к сыну... Крупное фермерское хозяйство, руководимое более богатыми людьми, поднимется, может быть, выше предрассудков и рутины. Но познания (l'intelligence, т.-е. познания в сельском хозяйстве) не дойдут до того, кто сам работает, и будут применены хуже... Патриархальное хозяйство улучшает нравы и характер этой столь многочисленной части нации, на которой лежат все земледельческие работы. Собственность создает привычки порядка и бережливости, постоянное довольство уничтожает вкус к обжорству (gourmandise) и к лакомству... Вступая в обмен почти с одной только природой, он (земледелец) имеет меньше, чем всякий другой промышленный рабочий, поводов не доверять людям и пускать в ход против них оружие недобросовестности» (I, 165—170). «Первые фермеры были простыми пахарями; они своими руками исполняли большую часть земледельческих работ; они соразмеряли свои предприятия с силами своих семей... Они не переставали быть крестьянами: сами ходят за сохой (tiennent eux-mêmes les cornes de leur charrue); сами ухаживают за скотом и в поле и в конюшне: живут на чистом воздухе, привыкая к постоянному труду и к скромной пище, которые создают крепких граждан и бравых сол-

---

*) Заметьте, что Сисмонди—точь в точь как наши народники—превращает сразу самостоятельное хозяйство крестьян в «социальную организацию». Явная передержка. Что же связывает вместе этих крестьян разных местностей? Именно разделение общественного труда и товарное хозяйство, заменившее связи феодальные. Сразу сказывается возведение в утопию одного члена в строе товарного хозяйства и непонимание остальных членов. Сравните у г. Н.—она,, стр. 322: «Форма промышленности, основанная на владении крестьянством орудиями производства». О том, что это владение крестьянством орудиями производства является—и исторически и логически—исходным пунктом именно капиталистического производства, г. Н.—он и не подозревает!

дат *). Они почти никогда не употребляют, для совместных работ, поденных рабочих, а только слуг (des domestiques), выбранных всегда среди своих равных, с которыми обходятся как с равными, едят за одним столом, пьют то же вино, одеваются в то же платье. Таким образом земледельцы с своими слугами составляют один класс крестьян, одушевленных теми же чувствами, разделяющих те же удовольствия, подвергающихся тем же влияниям, связанных с отечеством такими же узами» (I, 221).

Вот вам и пресловутое «народное производство»! И пусть не говорят, что у Сисмонди нет понимания необходимости соединить производителей: он говорит прямо (см. ниже), что «он точно так же (как и Фурье, Оуэн, Томпсон, Муирон)[87]) желает ассоциации» (II, 365). Пусть не говорят, что он стоит именно за собственность; напротив, центр тяжести у него мелкое хозяйство (ср. II, 355), а не мелкая собственность. Понятно, что эта идеализация мелкого крестьянского хозяйства принимает отличный вид при других исторических и бытовых условиях. Но и романтизм и народничество взводят в апофеоз именно мелкое крестьянское хозяйство—это не подлежит сомнению.

Точно так же идеализирует Сисмонди и примитивное ремесло и цехи.

«Деревенский сапожник, который в то же время и купец, и фабрикант, и работник, не сделает ни одной пары сапогов, не получив заказа» (II, 262), тогда как капиталистическая мануфактура, не зная спроса, может потерпеть крах. Несомненно, и с теоретической и с фактической стороны, что учреждение цехов (corps de métier) препятствовало и должно было препятствовать образованию избыточного населения. Точно так же несомненно что такое население существует в настоящее время, и что оно есть необходимый результат современного строя» (I, 431). Подобных выписок можно было бы привести очень много, но мы откладываем разбор практических рецептов Сисмонди до дальнейшего. Здесь же ограничимся приведенным, чтобы вникнуть в точку зрения Сисмонди. Приведенные рассуждения можно резюмировать так: 1) денежное хозяйство осуждается за то, что оно разрушает обеспеченное положение мелких производителей и их взаимное сближение (в форме ли близости ремесленника к потребителю или земледельца к равным ему земледельцам);

---

*) Сравните, читатель, с этими сладенькими рассказами бабушки того «передового» публициста конца XIX века [86]), которого цитирует г. Струве в своих «Кр. Заметках», стр. 17.

2) мелкое производство превозносится за то, что обеспечивает самостоятельность производителя и устраняет противоречия капитализма. Отметим, что эти обе идеи составляют существенное достояние народничества*) и попытаемся вникнуть в их содержание.

Критика денежного хозяйства романтиками и народниками сводится к констатированию порождаемого им индивидуализма**) и антагонизма (конкуренция), а также необеспеченности производителя и неустойчивости***) общественного хозяйства.

Сначала об «индивидуализме». Обыкновенно противополагают союз крестьян данной общины или ремесленников (или кустарей) данного ремесла — капитализму, разрушающему эти связи, заменяющему их конкуренцией. Это рассуждение повторяет типичную ошибку романтизма, именно: заключение от противоречий капитализма к отрицанию в нем высшей формы общественности. Разве капитализм, разрушающий средневековые общинные, цеховые, артельные и т. п. связи, не ставит на их место других? Разве товарное хозяйство не есть уже связь между производителями, связь, устанавливаемая рынком?***). Антагонистический, полный колебаний и противоречий характер этой связи не дает права отрицать ее существования. И мы знаем, что именно развитие противоречий все сильнее и сильнее обнаруживает силу этой связи, вынуждает все отдельные элементы и классы общества стремиться к соединению и притом соединению уже не в узких пределах одной общины или одного округа, а к соединению всех представителей данного класса во всей нации и даже в различных государствах. Только романтик

---

*) Г. Н.—он и по данному вопросу наговорил такую кучу противоречий, что из нее можно выбрать какие угодно положения, ничем между собой не связанные. Не подлежит, однако, сомнению идеализация крестьянского хозяйства посредством туманного термина: «народное производство». Туман—особенно удобная атмосфера для всяких переряживаний.

**) Ср. Н. —он, стр. 321 inf. и др.

***) Ibid., стр. 335. С. 184: капитализм «лишает устойчивости». И мн. др.

****) «На самом деле выражения: общество, ассоциация это такие наименования, которые можно дать всяческим обществам, как феодальному обществу, так и буржуазному, которое есть ассоциация, основанная на конкуренции. Каким же образом могут существовать писатели, которые считают возможным опровергать конкуренцию одним словом: ассоциация?» [Marx, Das Elend der Philosophie (Маркс. «Нищета философии». Ред.)] Критикуя со всей резкостью сентиментальное осуждение конкуренции, автор выдвигает прямо ее прогрессивную сторону, ее движущую силу, толкающую вперед «прогресс технический и прогресс социальный».

с своей реакционной точки зрения может отрицать существование этих связей и их более глубокое значение, основанное на общности ролей в народном хозяйстве, а не на территориальных, профессиональных, религиозных и т. п. интересах. И если подобное рассуждение заслужило наименование романтика для Сисмонди, писавшего в такую эпоху, когда существование этих новых, порождаемых капитализмом, связей было еще в зародыше, то наши народники и подавно подлежат такой оценке, ибо теперь громадное значение таких связей могут отрицать лишь совсем слепые люди.

Что касается до необеспеченности и неустойчивости и т. п., то это — все та же старая песенка, о которой мы говорили по поводу внешнего рынка. В подобных нападках и сказывается романтик, осуждающий с боязливостью именно то, что выше всего ценит в капитализме научная теория: присущее ему стремление к развитию, неудержимое стремление вперед, невозможность остановиться или воспроизводить хозяйственные процессы в прежних неизменных размерах. Только утопист, сочиняющий фантастические планы расширения средневековых союзов (в роде общины) на все общество, может игнорировать тот факт, что именно «неустойчивость» капитализма и есть громадный прогрессивный фактор, ускоряющий общественное развитие, втягивающий все большие и большие массы населения в водоворот общественной жизни, заставляющий их задумываться над ее строем, заставляющий их самих «ковать счастье».

Фразы г-на Н.—она о «неустойчивости» капиталистического хозяйства, о непропорциональном развитии обмена, о нарушении равновесия между промышленностью и земледелием, между производством и потреблением, о ненормальности кризисов и т. п. свидетельствуют самым неоспоримым образом о том, что он стоит еще целиком на точке зрения романтизма. Поэтому критика европейского романтизма относится к его теории от слова до слова. Вот доказательство:

«Послушаем старика Баугильбера:

«Цена товаров,—говорит он,—должна всегда быть пропорциональной, ибо только такое взаимное соглашение дает возможность им в каждый момент быть снова воспроизводимым... Так как богатство есть не что иное, как этот постоянный обмен между человеком и человеком, между предприятием и предприятием, то было бы ужасным заблуждением искать причины нищеты в чем-либо ином, а не в том нарушении этого обмена, которое вызывается отклонениями от пропорциональных цен».

«Послушаем также одного новейшего*) экономиста:

«Великий закон, который должен быть применен к производству, есть закон пропорциональности (the law of proportion), который один только в состоянии удержать постоянство стоимости... Эквивалент должен быть гарантирован... Все нации в различные эпохи пытались посредством многочисленных торговых регламентов и ограничений осуществить этот закон пропорциональности, хотя бы до известной степени. Но эгоизм, присущий человеческой природе, довел до того, что вся эта система регулирования была ниспровергнута. Пропорциональное производство (proportionale production) есть осуществление истинной социально-экономической-науки» (W. Atkinson, Principles of political eccnomy, London 1840, p. 170 и195).

«Fuit Troja! Это правильная пропорция между предложением и спросом, которая опять начинает становиться предметом столь обильных пожеланий, давным давно перестала существовать. Она пережила себя; она была возможна лишь в те времена, когда средства производства были ограничены, когда обмен происходил в крайне узких границах. С возникновением крупной индустрии эта правильная пропорция должна была необходимо (musste) исчезнуть и производство должно было с необходимостью законов природы проходить постоянную последовательную смену процветания и упадка, кризиса, застоя, нового процветания и так далее.

«Те, кто, подобно Сисмонди, хочет возвратиться к правильной пропорциональности производства и при этом сохранить современные основы общества, суть реакционеры, так как они, чтобы быть последовательными, должны бы были стремиться к восстановлению и других условий промышленности прежних времен.

«Что удерживало производство в правильных, или почти правильных, пропорциях? Спрос, который управлял предложением, предшествовал ему; производство следовало шаг за шагом за потреблением. Крупная индустрия, будучи уже самым характером употребляемых ею орудий вынуждена производить постоянно все в больших и больших размерах, не может ждать спроса. Производство идет впереди спроса, предложение силой берет спрос.

«В современном обществе, в промышленности, основанной на индивидуальном обмене, анархия производства, будучи источником стольких бедствий, есть в то же время причина прогресса.

«Поэтому одно из двух: либо желать правильных пропорций прошлых веков при средствах производства нашего времени.—

---

*) Писано в 1847 г.

и это значить быть реакционером и утопистом вместе в одно и то же время.

«Либо желать прогресса без анархии,—и тогда необходимо отказаться от индивидуального обмена для того, чтобы сохранить производительные силы» (Das Elend der Philosophie, S. 46—48).

Последние слова относятся к Прудону, против которого полемизирует автор, характеризуя, следовательно, отличие своей точки зрения и от взглядов Сисмонди и от воззрения Прудона. Г. Н.—он, конечно, не подошел бы во всех своих воззрениях ни к тому, ни к другому*). Но вникните в содержание этого отрывка. В чем состоит основное положение цитированного автора, его основная мысль, ставящая его в непримиримое противоречие с его предшественниками? Бесспорно, в том, что он ставит вопрос о неустойчивости капитализма (которую констатируют все эти три писателя) на историческую почву и признает эту неустойчивость прогрессивным фактором. Другими словами: он признает, во-первых, данное капиталистическое развитие, совершающееся путем диспропорций, кризисов и т. п., развитием необходимым, говоря, что уже самый характер средств производства (машины) вызывает безграничное стремление к расширению производства и постоянное предварение спроса предложением. Во-вторых, он признает в этом данном развитии элементы прогресса, состоящие в развитии производительных сил, в обобществлении труда в пределах целого общества, в повышении подвижности населения и его сознательности и пр. Этими двумя пунктами исчерпывается его отличие от Сисмонди и Прудона, которые сходятся с ним в указаниях на «неустойчивость» и порожденные ею противоречия и в искреннем стремлении устранить эти противоречия. Непонимание того, что эта «неустойчивость» есть необходимая черта всякого капитализма и товарного хозяйства вообще, приводит их к утопии. Непонимание элементов прогресса, присущих этой неустойчивости, делает их теории реакционными**).

---

*) Хотя большой еще вопрос, отчего не подошел бы? Не оттого ли только, что эти писатели ставили вопросы шире, имея в виду данный хозяйственный строй вообще, его место и значение в развитии всего человечества, не ограничивая своего кругозора одной страной, для которой будто бы можно сочинить особую теорию.

**) Этот термин употребляется в историко-философском смысле, характеризуя только ошибку теоретиков, берущих в пережитых порядках образцы своих построений. Он вовсе не относится ни к личным качествам этих теоретиков, ни к их программам. Всякий знает, что реакционерами

И теперь мы предлагаем гг. народникам ответить на вопрос: разделяет ли г. Н.—он воззрения научной теории по двум указанным пунктам! признает ли он неустойчивость, как свойство данного сторон и данного развития? признает ли он элементы прогресса в этой неустойчивости? Всякий знает, что нет, что г. Н.—он, напротив, объявляет эту «неустойчивость» капитализма простой ненормальностью, уклонением и т. д. и считает ее упадком, регрессом (ср. выше: «лишает устойчивости»), идеализируя тот самый экономический застой (вспомните «вековые устои», «освященные веками начала» и т. п.), в разрушении которого и состоит историческая заслуга «неустойчивого» капитализма. Ясно поэтому, что мы были вполне правы, относя его к романтикам, и что никакие «цитаты» и «ссылки» с его стороны не изменяет такого характера его собственных рассуждений.

Мы остановимся несколько ниже еще раз на этой «неустойчивости» (по поводу враждебного отношения романтизма и народничества к уменьшению земледельческого населения на счет индустриального), а теперь приведем одно место из «Критики некоторых положений политической экономии», посвященное разбору сентиментальных нападок на денежное хозяйство.

«Эти определенные общественные роли (именно: роли продавца и покупателя) не вытекают из человеческой индивидуальности вообще, но из меновых отношений между людьми, производящими свои продукты в форме товаров. Отношения, существующие между покупателем и продавцом, настолько не индивидуальны, что они оба вступают в них лишь поскольку отрицается индивидуальный характер их труда, именно поскольку он, как труд неиндивидуальный, становится деньгами. Поэтому, настолько же бессмысленно считать эти экономически-буржуазные роли покупателя и продавца вечными общественными формами человеческого индивидуализма, насколько несправедливо оплакивать эти роли, как причину уничтожения этого индивидуализма.

«Как глубоко поражает добрых людей даже совершенно поверхностная форма антагонизма, проявляющаяся в покупке и продаже, показывает следующее извлечение из книги Исаака Перейры 88): «Leçons sur l'industrie et les finances», Paris, 1832. То обстоятельство, что этот же самый Исаак, в качестве изобретателя и диктатора «Credit mobilier», приобрел печальную славу

в обыденном значении слова ни Сисмонди, ни Прудон не были. Мы разъясняем сии азбучные истины потому, что г.г. народники, как увидим ниже, до сих пор еще не усвоили их себе.

парижского биржевого волка, показывает, что содержится в названной книге на-ряду с сентиментальной критикой экономии. Г. Перейра, в то время апостол Сен-Симона[89]), говорит: «Вследствие того, что индивидуумы изолированы, отделены друг от друга как в производстве, так и в потреблении, между ними существует обмен продуктов их производства. Из необходимости обмена вытекает необходимость определять относительную ценность предметов. Идеи ценности и обмена, таким образом, тесно связаны между собою, и в своей действительной форме обе они выражают индивидуализм и антагонизм... Определять ценность продуктов можно только потому, что существует продажа и покупка,—другими словами, антагонизм между различными членами общества. Заботиться о цене, ценности, приходится только там, где происходит продажа и покупка, словом, где каждый индивидуум должен бороться, чтобы получить предметы, необходимые для поддержания его существования» (Н. соч., стр. 69) *).

Спрашивается, в чем же состоит тут сентиментальность Перейры? Он говорит только об индивидуализме, антагонизме, борьбе, свойственных капитализму, говорит то самое, что говорят на разные лады наши народники, и притом говорят, казалось бы, правду, ибо «индивидуализм, антагонизм и борьба» действительно составляют необходимую принадлежность обмена, товарного хозяйства? Сентиментальность состоит в том, что этот сен-симонист, увлеченный осуждением противоречий капитализма, просматривает за этими противоречиями тот факт, что обмен тоже выражает особую форму общественного хозяйства, что он, следовательно, не только разъединяет (это верно лишь по отношению к средневековым союзам, которые капитализм разрушает), но и соединяет людей, заставляя их вступать в сношения между собой при посредстве рынка**). Вот эта-то поверхностность понимания, вызванная увлечением «разнести» капитализм (с точки зрения утопической), и дала повод цитированному автору назвать критику Перейры сентиментальной.

Но что нам Перейра, давно забытый апостол давно забытого сенсимонизма? Не взять ли лучше новейшего «апостола» народничества?

«Производство...лишилось народного характера и приняло ха-

---

*) См. К. Маркс. «К критике политической экономии», изд. Коммун. Университета им. Зиновьева, Петроград, 1922 г., стр. 84. Ред.

**) Заменяя местные, сословные союзы—единством социального положения и социальных интересов, в пределах целого государства и даже всего мира.

рактер индивидуальный, капиталистический» (г. Н.—он, «Очерки» стр. 321—2).

Видите, как рассуждает этот костюмированный романтик: «народное производство стало индивидуальным». А так как под «народным производством» автор хочет разуметь общину, то он указывает, следовательно, на упадок общественного характера производства, на сужение общественной формы производства.

Так ли это? «Община» давала (если давала; впрочем, мы готовы сделать какие-угодно уступки автору) организацию производству только в одной отдельной общине, разъединенной от каждой другой общины. Общественный характер производства обнимал только членов одной общины*). Капитализм же создает общественный характер производства в целом государстве. «Индивидуализм» состоит в разрушении общественных связей, но их разрушает рынок, ставя на их место связи между массами индивидов, не связанных ни общиной, ни сословием, ни профессией, ни узким районом промысла и т. п. Так как связь создаваемая капитализмом, проявляется в форме противоречий и антагонизма, поэтому наш романтик не хочет видеть этой связи (хотя и община, как организация производства, никогда не существовала без других форм противоречий и антагонизма, свойственных старым способам производства). Утопическая точка зрения превращает его критику капитализма в критику сентиментальную.

II.

Мелкобуржуазный характер романтизма.

Идеализация мелкого производства показывает нам другую характерную черту романтической и народнической критики: ее мелкобуржуазность. Мы видели, как французский и русский романтик одинаково превращают мелкое производство в «социальную организацию», в «форму производства», противополагая ее капитализму. Мы видели также, что подобное противоположение не заключает в себе ничего, кроме крайней поверхностности понимания, что это есть искусственное и неправильное выделение одной формы товарного хозяйства (крупный промышленный капитал) и осуждение ее, при утопической идеализации

*) По данным земской статистики («Сводный Сборник» Благовещенского) средний размер общины, по 123 уездам, в 22 губерниях, равняется 53 дворам с 323 душами обоего пола.

другой формы того же товарного хозяйства (мелкое производство). В том-то и беда как европейских романтиков начала XIX века, так и русских романтиков конца XIX, что они сочиняют себе какое-то абстрактное, вне общественных отношений производства стоящее мелкое хозяйство, и просматривают то маленькое обстоятельство, что это мелкое хозяйство в действительности стоит в обстановке товарного производства,—как мелкое хозяйство европейского континента 1820-х годов, так и русское крестьянское хозяйство 1890-х годов. В действительности мелкий производитель, возводимый в апофеоз романтиками и народниками, есть поэтому мелкий буржуа, стоящий в таких же противоречивых отношениях, как и всякий другой член капиталистического общества, отстаивающий себя точно так же борьбой, которая, с одной стороны, постоянно выделяет небольшое меньшинство крупных буржуа, с другой стороны, выталкивает большинство в ряды пролетариата. В действительности, как это всякий видит и знает, нет таких мелких производителей, которые бы не стояли между этими двумя противоположными классами, и это срединное положение обусловливает необходимо специфический характер мелкой буржуазии, ее двойственность, двуличность, ее тяготение к меньшинству, счастливо выходящему из борьбы, ее враждебное отношение к «неудачникам», т.-е. большинству. Чем дальше развивается товарное хозяйство, тем сильнее и резче выступают эти качества, тем явственнее становится, что идеализация мелкого производства выражает лишь реакционную, мелкобуржуазную точку зрения.

Не надо заблуждаться насчет значения этих терминов, которые автор «Критики некоторых положений политической экономии» *) и прилагал именно к Сисмонди. Эти термины вовсе не говорят, что Сисмонди защищает отсталых мелких буржуа. Сисмонди нигде их не защищает: он хочет стоять на точке зрения трудящихся классов вообще, он выражает свое сочувствие всем представителям этих классов, он радуется, напр., фабричному законодательству, он нападает на капитализм и показывает его противоречия. Одним словом, его точка зрения совершенно та же, что и точка зрения современных народников.

Спрашивается, на чем же основана характеристика его, как мелкого буржуа? Именно на том, что он не понимает связи между мелким производством (которое идеализирует) и крупным капиталом (на который нападает). Именно на том, что он не видит.

---

*) Т.-е. К. Маркс. Ред.

как излюбленный им мелкий производитель, крестьянин, становится, в действительности, мелким буржуа. Не надо никогда забывать следующего разъснения по поводу сведения теорий различных писателей к интересам и точке зрения различных классов:

«Было бы ограниченностью думать, что мелкая буржуазия сознательно стремится отстоять эгоистический классовый интерес. Наоборот, она полагает, что частные условия ее освобождения представляют собой общие условия, при которых только и может быть достигнуто спасение современного общества и устранена борьба классов. Точно так же не следует думать, будто все представители мелкой буржуазии—лавочники или поклонники лавочников. По своему образованию и личному положению они могут быть, как небо от земли, далеки от лавочников. Представителями мелкой буржуазии их делает то обстоятельство, что их мысль не выходит за пределы житейской обстановки мелкой буржуазии, и что поэтому они приходят к тем же задачам и решениям в теории, к которым мелкий буржуа приходит, благодаря своим материальным интересам и своему общественному положению, на практике. Таково вообще отношение между политическими и литературными представителями данного класса, с одной стороны, и самым этим классом—с другой» (К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, Спб. 1895, с. 181) *).

Поэтому весьма комичны те народники, которые думают, что указания на мелкобуржуазность делаются лишь с целью сказать что-либо особенно ядовитое, что это—простой полемический прием. Таким отношением они показывают непонимание общих воззрений их противников, а главное,—непонимание самых основ т о й критики капитализма, с которой они все «согласны», и ее о т л и ч и я от сентиментальной и мелкобуржуазной критики. Одно уже усиленное стремление обойти самый вопрос об этих последних видах критики, о существовании их в Зап. Европе, об отношении их к критике научной показывает наглядно, п о ч е м у народники не хотят понять этого отличия **).

---

*) Стр. 151 издания «Моск. Рабочего» 1922 г. Цитата взята Плехановым из «18 Брюмера Луи Бонапарта» К. Маркса. Р е д.

**) Напр., Эфруси написал две статьи о том, «как смотрел на рост капитализма Сисмонди («Р. Б.», № 7, стр. 139) и все-таки а б с о л ю т н о н е п о н я л именно того, к а к смотрел Сисмонди. Сотрудник «Русского Богатства» н е з а м е т и л мелкобуржуазной точки зрения Сисмонди. А так как Эфруси, несомненно, знаком с Сисмонди; так как он (как увидим ниже) знаком именно с тем представителем новейшей теории, который так охарактеризовал Сисмонди; так как он хочет тоже быть «согласным» с этим предста-

Поясним сказанное примером. В библиографическом отделе «Русской Мысли» [90]) за 1896 г. № 5 (стр. 229 и сл.) идет речь о том, что «в последнее время выступила и с поразительной быстротой растет группа» среди интеллигенции, относящаяся с принципиальной и безусловной враждебностью к народничеству. Г. рецензент указывает в самых кратких чертах на причины и характер этой враждебности, и нельзя не отметить с признательностью, что он излагает при этом вполне точно суть враждебной народничеству точки зрения *). Г. рецензент не разделяет этой точки зрения. Он не понимает, чтобы идеи о классовых интересах и т. д. обязывали нас отрицать «народные идеалы» («просто народные, а не народнические»; ibid., с. 229), состоящие-де в благосостоянии, свободе и сознательности крестьянства, т.-е. большинства населения.

«Нам возразят, конечно,—говорит г. рецензент,—как возражали и другим, что идеалы автора-крестьянина (речь шла о высказанных одним крестьянином пожеланиях) мелкобуржуазные, и что потому наша литература и являлась до сих пор представительницей и защитницей интересов мелкой буржуазии. Но ведь это же просто жупель, и кого, кроме лиц, обладающих мировоззрением и умственными навыками замоскворецкой купчихи, этим жупелом испугать можно?..»

Сильно сказано! Но послушаем дальше:

«...Основной критерий как условий человеческого общежития, так и сознательных общественных мероприятий, состоит ведь не в экономических категориях, да притом еще заимствованных из чуждых стран, при иных обстоятельствах сложившихся условий, а в счастьи и благосостоянии как в материальном, так и в духовном большинства населения. И если известный уклад жизни и известные мероприятия для поддержания и развития такого уклада ведут к этому счастью, то называйте их мелкобуржуазными или как-нибудь иначе, дело от этого не изменится: они—этот уклад жизни и эти мероприятия—будут все-таки существенно прогрессивными и потому самому и будут представлять «высший идеал, доступный для общества при данных

вителем новой теории,—то его непонимание приобретает совершенно определенное значение. Народник и не мог заметить в романтике того, чего он не замечает в себе.

*) Конечно, это звучит очень странно: хвалить человека за то, что он точно передает чужие мысли!! Но что прикажете делать? Среди обычных полемистов «Русского Богатства» и старого «Нов. Слова» г.г. Кривенко и Воронцова такая полемика действительно является необычайным исключением.

условиях и в данном его состоянии» (Ib., 229—230 стр., курсив автора).

Неужели г. рецензент не видит, что он, в пылу полемического задора, перепрыгнул через вопрос?

Назвавши с превеликой суровостью обвинение народничества в мелкобуржуазности «просто жупелом», он ничего не приводит в доказательство такого утверждения, кроме следующего, невероятно изумительного положения: «Критерий... состоит не в экономических категориях, а в счастьи большинства». Ведь это все равно, что сказать: критерий погоды состоит не в метеорологических наблюдениях, а в самочувствии большинства! Да что же такое, спрашивается, эти «экономические категории», как не научная формулировка условий хозяйства и жизни населения и притом не «населения» вообще, а определенных групп населения, занимающих определенное место в данном строе общественного хозяйства? Противополагая «экономическим категориям» абстрактнейшее положение о «счастьи большинства», г. рецензент просто вычеркивает все развитие общественной науки с конца прошлого века и возвращается к наивной рационалистической спекуляции, игнорирующей определенные общественные отношения и их развитие. Одним росчерком пера он вычеркивает все, чего добилась ценой столетних поисков человеческая мысль, стремившаяся понять общественные явления! И, освободивши себя, таким образом, от всякого научного багажа, г. рецензент считает уже вопрос решенным. В самом деле, он прямо заключает: «Если известный уклад... ведет к этому счастью, то, как его ни называйте, дело от этого не изменится». Вот тебе раз! Да ведь вопрос в том именно и состоял, каков этот уклад. Ведь автор сам же сейчас указал, что против людей, видящих в крестьянском хозяйстве особый уклад («народное производство» или как там хотите), выступили другие, утверждающие, что это вовсе не особый уклад, а самый обыкновенный мелкобуржуазный уклад, такой же, каков уклад и всякого другого мелкого производства в стране товарного хозяйства и капитализма. Ведь, если из первого воззрения само собой следует, что «этот уклад» («народное производство») «ведет к счастью», то из второго воззрения тоже само собою следует, что «этот уклад» (мелкобуржуазный уклад) «ведет» к капитализму и ни к чему иному, ведет к выталкиванию «большинства населения» в ряды пролетариата и превращению меньшинства в сельскую (или промышленную) буржуазию. Не очевидно ли, что г. рецензент выстрелил в воздух и, под шум выстрела, принял за доказанное именно то,

в отрицании чего состоит второе воззрение, столь немилостиво объявленное «просто жупелом»?

Если бы он хотел серьезно разобрать второе воззрение, то должен бы был, очевидно, доказать одно из двух: или что «мелкая буржуазия» есть неправильная научная категория, что можно себе представить капитализм и товарное хозяйство без мелкой буржуазии (как и представляют гг. народники, возвращаясь этим вполне к точке зрения Сисмонди);—или же, что эта категория не приложима к России, т.-е. что у нас нет ни капитализма, ни господства товарного хозяйства, что мелкие производители не превращаются в товаропроизводителей, что в их среде не происходит указанного процесса выталкивания большинства и укрепления «самостоятельности» меньшинства. Теперь же, видя, как он принимает указание на мелкобуржуазность народничества за пустое желание «обидеть» гг. народников, и читая вслед за тем вышеприведенную фразу о «жупеле», мы невольно вспоминаем известное изречение: «Помилуйте, Кит Китыч! кто вас обидит?—Вы сами всякого обидите!».

III.

Вопрос о росте индустриального населения на счет земледельческого.

Возвратимся к Сисмонди. На-ряду с идеализацией мелкой буржуазии, на-ряду с романтическим непониманием того, как «крестьянство» превращается при данном общественном строе хозяйства в мелкую буржуазию, у него стоит чрезвычайно характерное воззрение на уменьшение земледельческого населения на счет индустриального. Известно, что это явление—одно из наиболее рельефных проявлений капиталистического развития страны—наблюдается во всех цивилизованных странах, а также и в России *).

Сисмонди, как выдающийся экономист своего времени, не мог, разумеется, не видеть этого факта. Он открыто констатирует

---

*) Процент городского населения в Европейской России возрастает в пореформенную эпоху. Мы должны ограничиться здесь указанием на этот наиболее общеизвестный признак, хотя он выражает явление далеко не вполне, не охватывая важных особенностей России сравнительно с Зап. Европой. Здесь не место разбирать эти особенности (отсутствие свободы передвижения для крестьян, существование промышленных и фабричных сел, внутренняя колонизация страны и т. д.).

его, но совершенно не понимает необходимой связи его с развитием капитализма (даже общее: с разделением общественного труда, с вызываемым этим явлением ростом товарного хозяйства). Он просто осуждает это явление, как какой-нибудь недостаток «системы».

Указав на громадный прогресс английского земледелия, Сисмонди говорит:

«Но, восхищаясь этими столь заботливо возделанными полями, надо посмотреть и на население, которое их обрабатывает: оно на половину меньше того, какое было бы во Франции на такой же территории. В глазах некоторых экономистов это—выигрыш, по-моему—это потеря» (I, 239).

Понятно, почему идеологи буржуазии считали это явление выигрышем (сейчас мы увидим, что таков же взгляд и научной критики капитализма): они формулировали этим рост оуржуазного богатства, торговли и промышленности. Сисмонди, торопясь осудить это явление, забывает подумать о его причинах.

«Во Франции и в Италии,—говорит он,—где, как рассчитывают, четыре пятых населения принадлежат к земледельческому классу, четыре пятых нации будут кормиться национальным хлебом, какова бы то ни была цена иностранного хлеба» (I, 264). Fuit Troja! можно сказать по этому поводу. Теперь уже нет таких стран (хотя бы и наиболее земледельческих), которые не находились бы в полной зависимости от цен на хлеб, т.-е. от мирового капиталистического производства хлеба.

«Если нация не может увеличить своего торгового населения иначе, как требуя от каждого большего количества труда за ту же плату, то она должна бояться возрастания своего индустриального населения» (I, 322). Как видит читатель, это просто благожелательные советы, лишенные всякого смысла и значения, ибо понятие «нации» построено здесь на искусственном абстрагировании противоречий между теми классами, которые эту «нацию» образуют. Сисмонди, как и всегда, просто отговаривается от этих противоречий невинными пожеланиями о том...чтобы противоречий не было.

«В Англии земледелие занимает лишь 770.199 семей, торговля и промышленность—959.632, остальные состояния общества—413.316. Столь большая доля населения, существующего торговым богатством, на все число 2.143.147 семей или 10.150.165 человек, поистине ужасна (effrayante). К счастью, Франция еще далека от того, чтобы такое громадное число рабочих зависело от удачи на отдаленном рынке» (I, 434). Здесь Сисмонди как-будто забывает

даже, что это «счастье» зависит лишь от отсталости капиталистического развития Франции.

Рисуя те изменения в современном строе, которые «желательны» с его точки зрения (о них будет речь ниже), Сисмонди указывает, что «результатом (преобразований в романтическом вкусе) было бы, без сомнения, то, что не одна страна, живущая лишь индустрией, должна бы была закрыть одна за другой много мастерских, и что население городов, которое увеличилось свыше меры, быстро уменьшилось бы, тогда как население деревень начало бы возрастать» (II, 367).

На этом примере беспомощность сентиментальной критики капитализма и бессильная досада мелкого буржуа сказываются особенно рельефно! Сисмонди просто жалуется *) на то, что дела идут так, а не иначе. Его грусть по поводу разрушения эдема патриархальной тупости и забитости сельского населения так велика, что наш экономист не разбирает даже причин явления. Он просматривает поэтому, что увеличение индустриального населения находится в необходимой и неразрывной связи с товарным хозяйством и капитализмом. Товарное хозяйство развивается по мере развития общественного разделения труда. А это разделение труда в том и состоит, что одна за другой отрасль промышленности, один за другим вид обработки сырого продукта отрываются от земледелия и становятся самостоятельными, образуя, след., индустриальное население. Поэтому рассуждать о товарном хозяйстве и капитализме—и не принимать во внимание закона относительно возрастания индустриального населения,—значит не иметь никакого представления об основных свойствах данного строя общественного хозяйства.

«По самой природе капиталистического способа производства он уменьшает постоянно земледельческое население сравнительно с неземледельческим, так как в индустрии (в узком значении слова) рост постоянного капитала по отношению к переменному связан с абсолютным возрастанием переменного капитала, несмотря на его относительное уменьшение **). Между тем, в земледелии абсолютно уменьшается переменный капитал, потребный для

---

*) «В дальнейшем своем развитии направление это (именно направление мелкобуржуазной критики, главой которого был Сисмонди) перешло в трусливые жалобы на современное положение дел».

**) Читатель может судить по этому об остроумии г. Н. —она, который в своих «Очерках» превращает без стеснения относительное уменьшение переменного капитала и числа рабочих в абсолютное и делает отсюда кучу самых вздорных выводов о «сокращении» внутреннего рынка и т. п.

эксплоатации определенного количества земли; следовательно, этот капитал может возрастать лишь при том условии, что подвергается обработке новая земля *), а это в свою очередь предполагает еще большее возрастание неземледельческого населения» (III, 2, 177).

Точка зрения новейшей теории и в этом пункте диаметрально противоположна романтизму с его сентиментальными жалобами. Понимание необходимости явления вызывает, естественно, совершенно иное отношение к нему, уменье оценить его различные стороны. Занимающее нас явление и есть одно из наиболее глубоких и наиболее общих противоречий капиталистического строя. Отделение города от деревни, противоположность между ними и эксплоатации деревни городом—эти повсеместные спутники развивающегося капитализма—составляют необходимый продукт преобладания «торгового богатства» (употребляя выражение Сисмонди) над «богатством земельным» (сельскохозяйственным). Поэтому преобладание города над деревней (и в экономическом, и в политическом, и в интеллектуальном, и во всех других отношениях) составляет общее и неизбежное явление всех стран с товарным производством и капитализмом, в том числе и России: оплакивать это явление могут только сентиментальные романтики. Научная теория указывает, напротив, ту прогрессивную сторону, которую вносит в это противоречие крупный промышленный капитал. «Вместе с постоянно растущим перевесом городского населения, которое скопляет капиталистическое производство в крупных центрах, оно накопляет историческую силу движения общества вперед» (die geschichtliche Bewegungskraft der Gesellschaft) **). Если преобладание города необходимо, то только привлечение населения в города может парализовать (и действительно, как доказывает история, парализует) односторонний характер этого

---

*) Вот это-то условие и имели мы в виду, говоря, что внутренняя колонизация России усложняет проявление закона большего роста индустриального населения. Стоит вспомнить различие между давно заселенным центром России, где рост индустриального населения шел не столько на счет городов, сколько на счет фабричных сел и местечек, и хотя бы Новороссией, заселявшейся в пореформенную эпоху, где рост городов сравнивается по быстроте с американским. Подробнее разобрать этот вопрос мы надеемся в другом месте.

**) Ср. также особенно рельефную характеристику прогрессивной роли индустриальных центров в умственном развитии населения: Die Lage der arbeit. Kiasse in England 1845. Что признание этой роли не помешало автору «Положения раб. класса в Англии» глубоко понять противоречие, сказывающееся в отделении города от деревни, это доказывает его полемическое сочинение против Дюринга.

преобладания. Если город выделяет себя необходимо в привилегированное положение, оставляя деревню подчиненной, неразвитой, беспомощной и забитой, то только приток деревенского населения в города, только это смешение и слияние земледельческого и неземледельческого населения может поднять сельское население из его беспомощности. Поэтому в ответ на реакционные жалобы и сетования романтиков новейшая теория указывает на то, как именно это сближение условий жизни земледельческого и неземледельческого населения создает условия для устранения противоположности между городом и деревней.

Спрашивается теперь, на какой точке зрения стоят в этом вопросе наши экономисты-народники? Безусловно на сентиментально-романтической. Они не только не понимают необходимости возрастания индустриального населения при данном строе общественного хозяйства, но даже стараются не видеть и самого явления, уподобляясь некоей птице, которая прячет голову себе под крыло. Указания П. Струве, что в рассуждениях о капитализме г-на Н.—она грубой ошибкой является утверждение об абсолютном уменьшении переменного капитала (Крит. заметки, стр. 255), что противополагать Россию Западу по меньшему проценту индустриального населения и не принимать во внимание возрастания этого процента в силу развития капитализма—нелепо *) (Socialpolitisches Centralblatt, 1893, № 1),—остались, как и следовало ожидать, без ответа. Толкуя постоянно об особенностях России, экономисты-народники даже и не сумели поставить вопроса о действительных особенностях образования индустриального населения в России **), на которые мы указали вкратце выше. Таково теоретическое отношение народников к вопросу. На деле, однако, рассуждая о положении крестьян в пореформенной деревне и нестесненные теоретическими сомнениями, народники признают переселение крестьянства, выталкиваемого из земледелия, в города и в фабричные центры, и ограничиваются при этом только оплакиванием явления, точь-в-точь так, как оплакивал его Сисмонди ***). Тот глубокий

---

*) Пусть вспомнит читатель, что именно эту ошибку делал Сисмонди, говоря о «счастьи» Франции с 80% земледельческого населения, как будто это была особенность какого-нибудь «народного производства» и т. п., а не выражение отсталости развития капитализма.

**) Ср. Волгин. Обоснование народничества в трудах г. Воронцова, СПБ., 1896, стр. 215—216.

***) Справедливость требует, впрочем, сказать, что Сисмонди, наблюдая рост индустриального населения в нескольких странах и признавая общий

процесс преобразования условий жизни масс населения, который происходил в пореформенной России,—процесс, впервые нарушивший оседлость и прикрепленность к месту крестьянства и создавший подвижность его и сближение земледельческих работников с неземледельческими, деревенских с городскими *),—остался ими совершенно незамечен ни в его экономическом, ни (в еще более важном, пожалуй) в его моральном и образовательном значении, подавая повод лишь к сентиментально-романтическим воздыханиям.

IV.

Практические пожелания романтизма.

Теперь мы постараемся свести воедино общую точку зрения Сисмонди на капитализм (задача, которую поставил себе, как помнит читатель, и Эфруси) и рассмотреть практическую программу романтизма.

характер этого явления, высказывает кое-где понимание того, что это не только какая-нибудь «аномалия» и т. п., а глубокое изменение условий жизни населения—изменение, в котором приходится признать и кое-что хорошее. По крайней мере, следующее рассуждение его о вреде разделения труда показывает гораздо более глубокие взгляды, чем взгляды, напр., г-на Михайловского, сочинившего общую «формулу прогресса» вместо анализа определенных форм, которые принимает разделение труда в различных формациях общественного хозяйства и в различные эпохи развития.

«Хотя однообразие операций, к которым сводится всякая деятельность рабочих на фабрике, должна, повидимому, вредить их развитию (intelligence), однако, справедливость требует сказать, что, по наблюдениям лучших судей (juges, знатоков), мануфактурные рабочие в Англии выше по развитию, по образованию и по нравственности, чем рабочие земледельческие (ouvriers aux champs)» (I, 397). И Сисмонди указывает на причины этого: Vivant sans cesse ensemble, moins épuisés par la fatigue, et pouvant se livrer davantage à la conversation, les idées ont circulé plus rapidement entre eux. Но—меланхолически замечает он—aucun attachement à l'ordre établi...

*) Форма этого процесса тоже различна для центральной полосы Европ. России и для окраин. На окраины идут, главным образом, земледельческие рабочие из среднечерноземных губерний и отчасти неземледельческие из промышленных, разнося свои познания в «рукомесле» и «насаждая» промышленность среди чисто земледельческого населения. Из промышленной полосы идут неземледельческие рабочие, частью во все концы России, главным же образом в столицы и крупные индустриальные центры, при чем это индустриальное, если так можно выразиться, течение настолько сильно, что получается недостаток в земледельческих рабочих, которые и идут в промышленные губернии (Московскую, Ярославскую и др.) из среднечерноземных губерний. См. у С. А. Короленко «Вольнонаемный труд и т. д.».

Мы видели, что заслуга Сисмонди состояла в том, что он один из первых указал на противоречия капитализма. Но, указавши на них, он не только не попытался анализировать их и объяснить их происхождение, развитие и тенденцию, но даже взглянул на них, как на противоестественные или ошибочные уклонения от нормы. Против этих «уклонений» он наивно восставал сентенциями, обличениями, советами устранить их и т. п., как будто бы эти противоречия не выражали реальных интересов реальных групп населения, занимающих определенное место в общем строе современного общественного хозяйства. Это—самая рельефная черта романтизма: принимать противоречие интересов (глубоко коренящееся в самом строе общественного хозяйства) за противоречие или ошибку доктрины, системы, даже мероприятий и т. п. Узкий кругозор Kleinbürger'a, который сам стоит в стороне от развитых противоречий и занимает промежуточное, переходное положение между двумя антиподами, соединяется тут с наивным идеализмом,—мы почти готовы сказать: бюрократизмом, объясняющим общественный строй мнениями людей (особенно людей, власть имущих), а не наоборот. Приведем примеры всех подобных суждений Сисмонди.

«Забывая людей ради вещей, не принесла ли Англия цель в жертву средствам?

«Пример Англии тем более поразителен, что эта нация свободная, просвещенная, хорошо управляемая, и что все ее бедствия происходят единственно оттого, что она последовала ложному экономическому направлению» (I, p. IX). У Сисмонди Англия вообще играет роль устрашающего примера для континента,—точь-в-точь так, как у наших романтиков, воображающих, что они дают нечто новое, а не самый старый хлам.

«Обращая внимание моих читателей на Англию, я хотел показать... историю нашего собственного будущего, если мы будем продолжать поступать по тем принципам, которым она следовала» (I, p. XVI).

«...Государства континента считают нужным следовать Англии в ее мануфактурной карьере» (II, 330). «Нет зрелища более поразительного, более ужасающего, чем то, которое представляет Англия» (II, 322) *).

---

*) Чтобы показать наглядно отношение европейского романтизма к русскому, мы будем приводить под чертой цитаты из г-на Н.—она. «Мы не пожелали воспользоваться уроками, преподанными нам хозяйственным ходом развития западной Европы. Нас до такой степени поразил блеск развития

«Не надо забывать, что богатство есть лишь то, что представляет (n'est que la représentation) приятности и удобства жизни» (на место буржуазного богатства здесь уже поставлено богатство вообще!), «и создавать искусственное богатство, осуждая нацию на все то, что на деле представляет бедность и страдания, это значит принимать название вещи за ее сущность» (prendre le mot pour la chose) (I, 379).

«...Пока нации следовали лишь указаниям (велениям, indications) природы и пользовались их преимуществами, доставляемыми климатом, почвой, расположением, обладанием сырыми материалами, они не ставили себя в неестественное положение (une position forcée), они не искали кажущегося богатства (une opulence apparente), которое превращается для массы народа в реальную нищету» (I, 411). Буржуазное богатство есть только кажущееся!! «Опасно для нации закрывать свои двери от внешней торговли: нацию принуждают этим, так сказать (en quelque sorte), к ложной деятельности, которая поведет к ее гибели» (I, 448) *).

«...В заработной плате есть необходимая часть, которая должна поддерживать жизнь, силу и здоровье тех, кто ее получает... Горе тому правительству, которое затронет эту часть,—оно приносит в жертву все (il sacrifie tout ensemble)—и людей и надежду на будущее богатство... Это различие дает нам понять, насколько является ложной политика тех правительств, которые низвели рабочие классы к заработной плате в обрез, необходимой для увеличения чистых доходов фабрикантов, купцов и собственников» (II, 169) **).

капитализма в Англии и так поражает неизмеримо быстрее происходящее развитие капитализма в Американских Штатах» и т. д. (323).—Как видите, даже выражения г-на Н.—она не блещут новизной! Его «поражает» то же самое, что «поражало» в начале века Сисмонди.

*) «...Неверен тот хозяйственный путь, которым мы шли за последние 30 лет» (281)... «Мы слишком долго отождествляли интересы капитализма с интересами народно-хозяйственными—заблуждение крайне гибельное... Видимые результаты покровительства промышленности... до такой степени нас омрачили, что мы совсем упустили из виду народно-общественную сторону... мы упустили из виду, на счет чего такое развитие происходит, мы забыли и цели какого бы то ни было производства» (298)—кроме капиталистического!

«Пренебрежительные отношения к собственному прошлому... насаждение капитализма»... (283)... «Мы... употребили все средства для насаждения капитализма»... (323)... «Мы проглядели»... (Ibid).

**) «...Мы не воспрепятствовали развитию капиталистических форм производства, несмотря на то, что они основаны на экспроприации крестьянства» (323).

«Пришло наконец время спросить: куда идем? (ou l'on veut aller) (II, 328).

«Разделение их (именно класса собственников и трудящихся), противоположность их интересов есть следствие современной искусственной организации, которую мы дали человеческому обществу... Естественный порядок социального прогресса вовсе не стремился отделить людей от вещей, или богатство от труда; в деревне—собственник мог бы оставаться земледельцем; в городе—капиталист мог бы оставаться ремесленником (artisan); отделение трудящегося класса от праздного класса вовсе не было существенно необходимо для существования общества или для производства; мы ввели его для наибольшей выгоды всех; от нас зависит (il nous appartient) регулировать его, чтобы на самом деле достичь этой выгоды» (II, 348).

«Ставя таким образом производителей в оппозицию друг с другом (т.-е. хозяев к рабочим), их заставили итти путем, диаметрально противоположным интересам общества... В этой постоянной борьбе за понижение заработной платы интерес социальный, в котором, однако, каждый участвует, всеми забывается» (II, 359—360). И перед этим тоже воспоминание о завещанных историей путях: «В начале общественной жизни каждый человек владеет капиталом, посредством которого он прилагает свой труд, и почти все ремесленники живут доходом, который складывается одинаково из прибыли и заработной платы» (II, 359) *).

Кажется, довольно... Можно быть уверенным, что читатель, не знакомый ни с Сисмонди, ни с г. Н.—оном, затруднится сказать, у которого из двух романтиков, под чертой или над чертой, точка зрения примитивнее и наивнее.

Вполне соответствуют этому и практические пожелания Сисмонди, которым он уделил так много места в своих «Nouveaux Principes».

Наше отличие от А. Смита,—говорит Сисмонди в 1-й же книге

---

*) «Вместо того, чтобы твердо держаться наших вековых традиций; вместо того, чтобы развивать принцип тесной связи средств производства с непосредственным производителем... вместо того, чтобы увеличить производительность его (крестьянства) труда сосредоточением средств производства в его руках... вместо всего этого мы стали на путь совершенно противоположный» (322—3). «Мы приняли развитие капитализма за развитие всего народного производства... мы проглядели, что развитие одного... может произойти исключительно на счет другого» (323). Курсив наш.

своего сочинения,—состоит в том, что «мы почти всегда призываем то самое вмешательство правительства, которое А. Смит отвергал» (I, 52). «Государство не исправляет распределения» (I, 80)... «Законодатель мог бы обеспечить бедняку некоторые гарантии против всеобщей конкуренции» (I, 81). «Производство должно соразмеряться с социальным доходом, и те, кто поощряет к безграничному производству, не заботясь о том, чтобы узнать этот доход, толкают нацию к гибели, думая открыть ей путь к богатству» (le chemin des richesses) (I, 82). «Когда прогресс богатства постепенен (gradué), когда он соразмерен сам с собой, когда ни одна из его частей не развивается непомерно быстро, тогда он распространяет всеобщее благосостояние... Может-быть, обязанность правительств состоит в том, чтобы замедлять (ralentir!!) это движение, для того, чтобы регулировать его» (I, 409—410).

О том громадном историческом значении, которое имеет развитие производительных сил общества, совершающееся именно этим путем противоречий и непропорциональностей, Сисмонди не имеет ни малейшего представления!

«Если правительство оказывает на стремление к богатству действие регулирующее и умеряющее, — оно может быть бесконечно благодетельным» (I, 413). «Некоторые регламентации торговли, осужденные ныне всеобщим мнением, если они и заслуживают осуждения в качестве поощрений промышленности, могут быть оправданы, может-быть, как узда» (I, 415).

Уже в этих рассуждениях Сисмонди видна его поразительная историческая бестактность: он не имеет ни малейшей идеи о том, что в освобождении от средневековых регламентаций состоял весь исторический смысл того периода, современником которого он был. Он не чувствует, что его рассуждения—вода на мельницу тогдашних защитников ancien régime'a *), которые были еще так сильны даже во Франции, не говоря о других государствах за-западно-европейского континента, где они господствовали **).

---

*) — Старого режима. Ред.

**) Эфруси усмотрел в этих сожалениях и вожделениях Сисмонди «гражданское мужество» (№ 7, стр. 139). Высказывание сентиментальных пожеланий требует гражданского мужества!! Загляните хоть в любой гимназический учебник истории, вы прочтете там, что западно-европейские государства 1-й четверти XIX в. были организованы по тому типу, который наука государственного права означает термином: Polizeistaat (полицейское государство. Ред.). Вы прочтете там, что историческая задача не только этой, но и следующей четверти века состояла именно в борьбе против него. Вы поймете

Итак, исходная точка практических пожеланий Сисмонди— опека, задержка, регламентация.

Такая точка зрения вполне естественно и неизбежно вытекает из всего круга идей Сисмонди. Он жил как раз в то время, когда крупная машинная индустрия делала первые свои шаги на континенте Европы, когда начиналось то крутое и резкое преобразование всех общественных отношений под влиянием машин (заметьте, именно под влиянием машинной индустрии, а не «капитализма» вообще *), преобразование, которое принято называть в экономической науке industrial revolution (промышленная революция). Вот как характеризует ее один из первых экономистов, сумевших оценить всю глубину переворота, создавшего на место патриархальных полусредневековых обществ современные европейские общества:

«...История английского промышленного развития в последние 60 лет (писано в 1844 году) не имеет ничего равного себе в летописях человечества. 60—80 лет тому назад Англия была страной, похожей на всякую другую, с маленькими городами, с незначительной и простой промышленностью, с редким, но относительно значительным земледельческим населением. Теперь это— страна, не похожая ни на какую другую, с столицей в $2^1/_2$ миллиона жителей; с крупными промышленными городами; с индустрией, которая доставляет продукты всему миру и производит почти все посредством чрезвычайно сложных машин; с предприимчивым, интеллигентным, густым населением, две трети которого заняты в промышленности и торговле и состоят из совершенно различных классов; это население с другими обычаями, другими нуждами доставляет, на самом деле, совершенно другую нацию сравнительно с Англией того времени. Промышленная революция имеет такое же значение для Англии, как политическая революция—для Франции, как философская революция—для Германии. И различие между Англией 1760 года и Англией 1844 года, по меньшей мере, так же велико, как между Францией при ancien régime и Францией июльской революции» **).

Это была полнейшая «ломка» всех старых, укоренившихся отно-

тогда, что точка зрения Сисмонди так и отдает тупостью мелкого французского крестьянина времен реставрации; что Сисмонди представляет пример сочетания мелкобуржуазного сентиментального романтизма с феноменальной гражданской незрелостью.

*) Капитализм датирует в Англии не с конца XVIII века, а со времен несравненно более ранних.

**) Engels, Die Lage der arbeitenden Klasse in England.

шений, экономическим базисом которых было мелкое производство. Понятно, что Сисмонди со своей реакционной, мелкобуржуазной точки зрения, не мог понять значения этой «ломки». Понятно, что он прежде всего и больше всего желал, приглашал, взывал, требовал «прекратить ломку» *).

Каким же образом «прекратить ломку»? Прежде всего, разумеется, поддержкой народного... то бишь, «патриархального производства», крестьянства и мелкого земледелия вообще. Сисмонди посвящает целую главу (I, VIII, ch. VIII) тому, «как правительство должно защищать население от последствий конкуренции».

«По отношению к земледельческому населению общая задача правительства состоит в том, чтобы обеспечить работникам (è ceux qui travaillent) часть собственности, или в том, чтобы поддерживать (favoriser) то, что мы назвали патриархальным земледелием предпочтительно перед всяким другим» (II, 340).

«Статут Елизаветы, который не был соблюден, запрещает строить в Англии сельскую хижину (cottage) иначе, как на условии наделить ее землей в размере четырех акров. Если бы этот закон был исполнен, ни один брак не мог бы быть заключен между поденщиками без того, чтобы они не получили свою cottage, и ни один cottager не был бы доведен до последней степени нищеты. Это уже было бы шагом вперед (c'est quelque chose), но этого еще недостаточно; в климате Англии крестьянское население жило бы в нужде с 4 акрами на семью. Теперь коттеры в Англии имеют, большей частью, лишь $1^1/_2$—2 акра земли, за которые они платят довольно высокую аренду... Следовало бы обязать законом... помещиков, когда они разделяют свое поле между многими cottagers, давать каждому достаточное количество земли, чтобы он мог жить» (II, 342—3) **).

---

*) Г. Н. —он, смеем надеяться, не посетует на нас за то, что мы заимствуем у него (стр. 345) это выражение, которое представляется нам в высшей степени удачным и характерным.

**) «Держаться наших вековых традиций (это ли не патриотизм?)... развивать принцип тесной связи средств производства с непосредственными производителями, унаследованный нами»... (г. Н.—он, 322). «Мы свернули с пути, которым шли в продолжение многих веков; мы стали устранять производство, основанное на тесной связи непосредственного производителя со средствами производства, на тесной связи земледелия и обрабатывающей промышленности, и положили в основание своей хозяйственной политики принцип развития производства капиталистического, основанного на экспроприации непосредственных производителей от средств производства, со всеми сопровождающими его бедствиями, которыми теперь страдает западная Европа» (281). Пусть читатель сравнит с этим вышеуказанный взгляд самих «западно-

Читатель видит, что пожелания романтизма совершенно однородны с пожеланиями и программами народников: они построены точно так же на игнорировании действительного экономического развития и на бессмысленной подстановке в эпоху крупной машинной индустрии, бешеной конкуренции и борьбы интересов—условий, воспроизводящих патриархальные условия седой старины.

V.

Реакционный характер романтизма.

Разумеется, Сисмонди никогда не мог не сознавать того, как идет действительное развитие. Поэтому, требуя «поощрения мелкого земледелия» (II, 555), он прямо говорит, что следовало бы дать сельскому хозяйству направление, диаметрально противоположное тому, которым оно идет теперь в Англии» (II, 354—5) *).

«Англия имеет, к счастью, средство сделать многое для своих сельских бедняков, разделив между ними свои громадные общинные земли (ses immenses communaux)... Если бы ее общинные земли были разделены на свободные участки (en propriétés franches) от 20 до 30 акров, то они (англичане) увидели бы, как возродится тот независимый и гордый класс поселян то yeomanry, о полном почти уничтожении которого они желают в настоящее время» (II, 357—8).

«Планы» романтизма изображаются очень легко осуществимыми—именно благодаря тому игнорированию реальных интересов, которое составляет сущность романтизма. «Подобное предложение (раздавать земли мелкими участками поденщикам, возложив на землевладельцев обязанность попечения о последних) возмутит, вероятно, крупных землевладельцев, которые в настоящее время одни пользуются в Англии законодательной властью;

европейцев» на эти «бедствия, от которых страдает» и т. д. «Принцип... наделения крестьян землей или... доставление самим производителям орудий труда» (стр. 2)... «вековые народные устои» (75)... «В этих цифрах (именно цифрах, показывающих, «как велик minimum того количества земли, какое требуется при существующих, хозяйственных условиях, для материального обеспечения сельского населения») мы имеем, следовательно, один из элементов решения хозяйственного вопроса, но только именно один из элементов» (65). Западно-европейские романтики, как видите, не менее русских любили искать в «вековых традициях» «санкции» народного производства.

*) Сравните народническую программу «тащить историю по другой линии» г. В. В., l. c., стр. 181.

но, тем не менее, оно справедливо... Крупные землевладельцы одни только имеют надобность в поденщиках; они их создали—пусть они их и содержат» (II, 357).

Читая такие наивности, писанные в начале века, не удивляешься: «теория» романтизма оказывается в соответствии с тем примитивным состоянием капитализма вообще, которое обусловливало столь примитивную точку зрения. Фактическое развитие капитализма—теоретическое понимание его—точка зрения на капитализм, между всем этим в то время существовало еще соответствие, и Сисмонди, во всяком случае, представляется писателем цельным и верным самому себе.

«Мы указали уже,—говорит Сисмонди,—какое покровительство находил некогда этот класс (именно класс ремесленников) в учреждении цехов и корпораций (des jurandes et des maîtrises)... Речь идет не о том, чтобы восстановить их странную и притеснительную организацию... Но законодатель должен поставить себе целью поднять вознаграждение за промышленный труд, вывести промышленников из того неустойчивого (précaire) положения, в котором они живут, и, наконец, облегчить им возможность приобрести то, что они называют положением *) (un état)... Теперь рабочие родятся и умирают рабочими, тогда как прежде положение рабочего было лишь приготовлением, первой ступенью к более высшему положению. Вот эту-то возможность повышаться (cette faculté progressive) и важно восстановить. Нужно сделать так, чтобы хозяева имели интерес переводить своих рабочих в более высшее положение; чтобы человек, нанимающийся в мануфактуру, начинал действительно с работы за простую наемную плату, но чтобы он всегда имел впереди надежду, при добром поведении, получать часть в прибылях предприятия» (II, 344—5).

Трудно рельефнее выразить точку зрения мелкого буржуа! Цехи—идеал Сисмонди, и его оговорка насчет нежелательности восстановления их имеет, очевидно, лишь тот смысл, что следует взять принцип, идею цеха (точно так же, как народники хотят брать принцип, идею общины, а не современный фискальный союз, называемый общиной) и отбросить его средневековые уродливости. Нелепость плана Сисмонди состоит не в том, что он защищал целиком цехи, хотел восстановить их целиком—этой задачи он не ставил. Нелепость заключается в том, что он берет за образец союз, возникший из узких, примитивных потребностей в объединении местных ремесленников, а хочет приложить эту

*) Курсив автора.

мерку, этот образец к капиталистическому обществу, в котором объединяющим, обобществляющим элементом является крупная машинная индустрия, ломающая средневековые перегородки, стирающие местные, земляческие и профессиональные различия. Сознавая необходимость союза, объединения вообще, в той или другой форме, романтик берет за образец союз, удовлетворяющий узким потребностям в объединении в патриархальном, неподвижном обществе, и хочет прикладывать его к обществу, совершенно преобразованному—с подвижным населением, с обобществлением труда не в пределах какой-нибудь общины или какой-нибудь корпорации, а в пределах всего государства и даже вне пределов одного государства *).

Вот эта-то ошибка и дает романтику совершенно заслуженную им квалификацию реакционера, при чем под этим термином разумеется не желание восстановить просто-на-просто средневековые учреждения, а именно попытка мерить новое общество на старый патриархальный аршин, именно желание искать образца в старых, совершенно несоответствующих изменившимся экономическим условиям порядках и традициях.

Этого обстоятельства абсолютно не понял Эфруси. Характеристика теории Сисмонди, как реакционной, была понята им именно в грубом вульгарном смысле. Эфруси смутился... Как же так,—рассуждал он,—какой же Сисмонди реакционер, когда он говорит ведь прямо, что вовсе не хочет восстановить цехи? И Эфруси решил, что такое «обвинение» Сисмонди «в ретроградстве» несправедливо; что Сисмонди, напротив, смотрел «правильным образом на цеховую организацию» и «вполне оценил ее исто-

---

*) Совершенно аналогична ошибка народников по отношению к другому союзу (общине), который удовлетворяет узким потребностям объединения местных крестьян, связанных единством землевладения, выгона и т. п. (а главное—единством помещичьей и чиновничьей власти), но совершенно не отвечает потребностям товарного хозяйства и капитализма, ломающего все местные, сословные, разрядные перегородки и вносящего глубокую экономическую рознь интересов внутри общины. Потребность в союзе, в объединении в капиталистическом обществе не ослабела, а, напротив, неизмеримо возросла. Но брать старую мерку для удовлетворения этой потребности нового общества совершенно нелепо. Это новое общество требует уже, во-первых, чтобы союз не был местным, сословным, разрядным; во-вторых, чтобы его исходным пунктом было то различие положения и интересов, которое создано капитализмом и разложением крестьянства. Местный же, сословный союз, связывающий вместе крестьян, резко отличающихся по своему экономическому положению и по своим интересам, становится теперь, в силу своей обязательности, вредным и для самих крестьян и для всего общественного развития.

рическое значение» (№ 7, стр. 147), как это, дескать, выяснено историческими исследованиями таких-то и таких-то профессоров о хороших сторонах цеховой организации.

Quasi-ученые писатели обладают нередко поразительной способностью из-за деревьев не видеть леса! Точка зрения Сисмонди на цехи характерна и важна именно потому, что он связывает с ними свои практические пожелания *). Именно поэтому с его учением и связана характеристика реакционного. А Эфруси принимается, ни к селу ни к городу, толковать о новейших исторических сочинениях о цехах!

Результатом этих неуместных и quasi-ученых рассуждений явилось то, что Эфруси обошел как-раз суть вопроса: справедливо или несправедливо характеризовать доктрину Сисмонди реакционной? Он просмотрел именно то, что является самым главным,—точку зрения Сисмонди. «Меня выставляли,—говорил Сисмонди,—в политической экономии врагом общественного прогресса, партизаном учреждений варварских и принудительных. Нет, я не хочу того, что уже было, но я хочу чего-нибудь лучшего по сравнению с современным. Я не могу судить о настоящем иначе, как сравнивая его с прошлым, и я далек от желания восстановлять старые развалины, когда я доказываю посредством них вечные нужды общества» (II, 433). Желания у романтиков весьма хорошие (как и у народников). Сознание противоречий капитализма ставит их выше слепых оптимистов, отрицающих эти противоречия. И реакционером признают Сисмонди вовсе не за то, что он хотел вернуться к средним векам, а именно за то, что в своих практических пожеланиях он «сравнивал настоящее с прошлым», а не с будущим, именно за то, что он «доказывал вечные нужды общества» **) посредством «развалин», а не посредством тенденций новейшего развития. Вот этой-то мелкобуржуазной точки зрения Сисмонди, выделяющей его резко от других писателей, которые тоже доказывали, и одновременно с ним и после него «вечные нужды общества»,—и не сумел понять Эфруси.

В этой ошибке Эфруси сказалось это же узкое понимание терминов «мелкобуржуазная», «реакционная» доктрина, о котором мы говорили выше по поводу первого термина. Эти термины

---

*) См. выше, хотя бы заглавие той главы, из которой мы приводили рассуждения о цехах (приводимые и Эфруси, стр. 147).

**) То обстоятельство, что он доказывал существование этих нужд, ставит его, повторяем, неизмеримо выше узких буржуазных экономистов,

вовсе не указывают на эгоистические вожделения мелкого лавочника или на желание остановить общественное развитие, вернуться назад: они говорят лишь об ошибочности точки зрения данного писателя, об ограниченности его понимания и кругозора, вызывающего выбор таких средств (для достижения весьма хорошей цели), которые на практике не могут быть действительны, которые могут удовлетворить лишь мелкого производителя или сослужить службу защитникам старины. Сисмонди, напр., вовсе не фанатик мелкой собственности. Он понимает необходимость объединения, союза ничуть не менее, чем наши современные народники. Он выражает пожелание, чтобы «половина прибыли» в промышленных предприятиях «распределялась между ассоциированными рабочими» (II, 346). Он высказывается прямо за «систему ассоциации», при которой бы все «успехи производства шли на пользу тому, кто занят им» (II, 438). Говоря об отношении своего учения к известным в то время учениям Оуэна, Фурье, Томпсона, Мюирона (Muiron), Сисмонди заявляет: «Я желал бы так же, как они, чтобы осуществилась ассоциация между теми, кто производит сообща данный продукт, вместо того, чтобы ставить их в оппозицию друг с другом. Но я не думаю, чтобы те средства, которые они предложили для этой цели, могли когда-нибудь привести к ней» (II, 365).

Различие между Сисмонди и этими писателями состоит именно в точке зрения. Поэтому вполне естественно, что Эфруси, не понявший этой точки зрения, совершенно неверно изобразил отношение Сисмонди к этим писателям.

«Если Сисмонди оказал па своих современников слишком слабое влияние,—читаем мы в «Русском Богатстве» № 8, с. 57,—если предлагавшиеся им социальные реформы не получили осуществления, то это объясняется главным образом тем, что он значительно опередил свою эпоху. Он писал в то время, когда буржуазия праздновала свой медовый месяц... Понятно, что при таких условиях голос человека, требовавшего социальных реформ, должен был оставаться гласом вопиющего в пустыне. Но ведь мы знаем, что и потомство относилось к нему немногим лучше. Это объясняется, быть-может, что Сисмонди является, как мы уже сказали выше, писателем переходной эпохи; хотя он и желает крупных изменений, он, тем не менее, не может вполне отрешиться от старого. Умеренным людям он казался поэтому слишком радикальным, а на взгляд представителей более крайних направлений он был слишком умеренным».

Во-первых, говорить, что Сисмонди предлагаемыми им рефор-

мами «опередил эпоху»—значит абсолютно не понять самой сути доктрины Сисмонди, который сам говорит про себя, что он сравнивал настоящее с прошлым. Требовалась бесконечная близорукость (или бесконечное пристрастие к романтизму), чтобы просмотреть общий дух и общее значение теории Сисмонди из-за того только, что Сисмонди сочувствовал фабричному законодательству *) и т. п.

Во-вторых, Эфруси полагает таким образом, что различие между Сисмонди и другими писателями состоит лишь в степени решительности предлагавшихся реформ: они шли дальше, а он не вполне отрешился от старого.

Не в этом дело. Различие между Сисмонди и этими писателями лежит гораздо глубже—вовсе не в том, что одни шли дальше, другие были робки **), а в том, что самый характер реформ представлялся им с двух диаметрально противоположных точек зрения. Сисмонди доказывал «вечные нужды общества», и эти писатели доказывали тоже вечные нужды общества. Сисмонди был утопистом, основывал свои пожелания на абстрактной идее, а не на реальных интересах,—и эти писатели были утопистами, основывали свои планы тоже на абстрактной идее. Но именно характер их планов совершенно различен вследствие того, что на новейшее экономическое развитие, поставившее вопрос о «вечных нуждах», они смотрели с диаметрально противоположных точек зрения; указанные писатели предвосхищали будущее, гениально угадывали тенденции той «ломки», которую проделывала на их глазах прежняя машинная индустрия. Они смотрели в ту же сторону, куда шло и действительное развитие; они действительно опережали это развитие. Сисмонди же поворачивался к этому развитию задом; его утопия не предвосхищала будущее, а реставрировала прошлое; он смотрел не вперед, а назад, мечтая «прекратить ломку»,—ту самую «ломку», из которой выводили свои утопии указанные

---

*) Да и в этом вопросе Сисмонди не «опередил» эпоху, ибо одобрял лишь то, что уже осуществлялось в Англии, не умея понять связь этих преобразований с крупной машинной индустрией и ее прогрессивной исторической работой.

**) Мы не хотим сказать, что в этом отношении между указанными писателями нет различия, но оно не объясняет дела и неправильно представляет отношение Сисмонди к другим писателям: выходит, будто они стояли на одинаковой точке зрения, различаясь лишь решительностью и последовательностью выводов. Не в том дело, что Сисмонди «шел» не так далеко, а в том, что он «шел» назад, а указанные писатели «шли» вперед.

писатели *). Вот почему утопия Сисмонди признается—и совершенно справедливо—реакционной. Основание такой характеристики заключается, повторяем еще раз, только в том, что Сисмонди не понимал прогрессивного значения той «ломки» старых, полусредневековых, патриархальных общественных отношений западно-европейских государств, которую с конца прошлого века начала проделывать крупная машинная индустрия.

Эта специфическая точка зрения Сисмонди проглядывает даже среди его рассуждений об «ассоциации» вообще. «Я желаю,—говорит он,—чтобы собственность на мануфактуры (la propriété des manufactures) была разделена между большим числом средних капиталистов, а не соединяла в руках одного человека, владеющего многими миллионами...» (II, 365). Еще рельефнее точка зрения мелкого буржуа сказалась в такой тираде: «Нужно устранить не класс бедных, а класс поденщиков, их следует вернуть в класс собственников» (II, 308). «Вернуть» в класс собственников—в этих словах вся суть доктрины Сисмонди!

Разумеется, Сисмонди должен был сам чувствовать неосуществимость своих благопожеланий, чувствовать резкий диссонанс между ними и современной рознью интересов. «Задача соединить снова интересы тех, кто участвует вместе в одном и том же производстве (qui concurrent à la même production)... без сомнения, трудна, но я не думаю, чтобы эта трудность была так велика, как предполагают» (II, 450) **). Сознание этого несоответствия своих пожеланий и чаяний с условиями действительности и их развитием вызывает, естественно, стремление доказать, что «еще не поздно» «вернуться» и т. п. Романтик пытается опереться на неразвитость противоречий современного строя, на отсталость страны. «Народы завоевали систему свободы, в которую мы вступили (речь шла о падении феодализма); но в то время, когда они разрушили ярмо, которое они так долго носили, трудящиеся классы (les hommes de peine—представители труда) не были лишены всякой собственности. В деревне они, в качестве половников, чиншевиков (censitaires), арендаторов, владели землей

---

*) «Роберт Оуэн,—говорит один немецкий экономист,—отец кооперативных фабрик и кооперативных лавок, который, однако, вовсе не разделял иллюзий своих преемников насчет значения (Tragweite) этих изолированных элементов преобразования,—не только фактически исходил в своих опытах из фабричной системы, но теоретически объявлял ее исходным пунктом «общественного преобразования».

**) «Задача, которую предстоит решить русскому обществу, с каждым днем усложняется. С каждым днем захваты капитализма становятся обширнее». (Ibid.).

(ils se trouvérent associés à la propriété du sol). В городах в качестве членов корпораций, ремесленных союзов (métiers), образованных ими для взаимной защиты, они были самостоятельными промышленниками (ils se trouvérent associés à la propriété de leur industrie). Только в наши дни, только в самое последнее время (c'est dans ce moment même) прогресс богатства и конкуренции ломает все эти ассоциации. Но эта ломка (révolution) еще на половину не закончена» (II, 437).

«Правда, только одна нация находится теперь в этом неестественном положении; только в одной нации мы видим этот постоянный контраст мнимого богатства (richesse apparente) и ужасной нищеты десятой доли населения, вынужденной жить на счет общественной благотворительности. Но эта нация, столь достойная подражания в других отношениях, столь ослепительная даже в своих ошибках, соблазнила своим примером всех государственных людей континента. И если эти размышления не смогут уже принести пользы ей, то я окажу, по крайней мере, думается мне, услугу человечеству и моим соотечественникам, показывая опасности того пути, по которому она идет, и доказывая ее собственным опытом, что основывать политическую экономию на принципе неограниченной конкуренции—это значит приносить в жертву интерес человечества одновременному действию всех личных страстей» (II, 368) *). Так заканчивает Сисмонди свои «Nouveaux Principes».

Общее значение Сисмонди и его теории формулировал отчетливо один немецкий экономист [91]) в следующем отзыве, дающем сначала очерк тех условий западно-европейской экономической жизни, которые породили такую теорию (и притом породили именно в ту эпоху, когда капитализм только еще начинал создавать там крупную машинную индустрию), а затем и оценку ее **).

«Средневековое мещанство и сословие мелких крестьян были предшественниками современной буржуазии. В странах, менее развитых в промышленном и торговом отношениях, класс этот до сих пор еще прозябает рядом с развивающейся буржуазией.

«В тех странах, где развилась современная цивилизация, образовалось—и как дополнительная часть капиталистического обще-

---

*) Русскому обществу предстоит решение великой задачи, крайне трудной, но не невозможной—«развить производительные силы населения в такой форме, чтобы ими могло пользоваться не незначительное меньшинство, а весь народ» (Н.—он, 343).

**) Ср. цитаты в «Р. Б.», № 8, стр. 57, а также «Р. Б-во», 1894, № 6, в статье г-на Н.—она.

ства постоянно вновь образуется—буржуазное среднее сословие (которое колеблется между пролетариатом и буржуазией). Но конкуренция постоянно сталкивает принадлежащих к этому классу лиц в ряды пролетариата, и они начинают даже предвидеть приближение того момента, когда, с развитием крупной промышленности, они совершенно исчезнут, как самостоятельная часть современного общества, и в торговле, мануфактуре и земледелии заменятся надзирателями и наемными служащими.

В таких странах, как Франция, где крестьянство составляет гораздо более половины всего населения, естественно было появление писателей, которые, становясь на сторону пролетариата, прикладывали к капиталистическим условиям мелкобуржуазную и мелко-крестьянскую мерку и защищали дело рабочих с мелкобуржуазной точки зрения. Так возникло мелкобуржуазное социальное учение. Сисмонди стоит во главе этого рода литературы не только во Франции, но даже и в Англии.

«Это учение прекрасно умело подметить противоречия современных условий производства. Оно разоблачило лицемерный оптимизм экономистов. Оно указало на разрушительное действие машинного производства и разделения труда, на концентрацию капиталов и поземельной собственности, на излишнее производство и кризисы, на неизбежную гибель мелкой буржуазии и крестьянства, на нищету пролетариата, анархию в производстве, вопиющие несправедливости в производстве, на разорительную промышленную войну наций между собой, разложение старых нравов, старых семейных отношений и старых национальностей *).

«Положительная сторона требований этого направления заключается или в восстановлении старых способов производства и обмена, а вместе с ними старых имущественных отношений и старого общественного строя; или же оно стремится насильственно удержать современные способы производства и обмена в рамках старых имущественных отношений, которые они уже разбили и необходимо должны были разбить. В обоих случаях оно является реакционным и утопическим одновременно.

«Цеховая организация промышленности и патриархальное сельское хозяйство являются последним его словом» **).

---

*) Этот отрывок приводит Эфруси в № 8 «Р. Б-ва» на стр. 57 (от последней красной строки).

**) Ср. «Р. Б-во», указ. статья, 1894 г., № 6, стр. 88. Г. Н. —он делает в переводе этого отрывка две неточности и один пропуск. Вместо «мелкобуржуазный» и «мелко-крестьянский» он переводит «узкомещанский» и «узко-крестьянский». Вместо «дело рабочих» он переводит «дело народа», хотя

Справедливость этой характеристики мы старались показать при разборе каждого отдельного члена в доктрине Сисмонди. Теперь же отметим лишь курьезный прием, употребленный здесь Эфруси в завершение всех промахов в его изложении, критике и оценке романтизма. Читатель помнит, что в самом начале своей статьи (в № 7 «Р. Б-ва») Эфруси заявил, что причисление Сисмонди к реакционерам и утопистам «несправедливо» и «неправильно» (l. c., стр. 139). Чтобы доказать такой тезис, Эфруси, во-первых, ухитрился обойти полным молчанием самое главное, именно связь точки зрения Сисмонди с положением и интересами особого класса капиталистического общества, мелких производителей; во-вторых, при разборе отдельных положений теории Сисмонди, Эфруси частью представлял его отношение к новейшей теории в совершенно неправильном свете, как мы это показали выше, частью же просто игнорировал новейшую теорию, защищая Сисмонди ссылками на немецких ученых, которые «не ушли дальше» Сисмонди; в-третьих, наконец, Эфруси пожелал резюмировать оценку Сисмонди таким образом: «Наш (!) взгляд на значение Симонда-де-Сисмонди,—говорит он,—мы можем (!!) резюмировать в следующих словах» одного немецкого экономиста («Р. Б.», № 8, стр. 57), и дальше цитируется отмеченный выше отрывок, т.-е. только частичка характеристики, данной этим экономистом, при чем отброшена именно та часть, где выясняется связь теории Сисмонди с особым классом новейшего общества, и та часть, где окончательный вывод гласит о реакционности и утопизме Сисмонди! Мало этого. Эфруси не ограничился тем, что выхватил частичку отзыва, не дающую никакого понятия о целом отзыве, и, таким образом, представил в совершенно неверном свете отношение этого экономиста к Сисмонди. Он пожелал еще прикрасить Сисмонди, как будто бы оставаясь лишь передатчиком взглядов того же экономиста.

«Прибавим к этому,—говорит Эфруси,—что по некоторым теоретическим воззрениям Сисмонди является предшественником самых выдающихся новейших экономистов *): вспомним его взгляды на доход с капитала, на кризис, его классификацию национального дохода и т. д.» (ibid.). Таким образом, вместо того, чтобы прибавить к указанию заслуг Сисмонди немецким экономистом указание того же экономиста на мелкобуржуазную точку

в оригинале стоит der Arbeiter. Слова: «необходимо должны были разбить» (gesprengt werden mussten) он пропускает.

*) Вроде Адольфа Вагнера? [92]).

зрения Сисмонди, на реакционный характер его утопии,—Эфруси прибавляет к числу заслуг Сисмонди именно те части его учения (вроде «классификации национального дохода»), в которых, по отзыву все того же экономиста, нет ни одного научного слова.

Нам возразят: Эфруси может вовсе не разделять того мнения, что объяснения экономических доктрин следует искать в экономической действительности; он может быть глубоко убежденным в том, что теория А. Вагнера о «классификации национального дохода» есть теория «самая выдающаяся».—Охотно верим. Но какое же право имел он кокетничать с той теорией, о которой г.г. народники так любят говорить, что они с ней «согласны», тогда как на деле он не понял абсолютно отношения этой теории к Сисмонди и сделал все возможное (и даже невозможное), чтобы представить это отношение в совершенно неверном виде?

Мы не стали бы уделять так много места этому вопросу, если бы дело касалось одного только Эфруси—писателя, имя которого встречается в народнической литературе едва ли не впервые. Нам важна вовсе не личность Эфруси и даже не его воззрения, а отношение народников к разделяемой якобы ими теории знаменитого немецкого экономиста вообще. Эфруси совсем не представляет из себя какого-либо исключения. Напротив, его пример вполне типичен и, чтобы доказать это, мы и приводили везде параллель между точкой зрения и теорией Сисмонди и точкой зрения и теорией г-на Н. — она. Аналогия оказалась полнейшая: и теоретические воззрения, и точка зрения на капитализм и характер практических выводов и пожеланий оказались у обоих писателей однородными. А так как воззрения г-на Н. —она могут быть названы последним словом народничества *), то мы в праве сделать тот вывод, что экономическое учение народников есть лишь русская разновидность обще-европейского романтизма.

Понятно само собой, что исторические и экономические особенности России, с одной стороны, и ее несравненно большая отсталость, с другой стороны, вызывают особенно крупные отличия народничества. Но эти отличия не выходят, однако, за пределы отличий видовых и потому не изменяют однородности народничества и мелкобуржуазного романтизма.

---

*) Другой народнический экономист, г. В. В., совершенно солидарен с г. Н. —оном по указанным выше важнейшим вопросам, и отличается лишь еще более примитивной точкой зрения.

Может быть, самым выдающимся и наиболее обращающим на себя внимание отличием является стремление экономистов-народников прикрыть свой романтизм заявлением «согласия» с новейшей теорией и возможно более частыми ссылками на нее, хотя эта теория резко отрицательно относится к романтизму и выросла в жестокой борьбе со всеми разновидностями мелкобуржуазных учений.

Разбор теории Сисмонди представляет особенный интерес именно потому, что дает возможность разобрать общие приемы такого переодеванья.

Мы видели, что *и* романтизм *и* новейшая теория указывают на одни и те же противоречия современного общественного хозяйства. Этим и пользуются народники, ссылающиеся на то, что новейшая теория признает противоречия, проявляющиеся в кризисах, в поисках внешнего рынка, в росте производства при понижении потребления, в таможенном покровительстве во вредном действии машинной индустрии и т. д. и т. д. И народники совершенно правы: новейшая теория действительно признает все эти противоречия, которые признавал и романтизм. Но, спрашивается, поставил ли хоть один народник когда-либо вопрос о том, чем отличается научный анализ этих противоречий, сводящий их к различным интересам, вырастающим на почве данного строя хозяйства, от утилизации этих указаний на противоречия лишь для добрых пожеланий?—Нет, ни у одного народника мы не найдем разбора этого вопроса, характеризующего именно отличие новейшей теории от романтизма. Народники утилизируют свои указания на противоречия точно так же лишь для добрых пожеланий.

Спрашивается далее, поставил ли хоть один народник когда-либо вопрос о том, чем отличается сентиментальная критика капитализма от научной, диалектической его критики?—Ни один не поставил этого вопроса, характеризующего второе важнейшее отличие новейшей теории от романтизма. Ни один не считал нужным ставить критерием своих теорий именно данное развитие общественно-хозяйственных отношений (а в применении этого критерия и состоит основное отличие научной критики).

Спрашивается, наконец, поставил ли хоть один народник когда-либо вопрос о том, чем отличается точка зрения романтизма, идеализирующая мелкое производство и оплакивающая «ломку» его устоев «капитализмом»,—от точки зрения новейшей теории, которая считает исходным пунктом своих построений крупное капиталистическое производство посредством машин и объявляет

прогрессивным явлением эту «ломку устоев»? (Мы употребляем это общепринятое народническое выражение, рельефно характеризующее тот процесс преобразования общественных отношений под влиянием крупной машинной индустрии, который везде, а не в России только, происходил в поражавшей общественную мысль крупной и резкой форме.)—Опять-таки нет. Ни один народник не задавался этим вопросом, ни один не пытался приложить к русской «ломке» тех мерок, которые заставили признать западно-европейскую «ломку» прогрессивной, и все они плачут об устоях и рекомендуют прекратить ломку, уверяя сквозь слезы, что это-то и есть «новейшая теория»...

Сличение их «теории», которую они выставляли новым и самостоятельным решением вопроса о капитализме, на основании последних слов западно-европейской науки и жизни, с теорией Сисмонди показывает наглядно, к какому примитивному периоду развития капитализма и развития общественной мысли относится возникновение такой теории. Но суть дела не в том, что эта теория стара. Мало ли есть очень старых европейских теорий, которые были бы весьма новы для России! Суть дела в том, что и тогда, когда эта теория появилась, она была теорией мелкобуржуазной и реакционной.

VI.

Вопрос о пошлинах на хлеб в Англии в оценке романтизма и научной теории.

Сравнение теории романтизма о главных пунктах современной экономии с новейшей теорией мы дополним сравнением их суждения об одном практическом вопросе. Интерес такого сравнения усиливается тем, что этот практический вопрос представляет один из самых крупных, принципиальных вопросов капитализма, с одной стороны; с другой стороны, тем, что по этому вопросу высказались оба наиболее видные представители этих враждебных теорий.

Мы говорим о хлебных законах в Англии и об отмене их. Вопрос этот глубоко интересовал во второй четверти текущего столетия экономистов не только английских, но и континентальных: все понимали, что это вовсе не частный вопрос таможенной политики, а общий вопрос о свободе торговли, о свободе конкуренции, о «судьбе капитализма». Речь шла именно о том, чтобы увенчать здание капитализма полным проведением свободы кон-

куренции, о том, чтобы расчистить дорогу для завершения той «ломки», которую начала проделывать в Англии крупная машинная индустрия с конца прошлого века, о том, чтобы устранить препятствия, задерживающие эту «ломку» в земледелии. Именно так и взглянули на этот вопрос оба континентальные экономиста, о которых мы собираемся говорить.

Сисмонди вставил во второе издание своих «Nouveaux Principes» особую главу «о законах относительно торговли хлебом» (l. III. ch. X).

Он констатирует прежде всего жгучий характер вопроса: «Половина английского народа требует в настоящее время отмены хлебных законов, требует с глубоким раздражением против тех, кто их поддерживает; а другая половина требует сохранения их, испуская крики негодования против тех, кто хочет их отменить» (I, 251).

Разбирая вопрос, Сисмонди указывает, что интересы английских фермеров требуют пошлины на хлеб для обеспечения им remunerating price (выгодной или безубыточной цены). Интересы же мануфактуристов требуют отмены хлебных законов, ибо мануфактуры не могут существовать без внешних рынков, а дальнейшее развитие английского вывоза задерживалось законами, стесняющими ввоз: «Мануфактуристы говорили, что переполнение рынка, которое они встречают на местах сбыта, есть результат тех же хлебных законов,—что богатые люди континента не могут покупать их товаров, так как они не находят сбыта своему хлебу» (I, 254) *).

«Открытие рынков иностранному хлебу разорит, вероятно, английских землевладельцев и уронит до несравненно более низкой цены арендную плату. Это—большое бедствие, без сомнения, но это не было бы несправедливостью» (I, 254). И Сисмонди принимается наивнейшим образом доказывать, что доход землевладельцев должен соответствовать услуге (sic!!), которую они оказывают «обществу» (капиталистическому?) и т. д. «Фермеры,—продолжает Сисмонди,—вынут свой капитал—отчасти, по крайней мере,—из земледелия».

---

*) Как ни односторонне это объяснение английских фабрикантов, игнорирующих более глубокие причины кризисов и неизбежность их при слабом расширении рынка, но в нем есть, несомненно, вполне справедливая мысль, что реализация продукта сбытом за границу требует, в общем и целом, соответствующего привоза из-за границы. Рекомендуем это указание английских фабрикантов к сведению тех экономистов, которые от вопроса о реализации продукта в капиталистическом обществе отделываются глубокомысленным замечанием: «сбудут за границу».

В этом рассуждении Сисмонди (а он этим рассуждением и удовлетворяется) сказывается основной порок романтизма, не обращающего достаточного внимания на тот процесс экономического развития, который имеет место в действительности. Мы видели, что Сисмонди сам указал на постепенное развитие и рост фермерства в Англии. Но он торопится перейти к осуждению этого процесса вместо того, чтобы изучить его причины. Только этой торопливостью, желанием навязать истории свои невинные пожелания и можно объяснить то обстоятельство, что Сисмонди просматривает общую тенденцию развития капитализма в земледелии и неизбежное ускорение этого процесса при отмене хлебных законов, т.-е капиталистический прогресс земледелия вместо упадка, который пророчит Сисмонди.

Но Сисмонди верен себе. Как только он подошел к противоречию этого капиталистического процесса, так немедленно он обращается к наивному «опровержению» его, стремясь во что бы то ни стало доказать ошибочность того пути, которым идет «английское отечество».

Что будет делать поденщик?.. Работа прекратится, поля превращены будут в пастбища... Что станется с 540.000 семей, которым будет отказано в работе?*). Предположив даже, что они будут годны ко всякой промышленной работе, имеется ли в настоящее время такая индустрия, которая была бы в состоянии принять их?.. Найдется ли такое правительство, которое бы добровольно решилось подвергнуть половину нации, им управляемой, подобному кризису?.. Те, кому принесут, таким образом, в жертву землевладельцев, извлекут ли сами какую-либо пользу из этого? Ведь эти землевладельцы—самые близкие и самые надежные потребители английских мануфактур. Прекращение их потребления нанесло бы индустрии более гибельный удар, чем закрытие одного из самых крупных заграничных рынков» (255—6). Выступает на сцену пресловутое «сокращение внутреннего рынка». «Сколько потеряют мануфактуры от прекращения потребления всего класса английских землевладельцев, который составляет почти половину нации? Сколько потеряют мануфактуры от прекращения потребления богатых людей, землевладельческие доходы

*) Сисмонди для «доказательства» негодности капитализма сочиняет сейчас же примерный расчет (которые так любит, напр., наш русский романтик г. В. В.). 600.000 семей,—говорит он,—заняты в земледелии. При замене полей патбищами «потребуется» не больше одной десятой этого числа... Чем меньше понимания процесса во всей его сложности обнаруживает писатель, тем охотнее прибегает он к детским расчетам «на-глаз».

которых будут почти уничтожены?» (267). Романтик из кожи лезет, доказывая фабрикантам, что противоречия, свойственные развитию их производства и их богатства, выражают лишь их ошибку, их нерасчетливость. И чтобы «убедить» фабрикантов в «опасности» капитализма, Сисмонди подробно рисует грозящую конкуренцию польского и русского хлеба (р. 257—261). Он пускает в ход всяческие аргументы, хочет повлиять даже на самолюбие англичан. «Что станется с честью Англии, если русский император будет в состоянии, лишь только пожелает, получить от нее какую-нибудь уступку, уморить ее с голоду, заперев порты Балтийского моря?» (268). Вспомните, читатель, как Сисмонди доказывал ошибочность «апологии власти денег» тем, что при продажах легко бывают обманы... Сисмонди хочет «опровергнуть» теоретических толмачей фермерства, указывая, что богатые фермеры не могут выдержать конкуренции жалких крестьян (цит. выше), и в конце концов приходит-таки к своему любимому выводу, убежденный, видимо, что он доказал «ошибочность» того пути, которым идет «английское отечество». «Пример Англии показывает нам, что эта практика (развитие денежного хозяйства, которому Сисмонди противопоставляет l'habitude de se fournir soi-même, «жизнь трудами рук своих») не лишена опасности» (263). «Самая система хозяйства (именно фермерство) дурна, основывается на опасном базисе, и ее-то следует постараться изменить» (266).

Конкретный вопрос, вызванный столкновением определенных интересов в определенной системе хозяйства, потоплен, таким образом, в потоке невинных пожеланий! Но вопрос был поставлен самими заинтересованными сторонами так резко, что ограничиться подобным «решением» (как ограничивается им романтизм относительно всех других вопросов) было уже совершенно невозможно.

Что же делать, однако?—спрашивает в отчаянии Сисмонди,—открыть ли порты Англии или запереть их? осудить ли на голод и смертность мануфактурных или сельских рабочих Англии? Поистине, вопрос ужасный; положение, в котором находится английское министерство,—одно из самых щекотливых, в котором только могли оказаться государственные люди (260). И Сисмонди паки и паки возвращается к «общему выводу» об «опасности» системы фермерства, об опасности подчинять все земледелие системе спекуляции». Но «каким образом можно в Англии принять такие меры—серьезные, но в то же время постепенные, которые бы подняли значение (remettraient en honneur) мелких форм, когда половина нации, занятая в мануфактурах, страдает

от голода, а требуемые ею меры угрожают голодом другой половине нации, занятой в земледелии,—я не знаю. Я считаю необходимым подвергнуть законы о торговле хлебом значительным изменениям; но я советую тем, кто требует полной отмены их, тщательно исследовать следующие вопросы» (267), — следуют старые жалобы и опасения насчет упадка земледелия, сокращения внутреннего рынка и т. п.

Таким образом, при первом же столкновении с действительностью, романтизм потерпел полное фиаско. Он принужден был сам себе выдать testimonium paupertatis *) и самолично расписаться в его получении. Вспомните, как легко и просто «разрешал» романтизм все вопросы в «теории»! Протекционизм—неразумен, капитализм—гибельное заблуждение, путь Англии—ошибочен и опасен, производство должно итти в ногу с потреблением, промышленность и торговля—в ногу с земледелием, машины выгодны лишь тогда, когда ведут к повышению платы или сокращению рабочего дня, средства производства не следует отделять от производителей, обмен не должен опережать производство, не должен вести к спекуляции и т. д. и т. д. Каждое противоречие романтизм заткнул соответствующей сентиментальной фразой, на каждый вопрос ответил соответствующим невинным пожеланием и наклеивание этих ярлычков на все факты текущей жизни называл «решением» вопросов. Неудивительно, что эти решения были так умилительно просты и легки: они игнорировали лишь одно маленькое обстоятельство—те реальные интересы, в конфликте которых и состояло противоречие. И когда развитие этого противоречия поставило романтика лицом к лицу перед одним из таких особенно сильных конфликтов, каковым была борьба партий в Англии, предшествовавшая отмене хлебных законов,—наш романтик совсем потерялся. Он прекрасно чувствовал себя в тумане мечтаний и добрых пожеланий, он так мастерски сочинял сентенции, подходящие к «обществу» вообще (но не подходящие ни к какому исторически-определенному строю общества),—а когда попал из своего мира фантазии в водоворот действительной жизни и борьбы интересов,—у него не оказалось в руках даже критерия для разрешения конкретных вопросов. Привычка к отвлеченным построениям и абстрактным решениям свела вопрос к голой формуле: какое население следует разорить земледельческое или мануфактурное?—И романтик не мог, конечно, не заключить, что никакого не следует разорять, что

*) — Свидетельство о бедности. Ред.

нужно «свернуть с пути»... но реальные противоречия обступили его уже так плотно, что не пускают его подняться опять в туман добрых пожеланий, и романтик вынужден дать ответ. Сисмонди дал даже целых два ответа: первый—«я не знаю»; второй—«с одной стороны, нельзя не сознаться, с другой стороны, надо признаться».

9-го января 1847 года в Брюсселе один немецкий экономист говорил в публичном собрании «речь о свободе торговли» *). В противоположность романтизму, заявлявшему, что «политическая экономии не наука расчета, а наука морали», он поставил исходным пунктом своего изложения именно простой трезвый подсчет интересов. Вместо того, чтобы взглянуть на вопрос о хлебных законах как на вопрос «системы», избираемой нацией, или как на вопрос законодательства (так смотрел Сисмонди), оратор начал с того, что представил этот вопрос столкновением интересов фабрикантов и землевладельцев, и показал, каким образом английские фабриканты пытались выставить вопрос общенародным делом, пытались уверить рабочих в том, что они действуют в интересах народного блага. В противоположность романтику, излагавшему вопрос в форме соображений, которые должен иметь в виду законодатель при осуществлении реформы,— оратор свел вопрос к столкновению реальных интересов различных классов английского общества. Он показал необходимость удешевления сырых материалов для фабрикантов, как основание всего вопроса. Он охарактеризовал недоверчивое отношение английских рабочих, видевших «в людях, полных самоотвержения, в каком-нибудь Боуринге (Bowring), Брайте (Bright) [93]) и их сотоварищах—своих величайших врагов».

«Фабриканты строят с большими издержками дворцы, в которых Anti-corn law-league (лига против хлебных законов) [94]) устраивает в некотором роде свою резиденцию, они рассылают во все пункты Англии целую армию апостолов для проповеди религии свободной торговли. Они печатают в тысячах экземпляров брошюры и раздают их даром, чтобы просветить работника насчет его собственных интересов. Они тратят громадные суммы, чтобы привлечь на свою сторону прессу. Чтобы руководить фритредерским движением, они организуют величественный admини-

*) «Discours sur le libre échange». Мы пользуемся немецким переводом: «Rede über die Frage des Freihandels» (К. Маркс, «Речь о свободе торговли». Ред.).

стративный аппарат и на публичных митингах развертывают все дары своего красноречия. На одном из таких митингов один рабочий воскликнул: «Если бы землевладельцы продавали наши кости, то вы, фабриканты, первые купили бы их, чтобы отправить на паровую мельницу и сделать из них муку!». Английские работники прекрасно поняли значение борьбы между землевладельцами и фабрикантами. Они прекрасно знают, что цену хлеба хотят понизить для того, чтобы понизить заработную плату, и что прибыль на капитал поднимется на столько же, на сколько упадет рента».

Таким образом уже самая постановка вопроса дается совсем иначе, чем у Сисмонди. Задачей ставится, во-первых, объяснить отношение к вопросу различных классов английского общества с точки зрения их интересов; во-вторых, осветить значение реформы в общей эволюции английского общественного хозяйства.

По этому последнему пункту взгляды оратора сходятся с взглядами Сисмонди в том отношении, что он точно так же видит тут не частный, а общий вопрос о развитии капитализма вообще, о «свободной торговле» как системе. «Отмена хлебных законов в Англии была величайшим триумфом, которого добилась свободная торговля в XIX веке». «С отменой хлебных законов свободная конкуренция, современный строй общественного хозяйства доводится до своего крайнего развития» *). Данный вопрос представляется, следовательно, для этих авторов вопросом о том, следует ли желать дальнейшего развития капитализма или же задержки его, поисков «иных путей» и т. п. И мы знаем, какой утвердительный ответ их на этот вопрос был именно решением общего принципиального вопроса о «судьбах капитализма», а не частного вопроса о хлебных законах в Англии, ибо установленная здесь точка зрения применялась и гораздо позже

*) «Die Lage der arbeitenden Klasse in England» (1845). Это сочинение писано с совершенно такой же точки зрения до отмены хлебных законов (1846), тогда как излагаемая в тексте речь относится к периоду после их отмены. Но различие во времени не имеет для нас значения: достаточно сравнить вышеприведенные рассуждения Сисмонди, относящиеся к 1827 году, с этой речью 1849 года, чтобы видеть полное тожество элементов вопроса у обоих авторов. Самая идея сравнить Сисмонди с позднейшим немецким экономистом заимствована нами из «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», B. Art. «Sismondi» von Lippert. Seite 679. Параллель оказалась представляющей такой животрепещущий интерес, что изложение г. Липперта сразу потеряло всю свою деревянность... то бишь «объективность», и стало интересным, живым и даже страстным.

по отношению к другим государствам. Авторы держались таких воззрений в 1840-х годах, и относительно Германии и относительно Америки *), объявляя прогрессивность свободной конкуренции для этой страны; по отношению к Германии еще в 60-х годах один из них писал, что она страдает не только от капитализма, но и от недостаточного развития капитализма.

Возвратимся к излагаемой речи. Мы указали на принципиально иную точку зрения оратора, сведшего вопрос к интересам различных классов английского общества. Такое же глубокое различие видим мы и в постановке им чисто-теоретического вопроса о значении отмены хлебных законов в общественном хозяйстве. Для него это не абстрактный вопрос о том, какой системе должна следовать Англия, какой путь ей избрать (как ставит вопрос Сисмонди, забывая о том, что у Англии есть прошлое и настоящее, которые уже определяют этот путь). Нет, он ставит вопрос сразу на почву данного общественно-хозяйственного строя; он спрашивает себя, каков должен быть следующий шаг в развитии этого строя после отмены хлебных законов.

Трудность этого вопроса состояла в определении того, как повлияет отмена хлебных законов на земледелие,—ибо относительно промышленности влияние это было для всех ясно.

Чтобы доказать пользу такой отмены и для земледелия, Anti-cornlaw-league назначила премии за три лучшие сочинения о благотворном влиянии уничтожения хлебных законов на английское земледелие. Оратор излагает вкратце взгляды всех трех лавреатов, Гопа (Hope), Морза (Morse) и Грега (Greg), и сразу выделяет последнего, сочинение которого наиболее научно, наиболее строго проводит принципы, установленные классической политической экономией.

Грег, сам крупный фабрикант, писавший преимущественно для крупных фермеров, доказывает, что отмена хлебных законов вытолкнет из земледелия мелких фермеров, которые обратятся к индустрии, но послужит к выгоде крупных фермеров, которые получат возможность снимать землю на более долгие сроки, вкладывать в землю больше капитала, употреблять больше машин, обходясь меньшим количеством труда, который должен подешеветь с удешевлением хлеба. Землевладельцам же придется довольствоваться более низкой рентой, вследствие изъятия из

---

*) Ср. в «Neue Zeit» [95]) открытые недавно статьи Маркса в «Westphälisches Dampfboot» [96]).

обработки земель худшего качества, неспособных выдержать конкуренции дешевого привозного хлеба.

Оратор оказался вполне прав, признав наиболее научными это предсказание и открытую защиту капитализма в земледелии. История оправдала предсказание. «Отмена хлебных законов дала английскому земледелию громадный толчок... Абсолютное уменьшение сельского рабочего населения шло рука об руку с расширением обработанной площади, с интенсификацией культуры, с неслыханным накоплением капитала, вкладываемого в землю и посвящаемого ее обработке, с увеличением земельного продукта, не имеющим параллели в истории английской агрономии, с увеличением ренты землевладельцев, с ростом богатства капиталистических арендаторов... Основным условием новых методов была большая затрата капитала на акр земли, а, следовательно, ускоренная концентрация ферм» *).

Но оратор не ограничился, разумеется, этим признанием наибольшей правильности рассуждений Грега. Это рассуждение было в устах Грега доводом фритредера, толкующего об английском земледелии вообще, стремящегося доказать общую выгоду для нации от отмены хлебных законов. После изложенного нами выше ясно, что не таков был взгляд оратора.

Он разъяснил, что понижение цены хлеба, столь прославляемое фритредерами, означает неминуемое сокращение заработной платы, удешевление товара «труд» (точнее: рабочей силы); что удешевление хлеба никогда не в состоянии будет уравновесить

---

*) Писано в 1867 г. Что касается до увеличения ренты, то для объяснения этого явления надо принять во внимание закон, установленный новейшим анализом диференциальной ренты, именно, что повышение ренты возможно на-ряду с понижением цены хлеба. «Когда английские хлебные пошлины были отменены в 1846 г., то английские фабриканты думали, что они превратили этим землевладельческую аристократию в пауперов. Вместо этого, она стала еще богаче, чем была когда-либо прежде. Как это случилось? Очень просто. Во-первых, от фермеров стали требовать по контракту, чтобы они вкладывали по 12 ф. стерл. вместо 8 ф. стерл. па акр в год, а, во-вторых, землевладельцы, имея очень много представителей в нижней палате, добились себе крупной государственной субсидии для дренирования своих земель и для других прочных улучшений. Так как полного вытеснения даже самой худшей земли нигде не было, а случалось—самое бо́льшее—лишь употребление ее для других целей, да и то, в большинстве случаев, только временное,—то ренты поднялись пропорционально увеличенным вложениям капитала в землю, и землевладельческая аристократия оказалась еще в лучших условиях, чем прежде» («Das Kapital», III, 2, 259) («Капитал», III том, 2 часть, стр. 255—6 русск. изд. под ред. Базарова и Степанова, 1908. Ред.).

для рабочего это понижение платы, во-первых, потому, что при понижении цены хлеба работнику труднее будет сделать сбережение на употреблении хлеба, с целью доставить себе возможность купить другие предметы; во-вторых, потому, что прогресс индустрии удешевляет предметы потребления, заменяя пиво водкой, хлеб—картофелем, шерсть и лен—хлопчатой бумагой, понижая всем этим уровень потребностей и жизни работника.

Таким образом, мы видим, что оратор устанавливает элементы вопроса, повидимому, так же, как и Сисмонди: он тоже признает неизбежным последствием свободной торговли разорение мелких фермеров, нищету рабочих в промышленности и в земледелии. Наши народники, отличающиеся также неподражаемым искусством «цитировать», вот тут-то и останавливают обыкновенно свои «выписки», заявляя с полным удовлетворением, что они вполне «согласны». Но такие приемы показывают лишь, что они не понимают, во-первых, громадных различий в постановке вопроса, на которые мы указали выше; что они просматривают, во-вторых, то обстоятельство, что коренное отличие новой теории от романтизма тут только и начинается: романтик поворачивает от конкретных вопросов действительного развития к мечтаниям, реалист же берет установленные факты за критерий для определенного решения конкретного вопроса.

Указав на предстоящее улучшение положения рабочих, оратор продолжал:

«Экономисты возразят нам на это:

Ну, хорошо, мы согласны, что конкуренция между работниками, которая, наверное, не уменьшится при господстве свободной торговли, очень скоро приведет заработную плату в соответствие с более низкой ценой товаров. Но, с другой стороны, понижение цены товаров поведет к большему потреблению; большее потребление потребует усиленного производства, которое повлечет за собой усиление спроса на рабочую силу; результатом этого усиления спроса на рабочую силу будет повышение заработных плат.

Вся эта аргументация сводится к следующему: свободная торговля увеличивает производительные силы. Если промышленность возрастает, если богатство, производительные силы, одним словом, производительный капитал повышает спрос на труд, то цена труда, а след., и заработная плата повышаются. Возрастание капитала является обстоятельством, наиболее благоприятным для рабочего.

С этим необходимо согласиться *). Если капитал останется неподвижным, то промышленность не останется неподвижной, а станет падать, и работник в этом случае окажется первой жертвой ее падения. Работник погибнет раньше капиталиста. Ну, а в том случае, когда капитал возрастает, то-есть, как уже сказано, в лучшем для работника случае, какова будет его судьба? Он точно также погибнет...» И оратор подробно объяснил, пользуясь данными английских экономистов, как концентрация капитала усиливает разделение труда, удешевляющее рабочую силу, благодаря замене искусного труда простым, как машины вытесняют рабочих, как крупный капитал разоряет мелких промышленников и мелких рантье и ведет к усилению кризисов, увеличивающих еще более число безработных. Вывод из его анализа был тот, что свобода торговли означает не что иное, как свободу развития капитала.

Итак, оратор сумел найти критерий для разрешения вопроса, приводящего на первый взгляд к той же безвыходной дилемме, перед которой остановился Сисмонди: и свободная торговля и задержка ее одинаково ведут к разорению рабочих. Критерий этот—развитие производительных сил. Постановка вопроса на историческую почву сразу проявила себя: вместо сравнения капитализма с каким-то абстрактным обществом, каковым оно должно быть (т.-е. в сущности с утопией), автор сравнил его с предшествовавшими стадиями общественного хозяйства, сравнил разные стадии капитализма в их последовательной смене и констатировал факт развития производительных сил общества, благодаря развитию капитализма. Отнесшись к аргументации фритредеров с научной критикой, он сумел избежать обычной ошибки романтиков, которые, отрицая за ней всякое значение, «выплескивают из ванны вместе с водой и ребенка», сумел выделить ее здоровое зерно, т.-е. не подлежащий сомнению факт, гигантского технического прогресса. Наши народники со свойственным им остроумием заключили бы, конечно, что этот автор, становящийся так открыто на сторону крупного капитала, против мелкого производителя,—«апологет власти денег», тем более, что он говорил перед лицом континентальной Европы, что он распространял выводы из английской жизни и на свою родину, в которой крупная машинная индустрия делала в то время свои первые, еще робкие шаги. А между тем именно на этом примере (как и на массе подобных примеров из западно-европейской истории) они могли бы изучить то явление,

*) Курсив наш.

которого они никак не могут (может-быть, не хотят?) понять, именно, что признание прогрессивности крупного капитала против мелкого производства очень и очень далеко еще от «апологии».

Достаточно вспомнить вышеизложенную главу из Сисмонди и данную речь, чтобы убедиться в превосходстве последней и в теоретическом отношении и в отношении враждебности к какой бы то ни было «апологии». Оратор охарактеризовал противоречия, сопровождающие развитие крупного капитала, гораздо точнее, полнее, прямее, откровеннее, чем это делали когда-либо романтики. Но он нигде не опустился ни до одной сентиментальной фразы, оплакивающей это развитие. Он нигде не проронил ни словечка о какой бы то ни было возможности «свернуть с пути». Он понимал, что подобной фразой люди прикрывают лишь то обстоятельство, что они сами «сворачивают» в сторону от вопроса, который ставит перед ними жизнь, т.-е. данная экономическая действительность, данное экономическое развитие, данные, вырастающего на его почве, интересы.

Вышеуказанный, вполне научный критерий дал ему возможность разрешить этот вопрос, оставаясь последовательным реалистом.

«Не думайте, однако, господа,—говорил оратор,—что, критикуя свободную торговлю, мы намерены защищать покровительственную систему». И оратор указал на одинаковое основание свободной торговли и протекционизма в современном строе общественного хозяйства, указал вкратце на тот процесс «ломки» старой хозяйственной жизни и старых полупатриархальных отношений в западно-европейских государствах, который совершал капитализм в Англии и на континенте, указал на тот общественный факт, что, при известных условиях, свободная торговля ускоряет эту «ломку» *). «И вот, господа,—заключил оратор,—только в этом смысле и подаю я свой голос за свободу торговли».

---

*) На это прогрессивное значение отмены хлебных законов указывал ясно и автор «Die Lage» (Ф. Энгельс. Ред.) еще до этой отмены (l. c., p. 179), подчеркивая особенно влияние ее на самосознание производителей.

По поводу одной газетной заметки *).

В № 239 «Русских Ведомостей» [97]) (от 30 августа) помещена статейка г. Н. Левитского [98]): «О некоторых вопросах, касающихся народной жизни». «Живя в деревне и имея постоянное общение с народом», автор «давно натолкнулся» на некоторые вопросы народной жизни, разрешение которых путем соответственных «мероприятий» представляет собой «неотложную необходимость», «настоятельную потребность». Автор выражает уверенность, что его «краткие заметки» о предмете такой важности «найдут себе отклик в среде лиц, интересующихся народными нуждами», и выражает желание вызвать обмен мыслей по поводу предложенных им вопросов.

«Высокий слог», которым писана статейка г-на Н. Левитского, и обилие высоких слов заставляет уже наперед ожидать, что речь идет о каких-нибудь действительно важных, неотложных, насущных вопросах современной жизни. На самом же деле, предложения автора дают лишь еще один, и чрезвычайно рельефный, пример того поистине маниловского прожектерства, к которому приучили русскую публику публицисты народничества. Вот почему мы и сочли небесполезным подать свой голос о поднятых г-ном Н. Левитским вопросах.

«Вопросов» исчислено г-ном Н. Левитским пять (по пунктам), при чем на каждый «вопрос» автор дает не только «ответ», но и указывает с полной определенностью соответствующее «мероприятие». Первый вопрос—«дешевый и доступный» кредит, устранение произвола ростовщиков, «кулаков и всякого рода мироедов и хищников». Мероприятие—«выработка более упрощенного типа деревенских крестьянских касс», и автор проектирует выдачу сберегательных книжек из касс госуд. банка не на отдельных лиц, а на специально устроенные товарищества, делающие через посредство одного казначея взносы и получающие ссуды.

---

*) «Новое Слово», кн. 1-я, октябрь 1897 г., за подписью *К. Т—н.*

Итак, вот к какому выводу привело автора давнее «общение с народом» по столь избитому вопросу о кредите: «выработка» нового типа касс! Автор полагает, очевидно, что у нас слишком мало бумаги и чернил изводится на выработку бесконечных «типов», «образцов», «уставов», «образцовых уставов», «нормальных уставов» и т. д. и т. д. «Живя в деревне», наш практик не заметил никаких более важных вопросов, вызываемых желанием заменить «кулака», «дешевым и доступным кредитом». Мы не станем, конечно, говорить здесь о значении кредита: мы берем за данное цель автора и рассматриваем с чисто практической стороны те средства, о которых с такой помпой говорит автор. Кредит есть учреждение развитого товарного обращения. Спрашивается, возможно ли такое учреждение в нашем крестьянстве, которое поставлено бесчисленными остатками сословных законов и запрещений в условия, исключающие правильное, свободное, широкое и развитое товарное обращение? Не смешно ли, говоря о насущных и неотлагательных народных нуждах, сводить вопрос о кредите к выработке нового типа «уставов», умалчивая совершенно о необходимости отмены целой массы «уставов», препятствующих правильному товарному обращению в крестьянстве, препятствующих свободному обороту имуществ, движимых и недвижимых, свободному переходу крестьян с места на место и от одного занятия к другому, свободному доступу в крестьянские общества лиц из других классов и сословий? Бороться с «кулаками, ростовщиками, мироедами, хищниками» посредством усовершенствования «уставов» кредитных касс, что может-быть комичнее этого? Ростовщичество в худших видах сильнее всего держится в нашей деревне именно благодаря ее сословной замкнутости, благодаря наличности тысячи пут, связывающих развитие товарного обращения,—и вот наш практический автор не упоминает ни словом об этих путах и насущным вопросом деревенского кредита объявляет выработку новых уставов. По всей вероятности, развитые капиталистические страны, в которых деревня давно поставлена в условия, соответствующие торговому обороту и в которых кредит получил широкое развитие, по всей вероятности, эти страны достигли такого успеха благодаря обильным «уставам», составленным благожелательными чиновниками!

Второй вопрос—«беспомощность положения крестьянской семьи в случае смерти глав ее», а также «настоятельная необходимость» «сберегать и охранять всеми возможными мерами и способами крестьянское рабочее земледельческое население». Как видите, чем дальше, тем «вопросы» г. Н. Левитского становятся шире,

величественнее! Если первый вопрос касался самого дюжинного буржуазного учреждения, пользу которого мы могли бы признать лишь с весьма большими оговорками, то здесь перед нами ставят уже вопрос такой гигантской важности, что «в принципе» мы вполне признаем его насущность и не можем отказать автору в нашей симпатии за то, что он ставит подобный вопрос. Но гигантскому вопросу соответствует у народника и «мероприятие» гигантской... как бы это помягче выразиться?.. неумности. Слушайте: «...является неотложная необходимость организации и введения обязательного (sic!) массового, удешевленного до возможного минимума, взаимного страхования жизни всего крестьянского населения*) (обществами, товариществами, артелями и т. д.). При этом необходимо выяснить роль и участие в этом деле а) частных страховых обществ, б) земства и в) государства».

Ведь этакие наши мужики недогадливые! Не думают о том, что вот умрет хозяин,—придется семье итти по миру; не уродится хлеб,—придется умирать с голоду, а иногда и уродится да все-таки не миновать итти по миру, возвращаясь с неудачных поисков за «заработками»! Не соображают эти глупые мужики, что существует на свете «страхование жизни», которым уже давно многие хорошие господа пользуются и от которого другие хорошие господа (владетели акций страховых обществ) деньги наживают. Не соображает голодный «Сысойка», что стоит ему с таким же голодным «Митяем» устроить общество для взаимного страхования жизни (с минимальным, самым минимальным взносом!)— и их семьи будут обеспечены на случай смерти хозяев! К счастью, за этих недогадливых мужиков думает наша просвещенная народначеская интеллигенция, один из представителей которой, «живя в деревне и имея постоянное общение с народом», «давно натолкнулся» на этот грандиозный, до умопомрачения грандиозный «проект»!

Вопрос третий. «В связи с этим вопросом необходимо выдвинуть и обсудить вопрос об образовании общеимперского капитала по страхованию жизни крестьянского населения **), подобно тому, как существуют общеимперские капиталы продовольственный и пожарный». Само собою разумеется, что для страхования надо обсудить вопрос о капитале. Но нам кажется, что высокопочтенный автор допустил здесь один

*) Курсив автора.
**) Курсив автора.

существенный пробел. Разве не «необходимо выдвинуть и обсудить» также вопрос о том, к какому министерству и к какому департаменту относится проектируемое учреждение? С одной стороны, без сомнения, им должно заведывать м-во внутренних дел по хозяйственному департаменту. С другой стороны, ближайше заинтересован и земский отдел м-ва вн. дел. С третьей стороны, заведывать страхованием должно также м-во финансов. Не целесообразнее ли в виду этого проектировать учреждение особого «главного управления государственным обязательным взаимным страхованием жизни всего крестьянского населения», ну, например, наподобие главного управления государственного коннозаводства?

Вопрос четвертый. «Ввиду далее огромной распространенности в России всякого рода артелей, а также ввиду несомненной пользы и значения их для народного хозяйства, назрела настоятельная потребность 4) в организации отдельного специального Общества для содействия земледельческим и другим артелям». Что всякого рода артели приносят пользу тем классам населения, которые их устраивают, это несомненно. Несомненно также, что и для всего народного хозяйства объединение представителей разных классов принесет великую пользу. Автор напрасно только чересчур увлекается, говоря об «огромной распространенности в России всякого рода артелей». Всякий знает, что, по сравнению с любой из западно-европейских стран, в России невероятно мало, феноменально мало «всякого рода артелей»... «Всякий знает»... кроме мечтающего Манилова. Знает это, например, и редакция «Русских Ведомостей», поместившая перед статьей г. Н. Левитского очень интересную и содержательную статью «Синдикаты во Франции», и г. Н. Левитский мог бы узнать из этой статьи, как бесконечно широко развиты в капиталистической Франции (по сравнению с некапиталистической Россией) «артели всякого рода». Я подчеркиваю: «всякого рода», ибо из этой же статьи легко видеть, напр., что во Франции синдикаты бывают четырех родов: 1) синдикаты рабочих (2.163 синдиката с 419.172 участниками); 2) синдикаты хозяев (1.622 с 130.752 участниками); 3) сельско-хозяйственные синдикаты (1.188 с 398.048 членами) и 4) смешанные синдикаты (173 с 31.126 членами). Прикиньте ка сумму, г. Левитский! Вы получите почти миллион лиц (979 тыс.), объединенных «артелями всякого рода», и скажите теперь, положа руку на сердце, неужели вам не стыдно соскользнувшей у вас фразы об «огромной распространенности в России всякого рода (sic!!!) артелей»? Неужели вы не

замечаете, какое комичное, грустно-комичное впечатление производит ваша статья, помещенная рядом с голыми цифрами о «синдикатах во Франции»! Эти бедные французы, которых, видно, язва капитализма лишила «огромной распространенности артелей всякого рода», вероятно, гомерически расхохотались бы над предложением устроить «отдельное специальное общество»... для содействия устройству всяких обществ! Но этот смех, само собою разумеется, был бы только проявлением известного французского легкомыслия, неспособного понять российскую основательность. Эти легкомысленные французы не только устраивают «всякого рода артели», не устроив предварительно «общества для содействия артелям», но даже horribile dictu *)—не вырабатывают предварительно «образцовых», «нормальных» уставов и «упрощенных типов» различных обществ!

Пятый вопрос... (назрела настоятельная необходимость) «в издании при этом обществе (или отдельно) специального органа... посвященного исключительно изучению кооперативного дела в России и за границей»... Да, да, г. Левитский! Когда испорченный желудок мешает человеку как следует есть, тогда ему ничего не остается, кроме чтения о том, как другие люди едят. Но только больному до такой степени человеку, пожалуй, ведь и доктора не позволили бы читать о чужих обедах: подобное чтение может пробудить неумеренные аппетиты, не соответствующие диэте... Доктора была бы в этом случае вполне последовательны.

Мы изложили небольшую заметку г. Н. Левитского с достаточной подробностью. Читатель спросит, пожалуй, стоило ли останавливаться так долго на беглой газетной заметке, стоило ли посвящать ей такой длинный комментарий? Что за важность, что человеку (полному, вообще говоря, самых благих пожеланий) случилось взболтнуть вздор о каком-то обязательном взаимном страховании жизни всего крестьянского населения? Нам случалось слышать совершенно такие же мнения по аналогичным поводам. Мнения эти более чем неосновательны. Уж не случайность ли это, в самом деле, что наших «передовых публицистов» нет-нет да и стошнит таким феноменально-диким «проектом» в духе «крепостного социализма», что остается только руками развести? Не случайность ли это, что даже такие органы, как «Русское Богатство» и «Русские Ведомости»,- органы, которые отнюдь не принадлежат к ультра-народническим, которые всегда протестуют

*) — страшно сказать! Ред.

против крайностей народничества и против выводов из народничества à la г. В. В., органы, которые не прочь даже прикрыть лохмотья своего народничества нарядом нового ярлыка в роде какой-нибудь «этико-социологической школы», что даже такие органы периодически с превеликой регулярностью преподносят российской публике то какую-нибудь «просветительную утопию» г-на С. Южакова, проект обязательного среднего образования в земледельческих гимназиях с отработками неимущих крестьян за свое образование, то вот этакий проект г-на Н. Левитского об обязательном взаимном страховании жизни всего крестьянского населения *).

Было бы слишком наивно объяснять это явление случайностью, Манилов сидит в каждом народнике. Пренебрежение к реальным условиям действительности и действительной экономической эволюции, нежелание разбирать реальные интересы отдельных классов русского общества в их взаимоотношении, привычка сверху судить и рядить о «нуждах» и «судьбах» отечества, чванство теми жалкими остатками средневековых союзов, которые имеются в русских общинах и артелях, в связи с пренебрежительным отношением к несравненно более развитым союзам, свойственным более развитому капитализму,—все эти черты вы найдете в той или другой степени в каждом из народников. Поэтому то и бывает так поучительно наблюдать, когда какой-нибудь не очень умный, но очень наивный писатель с неустрашимостью, достойной лучшей участи, доводит эти черты до полного логического развития и воплощает в яркой картине какого-нибудь «проекта». Такие проекты выходят всегда яркими, до того яркими, что достаточно показать их читателю, чтобы доказать тот вред, который приносит нашей общественной мысли и нашему общественному развитию современное мелкобуржуазное народничество. В таких проектах всегда много комичного; при поверхностном чтении вы не выносите даже большею частью никакого другого впечатления, кроме желания посмеяться. Но попробуйте разобраться в них—и вы скажете: «все это было бы смешно, когда бы не было так грустно!»

---

*) Сравнивая этих двух прожектеров народнической публицистики, нельзя не отдать предпочтения г-ну Н. Левитскому, проект которого немножко умнее, чем проект г-на С. Южакова.

ПЕРЛЫ НАРОДНИЧЕСКОГО ПРОЖЕКТЕРСТВА

С. И. Южаков. Вопросы просвещения. Публицистические опыты.—Реформа средней школы.— Системы и задачи высшего образования.— Гимназические учебники. —Вопросы всенародного обучения.—Женщина и просвещение. Спб., 1897. Стр. VIII + 283. Цена 1 р. 50 к.

Написано в конце 1897 г. [99]).

Напечатано в 1899 г. в сборнике: *Владимир Ильин*, „Экономические этюды и статьи".

I.

Под таким заглавием г. Южаков выпустил собрание своих статей, печатавшихся в «Русском Богатстве» в 1895—97 годах. Автор полагает, что его статьи «охватили главнейшие из этих вопросов», т.-е. из «вопросов просвещения», и «вместе составили нечто вроде обзора наиболее назревших и наболевших, но все еще мало удовлетворенных потребностей нашей умственной культуры». (Предисловие, стр. V). На стр. 5-й еще раз подчеркивается, что автор намерен остановиться «преимущественно на вопросах принципа». Но все эти фразы показывают только любовь г-на Южакова к широкому размаху мысли, и даже не мысли, а пера. И заглавие книги чересчур широко: на самом деле,—как видно и из списка статей в подзаголовке сочинения,—автор трактует вовсе не «вопросы просвещения», а только вопросы школы, да и то только средней и высшей школы. Из всех статей книги самая дельная статья о гимназических учебниках в наших гимназиях. Автор подробно разбирает здесь ходячие учебники русского языка, географии и истории, показывая полную их негодность. Эта статья читалась бы с еще бо́льшим интересом, если бы не утомляла тоже свойственным автору многословием. Мы намерены остановить внимание читателя только на двух статьях книги, именно на статье о среднеучебной реформе и о всенародном обучении, ибо эти статьи затрогивают действительно принципиальные вопросы и представляются особенно характерными для освещения излюбленных идей «Р. Бог.». Ведь это вот господам Гриневичам[100]) и Михайловским приходится — для того, чтобы найти примеры чудовищно-глупых выводов из враждебной доктрины—копаться в навозной куче российской стихотворной макулатуры. Нам не нужно для соответствующей цели предпринимать столь невеселые раскопки: достаточно обратиться к журналу «Русск. Богатство», и в нем к одному из несомненных «столпов».

II.

Параграф II статьи об «Основах среднеучебной реформы» озаглавлен г-ном Южаковым так: «Задачи средней школы. Классовые интересы и классовая школа» (см. Оглавление). Тема, как видите, представляет захватывающий интерес, обещая разъяснить нам один из важнейших вопросов не только просвещения, но и всей общественной жизни вообще, и притом именно тот вопрос, который вызывает одно из главнейших разногласий между народниками и «учениками». Посмотрим же, какие представления имеет сотрудник «Русск. Богатства» о «классовых интересах и классовой школе».

Автор совершенно справедливо говорит, что формула: «школа должна готовить человека для жизни», совершенно бессодержательна, что вопрос в том, что надобно для жизни и «кому надобно» (6). «Кому надобно среднее образование—это значит: в чьих интересах, ради чьих блага и пользы дается образование воспитанникам средней школы?» (7). Прекрасная постановка вопроса, и мы бы от души приветствовали автора, если бы... если бы все эти прелюдии не оказались в дальнейшем изложении пустыми фразами: «Это могут быть интересы, блага и пользы государства, нации, того или другого общественного класса, самого образуемого индивида». Начинается путаница: приходится заключить, что общество, расчлененное на классы, совместимо с неклассовым государством, с неклассовой нацией, с стоящими вне классов индивидами! Сейчас увидим, что это вовсе не обмолвка г-на Южакова, что он именно такого абсурдного мнения и держится. «Если при выработке школьной программы имеются в виду классовые интересы, то не может быть, следовательно, и речи об одном общем типе государственной средней школы. Учебные заведения в таком случае по необходимости являются сословными и притом не только образовательными, но и воспитательными, потому что они должны дать не только образование, приспособленное к специальным интересам и задачам сословия, но и сословные навыки и сословный корпоративный дух» (7). Первый вывод из этой тирады тот, что г. Южаков не понимает различия между сословиями и классами и поэтому безбожно смешивает эти совершенно различные понятия. В других местах его статьи (см., напр., стр. 8) обнаруживается такое же непонимание, и это тем удивительнее, что г. Южаков в этой же статье подошел почти вплотную к существенному различию этих понятий. «Надо

помнить,—повествует г. Южаков на стр. 11,—что часто (отнюдь не необходимо, однако) организация политическая, экономическая и духовная составляют юридическую привилегию, иногда фактическую принадлежность особых групп населения. В первом случае это—сословия; во-втором—классы». Тут верно указано одно из отличий класса от сословия, именно что классы отличаются один от другого не юридическими привилегиями, а фактическими условиями, что, следовательно, классы современного общества предполагают юридическое равенство. И другое различие между сословиями и классами г. Южаков как будто бы не игнорирует: «...Мы... отказались тогда (т.-е. после отмены крепостного права)... от крепостного и сословного строя национальной жизни, в том числе и от системы сословной закрытой школы. В настоящее время внедрение капиталистического процесса дробит русскую нацию не столько на сословия, сколько на экономические классы...» (8). Тут верно указан и другой признак, отличающий сословия от классов в истории Европы и России, именно что сословия—принадлежность крепостного, а классы—капиталистического общества *). Если бы г. Южаков подумал хоть немножко над этими различиями и не отдавался с такою легкостью во власть своего бойкого пера и своего Kleinbürger'ского сердца, то он бы не написал ни вышеприведенной тирады, ни других пустяков вроде того, что классовые программы школ должны дробить программы для богатых и бедных, что на Западе Европы классовые программы не имеют успеха, что классовая школа предполагает классовую замкнутость и пр. и пр. Все это яснее ясного показывает, что, несмотря на многообещающее заглавие, несмотря на велеречивые фразы, г. Южаков совершенно не понял, в чем сущность классовой школы. Сущность эта, почтеннейший г. народник, состоит в том, что образование одинаково организовано и одинаково доступно для всех имущих. Только в этом последнем слове и заключается сущность классовой школы в отличие от школы сословной. Поэтому чистейший вздор сказал г. Южаков в вышецитированной тираде, будто при классовых интересах школы «не может быть и речи об одном общем типе государственной средней школы». Как раз наоборот: классовая школа,—если она проведена последовательно, т.-е. если она освободилась от всех и всяких остатков сословности,—необходимо

---

*) Сословия предполагают деление общества на классы, будучи одной из форм классовых различий. Говоря о классах просто, мы разумеем всегда бессословные классы капиталистического общества.

предполагает один общий тип школы. Сущность классового общества (и классового образования, следовательно) состоит в полном юридическом равенстве, в полной равноправности всех граждан, в полной равноправности и доступности образования для имущих. Сословная школа требует от ученика принадлежности к известному сословию. Классовая школа не знает сословий, она знает только граждан. Она требует от всех и всяких учеников только одного: чтобы он заплатил за свое обучение. Различие программ для богатых и для бедных вовсе не нужно классовой школе, ибо тех, у кого нет средств для оплаты обучения, расходов на учебные пособия, на содержание ученика в течение всего учебного периода,—тех классовая школа просто не допускает к среднему образованию. Классовой замкнутости вовсе не предполагает классовая школа: напротив, в противоположность сословиям, классы оставляют всегда совершенно свободным переход отдельных личностей из одного класса в другой. Классовая школа не замыкается ни от кого, имеющего средства учиться. Что в Западной Европе, «эти опасные программы полуобразования и классового морально-интеллектуального отчуждения разных народных слоев не имеют успеха» (9),—это совершенное извращение действительности, ибо всякий знает, что и на Западе, и в России средняя школа, по сущности своей,—классовая и что служит она интересам лишь очень и очень небольшой части населения. Ввиду той невероятной путаницы понятий, которую обнаруживает г. Южаков, мы считаем даже нелишним сделать для него еще следующее добавочное разъяснение: в современном обществе и та средняя школа, которая не берет никакой платы за обучение, нисколько не перестает быть классовой школой, ибо расходы на содержание ученика в течение 7—8 лет неизмеримо выше, чем плата за учение, а доступны эти расходы лишь для ничтожного меньшинства. Если г. Южаков хочет быть практическим советником современных реформаторов средней школы, если он хочет ставить вопрос на почве современной действительности (а он именно так его и ставит),—то он должен был бы говорить только о смене сословной школы школою классовою, только об этом, или уже вовсе промолчать об этом щекотливом вопросе «классовых интересов и классовой школы». И то сказать: невелика связь этих принципиальных вопросов с той заменой древних языков новыми, которую рекомендует г. Южаков в этой статье. Ограничься он этой рекомендацией,—мы бы не стали ему возражать и даже готовы были бы простить ему его невоздержанное красноречие. Но раз он сам же поставил вопрос о «классовых

интересах и классовой школе»,—то пусть уже и несет ответственность за все свои вздорные фразы.

Фразы г-на Южакова на данную тему далеко не ограничиваются однако вышеприведенным. Верный основным идеям «субъективного метода в социологии», г. Южаков, затронув вопрос о классах, поднимается на «широкую точку зрения» (12, ср. 15), такую широкую, с которой он может величественно игнорировать классовые различия, такую широкую, которая позволяет ему говорить не об отдельных классах (фи, какая узость!), а о всей нации вообще. Достигается эта великолепная «широта» точки зрения истасканным приемом всех моралистов и моралистиков, особенно моралистов—Kleinbürger'ов. Г. Южаков жестоко осуждает это разделение общества на классы (и отражение этого разделения на образовании), говоря с превеликим красноречием и с несравненным пафосом об «опасности» (9) этого явления; о том, что «классовая система образования во всех видах и формах, в основе своей, противоречит интересам государства, нации и образуемых личностей» *) (8); о «нецелесообразности и опасности с точки зрения и государственной и национальной» (9) классовых программ в школе; о том, что примеры истории показывают лишь «то исключительное антинациональное развитие классового строя и классовых интересов, о котором мы говорили выше и которое уже признали опасным для национального блага и для самого государства» (11); о том, что «повсеместно классовое устройство управления так или иначе итменено» (11); о том, что это «опасное» дробление на классы вызывает «антагонизм между разными группами населения» и постепенно вытравляет «чувство национальной солидарности и общегосударственного патриотизма» (12); о том, что «широко, правильно и дальновидно понимаемые интересы нации, как целого, государства и отдельных граждан вообще не должны противоречить друг другу (по крайней мере, в современном государстве)» (15) и т. д., и т. д. Все это—одна сплошная фальшь, одни пустые фразы, затушевывающие самую суть современной действительности посредством лишенных всякого смысла «пожеланий» Kleinbürger'a, пожеланий,

---

*) Одно из двух, почтеннейший г. Kleinbürger: либо вы говорите об обществе, расчлененном на классы, либо о нерасчлененном. В первом случае не может быть и не-классового образования. В последнем случае не может быть ни классового государства, ни классовой нации, ни принадлежащих к одному из классов личностей. В обоих случаях фраза лишена смысла и содержит лишь невинное пожелание Kleinbürger'a, трусливо закрывающего глаза от самых резких черт современной действительности.

незаметно переходящих и в характеристику того, что есть. Чтобы найти аналогию для подобного миросозерцания, из которого вытекают такие фразы, надо обратиться к представителям той «этической» школы на Западе, которая явилась естественным и неизбежным выражением теоретической трусости и политической растерянности тамошней буржуазии.

Мы же ограничимся сопоставлением с этим великолепным красноречием и прекраснодушием, с этой замечательной прозорливостью и дальновидностью следующего маленького факта. Г. Южаков затронул вопрос о сословной и классовой школе. По первому вопросу можно найти точные статистические данные, по крайней мере, о мужских гимназиях и прогимназиях и о реальных училищах. Вот эти данные, заимствуемые нами из издания м-ва фин.: «Производительные силы России» (Спб. 1896. Отд. XIX. Народное Образование. Стр. 31):

«Сословное распределение учащихся (в %% к общему числу их) видно из следующей таблицы:

Детей.	В мужских гимназиях и прогимназиях м-ва нар. просвещения.			В реальных училищах.		
	1880	1884	1892	1880	1884	1892
Потомственных и личных дворян и чиновников	47,6	49,2	56,2	44,0	40,7	38,0
Духовного звания	5,1	5,0	3,9	2,6	1,8	0,9
Городских сословий	33,3	35,9	31,3	37,0	41,8	43,0
Сельских сословий (с инородческ. и нижн. чинами)	8,0	7,9	5,9	10,4	10,9	12,7
Иностранцев	2,0	2,0	1,9	3,0	4,8	5,4
Других сословий	2,0	Вместе с пред.		3,0	Вместе с пред.	
Итого. . . .	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Эта табличка наглядно показывает нам, как неосторожно выразился г. Южаков, сказав, будто мы сразу и решительно (??) «отказались от сословной школы». Напротив, сословность и теперь преобладает в наших средних школах, если даже в гимназиях (не говоря уже о привилегированных дворянских заведениях и т. п.) 56% учащихся—дети дворян и чиновников. Единственный серьезный конкурент их—городские сословия, достигшие преобладания

в реальных училищах. Участие же сельских сословий—особенно если принять во внимание их громадное численное преобладание над остальными сословиями,—совершенно ничтожно. Эта табличка наглядно показывает, следовательно, что тот, кто хочет говорить о характере современной нашей средней школы, должен твердо усвоить себе, что речь может итти только о сословной и о классовой школе, и что поскольку «мы» отказываемся действительно от сословной школы,—это делается исключительно для классовой школы. Само собой разумеется, что мы вовсе не хотим сказать этим, чтобы вопрос о замене сословной школы классовою и об улучшении последней был вопрос неважный или безразличный для тех классов, которые не пользуются и не могут пользоваться средней школой: напротив, и для них это не безразличный вопрос, ибо сословность и в жизни и в школе ложится на них особенно тяжело, ибо смена сословной школы классовою есть лишь одно из звеньев в процессе общей и всесторонней европеизации России. Мы хотим только показать, как извратил дело г. Южаков и как его якобы «широкая» точка зрения на самом деле стоит неизмеримо ниже даже буржуазной точки зрения на вопрос. Кстати, о буржуазности. Вот г. А. Мануилов [101]) никак не может понять, зачем это П. Б. Струве, так определенно охарактеризовавший односторонность Шульце-Геверница [102]), тем не менее «пропагандирует его буржуазные идеи» («Р. Богатство», № 11, стр. 93). Непонимание г-на А. Мануилова происходит всецело и исключительно от непонимания им основных воззрений не только русских, но и всех западно-европейских «учеников», не только учеников, но и учителя. Или, может быть, г. Мануилов захочет отрицать, что к числу основных воззрений «учителя»,—воззрений, красной иитью проходящих через всю его теоретическую, литературную и практическую деятельность,—принадлежит бесповоротная вражда к тем любителям «широких точек зрения», которые затушевывают посредством сладеньких фраз классовое расчленение современного общества? что к числу основных его воззрений принадлежит решительное признание прогрессивности и предпочтительности открытых и последовательных «буржуазных идей» по сравнению с идеями тех Kleinbürger'ов, которые жаждут задержки и остановки капитализма? Если г-ну Мануилову это неясно, то пусть он подумает хоть над произведениями своего товарища по журналу, г-на Южакова. Пусть он представит себе, что по интересующему нас теперь вопросу мы видим рядом с г. Южаковым открытого и последовательного представителя «буржуазных идей», который отстаивает именно классовый характер современной школы, доказывая, что

это—лучшее, что можно себе представить, и стремясь к полному вытеснению сословной школы и к расширению доступности классовой школы (в вышеуказанном значении этой доступности). Право же, подобные идеи были бы несравненно выше идей г. Южакова; внимание направлялось бы при этом на реальные нужды современной школы, именно на устранение ее сословной замкнутости, а не на расплывчатую «широкую точку зрения» Kleinbürger'a. Открытое выяснение и защита одностороннего характера современной школы правильно бы характеризовало действительность и уже самой своей односторонностью просвещало бы сознание другой стороны *). А «широкие» разглагольствования г-на Южакова, наоборот, развращают только общественное сознание. Наконец, практическая сторона вопроса... но ведь и г. Южаков не выходит ни чуточки за пределы классовой школы не только в этой статье, но и в своей «утопии», к которой мы и переходим.

III.

Статья г-на Южакова, рассматривающая «вопрос всенародного обучения» (см. заглавие книги), называется так: «Просветительная утопия. План всенародного обязательного среднего образования». Уже из названия видно, что эта в высшей степени поучительная статья г-на Южакова обещает очень многое. Но на самом деле «утопия» г-на Южакова обещает еще несравненно больше. «Никак не меньше этого, дорогие читатели, без всякой уступки или компромисса»...—так начинает автор свою статью.—«Полное гимназическое образование для всего населения обоего пола, обязательное для всех и без всяких затрат со стороны государства, земства и народа,—такова моя огромная просветительная утопия!» (201). Добрый г. Южаков полагает, очевидно, что гвоздь этого вопроса

---

*) Мы прекрасно чувствуем, что сотрудникам «Р. Богатства» очень и очень трудно понять аргумент такого характера. Опять-таки это зависит от непонимания ими не одних «учеников», но и «учителя».

Вот как доказывал, напр., один из «учителей», еще в 1845 году, пользу для английских рабочих от отмены хлебных законов. Эта отмена,—писал он,—превратит фермеров в «либералов, т.-е. сознательных буржуа», а этот рост сознательности на одной стороне необходимо ведет к такому же росту сознания и другой стороны (Fr. Engels. The condition of the working klass in England in 1844. New-York. 1886, p. 179). Отчего же это вы, г.г. сотрудники «Р. Богатства», только расшаркиваетесь перед «учителями», а не изобличаете их в ««пропаганде буржуазных идей»?

заключается в «затратах»; на этой же странице он повторяет еще раз, что всенародное начальное образование требует затрат, а всенародное среднее образование по его «плану» никаких затрат не требует. Мало того, что план г-на Южакова не требует никаких затрат: он обещает гораздо большее чем среднее образование для всего народа. Чтобы показать полный объем того, что обещает нам сотрудник «Р. Богатства», надо забежать вперед и привести собственные торжествующие восклицания автора, когда он изложил уже весь свой план и любуется им. План г-на Южакова состоит в том, что с гимназическим образованием соединяется производительный труд «гимназистов», которые сами содержат себя: «...Обработка участка земли... обеспечивает обильное, вкусное и здоровое продовольствие всего молодого поколения от рождения до окончания курса гимназии, а также продовольствие молодежи, отрабатывающей цену учения (об этом институте Южаковского Zukunftsstaat'а *) подробнее ниже), и всего персонала администраторов, преподавателей и хозяев. При этом все они обеспечиваются и обувью, а также шитьем одежды. К тому же попутно получается с указанного участка около 20 тыс. рублей, именно 15 тыс. от излишков молока и ярового хлеба... и около 5 тыс. руб. от продажи шкур, щетины, перьев и прочих побочных продуктов» (216). Подумайте только, читатель, содержание всего молодого поколения до окончания курса гимназии, т.-е. до 21—25 лет (стр. 203)! Ведь это значит содержание половины всего населения страны **). Содержание и образование десятков миллионов населения,—да это уже настоящая «организация труда»! Очевидно, г. Южаков сильно рассердился на тех злых людей, которые утверждают, что народнические проекты «организации труда»—пустые фразы пустых говорунов, и решился совсем уничтожить этих злых людей обнародованием целого «плана» такой «организации труда», осуществляемой «без всяких затрат»... Но и это еще не все: «...По пути мы расширили задачу; мы взяли на ту же организацию содержание всего детского населения; мы озаботились обеспечить молодых людей серьезным для деревни приданым при выходе; мы нашли возможным определить на те же средства в каждую гимназию, т.-е. в каждую волость, по врачу, ветеринару, ученому агроному, ученому садовнику, технологу и по шести мастеров, не менее (которые поднимут культуру и удовле-

---

*) — государства будущего. Ред.

**) По возрастному составу населения России, по Буняковскому, на 1000 жителей приходится 485 в возрасте 0—20 лет и 576 в возрасте 0—25 лет.

творят соответственные потребности всей местности)... И все эти задачи находят себе финансовое и экономическое разрешение при осуществлении нашего плана...» *). Как посрамлены будут теперь те злые языки, которые говорили, что знаменитое народническое «мы», это—«таинственный незнакомец», это—еврей с двумя ермолками и т. п.! Какая недостойная клевета! Отныне достаточно будет сослаться на «план» г-на Южакова, чтобы доказать всесилие этих «мы» и осуществимость «наших» проектов.

Может-быть, у читателя явится сомнение по поводу этого слова: осуществимость? Может-быть, читатель скажет, что, назвав свое творение утопией, г. Южаков тем самым отстранил вопрос об осуществимости?—Это было бы так, если бы г. Южаков не сделал сам в высшей степени существенных оговорок по поводу слова «утопия», если бы он не подчеркивал неоднократно во всем своем изложении осуществимости своего плана. «Я имею смелость думать,—заявляет он в самом начале статьи,—что такое всенародное среднее образование кажется утопией только с первого взгляда» (201)... Что же вам еще надо?.. «Я имею еще бо́льшую смелость утверждать, что такое образование для всего населения гораздо осуществимее всенародного начального образования, уже осуществленного однако Германией, Францией, Англией, Соедин. Штатами и весьма близкого к осуществлению и в некоторых губерниях России» (201). Г. Южаков до такой степени убежден в этой осуществимости своего плана (очевидно, после вышесказанного, что выражение «план» правильнее, чем утопия), что он не пренебрегает даже самыми мелкими «практическими удобствами» при разработке этого плана, нарочно оставляя, напр., систему двух гимназий, мужской и женской, из уважения к «предубеждению на континенте Европы против совместного обучения» обоих полов,—усиленно подчеркивая, что его план «дозволяет не нарушать установившиеся учебные планы мужских и женских гимназий, дает больше занятий,—а след., и вознаграждения преподавательскому персоналу»...: «Все это имеет немаловажное значение при желании не ограничиться одним опытом, не достигнуть действительно всенародного образования» (205—206). Много было на свете утопистов, соперничавших заманчивостью, стройностью своих утопий,—но вряд ли найдется среди них хоть один, столь внимательный к «установившимся учебным планам» и к вознаграждению преподавательского персонала. Мы уверены, что потомство

---

*) Стр. 237. Оба многозначительные многоточия в этой тираде принадлежат г-ну Южанову. Мы не дерзнули бы пропустить здесь ни единой буквы.

долго еще будет указывать на г-на Южакова, как на истинно-практического и истинно-деловитого «утописта».

Очевидно, что при таких обещаниях автора его план всенародного обучения заслуживает самого внимательного разбора.

IV.

Принцип, из которого исходит г. Южаков, состоит в том, что гимназия должна быть вместе с тем и земледельческим хозяйством, должна летним трудом своих учеников обеспечить собственное существование. Такова основная мысль его плана. «В том, что эта мысль правильна, сомневаться едва ли возможно» (237),—полагает г. Южаков. И мы согласны с ним, что тут есть действительно правильная мысль, которую нельзя только припутывать ни непременно к «гимназиям», ни к возможности «окупить» гимназии трудом учеников. Эта правильная мысль заключается в том, что нельзя себе представить идеала будущего общества без соединения обучения с производительным трудом молодого поколения: ни обучение и образование без производительного труда, ни производительный труд без параллельного обучения и образования не могли бы быть поставлены на ту высоту, которая требуется современным уровнем техники и состоянием научного знания. Эту мысль высказали еще старые великие утописты; ее вполне разделяют и «ученики», которые именно по этой причине, между прочими, не восстают принципиально против промышленного труда женщин и подростков, считают реакционными попытки запретить совершенно этот труд и настаивают лишь на постановке его в условия вполне гигиенические. Напрасно поэтому выражается г. Южаков таким образом: «Я хотел только дать мысль» (237)... Мысль эта давно дана, и мы не решаемся допустить (пока не доказано противное), чтобы г. Южаков мог быть незнаком с нею. Сотрудник «Русск. Бог.» хотел дать и дал совершенно самостоятельный план осуществления этой мысли. Только в этом отношении его следует признать оригинальным, но зато уже тут оригинальность его доходит до... до геркулесовых столбов.

Для того, чтобы соединить всеобщий производительный труд с всеобщим обучением, необходимо, очевидно, возложить на всех обязанность принимать участие в производительном труде. Казалось бы, что это само собой ясно?—Оказывается, однако, что нет. Наш «народник» решает этот вопрос так, что обязанность физического труда действительно должна быть установлена как

общий принцип, но вовсе не для всех, а только для несостоятельных.

Читатель подумает, может быть, что мы шутим? Ей-богу, нет. «Чисто-городские гимназии для состоятельных людей, готовых деньгами оплатить полную цену образования, могли бы удержать нынешний тип» (229). На стр. 231-й «состоятельные» вообще прямо включены в число тех «категорий населения», которые не привлекаются к обязательному образованию в «земледельческих гимназиях». Обязательный производительный труд является, следовательно, у нашего народника не условием всеобщего и всестороннего человеческого развития, а просто платой за обучение в гимназии. Именно так. В самом начале своей статьи г. Южаков рассматривает вопрос о зимних рабочих, необходимых для земледельческой гимназии. Всего «логичнее» кажется ему такой способ обеспечения гимназии зимними рабочими. Ученики младших классов не работают и, следовательно, безвозмездно пользуются содержанием и учением, не платя ничего за затраты на это со стороны гимназии. «Если же это так, то не является ли его прямою обязанностью отработать эти затраты по окончании курса? Эта обязанность, тщательно соображенная и твердо установленная для всякого, кто не может уплатить стоимости учения доставит гимназическому хозяйству необходимый контингент зимних рабочих и дополнительный контингент летних... Теоретически это очень просто, удобопонятно и вполне неоспоримо» (205, курсив наш). Помилуйте, что может быть «проще» этого? Есть деньги, так заплати, а нет денег, так работай!—всякий лавочник согласится, что это в высшей степени «удобопонятно». И притом, как это замечательно практично!—Только.... только при чем же тут «утопия»? И зачем пачкает г. Южаков подобными планами ту великую основную мысль, которую он хотел положить в основу своей утопии?

Отработки несостоятельных учеников—основание всего плана г-на Южакова. Он допускает, правда, и другой способ приобретения зимних рабочих—наем *), но отодвигает его на второй план. Отработки же обязательны на три года (а в случае надоб-

---

*) «Гимназическое хозяйство, руководимое опытным и ученым хозяином, снабженное всеми усовершенствованиями и обладающее контингентом искусных образованных рабочих, должно быть доходным хозяйством и должно оправдать наем необходимого контингента рабочих, из которых некоторые заслуженные (sic!) могли бы приобщаться к доходам. В некотором числе, вероятно, и пришлось бы это практиковать, особенно относительно безземельных, окончивших курс в этой же гимназии» (204).

ности и на четыре) для всех, не поступающих в военную службу т.-е. для $^2/_3$ учеников и для всех девушек. «Только эта система,— прямо заявляет г. Южаков,—дает ключ к разрешению задачи всенародного образования, и не начального даже, а среднего» (207—8). «Небольшой контингент постоянных рабочих, совсем оставшихся при гимназии и к ней приобщившихся (!?), дополняет эти рабочие силы гимназического хозяйства. Таковы возможные и отнюдь не утопические рабочие силы нашей земледельческой гимназии» (208). Ну, разумеется, и другие работы—мало ли по хозяйству?—они же сделают: «Дополнительный персонал при поварах и прачках, а равно письмоводители легко могут быть выбраны из состава трехгодичных рабочих, окончивших гимназию» (209). Гимназии нужны будут и мастера: портные, сапожники, столяры и пр. Конечно, можно будет «давать им помощников из отбывающих трехгодичную отработку» (210).

Что же будут получать за свой труд эти батраки (или земледельческие гимназисты? не знаю уже право, как и назвать их)? Они будут получать все необходимое для жизни, «обильное и вкусное пропитание». Г. Южаков точно рассчитывает все это, кладя нормы продуктов, «обыкновенно отпускаемых сельскому рабочему». Правда, он «не предполагает кормить гимназию таким способом» (210), но все-таки оставляет эти нормы, ибо ведь гимназисты соберут еще со своей земли картофеля, гороха, чечевицы, посеют себе конопли и подсолнечника для постного масла, затем будут получать мяса в скоромные дни по полуфунта и молока по 2 стакана. Не думайте, читатель, чтоб г. Южаков эти лишь слегка затронул, лишь для примера перечислил. Нет он все рассчитал подробно—и количество телят, годовалых и двухлеток, и содержание больных, и корм для птиц. Он не забыл ни помоев с кухни, ни требухи, ни шелухи от овощей (212). У него ничего не пропущено. Затем одежду и обувь можно в гимназии сделать собственными средствами. «Но бумажной материи для белья носильного, постельного и столового и для летней одежды, более плотной материи для зимнего платья и мех, хотя бы овечий, для верхнего зимнего платья нужно, конечно, купить. Конечно, весь персонал педагогов и служащих с семействами сами себя должны обеспечивать материалами, хотя и можно предоставить пользоваться мастерскими. Собственно же для учащихся и для 3-годичных рабочих этот расход, не скупясь, можно определить рублей в 50 в год или около 60.000 руб. на все заведение ежегодно» (213).

Мы положительно начинаем умиляться от практичности нашего народника. Представьте только себе: «мы», «общество», вводим

такую грандиозную организацию труда, даем народу всеобщее среднее образование, и все это без всяких затрат, и с какими громадными моральными приобретениями! Какой прекрасный урок будет дан «нашим» теперешним сельским рабочим, которые при всей своей невежественности, дерзости и дикости не соглашаются работать дешевле 61 рубля в год на хозяйском содержании *),—как они увидят, как образованные батраки из гимназии будут работать за 50 руб. в год! Можно быть уверенным, что даже сама Коробочка согласится теперь с г. Южаковым, что теоретические основания его плана чрезвычайно «удобопонятны».

V.

Как же будет вестись хозяйство гимназий и управление ими? Хозяйство будет, как мы уже видели, смешанное: отчасти натуральное, отчасти денежное. Г. Южаков даст, разумеется, весьма подробные указания по этому важному вопрос. На стр. 216-й он с точностью, по статьям, рассчитывает, что каждой гимназии понадобится денег 160—170 тыс. р., так что для всех 15—20 тысяч гимназий—эдак до трех миллионов рублей. Ну, разумеется, продавать будут земледельческие продукты и за них деньги выручать. Наш автор так предусмотрителен, что принимает при этом во внимание общие условия современного товарно-капиталистического хозяйства: «Гимназии, расположенные под городом или вблизи жел.-дор. станций, па линиях, не удаленных от крупных центров, должны бы получать совершенно другой тип. Огородничество, садоводство, молочное хозяйство и ремесла здесь могут вполне заменить полеводство» (228). Торговля, значит, будет уже не шуточная. Кто будет ею заниматься,—автор не сообщает. Надо полагать, что педагогические советы гимназии сделаются отчасти и коммерческими советами.—Скептики, пожалуй, пожелали бы знать, как быть в случаях банкротства гимназий и сумеют ли вообще вести они торговое дело?—Но, разумеется, это были бы неосновательные придирки: если теперь необразованные купцы ведут торговлю, то можно ли сомневаться в успехе, когда за это дело возьмутся представители нашего интеллигентного общества?

Для хозяйства гимназиям понадобится, натурально, земля. Г. Южаков пишет: «Думаю...., что если бы этой мысли суждено

---

*) По данным д-та земледелия и сельской промышленности, средняя для Европейской России заработная плата годовому сельскому рабочему составляет 61 р. 29 к. (за 10 лет 1881—91), да содержание—46 рублей.

было получить практическое испытание, то для опыта первые такие земледельческие гимназии должны бы получить надел от 6 до 7 тыс. дес.» (228). На 109 милл. населения—20.000 гимназий—потребовалось бы ок. 100 милл. десятин, но ведь не надо забывать, что земледельческим трудом заняты лишь 80 милл. «Только их дети и должны быть проводимы чрез земледельческие гимназии». А потом еще ок. 8 милл. надо выкинуть на разные категории населения *),—останется 72 милл. Для них надо только 60—72 милл. дес. «И это, конечно, много» (231), но г. Южаков не смущается. У казны ведь тоже много земли, только расположенной не совсем удобно. «Так, в северном Полесье их расположено 127,6 милл. дес., и здесь, особенно усвоив систему обмена, где нужно частных и даже крестьянских земель на казенные, с целью предоставить первые школам, вероятно, было бы не трудно даром обеспечить землею наши земледельческие гимназии. Так же хорошо обстоит дело»... на юго-востоке (231). Гм... «хорошо»! отправить их, значит, в Архангельскую губернию!—Правда, до сих пор она служила больше местом ссылки, и казенные леса там в громадном большинстве даже не устроены,—но это ничего не значит. Как только отправят туда гимназистов с просвещенными преподавателями, они все эти леса вырубят, землю расчистят и насадят культуру!

А в центральной области можно устроить выкуп земли: не больше ведь миллионов 80-ти десятин. Выпустить «гарантированные облигации», а платежи по ним, само собою разумеется, разложить «на гимназии, получившие даровой надел» (232)—и дело в шляпе! Г. Южаков уверяет, что нечего пугаться «грандиозности финансовой операции. Она не представляется химерою и утопией» (232). Это будет «в сущности отлично обеспеченная ипотека».—Чего уж не обеспеченная! Только еще раз при чем же тут «утопия»?

---

*) Вот полный список этих категорий счастливцев, освобождаемых от земледельческих гимназий: «состоятельные, исправляемые, магометанские девочки, мелкие инородцы, фанатические сектанты, слепые, глухонемые, идиоты, сумасшедшие, хроники, заразные, преступные» (231). Когда мы прочли этот список, наше сердце болезненно сжалось: Господи, подумали мы, удастся ли хоть присных своих зачислить в число освобожденных!—По первой категории?—финансов, пожалуй, не хватит. Ну, еще женский пол авось удастся хитростью причислить к магометанским девочкам, а мужской-то как? Одна надежда на 3-ю категорию. Сотрудник г-на Южакова по журналу, г. Михайловский, зачислил уже, как известно, П. Б. Струве просто к инородцам, так авось уж он и нас всех соблаговолит зачислить, хоть к «мелким инородцам», для освобождения наших присных от земледельческих гимназий!

И неужели г. Южаков серьезно считает наших крестьян настолько уж забитыми и неразвитыми, чтобы получить от них согласие на подобный план?? И выкупные платежи извольте платить за землю, и «платежи по займу для первоначального обзаведения» *), и содержать извольте всю гимназию, и жалование платите всем преподавателям, а в довершение всего извольте-ка еще за все это (т.-е. за то, что за плату наняли преподавателей?) отработать по три годика! Не слишком ли уж жирно будет, просвещенный г. «народник»? Подумали ли вы, перепечатывая в 1897 году свое творение, появившееся в журнале «Р. Богатство» в 1895 году,—куда заводит вас свойственная всем народникам любовь к разным финансовым операциям и выкупам? Вспомните, читатель, что было обещано всенародное образование «без всяких затрат со стороны государства, земства и народа». И наш гениальный финансист, действительно, ни рубля не требует ни от государства, ни от земства. А от «народа»? Или, точнее говоря, от несостоятельных крестьян **)? На их деньги и земля покупается, и гимназии заводятся (ибо они платят проценты и погашения по употребленным на это капиталам), они же и преподавателям платят и все гимназии содержат. И еще отработки. Да за что же?—За то,—отвечает неумолимый финансист,—что в младших классах гимназисты за свое образование и содержание не платили (204). Но, во-первых, к нерабочим возрастам отнесены только «приготовительные и два первые гимназические класса» (206), а дальше уже идут полу-рабочие. А, во-вторых, ведь содержат этих детей их же старшие братья, они же и преподавателям платят за обучение младших. Нет, г. Южаков, не только теперь, но и в Аракчеевские времена подобный план был бы совершенно неосуществим, ибо это действительно «утопия» крепостническая.

Что касается до управления гимназиями, то г. Южаков дает об этом очень мало сведений. Преподавательский персонал он, правда, с точностью перечислил и назначил всем им жалованье «сравнительно невысокое» (ибо готовая квартира, содержание детей, «половина расходов на одежду»)—вы думаете, может-быть, по 50 руб. в год? Нет, несколько побольше: «директору, дирек-

---

*) Стр. 216. 10.000 р. с гимназии.

**) Ибо состоятельные ведь исключаются. Г. Южаков сам подозревает, что «из числа и сельско-хозяйственных населений некоторый процент предпочтет отдавать своих детей в платные городские средние школы» (230). Еще бы не предпочесть!

трисе и главному агроному по 2.400, инспектору» и т. д. по чину глядя, спускаясь по иерархической лестнице до 200 рублей низшим служащим (214). Как видите, недурная карьера для тех представителей просвещенного общества, которые «предпочли» платную городскую школу земледельческой гимназии! Обратите внимание на эту «половину расхода на одежду», обеспеченную гг. преподавателям: по плану нашего народника, они будут пользоваться мастерскими (как мы уже видели), т.-е. отдавать «гимназистам» чинить и шить себе платье. Не правда ли, как заботлив г. Южаков... о гг. преподавателях? Впрочем, он и о «гимназистах» заботится,—так, как добрый хозяин заботится о скотине: ее надо накормить, напоить, поместить и... и случить. Не угодно ли:

«Если будут разрешены браки между окончившими курс и оставшимися на три года при гимназии молодыми людьми..., то такое 3-летнее пребывание при гимназии будет далеко менее обременительно воинской повинности» (207). «Если будут разрешены браки»!! Значит могут и не разрешить? Но ведь для этого нужен новый закон, почтенный г. прогрессист,—закон, ограничивающий гражданские права крестьян. Можно ли однако удивляться подобной «обмолвке» (?) г-на Южакова, если он во всей своей «утопии», среди подробнейшего разбора вопросов о жалованьи преподавателей, об отработках гимназистов и т. п., и не вспомнил ни разу, что не грех бы—в «утопии»-то по крайней мере—предоставить некоторые права по управлению «гимназией» и по ведению хозяйства самим «ученикам», которые ведь сами содержат все заведение и кончают ее 23—25 лет, что ведь это не только «гимназисты» но и граждане. Об этой мелочи совсем забыл наш народник! Зато вот вопрос об «учениках» дурного поведения он разработал тщательно. «Четвертый тип (гимназий) надо было бы создать для учащихся, удаляемых из обыкновенных гимназий за дурное поведение. Обязывая все молодое поколение пройти курс среднего образования, было бы нерационально освободить от него за дурное поведение. Для старших классов это могло бы явиться соблазном и поощрением к дурному поведению. (Ей-богу, так и напечатано, на стр. 229!!). Учреждение особых гимназий для удаленнных за дурное поведение явилось бы логическим дополнением всей системы». Они назывались бы «исправительные гимназии» (230).

Не правда ли, как бесподобна эта «просветительная утопия» в русском вкусе с исправительными гимназиями для тех злодеев, которые пожалуй «соблазнились» бы перспективой «освободиться»... от просвещения?!

VI.

Читатели не забыли, быть-может, один проект руководства промышленностью, справедливо охарактеризованный как возрождение меркантилизма [103]), как проект «буржуазно-бюрократически-социалистической организации отечественной промышленности» (стр. 238) [104]). Для характеристики «плана» г-на Южакова приходится употребить еще более сложный термин. Приходится назвать этот план крепостнически--бюрократически-буржуазно-социалистическим экспериментом. Довольно-таки неуклюжий 4-этажный термин, а что прикажете делать? И план-то ведь неуклюжий. Зато этот термин точно передает все характерные черты «утопии» г-на Южакова. Начнем разбор с 4-го этажа. «Один из основных признаков научного понятия социализма—планомерное регулирование общественного производства»,—справедливо говорит цитированный сейчас автор *). В «утопии» есть этот признак, ибо хозяйство десятков миллионов рабочих организуется наперед по одному общему плану. Буржуазный характер утопии не подлежит сомнению: во-первых, средняя школа «по «плану» г-на Южакова остается классовой школой. И это после всех тех пышных фраз, которые извергал г. Южаков «против» классовой школы в своей первой статье!! Для состоятельных—одна школа, для несостоятельных—другая; есть деньги—плати за ученье, а нет—так работай. Мало того: для состоятельных—оставлен, как мы видим, «нынешний чин». В нынешних средних школах, напр., м-ва нар. просв., плата за учение покрывает лишь 28,7% всей суммы расходов,—40,0% дает казна; 21,8%—пособия от лиц, учреждений и обществ; 3%—проценты с капитала и 6,4%—прочие источники («Произв. силы», отд. XIX, с. 35). След., г. Южаков еще усилил против нынешнего классовый характер средней школы; по его «плану» состоятельные люди будут оплачивать лишь 28,7% стоимости своего учения, а несостоятельные—всю стоимость своего учения, да еще отработки в придачу! Недурно для «народнической» утопии? Во-вторых, в плане предложен наем гимназией зимних рабочих—особенно из безземельных крестьян. В-третьих, оставлена противоположность между городом и деревней,—это основание общественного разделения труда. Раз г. Южаков вводит планомерную организацию общественного труда, раз он пишет «утопию» о соединении обуче-

*) «Новое Слово», апрель 1897 г. Вн. обозр.

ния с производительным трудом,—сохранение этой противоположности есть абсурд, показывающий, что наш автор понятия не имеет о том предмете, который берется рассматривать. Не только «учителя» теперешних учеников писали против этого абсурда, но и старые утописты, и даже наш русский великий утопист [105]). Г-ну Южакову до этого дела нет! В четвертых,—и это самое глубокое основание, чтобы назвать «утопию» буржуазной,—в ней оставлено рядом с попыткой планомерной организации общественного производства и товарное производство. Гимназии производят продукты на рынок. Следовательно, общественным производством будут управлять законы рынка, которым должны будут подчиняться и «гимназии»! Г-ну Южакову до этого дела нет! И с чего вы взяли,—скажет он, пожалуй,—что управлять производством будут какие-то законы рынка? Пустяки все это! Управлять производством будут не законы рынка, а распоряжения гг. директоров земледельческих гимназий. Voilà tout *).—О чисто-бюрократическом устройстве утопических гимназий г-на Южакова мы уже говорили. «Просветительная Утопия», позволительно надеяться, сослужит полезную службу для читающей русской публики, показывая ей, насколько глубок «демократизм» современных народников.—Крепостнической чертой в «плане» г-на Южакова являются отработки несостоятельных за учение. Если бы проект подобного рода писал последовательный буржуа, то у него ни 1-го, ни 2-го этажа не было бы, и проект был бы неизмеримо выше и неизмеримо полезнее подобной народнической утопии. Отработки—хозяйственная сущность крепостного строя. В капиталистическом строе несостоятельный человек должен продать свою рабочую силу, чтобы купить средства к жизни. В крепостном строе несостоятельный должен отработать те средства к жизни, которые он получил от помещика. Отработки необходимо требуют принуждения к работе, неполноправности отработчика, того, чтб автор «Капитала» назвал «ausserökonomischer Zwang» (III, 2, 234) **). Поэтому и в России, поскольку сохранились и сохраняются отработки,—необходимым дополнением их является гражданская неполноправность крестьянина, прикрепление к земле, телесные наказания, право отдачи в работу. Г. Южаков этой связи между отработками и неполноправностью не понимает, но чутье «практичного» человека подсказало ему, что при отработках гимназистов не мешает ввести исправительные гимназии для тех, кто

---

*) — Вот и все. Ред.

**) — внеэкономическое принуждение. Ред.

дерзнул бы уклониться от просвещения; что великовозрастные «гимназисты»-рабочие должны остаться на положении мальчишек-учеников.

И спрашивается, зачем понадобилось нашему утописту три первые этажа его творения? Оставил бы один четвертый этаж,— тогда никто не мог бы возразить ни единого слова, ибо человек сам же прямо и наперед сказал, что пишет «утопию»! Но вот тут-то его Kleinbürger'ская природа и выдала. С одной стороны, и «утопия»—хорошая вещь, а с другой стороны, и преподавательские гонорары для госпожи интеллигенции—тоже недурная вещь. С одной стороны—«без всяких затрат для народа», а с другой стороны—нет, ты, братец мой, процентики-то да погашение целиком уплати, да вот еще отработай три годика. С одной стороны—напыщенные декламации об опасности и вреде классового дробления, а с другой стороны—чисто-классовая «утопия». В этих вечных колебаниях между старым и новым, в этих курьезных претензиях перепрыгнуть через собственную голову, т.-е. стать выше всяких классов, и состоит сущность всякого Kleinbürger'ского миросозерцания.

* * *

Знакомы ли вы, читатель, с произведением г-на Сергея Шарапова [106]): «Русский сельский хозяин. Несколько мыслей об устройстве хозяйства в России на новых началах» (бесплатное приложение к журналу «Север» [107]) за 1894 г.), Спб. 1894 г. Сотрудникам «Р. Богатства» вообще и г-ну Южакову в частности мы бы очень рекомендовали познакомиться с ней. Первая глава ее озаглавлена: «Нравственные условия русского хозяйства». Автор разжевывает здесь очень близко стоящие к «народничеству» идеи о коренном отличии России от Запада, о преобладании на Западе голого коммерческого расчета, об отсутствии всяких нравственных вопросов для тамошних хозяев и рабочих. Наоборот, в России благодаря наделению крестьян землею в 1861 г. «для их существования определилась совсем иная цель, чем на Западе» (8). «У нашего крестьянина, получившего землю, явилась самостоятельная цель бытия». Ну, одним словом, было санкционировано народное производство,—как выразился гораздо рельефнее г. Николай —он. Помещик у нас,—продолжает развивать свою мысль г. Шарапов,—заинтересован в благосостоянии крестьянина, ибо этот же крестьянин своим инвентарем обрабатывает помещичьи земли. «В его (помещика) расчеты, кроме соображений частной выгодности предприятия, входит и элемент нравственный, вер-

нее психологический» (12. Курс. авт..). И г. Шцрцпов с пафосом (который не уступил бы пафосу г-на Южакова) говорит о невозможности у нас капитализма. У нас возможен и нужен вместо капитализма «союз барина и мужика» (заглавие II главы книги г. Шарапова). «Хозяйство должно быть построено на тесной солидарности барина и мужика» (25): барин должен насаждать культуру, а мужик... ну, мужик, конечно, должен работать! И вот, он, г. Сергей Шарапов, «после долгих и мучительных ошибок», осуществил, наконец, в своем имении «упомянутое единение барина и мужика» (26). Он ввел рациональный севооборот и пр. и пр., а с крестьянами заключил такой договор: крестьяне получают от помещика луга, выгон и пашню плюс семена на столько-то десятин и т. п. Обязуются же крестьяне сделать все работы по хозяйству помещика (вывезти навоз, рассыпать фосфорит, вспахать, посеять, убрать, свезти «в мой амбар», обмолотить и пр. и пр. столько-то десятин каждого хлеба) и затем еще уплатить сначала 600 р., затем 800, 850, 1.100, наконец, 1.200 рублей (т.-е. прибавка ежегодно). Платеж этих денег рассрочен... применительно к взносам процентов в Дворянский Банк (36 и сл.). Автор, само собою разумеется, «убежденный сторонник сельской общины» (37). Мы говорим: «разумеется», ибо при отсутствии законов о прикреплении крестьян к наделу и о сословной замкнутости крестьянской общины подобные типы хозяйства были бы невозможны. Обеспечение платежей от крестьян состоит у г-на Шарапова «в неразрешении без своего участия продажи готовых продуктов, вследствие чего является неизбежным ссыпать и складывать все это в своем амбаре» (36). Так как платежи от бедноты было бы крайне трудно получать, то г. Шарапов устроил так, что он получает их от богатых крестьян: эти богатые крестьяне сами подбирают себе группу слабосильных, становятся во главе этой артели (38) и вносят помещику деньги беспрекословно, потому что с бедняка они всегда получат при продаже продуктов (39). «Для многих бедняков, особенно малосемейных, очень тяжело работать мою работу. Им приходится очень и очень напрягаться, но уклониться нельзя, крестьяне не примут в стадо скота уклонившегося домохозяина. Я тоже не приму, этим меня обязывают крестьяне, и бедняк волей-неволей работает. Это, конечно, насилие своего рода, но знаете что получается в результате? Год или два аренды—и у бедняка казенные недоимки заплачены, вещи из заклада выкуплены, являются свободные деньжонки, перестраивается хата... глядь! уж он вышел из бедности» (39). И г. Шарапов «с гордостью указывает, что «его» крестьяне (он не раз

говорит «мои крестьяне») процветают, что он насаждает культуру, вводит и клевер, и фосфорит, и т. п., тогда «как крестьяне сами ничего не сделают» (35). «Все работы должны при этом производиться по моему распоряжению и указанию. Я выбираю дни посева, вывозки навоза, покоса. Все лето у нас почти восстановляется крепостное право, кроме, конечно, зуботычин и экзекуций на конюшне» (стр. 29).

Как видите, прямодушный хозяин г. Шарапов немножко откровеннее, чем просвещенный публицист г. Южаков. А велика ли разница между типами хозяйства в имении первого и в утопии второго? И там и здесь вся суть в отработках; и там и здесь мы видим—принуждение либо давлением распоряжающихся «общиной» богатеев, либо угрозой отдать в исправительную гимназию.—Читатель возразит, что г. Шарапов хозяйничает ради выгоды, а чиновники в утопии г-на Южакова хозяйничают из рвения к общему благу?—Извините. Г. Шарапов прямо говорит, что он хозяйничает из нравственных мотивов, что он отдает половину дохода крестьянам и т. д.—и мы не имеем ни права, ни основания верить ему меньше, чем г-ну Южакову, который ведь тоже обеспечил своих утопических преподавателей вовсе не утопическим «доходным местом». А если иной помещик последует совету г-на Южакова и отдаст свою землю под земледельческую гимназию, получая с «гимназистов» проценты для платежа в Дворянский Банк— («отлично обеспеченная ипотека», по словам самого г-на Южакова)—то разница совсем почти исчезнет. Остается, конечно, громадная разница в «вопросах просвещения», но скажите, бога ради, неужели и г. Сергей Шарапов не предпочел бы нанимать образованных батраков за 50 руб., чем необразованных за 60 руб.?

И вот, если г. Мануилов и теперь не понимает, почему русские (да и не одни русские) ученики считают необходимым, в интересах труда, поддерживать последовательных буржуа и последовательные буржуазные идеи против тех остатков старины, которые порождают хозяйства господ Шараповых и «утопии» господ Южаковых,—тогда, признаемся, нам трудно даже объясняться с ним, ибо мы говорим, очевидно, на разных языках. Г. Мануилов рассуждает, должно-быть, по знаменитому рецепту знаменитого г-на Михайловского: надо взять хорошее и оттуда и отсюда,—наподобие того, как гоголевская невеста хотела взять нос одного жениха и приставить к подбородку другого. А нам кажется, что подобные рассуждения есть лишь комичная претензия Kleinbürger'а подняться выше определенных классов, вполне сложившихся в нашей действительности и занявших вполне определенное место

в процессе исторического развития, происходящем перед нашими глазами. «Утопии», естественно и неизбежно вырастающие из подобного рассуждения, уже не комичны, а вредны, особенно когда они ведут к до-нельзя разнузданным бюрократическим измышлениям. В России такое явление наблюдается, по вполне понятным причинам, особенно часто, но оно не ограничивается Россией. Недаром Антонио Лабриола [108]) в своей превосходной книге: «Essais sur la conception matérialiste de l'histoire» (Paris, Giard et Brière, 1897) говорит, имея в виду Пруссию, что к тем вредным формам утопий, с которыми боролись полвека тому назад «учителя», присоединилась теперь еще одна: «утопия бюрократическая и фискальная, утопия кретинов» (l'utopie bureaucratique et fiscale, l'utopie des crétins. Page 105, note).

VII.

В заключение вернемся еще раз к вопросам просвещения,— но не к книге г-на Южакова, носящей это заглавие. Было уже замечено, что заглавие это слишком широко, ибо вопросы просвещения вовсе не покрываются вопросами школы, просвещение вовсе не ограничивается школой. Если бы г. Южаков действительно ставил «вопросы просвещения» принципиально и разбирая отношения между различными классами, то он не мог бы обойти вопроса о роли капиталистического развития России в вопросе просвещения трудящихся масс. Этот вопрос затронул другой сотрудник «Рус. Богатства», г. Михайловский, в № 11 за 1897 г. [109]). По поводу слов г. Novus'a [110]), что Маркс не боялся, и с полным правом не боялся, писать об «идиотизме деревенской жизни», и видел заслугу капитализма и буржуазии «в разрушении этого идиотизма», г. Михайловский пишет:

«Я не знаю, где именно у Маркса написаны эти грубые (?) слова»... Характерное признание в незнакомстве с одним из новейших [111]) произведений Маркса (именно «Манифестом»)! Но еще характернее дальнейшее: «...но давно известно, что если Александр Македонский был великий герой, то стульев все-таки ломать не следует. Маркс был вообще неразборчив в выражениях, и, конечно, подражать ему в этом отношении, по малой мере, не умно. Но и то я уверен (слушайте!), что приведенное выражение у Маркса простая бутада. И если поколение, вместе с г. Златовратским мучавшееся над сложными вопросами деревенской жизни, приняло много напрасного горя, то горе—хотя и иное—и тому поколению, которое воспитается на презрительном отношении к «идиотизму деревенской жизни»... (стр. 139).

В высшей степени характерно для г-на Михайловского, объявлявшего не раз, что он согласен с экономической доктриной Маркса, полное непонимание этой доктрины, позволяющее ему «уверенно» заявлять, что цитированные Novus'ом слова Маркса— результат простого увлечения, простой неразборчивости в выражениях, простая бутада! Нет, г. Михайловский, вы жестоко ошибаетесь. Эти слова Маркса—не бутада, а выражение одной из самых основных и самых важных черт всего его миросозерцания, и теоретического и практического. В этих словах ясно выражено признание прогрессивности того процесса отвлечения населения от земледелия к промышленности, от деревень к городам, который служит одним из характернейших признаков капиталистического развития, который наблюдается и на Западе и в России. В статье: «К характеристике экономического романтизма» я говорил уже о том, какое важное значение имеет это воззрение Маркса, принятое всеми «учениками», как резко противоречит оно всем и всяческим романтическим теориям, начиная от старика Сисмонди и кончая г-ном Н.—оном. Там же было указано (стр. 39) *), что это воззрение вполне определенно выражено Марксом и в «Капитале» (I Band, 2-te Aufl., S. 527—8) **), а также Энгельсом в сочинении: «Положение рабочего класса в Англии». Можно добавить сюда и сочинение Маркса: «Der Achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte» (Hamb. 1885., Cf. s. 98) ***). Оба эти писатели так подробно изложили свои взгляды по данному вопросу, так часто повторяли их по самым различным поводам, что только человеку, совершенно незнакомому с их учением, могла притти в голову идея объявить слово «идиотизм» в приведенной цитате просто «грубостью» и «бутадой». Наконец г. Михайловский мог бы вспомнить также и тот факт, что все последователи этих писателей высказывались всегда по целому ряду практических вопросов в духе этого учения, защищая, напр., полную свободу передвижения, восставая против проектов наделить рабочего кусочком земли или собственным домиком и т. п.

Далее г. Михайловский в выписанной тираде обвиняет Novus'а

---

*) Стр. 205—206 настоящего издания. Ред.

**) «Капитал», I том, стр. 659—661 русского издания под ред. Степанова, 1920. Ред.

***) Г. Novus, конечно, не предполагал, что г. Михайловский настольно незнаком с сочинениями Маркса, а то бы он процитировал всю фразу последнего: „Die Bourgeoisie hat das Land der Herrschaft der Stadt unterworfen. Sie hat enorme Städte geschaffen, sie hat die Zahl der städtischen Bevölkerung gegenüber der ländlichen in hohem Grade vermehrt und so einen bedeutenden Theil der Bevölkerung dem Idiotismus des Landlebens eutrissen.

и его единомышленников в том, что они будто бы воспитывают современное поколение «на презрительном отношении к идиотизму деревенской жизни». Это неправда. «Ученики» заслуживали бы, конечно, порицания, если бы «презрительно» относились к задавленному нуждой и темнотой жителю деревни, но ни у одного из них г. Михайловский не мог бы доказать подобного отношения. Говоря об «идиотизме деревенской жизни», ученики в то же время показывают, какой выход из этого положения открывает развитие капитализма. Повторим сказанное выше в статье об экономическом романтизме: «Если преобладание города необходимо, то только привлечение населения в города может парализовать (и действительно, как доказывает история, парализует) односторонний характер этого преобладания. Если город выделяет себя необходимо в привилегированное положение, то только приток деревенского населения в города, только это смешение и слияние земледельческого и неземледельческого населения может поднять сельское население из его беспомощности. Поэтому в ответ на реакционные жалобы и сетования романтиков новейшая теория указывает на то, как именно это сближение условий жизни земледельческого и неземледельческого населения создает условия для устранения противоположности между городом и деревней» *).

Это вовсе не презрительное отношение к «идиотизму деревенской жизни», а желание найти выход из него. Из таких воззрений следует только «презрительное отношение» к тем учениям, которые предлагают «искать путей для отечества»—вместо того, чтобы искать выхода в данном пути и его дальнейшем ходе.

Различие между народниками и «учениками» по вопросу о значении процесса отвлечения населения от земледелия к промышленности состоит не только в принципиальном теоретическом разногласии и в различной оценке фактов русской истории и действительности, но и в разрешении практических вопросов, связанных с этим процессом. «Ученики», естественно, настаивают на необходимости отмены всех устаревших стеснений передвижения и переселения крестьян из деревень в города, а народники либо прямо защищают эти стеснения, либо осторожно обходят вопрос об них (что на практике сводится к такой же защите). Г. Мануилов мог бы и на этом примере уяснить себе то удивительное для него обстоятельство, что «ученики» выражают солидарность с представителями буржуазии. Последовательный буржуа

*) Стр. 249—50 настоящего издания. Ред.

всегда будет стоять за отмену указанных стеснений передвижения, а для рабочего—этой отмены требует самый насущный интерес его. Следовательно, солидарность между ними вполне естественна и неизбежна. Наоборот, аграриям (крупным и мелким, до хозяйственных мужичков включительно) невыгоден этот процесс отвлечения населения к промышленности, и они усердно стараются задержать его, споспешествуемые теориями г.г. народников.

Заключаем: по крупнейшему вопросу об отвлечении капитализмом населения от земледелия г. Михайловский выказал полное непонимание учений Маркса, а соответствующее разногласие русских «учеников» и народников как по теоретическим, так и по практическим пунктам он обошел ничего неговорящими фразами.

ОТ КАКОГО НАСЛЕДСТВА МЫ ОТКАЗЫВАЕМСЯ?

Написано в конце 1897 г. [112]).

Напечатано в 1899 г. в сборнике: *Владимир Ильин*, „Экономические этюды и статьи“.

В № 10 «Русского Богатства» за 1897 год г. Михайловский пишет, пересказывая отзыв г-на Минского[113]) о «диалектических материалистах»: «ему (г-ну Минскому) должно быть известно, что эти люди не желают состоять ни в какой преемственной связи с прошлым и решительно отказываются от наследства» (стр. 179), т.-е. от «наследства 60—70 годов», от которого торжественно отказывался в 1891 г. г. В. Розанов[114]) в «Московских Ведомостях» (стр. 178).

В этом отзыве г-на Михайловского о «русских учениках» масса фальши. Правда, г. Михайловский—не единственный и не самостоятельный автор этой фальши об «отказе русских учеников от наследства»,—ее повторяют уже давно чуть ли не все представители либерально-народнической прессы, воюя против «учеников». В начале своей ярой войны с «учениками» г. Михайловский, сколько помнится, еще не додумался до этой фальши, и ее раньше него придумали другие. Потом он счел нужным подхватить и ее. Чем дальше развивали свои воззрения в русской литературе «ученики», чем подробнее и обстоятельнее высказывались они по целому ряду и теоретических и практических вопросов,—тем реже можно было встретить во враждебной прессе возражение по существу против основных пунктов нового направления, против взгляда на прогрессивность русского капитализма, на вздорность народнической идеализации мелкого производителя, на необходимость искать объяснения течениям общественной мысли и юридико-политическим учреждениям в материальных интересах различных классов русского общества. Эти основные пункты замалчивались, о них предпочитали и предпочитают не говорить,—но зато тем больше сочинялось выдумок, долженствующих дискредитировать новое направление. К числу таких выдумок, «плохих выдумок», относится и эта ходячая фраза об «отказе русских учеников от наследства», о разрыве их с лучшими традициями лучшей, передовой части русского общества, о перерыве ими демократической нити и т. п., и т. д., и как там

еще это ни выражалось. Чрезвычайная распространенность подобных фраз побуждает нас остановиться на подробном рассмотрении и опровержении их. Чтобы наше изложение не показалось голословным,—мы начнем с одной историко-литературной параллели между двумя «публицистами деревни», взятыми для характеристики «наследства». Оговариваемся, что мы ограничиваемся исключительно вопросами экономическими и публицистическими, рассматривая из всего «наследства» только эти вопросы и оставляя в стороне вопросы философские, литературные, эстетические и т. п.

I.

Один из представителей «наследства».

Тридцать лет тому назад, в 1867 году, в журнале: «Отеч. Записки» начали печататься публицистические очерки Скалдина[115]) под заглавием: «В захолустье и в столице». Очерки эти печатались в течение трех лет, 1867—1869. В 1870 году автор собрал их вместе и издал отдельной книгой под тем же заглавием*). Ознакомление с этой книгой, почти совсем забытой в настоящее время, чрезвычайно поучительно по интересующему нас вопросу, т.-е. по вопросу об отношении представителей «наследства» к народникам и к «русским ученикам». Заглавие книги неточно. Автор сам заметил это и объясняет в предисловии к своей книге, что его тема—отношение «столицы» к «деревне», т.-е. публицистические очерки деревни, и что особо о столице он говорить не намерен. Т.-е. пожалуй, и был бы намерен, да находит это неудобным: ὡς δύναμαι—οὐ βούλομαι, ὡς δὲ βυύλομαι—οὐ δύναμαι (так, как я мог бы, я не хочу, а так, как хотел бы, не могу)—цитирует Скалдин, в пояснение этого неудобства, выражение одного греческого писателя.

Дадим вкратце изложение взглядов Скалдина.

Начнем с крестьянской реформы,—этого исходного пункта, к которому неизбежно должен восходить и по сю пору каждый, желающий изложить свои общие воззрения по экономическим и публицистическим вопросам. В книге Скалдина крестьянской реформе уделено очень много места. Скалдин был едва ли не первым писателем, систематически, на основании обширных фактов и подробного рассмотрения всей жизни деревни, показавший бед-

*) Скалдин, «В захолустьи и в столице», СПБ. 1870 (стр. 451). Мы не имели возможности достать «Отеч. Зап.» за указанные годы и пользовались только этой книгой.

ственное положение крестьян после проведения реформы, ухудшение их быта, новые формы их экономической, юридической и бытовой зависимости,—одним словом, показавший все то, что с тех пор так обстоятельно и детально было показано и доказано многочисленными исследованиями и описаниями. Теперь все эти истины—не новость. Тогда—они были не только новы, но и возбуждали недоверие в либеральном обществе, которое боялось, не скрывается ли за этими указаниями на так наз. «недостатки реформы» осуждения ее и скрытого крепостничества. Интерес воззрений Скалдина усиливается еще тем, что автор был современником реформы (а, может быть, даже и участником ее. Мы не имеем в своем распоряжении никаких историко-литературных сведений и биографических данных о Скалдине). Его воззрения основаны, следовательно, на непосредственном наблюдении и тогдашней «столицы» и тогдашней «деревни», а не на кабинетном изучении книжного материала.

В воззрениях Скалдина на крестьянскую реформу прежде всего обращает внимание современного читателя, привыкшего к народническим слащавым россказням на эту тему, чрезвычайная трезвость автора. Скалдин смотрит на реформу без всяких самообольщений, без всякой идеализации, смотрит как на сделку между двумя сторонами, помещиками и крестьянами, которые пользовались до сих пор сообща землею на известных условиях, и теперь вот разделились, при чем с этим разделом изменилось и юридическое положение обеих сторон. Фактором, определившим способ этого раздела и величину доли, полученной каждою стороною, были интересы сторон. Эти интересы определяли стремления обеих сторон, а возможность для одной стороны принимать непосредственное участие в самой реформе и в практическом развитии различных вопросов ее осуществления определила, между прочим, преобладание одной стороны. Именно таково понимание реформы у Скалдина. На главном вопросе реформы, наделах и платежах, Скалдин останавливается особенно подробно, возвращаясь к ним неоднократно в своих очерках. (Книга Скалдина разделяется на 11 очерков, которые имеют самостоятельное содержание, напоминая по форме отдельные письма из деревни. Первый очерк помечен 1866 годом, последний—1869.) О так называемых «малоземельных» крестьянах в книге Скалдина, разумеется, нет ничего нового для современного читателя, но для конца 60-х годов его доказательства были и новы и ценны. Мы не станем, конечно, повторять их и отметим лишь особенность той характеристики явления, которую дает Скалдин,—особенность,

выгодно отличающую его от народников. Скалдин говорит не о «малоземелье», а о «слишком значительной отрезке от крестьянских наделов» (стр. 213, тоже 214 и мн. др.; ср. заглавие III очерка), о том, что высшие наделы, определенные положениями, оказались ниже действительных наделов (стр. 257), приводя, между прочим, чрезвычайно характерные и типичные отзывы крестьян об этой стороне реформы *). Разъяснения и доказательства этого факта у Скалдина чрезвычайно обстоятельны, сильны и даже резки для писателя вообще чрезвычайно умеренного, трезвого и по общим своим воззрениям, несомненно, буржуазного. Значит, сильно бросилось в глаза это явление, если даже такой писатель, как Скалдин, говорит об этом так энергично. О тяжести платежей Скалдин говорит тоже чрезвычайно энергично и обстоятельно, доказывая свои положения массою фактов. «Непомерные налоги»—читаем в подзаголовке II очерка (1867)—«суть главная причина их (крестьян) бедности», и Скалдин показывает, что налоги выше дохода крестьян от земли, приводит из «Трудов податной комиссии» данные о распределении русских налогов на взимаемые с высших и с низших классов, при чем, оказывается, на последние классы падает 76% всех налогов, а на первые—17%, тогда как в западной Европе отношение везде несравненно благоприятное для низших классов. В подзаголовке VII очерка (1868) читаем: «Чрезмерные денежные повинности составляют одну из главных причин бедности крестьян», и автор показывает, как новые условия жизни сразу потребовали от крестьянина денег, денег и денег, как в «Положении» было принято за правило вознаграждать помещиков и за крепостное право (252), как высота оброка определена была «из подлинных сведений помещиков, их управляющих и старост, т.-е. из подлинных и не представлявших ни малейшей достоверности» (255), вследствие чего средние оброки, выведенные комиссиями, оказались выше действительных средних оброков. «К тяжести налогов прибавилась для крестьян еще потеря земли, которою они пользовались века» (258). «Если бы оценка земли для выкупа сделана была не по капитализации оброка, а по ее действительной стоимости в эпоху освобождения, то выкуп мог бы совершиться весьма легко и не потребовал бы даже со-

*) «Землю-то нашу он (курсив автора) так обрезал, что нам без этой отрезной земли жить нельзя; со всех сторон окружил нас своими полями, так что нам скотины выгнать некуда; вот и плати ты за надел особо, да за обрезную землю еще особо, сколько потребует». «Какое же это улучшение быта!—говорил мне один грамотный и бывалый мужик из прежних оброчных,—оброк-то на нас оставили прежний, а землю обрезали».

действия правительства, ни выпуска кредитных билетов» (264). «Выкуп, долженствовавший, по мысли положения 19 февраля, облегчить крестьян и завершить собою дело улучшения их быта, в действительности нередко обращается к бо́льшему их стеснению» (269). Мы приводим все эти выписки—сами по себе мало интересные и отчасти устаревшие—чтобы показать, с какой энергией высказывался за интересы крестьян писатель, враждебно относящийся к общине и высказавшийся по целому ряду вопросов как настоящий манчестерец[115]). Весьма поучительно отметить полное совпадение почти всех полезных и нереакционных положений народничества с положениями этого манчестерца. Само собою разумеется, что, при таких взглядах Скалдина на реформу, он никак не мог предаваться той сладенькой идеализации ее, которой предавались и предаются народники, говоря, что она санкционировала народное производство, что она была выше западно-европейских крестьянских реформ, что она сделала из России как бы tabula rasa и т. д. Скалдин не только ничего подобного не говорил и не мог говорить, но даже прямо говорил, что у нас крестьянская реформа состоялась на условиях менее выгодных для крестьян, что она принесла меньше пользы, чем на Западе. «Вопрос будет поставлен прямо,—писал Скалдин,—если мы спросим себя: почему благие последствия освобождения не обнаружились у нас с такою же быстротою и прогрессивным возрастанием, как обнаружились они, напр., в Пруссии и в Саксонии в первой четверти нынешнего столетия?» (221). «В Пруссии, как и во всей Германии, выкупались не наделы крестьян, давно уже признанные законом их собственностью, но крестьянские обязательные повинности помещикам» (272).

От экономической стороны реформы в оценке Скалдина перейдем к юридической. Скалдин—ярый враг круговой поруки, паспортной системы и патриархальной власти «мира» в крестьянстве (и мещанского общества) над их членами. В III очерке (1867) он настаивает на отмене круговой поруки, подушной подати и паспортной системы, на необходимости уравнительного поимущественного налога, на замене паспортов бесплатными и бессрочными свидетельствами. «Налога на паспорты внутри отечества не существует ни в одном другом цивилизованном государстве» (109). Известно, что этот налог отменен лишь в 1897 году. В заглавии IV очерка читаем: «произвол сельских обществ и градских дум при высылке паспортов и взимании налогов с отсутствующих плательщиков»... «Круговая порука, это—тяжелое ярмо, которое должны тянуть исправные и домовитые хозяева

для гуляк и лентяев» (126). Замечавшееся уже и тогда разложение крестьянства Скалдин хочет объяснить личными качествами поднимающихся и опускающихся.—Автор описывает подробно те затруднения, с которыми крестьяне, живущие в С.-Петербурге, получают паспорты и отсрочивают их, и отвергает возражение тех, которые скажут: «слава богу, что вся эта масса безземельных крестьян не приписались к городам, не увеличила собой количество городских жителей, не имеющих недвижимой собственности» (130)... «Варварская круговая порука» (131)... «Спрашивается, можно ли назвать граждански свободными людей, поставленных в подобное положение? Не те же ли это—glebae adscripti?» (132). Винят крестьянскую реформу. «Но разве крестьянская реформа виновна в том, что законодательство, освободив крестьянина от крепости помещику, не придумало ничего для избавления его от крепости обществу и месту приписки... Где же признаки гражданской свободы, когда крестьянин не может располагать ни своим местопребыванием, ни родом своих занятий?» (132). Нашего крестьянина Скалдин в высшей степени верно и метко называет «оседлым пролетарием» (231)*). В заглавии очерка VIII (1868 г.) читаем: «прикрепление крестьян к их обществам и наделам препятствует улучшению их быта... Препятствие к развитию отхожих промыслов». «После невежества крестьян и подавленности их прогрессивно возрастающими налогами, одною из причин, задерживающих развитие крестьянского труда и, следовательно, крестьянского благосостояния, служит прикрепление крестьян к их обществам и наделам. Привязывать рабочие руки к одному месту и оковывать поземельную общину нерасторжимыми узами—это есть условие само по себе уже крайне невыгодное для развития труда, личной предприимчивости и мелкой поземельной собственности» (284). «Крестьяне, прикованные к наделам и обществам, лишенные возможности употреблять свой труд там, где он оказывается производительнее и для них выгодное, как бы застыли в той скучной, стадообразной, непроизводительной форме быта, в которой они вышли из рук крепостного права» (285).

---

*) Скалдин очень подробно показал правильность не только первой, но и второй части этого определения (пролетарий). Он много места в своих очерках уделил описанию зависимого положения крестьян и их нищеты, описанию тяжелого положения батраков, «описанию голода 1868 г.» (заглавие очерка V) и всяческих форм кабалы и принижения крестьянина. И в 60-х годах были, как и в 90-х, люди, замалчивавшие и отрицавшие голод. Скалдин горячо восстает против них. Разумеется, было бы лишним приводить подробные выписки по этому предмету.

Автор смотрит, след., на эти вопросы крестьянского быта с чисто буржуазной точки зрения, но, несмотря на это (вернее: именно благодаря этому), он чрезвычайно правильно оценивает вред прикрепления крестьян для всего общественного развития и для самих крестьян. С особенной силой (добавим от себя) вред этот сказывается на самых низших группах крестьянства, на сельском пролетариате. Очень метко говорит Скалдин: «превосходна заботливость закона о том, чтобы крестьяне не остались безземельны; но не надобно забывать, что у самих крестьян заботливость о том же предмете несравненно сильнее, чем у какого бы то ни было законодателя» (286). «Кроме прикрепления крестьян к их наделам и обществам, долговременные отлучки их для заработков сопряжены для них со множеством стеснений и расходов, вследствие круговой поруки и паспортной системы» (298). «Для множества крестьян был бы, по моему мнению, открыт выход из теперешнего затруднительного положения, если бы были приняты... меры, облегчающие крестьянам отказ от земли» (294). Здесь Скалдин выражает пожелание, резко противоречащее народническим проектам, которые все сводятся к обратному: к закреплению общины, неотчуждаемости наделов и т. п. Многочисленные факты вполне доказали с тех пор, что Скалдин был вполне прав: охранение прикрепления крестьян к земле и сословной замкнутости крестьянской общины только ухудшает положение сельского пролетариата и задерживает экономическое развитие страны, не будучи нисколько в силах защитить «оседлого пролетария» от худших видов кабалы и зависимости, от самого низкого падения заработной платы и жизненного уровня.

Из вышеприведенных выписок читатель мог уже заметить, что Скалдин—враг общины. Он восстает против общины и переделов с точки зрения личной собственности, предприимчивости и т. д. (стр. 142 и сл.). Защитникам общины Скалдин возражает, что «вековое обычное право» отжило свой век: «Во всех странах, по мере сближения сельских жителей с цивилизованною средою, обычное право теряло свою первобытную чистоту, подвергалось порче и искажениям. У нас замечается то же самое явление: власть мира мало-по-малу превращается во власть мироедов и сельских писарей и вместо того, чтобы охранять личность крестьянина, ложится на него тяжелым ярмом» (143)—замечание очень верное, которое за эти 30 лет подтвердилось бездною фактов. «Патриархальная семья, общинное владение землей, обычное право», по мнению Скалдина, безвозвратно осуждены историею. «Те, которые желали бы навсегда удержать для нас эти

почтенные памятники прожитых веков, тем самым доказывают, что они более способны увлекаться идеей, чем проникать действительность и разуметь неудержимый ход истории» (162), и Скалдин прибавляет к этому, фактически верному, замечанию—горячие манчестерские филиппики. «Общинное пользование землею,—говорит он в другом месте,—ставит каждого крестьянина в рабскую зависимость от всего общества» (222). Итак, безусловная вражда к общине с точки зрения чисто буржуазной соединяется у Скалдина с выдержанной защитой интересов крестьян. С враждою к общине Скалдин вовсе не соединяет тех глупеньких проектов насильственного уничтожения общины и насильственного введения такой же другой системы владения землей,—проектов, которые сочиняют обыкновенно современные противники общины, стоящие за грубое вмешательтсво в крестьянскую жизнь и высказывающиеся против общины вовсе не с точки зрения интересов крестьян. Скалдин, напротив, усиленно протестует против причисления его к сторонникам «насильственного уничтожения общинного пользования землею» (144). «Положение 19 февраля,—говорит он,—весьма мудро предоставило самим крестьянам... перейти... от общинного пользования к посемейному. Действительно, никто, кроме самих крестьян, не может решить основательно вопроса о времени такого перехода». Следовательно, Скалдин—противник общины только в том смысле, что она стесняет экономическое развитие, выход крестьян из общества, отказа от земли, т.-е. в том же смысле, в каком враждебны к ней теперь «русские ученики»; с защитой своекорыстных интересов помещиков, с защитой остатков и духа крепостного права, с защитой вмешательства в жизнь крестьян,—эта вражда не имеет ничего общего. Различие это весьма важно иметь в виду, ибо современные народники, привыкшие видеть врагов общины лишь в лагере «Московских Ведомостей» и т. п., весьма охотно прикидываются непонимающими иной вражды к общине.

Общая точка зрения Скалдина на причины бедственного положения крестьян сводится к тому, что все эти причины лежат в остатках крепостного права. Описав голод 1868 года, Скалдин замечает, что на этот голод злорадно указывали крепостники, видя причину голода в распущенности крестьян, в отмене помещичьей опеки и т. п. Скалдин горячо восстает против этих взглядов. «Причины обеднения крестьян,—говорит он,—унаследованы от крепостного права (212), а не результат его отмены; это—те общие причины, которые держат большинство наших крестьян на степени близкой к пролетариату», и Скалдин

повторяет вышеприведенные отзывы о реформе. Нелепо нападать на семейные разделы: «Если разделы и наносят временный ущерб материальным выгодам крестьян, зато они спасают их личную свободу и нравственное достоинство крестьянской семьи, т.-е. те высшие блага человека, без которых невозможны никакие успехи гражданственности» (217), и Скалдин справедливо указывает истинные причины похода против разделов: «многие помещики слишком преувеличивают вред, проистекающий от разделов, и сваливают на них, равно как и на пьянство, все последствия тех или других причин крестьянской бедности, признать которые помещикам так нежелательно» (218). Тем, кто говорит, что теперь много пишут о крестьянской бедности, тогда как прежде не писали, значит, положение крестьян ухудшилось,—Скалдин отвечает: «Чтобы через сравнение нынешнего положения крестьян с прежним можно было судить о результатах освобождения из-под власти помещиков, для этого следовало бы, еще при господстве крепостного права, обрезать крестьянские наделы так, как они теперь обрезаны, обложить крестьян всеми теми повинностями, которые явились уже после освобождения, и посмотреть, как выносили бы крестьяне такое положение» (219). Это—в высшей степени характерная и важная черта воззрений Скалдина, что он все причины ухудшения положения крестьян сводит к остаткам крепостного права, оставившего в наследство отработки, оброки, обрезки земель, личную бесправность и оседлость крестьян. Того, что в самом строе новых общественно-экономических отношений, в самом строе пореформенного хозяйства могут заключаться причины крестьянского обеднения,—этого Скалдин не только не видит, но и абсолютно не допускает подобной мысли, глубоко веря, что с полной отменой всех этих остатков крепостного права наступит всеобщее благоденствие. Его точка зрения—именно отрицательная: устраните препятствия свободному развитию крестьянства, устраните унаследованные от крепостного права путы,—и все пойдет к лучшему в сем лучшем из миров. «Со стороны государственной власти,—говорит Скалдин,—здесь (т.-е. по отношению к крестьянству) может быть только один путь: постепенно и неослабно устранять те причины, которые довели нашего крестьянина до его настоящего притупления и бедности и не дают ему возможности подняться и стать на ноги» (224, курс. мой). Крайне характерен в этом отношении ответ Скалдина тем, кто защищает «общину» (т.-е. прикрепление крестьян к обществам и наделам) указанием, что иначе «образуется сельский пролетариат». «Это возражение,—

говорит Скалдин,—само собою падает, когда мы вспомним, какие необъятные пространства земли лежат у нас впусте, не находя для себя рабочих рук. Если закон не будет стеснять у нас естественного распределения рабочих сил, то в России действительными пролетариями могут быть только люди, нищенствующие по ремеслу или неисправимо порочные и пьянствующие» (144)—типичная точка зрения экономистов и «просветителей» XVIII века, веривших, что отмена крепостного права и всех его остатков создает на земле царство всеобщего благополучия.—Народник, вероятно, свысока взглянул бы на Скалдина и сказал, что это просто—буржуа.—Да, конечно, Скалдин—буржуа, но он представитель прогрессивной буржуазной идеологии, на место которой у народника является мелко-буржуазная, по целому ряду пунктов реакционная. А те практические и реальные интересы крестьян, которые совпадали и совпадают с требованиями всего общественного развития, этот «буржуа» умел защищать еще лучше народника! *).

Чтобы закончить характеристику воззрений Скалдина добавим, что он—противник сословности, защитник единства суда для всех сословий, сочувствует «в теории» бессословной волости, горячий сторонник народного образования, особенно общего, сторонник самоуправления и земских учреждений, сторонник широкого поземельного кредита, особенно мелкого, ибо на покупку земли сильный спрос у крестьян. «Манчестерец» сказывается и тут: Скалдин говорит, напр., что земские и городские банки—«патриархальная или первобытная форма банков», которая должна уступить место банкам частным, имеющим «все преимущества» (80). Придание земле ценности «может быть достигнуто оживлением промышленной и коммерческой деятельности в наших провинциях» (71) и т. п.

Подведем итоги. По характеру воззрений Скалдина можно назвать буржуа-просветителем. Его взгляды чрезвычайно напоминают взгляды экономистов XVIII века (разумеется, с соответственным преломлением их через призму русских условий), и общий «просветительный» характер «наследства» 60-х годов выражен им достаточно ярко. Как и просветители западно-европейские, как

---

*) И наоборот: все те прогрессивные практические мероприятия, которые мы встречаем у народников, по своему содержанию в полне буржуазны, т.-е. идут на пользу именно капиталистическому, а не другому какому развитию. Только мелкие буржуа и могли сочинить теорию, будто расширение крестьянского землевладения, уменьшение податей, переселения, кредит, подъем техники, упорядочение сбыта и т. п. мероприятия служат какому-то «народному производству».

и большинство литературных представителей 60-х годов, Скалдин одушевлен горячей враждой к крепостному праву и всем его порождениям в экономической, социальной и юридической областях. Это первая характерная черта «просветителя». Вторая характерная черта, общая всем русским просветителям,—горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России. Наконец, третья характерная черта «просветителя» это — отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян (которые еще не были вполне освобождены или только освобождались в эпоху просветителей), искренняя вера в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние и искреннее желание содействовать этому. Эти три черты и составляют суть того, что у нас называют «наследством 60-х годов», и важно подчеркнуть, что ничего народнического в этом наследстве нет. Есть немало в России писателей, которые по своим взглядам подходят под указанные черты и которые не имели никогда ничего общего с народничеством. При наличности в миросозерцании писателя указанных черт, его всегда и все признают «сохранившим традиции 60-х годов», совершенно независимо от того, как он относится к народничеству. Никто не вздумает, конечно, сказать, что, напр., г. М. Стасюлевич [117]), юбилей которого недавно праздновался, «открекся от наследства»,—на том основании, что он был противником народничества или относился безразлично к выдвинутым народничеством вопросам. Мы взяли в пример Скалдина *) именно потому, что, будучи несомненным представителем «наследства», он в то же время и безуслов-

*) Нам возразят, пожалуй, что Скалдин не типичен для 60-х годов по своей вражде к общине и по своему тону. Но дело тут вовсе не в одной общине. Дело в общих всем просветителям воззрениях, которые разделяет и Скалдин. Что же касается до его тона, то он действительно, пожалуй, не типичен по своей спокойной рассудительности, умеренности, постепеновщине и т. д. Не даром Энгельс назвал Скалдина liberalkonservativ **). Однако, взять представителя наследства с более типичным тоном было бы, во-первых, неудобно по разным причинам, а, во-вторых, могло бы породить недоразумение при параллели с современным народничеством. По самому характеру нашей задачи, тон в (противоположность пословице) не делает музыки, и нетипичный тон Скалдина тем резче выделяет его «музыку», т.-е. содержание его взглядов. А нас только это содержание и интересует. Только по содержанию взглядов (отнюдь не по тону писателей) мы и намерены провести параллель между представителями наследства и народниками современной эпохи.

**) — либерал-консерватором. Ред.

ный враг тех учреждений старины, которые взяло под свою защиту народничество.

Мы сказали выше, что Скалдин—буржуа. Доказательства этой характеристики были в достаточном количестве приведены выше, но необходимо оговориться, что у нас зачастую крайне неправильно, узко, анти-исторично понимают это слово, связывая с ним (без различия исторических эпох) своекорыстную защиту интересов меньшинства. Нельзя забывать, что в ту пору, когда писали просветители XVIII века (которых общепризнанное мнение относит к вожакам буржуазии), когда писали наши просветители от 40-х до 60-х годов, все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками. Новые общественно-экономические отношения и их противоречия тогда были еще в зародышевом состоянии. Никакого своекорыстия поэтому тогда в идеологах буржуазии не проявлялось; напротив, и на Западе и в России они совершенно искренно верили в общее благоденствие и искренно желали его, искренно не видели (отчасти не могли еще видеть) противоречий в том строе, который вырастал из крепостного. Скалдин не даром цитирует в одном месте своей книги Адама Смита: мы видели, что и воззрения его и характер его аргументации во многом повторяют тезисы этого великого идеолога передовой буржуазии.

И вот, если мы сопоставим практические пожелания Скалдина, с одной стороны, с взглядами современных народников, а с другой стороны, с отношением к ним «русских учеников», то мы увидим, что «ученики» всегда будут стоять за поддержку пожеланий Скалдина, ибо эти пожелания выражают интересы прогрессивных общественных классов, насущные интересы всего общественного развития по данному, т.-е. капиталистическому пути. То же, что изменили народники в этих практических пожеланиях Скалдина, или в его постановке вопросов,—является минусом и отвергается «учеником». Ученики «накидываются» не на «наследство» (это—вздорная выдумка), а на романтические и мелкобуржуазные прибавки к наследству со стороны народников. К этим прибавкам мы теперь и перейдем.

II.

Прибавка народничества к «наследству».

От Скалдина перейдем к Энгельгардту [118]). Его письма «Из деревни»—тоже публицистические очерки деревни, так что и содержание и даже форма его книги очень похожи на книгу Скалдина.

Энгельгардт гораздо талантливее Скалдина, его письма из деревни написаны несравненно живее, образнее. У него нет длинных рассуждений солидного автора «В захолустьи и в столице», но зато у него гораздо больше метких характеристик и других образов. Неудивительно, что книга Энгельгардта пользуется такой прочной симпатией читающей публики и недавно еще была переиздана вновь, тогда как книга Скалдина почти совсем забыта, хотя письма Энгельгардта начали печататься в «Отечеств. Записках» всего через два года спустя после выхода книги Скалдина. Поэтому нам нет никакой надобности знакомить читателя с содержанием книги Энгельгардта, а мы ограничимся лишь краткой характеристикой двух сторон его воззрений: во-первых, воззрений, свойственных «наследству» вообще и в частности общих Энгельгардту и Скалдину; во-вторых, воззрений специфически народнических. Энгельгардт—уже народник, но в его взглядах так много еще черт общих всем просветителям, так много того, что отброшено или изменено современным народничеством—что затрудняешься, куда отнести его: к представителям ли «наследства» вообще без народнической окраски, или к народникам.

С первыми Энгельгардта сближает прежде всего замечательная трезвость его взглядов, простая и прямая характеристика действительности, беспощадное вскрывание всех отрицательных качеств, «устоев» вообще и крестьянства в частности,—тех самых «устоев», фальшивая идеализация и подкрашивание которых является необходимой и составной частью народничества. Народничество Энгельгардта, будучи выражено чрезвычайно слабо и робко, находится поэтому в прямом и вопиющем противоречии с той картиной действительности деревни, которую он нарисовал с такой талантливостью, и если бы какой-нибудь экономист или публицист взял за основание своих суждений о деревне те данные и наблюдения, которые приведены Энгельгардтом *), то народнические выводы из такого материала были бы невозможны. Идеализация крестьянина и его общины—одна из необходимых составных частей народничества, и народники

*) Мимоходом сказать: это было бы не только чрезвычайно интересно и поучительно, но и вполне законным приемом экономиста-исследователя. Если ученые доверяют материалу анкет—ответам и отзывам многих хозяев, сплошь и рядом пристрастных, малосведущих, не выработавших цельного воззрения, не продумавших своих взглядов,—то отчего не доверять наблюдениям, которые целые 11 лет собирал человек замечательной наблюдательности, безусловной искренности, человек, превосходно изучивший то, о чем он говорит.

всех оттенков, нагиная от г-на В. В. и кончая г-ном Михайловским, принесли обильную дань этому стремлению идеализации и подкрашивания «общины». У Энгельгардта нет и следа такого подкрашивания. В противоположность ходячим фразам об общинности нашего крестьянина, ходячим противопоставлениям этой «общинности»—индивидуализму городов, конкуренции в капиталистическом хозяйстве и т. д., Энгельгардт вскрывает поразительный индивидуализм мелкого земледельца с полной беспощадностью. Он подробно показывает, что «наши крестьяне в вопросах о собственности—самые крайние собственники» (стр. 62, цит. по изд. 1882 г.), что они терпеть не могут «огульной работы», ненавидя ее по мотивам узко-личным и эгоистическим: при огульной работе каждый «боится переработать» (стр. 206). Эта боязнь переработать доходит до высшей степени комизма (пожалуй, даже трагикомизма), когда автор рассказывает, как живущие в одном доме и связанные общим хозяйством и родством бабы моют каждая отдельно свою дольку стола, за которым обедают, или поочередно доят коров, собирая молоко для своего ребенка (опасаются утайки молока) и приготовляя отдельно каждая для своего ребенка кашу (стр. 323). Энгельгардт так подробно выясняет эти черты, подтверждает их такой массой примеров, что не может быть и речи о случайности этих фактов. Одно из двух: или Энгельгардт—никуда негодный и не заслуживающий доверия наблюдатель, или россказни об общинности и общинных качествах нашего мужика—пустая выдумка, переносящая на хозяйство черты, отвлеченные от формы землевладения (при чем от этой формы землевладения отвлечены еще все ее фискально-административные стороны). Энгельгардт показывает, что тенденция мужика в его хозяйственной деятельности — кулачество: «Известной долей кулачества обладает каждый крестьянин» (стр. 561), «кулаческие идеалы царят в крестьянской сфере»... «Я не раз указывал, что у крестьян крайне развит индивидуализм, эгоизм, стремление к эксплоатации»... «Каждый гордится быть щукой и стремится пожрать карася». Тенденция крестьянства—вовсе не к «общинному» строю, вовсе не к «народному производству», а к самому обыкновенному, всем капиталистическим обществам свойственному, мелкобуржуазному строю—показана Энгельгардтом превосходно. Стремления зажиточного крестьянина пускаться в торговые операции (363), раздавать под работу хлеб, покупать работу мужика бедного (стр. 457, 492 и др.), т.-е. говоря экономическим языком, превращение хозяйственных мужичков в сельскую буржуазию Энгельгардт описал и доказал бесповорот-

но. «Если крестьяне не перейдут к артельному хозяйству,—говорит Энгельгардт,—и будут хозяйничать каждый двор в одиночку, то и при обилии земли между земледельцами-крестьянами будут и безземельные и батраки. Скажу более: полагаю, что разница в состояниях крестьян будет еще значительнее, чем теперь. Несмотря на общинное владение землей, рядом с «богачами» будет много обезземеленных фактически батраков. Что же мне или моим детям в том, что я имею право на землю, когда у меня нет ни капитала, ни орудий для обработки? Это все равно, что слепому дать землю—ешь ее!» (стр. 370). «Артельное хозяйство» с какой то грустной иронией одиноко стоит здесь, как доброе, невинное пожелание, не только не вытекающее из данных о крестьянстве, но даже прямо опровергаемое и исключаемое этими данными.

Другая черта, сближающая Энгельгардта с представителями наследства без всякой народнической окраски, это—его вера в то, что главная и коренная причина бедственного положения крестьянства лежит в остатках крепостного права и в свойственной ему регламентации. Устраните эти остатки и эту регламентацию,—и дело наладится. Безусловно отрицательное отношение Энгельгардта к регламентации, его едкое высмеивание всяких попыток путем регламентации сверху облагодетельствовать мужика стоят в самой резкой противоположности с народническими упованиями на «разум и совесть, знания и патриотизм руководящих классов» (слова г-на Южакова в «Р. Б-ве», 1896, № 12, стр. 106), с народническим прожекторством насчет «организации производства» и т. п. Напомним, как саркастически обрушивался Энгельгардт на правило о том, что на мельнице нельзя продавать водку,—правило, имеющее в виду «пользу» мужика; с каким негодованием говорит он об обязательном постановлении нескольких земств в 1880 г. не сеять рожь раньше 15 августа, об этом—вызванном тоже соображениями о пользе мужика—грубом вмешательстве кабинетных «ученых» в хозяйство «миллионов земледельцев-хозяев» (424). Указав на такие правила и распоряжения, как запрещение курить в хвойном лесу, стрелять щук весной, рубить березки на «май», разорять гнезда и т. п., Энгельгардт саркастически замечает... «забота о мужике всегда составляла и составляет главную печаль интеллигентных людей. Кто живет для себя? Все для мужика живут!.. Мужик глуп, сам собою устроиться не может. Если никто о нем не позаботится, он все леса сожжет, всех птиц перебьет, всю рыбу выловит, землю испортит и сам весь перемрет» (398). Скажите, читатель, мог ли бы этот писатель сочувствовать хотя бы излюбленным народниками законам о не-

отчуждаемости наделов? Мог ли бы он сказать что-либо подобное вышевыписанной фразе одного из столпов «Русск. Богатства»? Мог ли бы он разделить точку зрения другого столпа того же журнала, г. Н. Карышева, упрекающего наши губернские земства (в 90-х годах!) в том, что они «не находят места» «для систематических крупных, серьезных трат на организацию земледельческого труда»? *).

Укажем еще одну черту, сближающую Энгельгардта со Скалдиным: это — бессознательное отношение Энгельгардта к многим чисто-буржуазным пожеланиям и мероприятиям. Не то чтобы Энгельгардт старался подкрашивать мелких буржуа, сочинять какие-нибудь отговорки (à la г. В. В.) против применения к тем или другим предпринимателям этой квалификации,—совсем нет. Энгельгардт просто, будучи практиком-хозяином, увлекается всякими прогрессами, улучшениями в хозяйстве, совершенно не замечая того, что общественная форма этих улучшений дает лучшее опровержение его же собственных теорий о невозможности у нас капитализма. Напомним, напр., как увлекается он успехами, достигнутыми им в своем хозяйстве благодаря системе сдельной платы рабочим (за мятье льна, за молотьбу и т. п.). Энгельгардт и не подозревает как будто, что замена повременной платы штучною есть один из самых распространенных приемов развивающегося капиталистического хозяйства, которое достигает этим приемом усиления интенсификации труда и увеличения нормы сверхстоимости. Другой пример. Энгельгардт высмеивает программу «Земледельческой Газеты» [119]): «Прекращение сдачи полей кругами, устройство батрачного хозяйства, введение усовершенствованных машин, орудий, пород скота, многопольной системы, улучшение лугов и выгонов и проч. и проч.». «Но ведь это только все общие фразы!»—восклицает Энгельгардт (128). И однако именно эту программу и осуществил Энгельгардт в своей хозяйственной практике, достигши технического прогресса в своем хозяйстве именно на основании батрачной организации его. Или еще: мы видели, как откровенно и как верно разоблачил Энгельгардт настоящие тенденции хозяйственного мужика; но это нисколько не помешало ему утверждать, что «нужны не фабрики и не заводы, а маленькие (курсив Энгельгардта) деревенские винокурни, маслобойни» и пр. (стр. 336), т.-е. «нужен» переход сельской буржуазии к техническим сельскохозяйственным произ-

---

*) «Русское Богатство», 1896 г., № 5, май. Статья г-на Карышева о затратах губернских земств на экономические мероприятия. Стр. 20.

водствам,—переход, который везде и всегда служил одним из важнейших симптомов земледельческого капитализма. Тут сказалось, что Энгельгардт был не теоретиком, а практиком-хозяином. Одно дело—рассуждать о возможности прогресса без капитализма, другое дело—хозяйничать самому. Задавшись целью рационально поставить свое хозяйство, Энгельгардт вынужден был силою окружающих обстоятельств достигать этого приемами чисто-капиталистическими и оставить в стороне все свои теоретические и отвлеченные сомнения насчет «батрачества». Скалдин в теории рассуждал как типичный манчестерец, совершенно не замечая ни этого характера своих рассуждений, ни соответствия их с нуждами капиталистической эволюции России. Энгельгардт на практике вынужден был действовать как типичный манчестерец, вопреки своему теоретическому протесту против капитализма и своему желанию верить в особые пути отечества.

А у Энгельгардта была эта вера, которая и заставляет нас назвать его народником. Энгельгардт уже ясно видит действительную тенденцию экономического развития России и начинает отговариваться от противоречий этого развития. Он силится доказать невозможность в России земледельческого капитализма, доказать, что «у нас нет кнехта» (стр. 556), хотя сам же подробнейшим образом опроверг россказни о дороговизне наших рабочих, сам же показал, за какую мизерную цену работает у него скотник Петр с семьей, которому остается кроме содержания 6 рублей в год «на покупку соли, постного масла, одежды» (стр. 10). «А и то ему завидуют, и откажи я ему,—сейчас же найдется 50 охотников занять его место» (стр. 11). Указывая на успех своего хозяйства, на умелое обращение с плугом рабочих, Энгельгардт победоносно восклицает: «И кто же пахари? Невежественные, недобросовестные русские крестьяне» (стр. 225).

Опровергнув своим собственным хозяйничаньем и своим разоблачением крестьянского индивидуализма всякие иллюзии насчет «общинности», Энгельгардт, однако, не только «верил» в возможность перехода крестьян к артельному хозяйству, но и высказывал «убеждение», что это так и будет, что мы, русские именно, совершим это великое деяние, введем новые способы хозяйничанья. «В этом-то и заключается наша самобытность, оригинальность нашего хозяйства» (стр. 349). Энгельгардт-реалист превращается в Энгельгардта-романтика, возмещающего полное отсутствие «самобытности» в способах своего хозяйства и в наблюденных им способах хозяйства крестьян—«верою» в грядущую «самобытность»! От этой веры уже рукой подать и до ультра-

народнических черт, которые—хотя и совсем единично—попадаются у Энгельгардта, до узкого национализма, граничащего с шовинизмом («И Европу расколотим», «и в Европе мужик будет за нас»—стр. 387—доказывал Энгельгардт по поводу войны одному помещику), и даже до идеализации отработков! Да, тот самый Энгельгардт, который посвятил так много превосходных страниц своей книги описанию забитого и униженного положения крестьянина, забравшего в долг денег или хлеба под работу и вынужденного работать почти задаром при самых худших условиях личной зависимости *),—этот самый Энгельгардт договорился до того, что «хорошо было бы, если бы доктор (речь шла о пользе и надобности врача в деревне. *В. И.*) имел свое хозяйство, так чтобы мужик мог отработать за леченье» (стр. 41). Комментарии излишни.

— В общем и целом, сопоставляя охарактеризованные выше положительные черты миросозерцания Энгельгардта (т.-е. общие ему с представителями «наследства» без всякой народнической окраски) и отрицательные (т.-е. народнические), мы должны признать, что первые безусловно преобладают у автора «Из деревни», тогда как последние являются как бы стороной, случайной вставкой, навеянной извне и не вяжущейся с основным тоном книги.

III.

Выиграло ли «наследство» от связи с народничеством?

— Да что же разумеете вы под народничеством?—спросит, вероятно, читатель.—Определение того, какое содержание вкладывается в понятие «наследства», было дано выше, а понятию «народничество» не дано никакого определения.

— Под народничеством мы разумеем систему воззрений, заключающую в себе следующие три черты: 1) признание капитализма в России упадком, регрессом. Отсюда стремления и пожелания «задержать», «остановить», «прекратить ломку» капитализмом вековых устоев и т. п. реакционные вопли. 2) Признание самобытности русского экономического строя вообще и крестьянина с его общиной, артелью и т. п. в частности. К русским экономическим

*) Вспомните картинку, как староста (т.-е. управляющий помещика) зовет крестьянина на работу, когда у мужика свой хлеб сыпется, и его заставляет итти лишь упоминание о «спускании портков» в волости.

отношениям не считают нужным применять выработанные современной наукой понятия о различных общественных классах и их конфликтах. Общинное крестьянство рассматривается как нечто высшее, лучшее сравнительно с капитализмом; является идеализация «устоев». Среди крестьянства отрицаются и затушевываются те же противоречия, которые свойственны всякому товарному и капиталистическому хозяйству, отрицается связь этих противоречий с более развитой формой их в капиталистической промышленности и в капиталистическом земледелии. 3) Игнорирование связи «интеллигенции» и юридико-политических учреждений страны с материальными интересами определенных общественных классов. Отрицание этой связи, отсутствие материалистического объяснения этих социальных факторов заставляет видеть в них силу, способную «тащить историю по другой линии» (г. В. В.), «свернуть с пути» (г. Н.—он, г. Южаков и т. д.) и т. п.

Вот что мы разумеем под «народничеством». Читатель видит, след., что мы употребляем этот термин в широком смысле слова, как употребляют его и все «русские ученики», выступающие против целой системы воззрений, а не против отдельных представителей ее. Между этими отдельными представителями, конечно, есть различия, иногда немалые. Никто этих различий не игнорирует. Но приведенные черты миросозерцания общи всем различнейшим представителям народничества, начиная от... ну, хоть скажем, г. Юзова [120]) и кончая г-м Михайловским. Г.г. Юзовы, Сазоновы [121]), В. В. и т. п. к указанным отрицательным чертам своих воззрений присоединяют еще другие отрицательные черты, которых, напр., нет ни в г. Михайловском, ни в других сотрудниках теперешнего «Русск. Богатства». Отрицать эти различия народников в тесном смысле слова от народников вообще было бы, конечно, неправильно, но еще более неправильно было бы игнорировать, что основные социально-экономические взгляды всех и всяких народников совпадают по вышеприведенным главным пунктам. А так как «русские ученики» отвергают именно эти основные воззрения, а не только «печальные уклонения» от них в худшую сторону, то они имеют, очевидно, полное право употреблять понятие «народничество» в широком значении слова. Не только имеют право, но и не могут поступать иначе.

Обращаясь к вышеочерченным основным воззрениям народничества, мы должны прежде всего констатировать, что «наследство» совершенно не при чем в этих воззрениях. Есть целый ряд несомненных представителей и хранителей «наследства»,

которые не имеют ничего общего с народничеством, вопроса о капитализме вовсе и не ставят, в самобытность России, крестьянской общины и т. п. вовсе не верят, в интеллигенции и в юридико-политических учреждениях никакого фактора, способного «свернуть с пути», не усматривают. Мы назвали выше для примера издателя-редактора «Вестника Европы» [122]), которого в чем другом, а в нарушении традиции наследства обвинять нельзя. Наоборот, есть люди, подходящие по своим воззрениям под указанные основные принципы народничества и при этом прямо и открыто «отрекающиеся от наследства»,—назовем хоть того же г-на Я. Абрамова [123]), которого указывает и г. Михайловский, или г. Юзова. Того народничества, против которого воюют «русские ученики», даже и не было вовсе в то время, когда (выражаясь юридическим языком) «открывалось» наследство, т.-е. в 60-х годах. Зародыши, зачатки народничества были, конечно, не только в 60-х годах, но и в 40-х и даже еще раньше *),—но история народничества нас вовсе теперь не занимает. Нам важно только, повторяем еще раз, установить, что «наследство» 60-х годов в том смысле, как мы очертили его выше, не имеет ничего общего с народничеством, т.-е. по существу воззрений между ними нет общего, они ставят разные вопросы. Есть хранители «наследства» не-народники, и есть народники, «отрекшиеся от наследства». Разумеется, есть и народники, хранящие «наследство» или претендующие на хранение его. Поэтому-то мы и говорим о связи наследства с народничеством. Посмотрим же, что дала эта связь.

Во-первых, народничество сделало крупный шаг вперед против наследства, поставив перед общественной мыслью на разрешение вопросы, которых хранители наследства частью еще не могли (в их время) поставить, частью же не ставили и не ставят по свойственной им узости кругозора. Постановка этих вопросов есть крупная историческая заслуга народничества, и вполне естественно и понятно, что народничество, дав (какое ни на есть) решение этим вопросам, заняло тем самым передовое место среди прогрессивных течений русской общественной мысли.

Но решение этих вопросов народничеством оказалось никуда негодным, основанным на отсталых теориях, давно уже выброшенных за борт Зап. Европой, основанным на романтической и мелкобуржуазной критике капитализма, на игнорировании круп-

---

*) Ср. теперь книгу Туган-Барановского: «Русская фабрика» (СПБ., 1898 г.).

нейших фактов русской истории и действительности. Покуда развитие капитализма в России и свойственных ему противоречий было еще очень слабо, эта примитивная критика капитализма могла держаться. Современному же развитию капитализма в России, современному состоянию наших знаний о русской экономической истории и действительности, современным требованиям от социологической теории народничество безусловно не удовлетворяет. Бывши в свое время явлением прогрессивным, как первая постановка вопроса о капитализме, народничество является теперь теорией реакционной и вредной, сбивающей с толку общественную мысль, играющей на руку застою и всяческой азиатчине. Реакционный характер народнической критики капитализма придал народничеству в настоящее время даже такие черты, которые ставят его ниже того миросозерцания, которое ограничивается верным хранением наследства *). Что это так,— мы постараемся показать сейчас на разборе каждой из отмеченных выше трех основных черт народнического миросозерцания.

Первая черта — признание капитализма в России упадком, регрессом. Как только вопрос о капитализме в России был поставлен, очень скоро выяснилось, что наше экономическое развитие есть капиталистическое, и народники объявили это развитие регрессом, ошибкой, уклонением с пути, предписываемого якобы всей исторической жизнью нации, от пути, освященного якобы вековыми устоями и т. п. и т. д. Вместо горячей веры просветителей в данное общественное развитие явилось недоверие к нему, вместо исторического оптимизма и бодрости духа—пессимизм и уныние, основанные на том, что чем дальше пойдут дела так, как они идут, тем хуже, тем труднее будет решить задачи, выдвигаемые новым развитием; являются приглашения «задержать» и «остановить» это развитие, является теория, что отсталость есть счастье России и т. д. С «наследством» все эти черты народнического миросозерцания не только не имеют ничего общего, но прямо противоречат ему. Признание русского капитализма «уклонением с пути», упадком и т. п. ведет к извращению всей экономической эволюции России, к извращению той «смены», которая происходит перед нашими глазами. Увлеченный желанием задержать и прекратить ломку вековых устоев капита-

*) Я уже имел случай заметить выше в статье об экономическом романтизме, что наши противники проявляют поразительную близорукость, понимая термины: реакционный, мелко-буржуазный как полемические выходки, тогда как эти выражения имеют совершенно определенный историко-философский смысл (см. стр. 238 настоящего издания. Ред.).

лизмом, народник впадает в поразительную историческую бестактность, забывает о том, что позади этого капитализма нет ничего, кроме такой же эксплоатации в соединении с бесконечными формами кабалы и личной зависимости, отягчавшей положение трудящегося, ничего кроме рутины и застоя в общественном производстве, а следовательно, и во всех сферах социальной жизни. Сражаясь с своей романтической, мелкобуржуазной точки зрения против капитализма, народник выбрасывает за борт всякий исторический реализм, сопоставляя всегда действительность капитализма с вымыслом до-капиталистических порядков. «Наследство» 60-х годов с их горячей верой в прогрессивность данного общественного развития, с их беспощадной враждой, всецело и исключительно направленной против остатков старины, с их убеждением, что стоит только вымести дочиста эти остатки, и дела пойдут как нельзя лучше,—это «наследство» не только не при чем в указанных воззрениях народничества, но прямо противоречит им.

Вторая черта народничества — вера в самобытность России, идеализация крестьянина, общины и т. п. Учение о самобытности России заставило народников хвататься за устарелые западно-европейские теории, побуждало их относиться с поразительным легкомыслием к многим приобретениям западно-европейской культуры: народники успокаивали себя тем, что если мы не имеем тех или других черт цивилизованного человечества, то зато «нам суждено» показать миру новые способы хозяйничанья и т. п. Тот анализ капитализма и всех его проявлений, который дала передовая западно-европейская мысль, не только не принимался по отношению к святой Руси, а, напротив, все усилия были направлены на то, чтобы придумать отговорки, позволяющие о русском капитализме не делать тех же выводов, какие сделаны относительно европейского. Народники расшаркивались перед авторами этого анализа и... и продолжали себе преспокойно оставаться такими же романтиками, против которых всю жизнь боролись эти авторы. Это общее всем народникам учение о самобытности России опять-таки не только не имеет ничего общего с «наследством», но даже прямо противоречит ему. «60-е годы», напротив, стремились европеизировать Россию, верили в приобщение ее к общеевропейской культуре, заботились о перенесении учреждений этой культуры и на нашу, вовсе не самобытную, почву. Всякое учение о самобытности России находится в полном несоответствии с духом 60-х годов и их традиций. Еще более не соответствует этой традиции народническая идеализация, подкра-

шивание деревни. Эта фальшивая идеализация, желавшая во что бы то ни стало видеть в нашей деревне нечто особенное, вовсе непожее на строй всякой другой деревни во всякой другой стране в период до-капиталистических отношений, находится в самом вопиющем противоречии с традициями трезвого и реалистического наследства. Чем дальше и глубже развивался капитализм, чем сильнее проявлялись в деревне те противоречия, которые общи всякому товарно-капиталистическому обществу, тем резче и резче выступала противоположность между сладенькими россказнями народников об «общинности», «артельности» крестьянина и т. п., с одной стороны, и фактическим расколом крестьянства на деревенскую буржуазию и сельский пролетариат—с другой; тем быстрее превращались народники, продолжавшие смотреть на вещи глазами крестьянина, из сентиментальных романтиков в идеологов мелкой буржуазии, ибо мелкий производитель в современном обществе превращается в товаропроизводителя. Фальшивая идеализация деревни и романтические мечтания насчет «общинности» вели к тому, что народники с крайним легкомыслием относились к действительным нуждам крестьянства, вытекающим из данного экономического развития. В теории можно было, сколько угодно, говорить о силе устоев, но на практике каждый народник прекрасно чувствовал, что устранение остатков старины, остатков дореформенного строя, опутывающих и по сю пору с ног до головы наше крестьянство, откроет дорогу именно капиталистическому, а не какому другому развитию. Лучше застой, чем капиталистический прогресс,—такова, в сущности, точка зрения каждого народника на деревню, хотя, разумеется, далеко не всякий народник с наивной прямолинейностью г-на В. В. решится открыто и прямо высказать это. «Крестьяне, прикованные к наделам и обществам, лишенные возможности употреблять свой труд там, где он оказывается производительнее и для них выгоднее, как бы застыли в той скученной, стадообразной, непроизводительной форме быта, в которой они вышли из рук крепостного права». Так смотрел один из представителей «наследства» с своей характерной точки зрения «просветителя». «Пускай лучше крестьяне продолжают застывать в своей рутинной, патриархальной форме быта, чем расчищать дорогу для капитализма в деревне»,— так смотрит, в сущности, каждый народник. В самом деле, не найдется, вероятно, ни одного народника, который бы решился отрицать, что сословная замкнутость крестьянской общины с ее круговой порукой и с запрещением продажи земли и отказа от надела стоит в самом резком противоречии с современной эконо-

мической действительностью, с современными товарно-капиталистическими отношениями и их развитием. Отрицать это противоречие невозможно, но вся суть в том, что народники как огня боятся такой постановки вопроса, такого сопоставления юридической обстановки крестьянства с экономическою действительностью, с данным экономическим развитием. Народник упорно хочет верить в несуществующее и романтически сфантазированное им развитие без капитализма, и поэтому... поэтому он готов задерживать данное развитие, идущее путем капиталистическим. К вопросам о сословной замкнутости крестьянской общины, о круговой поруке, о праве крестьян продавать землю и отказываться от надела народник относится не только с величайшей осторожностью и боязливостью за судьбу «устоев» (устоев рутины и застоя); мало того, народник падает даже до такой степени низко, что приветствует полицейское запрещение крестьянам продавать землю. «Мужик глуп»,—можно сказать такому народнику словами Энгельгардта, — сам собою устроиться не может. Если никто о нем не позаботится, он все леса сожжет, всех птиц перебьет, всю рыбу выловит, землю попортит и сам весь перемрет». Народник здесь уже прямо «отказывается от наследства», становясь реакционным. И заметьте притом, что это разрушение сословной замкнутости крестьянской общины, по мере экономического развития, становится все более и более настоятельной необходимостью для сельского пролетариата, тогда как для крестьянской буржуазии неудобства, проистекающие отсюда, вовсе не так значительны. «Хозяйственный мужичок» легко может арендовать землю на стороне, открыть заведение в другой деревне, съездить куда угодно на любое время по торговым делам. Но для «крестьянина», живущего, главным образом, продажей своей рабочей силы, прикрепление к наделу и к обществу означает громадное стеснение его хозяйственной деятельности, означает невозможность найти более выгодного нанимателя, означает необходимость продавать свою рабочую силу именно местным покупателям ее, дающим всегда дешевле и изыскивающим всяческие способы кабалы. Поддавшись раз во власть романтическим мечтаниям, задавшись целью поддержать и охранить устои вопреки экономическому развитию, народник незаметно для самого себя скатился по этой наклонной плоскости до того, что очутился рядом с аграрием, который от всей души жаждет сохранения и укрепления «связи крестьянина с землей». Стоит вспомнить хотя бы о том, как эта сословная замкнутость крестьянской общины породила особые способы наемки рабочих: рассылку хозяевами заводов и

экономий своих приказчиков по деревням, особенно недоимочным, для наиболее выгодного найма рабочих. К счастью, развитие земледельческого капитализма, разрушая «оседлость» пролетария (таково действие так наз. отхожих земледельческих промыслов), постепенно вытесняет эту кабалу вольным наймом.

Другое, пожалуй, не менее рельефное подтверждение нашего положения о вреде современных народнических теорий дает тот факт, что среди народников обычное явление—идеализация отработков. Мы выше привели пример того, как Энгельгардт, совершивши свое народническое грехопадение, дописался до того, что «хорошо было бы» развивать в деревне отработки! То же самое находили мы в знаменитом проекте г. Южакова о земледельческих гимназиях («Русское Богатство», 1895, № 5) *). Такой же идеализации предавался в серьезных экономических статьях сотрудник Энгельгардта по журналу, г. В. В., который утверждал, что крестьянин одержал победу над помещиком, желавшим будто бы ввести капитализм; но беда состояла в том, что крестьянин брался обработать земли помещика, получая за это от него землю «в аренду», т.-е. восстановлял совершенно тот же самый способ хозяйства, который был и при крепостном праве. Это—самые резкие примеры реакционного отношения народников к вопросам нашего земледелия. В менее резкой форме вы встретите эту идею у каждого народника. Каждый народник говорит о вреде и опасности капитализма в нашем земледелии, ибо капитализм, изволите видеть, заменяет самостоятельного крестьянина батраком. Действительность капитализма («батрак») противопоставляется вымыслу о «самостоятельном» крестьянине: основывается этот вымысел на том, что крестьянин до-капиталистической эпохи владеет средствами производства, при чем скромно умалчивается о том, что за эти средства производства надо платить вдвое против их стоимости; что эти средства производства служат для отработков; что жизненный уровень этого «самостоятельного» крестьянина так низок, что в любой капиталистической стране его отнесли бы к пауперам; что к беспросветной нищете и умственной инертности этого «самостоятельного» крестьянина прибавляется еще личная зависимость, неизбежно сопровождающая до-капиталистические формы хозяйства.

Третья характерная черта народничества—игнорирование связи «интеллигенции» и юридико-политических учреждений страны

---

*) См. статью «Перлы народнического прожектерства», стр. 289—316 настоящего издания. Ред.

с материальными интересами определенных общественных классов—находится в самой неразрывной связи с предыдущими: только это отсутствие реализма в вопросах социологических и могло породить учение об «ошибочности» русского капитализма и о возможности «свернуть с пути». Это воззрение народничества опять-таки не стоит ни в какой связи с «наследством» и традициями 60-х годов, а, напротив, прямо противоречит этим традициям. Из этого воззрения естественно вытекает такое отношение народников к многочисленным остаткам дореформенной регламентации в русской жизни, которое ни в каком случае не могли бы разделить представители «наследства». Для характеристики этого отношения мы позволим себе воспользоваться прекрасными замечаниями г. В. Иванова [124]) в статье «Плохая выдумка» («Новое Слово», сент. за 1897 г.). Автор говорит об известном романе г. Боборыкина [125]) «По другому» и изобличает непонимание им спора народников с «учениками». Г. Боборыкин вкладывает в уста героя своего романа, народника, такой упрек по адресу «учеников», что они-де мечтают «о казарме с нестерпимым деспотизмом регламентации». Г. В. Иванов замечает по поводу этого:

«О нестерпимом деспотизме «регламентации» в качестве «мечты» своих противников они (народники) не только не говорили, но и говорить, оставаясь народниками, не могут и не будут. Суть их спора с «экономическими материалистами» в этой области заключается именно в том, что сохранившиеся у нас остатки старой регламентации могут, по мнению народников, послужить основанием для дальнейшего развития регламентации. Нестерпимость этой старой регламентации заслоняется от их глаз, с одной стороны, представлением, будто сама «крестьянская душа (единая и нераздельная) эволюционирует» в сторону регламентации, — с другой, убеждением в существующей или имеющей наступить нравственной красоте «интеллигенции», «общества» или вообще «руководящих классов». Экономических материалистов они обвиняют в пристрастии не к регламентации, а, наоборот, к западно-европейским порядкам, основанным на отсутствии регламентации. И экономические материалисты действительно утверждают, что остатки старой регламентации, выросшей на основе натурального хозяйства, становятся с каждым днем все «нестерпимее» в стране, перешедшей к денежному хозяйству, вызывающему бесчисленные изменения как в фактическом положении, так и в умственной и нравственной физиономии различных слоев ее населения. Они убеждены поэтому, что условия, необходимые для возникновения новой благодетельной «ре-

гламентации» экономической жизни страны, могут развиться не из остатков регламентации, приноровленной к натуральному хозяйству и крепостному праву, а лишь в атмосфере такого же широкого и всестороннего отсутствия этой старой регламентации, какое существует в передовых странах Западной Европы и Америки. В таком положении находится вопрос о «регламентации» между народниками и их противниками» (стр. 11—12, 1. с.). Это отношение народников к «остаткам старой регламентации» представляет из себя самое, пожалуй, резкое отступление народничества от традиций «наследства». Представители этого наследства, как мы видели, отличались бесповоротным и ярым осуждением всех и всяческих остатков старой регламентации. Следовательно, с этой стороны «ученики» стоят несравненно ближе к «традициям» и «наследству» 60-х годов, чем народники.

Отсутствие социологического реализма, кроме указанной в высшей степени важной ошибки народников, ведет также у них к той особой манере мышления и рассуждения об общественных делах и вопросах, которую можно назвать узко-интеллигентным самомнением или, пожалуй, бюрократическим мышлением. Народник рассуждает всегда о том, какой путь для отечества должны «мы» избрать, какие бедствия встретятся, если «мы» направим отечество на такой-то путь, какие выходы могли бы «мы» себе обеспечить, если бы миновали опасностей пути, которым пошла старуха-Европа, если бы «взяли хорошее» и из Европы, и из нашей исконной общинности, и т. д., и т. п. Отсюда полное недоверие и пренебрежение народника к самостоятельным тенденциям отдельных общественных классов, творящих историю сообразно с их интересами. Отсюда то поразительное легкомыслие, с которым пускается народник (забыв об окружающей его обстановке) во всевозможное социальное прожектерство, начиная от какой-нибудь «организации земледельческого труда» и кончая «обмирщением производства» стараниями нашего «общества». «Mit der Gründlichkeit der geschichtlichen Action wird der Umfang der Masse zunehmen, deren Action sie ist» *), в этих случаях выражено одно из самых глубоких и самых важных положений той историко-философской теории, которую никак не хотят и не могут понять наши народники. По мере расширения и углубления исторического творчества людей должен возрастать и размер

---

*) Marx, Die heilige Familie, 120. По Бельтову, стр. 235 (Маркс. Святое семейство. См. стр. 195 книги: «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». изд. «Моск. Рабочий», 1922. Ред.).

той массы населения, которая является сознательным историческим деятелем. Народник же всегда рассуждал о населении вообще и о трудящемся населении в частности, как об объекте тех или других более или менее разумных мероприятий, как о материале, подлежащем направлению на тот или иной путь, и никогда не смотрел на различные классы населения, как на самостоятельных исторических деятелей при данном пути, никогда не ставил вопроса о тех условиях данного пути, которые могут развить (или, наоборот, парализовать) самостоятельную и сознательную деятельность этих творцов истории.

Итак, хотя народничество сделало крупный шаг вперед против «наследства» просветителей, поставив вопрос о капитализме в России, но данное им решение этого вопроса оказалось настолько неудовлетворительным, вследствие мелко-буржуазной точки зрения и сентиментальной критики капитализма, что народничество по целому ряду важнейших вопросов общественной жизни оказалось позади по сравнению с «просветителями». Присоединение народничества к наследству и традициям наших просветителей оказалось, в конце-концов, минус: тех новых вопросов, которые поставило перед русской общественной мыслью пореформенное экономическое развитие России, народничество не решило, ограничившись по поводу их сентиментальными и реакционными ламентациями, а те старые вопросы, которые были поставлены еще просветителями, народничество загромоздило своей романтикой и задержало их полное разрешение.

IV.

«Просветители», народники и «ученики».

Мы можем теперь подвести итоги нашим параллелям. Попытаемся охарактеризовать вкратце отношения каждого из указанных в заголовке течений общественной мысли друг к другу.

Просветитель верит в данное общественное развитие, ибо не замечает свойственных ему противоречий. Народник боится данного общественного развития, ибо он заметил уже эти противоречия. «Ученик» верит в данное общественное развитие, ибо он видит залоги лучшего будущего лишь в полном развитии этих противоречий. Первое и последнее направление стремятся поэтому поддержать, ускорить, облегчить развитие по данному пути, устранить все препятствия, мешающие этому развитию и задерживающие его. Народничество, наоборот, стремится задер-

жать и остановить это развитие, боится уничтожения некоторых препятствий развитию капитализма. Первое и последнее направление характеризуется тем, что можно бы назвать историческим оптимизмом: чем дальше и чем скорее дела пойдут так, как они идут, тем лучше. Народничество, наоборот, естественно ведет к историческому пессимизму: чем дальше дела пойдут так, тем хуже. «Просветители» вовсе не ставили вопросов о характере пореформенного развития, ограничиваясь исключительно войной против остатков дореформенного строя, ограничиваясь отрицательной задачей расчистки пути для европейского развития России. Народничество поставило вопрос о капитализме в России, но решило его в смысле реакционности капитализма и потому не могло целиком воспринять наследства просветителей: народники всегда вели войну против людей, стремившихся к европейзации России вообще, с точки зрения «единства цивилизации», вели войну не потому только, что они не могли ограничиться идеалами этих людей (такая война была бы справедлива), а потому, что они не хотели итти так далеко в развитии данной т.-е. капиталистической, цивилизации. «Ученики» решают вопрос о капитализме в России в смысле его прогрессивности и потому не только могут, но и должны целиком принять наследство просветителей, дополнив это наследство анализом противоречий капитализма с точки зрения бесхозяйных производителей. Просветители не выделяли, как предмет своего особенного внимания, ни одного класса населения, говорили не только о народе вообще, но даже и о нации вообще. Народники желали представлять интересы труда, не указывая, однако, определенных групп в современной системе хозяйства; на деле они становились всегда на точку зрения мелкого производителя, которого капитализм превращает в товаропроизводителя. «Ученики» не только берут за критерий интересы труда, но при этом указывают совершенно определенные экономические группы капиталистического хозяйства, именно бесхозяйных производителей. Первое и последнее направление соответствуют, по содержанию своих пожеланий, интересам тех классов, которые создаются и развиваются капитализмом; народничество по своему содержанию соответствует интересам класса мелких производителей, мелкой буржуазии, которая занимает промежуточное положение среди других классов современного общества. Поэтому противоречивое отношение народничества к «наследству» вовсе не случайность, а необходимый результат самого содержания народнических воззрений: мы видели, что одна из основных черт воззрений про-

светителей состояла в горячем стремлении к европеизации России, а народники никак не могут, не переставая быть народниками, разделить вполне это стремление.

В конце-концов мы получили, следовательно, тот вывод, который не раз был уже нами указан по частным поводам выше, именно, что ученики—гораздо более последовательные, гораздо более верные хранители наследства чем народники. Не только они не отрекаются от наследства, а, напротив, одной из главнейших своих задач считают опровержение тех романтических и мелко-буржуазных опасений, которые заставляют народников по весьма многим и весьма важным пунктам отказываться от европейских идеалов просветителей. Но само собою разумеется, что «ученики» хранят наследство не так, как архивариусы хранят старую бумагу. Хранить наследство—вовсе не значит еще ограничиться наследством, и к защите общих идеалов европеизма «ученики» присоединяют анализ тех противоречий, которые заключают в себе наше капиталистическое развитие и оценку этого развития с вышеуказанной специфической точки зрения.

V.

Г. Михайловский об отказе «учеников» от наследства.

В заключение вернемся опять к г. Михайловскому и рассмотрению его утверждения по интересующему нас вопросу. Г. Михайловский заявляет не только то, что эти люди (ученики) «не желают состоять ни в какой приемственной связи с прошлым и решительно отказываются от наследства» (l. стр. 179), но к тому же еще, что «они» (на-ряду с другими лицами самых различных направлений до г. Абрамова, г. Волынского[126]), г. Розанова включительно) «накидываются на наследство с чрезвычайной злобностью» (180). О каком наследстве говорит г. Михайловский?—О наследстве 60—70 годов, о том наследстве, от которого торжественно отказывались и отказываются «Московские Ведомости» (178).

Мы уже показали, что если говорить о «наследстве», которое досталось современным людям, то надо различать два наследства: одно наследство—просветителей вообще, людей, безусловно враждебных всему дореформенному, людей, стоящих за европейские идеалы и за интересы широкой массы населения. Другое наследство—народническое. Мы уже показали, что смешивать

две эти различные вещи было бы грубой ошибкой, ибо всякий знает, что были и есть люди, хранящие «традиции 60-х годов» и не имеющие ничего общего с народничеством. Все замечания г. Михайловского всецело и исключительно основаны на смешении этих совершенно различных наследств. А так как г. Михайловский не может не знать этого различия, то его выходка приобретает совершенно определенный характер не только вздорной, но и клеветнической выходки. Накидывались ли «Моск. Ведомости» специально на народничество?—Вовсе нет: они не менее, если не более, накидывались на посетителей вообще, и совершенно чуждый народничеству «Вестник Европы»—не меньший враг для них, чем народническое «Русское Богатство». С теми народниками, которые отказывались от наследства с наибольшей решительностью, напр., с Юзовым, «Моск. Ведомости», конечно, в очень многом не сошлись бы, но с злобностью накидываться на него они бы вряд ли стали, и уж во всяком случае похвалили бы его за то, чем он отличается от народников, желающих хранить наследство. Накидывается ли г. Абрамов или г. Волынский на народничество?—Вовсе нет. Первый из них сам народник; оба они накидывались на просветителей вообще.—Накидывались ли «русские ученики» на русских просветителей? Отказывались ли они когда-нибудь от наследства, завещавшего нам безусловную вражду к дореформенному быту и его остаткам?—Не только не накидывались, а, напротив, народников изобличали в стремлении поддержать некоторые из этих остатков ради мелкобуржуазных страхов перед капитализмом.—Накидывались ли они когда-нибудь на наследство, завещавшее нам европейские идеалы вообще?—Не только не накидывались, а, напротив, народников изобличали, что они вместо общеевропейских идеалов сочиняют по многим весьма важным вопросам всякие самобытные благоглупости.—Накидывались ли они когда-либо на наследство, завещавшее нам заботу об интересах трудящихся масс населения?—Не только не накидывались, а, напротив, народников изобличали в том, что их забота об этих интересах непоследовательна (ибо они усиленно смешивают крестьянскую буржуазию и сельский пролетариат); что польза от этих забот обессиливается мечтаниями о том, что могло бы быть, вместо обращения своего внимания на то, что есть; что их заботы крайне узки, ибо они никогда не умели оценить по достоинству условия (хозяйственные и другие), облегчающие или затрудняющие для этих лиц возможность самим заботиться о себе.

Г. Михайловский может не соглашаться с правильностью этих

изобличений, и, будучи народником, он, разумеется, не согласится с ними,—но говорить о «злобных» нападках на «наследство 60—70-х годов» людей, которые на самом деле «злобно» нападают только на народничество, нападают за то, что оно не сумело решить новых, выдвинутых пореформенной историей, вопросов в духе этого наследства и без противоречий ему,—говорить подобную вещь значит прямо извращать дело.

Г. Михайловский презабавно негодует на то, что «ученики» охотно смешивают «нас» (т.-е. публицистов «Русск. Богатства») с «народниками» и другими лицами, к «Р. Б-ву» непричастными (стр. 180). Ничего, кроме смеха, эта курьезная попытка выделить себя из числа «народников», сохраняя в то же время все основные воззрения народничества, вызвать не может. Всякий знает, что все «русские ученики» употребляют слова «народник» и «народничество» в широком смысле. Что между народниками есть немало различных оттенков, этого никто не забывал и не отрицал: ни П. Струве, ни Н. Бельтов, напр., в своих книгах не «смешивали» г. Н. Михайловского не только с г. В. В., но даже и с г. Южаковым, т.-е. не затушевывали различия в их воззрениях, не приписывали одному воззрений другого. П. Б. Струве даже прямо указывал на отличие взглядов г. Южакова от взглядов г. Михайловского. Одно дело—смешивать вместе различные воззрения; другое дело—обобщать и подводить под одну категорию писателей, которые, несмотря на различия по многим вопросам, солидарны по тем основным и главным пунктам, против которых и восстают «ученики». Для «ученика» важно вовсе не то, чтобы показать, напр., негодность воззрений, отличающих какого-нибудь г. Юзова от других народников: для него важно опровергнуть воззрения, общие и г. Юзову, и г. Михайловскому и всем народникам вообще, т.-е. их отношение к капиталистической эволюции России, их обсуждене вопросов экономических и публицистических с точки зрения мелкого производителя, их непонимание социального (или исторического) материализма. Эти черты составляют общее достояние целого течения общественной мысли, сыгравшего крупную историческую роль. В этом широком течении есть самые различные оттенки, есть правые и левые фланги, есть люди, опускавшиеся до национализма и антисемитизма и т. п., и есть люди, неповинные в этом; есть люди, с пренебрежительностью относившиеся ко многим заветам «наследства», и есть люди, старавшиеся, елико возможно, охранять эти заветы (т.-е. елико возможно для народ-

ника). Ни один из «русских учеников» не отрицал этих различий между оттенками, ни одного из них г. Михайловский не мог бы уличить в том, что он приписывал взгляды народника одного оттенка народнику другого оттенка. Но раз мы выступаем против основных воззрений, общих всем этим различным оттенкам, то с какой же стати нам говорить о частных различиях общего течения? Ведь это совершенно бессмысленное требование! Общность воззрений на русский капитализм, на крестьянскую «общину», на всесилие так называемого «общества» у писателей, далеко не во всем солидарных, отмечалась не раз нашей литературой задолго еще до появления «учеников», и не только отмечалась, но и восхвалялась как счастливая особенность России. Термин «народничество» в широком смысле употребляется опять-таки в нашей литературе задолго до появления «учеников». Г. Михайловский не только сотрудничал много лет в одном журнале с «народником» (в узком смысле) г. В. В., но и разделял с ним указанные выше основные черты воззрений. Возражая в 80-х и в 90-х годах против отдельных выводов г. В. В., отвергая правильность его экскурсий в область отвлеченной социологии, г. Михайловский, однако, и в 80-х и в 90-х годах оговаривался, что его критика вовсе не направляется против экономических трудов г. В. В., что он солидарен с ними в основных воззрениях на русский капитализм. Поэтому, если теперь столпы «Русского Богатства», так много сделавшие для развития, укрепления и распространения народнических (в широком смысле) воззрений, думают избавиться от критики «русских учеников» простым заявлением, что они не «народники» (в узком смысле), что они совсем особая «этико-социальная школа»,—то, разумеется, подобные уловки вызывают только справедливые насмешки над людьми, столь храбрыми и в то же время столь дипломатичными.

На стр. 182 своей статьи г. Михайловский выдвигает против «учеников» еще следующий феноменальный довод. Г. Каменский[127]) ядовито нападает на народников; это, изволите видеть, «свидетельствует, что он сердится, а это ему не полагается (sic!!). Мы, «субъективные старики», равно как и «субъективные юноши», не противореча себе, разрешаем себе эту слабость. Но представители учения, «справедливо гордого своею неумолимою объективностью» (выражение одного из «учеников»), находятся в ином положении».

Что это такое?! Если люди требуют, чтобы взгляды на социальные явления опирались на неумолимо объективный анализ

действительности и действительного развития,—так из этого следует, что им не полагается сердиться?! Да ведь это просто галиматья, сапоги всмятку! Не слыхали ли вы, г. Михайловский, о том, что одним из замечательнейших образцов неумолимой объективности в исследовании общественных явлений справедливо считается знаменитый трактат о «Капитале»? Целый ряд ученых и экономистов видят главный и основной недостаток этого трактата именно в неумолимой объективности. И однако в редком научном трактате вы найдете столько «сердца», столько горячих и страстных полемических выходок против представителей отсталых взглядов, против представителей тех общественных классов, которые, по убеждению автора, тормозят общественное развитие. Писатель с неумолимой объективностью показавший, что воззрения, скажем, Прудона являются естественным, понятным, неизбежным отражением взглядов и настроения французского petit bourgois,—тем не менее с величайшей страстностью, с горячим гневом «накидывался» на этого идеолога мелкой буржуазии. Не полагает ли г. Михайловский, что Маркс тут «противоречит себе»? Если известное учение требует от каждого общественного деятеля неумолимо объективного анализа действительности и складывающихся на почве той действительности отношений между различными классами, то каким чудом можно отсюда сделать вывод, что общественный деятель не должен симпатизировать тому или другому классу, что ему это «не полагается»? Смешно даже и говорить тут о долге, ибо ни один живой человек не может не становиться на сторону того или другого класса (раз он понял их взаимоотношения), не может не радоваться успеху данного класса, не может не огорчиться его неудачами, не может не негодовать на тех, кто враждебен этому классу, на тех, кто мешает его развитию распространением отсталых воззрений и т. д. и т. д. Пустяковинная выходка г. Михайловского показывает только, что он до сих пор не разобрался в весьма элементарном вопросе о различии детерминизма от фатализма.

«Капитал идет! — это несомненно,—пишет г. Михайловский,— но (sic!!) вопрос о том, как его встретить» (стр. 189).

Г. Михайловский открывает Америку, указывает «вопрос», над которым «русские ученики» вовсе, очевидно, и не задумывались! Вовсе не по этому вопросу, должно-быть, разошлись «русские ученики» с народниками! «Встретить» развивающийся в России капитализм можно только двояко: либо признать его прогрессивным явлением, либо регрессивным; либо—шагом вперед по на-

стоящему пути, либо уклонением с истинного пути; либо оценивать его с точки зрения класса мелких производителей, разрушаемого капитализмом, либо—с точки зрения класса бесхозяйственных производителей, создаваемого капитализмом. Середины тут нет*). Следовательно, если г. Михайловский отвергает правильность того отношения к капитализму, на котором настаивают «ученики», то он принимает, значит, отношение народническое, которое он много раз в прежних своих статьях выражал с полной определенностью. Никаких ни дополнений, ни изменений в своих старых взглядах на этот вопрос г. Михайловский не давал и не дает, оставаясь попрежнему народником.—Ничуть не бывало! Он—не народник, боже упаси! Он—представитель «этико-социологической школы»...

«Пусть не говорят,—продолжает г. Михайловский,—о тех грядущих (??) благах, которые принесет (?) с собой дальнейшее развитие капитализма».

Г. Михайловский—не народник. Он только повторяет целиком ошибки народников и неправильные приемы их рассуждений. Сколько раз уже твердили народникам, что подобная постановка вопроса о «грядущем» неправильна, что речь идет не о «грядущих», а о действительных, уже имеющих место, прогрессивных изменениях до-капиталистических отношений,—изменениях, которые приносит (а не принесет) развитие капитализма в России. Перенося вопрос в область «грядущего», г. Михайловский тем самым признает в сущности за доказанные именно те положения, которые «учениками» и оспариваются. Он признает за доказанное, что, в действительности, в том, что происходит у нас перед глазами, никаких прогрессивных изменений в старых общественно-экономических отношениях развитие капитализма не приносит. Именно в этом-то и состоит народническое воззрение, и именно против него полемизируют «русские ученики», доказывая обратное. Нет ни одной книжки, выпущенной «русскими учениками», в которой бы не говорилось и не показывалось, что замена отработок вольно-наемным трудом в земледелии, замена так наз. «кустарной» промышленности фабричною есть действи-

*) Мы не говорим, разумеется, о той встрече, которая вовсе не считает нужным руководиться интересами труда, или для которой самое обобщение, выражаемое термином «капитализм», непонятно и невразумительно. Как ни важны в русской жизни относящиеся сюда течения общественной мысли, но в споре между народниками и их противниками они совершенно не при чем, и припутывать их не доводится.

тельное явление, происходящее (и при том с громадной быстротой) перед нашими глазами, а вовсе не «грядущее» только; что эта замена во всех отношениях—явление прогрессивное, что она разрушает рутинное, отличавшееся вековой неподвижностью и застоем, раздробленное, мелкое, ручное производство; что она повышает производительность общественного труда и тем самым создает возможность повышения жизненного уровня трудящегося; что она же создает условия, превращающие эту возможность в необходимость, именно: превращающие заброшенного «в захолустье» «оседлого пролетария», оседлого и в физическом и в моральном смысле, в подвижного, превращающие азиатские формы труда с бесконечной развитой кабалой, со всяческими формами личной зависимости—в европейские; что «европейский образ мыслей и чувствования не менее необходим (заметьте: необходим. *В. И.*) для успешной утилизации машин, чем пар, уголь и техника» *) и т. д. Все это говорится и доказывается, повторяем, каждым «учеником», но все это не имеет, должно-быть, никакого отношения к г. Михайловскому «с товарищами»: все это пишется только против «народников», «непричастных» «Русскому Богатству». «Русское Богатство», ведь это—«этико-социологическая школа», сущность которой состоит в том, чтобы под новым флагом провозить старый хлам.

Как мы уже заметили выше, задача нашей статьи—опровержение весьма распространенных в либерально-народнической прессе выдумок, будто «русские ученики» отрекаются от «наследства», порывают с лучшими традициями лучшей части русского общества и т. п. Небезынтересно будет отметить, что г. Михайловский, повторяя эти избитые фразы, сказал в сущности совершенно то же самое, что гораздо раньше и гораздо решительнее заявил «непричастный» «Русск. Богатству» «народник» г. В. В. Знакомы ли вы, читатель, с теми статьями в «Неделе», которые поместил этот писатель три года тому назад, в конце 1894 года, в ответ на книгу П. Б. Струве[128])? Должен признаться, что, по моему мнению, вы ровно ничего не потеряли, если не познакомились с ними. Основная мысль этих статей состоит в том, что «русские ученики» обрывают будто бы демократическую нить, тянущуюся через все прогрессивные течения русской общественной мысли. Не то же ли самое, только в несколько иных выра-

---

*) Слова Шульце-Геверница в «Schamollersjahrbuch [129]) 1896 г. в его статье о московско-владимирской хлопчатобумажной промышленности.

жениях, повторяет теперь г. Михайловский, обвиняя «учеников» в отречении от «наследства», на которое злобно накидываются «Московские Ведомости»? На самом деле, как мы видели, сочинители этой выдумки валят с больной головы на здоровую, утверждая, будто бесповоротный разрыв «учеников» с народничеством знаменует разрыв с лучшими традициями лучшей части русского общества. Не наоборот ли, господа? Не знаменует ли такой разрыв очищение этих лучших традиций от народничества?

К ВОПРОСУ О НАШЕЙ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОЙ СТАТИСТИКЕ.

Новые статистические подвиги проф. Карышева

Написано в середине в 1898 г.

Напечатано в 1899 г. в сборнике: *Владимир Ильин*, „Экономические этюды и статьи“

Русская читающая публика довольно живо интересуется вопросом о нашей фабрично-заводской статистике и о главнейших выводах из нее. Этот интерес вполне понятен ввиду связи этого вопроса с более широким вопросом о «судьбах капитализма в России». К сожалению, однако, разработанность нашей фабрично-заводской статистики не находится ни в каком соответствии с общим интересом к ее данным. Поистине плачевно то состояние, в котором обретается у нас эта отрасль экономической статистики, и еще, пожалуй, плачевнее тот факт, что люди, пишущие о ней, проявляют зачастую удивительное непонимание характера обрабатываемых ими цифр, их достоверности и пригодности для тех или других выводов. Именно такой отзыв приходится сделать о новейшей работе г. Карышева, напечатанной сначала в «Известиях Московского Сельскохозяйственного Института» (год IV, кн. 1), а затем вышедшей и отдельной брошюрой под громким заглавием: «Материалы по русскому народному хозяйству. I. Наша фабрично-заводская промышленность в половине 90-х годов» (Москва, 1898). Г. Карышев пытается в этой работе сделать выводы из новейшего издания д-та торговли и мануфактур о нашей фабрично-заводской промышленности*). Мы намерены подвергнуть подробному разбору как выводы г. Карышева, так и особенно его приемы. Нам кажется, что такой разбор будет иметь значение не только для определения того, как обрабатывает материал г. профессор такой-то (об этом достаточно бы сказать в нескольких строках рецензии), но и для определения того, насколько достоверны данные нашей фабрично-заводской статистики, к каким выводам они пригодны и к каким непригодны, каковы главнейшие нужды нашей фабрично-заводской статистики и задачи лиц, изучающих ее.

---

*) «М-во Финансов. Д-т торговли и мануфактур. Фабрично-заводская промышленность России. Перечень фабрик и заводов», Спб. 1897, стр. 63+VI+1047.

Источник, которым пользовался г. Карышев, содержит, как видно и из названия, перечень фабрик и заводов в Империи за 1894—5 год. Издание полного списка всех фабрик и заводов (т.-е. сравнительно более крупных промышленных заведений,—с различным пониманием того, какие заведения считать крупными) не составляет новости в нашей литературе. Г.г. Орлов и Будагов составляли уже с 1881 года «Указатель фабрик и заводов», последнее (3-е) издание которого вошло в 1894 году. Гораздо раньше, еще в 1869 г., в 1-м выпуске «Ежегодника м-ва финансов» был напечатан список фабрик в примечаниях к статистическим ведомостям о промышленности. Материалом для всех этих изданий служили те ведомости, которые фабриканты и заводчики обязаны, по закону, ежегодно доставлять в министерство. Новое издание д-та торговли и мануфактур, отличаясь от прежних изданий этого рода несколько бо̀льшим количеством сведений, имеет в то же время и громадные недостатки, которых не было в прежних изданиях и которые до последней степени затрудняют пользование им, как материалом по фабрично-заводской статистике. В введении к «Перечню» указывается именно на неудовлетворительное состояние этой статистики в прежнее время, и таким образом ясно определяется цель издания—служить не справочной только книгой, а именно материалом для статистики. Но, как статистическое издание, «Перечень» поражает абсолютным отсутствием каких бы то ни было сводных, итоговых цифр. Позволительно надеяться, что подобное издание, будучи первым в своем роде, будет и последним статистическим изданием без итогов. А для справочной книги является лишним балластом громадная масса сырого материала в виде груды цифр. Введение к «Перечню» резко критикует прежние ведомости, доставлявшиеся фабрикантами в м-во, говоря, что они «заключали в себе все одни и те же, из года в год повторявшиеся, сбивчивые сведения, не позволявшие определить точно даже количество выработанных товаров. Между тем, возможно полные и достоверные данные о производствах настоятельно необходимы» (стр. 1). Уж, конечно, мы не скажем ни одного слова в защиту совершенно устарелой, чисто-дореформенной и по устройству и по качеству прежней системы нашей фабрично-заводской статистики. Но, к сожалению, улучшения в ее состоянии почти незаметно и поныне. Только-что изданный громадный «Перечень» не дает еще права говорить о каких бы то ни было серьезных переменах в этой старой, всеми признанной за негодную, системе. Ведомости «не позволяли определить точно даже количество вы-

работанных товаров»... Да, а вот в новейшем «Перечне» так и совсем нет никаких сведений о количестве товаров, хотя, напр., «Указатель» г. Орлова давал эти сведения по весьма многим фабрикам, по некоторым производствам даже о всех почти фабриках, так что и в итоговой табличке есть сведения о количестве продукта (производства кожевенное, винокуренное, кирпичное, крупяное, мукомольное, восковое, салотопенное, льнотрепальное, пивоваренное). А материал «Указателя» состоял именно из этих старых ведомостей. В «Перечне» нет никаких сведений об исполнительных механизмах, хотя «Указатель» давал для некоторых производств эти сведения. «Введение» так описывает происшедшую перемену в нашей фабрично-заводской статистике: прежде фабриканты доставляли сведения «по краткой и недостаточно ясной программе» через полицию, и никто этих сведений не проверял. «Получался материал, на котором нельзя было основать никаких более или менее точных выводов» (стр. 1). Теперь программа составлена новая, гораздо более подробная, а собирание и проверка статистических сведений о фабриках и заводах возложены на фабричных инспекторов. С первого взгляда можно бы подумать, что мы в праве ожидать теперь действительно сносных данных, ибо правильная программа и обеспечение проверки данных, это—два важнейших условия успешной статистики. На самом же деле оба эти условия и по сю пору находятся в том же первобытно-хаотическом виде, в каком они были и раньше. Подробная программа с ее разъяснениями не напечатана во «введении» к «Перечню», хотя статистическая методология требует опубликования той программы, по которой собраны сведения. Из последующего разбора материала «Перечня» мы увидим, что основные программные вопросы фабрично-заводской статистики остаются совершенно невыясненными. Что касается до проверки данных, то вот отзыв лица, практически применявшего эту проверку, именно старшего фабричного инспектора Херсонской губ., г. Микулина, издавшего книгу, которая содержит обработку статистических данных, собранных по новой системе в Херсонской губернии.

«Проверить фактически все цифровые данные, сообщенные владельцами промышленных заведений в доставленных ведомостях, не представлялось возможным, а потому ведомости были отсылаемы обратно для исправления лишь в тех случаях, когда в них оказывалась явная несообразность в ответах, по сравнению с данными других подобных заведений или же со сведениями, полученными при осмотрах заведений. Во всяком случае

ответственность за правильность цифровых данных, приведенных в списках для каждого заведения, лежит на лицах, их сообщавших» («Фабрично-заводская и ремесленная промышленность Херсонской губ.», Одесса 1897, предисловие. Курсив наш). Итак, ответственность за точность данных лежит по старому на самих фабрикантах. Представители фабричной инспекции не только не могли проверить всех данных, но и не обеспечили даже (как увидим ниже) их однородности и сравнимости.

Все недостатки «Перечня» и его материала мы перечислим подробно ниже. Основной же недостаток его, как мы уже сказали, — полное отсутствие итогов (частные лица, составлявшие «Указатель», приводили итоги и с каждым изданием расширяли их). Г. Карышев, пользовавшийся сотрудничеством еще двух лиц, возымел благую мысль пополнить хоть отчасти этот пробел и подсчитать итоги нашей фабрично-заводской промышленности по «Перечню». Предприятие это очень полезное, и за осуществление его все были бы благодарны, если бы... если бы г. Карышев, во-первых, привел хоть некоторые полученные им итоги в полном виде, и, во-вторых, если бы он не проявил в обращении с материалом отсутствия критики, граничащего с бесцеремонностью. Невнимательно отнесщись к материалу и не обработав его статистически сколько-нибудь «обстоятельно» *), г. Карышев поспешил делать «выводы», при чем и впал, естественно, в целый ряд самых курьезных ошибок.

Начнем с первого, основного вопроса промышленной статистики, какие заведения следует относить к «фабрикам и заводам»? Г. Карышев даже и не ставит этого вопроса; он полагает, должно быть, что «фабрика и завод», это—нечто вполне определенное. Относительно «Перечня» он со смелостью, достойной лучшего применения, утверждает, что это издание, в отличие от прежних, регистрирует не одни только крупные, а все фабрики. Утверждение это, повторенное автором дважды (стр. 23 и 34), прямо неверно. На самом деле, как-раз наоборот, «Перечень» регистрирует лишь более крупные заведения сравнительно с прежними изданиями по фабрично-заводской статистике. Мы сейчас объясним, как мог г. Карышев «не заметить» подобной «мелочи», но сначала приведем одну историческую

---

*) В противность мнению рецензента «Русских Ведомостей» (1898 г., № 144), который, видимо, столь же мало способен был критически отнестись к выводам г-на Карышева, как г. Карышев—к цифрам «Перечня».

справку. До половины 80-х годов в нашей фабрично-заводской статистике не было никаких определений и правил, ограничивающих понятие фабрики более крупными промышленными заведениями. В статистику «фабрик и заводов» попадали все и всякие промышленные (и ремесленные) заведения, производя, разумеется, превеликий хаос в данных, так как полная регистрация всех подобных заведений абсолютно немыслима при наличных силах и средствах (т.-е. без правильной промышленной переписи), и в одних губерниях или производствах считали сотни и тысячи самых мелких заведений, а в других—лишь более крупные «фабрики». Естественно поэтому, что лица, впервые попытавшиеся научно разработать данные нашей фабрично-заводской статистики (в 60-х годах), обратили все внимание на этот вопрос и направили все усилия на то, чтобы выделить производства с более или менее достоверными данными от производств с абсолютно недостоверными данными, чтобы выделить заведения, настолько крупные, что о них возможно получить удовлетворительные данные, от заведений, настолько мелких, что о них невозможно получить удовлетворительных данных. Бушен *), Бок **) и Тимирязев ***) дали такие ценные указания по всем этим вопросам, что если бы эти указания были тщательно соблюдены и развиты составителями нашей фабрично-заводской статистики, то мы имели бы теперь, вероятно, очень сносные данные. На деле же все эти указания остались, как водится, гласом вопиющего в пустыне, и фабрично-заводская статистика осталась в прежнем хаотическом виде. С 1889 года департамент торговли и мануфактур начал издавать «Своды данных о фабрично-заводской промышленности в России» (за 1885 и след. годы). В этом издании был сделан маленький шаг вперед: были выбрасываемы мелкие заведения, т.-е. имеющие сумму производства менее 1.000 рублей. Само собою разумеется, что эта норма была слишком низка и слишком груба: о полной регистрации всех промышленных заведений с производством выше этой суммы смешно было бы и думать при собирании сведений через полицию. Попрежнему одни губернии и одни производства включали

---

*) «Ежегодник Министерства Финансов», вып. I, Спб. 1869.

**) «Статистический Временник Российской Империи», серия II, вып. 6, Спб. 1872. Материалы для статистики фабрично-заводской промышленности в Европейской России, разработанные под ред. И. Бока.

***) «Статистический атлас главнейших отраслей фабрично-заводской промышленности Европейской России с поименным списком фабрик и заводов», 3 выпуска, Спб., 1869, 1870 и 1873.

массы мелких заведений с 2—5 тыс. рублей производства, а другие губернии и другие производства—опускали их. Примеры мы увидим ниже. Наконец, новейшая система нашей фабрично-заводской статистики ввела совершенно новый признак для определения понятия «фабрики и завода». Признаны были подлежащими регистрации «все промышленные заведения» (из «находящихся в заведывании» фабричной инспекции), «имеющие не менее 15 рабочих, а равно и те, которые при числе рабочих менее 15 имеют паровой котел, паровую машину или другие механические двигатели и машины или заводские и фабричные устройства*). Мы должны подробно остановиться на этом определении (особенно неясные пункты его нами подчеркнуты), но сначала отметим, что устанавливаемое здесь понятие «фабрики и завода» является совершенной новостью в нашей фабрично-заводской статистике: до сих пор никогда не делалось попыток ограничить понятие «фабрики» заведениями с определенным числом рабочих или с паровым двигателем и т. п. Вообще, говоря, строго ограничить понятие «фабрики и завода» безусловно необходимо, но приведенное сейчас определение страдает, к сожалению, крайней неточностью, неясностью и расплывчатостью. В нем указаны следующие признаки заведений, подлежащих регистрации в «фабрично-заводской» статистике: 1) нахождение заведения в заведывании фабричной инспекции. Этим исключаются, повидимому, заведения, принадлежащие казне и пр., заводы горные и т. д. Но в «Перечень» вошло много казенных и правительственных фабрик (см. Алфавитный список, стр. 1—2), и мы не знаем, во всех ли губерниях они регистрировались, подлежали ли данные о них проверке фабричной инспекции и т. д. Вообще необходимо заметить, что пока наша фабрично-заводская статистика не высвободится из паутины различных «ведомств», к которым принадлежат различные промышленные заведения,—до тех пор она не может быть удовлетворительной: границы ведомств часто сливаются, подвергаются изменениям; применение даже одинаковых программ разными ведомствами никогда не будет одинаково. Рациональная постановка дела необходимо требует сосредоточения всех сведений о всех промышленных за-

*) Циркуляр от 7-го июня 1895 г. у Кобеляцкого («Справочная книга для чинов фабричной инспекции и т. д.», 4-е изд., Спб., 1897, стр. 35. Курсив наш). В «введении» к «Перечню» этот циркуляр не перепечатан, и г. Карышев, обрабатывая материал «Перечня», не позаботился разузнать, что разумеет «Перечень» под «фабриками и заводами»!!

ведениях в одном чисто-статистическом учреждении, тщательно наблюдающем за одинаковостью приемов собирания и обработки данных. Пока этого нет, необходимо с крайней осторожностью относиться к данным фабрично-заводской статистики, то включающим, то выключающим (в разное время и в разных губерниях) заведения «другого ведомства». Напр., горные заводы давно уже исключаются из нашей фабрично-заводской статистики, но тем не менее «Указатель» Орлова считал и в последнем издании немало горных заводов (почти все рельсовое производство, заводы Ижевский и Воткинский Вятской губ. и пр.), которых не считает «Перечень», регистрирующий однако в некоторых других губерниях горные заводы, которые раньше не считались в «фабрично-заводской» статистике (напр., медноплавильный завод Сименса в Елисаветпольской губ., стр. 330). В «введении» к «Перечню» указаны в отделе VIII производства железоделательное, чугуноплавильное, чугуно- и медно-литейное и пр. (стр. III), но не указано совершенно, как отделялись заводы горные от заводов «подведомственных» департаменту торговли и мануфактур. 2) Регистрации подлежат лишь промышленные заведения. Этот признак вовсе не так ясен, как кажется с первого взгляда: выделение ремесленных и сельскохозяйственных заведений требует подробных и тщательных правил, составленных применительно к каждому производству. Примеры путаницы, порождаемой их отсутствием, мы увидим в изобилии ниже. 3) Число рабочих в заведении должно быть не менее 15. Неясно, считаются ли лишь рабочие в заведении или также и рабочие на стороне; не разъяснено, как выделять тех и других (это тоже нелегкий вопрос), считать ли рабочих вспомогательных и т. д. Г. Микулин в своей вышецитированной книге приводит примеры проистекающей из этой неясности путаницы. «Перечень» приводит немало заведений, имеющих рабочих только на стороне, вне заведения. Само собою разумеется, что попытка обнять все заведения этого рода (т.-е. все магазины, раздающие работы, всех давальцев работы в так называемых кустарных промыслах и т. д.) при современной системе собирания сведений может вызвать лишь улыбку, а отрывочные данные по некоторым губерниям и некоторым производствам лишены значения и вносят только путаницу. 4) К «фабрикам и заводам» относятся все заведения, имеющие паровой котел или паровую машину. Признак наиболее точный и наиболее удачно выбранный, так как применение пара действительно характерно для развития крупной машинной индустрии. 5) К «фабрикам и за-

водам» относятся заведения, имеющие «другие» (непаровые) «механические двигатели». Признак очень неточный и непомерно широкий: на основании этого признака можно отнести к числу фабрик заведения с водяным, конным, ветряным, даже топчаковым двигателем. Так как о полной регистрации всех подобных заведений не может быть и речи, то неизбежно должна произойти путаница, примеры которой мы сейчас увидим. 6) К «фабрикам и заводам» отнесены заведения, имеющие «заводские и фабричные устройства». Этот последний, абсолютно неопределенный и расплывчатый, признак, уничтожает значение всех предыдущих и делает неизбежными хаотичность и несравнимость данных. В различных губерниях это определение неизбежно будут понимать различно, да и какое же это определение? Фабрикой или заводом называется заведение, имеющее фабричные или заводские устройства... Таково последнее слово новейшей системы нашей фабрично-заводской статистики. Неудивительно, что эта статистика так неудовлетворительна. Приведем примеры из всех отделов «Перечня», чтобы показать, как в отдельных губерниях и в отдельных производствах регистрируются самые мелкие заведения, вносящие путаницу в фабрично-заводскую статистику, так как о перечислении всех подобных заведений не может быть и речи. Вот отдел I: «обработка хлопка». На стр. 10—11 встречаем пять «фабрик», находящихся в селах Владимирской губернии и окрашивающих за плату чужую пряжу и холст (sic!). Вместо суммы производства указана плата за окраску от 10 р. (?) до 600 р. при числе рабочих от 0 (значит ли это, что нет сведений о числе рабочих, или что нет наемных рабочих, неизвестно) до 3-х. Двигателей никаких нет. Это—крестьянские красильни, т.-е. самые примитивные ремесленные заведения, случайно зарегистрированные в одной губернии и опущенные, разумеется, в других. В отделе II (обработка шерсти) находим в той же Владимирской губернии ручные «фабрики», перебивающие чужую шерсть за плату 12—48 руб. в год, при 0—1 рабочих. Вот шелковая фабрика (отд. III, № 2517) в деревне, с 3 рабочими, с производством на 660 руб., ручная. Вот опять деревенские красильни в той же Владимирской губернии с 0—3 рабочими, ручные, с платой за обработку холста в 150—550 руб. (отд. IV, обработка льна, стр. 141). Вот рогожная «фабрика» (отд. V), с 6-ю рабочими, с производством на 921 р., ручная (№ 3936), в Пермской губ. В других губерниях (напр., Костромской) подобных заведений тоже, разумеется, не мало, но они не считались фабриками. Типография (отд. VI) с 1 рабочим, с производством

на 300 руб. (№ 4167); в других губерниях считали только крупные типографии, в третьих—вовсе не считали типографий. Лесопильный «завод» с 3 раб., с платой 100 руб. за выделку клепок (отд. VII, № 6274). Вот завод по обработке металлов (VIII отд.) с 3 рабочими, ручной, с производством на 575 руб. (№ 8962). В IX отделе (обработка минеральных продуктов) очень много самых мелких заведений, особенно кирпичных заводов, напр., с 1 рабочим, с производством на 48—50 руб., и т. п. В X отделе (обработка животных продуктов) — мелкие свечносальные, овчинные, кожевенные и т. д. заведения, ручные, с 0—1—2 рабоч., с производством в несколько сот рублей (стр. 489, 507 и др.). Но всего больше мелких заведений чисто-ремесленного типа в отд. XI (обработка питательных веществ), в производстве маслобойном и особенно мукомольном. Именно в этом последнем производстве всего важнее строгое разграничение «заводов» от мелких заведений, но до сих пор этого не сделано, и во всех изданиях по нашей фабрично-заводской статистике царит полный хаос. Попытки упорядочить статистику мукомольной промышленности фабрично-заводского типа, сделанная первым съездом секретарей губернских статистических комитетов (в мае 1870 г.) *),—так и осталось втуне, и с тех пор составители нашей фабрично-заводской статистики как бы и не думают вовсе о полной негодности печатаемых ими данных. В число «фабрик и заводов» «Перечень» включил, напр., ветряные мельницы с 1 раб., с платой за работу от 0 до 52 руб. и т. д. (стр. 587, 589 и мн. др.), водяные мельницы с одним колесом, с 1 рабоч., с платой за работу 34—80 рублей и т. д. (стр. 589 и мн. др.) и т. п. Разумеется, такая «статистика» просто смешна, ибо перечнем подобных мельниц можно бы наполнить еще один и даже несколько томов и все же не дать полного перечня. Даже в отдел химических производств (XII) попали мелкие заведения, напр., деревенские смолокурни с 1—3 рабоч., с производством на 15—300 руб. (стр. 995 и др.). При таких приемах можно бы дойти и до той «статистики», которую дал в 1860-х годах известный «Военно-Статистический Сборник», насчитавший в Евр. России 3.068 смоляных и дегтярных «заводов», в том числе 1.450 в Архангельской губернии (с 4.202 рабоч. и с производством в 156.274 руб., т.-е. в среднем на «завод» меньше 3-х рабочих и немного более

*) По составленному съездом проекту правил о собирании сведений о промышленности, из числа фабрик исключались все мельницы, имеющие менее 10 поставов, но не крупчатки. «Стат. Врем.». Серия II, вып. 6, введение, стр. XIII.

100 руб.). Как нарочно, именно Архангельской губернии и нет вовсе в «Перечне» по этому отделу; должно-быть, крестьяне не гонят там теперь смолы и не изготовляют дегтя! Заметим, что во всех указанных нами примерах зарегистрированы заведения, не подходящие под определения циркуляра от 7 июня 1895 г. Поэтому регистрация их чисто-случайная: в одних губерниях (может-быть даже уездах) они считались, в большинстве опускались. По статистике прежней (с 1885 года) подобные заведения исключались, как имеющие менее 1.000 р. производства.

Не разобравшись совершенно в этом основном вопросе фабрично-заводской статистики, г. Карышев не постеснялся, однако, делать «выводы» из полученных им при подсчете цифр. Первый из этих выводов гласит, что число фабрик в России уменьшается (стр. 4 и др.). Для получения этого вывода г. Карышев поступил очень просто: взял число фабрик за 1885 год по данным департамента торговли и мануфактур (17.014) и вычел из него число фабрик в Европ. России по «Перечню» (14.578). Оказывается уменьшение на 14,3%—г. профессор подсчитывает даже величину процента, не смущаясь тем, что данные 1885 года не включают акцизных заводов; он ограничивается замечанием, что прибавление акцизных заведений усилило бы «сокращение» числа фабрик. И автор принимается рассматривать, в какой части России этот «процесс сокращения числа заведений» (стр. 5) происходит «быстрее». На самом деле никакого процесса сокращения не происходит, число фабрик в России не уменьшается, а увеличивается, а сочиненный г. Карышевым вывод получился оттого, что ученый профессор сравнивает совершенно несравнимые данные *). И несравнимость эта происходит вовсе не оттого, что за 1885 г. отсутствуют данные об акцизных заводах. Г. Карышев мог бы взять и такие цифры, которые включают акцизные заводы (из цитированного уже «Указателя» Орлова, составленного по тем же ведомостям департамента торг. и мануф.), мог бы таким образом определить число «фабрик» в Европ. России в *27.986* для 1879 г., в *27.235* для 1884 г., в *21.124* для 1890 г., и «уменьшение» к 1894—95 годам (14.578) оказалось бы несравненно более сильным. Беда только

*) В 1889 г. г. Карышев брал («Юр. В.», № 9) за 1885 г. данные, извлеченные из всеподданнейших отчетов г.г. губернаторов,—данные, включающие тысячи самых мелких мельниц, маслобоек, кирпичных, гончарных, кожевенных овчинных и прочих кустарных заведений, и определял число «фабрик» в Европ. России в *62.801!* Удивляемся, отчего это он не вычислил процента «сокращения» числа фабрик в настоящее время по сравнению с этим числом.

в том, что все эти числа непригодны для сравнения потому, во-первых, что понятие «фабрик» неодинаково в старых и в теперешних изданиях по фабричной статистике, и потому, во-вторых, что в число «фабрик» попадают случайно и беспорядочно (по некоторым губерниям, за некоторые годы) самые мелкие заведения, о полной регистрации которых при наличных средствах нашей статистики было бы смешно и думать. Если бы, напр., г. Карышев потрудился разобрать определение «фабрики» «Перечнем», то он увидел бы, что для сравнения числа фабрик по этому изданию с числом фабрик по другим изданиям необходимо взять одни только заведения с 15 и более рабочими, так как только этого рода заведения «Перечень» регистрировал вполне и без всяких ограничений по всем губерниям и по всем производствам. Так как подобные заведения принадлежат к числу сравнительно крупных, то регистрация их наиболее удовлетворительна и в прежних изданиях. Обеспечив таким образом однородность сравнимых данных, подсчитаем число фабрик с 16-ю *) и более рабочими по «Указателю» за 1879 год и по «Перечню» за 1894—95 г.г. для Европ. России. Получаем следующие поучительные цифры:

Источники.	Годы.	Число фабрик и заводов Евр. России, всего	имеющих 16 и более рабочих.	имеющих менее 16 рабочих.
„Указатель", 1-е издание.	1879	27.986 **)	4.551	23.435
„ 3-е „	1890	21.124	6.013	15.111
„Перечень"	1894/5	14.578	6.659,а без типографий 6.372	7.919

Таким образом, сравнение тех чисел, которые только и могут быть признаны приблизительно однородными, сравнимыми и полными, показывает, что число фабрик в России увеличивается и притом довольно быстро: за 15—16 лет (1879—1894/5) с 4,5 тыс. до 6,4 тыс., т.-е. на 40% (типографии в 1879 и 1890 г.г. не считались в числе фабрик). Что же касается до числа заведений, имеющих менее 16 рабочих, то сравнивать их за указанные годы было бы нелепо, потому что во всех этих изданиях приняты разные определения «фабрики», разные системы исключения

*) Мы берем 16, а не 15 рабочих отчасти потому, что подсчет фабрик с 16 и более рабочими сделан уже в «Указателе» за 1890 г. (3-е изд., стр. X), отчасти потому, что разъяснения министерства финансов берут иногда эту норму (см. Кобеляцкий, l. c., стр. 14.)

**) Некоторые недостающие сведения пополнены приблизительно: см. «Указатель», стр. 695.

мелких заведений. В 1879 г. никакие мелкие заведения не исключались; от этого в производствах, соприкасающихся с сельским хозяйством и крестьянскими промыслами (мукомольное, маслобойное, кирпичное, кожевенное, гончарное и пр.) считалась масса самых мелких заведений, отброшенных в позднейших изданиях. В 1890 г. отбрасывались уже некоторые мелкие заведения (с суммой производства менее 1.000 руб.): от этого и мелких «фабрик» меньше. Наконец, в 1894/5 г. отбрасывалась масса заведений, имеющих менее 15 рабочих, вследствие чего число мелких «фабрик» и упало сразу почти вдвое против 1890 года. Числа фабрик за 1879 и 1890 г.г. можно сделать сравнимыми еще иным способом, выделяя заведения с производством не менее 2-х т. р. Дело в том, что итоги «Указателя», приведенные нами выше, относятся ко всем регистрируемым заведениям, тогда как в поименный список фабрик «Указатель» вносил лишь заведения с производством не менее 2-х тыс. руб. Число заведений этого рода можно признать приблизительно сравнимым (хотя полным список таких заведений при современном состоянии нашей статистики никогда не может быть), за исключением однако мукомольного производства. В этом производстве регистрация носит совершенно случайный характер и в «Указателе», и в «Своде» департамента торговли и мануфактур по разным губерниям и за разные годы. В одних губерниях к «фабрикам» относят только паровые мельницы, в других—присоединяют крупнейшие водяные, в третьих—считают сотни ветрянок, в четвертых—даже конные и топчаковые мельницы и т. п. Ограничение суммы производства нисколько не устраняет хаоса в статистике мельниц заводского типа, потому что вместо суммы производства здесь берут количество муки, которое и в очень мелких мельницах часто составляет более 2-х тыс. пудов в год. Поэтому число мельниц, попадающих в фабрично-заводскую статистику, делает невероятные скачки по годам, вследствие неоднородности приемов регистрации. Напр., «Свод» за 1889, 1890 и 1891 г.г. считал в Европ. России 5.073, 5.605 и 5.201 мельницу. В Воронежской г. число мельниц с 87 в 1889 г. сразу поднялось до 285 в 1890 г. и 483 в 1892 г. вследствие случайного причисления ветрянок. В Донской области число мельниц с 59 в 1887 г. поднялось до 545 в 1888 г., до 976 в 1890 г., и затем упало до 685 в 1892 году (ибо ветрянки то считались, то не считались) и т. д. и т. д. Понятно, что пользоваться такими данными непозволительно. Поэтому мы берем лишь паровые мельницы и, присоединяя к ним заведения остальных производств с суммой производства не менее 2-х тыс. руб., полу-

чаем число фабрик в Европ. России в 1879 г. около $11^1/_2$ тыс., а в 1890 г.—около $15^1/_2$ тысяч *). Опять-таки, следовательно, мы видим увеличение числа фабрик, а не сочиненное г. Карышевым уменьшение. Теория г. Карышева о «процессе сокращения числа заведений» в фабрично-заводской промышленности России есть чистая басня, основанная на более чем недостаточном знакомстве с материалом, который он взялся обрабатывать. Г. Карышев говорил о числе фабрик в России еще в 1889 г. («Юр. В.», № 9), сравнивая совершенно непригодные цифры, взятые из всеподданнейших отчетов г.г. губернаторов и напечатанные в «Сборнике сведений по России за 1884/5 г.» (Спб. 1897, табл. XXXIX) с курьезными цифрами «Военно-Статистического Сборника» (вып. IV, Спб. 1871), который считал в числе «фабрик» тысячи самых мелких ремесленных и кустарных заведений, тысячи табачных плантаций (sic! см. стр. 345 и 414 «Воен.-Стат. Сборника» о табачных «фабриках» Бессарабской губернии), тысячи сельско-хозяйственных мельниц и маслобоек и пр. и пр. Неудивительно, что «Воен.-Стат. Сборник» насчитал таким образом свыше 70 тысяч «фабрик» в Европ. России в 1866 г. Удивительно, что нашелся человек, до того невнимательно и без критики относящийся ко всякой напечатанной цифре, чтобы взять ее за основание для выкладок **).

Здесь необходимо маленькое отступление. Из своей теории уменьшения числа фабрик г. Карышев выводит наличность процесса концентрации промышленности. Само собою разумеется, что, отвергая его теорию, мы отнюдь не отрицаем этого вывода, который только неправильно доказывается г-ном Карышевым. Для доказательства этого процесса необходимо выделить крупнейшие заведения. Возьмем, напр., заведения, имеющие 100 и более рабочих. Сопоставляя число таких заведений, число рабочих и сумму производства в них сравнительно с данными обо всех заведениях, получим такую табличку (см. след. стр.):

---

*) Получить соответствующую цифру по данным «Перечня» невозможно, во-первых, потому, что им отброшена масса заведений с производством в 2 тыс. руб. и свыше вследствие нахождения в них менее 15 рабочих. Во-вторых, потому, что «Перечень» считал сумму производства без акциза (в отличие от прежней статистики). В-третьих, потому, что «Перечень» считал иногда не сумму производства, а плату за обработку сырого материала.

**) Г. Туган-Барановский показал уже, на вопросе о числе фабрично-заводских рабочих, полную негодность данных «В.-Стат. Сборн.» (см. его книгу «Фабрика и т. д.», Спб., 1898, стр. 336 и след. и «Мир Б.» 1898 [130]), № 4), и г.г. Н. —он и Карышев отвечают на его прямой вызов молчанием. Им и в самом деле ничего не остается, как молчать.

См. примечание *).	1879 год.			1890 год.			1894—5 год.		
	Число.		Сумма производства в тыс. руб.	Число.		Сумма производства в тыс. руб.	Число.		Сумма производства в тыс. руб.
	фабрик.	рабочих.		фабрик.	рабочих.		фабрик.	рабочих.	
Все фабрики и заводы . .	27.986	763.152	1.148.134	21.124	875.764	1.500.871	14.573	885.555	1.345.346
Заведения, имеющие 100 и более раб. .	1.238	509.653	629.926	1.431	623.146	858.578	1.468	655.670	955.233
% к итогу	—	66,8%	54,8%	—	71,1%	57,2%	—	74%	70,8%

*) Источники те же. За 1879 г., как уже указано, некоторые данные пополнены приблизительно. Общие данные „Указателей“ и „Перечня“ несравнимы, но мы сравниваем здесь лишь проценты к общему числу рабочих и к общей сумме производства, а эти данные в итогах гораздо достовериее (как мы скажем ниже), чем данные об общем числе фабрик. Подсчет крупных заведений взят из сочинения о „Капитализме в России“, которое пишущий эти строки подготовляет к печати (см. III том Собр. соч. Н. Ленина. Ред.).

Из этой таблички видно, что число очень крупных заведений возрастает, а равно и число рабочих на них и сумма производства, составляя все бо́льшую и бо́льшую часть из всего числа рабочих и всей суммы производства на официально регистрируемых «фабриках и заводах». Нам могут заметить, пожалуй, что если происходит концентрация промышленности, то, значит, крупные заведения вытесняют мелкие и число последних уменьшается, а следовательно, и число всех заведений. Но, во-первых, этот последний вывод относится уже не к «фабрикам и заводам», а ко всем промышленным заведениям, о которых мы не имеем права говорить, так как никакой мало-мальски достоверной и полной статистики промышленных заведений у нас нет. Во-вторых, и с чисто теоретической точки зрения, a priori, нельзя сказать, чтобы в развивающемся капиталистическом обществе непременно и всегда должно было происходить сокращение числа промышленных заведений, ибо на-ряду с процессом концентрации промышленности идет процесс отвлечения населения от земледелия, процесс роста мелких промышленных заведений в отсталых частях страны вследствие разложения полунатурального крестьянского хозяйства и т. д. *).

Возвратимся к г-ну Карышеву. На наименее достоверные данные (именно данные о числе «фабрик и заводов») он обращает едва ли не больше всего внимания. Он делит губернии на группы по числу «фабрик», составляет картограмму с обозначением этих групп, составляет особую таблицу губерний с наибольшим числом «фабрик» по каждому отделу производств (стр. 16—17); вычисляет массу процентов губернского числа фабрик к общему числу их (стр. 12—15). Г. Карышев забыл при этом мелочь: он забыл поставить вопрос, сравнимы ли числа фабрик по разным губерниям? Вопрос этот должен быть разрешен отрицательно, и, следовательно, бо́льшая часть вычислений, сопоставлений и рассуждений г-на Карышева должна быть отнесена к области невинных статистических упражнений. Если бы г. профессор ознакомился с определением «фабрики и завода» по циркуляру 7 июля 1895 г., то он легко бы догадался, что столь неясное определение не может одинаково применяться в различных губерниях, и к такому же выводу его могло бы привести более

*) Напр., «кустарная перепись» 1894/5 г. в Пермской губ. показала, что в деревнях основывается в пореформенную эпоху с каждым десятилетием все больше и больше мелких промышленных заведений. См. «Обзор Пермского края. Очерк состояния кустарной промышленности в Пермской губ.», Пермь, 1896.

внимательное ознакомление с самим «Перечнем». Приведем примеры. По числу заведений в XI отделе (обработка питательных продуктов; в этой группе наибольшее число фабрик) г. Карышев выделяет губернии Воронежскую, Вятскую, Владимирскую (стр. 12). Но обилие «фабрик и заводов» в этих губерниях объясняется прежде всего чисто случайной регистрацией именно в этих губерниях таких мелких заведений, которые не считались в других губерниях. Например, в Воронежской губ. много «заводов» оказалось просто потому, что здесь считаны мелкие мельницы (из 124 мельниц только 27 паровых; много водяных с 1—2—3 колесами. Подобные мельницы в других губерниях не считались, да и нельзя было бы пересчитать их вполне), мелкие маслобойни (большею частью с конным двигателем), которые в других губерниях не считались. В Вятской губ. из 116 мельниц только 3 паровые, во Владимирской сосчитан десяток ветрянок и 168 маслобоек, большая часть которых с ветряным или конным двигателем или ручные. Если в других губерниях меньше заведений то это, конечно, не значит, чтобы там не было ветрянок, мелких водяных мельниц и т. п. Там их только не считали. В целом ряде губерний считаны почти только одни паровые мельницы (Бессарабская, Екатеринославская, Таврическая, Херсонская и др.), а мукомольное производство дает 2.308 «фабрик» из 6.233 в Европейской России по XI отделу. Нелепо было говорить о погубернском распределении фабрик, не выяснивши неоднородности данных. Возьмем IX отдел, обработку минералов. Вот, напр., во Владимирской губ. 96 кирпичных заводов, а в Донской—31, т.-е. более чем втрое меньше. По «Указателю» (за 1890 г.) было наоборот: во Владимирской—16, а в Донской—61 завод. Оказывается, что во Владимирской губ., по «Перечню», из 96 заводов только 5 имеют 16 и более рабочих а в Донской 26 (из 31). Ясно, что дело объясняется просто тем, что в Донской области не так щедро зачисляли мелкие кирпичные заведения в «заводы», как во Владимирской, вот и все (мелкие кирпичные заводы во Владимирской губ. все ручные). Г. Карышев ничего этого не видит (стр. 14). Об отделе X (обработка животных продуктов) г. Карышев говорит, что число заведений почти во всех губерниях невелико, но «резким исключением служит Нижегородская с ее 252 фабриками» (стр. 14). Происходит это прежде всего от того, что в этой губернии считано очень много мелких ручных заведений (иногда с конным и ветряным двигателем), которые не считались в других губерниях. Например, в Могилевской губернии «Перечень» считает только 2 фабрики в этом отделе; в каждой более 15 рабочих.

Мелких же заводов по обработке животных продуктов в Могилевской губ. тоже можно было насчитать десятки, как и насчитал «Указатель» за 1890 г., показывающий в ней 99 заводов по обработке животных продуктов. Спрашивается, какой смысл имеют после этого расчеты г-на Карышева о процентном распределении «фабрик», столь различно понимаемых?

Чтобы нагляднее показать различное понимание термина «фабрика» в различных губерниях, возьмем две соседние губернии: Владимирскую и Костромскую. В первой, по «Перечню», 993 «фабрики», во второй—165. В первой во всех производствах (отделах) есть самые мелкие заведения, которые подавляют крупные своей численностью (только 324 заведения имеют по 16 и более рабочих). Во второй—очень немного мелких заведений (112 фабрик и 165 имеют по 16 и более рабочих), хотя всякий понимает, что и в ней можно бы насчитать немало ветряных мельниц, маслобоек, мелких крахмальных, кирпичных, смолокуренных заводов и пр. и пр. *).

Беззаботность г-на Карышева насчет достоверности употребляемых им цифр доходит до геркулесовых столбов, когда он сравнивает погубернские числа «фабрик» за 1894/5 г. (по «Перечню») и за 1885 г. (по «Своду»). С самым серьезным видом ведется здесь рассуждение о том, что в Вятской губернии число фабрик увеличилось, в Пермской—«значительно уменьшилось», во Владимирской—существенно увеличилось и пр. (стр. 6—7). «И в этом можно видеть, — глубокомысленно заключает наш автор,—что указанный процесс уменьшения числа фабрик менее касается местностей с более развитой, более старой индустрией, чем тех, где она моложе» (стр. 7). Подобный вывод звучит очень «по ученому»; жаль только, что он совершенно вздорный. Цифры, употребляемые г-ном Карышевым, совершенно случайные. Например, в Пермской губернии число «фабрик» по «Своду» было в 1885—1890 г.г.: 1.001, 895, 951, 846, 917 и 1.002, а затем к 1891 г. это число вдруг падает до 585. Одна из причин этих скачков—зачисление в «фабрики» то 469 мельниц (1890 г.), то 229 (1891).

---

*) Вот еще пример произвольного определения числа «фабрик» в нашей «новейшей» системе фабрично-заводской статистики. За 1894/5 г. «Перечень» считает в Херсонской губернии 471 фабрику (г. Карышев, цит. соч., стр. 5), а за 1896 г. г. Микулин насчитывает уже вдруг 1.249 «фабрично-заводских заведений» (цит. соч., стр. XIII), в том числе 773 с механическим двигателем и 109 без механического двигателя при числе рабочих больше 15. При неясности понятия «фабрики» подобные скачки всегда будут неизбежны.

Если «Перечень» считает в этой губернии лишь 362 фабрики, то надо принять во внимание, что в число «фабрик» он вкючает уже всего 66 мельниц. Если во Владимирской губернии число «фабрик» увеличилось, то надо вспомнить о регистрации «Перечнем» мелких заведений в этой губернии. В Вятской губернии «Свод» считал с 1887 по 1892 год 1—2—2—30—28—25 мельниц, а «Перечень» насчитал 116. Одним словом, предпринятое г-ном Карышевым сравнение доказывает только паки и паки его полное неумение разбираться в цифрах разных источников.

Приводя число фабрик по разным отделам (группам производств) и вычисляя проценты этих чисел к общему числу фабрик, г. Карышев опять-таки не замечает, что в разных отделах попадали неодинаковые количества мелких заведений (например, в текстильной и в металлургической промышленности их всего меньше, около $^1/_3$ общего числа по Европейской России, а в промышленности по обработке животных и питательных продуктов их до $^2/_3$ общего числа). Понятно, что у него получается таким образом сравнение неоднократных величин, и процентные вычисления (стр. 8) лишены всякого смысла. Одним словом, во всем вопросе о числе «фабрик» и распределении их г. Карышев проявил полное непонимание характера употребляемых им данных и степени их достоверности.

Переходя от числа фабрик к числу рабочих, мы должны прежде всего сказать, что общие числа рабочих в нашей фабрично-заводской статистике гораздо достовернее, чем число фабрик. Путаницы, конечно, и здесь немало, а также пропусков и уменьшений действительного числа. Но здесь нет такой разнокалиберности данных, а непомерные колебания в числе мелких заведений, то включаемых в число фабрик, то исключаемых, отражаются очень мало на итоге рабочих по той простой причине, что даже очень значительный процент самых мелких заведений дает очень небольшой процент общего числа рабочих. Мы видели выше, что за 1894/5 год на 1.468 фабриках (10% всего числа) сосредоточено 74% рабочих. Число мелких фабрик (имеющих менее 16 рабочих) составляет 7.919 из 14.578, т.-е. более половины, а рабочих на них будет примерно (считая даже по 8 рабочих в среднем на заведение) каких-нибудь 7%. От этого и происходит такое явление, что при громадном различии в числе фабрик за 1890 г. (по «Указателю») и за 1894/5—различие в числе рабочих оказывается незначительным: в 1890 г. их было 875.864 в 50 губ. Европейской России, а в 1894/5 г. 885.555 (мы считаем только рабочих в заведении). Вычитая из первого числа рабочих в рельсовом (24.445)

и солеварном (3.704) производствах, не считанных «Перечнем», а из второго числа рабочих в типографиях (16.521), не считанных «Указателем», получаем за 1890 год — 847.615 рабочих, а за 1894/5 г.—869.034, т.-е. больше на 2,5%. Разумеется, этот процент не может выразить действительного увеличения, так как в 1894/5 г. не считаны многие мелкие заведения, но вообще близость этих цифр показывает сравнительную пригодность общих данных о всем числе рабочих и сравнительную достоверность их. Г. Карышев, у которого мы взяли общую цифру рабочих, не разбирает с точностью, какие именно производства считаны в 1894/5 г. сравнительно с прежними изданиями, и не указывает на опущение в «Перечне» многих заведений, считавшихся раньше в числе фабрик. Для сравнения с прежним он берет все те же нелепые данные «Военно-Статистического Сборника» и повторяет тот же вздор о сокращении будто бы числа рабочих сравнительно с населением, опровержение которого дал уже г. Туган-Барановский (см. выше). Ввиду большей достоверности данных о числе рабочих, данные эти заслуживали более тщательной обработки, чем данные о числе фабрик, но у г-на Карышева вышло наоборот. Он не дает даже группировки фабрик по числу рабочих, что̀ было бы особенно необходимо ввиду того, что «Перечень» принял число рабочих за существенный признак фабрики. Из приведенных нами выше данных видно, что концентрация рабочих очень велика.

Вместо группировки фабрик по числу рабочих г. Карышев занялся более простыми расчетами: определением среднего числа рабочих на 1 фабрику. Так как данные о числе фабрик, как мы видели, особенно недостоверны, случайны и неоднородны, то все эти расчеты полны ошибок. Г. Карышев сравнивает среднее число рабочих на 1 фабрику в 1886 и в 1894/5 г. и выводит, что «средний тип фабрики крупнеет» (стр. 23 и 32—33), не зная того, что в 1894/5 г. и считались-то одни более крупные заведения, так что сравнение неправильно. Совсем курьезно сопоставление среднего числа рабочих на 1 фабрику в разных губерниях (стр. 26); г. Карышев получает, например, тот вывод, что в Костромской губернии «оказывается наиболее крупный средний тип промышленности из всех прочих губерний»— 242 рабочих на 1 фабрику против 125, например, во Владимирской губернии. Ученому профессору и в голову не приходит, что это зависит просто от различных приемов регистрации, как было уже объяснено выше. Упустив из виду различие между числом крупных и мелких заведений в различных губерниях, г. Карышев придумал очень про-

стой прием для обхода трудностей этого вопроса. Именно, он множит среднее число рабочих, приходящееся на 1 фабрику во всей Европейской России (а затем и в Польше и на Кавказе),—на число фабрик в каждой губернии и наносит полученные группы на особую картограмму (№ 3). Это ведь так просто, в самом деле. К чему группировать фабрики по числу рабочих, к чему рассматривать сравнительное количество крупных и мелких заведений в разных губерниях, когда мы можем таким простым способом искусственно приравнять «средние» размеры фабрик в разных губерниях к одной общей норме? К чему разбирать, много или мало мелких и мельчайших заведений попало в число фабрик Владимирской или Костромской губернии, когда мы можем «просто» взять среднее число рабочих на 1 фабрику по всей Европейской России и помножить на число фабрик каждой губернии? Что за беда, если такой прием приравнивает сотни случайно зарегистрированных ветряных мельниц и маслобоек к крупным фабрикам?—ведь читатель не заметит этого и, чего доброго, поверит в сочиняемую г-ном профессором «статистику»!

Кроме рабочих в заведении «Перечень» имеет еще особую графу для рабочих «вне заведения, на стороне». Сюда попадали не только работающие по заказу фабрик на домах (Карышев, стр. 20), но и вспомогательные рабочие и т. п. На число этих рабочих по «Перечню» (66.460 в Империи) никак нельзя смотреть, как «на показатель того, насколько далеко подвинулось у нас развитие так называемого внешнего отделения фабрики» (Карышев, стр. 20), ибо о сколько-нибудь полной регистрации подобных рабочих не может быть и речи при современной системе фабрично-заводской статистики. Очень легкомысленно говорит г. Карышев: «$66^1/_2$ тысяч на всю Россию с ее миллионами кустарей и ремесленников—немного» (ibid). Прежде чем написать это, надо было забыть, что из этих «миллионов кустарей», как констатируют все источники, если не бо̀льшая, то очень большая часть работают на скупщиков, т.-е. составляют таких же «рабочих на стороне». Стоит заглянуть в те страницы «Перечня», которые относятся к районам известных «кустарных» промыслов, чтобы убедиться в совершенной случайности и отрывочности регистрации «рабочих на стороне». Например, в отделе II (обработка шерсти) «Перечень» считает в Нижегородской губ. только 28 рабочих на стороне в городе Арзамасе и в подгородной Выездной Слободе (стр. 89), тогда как из «Трудов комиссии по исследованию кустарной промышленности в России» (вып. V и VI) известно, что здесь много

сотен (до тысячи) «кустарей» работают на хозяев. В Семеновском уезде «Перечень» вовсе не показывает рабочих на стороне, тогда как из земской статистики известно, что здесь свыше 3-х тысяч «кустарей» работают на хозяев в валяльном и стелечном промысле. В гармонном промысле Тульской губ. «Перечень» считает только одну «фабрику» с 17-ю рабочими на стороне (стр. 395), тогда как те же «Труды комиссии и т. д.» считали еще в 1882 г. 2—3 тысячи кустарей, работавших на гармонных фабрикантов (вып. IX). Ясно поэтому, что считать цифру—$66^1/_2$ тысяч рабочих на стороне—хоть сколько-нибудь достоверной и толковать о распределении ее по губерниям и по производствам, как это делает г. Карышев, составляя даже картограмму,—просто смешно. Действительное значение этих цифр—вовсе не определение размеров капиталистической работы на дому (такое определение возможно только при полной промышленной переписи, учитывающей все магазины и другие заведения или отдельные лица, раздающие работу на дом), а отделение рабочих в заведении, т.-е. фабричных рабочих в строгом смысле, от рабочих на стороне. До сих пор эти виды рабочих очень часто смешивались: даже в «Указателе» за 1890 г. встречаются неоднократные примеры этого смешения. Теперь в «Перечне» делается первая попытка положить конец этому смешению.

Цифры «Перечня», относящиеся к годовой производительности фабрик, разработаны у г. Карышева всего удовлетворительнее, главным образом потому, что здесь автор привел, наконец, группировку фабрик по величине производства вместо обычных «средних». Правда, от этих «средних» (величин производства на 1 фабрику) автор все же не может избавиться и даже сравнивает средние за 1894/5 г. со средними за 1885 г.—прием, как мы уже не раз говорили, совершенно неправильный. Заметим, что общие цифры годовой производительности фабрик несравненно достовернее, чем общие цифры числа фабрик по указанной уже причине малой роли мелких заведений. Например, по «Перечню» в Европейской России фабрик с производством более 1 миллиона рублей всего 245, т.-е. 1,9%, но они концентрируют 45,6% всего годового производства всех фабрик Европейской России (Карышев, стр. 38), тогда как фабрики с производством ниже 5 тысяч рублей—30,8% всего их числа, но они дают лишь 0,6% всей производительности, т.-е. самую ничтожную долю. Надо оговориться, однако, что г. Карышев при этих расчетах упускает из виду различие между суммой производства (=стоимостью продукта) и платой за обработку сырья. Это весьма важное различие впервые

в нашей фабрично-заводской статистике проводится в «Перечне» *). Понятно, что обе эти величины совершенно несравнимы, и их следовало разделить. Г. Карышев этого не делает, и можно думать, что такой низкий процент годовой производительности мелких заведений получался отчасти оттого, что сюда вошли заведения, показавшие не стоимость обрабатываемого ими продукта, а лишь плату за обработку его. Мы приведем ниже пример ошибки, в которую впал г. Карышев вследствие игнорирования этого обстоятельства. Это различение платы за обработку от стоимости продукта в «Перечне», а также невключение им суммы акциза в цену производства делает его цифры несравнимыми с цифрами прежних изданий. По «Перечню» производство всех фабрик Европейской России составляет 1.345 миллионов рублей, а по «Указателю» за 1890 г.—1.501 миллион, но если бы мы вычли сумму акциза из второй цифры (по одному винокуренному производству около 250 миллионов рублей), то первая цифра оказалась бы значительно больше.

В «Указателе» (2-е и 3-е изд.) было приводимо распределение фабрик и заводов на группы по размеру годового производства (без указания доли каждой группы в общем производстве), но это распределение несравнимо с данными «Перечня» вследствие указанных выше различий в приемах регистрации и определения величины годового производства.

Нам остается еще рассмотреть одно ошибочное рассуждение г-на Карышева. Приводя погубернские данные о сумме годового производства фабрик и заводов, он не удержался и тут от сравнений с данными 1885—91 годов, т.-е. с данными «Свода». В этих последних данных нет сведений об акцизных производствах, и потому г. Карышев выискивает лишь, нет ли губерний, в которых сумма выработки в 1894/5 г. меньше, чем в прежние годы. Таких губерний находится 8 (стр. 39—40), и г. Карышев рассуждает по этому поводу о «попятном движении в промышленности» в «наименее индустриальных» губерниях, о том, что это «может служить указанием на затруднительное положение мелких заве-

---

*) Мы не имеем только, к сожалению, никаких гараний того, что «Перечень» проводил это различие строго и последовательно, т.-е. что стоимость продукта показана лишь у тех фабрик, которые действительно продают свой продукт, а плата за обработку сырья лишь у тех, которые обрабатывают чужой материал. Возможно, напр., что в мукомольном производстве (в нем все чаще встречается указанное различие) владельцы показывали то ту, то другую цифру совершенно случайно. Этот вопрос требует специального разбора.

дений в их конкуренции с крупными» и пр. Все эти рассуждения были бы, может быть, очень глубокомысленны, если бы... если бы они не были все сплошь совершенно неверны. Г. Карышев и здесь не заметил, что сравнивает совершенно несравнимые и неоднородные данные. Покажем эту несравнимость на данных о каждой из указываемых г-ном Карышевым губерний *). В Пермской губернии сумма выработки в 1890 г.—20,3 милл. руб. («Указ.»), а в 1894/5 г.—13,1 милл.; в том числе мукомольное производство 1890 г. 12,7 милл. (на 469 мельницах!), а в 1894/5 г.—4,9 милл. (на 66 мельницах). Кажущееся «уменьшение» зависит, следовательно, просто от случайной регистрации различного числа мельниц. Число же паровых, например, мельниц возросло с 4 в 1890 и 1891 г. до 6 в 1894/5 г. Так же объясняется «уменьшение» выработки и по Симбирской губернии (1890: 230 мельниц—4,8 милл. руб.; 1894/5: 27 мельниц и 1,7 милл. руб. Паровых мельн.—10 и 13). В Вятской губернии сумма выработки 1890 г.—8,4 милл., 1894/5—6,7 милл., меньше на 1,7 милл. р. Но в 1890 г. считались здесь два горных завода, Воткинский и Ижевский, производство которых (вместе взятых) равняется именно 1,7 милл.; в 1894/5 г. эти заводы не считались, как «подведомственные» горному департаменту. Астраханская губерния—в 1890 г.—2,5 милл. руб., в 1894/5 г.—2,1 милл. Но в 1890 г. считалось солеваренное производство (346 тыс. руб.), а в 1894/5 г. оно не считалось, как относящееся к числу «горных». Псковская губерния — 1890: 2,7 милл. руб., а в 1894/5 г.—2,3 милл. руб.; но в 1890 г. считались 45 льнотрепальных заведений с суммой производства 1,2 милл. р., а в 1894/5 г. только 4 льнопрядильные заведения с 248 тыс. р. Само собою разумеется, что льнотрепальные заведения в Псковской губернии не исчезли, а просто не вошли в список (может быть, потому, что большинство из них ручные, с числом рабочих менее 15). В Вессарабской губернии различным образом регистрировалось производство мукомольных мельниц, хотя число их и в 1890 и в 1894/5 г. было сосчитано одинаковое (по 97); в 1890 г. считалось количество перемолотой муки—4,3 милл. пуд.=4,3 милл. руб., а в 1894/5 г. большинство мельниц показало лишь плату за помол, так что общая сумма их выработки (1,8 милл. руб.)

---

*) Мы берем при этом данные ие «Свода», а «Указателя» за 1890 г., вычитая акцизные производства. За исключением этих производств данные «Указателя» почти не отличаются от данных «Свода», ибо они основаны на тех же ведомствах д-та торг. и мануф. А для обнаружения ошибки г-на Карышева нам необходимы детальные данные не только об отдельных производствах, но и об отдельных фабриках.

несравнима с цифрой 1890 года. Вот парочка примеров, иллюстрирующих это различие: 2 мельницы Левензона считали в 1890 г. производство в 335 тыс. р. («Указ.», стр. 424), а в 1894/5 г. только 69 тыс. руб. платы за помол («Перечень», № 14.231—2). Наоборот, мельница Шварцберга считала в 1890 г. стоимость продукта—125 тыс. руб. («Указ.», стр. 425), и в 1894/5 г.—175 тыс. руб. («Пер.», № 14.214); из всей суммы производства по мукомольной промышленности 1894/5 года, 1,4 милл. руб. приходится на стоимость продукта, а 0,4 милл. руб.—на плату за помол. То же и по Витебской губернии: в 1890 г.—241 мельница, суммой произв. 3,6 милл. руб., а в 1894/5 г.—82 мельницы и суммой—120 тыс. руб., при чем большинство мельниц показали лишь плату за помол (число паровых мельниц было 37 в 1890 г., 51 в 1891 г. и 64 в 1894/5 г.), так что из этих 120 тыс. руб. больше половины составляет не стоимость продукта, а плата за помол. Наконец в последней, Архангельской губернии, открытое г-ном Карышевым «попятное движение в промышленности» объясняется просто странной ошибкой в его вычислениях: на деле сумма производства архангельских фабрик, по «Перечню», не 1,3 милл. руб., как дважды показывает г. Карышев (стр. 40 и 39; против 3,2 милл. р. в 1885—91 гг.), а *6,9* милл. руб., в том числе $6^1/_2$ милл. руб. на 18 лесопильных заводах («Перечень», стр. 247).

Сводя вместе сказанное выше, мы приходим к тому выводу, что г. Карышев отнесся к обрабатываемому им материалу с поразительной невнимательностью и отсутствием критики и потому сделал целый ряд самых грубых ошибок. Относительно же тех подсчетов цифр «Перечня», которые он произвел вместе со своими сотрудниками, следует сказать, что их статистическая ценность много теряет от того, что г. Карышев не напечатал полных итогов, т.-е. числа фабрик, рабочих, суммы производства по всем губерниям и отделам производств (хотя эти подсчеты, видимо, были им сделаны, и полное напечатание их, с одной стороны, давало бы возможность поверки, а с другой стороны, принесло бы большую пользу всем, кто пользуется «Перечнем»). Таким образом чисто статистическая обработка материала оказалась крайне отрывочной, неполной, несистематичной, а выводы, к которым поспешил перейти г. Карышев, служат большей частью примером того, как не следует обращаться с цифрами.

Переходя к поставленному выше вопросу о современном состоянии нашей фабрично-заводской статистики, мы должны сказать прежде всего, что, если «настоятельно необходимы» «полные и достоверные статистические данные о производствах» (так го-

ворит «введение» к «Перечню» и с этим нельзя не согласиться), то для получения их необходима правильно поставленная промышленная перепись, регистрирующая все и всякие промышленные заведения, предприятия и работы и повторяемая через известные промежутки времени. Если данные первой народной переписи 28 января 1897 г. о занятиях населения окажутся удовлетворительными и будут обстоятельно разработаны, то они сильно облегчат производство промышленной переписи. До тех же пор, покуда таких переписей нет, речь может итти только о регистрации некоторых крупных промышленных заведений. Современная система собирания и обработки статистических сведений о таких крупных заведениях («фабриках и заводах», по господствующей терминологии) должна быть признана в высшей степени неудовлетворительной. Первым недостатком ее является раздробление фабрично-заводской статистики между различными «ведомствами» и отсутствие специального, чисто статистического учреждения, централизующего собирание, проверку и обработку всех сведений о всех фабриках и заводах. Обрабатывая данные современной фабрично-заводской статистики в России, находишься на территории, пересеченной во всех направлениях границами разных «ведомств» (имеющих особые приемы и способы регистрации и пр.). Бывает даже так, что эта граница проходит через известную фабрику или завод, так что одно отделение завода (например, чугунно-литейное) подведомственно горному департаменту, а другое (например, выделка железных изделий)— департаменту торговли и мануфактур. Понятно, как затрудняет это пользование данными и в какие ошибки рискуют впасть (и впадают) те исследователи, которые не обращают достаточно внимания на этот сложный вопрос. В частности относительно проверки сведений надо сказать, что фабричная инспекция, разумеется, никогда не будет в состоянии проверять соответствие с действительностью всех показаний всех фабрикантов. При системе современного типа (то-есть когда сведения собираются не посредством переписи, производимой особым штатом агентов, а посредством рассылки вопросных листов фабрикантам), главное внимание должно быть обращено на то, чтобы центральное статистическое учреждение непосредственно сносилось со всеми владельцами фабрик и заводов,—чтобы оно систематически контролировало единообразие сведений и заботилось о полноте их, о рассылке вопросных листов во все мало-мальски значительные центры промышленности,—чтобы оно не допускало случайного включения неоднородных данных, не допускало различного

применения и толкования программы. Вторым основным недостатком современной системы является полная неразработанность программы собирания сведений. Если такая программа будет вырабатываться в канцеляриях, не подвергаясь критике специалистов и (что особенно важно) всестороннему обсуждению прессы, то сведения никогда не могут быть сколько-нибудь полными и единообразными. Мы видели, например, как неудовлетворительно разрешается теперь даже основной вопрос программы: что такое «фабрика и завод»? При отсутствии промышленных переписей, при системе собирания сведений от самих промышленников (через полицию, фабричную инспекцию и т. п.) понятие «фабрики и завода» необходимо должно быть определено с безусловной точностью и ограничено одними настолько крупными заведениями, которые можно было бы надеяться зарегистрировать все и повсюду, без пропусков. Основные элементы определения «фабрично-заводских заведений», принятого в настоящее время, повидимому, выбраны довольно удачно: 1) число рабочих в заведении не менее 15 (при чем должен быть разработан вопрос о разграничении рабочих вспомогательных от рабочих фабрично-заводских в собственном смысле, об определении среднего числа рабочих за год и т. д.) и 2) наличность парового двигателя (хотя бы и при меньшем числе рабочих). К сожалению, к этим признакам прибавлены другие, совершенно неопределенные, тогда как при расширении этого определения необходима крайняя осторожность. Если, например, нельзя опускать и крупнейших заведений с водяным двигателем, то надо с полнейшей точностью указать, какие именно заведения этого рода подлежат регистрации (при двигателе не ниже такой-то силы, или при числе рабочих не ниже такого-то и т. п.). Если по некоторым производствам считается необходимым считать и более мелкие заведения, то надо с полнейшей точностью перечислить эти производства и указать другие ясные признаки понятия: «фабрично-заводское заведение». На такие производства, в которых «фабрично-заводские» заведения сливаются с «кустарными» или «сельско-хозяйственными» (войлочное, кирпичное, кожевенное, мукомольное, маслобойное и мн. др.), должно быть обращено особое внимание. Мы полагаем, что указанные сейчас два признака понятия «фабрики и завода» не должны быть расширяемы ни в каком случае, потому что при современной системе собирания сведений даже и такие сравнительно крупные заведения вряд ли могут быть зарегистрированы без всяких пропусков. А преобразование этой системы может выразиться либо в частичных и несущественных

изменениях, либо в введении полных переписей промышленности. Что касается до вопроса о широте сведений, т.-е. до количества вопросов, предлагаемых промышленникам, то и здесь приходится провести коренное различие между промышленной переписью и статистикой современного типа. Только в первом случае возможно и необходимо стремиться к полноте сведений (вопросы об истории заведения, об его отношении к окрестным заведениям и окрестному населению, о торговой стороне дела, о сырых и вспомогательных материалах, о количестве и виде продукта, о заработной плате, рабочем дне, сменах, ночной и сверхурочной работе и пр. и пр.). Во втором же случае приходится быть очень осторожным: лучше получить немного сравнительно достоверных, полных и единообразных сведений, чем много сведений отрывочных, сомнительных и несравнимых. Безусловно необходимо только прибавление вопросов об исполнительных механизмах и о количестве изделий.

Говоря о том, что наша фабрично-заводская статистика в высшей степени неудовлетворительна, мы отнюдь не хотим сказать этим, чтобы ее данные не заслуживали внимания и разработки. Совсем напротив. Мы подробно разбирали недостатки современной системы, чтобы подчеркнуть необходимость особенно тщательной разработки данных. Главной и основной целью этой разработки должно быть отделение плевелов от пшеницы, отделение сравнительно годного материала от негодного. Как мы видели, главная ошибка г-на Карышева (и многих других) состоит именно в том, что он не производил такого отделения. Цифры «фабрик и заводов» наименее достоверны и ни в каком случае не могут быть употребляемы без тщательной и предварительной обработки (выделение более крупных заведений и пр.). Число рабочих и суммы производства гораздо более достоверны в общих валовых итогах (при чем, однако, необходим строгий разбор того, какие производства и как считались, как определялась сумма производства и пр.). Если же брать более детальные итоги, то возможно, что данные окажутся несравнимыми и употребление их поведет к ошибкам. Только игнорированием всех этих обстоятельств и можно объяснить возникновение басен об уменьшении числа фабрик в России и об уменьшении числа фабрично-заводских рабочих (сравнительно с населением),—басен, которые так усердно распространялись народниками.

Что касается до самой разработки материала, то в основу ее безусловно необходимо положить сведения о каждой отдельной фабрике, т.-е. карточные сведения. Эти карточки должны быть

группированы прежде всего по территориальным единицам. Губерния—единица слишком крупная. Важность вопроса о размещении промышленности требует группировки по отдельным городам, пригородам, селам и группам сел, образующих промышленные центры или районы. Затем необходима группировка по производствам. В этом отношении новейшая система нашей фабрично-заводской статистики ввела, по нашему мнению, нежелательное изменение, радикально порвав со старым подразделением производств, господствовавшим с самых 60-х годов (и ранее). «Перечень» по новому разгруппировал производства на 12 отделов: если брать при этом только данные по отделам, то получаются непомерно широкие рамки, обнимающие самые разнохарактерные производства и смешивающие их вместе (суконное и войлочное, лесопильное и мебельное, писчебумажное и типографское, чугунно-литейное и ювелирное, кирпичное и фарфоровое, кожевенное и восковое, маслобойное и сахарорафинадное и пивоваренное и табачное и т. д.). Если же подразделить подробно все эти отделы на производства, то получаются (см. у Микулина в цит. соч.) крайне дробные группы, числом свыше трехсот! Такая система, имевшая 10 отделов и около 100 производств (91 по «Указ.» за 1890 г.), представляется нам гораздо более удачной. Далее, необходима группировка фабрик по числу рабочих, по роду двигателей и по величине производства. Эта группировка особенно необходима и с чисто теоретической точки зрения,—для изучения состояния и развития промышленности, и для выделения в наличном материале сравнительно годных и негодных данных. Отсутствие такой группировки (которая необходима внутри групп территориальных и групп по производствам)—самый существенный недостаток теперешних наших изданий по фабрично-заводской статистике, которые позволяют определять лишь «средние числа», сплошь и рядом совершенно фиктивные и ведущие к грубым ошибкам. Наконец, группировка по всем этим признакам не должна ограничиваться определением числа заведений в каждой группе (и подгруппах), а должна необходимо сопровождаться вычислением для каждой группы и числа рабочих и суммы производства, как в паровых, так и в ручных заведениях и т. д. Другими словами, кроме групповых таблиц, необходимы еще и комбинационные.

Было бы ошибкой думать, что подобная разработка потребует неимоверного количества труда. Земско-статистические бюро, с их скромным бюджетом и составом лиц, исполняют гораздо более сложные работы по каждому уезду; они обрабатывают 20, 30 и

40 тысяч отдельных карточек (а число сравнительно крупных, «фабрично-заводских» заведений во всей России оказалось бы, вероятно, не более 15—16 тысяч); и притом объем сведений в каждой карточке несравненно шире: в земско-статистических сборниках вертикальных граф бывает по несколько сот, тогда как в «Перечне», напр., их меньше двадцати. И несмотря на это лучшие земско-статистические сборники дают не только групповые таблицы по различным признакам, но и комбинационные, т.-е. показывающие сочетание различных признаков.

Такая разработка данных представила бы, во-первых, необходимый материал для экономической науки; а во-вторых, она бы решила окончательно вопрос о выделении сравнительно годных и негодных данных. При такой разработке сразу бы обнаружился случайный характер данных по некоторым производствам, губерниям, по некоторым пунктам программы и пр. Получилась бы возможность выделить сравнительно полный, достоверный и единообразный материал. Получились бы ценные указания на то, каким образом можно обеспечить эти качества на будущее время.

КУСТАРНАЯ ПЕРЕПИСЬ 1894—5 ГОДА В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ

и

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ «КУСТАРНОЙ» ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Написано в середине 1898 г.

Напечатана в 1899 г. в сборнике: *Владимир Ильин*, „Экономические этюды и статьи“.

Статья первая.

(I. Общие данные. — II. „Кустарь“ и наемный труд. — III. „Общинно-трудовая преемственность“).

Пермские ученые общества предприняли, при участии земства, обширный труд к выставке 1896 года в Нижнем-Новгороде, носящий общее заглавие: «Обзор Пермского края». Материалов собрано более чем на 200 листов; все издание должно составить восемь томов. К выставке его, как водится, не успели закончить, и пока издан только первый том, содержащий очерк кустарной промышленности губернии *). «Очерк» представляет выдающийся интерес по новизне, богатству и полноте положенного в его основание материала. Материал собран был специальной кустарной переписью, произведенной на земские средства в 1894/5 г., при чем перепись была подворная, опрашивался каждый домохозяин в отдельности. Сведения собирались земскими начальниками. Программа подворного исследования была очень обширная, обнимая и личный состав семей кустарей-хозяев, и наемный труд, употребляемый кустарями, и сельское хозяйство, и сведения о заготовке сырья, о технике производства, о распределении работ по месяцам года, о сбыте продуктов, о времени возникновения заведений, о задолженности кустарей. Насколько нам известно, столь богатые сведения опубликовываются в нашей литературе едва ли не впервые. Но кому много дано, с того много и спросится. Богатство материала дает нам право предъявлять к исследователям требование обстоятельной разработки этого материала, а этим требованиям «Очерк» удовлетворяет далеко не вполне. И в табличных данных, и в способе группировки и обработки их есть много пробелов, восполнять которые приходилось отчасти

---

*) «Обзор Пермского края. Очерк состояния кустарной промышленности в Пермской губернии». Издано на средства Пермск. губ. земства. Пермь 1896, стр. II, 365 + 232 страницы таблиц, 16 диаграмм и карта Пермской губернии. Ц. 1 р. 50 коп.

автору посредством выборки из книги и подсчета соответственных данных.

Мы намерены познакомить читателей с материалом, собранным переписью, с приемами его обработки, с выводами, которые следуют из данных относительно экономической действительности наших «кустарных промыслов». Мы подчеркиваем слова: «экономической действительности», ибо мы ставим вопрос только о том, что есть в действительности, и почему эта действительность именно такова, а не иная. Что же касается до распространения выводов из данных о Пермской губернии на все «наши кустарные промыслы» вообще, то читатель убедится из нижеследующего в законности такого распространения, ибо в Пермской губернии виды «кустарничества» чрезвычайно разнообразны и охватывают всевозможные виды его, о каких только сообщалось когда-либо в литературе кустарных промыслов.

Усиленно просим только читателя—как можно строже различать две стороны дальнейшего изложения: изучение и обработку фактических данных, с одной стороны, и оценку народнических воззрений авторов «Очерка», с другой.

I.

Общие данные.

Кустарная перепись 1894/5 года охватила во всех уездах губернии 8.991 семью кустарей (не считая семей наемных рабочих), т.-е. около 72% всего числа пермских кустарей, как полагают исследователи, насчитывая по другим данным еще 3.484 семьи. Основное подразделение кустарей по типам их, принятое в «Очерке», состоит в различении двух групп кустарей (в таблицах группы означены римскими цифрами I и II), именно имеющих земледельческое хозяйство (I) и не имеющих его (II); затем трех подгрупп каждой группы (арабские цифры: 1, 2, 3), именно: 1) кустари, работающие на вольную продажу; 2) кустари, работающие на заказчиков-потребителей, и 3) кустари, работающие на заказчиков-скупщиков. В двух последних подгруппах сырье преимущественно дается кустарю заказчиком. Остановимся несколько на этой группировке. Деление кустарей на земледельцев, разумеется, вполне основательно и необходимо. Обилие безземельных кустарей в Пермской губернии, сосредоточенных часто в заводских селениях, заставило авторов произвести эту группировку систематически и ввести ее в таблицы. Мы узнаем таким

образом, что $^1/_3$ всего числа кустарей (в 8.991 заведения 19.970 семейных и наемных рабочих), именно 6.638 человек принадлежат к неимеющим земледельческого хозяйства *). Уже отсюда видна, след., неточность обычных предположений и утверждений о связи кустарной промышленности с земледелием, как общем явлении,— связи, возводимой иногда даже в особенность России. Если исключить из числа «кустарей» неправильно причисляемых к ним сельских (и городских) ремесленников, то из остальных 5.566 семей—безземельных 2.268, т.-е. более $^2/_5$ всего числа работающих на рынок промышленников. К сожалению, и эта основная группировка не выдержана в «Очерке» последовательно. Во-первых, она приведена лишь относительно кустарей-хозяев, относительно же наемных рабочих нет таких данных. Этот пробел—результат того, что кустарная перепись вообще обошла наемных рабочих и их семьи, регистрируя только заведения, только хозяев. В «Очерке» очень неточно употребляется вместо этих слов выражение: «занимающиеся кустарными промыслами семейства», ибо семейства, отпускающие наемных рабочих к кустарям, разумеется, не менее «занимаются кустарными промыслами», чем семейства, нанимающие рабочих. Отсутствие подворных данных о семьях наемных рабочих (число их равно $^1/_4$ всего числа рабочих)—важный пробел переписи. Пробел этот весьма характерен для народников, становящихся сразу на точку зрения мелкого производителя и оставляющих в тени наемный труд. Ниже мы встретим еще не раз пробелы в сведениях о наемных рабочих, а пока ограничимся замечанием, что хотя отсутствие данных о семьях наемных рабочих и составляет обычное явление в литературе кустарных промыслов, но есть и исключения. В трудах московской земской статистики встречаются иногда данные, систематически собранные о семьях наемников; еще больше таких данных в известном исследовании г.г. Харизоменова и Пругавина: «Промыслы Владимирской губернии», где есть и подворные переписи, регистрирующие семьи наемных рабочих наравне с семьями хозяев. Во-вторых, включив в число кустарей массу безземельных промышленников, исследователи, естественно, подорвали основания обычного, совершенно неправильного, приема—исключать из числа «кустарей» городских промышленников. И мы видим, действительно, что в кустарную перепись 1894—5 г. вошел один город Кунгур (с. 33 таблиц), но только один. Никаких пояснений в «Очерке» нет,

*) На деле больше чем треть промышленников безземельных, ибо в перепись вошел лишь один город. Об этом ниже.

и остается неизвестным, почему в перепись вошел только один и именно этот город,—случайно или по каким-либо основаниям. Получается немалая путаница, сильно портящая общие данные. В общем и целом, кустарная перепись повторяет, след., обычную народническую ошибку выделения деревни («кустаря») и города, хотя известный промышленный район сплошь да рядом обнимает город и окрестные селения. Давно бы пора отбросить это выделение, основанное на предрассудке и на преувеличении отживших свое время сословных перегородок.

Мы упоминали уже не раз о ремесленниках, сельских и городских, то выделяя их из кустарей, то включая в число их. Дело в том, что эти колебания свойственны всей литературе «кустарных» промыслов, доказывая негодность такого термина, как «кустарь», для научных исследований. Общепринятым считается мнение, что к кустарям следует относить только работающих на рынок, только товаропроизводителей, но на деле нелегко найти такое исследование кустарных промыслов, где бы в число кустарей не попадали и ремесленники, т.-е. работающие на заказчиков-потребителей (2-я подгруппа, по «Очерку»). И в «Трудах комиссии по исследованию кустарной промышленности» и в «Промыслах Московской губернии» вы встретите ремесленников в числе «кустарей». Мы считаем бесполезным спорить о смысле слова «кустарь», ибо, как увидим ниже, нет той формы промышленности (кроме разве машинной индустрии), которая бы не включалась под этот традиционный термин, абсолютно негодный для научных исследований. Несомненно, что надо строго отличать товаропроизводителей, работающих на рынок (1-я подгруппа) от ремесленников, работающих на потребителей (2-я подгруппа), ибо эти формы промышленности представляют совершенно разнородные типы по своему общественно-хозяйственному значению. Очень неудачны попытки «Очерка» сгладить эти различия (ср. стр. 13, 177); гораздо правильнее было замечено в другом земско-статистическом издании о пермских кустарях, что «у ремесленников очень мало точек соприкосновения с областью кустарной промышленности,—менее, чем у этой последней с промышленностью фабричной» *). И фабричная промышленность и 1-я подгруппа «кустарей» относится к товарному производству, кото-

*) «Кустарная промышленность Пермской губернии на Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке в гор. Екатеринбурге в 1887 г.» Е. Красноперова. 3 выпуска. Пермь 1888—1889. Вып. 1, стр. 8. Мы будем цитировать это полезное издание, означая кратко: «Куст. пром.», выпуск и страница.

рого нет во-2-й подгруппе. Так же строго надо отличать 3-ю подгруппу кустарей, работающих на скупщиков (и фабрикантов), которые существенно различаются от «кустарей» двух первых подгрупп. Нельзя не пожелать, чтобы все исследователи так называемой «кустарной» промышленности строго выдерживали это деление и употребляли точные политико-экономические термины вместо подкладывания произвольного смысла под термины разговорные.

Приведем данные о распределении «кустарей» по группам и подгруппам:

	Группа I.				Группа II.				Итого.
	Подгруппы:			Всего.	Подгруппы:			Всего.	
	1	2	3		1	2	3		
Число заведений	2.285	2.821	1.013	6.119	935	604	1.333	2.872	8.991
	37,3	46,1	16,6	100	32,6	21,0	46,4	100	—
Число рабоч. Семейн.	4.201	4.146	1.957	10.304	1.648	881	2.233	4.762	15.066
Число рабоч. Наемн.	1.753	681	594	3.028	750	282	844	1.870	4.904
Число рабоч. Всего	5.954	4.827	2.551	13.332	2.328	1.163	3.077	6.638	19.970
Число заведений с наемными рабочими	700	490	251	1.441	353	148	482	983	2.424

Прежде чем делать выводы из этих данных, напомним, что город Кунгур вошел во II группу, содержащую таким образом смешанные данные о сельских и городских промышленниках. Мы видим из таблицы, что земледельцы (I группа), преобладая значительно в числе сельских промышленников и ремесленников, являются более отсталыми в развитии форм промышленности, чем неземледельцы (II группа). У земледельцев гораздо больше развита примитивная ремесленность сравнительно с производством на рынок. Бо̀льшее развитие капитализма среди неземледельцев выражается бо̀льшим процентом наемных рабочих, заведений с наемными рабочими и кустарей, работающих на скупщиков. Можно заключить, следовательно, что связь с земледелием задерживает более отсталые формы промышленности и, наоборот, что развитие капитализма в промышленности ведет к разрыву с земледелием. К сожалению, точных сведений по этому

предмету мы не имеем и должны довольствоваться такими наводящими указаниями. Например, мы не узнаем из «Очерка», как распределяется вообще сельское население Пермской губернии между земледельцами и безземельными, и потому не можем сравнить, в каком из этих разрядов сильнее развиты промыслы. Остался в пренебрежении также крайне интересный вопрос о районах промышленности (данные об этом были у исследователей самые точные, о каждом селении отдельно), о концентрации промышленников в неземледельческих, заводских, вообще торгово-промышленных селениях, о центрах каждой отрасли промышленности, о распространении промыслов из этих центров на окрестные селения. Если добавить к этому, что подворные данные о времени возникновения заведений (о них ниже, § III) давали возможность определить характер развития промыслов, т.-е. распространяются ли они от центров к окрестным селениям или, наоборот, распространяются ли сильнее среди земледельцев или среди неземледельцев и т. д., то нельзя будет не пожалеть о недостаточной разработке данных. Все, что мы можем получить по этому вопросу, это—сведения о размещении промыслов по уездам. Для ознакомления читателя с этими сведениями воспользуемся разделением уездов на группы, предложенным в «Очерке» (стр. 31): 1) «уезды с наибольшим процентом кустарей, работающих на рынок, и, вместе с тем, с относительно высоким уровнем развития кустарной промышленности»—5 уездов, 2) «уезды с относительно слабой степенью развития кустарных промыслов, но с преобладающим числом кустарей, работающих на рынок»—5 уездов и 3) «уезды также с невысоким уровнем развития кустарной промышленности, но в которых частенько преобладают кустари, работающие по заказу потребителей»—2 уезда. Сводя важнейшие данные по этим группам уездов, получаем следующую таблицу (см. стр. 397):

1) В 1-й группе уезды Шадринский, Куигурский, Красноуфимский, Екатеринбургский и Осинский; во 2-й—Верхотурский, Пермский, Ирбитский, Оханский и Чердынский; в 3-й—Соликамский и Камышловский.

2) «Зависимыми» кустарями мы называем: а) наемных рабочих и б) семьян, работающих на скупщиков.

3) Число кустарей здесь не то, что было приведено выше, ибо поуездные цифры в «Очерке» (стр. 30—31) отличаются от итогов таблицы, помещенной в приложении.

Эта таблица дает нам следующие интересные выводы: чем более развита сельская промышленность в группе уездов, тем

Группы уездов.	Число кустарей, работающих: На вольную продажу. Семейных.	Наемных.	Всего.	На скупщиков. Семейных.	Наемных.	Всего.	На потребителей. Семейных.	Наемных.	Всего.	Всего. Семейных.	Наемных.	Всего.	Процент кустарей. Работающ. на рынок.	Зависимых (см. прим.).	Число лиц об. п. в семьях кустарей. Имеющих свое земл. хозяйство.	Не имеющ. запашки.	Всего.
1. Наибольшее развитие кустарной промышленности	4.160	1.702	5.862	3.930	1.397	5.327	2.501	623	3.124	10.591	3.722	14.313	78,2	53,4	21.320	15.483	36.803
5 уездов . . .	—	—	—	27,4	—	—	—	—	21,8	—	26,0	100	—	—	57,6	42,4	100
2. Более слабое развитие кустарной промышленности	1.436	904	2.340	259	158	417	1.077	252	1.329	2.772	1.314	4.086	67,5	38,4	7.335	3.740	11.075
5 уездов . . .	—	—	—	6,3	—	—	—	—	32,5	—	32,1	100	—	—	66,2	33,8	100
3. Преобладание ремесла	340	59	399	56	—	56	1.499	88	1.587	1.895	147	2.042	22,3	9,9	5.998	364	6.362
2 уезда	—	—	—	2,7	—	—	—	—	77,7	—	7,2	100	—	—	94,2	5,8	100
Итого. .	5.936	2.665	8.601	4.245	1.155	5.800	5.077	963	6.040	15.258	5.183	20.441	70,5	46,1	34.653	19.587	54.240
	—	—	—	20,8	—	—	—	—	29,5	—	25,3	100	—	—	63,9	36,1	100

1) меньше процент сельских ремесленников, т.-е. тем более ремесло оттесняется товарным производством; 2) тем больший процент кустарей принадлежит к неземледельческому населению; 3) тем сильнее развиваются капиталистические отношения, тем больше процент зависимых кустарей. В третьей группе уездов преобладают сельские ремесленники (77,7% всех кустарей); рядом с этим здесь преобладают земледельцы (только 5,8% неземледельцев) и капитализм развит ничтожно: всего 7,2% наемных рабочих и 2,7% кустарей-семьян, работающих на скупщиков, т.-е. всего 9,9% зависимых кустарей. Во второй группе уездов преобладает, наоборот, товарное производство, которое уже оттесняет ремесло: только 32,1% ремесленников. Процент кустарей земледельцев понижается с 94,2% до 66,2%; процент наемных рабочих возрастает более чем в четыре раза: с 7,2% до 32,1%; повышается, хотя не так значительно, и процент семьян, работающих на скупщиков, так что общий процент зависимых кустарей составляет 38,4%—почти $^2/_5$ всего числа. Наконец, в первой группе уездов ремесло еще более оттесняется товарным производством, занимая лишь $^1/_5$ всего числа «кустарей» (21,8%), и рядом с этим число неземледельцев-промышленников повышается до 42,4%; процент наемных рабочих несколько понижается (с 32,1% до 26%), но зато в громадных размерах возрастает процент зависимых от скупщиков семьян, именно с 6,3% до 27,4%, так что всего зависимых кустарей оказывается более половины—53,4%. Район наибольшего (абсолютно и относительно) числа «кустарей» оказывается районом наибольшего развития капитализма: рост товарного производства оттесняет на задний план ремесло, ведет к развитию капитализма и к переходу промысла в руки неземледельцев, т.-е. к отделению промышленности от земледелия (или, быть-может, к концентрации промыслов в неземледельческом населении). У читателя может возникнуть сомнение, правильно ли считать более развитым капитализм в первой группе уездов, где меньше наемных рабочих, чем во второй, но больше работающих на скупщиков. Работа на дому—могут возразить—есть низшая форма капитализма. Мы увидим, однако, ниже, что из этих скупщиков многие состоят фабрикантами, владеют крупными капиталистическими заведениями. Работа на дому является здесь придатком фабрики, означая большую концентрацию производства и капитала (на некоторых скупщиков работает 200—500, до тысячи и более человек), большее разделение труда и будучи, след., более высокой по степени развития формой капитализма. Эта форма относится к мелкой мастерской хозяйчика с наемными рабочими, как

капиталистическая мануфактура относится к капиталистической простой кооперации.

Приведенные данные достаточно опровергают попытки составителей «Очерка» противопоставить принципиально «кустарную форму производства» — «капиталистической»,—рассуждение, повторяющее традиционные предрассудки всех российских народников с г.г. В. В. и Н. —оном во главе. «Основное различие» между этими двумя формами пермские народники полагают в том, что в первой «труду принадлежат орудия и материалы производства и вместе с тем все результаты труда в виде продуктов производства» (с. 3). Мы теперь уже можем совершенно определенно констатировать, что это—фальшь. Даже если мы включим в число кустарей и ремесленников, все-таки большая часть «кустарей» не подходит под эти условия: не подходят во-первых, наемные рабочие, а их 25,3%; не подходят, во-вторых, семьяне, работающие на скупщиков, ибо ни материалы производства, ни результаты труда им не принадлежат и они получают лишь задельную плату; таких 20,8%; не подходят, в-третьих, семьяне 1-й и 2-й подгруппы, держащие наемных рабочих, ибо им принадлежат «результаты» не одного только своего труда. Таких, вероятно, около 10% (из 6.645 заведений 1-й и 2-й подгруппы 1.691, т.-е. 25,4 держит наемных рабочих; в 1.691 заведении, вероятно, не менее 2.000 семьян). Итого вот уже 25,3%, 20,8%, 10=56,1% «кустарей», т.-е. более половины не подходят под эти условия. Другими словами, даже в такой глухой и отсталой в хозяйственном отношении губернии, как Пермская, уже теперь преобладает «кустарь», либо нанимающийся в наймы, либо нанимающий других, либо эксплоатирующий, либо эксплоатируемый. Но гораздо правильнее для такого расчета исключить ремесло и взять одно товарное производство. Ремесло—настолько архаическая форма промышленности, что даже среди отечественных народников, не раз изрекавших, что отсталость есть счастье России (à la г.г. В. В. Южаков и К°), не находилось человека, который бы открыто и прямо решился защищать ее и выставлять «залогом» своих идеалов. В Пермской губернии ремесло еще очень развито, сравнительно с центральной Россией: достаточно сослаться на такой промысел как синильный (или красильный). Это—исключительно ремесленное окрашивание домашних тканей крестьян, которые в менее захолустных местах России давно уже уступили место фабричным ситцам. Но и в Пермской губернии ремесло оттеснено уже далеко на второй план: даже в сельской промышленности только 29,5%, т.-е. менее трети, принадлежат к реме-

сленникам. Исключая же ремесленников, мы получаем 14.401 работающих на рынок; из них 29,3% наемных рабочих, да 29,5% семьян, работающих на скупщиков, т.-е. 58,4% зависимых «кустарей», да процентов 7—8 хозяйчиков с наемными рабочими, т.-е. всего около 66%, две трети «кустарей», имеющих два основных сходства, а не различия с капитализмом, именно: во-первых, они все товаропроизводители, а капитализм есть лишь развитое до конца товарное хозяйство; во-вторых, из них большая часть стоит в свойственных капитализму отношениях купли-продажи рабочей силы. Составители «Очерка» усиливаются уверить читателя, что наемный труд в «кустарном» производстве имеет особое значение и объясняется, будто бы, «уважительными» причинами; мы рассмотрим в своем месте (§ VII) эти уверения и приводимые им примеры. Здесь же достаточно констатировать, что там, где господствует товарное производство, и наемный труд употребляется не случайно, а систематически, налицо есть все признаки капитализма. Можно говорить о его неразвитости, зачаточности, об особых формах его, но полагать «основное различие» между тем, что на деле обнаруживает основное сходство, значит извращать действительность.

Отметим кстати еще одно извращение. На стр. 5-й в «Очерке» говорится, что «произведения кустаря... приготовляются из материалов, приобретаемых главным образом на месте же». Как раз по этому пункту имеются в «Очерке» данные для проверки, именно сопоставление того, как распределяются по уездам губернии кустари, обрабатывающие животные продукты, сравнительно с продуктами скотоводства и земледелия; кустари, обрабатывающие растительные продукты, сравнительно с распределением леса; кустари, обрабатывающие металлы, сравнительно с распределением чугуна и железа, добываемого в губернии. Оказывается из этого сопоставления, что при обработке животных продуктов в трех уездах сосредоточено 68,9% кустарей этого рода, между тем как голов скота в этих же уездах только 25,1%, а десятин посева только 29,5%, т.-е. оказывается как раз обратное, и в «Очерке» тут же констатируется, что «высокая степень развития производств, основанных на переработке животных продуктов, обеспечивается главным образом ввозным сырьем, напр., в Кунгурском и Екатеринбургском уездах—сырыми кожами, обрабатываемыми местными кожевенными заводами и кустарными кожевнями, откуда собственно и получается материал для чеботарного производства,—главнейшего из кустарных промыслов этих уездов» (24—25). Кустарничество основано здесь, след., не только на

крупных оборотах местных капиталистов по торговле кожами, но и на приобретении от заводчиков полуфабриката, т.-е. кустарничество явилось результатом, придатком развитого товарного обращения и капиталистических кожевенных заведений. «В Шадринском уезде ввозным сырьем является шерсть, дающая материал для главного промысла уезда—пимокатного». Далее, по обработке растительных продуктов 61,3% кустарей сосредоточено в 4-х уездах. Между тем в этих же 4-х уездах всего 20,7% общего в губернии количества десятин леса. Наоборот, в 2-х уездах, в которых сосредоточено 51,7% леса, находится всего 2,6% кустарей, обрабатывающих растительные продукты (стр. 25), т.-е. и здесь оказывается как раз обратное, и здесь «Очерк» констатирует, что сырье—ввозное (стр. 26)*). Мы наблюдаем, след., весьма интересный факт, что развитию кустарных промыслов предшествует (являясь условием этого развития) пустившее уже глубокие корни товарное обращение. Это обстоятельство весьма важно, ибо оно, во-первых, указывает, как давно уже сложилось товарное хозяйство, в котором кустарничество является лишь одним из членов, и как нелепо поэтому изображать нашу кустарную промышленность в виде какой-то tabula rasa, которая будто бы «может» пойти еще разными путями. Исследователи сообщают, напр., что пермская «кустарная промышленность попрежнему отражает на себе влияние тех путей сообщения, которые определяли торгово-промышленную физиономию края не только в дожелезнодорожную, но даже и в дореформенную эпоху» (стр. 39). Действительно, город Кунгур был узлом путей сообщения в Доуралье: через юг идет сибирский тракт, связывающий Кунгур с Екатеринбургом, а ветвями и с Шадринском; через Кунгур же идет другой коммерческий тракт—гороблагодатский, соединяющий Кунгур с Окой. Наконец, бирский тракт соединяет Кунгур с Красноуфимском. «Таким образом мы видим, что кустарная промышленность губернии концентрировалась в районах, определяемых узлами путей сообщения: в Доуралье—в уездах Кунгурском, Красноуфимском и Омском; а в Зауралье—в уездах Екатеринбургском и Шадринском» (стр. 39). Напомним читателю, что именно эти 5 уездов составляют первую по развитию кустарной промышленности группу уездов и что в них сосредоточено 70% всего числа кустарей. Во-вторых,

*) Эти два рода кустарей, т.-е. обрабатывающие животные продукты и растительные материалы, составляют 33%+28%=61% всего числа кустарей. Обработкой металлов занято 25% кустарей (стр. 20).

это обстоятельство указывает нам, что та «организация обмена» в кустарной промышленности, о которой так легкомысленно болтают кустарные родители мужичка, в действительности уже создана и создана никем иным, как всероссийским купечеством. Ниже мы увидим еще не мало подтверждений этому. Только по третьему разряду кустарей (обрабатывающие металлы) оказывается соответствие в распределении добычи сырья и его обработки кустарями: в 4-х уездах, в которых добывают 70,6% чугуна и железа, сосредоточено 70% кустарей этого разряда. Но здесь сырье является уже само продуктом крупной горнозаводской промышленности, имеющей, как увидим, «свои взгляды» на «кустаря».

«Кустарь» и наемный труд.

Перейдем к изложению данных о наемном труде в кустарных промыслах Пермской губернии. Не повторяя приведенных выше абсолютных цифр, ограничимся указанием на наиболее интересные процентные отношения:

		Группа I.				Группа II.				Итого.
		Подгруппы.			Всего.	Подгруппы.			Всего.	
		1	2	3		1	2	3		
Проценты зав.	С наемными рабочими	30,6	17,4	24,1	23,6	37,8	24,4	36,1	34,2	26,9
	Только с наемными рабочими	1,3	1,2	0,7	1,1	1,6	1,4	0,3	1,0	1,1
	С 6-ю и более наемными рабочими	2,0	0,1	1,4	1,1	1,3	0,8	0,4	0,8	0,9
Наемных рабочих		29,4	14,1	23,2	22,7	31,2	29,3	27,4	28,3	24,5
Число рабочих в средн. на одно заведение.	Семейных	1,8	1,5	1,9	1,6	1,7	1,4	1,6	1,6	1,6
	Наемных	0,75	0,23	0,57	0,48	0,78	0,43	0,63	0,63	0,52
	Всего	2,6	1,7	2,5	2,1	2,5	1,8	2,2	2,2	2,1
Процент заведений, имеющих 3 и более семейных рабочих		20,3	7,8	20,9	15,1	18,5	8,6	14,3	14,6	14,9

Мы видим, след., что процент наемных рабочих больше у неземледельцев, чем у земледельцев, и что различие это глав-

ным образом зависит от 2-й подгруппы: у ремесленников-земледельцев процент наемных рабочих—14%, а у неземледельцев—29,3%, т.-е. более чем в два раза больше. По остальным двум подгруппам процент наемных рабочих немногим выше во II группе сравнительно с I. Было уже замечено, что это явление есть результат большей неразвитости капитализма в земледельческом населении. Пермские народники, как и все другие народники, объявляют это, разумеется, преимуществом земледельцев. Не вступая здесь в спор по общему вопросу, можно ли неразвитость и отсталость данных общественно-хозяйственных отношений считать преимуществом, мы заметим лишь, что из данных, приводимых ниже, будет видно, что это преимущество земледельцев состоит в получении низкого разработка.

Интересно отметить, что разница между группами по употреблению наемного труда оказывается меньше, чем разница между подгруппами одной группы. Другими словами, экономический строй промышленности (ремесленники—товаропроизводители—рабочие скупщиков) сильнее влияет на степень употребления наемного труда, чем связь с земледелием или отсутствием этой связи. Напр., мелкий товаропроизводитель-земледелец более походит на мелкого товаропроизводителя-неземлевладельца, чем на землевладельца-ремесленника. Процент наемных рабочих в 1-й подгруппе равен для I группы—29,4%, а для II—31,2%, тогда как во 2-й подгруппе 1-й группы только 14,1%. Точно так же работающий на скупщика земледелец более походит на неземледельца, работающего на скупщика (23,2% наемных рабочих и 27,4%), чем на земледельца-ремесленника. Это указывает нам на то, что общее господство в стране товарно-капиталистических отношений нивелирует земледельца и неземледельца, участвующих в промышленности. Данные о доходах кустарей укажут эту нивелировку еще рельефнее. 2-я подгруппа является, как уже замечено, исключением; но если вместо данных о проценте наемных рабочих взять данные о числе наемных рабочих, приходящемся в среднем на 1 заведение, то мы увидим, что ремесленники-земледельцы ближе стоят к ремесленникам-неземледельцам (0,23 и 0,43 наемных рабочих на 1 заведение), чем к земледельцам других подгрупп. Средний состав одного заведения у ремесленников в обеих группах почти одинаков (1,7 и 1,8 человек на заведение), тогда как по подгруппам каждой группы этот состав колеблется очень сильно (I: 2,6 и 1,7; II: 2,5 и 1,8).

Данные о среднем составе заведения в каждой подгруппе указывают также на тот интересный факт, что у ремесленников

обеих групп этот состав наименьший: 1,7 и 1,8 рабочих на мастерскую. Среди ремесленников, значит, преобладает наиболее разрозненное производство, наибольшая обособленность единичных производителей, наименьшее применение кооперации в производстве. На первом месте в этом отношении стоят в обеих группах первые подгруппы, т.-е. хозяйчики, работающие на вольную продажу. Состав мастерской здесь наибольший (2,6 и 2,5 чел.); многосемейных кустарей здесь всего больше (именно с 3-мя и более семейными рабочими 20,3% и 18,5%; маленькое исключение 3-я подгруппа I группы с 20,9%); рядом с этим употребление наемного труда всего больше (0,75 и 0,78 наемников на мастерскую); крупных заведений всего больше (2,0% и 1,3% заведений с 6 и более наемн. раб.). След., кооперация в производстве применяется здесь в наиболее обширных размерах, и достигается это наибольшим употреблением наемного труда при наибольшем семейном составе (1,8 и 1,7 семейных рабочих на заведение; небольшое исключение 3-я подгруппа I группы с 1,9 чел.).

Это последнее обстоятельство подводит нас к весьма важному вопросу о взаимоотношении семейного и наемного труда у «кустарей», заставляя усомниться в правильности господствующих народнических доктрин, будто наемный труд в кустарном производстве только «восполняет» семейный. Пермские народники поддерживают это мнение, рассуждая на стр. 55-й, что «отождествление интересов кустарничества и кулачества» опровергается тем, что самые зажиточные кустари (1-я группа) имеют наибольший семейный состав, тогда как, «если бы кустарь тяготел только к наживе, единственному импульсу кулачества, а не к упрочению и развитию своего производства, пользуясь всеми силами своей семьи, то мы в праве были бы ожидать в этой подгруппе заведений наименьшего процента, определяющего число семьян, отдавших свой труд производству» (?!). Странное заключение! Как же можно делать выводы о роли «личного трудового участия» (стр. 55), не касаясь данных о наемном труде? Если бы зажиточность многосемейных кустарей не выражала кулацких тенденций, тогда мы видели бы у них наименьший процент наемных рабочих, наименьший процент заведений с наемными рабочими, наименьший процент заведений с крупным числом рабочих (более пяти), наименьшее число рабочих, приходящееся в среднем на одно заведение. На самом деле самые зажиточные кустари (1 подгруппа) занимают во всех этих отношениях первое место, а не последнее, и это при наибольшем составе семей и семейных рабочих, при наибольшем проценте кустарей с 3-мя и более семейными

рабочими! Ясно, что факты говорят как раз обратное тому, что хочет навязать нам народник: кустарь стремится именно к наживе путем кулачества; он пользуется большой зажиточностью (одним из условий которой является многосемейность) для большего употребления наемного труда. Будучи поставлен лучше других кустарей по числу семейных рабочих, он пользуется этим для вытеснения остальных, прибегая к наибольшему найму рабочих. «Семейная кооперация», о которой так елейно любят говорить г.г. В. В. и другие народники (ср. «Куст. пром.» I стр. 14), является залогом развития капиталистической кооперации. Это покажется, конечно, парадоксом для читателя, привыкшего к народническим предрассудкам, но это—факт. Чтобы иметь точные данные по этому вопросу, надо бы знать не только распределение заведений по числу семейных и по числу наемных рабочих (что дано в «Очерке»), но также комбинацию семейного и наемного труда. Подворные сведения давали полную возможность произвести такую комбинацию, подсчитать число заведений с 1, 2 и т. д. наемными рабочими в каждом разряде заведений по числу семейных рабочих. К сожалению, этого не сделано. Чтобы восполнить хотя несколько этот пробел, обратимся к вышеуказанному сочинению: «Куст. пром. и т. д.». Здесь приведены именно комбинационные таблицы заведений по числу семейных и наемных рабочих. Таблицы даны по 5 промыслам, обнимая всего 749 заведений с 1.945 рабочими (и. соч. I, стр. 59, 78, 160; III, стр. 87 и 109). Чтобы проанализировать эти данные по интересующему нас вопросу о ваимоотношении семейного и наемного труда, мы должны разбить все заведения на группы по общему числу рабочих (ибо именно общее число рабочих показывает величину мастерской и степень применения кооперации в производстве) и определить роль семейного и наемного труда в каждой группе. Берем 4 группы: 1) заведения с 1 рабочим; 2) с 2—4 раб.; 3) с 5—9 раб.; 4) с 10 и более рабочими. Такое деление, по общему числу рабочих, тем более необходимо, что заведения, напр., с 1 рабочим и с 10 представляют из себя, очевидно, совершенно различные экономические типы; соединять их вместе и выводить «средние» было бы совершенно нелепым приемом, как это мы увидим ниже на данных «Очерка». Указанная группировка дает такие данные (см. таблицу на следующей странице):

Таким образом эти детальные данные вполне подтверждают высказанное выше, парадоксальное с первого взгляда, положение: чем больше размер заведения по общему числу рабочих, тем больше семейных рабочих приходится на 1 заведение, тем шире,

Группы заведений по общему числу рабочих.	Число заведений.	Число рабочих.			Число заведений с наемн. рабоч.	% их.	На 1 заведение приходится раб.		
		Семейных.	Наемных.	Всего.			Семейных.	Наемных.	Всего.
Заведение с 1 рабоч. . . .	345	343	2	345	2	0,5	0,995	0,005	1,00
„ „ 2—4 рабоч. . .	319	559	251	810	143	44,8	1,76	0,78	2,54
„ „ 5—9 „ . .	59	111	249	360	53	89,8	1,88	4,22	6,10
„ „ 10 и более . .	26	56	374	430	26	100	2,15	14,38	16,53
Всего. .	749	1.069	876	1.945	224	29,9	1,43	1,16	2,59

след., «семейная кооперация», но вместе с тем расширяется и капиталистическая кооперация и расширяется несравненно быстрее. Более зажиточные кустари, несмотря на обладание большим числом семейных рабочих, нанимают еще помногу наемных рабочих: «семейная кооперация» является залогом и основанием капиталистической кооперации.

Посмотрим на данные переписи 1894—1895 года о семейном и наемном труде. По числу семейных рабочих заведения распределяются так:

		В %
Заведений с 0 семейных рабочих . . .	97	1,1
„ „ 1 „ „ . . .	4.787	53,2
„ „ 2 „ „ . . .	2.770	30,8
„ „ 3 „ „ . . .	898	10,0
„ „ 4 „ „ . . .	279	3,1
„ „ 5 и больше „ . . .	160	1,8
Всего	8.991	100

Надо отметить здесь преобладание одиночек: их более половины. Если бы мы допустили даже, что все заведения, соединяющие семейный и наемный труд, имеют не более одного семейного рабочего, то и тогда оказалось бы, что полных одночек $2^1/_2$ тысячи. Это—представители самых разрозненных производителей, представители наибольшего разобщения мелких мастерских,—разобщения, свойственного вообще хваленому «народному производству». Посмотрим на противоположный полюс, на самые крупные мастерские:

			В %		Число наемных рабочих *).		На 1 заведен. наемных рабочих.	
Заведения с 0 наемн. рабочих .	6.567		73,1		—		—	
„ „ 1 „ „ .	1.537		17,2		1.537		1	
„ „ 2 „ „ .	457		5,1		914		2	
„ „ 3 „ „ .	213		2,3		639		3	
„ „ 4 „ „ .	83		0,9		352		4	
„ „ 5 „ „ .	44		0,5		220		5	
„ „ 6—9 „ „ .	41	85	0,4	0,9	290	1.242	7,7	14.6
„ „ 10 и более „ .	44		0,5		952		21,7	
Всего	8.991		100		4.904		0,5	

Таким образом «мелкие» заведения кустарей достигают иногда внушительных размеров: в 85 наиболее крупных заведениях сосредоточена почти четвертая часть всего числа наемных рабочих; в среднем одно такое заведение имеет по 14,6 частных рабочих. Это уже фабриканты, владельцы капиталистических заведений **). Кооперация на капиталистических началах находит себе здесь солидное применение: при 15 рабочих на заведение возможно и разделение труда в более или менее значительном размере, достигается большая экономия в помещении и инструментах при более богатом и разнообразном количестве их. Заготовка сырья и сбыт продукта необходимо совершается здесь в крупных размерах, что в значительной степени удешевляет сырые материалы, расходы на доставку, облегчает сбыт, дает возможность правильных коммерческих сношений. Ниже, приводя сведения о доходах, мы увидим подтверждение этого переписью 1894—1895 года. Здесь же достаточно указать на эти общеизвестные теоретические положения. Понятно отсюда, что и техническая и экономическая физиономия таких заведений радикально отличается от мастерских одиночек, и нельзя не надивиться тому, что пермские статистики решились тем не менее соединять их вместе и выводить общие «средние». Уже a priori можно сказать, что такие средние будут совершенно фиктивны, и что разработка подворных данных необходимо должна была, помимо разделения кустарей на группы и подгруппы, привести разделение их на категории по числу рабочих в заведении (и семейных и наемных вместе). Без такого разделения немыслимо получить точные данные ни о доходах, ни об условиях закупки сырья и сбыта продуктов, ни о технике

*) Вычислено по данным «Очерка» (стр. 54 и общее число наемн. рабочих).

**) Из наших «фабрик и заводов» (так называемых в официальной статистике) громадное большинство имеет менее 16 рабочих, именно, 15 тыс. из 21 тыс. См. «Указатель фабрик и заводов за 1890 г.».

производства, ни о положении наемных рабочих сравнительно с одиночками, ни о соотношении крупных и мелких мастерских,— а это все важнейшие вопросы по изучению экономики «кустарничества». Пермские исследователи пытаются, разумеется, ослабить значение капиталистических мастерских. Если есть заведения с 5 и более семейными рабочими,—рассуждают они,—значит, конкуренция «капиталистической» и «кустарной формы производства» (sic!) может иметь значение лишь тогда, когда в заведении более пяти наемных рабочих, а таких заведений всего 1%. Рассуждение чисто искусственное: во-первых, заведения с 5 сем. и с 5 наемн. рабочими—пустая абстракция, обязанная своим существованием недостаточной разработке данных, ибо наемный труд комбинируется с семейным. Заведение с 3 сем. рабочими, нанимая еще 3-х рабочих, будет иметь более 5 рабочих и стоять совсем в особых условиях конкуренции сравнительно с одиночками. Во-вторых, если статистики действительно желали исследовать вопрос о «конкуренции» отдельных заведений, различающихся по употреблению наемного труда, то отчего бы им не обратиться к данным подворной переписи? отчего бы не сгруппировать заведения по числу рабочих и привести цифры доходности? не уместнее ли было бы со стороны статистиков, имеющих в руках богатейший материал, фактическое изучение вопроса, чем преподнесение читателю всякой отсебятины и торопливость перейти от фактов к «сражению» врагов народничества?

...«С точки зрения сторонников капитализма этот процент, быть может, будет признан достаточным для предсказаний о неминуемом вырождении кустарной формы в капиталистическую, но в действительности он никакого в данном отношении угрожающего симптома не представляет, в особенности в виду следующих обстоятельств» (стр. 57...)

Неправда ли, как это мило! Вместо того, чтобы потрудиться выбрать из имеющегося под руками материала точные данные о капиталистических заведениях, авторы сложили эти заведения вместе с одиночками и пускаются возражать каким-то «предсказателям»!—Не знаем, что стали бы «предсказывать» какие-то неприятные для пермских статистиков «сторонники капитализма», а мы, с своей стороны, скажем лишь, что все эти фразы только прикрывают попытку отвернуться от фактов. А факты говорят, что никакой особой «кустарной формы производства» нет (это вымысел «кустарных» экономистов), что из мелких товаропроизводителей вырастают крупные капиталистические заведения (в таблицах мы встретили кустаря с 65 наемными рабочими!

стр. 169), что обязанностью исследователей было так группировать данные, чтобы мы могли исследовать этот процесс, сравнить различные заведения по мере приближения их к капиталистическим. Пермские статистики не только сами этого не сделали, но и нас лишили возможности это сделать, ибо в таблицах все заведения данной подгруппы сложены вместе, и выделить фабриканта от одиночки нельзя. Свой пробел составители прикрывают пустяковинными тенденциями. Крупных заведений, изволите видеть, всего 1%, и за исключением их выводы, сделанные на основании 99%, не изменяется (стр. 56).—Но ведь этот один процент, эта одна сотая не равна другим сотым! Одно крупное заведение покрывает более 15 заведений тех одиночек, которые дают более 30 «сотых» (от всего числа заведений)! Это расчет по числу рабочих. А если бы взять данные о валовом производстве или о чистой доходности, то оказалось бы, что одно крупное заведение покрывает не 15, а, может быть, 30 заведений*). В этой «одной сотой» заведений сосредоточена четверть всех наемных рабочих, что дает в среднем на одно заведение 14,6 рабочих. Чтобы иллюстрировать несколько для читателя эту последнюю цифру, возьмем цифры «Свода данных о фабричной заводской промышленности в России» (издание департамента торговли и мануфактур) по Пермской губернии. Так как цифры сильно колеблются по годам, то берем среднее за 7 лет (1885—1891). Получаем цифру «фабрик и заводов» (в смысле нашей официальной статистики) в Пермской губернии 885 с производством на сумму 22.645 тыс. руб. и с 13.006 рабочими, что дает в «среднем» на 1 фабрику именно 14,6 рабочих.

В подтверждение своего мнения, что крупные заведения не имеют важного значения, составители «Очерка» ссылаются на то, что из числа наемных рабочих у кустарей очень немного годовых рабочих (8%), большинство же задельщики (37%), сроковые (30%) и поденные (25%, стр. 51). Задельщики «обыкновенно работают у себя на дому, своими собственными инструментами, на своих харчах», а поденщики приглашаются «временно», подобно сельско-хозяйственным рабочим. При таких условиях, «относительно большое число наемных рабочих не служит еще для нас несомненным признаком капиталистического типа этих заве-

---

*) Ниже будут приведены данные о распределении заведений по чистой доходности. По этим данным, в 2.376 заведениях с минимальным доходом (до 50 руб.) чистый доход=77.900 руб., а в 80 заведениях с максимальным доходом—83.150 руб. На 1 «заведение» это дает 32 руб. и 1.039 р.

дений» (56)... «Ни задельщик, ни поденщик вообще, по нашему убеждению, не создают кадров рабочего класса, подобно западно-европейскому пролетариату; такими кадрами могут быть только постоянные годовые рабочие».

Мы не можем не похвалить пермских народников за то, что они интересуются вопросом об отношении русских наемных рабочих к «западно-европейскому пролетариату». Вопрос интересный, что и говорить! Но мы все-таки предпочли бы слышать от статистиков утверждения, основанные на фактах, а не на «убеждении». Не всегда ведь заявление своего «убеждения» может убедить других... Не лучше ли было бы, вместо того, чтобы рассказывать читателю об «убеждении» г.г. NN и MM, сообщить побольше фактов? А то вот фактов о положении наемных рабочих, об условиях труда, о рабочем дне в заведениях разной величины, о семьях наемных рабочих и т. д. сообщено в «Очерке» до невероятия мало. Если бы рассуждения об отличии русских рабочих от западно-европейского пролетариата служили только для прикрытия этого пробела, то нам пришлось бы взять назад свою похвалу...

Все, что мы знаем из «Очерка» о наемных рабочих, это— деление их на 4 категории: годовые, сроковые, задельщики и поденщики. Для ознакомления с этими категориями приходится обратиться к данным, разбросанным по книге. По 29 промыслам (из 43) указано число рабочих каждой категории и заработок их. В этих 29 промыслах 4.795 наемных рабочих с заработком в 233.784 рубля. Во всех же 43 промыслах 4.904 наемн. рабочих с заработком в 238.992 руб. Значит, наша сводка обнимает 98% наемных рабочих и их заработка. Вот, en régald, цифры «Очерка» *) и нашей сводки:

	Число наемных рабочих по „Очерку“.	%	ЦИФРЫ СВОДКИ. Число наемн. рабочих.	%	Заработок их: Всего руб.	На 1-го рабочего.	% **)
Годовые	379	8	351	7,4	26.978	76,8	100
Сроковые	1.496	30	1.432	29,8	40.958	28,6	37
Задельные	1.812	37	1.577	32,9	92.357	58,5	76,1
Поденные	1.217	35	1.435	29,9	73.491	51,2	66,7
Всего . . .	4.904	100	4.975	100	233.684	48,7	

*) Стр. 50. В «Очерке» не сведены данные о величине заработка.
**) Заработок годового рабочего принят за 100.

Оказывается, что в сводке «Очерка» есть либо ошибки, либо опечатки. Но это мимоходом. Главный интерес—данные о заработке. Заработок задельщиков, про которых в «Очерке» говорится, что «задельный труд в сущности есть ближайшая стадия на пути к хозяйской самостоятельности» (стр. 51—тоже, вероятно, «по нашему убеждению»?),—оказывается значительно ниже заработка годового рабочего. Если утверждение статистиков, что годовой рабочий обыкновенно живет на хозяйских харчах, а задельщик на своих, основано не только на их «убеждении», но и на фактах, то эта разница будет еще больше. Странным же образом пермские кустари-хозяева обеспечивают своим рабочим «путь к самостоятельности»! Это обеспечение состоит в понижении заработной платы... Колебания рабочего периода, как увидим, не так велики, чтобы объяснить эту разницу. Далее, весьма интересно отметить, что заработок поденщика составляет 66,7% заработка годового рабочего. След., каждый поденщик занят, в среднем, около 8 месяцев в году. Очевидно, что тут гораздо правильнее было бы говорить о «временном» отвлечении от промышленности (если поденщики действительно сами отвлекаются от промышленности, а не хозяин оставляет их без работы), чем о «господствующем временном элементе наемного труда» (стр. 52).

III.

«Общинно-трудовая преемственность».

Большой интерес представляют собранные кустарною переписью почти о всех исследованных заведениях сведения о времени возникновения их. Вот общие данные об этом:

Число заведений, основанных	до 1845 года	640
	в 1845—55 гг.	251
	„ 1855—65 „	533
	„ 1865—75 „	1.339
	„ 1875—85 „	2.652
	„ 1885—95 „	3.469
	Всего	8.881

Мы видим, след., что пореформенная эпоха вызвала особое развитие кустарной промышленности. Условия, благоприятствующие этому развитию, действовали и действуют, видимо, чем дальше, тем сильнее, ибо в каждое последующее десятилетие открывается все больше и больше заведений. Это явление на-

глядно свидетельствует о той силе, с которой идет в крестьянстве развитие товарного производства, отделение земледелия от промышленности, рост торговли и промышленности вообще. Мы говорим: «отделение земледелия от промышленности», ибо это отделение начинается раньше, чем отделение земледельцев от промышленников: всякое предприятие, производящее продукты на рынок, вызывает обмен между земледельцами и промышленниками. Следовательно, появление такого предприятия означает прекращение домашней выделки продукта земледельцами и покупку его на рынке, а эта покупка требует продажи крестьянином сельско-хозяйственных продуктов. Рост числа торгово-промышленных предприятий знаменует таким образом растущее общественное разделение труда, это общее основание товарного хозяйства и капитализма *).

В народнической литературе высказывалось мнение, что быстрое развитие после реформы мелкого производства в промышленности означает явление не капиталистического характера. Рассуждали так, что рост мелкого производства доказывает его силу и жизненность по сравнению с крупным (г. В. В.). Рассуждение это совершенно неправильно. Рост мелкого производства в крестьянстве означает появление новых производств, выделение новых отраслей обработки сырья в самостоятельные сферы промышленности, прогресс в общественном разделении труда, начальный процесс капитализма, тогда как поглощение мелких заведений крупными означает уже дальнейший шаг капитализма, ведущий к победе высших форм его. Распространение мелких заведений в крестьянстве расширяет товарное хозяйство, подготовляет почву для капитализма (создавая мелких хозяйчиков и наемных рабочих), а поглощение мелких заведений мануфактурой и фабрикой есть утилизация крупным капиталом этой подготовленной почвы. Совмещение в одной стране в одно время двух этих, повидимому, противоречивых, процессов на самом деле не заключает в себе никакого противоречия: вполне естественно, что капитализм в более развитой области страны или в более развитой области промышленности прогрессирует тем, что стягивает мелких кустарей на механическую фабрику, тогда как в захолустных местностях или в отсталых отраслях промышленности процесс развития капитализма только начинается, проявляясь в возникновении новых производств и промыслов. Капиталистическая мануфактура «овла-

*) Поэтому, если бы нападки г-на Н. —она на «отделение промышленности от земледелия» не были платоническими воздыханиями романтика, то он должен бы был оплакивать и появление каждого кустарного заведения.

девает национальным производством лишь очень постепенно, основываясь всегда на городском ремесле и сельских домашних побочных промыслах, как на широком базисе (Hintergrund). Уничтожая эти побочные промыслы в одной их форме, в известных отраслях промышленности, на известных пунктах, она вызывает их снова к жизни на других» (Das Kapital, I², S. 779) *).

В «Очерке» данные о времени возникновения заведений разработаны тоже недостаточно: даны лишь поуездные сведения, а по группам и подгруппам сведений о времени возникновения заведений не сообщено; нет также и других группировок (по размеру заведений, по месту нахождения заведений в центре промысла или в окрестных селениях и т. п.). Не разработав данных переписи даже по принятым ими самими группам и подгруппам, пермские народники и здесь сочли нужным преподнести читателю сентенции, поражающие своей ультра-народнической елейностью и... вздорностью. Пермские статистики сделали открытие, что в «кустарной форме производства» существует особая «форма преемственности» заведений, именно «общинно-трудовая», тогда как в капиталистической промышленности господствует «наследственно-имущественная преемственность», что «общинно-трудовая преемственность органически превращает наемного рабочего в самостоятельного хозяина» (sic!), выражаясь в том, что когда умирает хозяин заведения, не оставляя среди наследников семейных рабочих, то промысел переходит в другую семью, «быть может, наемному рабочему в том же заведении», а также в том, что общинное землевладение и хозяину кустарно-промышленного предприятия и его наемному рабочему одинаково гарантирует трудовую промышленную самостоятельность» (стр. 7, 68 и др.).

Мы не сомневаемся, что это сочиненное пермскими народниками «общинно-трудовое начало преемственности кустарных промыслов» займет надлежащее место в будущей истории литературы рядом с такой же сладенькой теорией г.г. В. В., Н.—она и пр. о «народном производстве». Обе теории одного пошиба: обе подкрашивают и извращают действительность посредством маниловских фраз. Всякий знает, что и у кустарей заведения, материалы, орудия и проч. составляют находящееся в частной собственности и м у щ е с т в о, переходящее по н а с л е д с т в у, а вовсе не по какому-то общинному праву, что община нисколько не гарантирует самостоятельности не только в промышленности, но даже в земледелии, что внутри общины идет такая же хозяй-

*) «Капитал», т. I, стр. 772 русск. изд под ред. И. Степанова. 1920. Р е д.

ственная борьба и эксплоатация, как и вне ее. В особую теорию «общинно-трудового начала» превращен тот простой факт, что мелкий хозяйчик, при небольшом капитальце, должен трудиться и сам, что наемный рабочий может сделаться хозяином (конечно, если будет бережлив и воздержан), чему и бывают примеры, сообщаемые в «Очерке» на стр. 69... Все теоретики мещанства всегда утешались тем, что в мелком производстве рабочий может стать хозяином, и все они никогда не шли в своих идеалах дальше того, чтобы превратить рабочих в хозяйчиков. В «Очерке» делается даже попытка указать «статистические данные», констатирующие начало общинно-трудовой преемственности» (45). Данные относятся к кожевенному промыслу. Из 149 заведений 90 (т.-е. 70%) основаны после 1870 г., между тем в 1869 г. кустарных кожевен считалось 161 (по «списку населенных мест»), а в 1895—153. Значит, промысел переходил из одних семей в другие, в чем и усматривается «принцип общинно-трудовой преемственности». Само собою разумеется, что смешно и спорить против этого желания видеть особый «принцип» в том, что мелкие заведения легко открываются и закрываются, легко переходят из рук в руки и т .д. Добавим только в частности о кожевенном промысле, что, во-первых, данные о времени возникновения заведений в нем показывают, что он развивался во времени значительно медленнее, чем остальные промыслы; во-вторых, совершенно ненадежно сравнение 1869 и 1895 годов, так как понятие «кустарной кожевни» постоянно путают с понятием «кожевенный завод». В 1860-х годах громадное большинство «дубильных заводов» (по статистике фабрик и заводов) имели в Пермской губернии сумму производства менее 1.00 руб. (См. «Ежегодник М-ва Финансов». Вып I, Спб. 1869. Таблицы и примечания), тогда как в 1890-х годах, с одной стороны, заведения с производством менее 1.000 р. исключались из числа фабрик и заводов; с другой стороны, в число «кустарных кожевен» попало много заведений с производством более 1.000 р., попали заводы с производством в 5—10 тыс. руб. и более (стр. 70 «Очерка». Стр. 149—150 таблиц). При такой абсолютной неопределенности различия между кустарной и заводской кожевней, какое значение может иметь сравнение данных 1869 и 1895 годов? В-третьих, если бы даже верно было, что число кожевен уменьшилось,—разве это не могло бы значить, что позакрывалось много мелких заведений, взамен которых поотрывались постепенно более крупные? Неужели подобная «смена» тоже подтвердила бы «принцип общинно-трудовой преемственности»?

И, в довершение курьеза, все эти сладенькие фразы об «общинно-трудовом принципе», о «гарантии общинной трудовой самостоятельности» и т. д. говорятся как раз о том кожевенном промысле, в котором земледельцы-кустари представляют из себя чистейший тип мелких буржуа (см. ниже) и который гигантски концентрирован в трех крупных заведениях (заводах), попавших в число кустарей на-ряду с одиночками-кустарями и ремесленниками. Вот данные об этой концентрации:

Всего в промысле 148 заведений. Рабочих 267 семейных+172 наемных=439. Сумма производства=151.022 р. Чистый доход=26.207 р. в том числе—3 заведения, в коих рабочих 0 семейных+65 наемных=65. Сумма производства=44.275 р. Чистый доход=3.391 р. (стр. 70 текста и стр. 149 и 150 таблиц).

То-есть три заведения из 148 («только 2,1%», как успокоительно говорится в «Очерке», стр. 76) концентрируют почти треть всего производства «кустарного кожевенного промысла», давая своим хозяевам тысячные доходы без всякого участия их в производстве. Мы увидим ниже много примеров таких курьезов и по другим промыслам. Но в описании этого промысла авторы «Очерка», в виде исключения, остановились на указанных трех заведениях. Об одном из них сообщается, что хозяин (земледелец!) «занят, очевидно, только торговыми операциями, имея свои кожевенные лавки в селе Белоярском и г. Екатеринбурге» (стр. 76). Примерчик того, как капитал, вложенный в производство, соединяется с капиталом, вложенным в торговлю. К сведению авторов «Очерка», изображающих «кулачество» и торговые операции как нечто наносное, оторванное от производства! В другом заведении семья состоит из 5 человек мужчин, но ни один из них не работает: «отец занят торговыми операциями по своему производству, а сыновья (в возрасте от 18 до 53 лет), все грамотные, пошли, очевидно, по другим колеям, более привлекательным, чем перекладывание кож из чана в чан и переполаскивание их» (стр. 77). Авторы великодушно соглашаются, что эти заведения «характер имеют капиталистический», «но на вопрос о том, в какой степени будущность этих предприятий обеспечена на началах наследственно-имущественной передачи, решительный ответ может дать только само будущее» (76). О, глубокомыслие! «На вопрос о будущем может дать ответ только будущее». Святая истина! Но неужели это—достаточное основание для того, чтобы извращать настоящее?

Статья вторая.

(IV. Земледелие „кустарей“.— V. Крупные и мелкие заведения.—Доходы кустарей.)

IV.

Земледелие «кустарей».

Подворная перепись кустарей-хозяев и хозяйчиков собрала интересные данные о земледелии их. Вот эти данные, сведенные в «Очерке» по подгруппам:

Подгруппы:	Приходится на 1 двор. Десятин посева.	Лошадей *).	Процент дворов. Коров *).	Безлошадных.	Бескоровных.
1. (Товаропроизводители)	7,1	2,1	2,2	7,4	5
2. (Ремесленники)	6,2	1,9	2,1	9,0	6
3. (Работающие на скупщ.) . . .	4,5	1,4	1,3	61,0	13
Всего	6,3	1,8	2,0	9,5	6

Итак, чем зажиточнее кустари, как промышленники, тем состоятельнее они, как земледельцы. Чем ниже они стоят по роли в производстве, тем ниже они, как земледельцы. Данные кустарной переписи вполне подтверждают, следовательно, высказанное уже в литературе мнение, что разложение кустарей в промышленности идет рука об руку с разложением тех же крестьян, как земледельцев (А. Волгин. Обоснование народничества и т. д., стр. 211 и сл.). Так как наемные рабочие у кустарей стоят еще ниже, (или не выше), чем работающие на скупщиков кустари, то мы в праве заключить, что среди них есть больше разоренных земледельцев. Подворная перепись, как уже было замечено, не коснулась наемных рабочих. Во всяком случае и приведенные данные наглядно показывают, как забавно утверждение «Очерка», будто «общинное землевладение одинаково гарантирует трудовую промышленную самостоятельность и хозяину кустарно-промышленного заведения и его наемному рабочему».

Отсутствие детальных данных о земледелии одиночек, мелких и крупных хозяев сказывается на разбираемых данных особенно

*) В «Очерке» в этих цифрах, видимо, опечатка (см. стр. 58), исправленная нами.

резко. Чтобы пополнить хотя отчасти этот пробел, мы должны обратиться к данным по отдельным промыслам; иногда попадаются сведения о числе земледельческих рабочих у хозяев *), но общей сводки этих сведений в «Очерке» нет.

Вот кожевники-земледельцы—131 хозяйство. У них 124 земледельческих наемных работника; 16,9 дес. посева на двор и 4,6 лошадей; коров по 4,1 (стр. 71). Наемные рабочие (73 годовых и 51 срочный) получают 2.494 р. заработной платы, т.-е. по 20,7 руб. на одного, тогда как средняя плата рабочему в кожевенном промысле составляет 52 руб. И здесь, след., наблюдается общее всем капиталистическим странам явление более низкого положения рабочих в земледелии, чем в промышленности. «Кустари»-кожевники, очевидно, чистейший тип крестьянской буржуазии, и пресловутое, столь расхваленное народниками, «соединение промысла с земледелием» состоит в том, что зажиточные хозяева торгово-промышленных заведений переносят капитал из торговли и промышленности в земледелие, платя своим батракам неимоверно низкие платы **).

Вот кустари-маслобойщики. Земледельцев из них 173. На одно хозяйство приходится 10,1 дес. посева, 3,5 лошади и 3,3 коровы. Безлошадных и безкоровных дворов нет. Земледельческих рабочих 98 (годовых и сроковых) с платою 3.438 руб., т.-е. по 35,1 руб. на одного. «Выбой или жмыхи, получаемые при маслобойном производстве как отбросы, служат лучшим кормом для скота, благодаря чему является возможность вести унавоживание полей в более широких размерах. Таким образом от промысла для хозяйства получается тройная выгода: доход непосредственно от промысла, доход от скота и лучшие урожаи в полях» (164). «Земледелие ведется у них (маслобойщиков) в широких размерах, при чем многие не довольствуются душевыми наделами, но арендуют еще землю у малосемейных хозяйств» (168). Данные о распространении по уездам посевов льна и конопли показывают «некоторую связь между величиной посевов льна и конопли и рас-

---

*) Сроковой рабочий в земледелии получает всегда больше половины годовой платы. Положим, что здесь сроковые рабочие получают лишь половину платы годового рабочего. Тогда плата годового рабочего будет $\left(2492 : (73 + \frac{51}{2}\right) = 25{,}5$ рублей. По данным д-та земледелия средняя за 10 лет (1881—1891) зараб. плата сельскому годовому рабочему на хозяйских харчах составляет в Пермской губернии 50 руб.

**) Известно, что у крестьян нередко и промышленные рабочие принуждаются исполнять земледельческие работы. Ср. «Куст. пром. н т. д.», III, стр. 7.

пространением маслобойного промысла по уездам губернии» (170). Торгово-промышленные предприятия являются здесь, след., т.-наз. техническими сельскохозяйственными производствами, развитием которых всегда характеризуется прогресс торгового и капиталистического земледелия.

Вот мельники-хозяева. Большинство из них—земледельцы: 385 из 421. На один двор приходится 11,0 дес. посева, 3,0 лошади и 3,5 коровы. Земледельческих наемных рабочих 307 человек с платою 6.211 руб. Подобно маслобойному, «мукомольное производство является для хозяев мельниц орудием рыночного сбыта продуктов их собственного хозяйства в форме наиболее для них выгодной» (178).

Кажется, этих примеров вполне достаточно, чтобы показать, как нелепо понимать под «кустарем-земледельцем» нечто однородное, само по себе равное. Все приведенные земледельцы—представители мелкого буржуазного земледелия, и соединять такие типы с остальным крестьянством, в том числе и с разоренными хозяйствами, значит затушевывать самые характерные черты действительности.

В заключение описания маслобойного промысла составители пытаются возражать против «капиталистической доктрины», объявляющей расслоение крестьян эволюцией капитализма. Такое положение основывается, будто бы, на «совершенно произвольном утверждении, что указываемое расслоение есть факт позднейшего времени и представляет собой очевидный признак быстрого роста в крестьянской среде капиталистического режима de facto, несмотря на существование общинного землевладения de jure» (176). Составители возражают, что община никогда не исключала и не исключает имущественных расслоений, но она «не закрепляет их, не создает классов»; «эти переходящие расслоения с течением времени не обострялись, а, напротив, постепенно сглаживались» (177). Разумеется, подобное утверждение, в доказательство которого приводятся артели (о них ниже, § VII), семейные разделы (sic!) и земельные переделы (!), может вызвать только улыбку. Называть «произвольным» положение о росте и увеличении крестьянской диференциации, значит, игнорировать общеизвестные факты массового обезлошадения крестьян и забрасывания земли на-ряду с фактами технического прогресса в крестьянском хозяйстве» (ср. «Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве» г-на В. В.), развитие сдачи и заклада наделов на-ряду с ростом аренды, увеличение числа торгово-промышленных предприятий на-ряду с увеличением числа отхожих промышленников, этих бродячих наемных рабочих и т. д. и т. д.

Подворная перепись кустарей должна была дать богатый материал по крайне интересному вопросу об отношении доходов и заработков кустарей-земледельцев к доходам кустарей-неземледельцев. Все данные этого рода в таблицах есть, но сводки в «Очерке» не дано, и нам пришлось самим предпринять эту сводку по данным книги. Такая сводка основывалась, во-первых, на сводках «Очерка» по отдельным промыслам. Нам оставалось лишь складывать данные о разных промыслах. Но эта сводка дана в табличной форме не по всем промыслам. Иногда приходилось убеждаться, что в нее вкрались ошибки или опечатки,—естественный результат отсутствия проверочных итогов. Во-вторых, сводка основывалась на выборке числовых данных из описаний некоторых промыслов. В-третьих, при отсутствии и того и другого источника, приходилось обращаться прямо к таблицам (напр., по последнему промыслу: «добыча ископаемых»). Понятно само собой, что подобная разнохарактерность материала в нашей сводке не могла не вести к ошибкам и неточностям. Мы полагаем однако, что хотя общие итоги нашей сводки и не могли сойтись с итогами таблицы, тем не менее, выводы из сводки вполне могут служить цели, ибо средние величины и отношения (которыми мы только и пользуемся для выводов) изменились бы при всяком исправлении крайне незначительно. Напр., по итогам таблиц в «Очерке» размер валового дохода на 1 рабочего равен 134,8 руб., а по нашей сводке — 133,3 руб. Чистый доход на одного семейного рабочего 69,0 руб. и 68,0 руб. Заработок 1 наемного рабочего 48,7 руб. и 48,6 руб.

Вот результаты этой сводки, определящие величину валового дохода, чистого дохода и заработка наемных раобчих по группам и подгруппам (см. таблицу на след. стр.).

Вот главные результаты этой таблицы:

1) Неземледельческое промышленное население принимает несравненно большее участие в промысле (по сравнению с своей численностью), чем земледельческое. По числу рабочих, неземледельцев вдвое меньше, чем земледельцев. По валовому же производству, они составляют почти половину, давая 1.276.772 руб. из 2.645.007, т.-е. 48,1%. По доходу же от производства, т.-е. по размеру чистого дохода хозяев плюс заработная плата наемных рабочих, неземледельцы даже преобладают над земледельцами, давая 647.666 руб. из 1.260.335, т.-е. 51,4%. Оказывается, следовательно, что будучи в меньшинстве по числу, неземледельцы-промышленники не уступают земледельцам по величине производства. Факт этот весьма важен для оценки традиционного народ-

Группы.	Подгруппы.	Число заведений.	Число рабочих.			Валовой доход в руб.		Чистый доход хозяйст. в руб.		Заработная плата в руб		Чистый доход и заработная плата вместе.	Число задолжен. хозяйств.
			Семейн.	Наемн.	Всего.	Всего.	На 1 рабочего.	Всего.	На 1 семейн. р.	Всего.	На 1 наемн. раб.		
I	1	2.239	4.122	1.726	5.848	758.493	129,7	204.004	49,5	74.558	43,2	278.532	225
„	2	2.841	4.249	712	4.961	383.441	77,3	186.719	43,9	34.937	49,0	221.656	93
„	3	1.016	1.878	583	2.461	236.301	95,9	91.916	48,9	20.535	35,0	112.451	394
Итого по I группе		6.096	10.249	3.024	13.273	1.378.235	103,8	482.639	47,1	130.030	43,0	612.669	6[illegible]2
II	1	959	1.672	738	2.410	605.509	251,2	220.713	13,2	45.949	62,2	266 662	176
„	2	595	876	272	1.148	178.916	155,0	90.203	102,9	18.404	67,6	108.607	51
„	3	1.320	2.231	852	3.033	492.347	159,0	229.108	102,7	43.289	50,8	272.397	262
Итого по II группе		2.874	4.779	1.862	6.641	1.276.772	192,2	540.024	113,0	107.642	57,8	647.666	489
ВСЕГО		8.970	15 028	4.886	19 914	2.655.007	133,3	1.022 663	68,0	237.672	48,6	1.260.335	1.111

нического учения о земледелии, как «главном устое» так-назыв. кустарной промышленности.

Из этого факта естественно следуют и другие выводы:

2) Валовое производство неземледельцев (валовой доход), по расчету на 1 рабочего, значительно выше, чем земледельцев: 192,2 руб. против 103,8, т.-е. без малого в д в о е больше. Как увидим ниже, рабочий период неземледельцев длиннее, чем земледельцев, но эта разница далеко не так велика, так что большая производительность труда у неземледельцев не может подлежать сомнению. Меньше всего эта разница в 3-й подгруппе, у кустарей, работающих на скупщиков, что вполне естественно.

3) Чистый доход хозяев и хозяйчиков у неземледельцев б о л е е ч е м в д в о е выше, чем у земледельцев: 113,0 руб. против 47,1 р. (почти в $2^1/_2$ раза). Различие это проходит по всем подгруппам, но всего выше оно в 1-й подгруппе, у кустарей, работающих на вольную продажу. Само собою разумеется, что эта разница тем менее может быть объяснена различием рабочих периодов. Не может подлежать сомнению, что эта разница зависит от того, что с в я з ь с з е м л е й п о н и ж а е т д о х о д п р о м ы ш л е н н и к о в: рынок усчитывает доход кустарей от земледелия, и земледельцы вынуждены довольствоваться низшим заработком. Сюда присоединяются, вероятно, и бо́льшие потери на сбыте у земледельцев, и большие расходы на закупку материалов, и большая зависимость от торговцев. Факт во всяком случае тот, что с в я з ь с з е м л е й п о н и ж а е т з а р а б о т о к к у с т а р я. Нам нечего распространяться о громадном значении этого факта, выясняющего истинное значение «власти земли» в современном обществе. Стоит вспомнить, какое громадное значение имеет низкий размер заработка в удержании кабальных и примитивных способов производства, в задержке употребления машин, в понижении жизненного уровня рабочих *).

---

*) Заметим по поводу этого последнего (по важности первого) пункта, что в «Очерке», к сожалению, нет данных об уровне жизни земледельцев и неземледельцев. Но другие исследователи отметили и для Пермской губ. обычное явление несравненно более высокого уровня жизни у промышленников-неземлевладельцев сравнительно с «серыми» земледельцами. Ср. «Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России» изд. М-ва З. и Г. Им., т. III, статья Егунова. Автор указывает на совершенно «городской» уровень жизни в некоторых безземельных селах, на стремление кустаря-неземледельца одеваться и жить «по-людски» (европейская одежда до крахмальной сорочки включительно; самовар; большое потребление чая, сахара, белого хлеба, говядины и т. д.). Автор опирается на бюджеты земско-статистических изданий.

4) Заработная плата наемных рабочих тоже везде выше у неземледельцев, чем у земледельцев, но разница эта далеко не так велика, как в доходе хозяев. Вообще по всем трем подгруппам наемный рабочий у хозяина-земледельца зарабатывает 43,0 руб., а у неземледельца—57,8 руб., т.-е. на $^1/_3$ больше. Эта разница может в значительной степени (но и то не вполне) зависеть от различий работ периода. Об отношении же этой разницы к связи с землей мы не можем судить, ибо не имеем данных о наемных рабочих земледельцах и неземледельцах. Кроме влияния рабочего периода сказывается, конечно, и тут влияние разного уровня потребностей.

5) Разница между величиной дохода хозяев и заработной платой наемным рабочим несравненно больше у неземледельцев, чем у земледельцев: по всем трем подгруппам у неземледельцев доход хозяина почти вдвое выше заработка наемника (113 руб. против 57,8), тогда как уземледельцев доход хозяина выше на незначительную сумму—*4,1* рубля (47,1 и 43,0)! Если эти цифры поразительны, то еще более приходится сказать это о ремесленниках-земледельцах (1, 2), у которых доход хозяев ниже заработной платы наемных рабочих! Однако это явление станет вполне понятным, когда мы приведем ниже данные о громадных различиях величины дохода в крупных и мелких заведениях. Повышая производительность труда, крупные заведения дают возможность платить наемную плату, превосходящую доход бедноты,—одиночек кустарей, «самостоятельность» которых оказывается, при подчинении их рынку, совершенно фиктивной. Эта громадная разница между доходами крупных и мелких заведений сказывается в обеих группах, но у земледельцев гораздо сильнее (вследствие бо́льшего приижения мелких кустарей). Ничтожная разница между доходом хозяйчика и заработком наемника показывает наглядно, что доход мелкого кустаря-земледельца, не держащего наемников, не выше, а зачастую и ниже заработной платы наемному рабочему. В самом деле, величина чистого дохода хозяина (47,1 р. на 1 семейного рабочего) есть средняя величина для всех заведений, крупных и мелких, для фабрикантов и одиночек. Понятно, что у крупных хозяев разница между чистыми доходами хозяина и заработком наемника составляет не 4 рубля, а в 10—100 раз больше, а это означает, что доход мелкого кустаря, одиночки, значительно ниже 47 рублей, т.-е. этот доход не выше, а часто ниже заработной платы наемному рабочему. Данные кустарной переписи о распределении заведений по чистой доходности (см. ниже, § V) вполне подтверждают этот, повидимому,

парадоксальный вывод. Но эти данные касаются всех заведений вообще, без различения земледельцев, и вот почему для нас особенно важен данный результат, вышеприведенной таблицы: мы узнали, что самые низкие заработки принадлежат именно земледельцам, что «связь с землей» громадно понижает заработки.

Говоря о различии доходов у земледельцев и неземледельцев, мы уже упомянули, что нельзя объяснить его различием рабочих периодов. Посмотрим же на данные кустарной переписи по этому вопросу. В программу переписи, как мы узнали из «введения», вошло исследование «напряженности производства в течение года на основании числа семьян и наемных рабочих, занятых производством по месяцам» (стр. 14). Так как перепись была подворная, т.-е. каждое заведение исследовалось отдельно (к сожалению, к «Очерку» не приложена форма подворного бланка), то надо предположить, что о каждом заведении собирались данные о числе рабочих по месяцам, или о продолжительности рабочих месяцев в году в каждом заведении. Эти данные сведены в «Очерке» в одну таблицу (стр. 57, 58), в которой для каждой подгруппы обеих групп указано число рабочих (семьян и наемных вместе), занятых в каждый месяц года.

Попытка кустарной переписи 1894—5 года определить с такой точностью число рабочих месяцев у кустарей чрезвычайно поучительна и интересна. Действительно, без таких сведений данные о доходах и заработках были бы неполны, и статистические выкладки были бы лишь приблизительны. Но, к сожалению, данные о рабочем периоде обработаны весьма недостаточно: кроме этой общей таблицы даны лишь сведения для некоторых промыслов о числе рабочих по месяцам, иногда с разделением по группам, иногда без такого разделения; разделения же по подгруппам нет ни по одному промыслу. Выделение крупных заведений было бы по этому вопросу особенно важно, ибо мы в праве предположить,—и a priori и по данным других исследователей кустарной промышленности,—что рабочие периоды у крупных и мелких кустарей не одинаковы. Кроме того, самая таблица на стр. 57 составлена, видимо, не без ошибок или опечаток (напр., в месяцах: февраль, август, ноябрь; столбцы 2-й и 3-й во II группе, видимо, перепутаны, ибо число рабочих в 3-й подгруппе больше, чем во второй). Даже по исправлении этих неточностей (исправлении, иногда приблизительном) эта таблица возбуждает немало сомнений, которые делают пользование ею рискованным. В самом деле, рассматривая данные этой таблицы по под-

группам, мы видим, что в подгруппе 3-й (гр. I) maximum занятых рабочих приходится на декабрь, составляя 2.911 рабочих. Между тем, всего в 3-й подгруппе «Очерк» считает 2.551 рабочего. То же в 3-й подгруппе II группы: maximum—3.221, а действительное число рабочих—3.077. Наоборот, по подгруппам maximum занятых в один из месяцев рабочих меньше действительного числа рабочих. Как объяснить это явление? Тем ли, что по данному вопросу собраны сведения не о всех заведениях? Это очень вероятно, но в «Очерке» ни слова об этом. По 2-й подгруппе II группы не только maximum рабочих (февраль) больше действительного числа рабочих (1.882 против 1.163), но и среднее число рабочих, занятых в один месяц (т.-е. частное, полученное от деления суммы рабочих, занятых в 12 месяцев, на 12), больше действительного числа рабочих (1.265 против 1.163)!!! Спрашивается, какое же число рабочих регистраторы считали действительным: среднее ли за год, среднее ли за какой-нибудь период (напр., за зиму), или наличное число в один определенный месяц года? Рассмотрение данных о помесячном числе рабочих в отдельных промыслах не помогает разрешить все эти недоумения. По большинству из тех 23-х промыслов, о которых даны эти сведения, maximum занятых в один из месяцев года рабочих ниже действительного числа рабочих. По 1-м промыслам этот maximum выше действительного числа рабочих: по медноиздельному (239 против 233) и кузнечному (II группа—1.811 против 1.269). По двум промыслам, maximum равен действительному числу рабочих (веревочный и маслобойный, II группы).

При таких условиях пользоваться данными о помесячном распределении рабочих для сравнения их с суммами заработка, с действительным числом рабочих и т. п. оказывается невозможным. Остается только брать эти данные безотносительно к другим, сравнивать maxima и minima занятых по месяцам рабочих. Так и делается в «Очерке», но при этом сравниваются отдельные месяцы. Мы находим более правильным сравнивать зиму и лето: тогда мы можем проследить, насколько земледелие отвлекает рабочих от промысла. Мы брали среднее число рабочих, занятых зимой (октябрь—март), за норму и, прилагая эту норму к числу рабочих, занятых летом, получали число летних рабочих месяцев. Сумма зимних и летних месяцев давала число рабочих месяцев в году. Поясним примером. В 1-й подгруппе I группы в шесть зимних месяцев занято 18.060 рабочих; значит, в один зимний месяц занято в среднем (18.060 : 6=) 3.100 рабочих. Летом занято 12.345 рабочих, т.-е. рабочий период летом составляет (12345 : 3010)

4,1 мссяца. След., рабочий период в 1-й подгруппе I группы составляет 10,1 месяцев в году.

Такой прием обработки данных казался нам и самым правильным и самым удобным. Самым правильным—потому что он основан на сравнении зимних и летних месяцев, след., на точном определении того, насколько отвлекает рабочих от промысла земледелие. Что зимние месяцы взяты правильно, это подтверждается тем, что именно с октября и именно по март по обеим группам число рабочих выше среднего в году. Именно с сентября по октябрь число рабочих всего сильнее повышается, именно с марта по апрель оно всего сильнее падает. Впрочем, выбор других месяцев изменил бы выводы весьма незначительно. Самым удобным мы считаем взятый прием потому, что он выражает рабочий период точным числом, позволяя сравнивать в этом отношении группы и подгруппы.

Вот полученные по этому способу данные:

	Группа I.				Группа II.				По обеим группам.
	Подгруппы.			Всего.	Подгруппы.			Всего.	
	1	2	3		1	2	3		
Рабочий период в месяцах . .	10,4	0,6	19,5	10,0	10,0	10,4	10,9	10,5	10,2

Эти данные приводят к выводу, что разница в рабочем периоде у земледельцев и неземледельцев крайне мала: у неземледельцев рабочий период всего на 5% длиннее. Ничтожность этой разницы вызывает сомнение в правильности цифр. Мы предприняли некоторые вычисления и сводки разбросанного в книге материала для проверки их и пришли к следующим выводам:

Из 43-х промыслов по 23-м даны в «Очерке» сведения о помесячном распределении рабочих, при чем по 12 (13) *) промыслам эти сведения проведены по группам, а по 10 не проведены. Оказывается, что по трем промыслам (смоло-дегтярному, синильному п кирпичному) число рабочих летом больше, чем зимой: в шесть зимних месяцев занято всего 1.953 человека по всем этим трем промыслам, а в 6 летних—4.918 человек. Число земледельцев в этих промыслах громадно преобладает над неземледельцами, составляя 85,9% всего числа рабочих. Понятно, что соединение в общих итогах по группам этих летних, так-сказать, промыслов с остальными было совершенно неправильно, ибо это значило соединять разнородные вещи и искусственно повышать число лет-

*) Роговой промысел имеет лишь одну I группу.

них рабочих во всех промыслах. Чтобы исправить происходящую от этого ошибку, есть два средства. Первое—вычесть данные по этим трем промыслам из итогов «Очерка» по I и II группам *). Получаем рабочий период для I группы 9,6 месяцев, для II—10,4 месяца. Здесь разница между обеими группами больше, но все-таки она очень невелика: 8,3%. Второе средство исправить ошибку состоит в сводке данных по тем 12 промыслам, для которых даны в «Очерке» сведения о помесячном распределении рабочих в I и во II группе отдельно. Такая сводка охватит 70% всего числа кустарей, при чем сравнение между I и II группой будет правильнее. Оказалось, что по этим 12-ти промыслам рабочий период для I группы равен лишь 8,9 месяцам, а для II—10,7 месяцам, а по обеим группам вместе 9,7 месяцев. Здесь рабочий период у неземледельцев на 20,2% длиннее, чем у земледельцев. Земледельцы прекращают работы летом на 3,1 месяца, а неземледельцы—только на 1,3 месяца. Если мы возьмем максимальное отношение рабочих периодов во II и I группе за норму, то и тогда окажется, что не только различий в валовом производстве рабочих I и II группы или в частной доходности их заведений, но даже различий в заработной плате наемных рабочих у земледельцев и неземледельцев нельзя объяснить различием рабочих периодов. След., сделанный выше вывод, что связь с землей понижает заработки кустарей, остается в полной силе.

Поэтому следует признать ошибкой мнение составителей «Очерка», желающих объяснить различие в заработке земледельцев и неземледельцев различием рабочих периодов. Ошибка их произошла оттого, что они не пытались выразить различий рабочих периодов точными цифрами, и потому впали в заблуждение. Напр., на стр. 106-й в «Очерке» говорится, что различие заработков скорняков-земледельцев и скорняков-неземледельцев «определяется главным образом количеством рабочих дней, которые посвящаются промыслу». Между тем, доходы неземледельцев превышают доходы земледельцев по этому промыслу в 2—4 раза (на одного семейного рабочего в 1-й подгруппе 65 и 280 руб.; во 2-й—27 и 62 руб.), а рабочий период у неземледельцев длиннее всего на 28,7% (8,5 месяцев против 6,6).

Факт понижения заработка вследствие связи с землей не мог ускользнуть и от составителей «Очерка», которые однако выра-

---

*) Распределение рабочих этих трех промыслов между I и II группой делается приблизительно, взяв за норму 85,9% для I.

зили его обычной народнической формулой о «преимуществе» кустарной формы перед капиталистической: «соединяя земледелие с промыслом, кустарь... может продавать свои изделия дешевле фабричных» (с. 4), может, другими словами, довольствоваться меньшим заработком. Только в чем же тут «преимущество» связи с землей, если рынок настолько уже владычествует над всем производством страны, что усчитывает эту связь, понижая заработок кустаря-земледельца? если капитал умеет пользоваться этой «связью, для бо́льшего давления кустаря-земледельца, менее способного к самозащите, к выбору другого хозяина, другого покупателя, другого занятия? Положение заработной платы (и промышленного заработка вообще) при наличности у рабочего (и мелкого промышленника) клочка земли есть явление, общее всем капиталистическим странам,—явление, прекрасно известное всем предпринимателям, давным-давно оценившим громадные «преимущества» привязанных к земле рабочих. Только на гнилом Западе вещи прямо и называют их именем, а у нас понижение заработка, понижение жизненного уровня трудящихся, задержку введения машин, укрепление всяческой кабалы называют «преимуществом» «народного производства», «соединяющего земледелие с промыслом»...

В заключение обзора данных кустарной переписи 1894—5 г. о рабочем периоде нельзя опять-таки не выразить сожаления по поводу необработанности полученных данных и не пожелать, чтобы эта неудача не смутила других исследователей этого интересного вопроса. Прием исследования—определение помесячного распределения рабочих сил—нельзя не признать выбранным весьма удачно. Выше мы привели данные о рабочем периоде по группам и подгруппам. Данные по группам мы могли еще несколько проверить. Данные по подгруппам совершенно не проверены, ибо в книге нет еще абсолютно никаких сведений о различии в рабочем периоде по разным подгруппам. Поэтому, излагая эти данные, оговоримся, что нельзя ручаться за полную надежность их, и если мы делаем дальнейшие выводы, то лишь для того, чтобы поставить вопрос и обратить на него внимание исследователей. Важнейший вывод тот, что наименьшая разница в рабочих периодах I и II группы оказывается в 1-й подгруппе (всего на 1%: 10,1 и 10,0 месяцев), т.-е. всего меньше отвлекаются от земледелия самые зажиточные кустари и самые крупные и состоятельные земледельцы. Всего больше различие у ремесленников (2-я подгруппа: 9,5 и 10,4 месяца), т.-е. у наименее затронутых товарным хозяйством промышленников и средних земледельцев. Выходит, как-будто, что у зажиточных земле-

дельцев малое отвлечение от земледелия зависит либо от бо́льшего состава их семей, либо от бо́льшей эксплоатации наемного труда в промысле, либо от найма ими земледельческих работников, и что наибо́льшее отвлечение от земледелия ремесленников стоит в связи с наименьшим разложением их как земледельцев, с наибольшим сохранением патриархальных отношений и непосредственной работы на потребителей-земледельцев, которые сокращают свои заказы летом *).

— «Связь с земледелием», по данным переписи, отражается чрезвычайно рельефно на грамотности кустарей; грамотность наемных рабочих, к сожалению, не исследована. Оказывается, что неземледельческое население **) значительно грамотнее земледельческого, при чем это отношение наблюдается без исключения по всем подгруппам и для мужчин и для женщин. Вот in ixtenso данные переписи по этому вопросу в процентных отношениях (стр. 62):

		Группа I (земледельцы).				Группа II (неземледельцы).				По обеим группам.
		Подгруппы.			Итого.	Подгруппы.			Итого.	
		1	2	3		1	2	3		
„Процентное отношение грамотных к наличному числу лиц“.	муж. п.	32	33	20	31	41	45	33	39	33
	жен. п.	9	6	4	7	17	22	14	17	9
„Процент грамотных из числа тех, которые принимают личное трудовое участие в производстве“.	муж. п.	39	37	26	36	44	57	51	49	40
	жен п.	13	17	4	10	53	21	23	30	19
Процент семей с грамотными		49	43	34	44	55	63	50	55	47

Интересно отметить, что в неземледельческом населении грамотность гораздо быстрее распространяется среди женщин, чем среди мужчин. Процент грамотных мужчин во II группе в $1^1/_2$—2 раза больше, чем в I, а процент грамотных женщин в $2^1/_2$—$5^3/_4$ раза.

Резюмируя те выводы, которые дала кустарная перепись

*) Есть исключение: синильный промысел—исключительно ремесленный, и в нем преобладает летняя работа над зимней.

**) Напомним, что город (и то уездный)вошел сюда лишь один по исключению: из числа 4.762 семейных рабочих II группы горожан только 1.412, т.-е. 29,6%.

1894—5 г. о земледелии в связи с «промыслом», мы можем констатировать, что связь с земледелием:

1) задерживает наиболее отсталые формы промышленности и тормозит экономическое развитие;

2) понижает заработки и доходы кустарей, так что наиболее обеспеченные подгруппы земледельцев-хозяев получают, в общем и среднем, меньше, чем наихудше поставленные подгруппы наемных рабочих у неземледельцев, не говоря уже о неземледельцах-хозяевах. Даже сравнительно с наемными рабочими в I группе хозяев этой же группы получаются весьма низкие доходы, лишь очень немногим повышающие заработки наемных рабочих, а иногда даже спускающиеся ниже их;

3) задерживает культурное развитие населения, имеющего более низкий уровень потребностей и далеко отстающего в грамотности от неземледельцев.

Эти выводы пригодятся нам ниже, при оценке народнической программы промышленной политики.

4) Среди кустарей-земледельцев констатируется разложение, параллельное разложению промышленников. При этом высшие (по обеспеченности) категории земледельцев представляют из себя чистый тип крестьянской буржуазии, основывающей свое хозяйство на найме сельских батраков и поденщиков.

5) Рабочий период у земледельцев короче, чем у неземледельцев, но разница эта очень невелика (5%—20%).

V.

Крупные и мелкие заведения.—Доходы кустарей.

На данных кустарной переписи 1894—5 года о доходах кустарей необходимо остановиться поподробнее. Попытка собрать подворные данные о доходах слишком поучительна, и ограничиться общими «средними» по подгруппам (приведенным выше) было бы совершенно неправильным приемом. Мы уже говорили не раз о фиктивности «средних», выводимых из сложения вместе одиночек-кустарей и хозяев крупных заведений и деления суммы на число слагаемых. Постараемся же собрать имеющиеся в «Очерке» данные по этому вопросу, чтобы наглядно показать и доказать эту фиктивность, доказать необходимость при научных исследованиях и при обработке данных подворных переписей группировать кустарей на разряды по числу рабочих (и семейных и наемных) в мастерской и приводить все данные переписи по этим разрядам.

Составители «Очерка» не могли не заметить бросающегося

в глаза факта большей доходности крупных заведений и постарались ослабить его значение. Вместо точных данных переписи о крупных заведениях (выделить эти данные было бы нетрудно) они опять ограничились общими рассуждениями, соображениями, доводами против неприятных для народничества выводов. Посмотрим на эти доводы.

«Если в подобных (крупных) заведениях мы встречаем непропорционально бо́льший, сравнительно с мелкими, доход семьи, то не должны упускать из виду, что значительная часть этого дохода есть, главным образом, воспроизведения стоимости, во-первых, некоторой части основного капитала, перешедшей в продукты, во-вторых, труда и издержек торгово-транзитного характера, непричастных производству и, в-третьих, стоимости пищевого довольствия тех наемных рабочих, которые содержатся на хозяйских харчах. Этими фактами (хороши факты!) ограничивается возможность некоторых иллюзий относительно преувеличенного представления о выгодах в кустарном производстве наемного труда, или, что то же, капиталистического элемента» (с. 15). Что «ограничить» возможность иллюзий весьма желательно для исследования, в этом, конечно, никто не усомнится, но для этого нужно «иллюзиям» противопоставить именно факты, собранные подворной переписью, а не свои соображения, которые иногда целиком относятся к «иллюзиям». В самом деле, не иллюзия ли рассуждение авторов о торгово-транзитных расходах? Кто же не знает, что для крупного промышленника эти расходы на единицу продукта неизмеримо ниже, чем для мелкого *), что первый закупает материал дешевле, продает продукт дороже, умея (и будучи в состоянии) выбирать время и место? Кустарная перепись дает тоже указания на эти общественные факты: ср., напр., стр. 204 и 263, и нельзя не пожалеть, что в «Очерке» нет фактов о расходах на закупку сырья и сбыт продукта у промышленников крупных и мелких, у кустарей и скупщиков. Далее, что касается до снашиваемой части основного капитала, то авторам опять пришлось впасть в иллюзию, воюя против иллюзии. Известно из теории, что крупные расходы на основной капитал, понижают снашиваемую и переходящую на продукт часть стоимости по расчету на единицу продукта. «Сравнительный анализ цен ручных или мануфактурных товаров и тех же товаров, произведенных машинами, дает в общем тот результат, что в машинном продукте часть стоимости, переходящая от

*) Само собой разумеется, что сравнить можно только кустарей одной подгруппы, а не товаропроизводителя с ремесленником или с работающим на скупщика.

орудий труда, относительно возрастает, но абсолютно уменьшается. То-есть ее абсолютная величина в отношении ко всей стоимости продукта, напр., фунта пряжи, увеличивается» (Das Kapital, 1², S. 406) *). Перепись считала и расходы производства, в число которых входит (с. 14, 7-й) «ремонт инструментов и приспособлений». Где основания думать, что пробелы в регистрации этого пункта чаще встречаются у крупных, чем у мелких хозяев? Не скорее ли наоборот? Что касается до содержания наемных рабочих, то фактов по этому вопросу в «Очерке» нет никаких: мы не знаем, сколько именно рабочих получают хозяйское содержание, как часты пробелы переписи по этому пункту, как часто хозяева-земледельцы содержат наемников продуктами своего хозяйства, как часто хозяева заносили содержание рабочих в расходы производства. Точно так же нет никаких фактов о неодинаковой продолжительности рабочих периодов в крупных и мелких заведениях. Мы нисколько не отрицаем, что рабочий период в крупных заведениях по всей вероятности, длиннее, чем в мелких, но, во-первых, различия в доходности несравненно больше различий рабочего периода; во-вторых же, остается констатировать, что против точных фактов подворной переписи (которые приводятся ниже) пермские статистики не сумели привести ни одного веского, основанного на точных данных, возражения на защиту народнических «иллюзий».

Данные о крупных и мелких заведениях мы получали таким образом: просматривались таблицы, приложенные к «Очерку», отмечались крупные заведения (тогда их можно выделить, т.-е. когда они не слиты с массой заведений в общий итог) и сравнивались с общими итогами «Очерка» о всех заведениях той же группы и подгруппы. Вопрос так важен, что, мы надеемся читатели не посетуют на нас за обилие табличек, приводимых ниже: в табличках данные выступают рельефнее и компактнее (см. табл. на след. стр.).

Итак, «средний» доход на одного семейного рабочего в 75 р. получился из сложения доходов в 222 р. и в 41 р. Оказывается, что за вычетом 10 крупных заведений **) с 14-ю семейными рабочими остальные заведения дают чистый доход, уступаю-

*) «Капитал», I том, стр. 382 русск. изд. под ред. И. Степанова, 1920. Ред.

**) Это, однако, далеко еще не самые крупные заведения. Из распределения заведений по числу наемных рабочих (стр. 113) можно подсчитать, что в 3-х заведениях—163 наемных рабочих, т.-е. в среднем по 54 наемных работника на заведение. И это «кустари», которых складывают с одиночками (одиночек в промысле не менее 460) и выводят общие «средние»!

Пимкатный промысел.

ГРУППА I. Подгруппа 1.	Число заведений.	Число рабочих.			Валовой доход.		Зараб плата наем. абоч.		Чистый доход		Ссылки на стр. „Очерка“.
		Семейных.	Наемных.	Всего.	Всего.	На 1 рабочего.	Всего.	На 1 наемн. рабочего.	Всего.	На 1 семейн. рабочего.	
					Рублей.						
Всего . .	58	99	95	194	22.769	117,3	4.338	45,6	7.410	75,0	стр. 112 текста.
Крупные заведения . . .	10	14	65	79	13.291	168,0	3.481	53,5	3.107	22,2	стр. 214, 215 и 154 табл.
Остальные заведения без этих крупных	48	85	30	115	9.478	82,4	857	28,5	4.303	41,2	—

щий заработной плате наемному рабочему (41,2 р. против 45,6), а в крупных заведениях заработная плата еще повышается. Производительность труда в крупных заведениях более чем вдвое выше (168,0 и 82,4), заработная плата наемному рабочему почти вдвое (53 и 28), чистый доход впятеро (222 и 41). Ясно, что различиями рабочего периода и никакими другими соображениями нельзя устранить того факта, что крупные заведения имеют высшую производительность труда *) и высшую доходность, а мелкие кустари—получают меньше наемных рабочих при всей своей «самостоятельности» (1-я подгруппа: самостоятельно работают на рынок) и связь с землей (I группа).

В столярном промысле в 1-й подгруппе I группы «чистый доход» семей равен «в среднем» 37,4 руб. на 1 семейного работника, тогда как средний заработок одного наемного рабочего в этой же подгруппе равен 56,9 р. (с. 131). Выделить крупные заведения по таблицам нельзя, но вряд ли можно сомневаться, что эта «средняя» величина дохода на 1 семейного рабочего есть результат сложения высокодоходных заведений с наемными рабочими (которым платят же за что-нибудь по 56 рублей) и крохотных мастерских мелких «самостоятельных» кустарей, получающих много меньше наемного рабочего.

*) «В одном из заведений» отмечено введение шерстобитной машины (стр. 119).

Далее рогожный промысел.

ГРУППА I. Подгруппа 1.	Число заведений.	Число рабочих.			Валовой доход.		Заработная плата.		Чистый доход.		Ссылки на стр. „Очерка“.
		Семейных.	Наемных.	Всего.	Всего.	На 1 рабочего.	Всего.	На 1 наемн. рабочего.	Всего.	На 1 семейн. рабочего.	
Всего . .	99	206	252	458	38.681	84,4	6.664	26,4	10.414	49,7	стр. 151 текста.
Крупные заведения . . .	11	11	95	106	18.170	171,4	2.520	26,5	3 597	32,7	стр. 95, 97 и 136 таблиц.
Остальные . .	88	195	157	352	20.511	58,2	4.144	26,4	6.647	34,0	—

Итак, 11 заведений из 99 концентрируют почти половину всего производства. Производительность труда в них выше более чем вдвое; заработная плата наемным рабочим также; чистый доход более чем вшестеро выше «среднего» и почти вдесятеро выше дохода остальных, т.-е. более мелких кустарей. Доходы этих последних уже немногим выше заработка наемников (34 и 26).

Веревочно-канатный промысел*).

ГРУППА I. Подгруппа 1.	Число заведений.	Число рабочих.			Валовой доход.		Заработная плата.		Чистый доход.		Ссылки на стр. „Очерка“.
		Семейных.	Наемных.	Всего.	Всего.	На 1 рабочего.	Всего.	На 1 наемн. рабочего.	Всего.	На 1 семейн. рабочего.	
Всего . .	58	179	106	285	81.672	286	6.946	65,6	16.127	90,1	стр. 159 текста.
Крупные заведения . . .	4	5	56	61	48.912	800	4.695	83,8	5.599	111,9	стр. 40 и 188 таблиц.
Остальные . .	54	174	50	224	32.760	146	2.251	45,0	10.528	60,5	—

*) В таблице на стр. 158, видимо, опечатка или ошибка, ибо в Ирбитском уезде чистый доход больше показанных в итоге 9.827 рублей. Пришлось переделать эту табличку по данным, приложенным к «Очерку» таблиц.

Итак, общие «средние» и здесь показывают высшие доходы у семейных рабочих против наемных (90 против 65,6). Но из 58 заведений 4 концентрируют больше половины всего производства. В этих заведениях (капиталистических мануфактурах чистого типа *) производительность труда почти втрое выше среднего (800 и 286) и более чем впятеро выше, чем у остальных, т.-е. более мелких заведений (800 и 146). Заработная плата наемным рабочим на фабриках значительно выше, чем у мелких хозяйчиков (84 и 45). Чистый доход фабрикантов составляет выше 1.000 руб. на семью против 90 р. «в среднем» и 60,5 р. у мелких кустарей. Мелкие кустари получают таким образом доход, уступающий заработной плате наемниками (60,5 и 65,6).

Смолодегтярный промысел.

ГРУППА I. Подгруппа 1.	Число заведений.	Число рабочих.			Валовой доход.		Заработная плата.		Чистый доход		Ссылки на стр. „Очерка“.
		Семейных.	Наемных.	Всего.	Всего.	На 1 рабочего.	Всего	На 1 наемн. рабочего.	Всего.	На 1 семейн. рабочего.	
Всего . .	167	319	80	399	22.076	55,3	2.150	26,8	10.979	34,4	стр. 189 текста.
Крупные заведения . . .	9	10	16	26	4.440	170,7	654	40,8	2.697	269,7	стр. 100 101, 137, 160, 161 и 120 таблиц.
Остальные . .	158	309	64	373	17.636	47,3	1.496	23,2	8.282	26,8	—

Итак, и в этом производстве, вообще очень мелком, с очень небольшим числом наемных рабочих (20%), в земледельческой группе, у самостоятельных кустарей наблюдается то же чисто-капиталистическое явление превосходства крупных (сравнительно) заведений. А смолодегтярное производство—типичный крестьянский, «народный» промысел! В крупных заведениях производительность труда более чем втрое выше, заработная плата наемных

*) Ср. «Куст. пром.», стр. 47—48, а также описание производства в «Очерке», стр. 162 и сл. Прехарактерио, что «эти предприниматели были когда-то действительными кустарями, почему они всегда... любили и любят называть себя кустарями».

рабочих раза в полтора выше, чистый доход раз в восемь выше «среднего» и вдесятеро выше заработка остальных кустарей—семьян, которые зарабатывают не больше среднего наемного рабочего и меньше наемного рабочего в более крупных заведениях. Отметим, что смолодегтярное производство ведется главным образом летом, так что различия в рабочем периоде не могут быть значительны *).

Пекарный промысел.

ГРУППА I. Подгруппа 1.	Число заведений	Число рабочих.			Валовой доход.		Заработная плата.		Чистый доход.		Ссылки на стр. „Очерка“.
		Семейных.	Наемных.	Всего.	Всего.	На 1 рабочего	Всего.	На 1 наемн. рабочего.	Всего.	На 1 семейн. рабочего.	
Всего . .	27	63	55	118	44.619	378,1	2.497	45,4	7.484	118,8	стр. 215 текста.
Крупные заведения . . .	4	7	42	49	25.740	525	2.050	48,8	4.859	694	стр. 68 и 229 таблиц.
Остальные . .	23	56	13	69	18.879	273	447	34,4	2.625	46,8	—

То-есть опять-таки средние для всей подгруппы цифры оказываются совершенно фиктивными. Крупные заведения (мелких капиталистов) концентрируют большую половину всего производства, дают чистую доходность вшестеро выше среднего и в 14 раз больше, чем у мелких хозяйчиков, и выплачивают наемным рабочим заработную плату, превышающую доход мелких кустарей. Мы не говорим о производительности труда: в 3—4 крупных заведениях производят более ценный продукт—патоку.

Гончарное производство. Опять типичный мелкий крестьянский промысел с ничтожным числом наемных рабочих (13%), с весьма мелкими заведениями (менее 2 рабочих на заведение), с преобладающим числом земледельцев. И здесь видим мы то же самое:

*) Из «Очерка» видно, что в смолодегтярном производстве употребляются и первобытные ямные способы гонки смолы и более совершенные—казанные и даже с цилиндрическими котлами (стр. 195). Подворная перепись дала материал о распределении тех и других, но материал этот не утилизирован, ибо не выделены крупные заведения.

ГРУППА I. Подгруппа 1.	Число заведений.	Число рабочих.			Валовой доход.		Заработная плата.		Чистый доход.		Ссылки на стр. „Очерка“.
		Семейных.	Наемных.	Всего.	Всего.	На 1 рабочего.	Всего.	На 1 наемн. рабочего.	Всего.	На 1 семейн. рабочего.	
Всего . .	97	163	31	194	12.414	63,9	1.830	59	6.657	41	стр. 291 текста.
Крупные заведения . . .	7	9	17	26	4.187	16,1	1.400	80,2	1.372	152	стр. 168 и 206
Остальные . .	90	154	14	168	8.227	48,9	430	30,0	5.285	34,3	—

Здесь, следовательно, сразу оказывается, что по «средним» цифрам заработок наемного рабочего выше дохода семейного рабочего. Выделение крупных заведений разъясняет это противоречие, которое мы констатировали уже выше на массовых данных. В крупных заведениях несравненно выше и производительность труда, и заработная плата, и доход хозяев, мелкие же кустари получают меньше наемных рабочих и более чем вдвое меньше против наемных рабочих в наилучше поставленных мастерских.

Кирпичное производство.

ГРУППА I. Подгруппа 1.	Число заведений.	Число рабочих.			Валовой доход.		Заработная плата.		Чистый доход.		Ссылки на стр. „Очерка“.
		Семейных.	Наемных.	Всего.	Всего.	На 1 рабочего.	Всего.	На 1 наемн. рабочего.	Всего.	На 1 семейн. рабочего.	
Всего . .	229	558	218	776	17.606	22,6	4.560	20,9	10.126	18,1	стр. 299 текста.
Крупные заведения . . .	8	9	45	54	3.130	57,9	1.415	31,4	1.298	144	стр. 46 120, 169 и 183 таблиц.
Остальные . .	221	549	173	722	14.476	20,0	3.145	18,2	8.828	16,0	—

Итак, и здесь «средний» доход одного семейного рабочего оказывается ниже заработной платы наемника. И здесь объясне-

ние этого явления заключается в соединении крупных заведений, отличающихся несравненно бо́льшей производительностью труда, высшей платой наемным рабочим и очень высокой (сравнительно) доходностью,—с мелкими заведениями, хозяйчики которых получают доход почти вдвое меньший против заработной платы наемных рабочих в крупных мастерских.

Мы могли бы привести данные еще и по другим промыслам *), но думаем, что и этих более чем достаточно.

Сведем теперь эти выводы, которые следуют из рассмотренных данных:

1) Соединение крупных и мелких заведений вместе дает совершенно фиктивные «средние» цифры, не дающие никакого понятия о действительности, затушевывающие кардинальные различия, изображающие однородным совершенно разнородное, разносоставное.

2) Данные по целому ряду промыслов свидетельствуют о том, что крупные (по общему числу рабочих) заведения отличаются от средних и мелких:

а) несравненно более высокой производительностью труда;

б) более высокой платой наемным рабочим;

в) несравненно более высокой чистой доходностью.

3) Все без исключения выделенные нами крупные заведения употребляют в несравненно больших размерах наемный труд (сравнительно с средними заведениями данного промысла), который значительно превосходит по своей роли семейный. Производительность их достигает десятка тысяч рублей, а число наемных рабочих—десяти и свыше человек на заведение. Эти крупные заведения представляют из себя таким образом капиталистические мастерские. Данные кустарной переписи доказывают, следовательно, в пресловутом «кустарном» производстве наличность чисто-капиталистических законов и отношений; доказывают полное превосходство капиталистических мастерских, основанных на кооперации наемных рабочих, над одиночками и вообще мелкими кустарями,—превосходство и по производительности труда и по оплате труда даже наемных рабочих.

4) По целому ряду промыслов заработок мелких самостоятельных кустарей оказывается не выше, а зачастую даже ниже, заработка наемных рабочих в том же промысле. Эта разница должна еще усилиться, если к заработку наемников прибавить получаемое некоторыми из них содержание.

---

*) Ср. экипажный промысел, стр. 308 текста и стр. 11 и 12 таблиц; сундучный промысел, стр. 335; портняжный промысел, стр. 344 и др.

Этот последний вывод мы выделяем от первых трех в том отношении, что те выводы выражают явления всеобщие и обязательные по законам товарного производства, тогда как здесь мы не можем иметь общеобязательного явления. Мы формулируем, следовательно, так: при более низкой производительности труда мелких заведений и при беззащитном положении их хозяйчиков (особенно земледельцев) на рынке, вполне возможно такое явление, что заработок самостоятельного кустаря оказывается ниже заработной платы наемника, и данные говорят, что это явление очень часто имеет место в действительности.

Доказательное значение приведенных выкладок не может подлежать сомнению, ибо мы взяли целый ряд промыслов, выбрали их не случайно, а приводили все, по которым только таблицы позволяли выделить крупные заведения, брали не отдельные заведения, а все заведения данного рода, сравнивая с ними всегда по нескольку крупных заведений из различных уездов. Но желательно было бы дать описываемым явлениям более общее и более точное выражение. К счастью, в «Очерке» есть данные, позволяющие осуществить отчасти такое желание. Это—данные о распределении заведений по частной доходности их. По отдельным промыслам в «Очерке» указано, сколько заведений имеют чистый доход до 50 руб., до 100 р., до 200 р. и т. п. Вот эти-то данные мы и свели вместе. Оказалось, что имеются они по 28 промыслам*), охватывая 8.364 заведения, т.-е. 93,2% всего числа (8.991). Всего в этих 28 промыслах 8.377 заведений (13 заведений не распределены по доходности) с 14.135 семейными+4.625 наемными рабочими, всего с 18.760 рабочими, что составляет 93,9% всего числа рабочих. Понятно, что по этим данным о 93% кустарей мы имеем полное право заключать обо всех, ибо нет никаких оснований предполагать несходство остальных семи процентов с этими 93. Прежде, чем приводить данные нашей сводки, необходимо заметить следующее:

1) Составители «Очерка», приводя эту группировку, не всегда строго выдерживали одинаковость и однородность наименований каждой группы. Напр., говорят: «до 100 руб.», «менее 100 руб.», иногда даже «по 100 руб.». Не всегда указывают начальный и конечный предел разряда, т.-е. иногда начинают группировать с разряда «до 100 р.», иногда с разряда «до 50 р.», до 10 р.» и т. п.; иногда заканчивают группировку разрядом «1.000 руб. и

*) По промыслам кружевному, слесарному и гармонному тоже есть эти сведения, но мы опустили эти промыслы, ибо по ним нет данных о распределении заведений по числу семейных рабочих.

более», иногда приводят разряды «2.000—3.000 руб.» и т. п. Все эти неточности никакого серьезного значения иметь не могут. Мы свели все разряды, приводимые в «Очерке» (их 15: до 10 р., до 20 р., до 50 р., до 100 р., до 200 р., до 300 р., до 400 р., до 500 р., до 600 р., до 700 р., до 800 р., до 900 р., до 1.000 р., 1.000 р. и более, 2.000—3.000 руб.), и все маленькие неточности и недоумения разрешали подведением под один из этих разрядов.

2) В «Очерке» дано только число заведений, имеющих доходы таких-то и таких-то разрядов, но не указана величина дохода, приходящаяся на долю всех заведений каждого разряда. А, между тем, для нас именно последние данные и необходимы. Мы приняли поэтому, что величина дохода в заведениях данного разряда определится с достаточной точностью умножением числа заведений в разряде на среднюю величину дохода, т.-е. арифметическую среднюю из maximum'a и minimum'a в разряде (напр., 150 р. в разряде 100—200 р. и т. д.). Только для двух низших разрядов (до 10 р. и до 20 р.) приняли вместо средних максимальные величины дохода (10 р. и 20 р.). Проверка показала, что подобный прием (вообще допустимый в статистических вычислениях) дает весьма близкие к действительности цифры. Именно, весь чистый доход кустарных семей в этих 28 промыслах составляет по данным «Очерка», 951.653 р., а по нашим приблизительным данным, основанным на разрядах по доходности, получилось 955.150 р., т.-е. больше на 3.497 р.=0,36%. Разница или ошибка, следовательно, меньше четырех копеек на 10 рублей.

3) Из нашей сводки мы узнаем среднюю величину дохода на семью (в каждом разряде), а не на одного семейного рабочего. Для определения последней величины пришлось опять-таки сделать примерный расчет. Зная распределение семей по числу семейных рабочих (и отдельно—по числу наемных рабочих), мы предположили, что, чем меньше величина дохода на семью, тем меньше семейный состав (т.-е. число семейных рабочих на 1 заведение) и тем меньше заведений с наемными рабочими. Наоборот, чем выше доход на 1 семью, тем больше заведений с наемными рабочими, тем больше семейный состав, т.-е. число семейных рабочих на 1 заведение. Очевидно, что это предположение—самое благоприятное с точки зрения того, кто пожелал бы опровергать наши выводы. Другими словами: если бы было сделано какое-угодно предположение, то наши выводы от этого только усилились бы.

Приводим теперь сводку данных о распределении кустарей по доходности заведений (см. таблицу на стр. 440).

РАЗРЯДЫ.	Число заведений.	Средний доход одного заведения. (Примерно).	Доход всех заведений. (Примерно).	РАЗРЯДЫ.	Число заведений.	Средний доход одного заведения. (Примерно).	Доход всех заведений. (Примерно).	РАЗРЯДЫ.	Число заведений.	Средний доход одного заведения. (Примерно).	Доход всех заведений. (Примерно).
До 10 р.	127	10	1.270	До 300 р.	602	250	150.050	До 800 р. . .	22	750	16.500
„ 20 „	139	20	2.780	„ 400 „	208	350	72.800	„ 900 „ . .	20	850	17.000
50 „	2.110	35	73.850	„ 500 „	112	450	50.400	„ 1.000 „ . .	17	950	16.150
„ 100 „	3.494	75	262.050	„ 600 „	40	550	22.000	„ 1.000 „ и бол.	19	1.500	28.500
„ 200 „	1.414	150	212.100	„ 700 „	38	650	24.700	„ 2.000—3.000	2	2.500	5.000
Всего заведений .	—	—	—	—	—	—	—	—	8.364	—	955.150

Эти данные слишком дробны, так что надо свести их в более простые и ясные рубрики. Возьмем пять категорий кустарей по доходности: а) бедных—с доходом до 50 р. на семью; б) малосостоятельных—с доходом 50—100 р. на семью; в) средних—с доходом 100—300 р. на семью; г) зажиточных—с доходом 300—500 р. на семью и д) богатых—с доходом более 500 р. на семью.

По данным доходности заведений к этим категориям присоединим примерное распределение заведений по числу семейных и наемных рабочих *). Получаем такую таблицу (см. табл. на стр. 442).

Эти данные приводят к очень интересным выводам, которые мы и рассмотрим по категориям кустарей:

а) Более четверти кустарных семей (28,4%) принадлежат к бедноте, получающей на семью в среднем около 33 рублей дохода. Допустим, что весь этот доход достается одному семейному работнику, что в этой категории все—одиночки. Во всяком случае заработки этих кустарей оказываются значительно ниже средних заработков наемных рабочих у кустарей (45 р. 85 к.). Если большинство этих одиночек принадлежит к низшей (3-й) подгруппе, т.-е. работает на скупщиков, то это значит, что «хозяева» платят работающим на дому меньше, чем наемным рабочим в мастерской. Если мы даже примем, что эта категория кустарей имеет наименьший рабочий период, все-таки заработок их представляется совершенно нищенским.

б) Более двух пятых всего числа кустарей (41,8%) принадлежат к малосостоятельным, имея в среднем по 75 руб. дохода на семью. Эти кустари уже не все—одиночки (если предыдущая категория состояла только из одиночек): в ней, примерно, до половины семей имеют по 2 семейных работника, и, следов., средний заработок одного семейного работника составляет лишь около 50 руб., т.-е. не больше или даже меньше заработка наемного рабочего у кустаря (кроме денежной платы, 45 р. 85 к., часть наемных рабочих получает содержание от хозяев). Итак, семь десятых всего числа кустарей стоят, по своим заработкам, на уровне наемных рабочих у кустарей, отчасти даже ниже их. Как ни поразителен этот вывод, но он вполне соответствует вышеприве-

*) 8.377 заведений в 28 промыслах так распределяются по числу семейных и наемных рабочих: с 0 сем. рабочих—95 заведений, с 1 раб.—4.362 заведения; с 2 раб.—2.632; с 3—870; с 4—275; с 5 и более—143. Заведений с наемными рабочими 2.228, в том числе с 1 наемн. раб.—1.359; с 2—447; с 3—201; с 4—96; с 5 и более—125. Всего наемных рабочих 4.625 с заработком в 212.096 руб. (на одного—45,85 руб.).

Категории кустарей по величине дохода.	Число.		Чистый доход.		Средний доход.		Примерное распределение семей.										
							По числу семейных рабочих.						По числу наемн. рабоч.				
	Семей.	%	У них руб.	%	На 1 семью.	На 1 семью раб. (прибл.)	По 1	По 2	По 3	По 4	По 5 и бол.	0	По 1	По 2	По 3	По 4	По 5 и бол.
а) Бедные	2.376	28,4	77.900	8,2	32,7	32,7	2.376	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
б) Малосостоятельные	3.494	41,8	262.050	27,4	75,0	50	1.986	1.508	—	—	—	—	—	—	—	—	—
в) Средние	2.016	24,1	362.150	37,9	179,6	72,0	—	1.124	870	22	—	—	1.359	392	—	—	—
г) Зажиточные	320	3,8	123.200	12,9	385,0	100,0	—	—	—	253	67	—	—	55	201	64	—
д) Богатые	158	1,9	129.850	13,6	821,8	348	—	—	—	—	76	82	—	—	—	32	125
Всего	8.364	100	955.150	100	114,2	67,5	4.362	2.632	870	275	143	82	1.359	447	201	96	125

денным данным о превосходстве крупных заведений над мелкими. До какой степени низок уровень дохода этих кустарей, можно судить по тому, что средняя заработная плата земледельческого годового работника в Пермской губернии составляет 50 руб. на хозяйских харчах *). След., семь десятых «самостоятельных» кустарей стоят, по жизненному уровню, не выше земледельческих батраков!

Народники скажут, конечно, что это лишь подсобный заработок при земледелии, но, во-первых, не установлено ли давным-давно, что лишь меньшинству крестьян земледелие может дать необходимое содержание семьи, за вычетом платежей да арендных денег, да расходов по хозяйству? А ведь мы сравниваем заработок кустаря с платой батраку на хозяйских харчах. Во-вторых, в семь десятых всего числа кустарей должны были войти и неземледельцы. В-третьих, если бы и оказалось, что земледелие оплачивает содержание кустарей-земледельцев этих категорий, то все-таки остается вне сомнения факт чрезвычайного понижения заработков благодаря связи с землей.

Еще сравнение: в Красноуфимском уезде средний заработок одного наемного рабочего у кустаря равен 33,2 руб. (стр. 149 таблиц), а средний заработок одного лица имеющего работу у себя на заводе, т.-е. горнозаводского рабочего из заводских крестьян, земская статистика определила в 78,7 руб. (по «Материалам для статистики Пермской губернии. Красноуфимский уездн. заводский район». Пермь 1894 г.), т.-е. в два слишком раза больше. А заработки горнозаводских мастеровых, имеющих работу у себя на заводе, как известно, всегда ниже заработка «вольных» рабочих на фабриках и заводах. Можно судить поэтому, каким пониманием потребностей, понижением жизненного уровня до нищенского состояния покупается пресловутая «самостоятельность» русского кустаря «на началах органической связи промысла с земледелием»!

в) К «средним» кустарям отнесены нами семьи, владеющие доходами от 100 до 300 р., в среднем около 180 р. на семью. Таких около четверти всего числа кустарей (24,1%). И их доход абсолютно очень и очень невелик: считая по $2^1/_2$ семейных работника на заведение, это составит около 72 руб. на одного семейного работника—сумма очень недостаточная, которой не позави-

---

*) Стоимость харчей 45 р. в год. Данные—средние за 10 лет (1881—91), по сведениям Департамента Земледелия. (См. С. А. Короленко, «Вольнонаемный труд» и т. д.).

дует ни один фабрично-заводский рабочий. Но по сравнению с массой кустарей эта сумма представляется довольно значительной! Оказывается, что и этот скудный «достаток» приобретается лишь на чужой счет: в этой категории кустарей большинство уже держат наемных рабочих (примерно около 85% хозяев имеют наемников, и в среднем на каждое из 2.016 заведений придется более одного наемного работника). Чтобы выбиться из массы задавленных бедностью кустарей, приходится, след., на почве данных товаро-капиталистических отношений, отвоевывать себе «достаток» у других, вступать в экономическую борьбу, оттеснять еще более назад массу мелких промышленников, превращаться в мелкого буржуа. Либо нищета и понижение до nec plus ultra жизненного уровня,—либо (для меньшинства) созидание своего (абсолютно крайне скудного) благополучия на чужой счет,—вот какова дилемма, которую ставит перед мелким промышленником товарное производство. Так говорят факты.

г) К категории зажиточных кустарей относятся лишь 3,8% семей с средним доходом около 385 руб. и около 100 р. на одного семейного работника (считая, что сюда относятся хозяева с 4 и 5 семейными работниками на заведение). Этот доход, превышающий раза в два денежный доход наемного рабочего, основан уже на значительном употреблении наемного труда: все заведения этой категории держат наемных рабочих, в среднем около 3-х человек на заведение.

д) Богатых кустарей, с средним доходом на семью в 820 р., всего 1,9%. Сюда приходится отнести частью заведения с 5 семейными рабочими, частью заведения вовсе без семейных рабочих, т.-е. основанные исключительно на наемном труде. По расчету на одного семейного работника это дает около 350 р. дохода. Получаемый этими «кустарями» высокий доход зависит от большего числа наемных рабочих, которых приходится в среднем на 1 заведение около 10 человек *). Это уже мелкие фабриканты, владельцы капиталистических мастерских, включение которых в число «кустарей» на-ряду с одиночками-промышленниками, с сельскими ремесленниками и даже с работающими на фабрикантов (иногда, как увидим ниже, на этих же самых богатых кустарей!) дома—показывает только, как уже замечено, полную неопределенность и расплывчатость термина «кустарь».

---

*) Из 2.228 заведений с наемными рабочими в этих 28 промыслах 46 заведений имеют по 10 и более наемных рабочих, всего 887 наемных рабочих, т.-е. в среднем по 19,2 наемных рабочих на заведение.

В заключение изложения данных кустарной переписи о доходах кустарей необходимо заметить еще следующее. Могут сказать, что концентрация доходов оказывается в кустарных промыслах не очень значительной: 5,7% заведений имеют 26,5% дохода, 29,8% заведений имеют 64,4% дохода. Мы ответим на это, во-первых, что и такая концентрация доказывает полную непригодность и ненаучность огульных суждений о кустаре и средних цифр о нем. Во-вторых, нельзя упускать из виду, что в эти данные не вошли скупщики, отчего распределение доходов представлено крайне неточно. Мы видели, что 2.346 семей и 5.628 рабочих работают на купщиксов (3-я подгруппа), след., главные доходы получают здесь скупщики. Выделение их из числа промышленников есть совершенно искусственный и ничем неоправдываемый прием. Как изображение экономических отношений в крупной фабрично-заводской промышленности было бы неправильно без указания на размер доходов фабрикантов, так изображение экономики «кустарной» промышленности неправильно без указания на доходы скупщиков,—доходы, получаемые от того же самого производства, которым заняты и кустари; доходы, составляющие часть стоимости тех продуктов, которые изготовляются кустарями. Мы в праве, следовательно, и обязаны заключить, что действительное распределение доходов в кустарной промышленности несравненно более неравномерно, чем вышепоказанное, ибо в последнем отсутствуют категории самых крупных промышленников.

Статья третья.

(VI. Что такое скупщик?—VII. „Отрадные явления“ в кустарной промышленности.—VIII. Народническая программа промышленной политики).

VI.

Что такое скупщик?

Мы назвали выше скупщиков самыми крупными промышленниками. С обычной народнической точки зрения это — ересь. Скупщика у нас привыкли изображать, как нечто вне производства стоящее, нечто наносное, чуждое самой промышленности, зависящее «только» от обмена.

Здесь не место подробно останавливаться на теоретических неверностях этого взгляда, основанного на непонимании общей и основной подкладки, базиса, фона современной промышленности (и кустарной в том числе), именно товарного хозяйства,

в котором торговый капитал есть необходимая составная часть, а не случайная сторонняя вставка. Здесь мы должны держаться фактов и данных кустарной переписи, и наша задача теперь будет состоять в том, чтобы рассмотреть и проанализировать эти данные о скупщиках. Благоприятным условием для этого рассмотрения является выделение кустарей, работающих на скупщиков, в особую подгруппу (3-ю). Но гораздо больше по этому вопросу есть пробелов и неисследованных пунктов, что делает рассмотрение его довольно затруднительным. Нет данных о числе скупщиков, о крупных и мелких скупщиках, о связи их с зажиточными кустарями (связь по происхождению; связи торговых операций скупщика с производством в своей мастерской и т. п.), о хозяйстве скупщиков. Народнические предрассудки, выделяющие скупщика, как нечто внешнее, помешали большинству исследователей кустарной промышленности поставить вопрос о хозяйстве скупщиков, а между тем, очевидно, что для экономиста это—первый и главный вопрос. Необходимо подробно и тщательно изучить, как хозяйничает скупщик, как складывается его капитал, как оперирует этот капитал в сфере закупки сырья, сбыта продукта, каковы условия (общественно-хозяйственные) деятельности капитала в этих сферах, как велики расходы скупщика на организацию закупки и сбыта, как применяются эти расходы в зависимости от размеров торгового капитала и от размеров закупки и сбыта, какие условия вызывают иногда частичную обработку сырья в мастерских скупщика и отдачу затем рабочим на дом для дальнейшей обработки (при чем окончательная отделка иногда делается спять скупщиком) или продажу сырья мелким промышленникам с тем, чтобы купить у них потом изделия на рынке. Необходимо сравнить стоимость производства продукта у мелкого кустаря, у крупного промышленника в мастерской, объединяющей несколько наемных рабочих, и у скупщика, раздающего материал на выделку по домам. Необходимо взять за единицу исследования каждое предприятие, т.-е. каждого отдельного скупщика, определить размер его оборотов, число работающих на него в мастерской или в мастерских и на дому, число рабочих, занятых им в заготовке сырья, хранении его и продукта и в сбыте. Необходимо сравнить технику производства (количество и качество инструментов и приспособлений, разделение труда и т. д.) у мелкого хозяйчика, у хозяина мастерской с наемными рабочими и у скупщика. Только такое экономическое исследование может дать точный научный ответ на вопрос о том, что такое скупщик, на вопрос о значении его в хозяйстве, о зна-

чении его в историческом развитии форм промышленности товарного производства. Отсутствие таких данных в итогах подворной переписи, подробно исследовавшей все эти вопросы относительно каждого кустаря, нельзя не признать крупным пробелом. Даже если бы регистрация и исследование хозяйства каждого скупщика оказались (по разным причинам) невозможными,—большое количество намеченных сведений можно бы извлечь из подворных данных о кустарях, работающих на скупщиков. Вместо этого мы находим в «Очерке» только избитые народнические фразы о том, что «кулак» «чужд по существу самому производству» (стр. 7), при чем к кулакам отнесены и скупщики и сборные мастерские, с одной стороны, и ростовщики, с другой; что «наемным трудом владеет не техническая его концентрация, наподобие фабрики (?), а денежная зависимость кустарей... один из видов кулачества» (309—310), что «источник эксплоатации труда... заключается не в функции производства, а в функции мены» (101), что в кустарных промыслах встречается часто не «капитализация производства», а «капитализация менового процесса» (265). Мы, конечно, не думаем обвинять исследователей «Очерка» в самостоятельности: они просто заимствовали целиком те сентенции, которые в таком обилии разбросаны, напр., по сочинениям «нашего известного» г. В. В.

Чтобы оценить настоящее значение таких фраз, стоит вспомнить хотя бы, что в одной из главных отраслей нашей промышленности, именно в текстильной промышленности, «скупщик» был непосредственным предшественником, отцом крупного фабриканта, ведущего крупное машинное производство. Раздача пряжи на дом кустарям для обработки—таков был вчерашний день всех наших текстильных производств; это была, след., работа на «скупщика», на «кулака», который, не имея своей мастерской («был чужд производства»), а «только» раздавал пряжу да принимал готовые изделия. Наши добрые народники и не пытались исследовать происхождение этих скупщиков, их преемственную связь с владельцами небольших мастерских, их роль как организаторов закупки сырья и сбыта продукта, роль их капитала, концентрирующего средства производства, собирающего воедино массы раздробленных мелких кустарей, вводящего разделение труда и подготовляющего элементы тоже крупного, но уже машинного производства. Добрые народники ограничивались нытьем и сетованием об этом «печальном», «искусственном» и пр. и пр. явлении, утешались тем, что это «капитализация» не производства, а «только» менового процесса, разговаривали сладенькие разговоры об

«иных путях для отечества»,—а в это время «искусственные» и «беспочвенные» «кулаки» шли себе да шли своим старым путем, продолжали концентрировать капитал, «собирать» средства производства и производителей, расширять размер закупки сырья, углублять разделения производства на отдельные операции (снование, тканье, окраска, отделка и т. п.) и преобразовывать раздробленную, технически отсталую, основанную на ручном труде и кабале капиталистическую мануфактуру в капиталистическую машинную индустрию.

Совершенно такой же процесс происходит теперь в массе наших т.-н. «кустарных» промыслов, и народники так же точно отворачиваются от исследования действительности в ее развитии, так же точно заменяют вопрос о происхождении данных отношений и эволюции их вопросом о том, что могло бы быть (если бы не было того, что есть), так же точно утешают себя тем, что это пока «только» скупщики, так же точно идеализируют и подкрашивают самые худшие виды капитализма, худшие и в смысле технической отсталости, и экономического несовершенства, и социального и культурного положения трудящихся масс.

Обратимся к данным Пермской кустарной переписи. Вышеуказанные пробелы в этих данных постараемся восполнять, по мере надобности, материалом вышецитированной книги «Кустпромышленность Пермской губернии и т. д.». Выделим прежде всего те промыслы, которые дают главную массу кустарей, работающих на скупщиков (3-я подгруппа). При этом нам придется обратиться к нашей собственной сводке, результаты которой (как замечено выше) не сходятся с цифрами «Очерка».

ПРОМЫСЛЫ:	Число семей, работ. на скупщик.		
	I группа.	II группа.	Итого.
Чебатарный	31	605	636
Пимокатный	607	12	619
Кузнечный	70	412	482
Рогожный	132	10	142
Меб.-столярный	38	49	87
Экипажный	32	28	60
Портняжный	4	42	46
Всего по 7 промыслам . .	914	1.158	2.072
А всего кустарей 3-й подгруппы	1.016	1.320	2.336

Итак, около $^{9}/_{10}$ кустарей, работающих на скупщиков, сосредоточены в перечисленных семи промыслах. К этих промыслам мы прежде всего и обратимся.

Начнем с чеботарного промысла. Громадное большинство работающих на скупщиков чеботарей сосредоточено в Кунгурском уезде, который является центром кожевенного производства в Пермской губернии. Масса кустарей работает на кожевенных заводчиков, на стр. 87 «Очерка» указано 8 скупщиков, на которых работает 445 заведений *). Все эти скупщики «исконные» кожевенные заводчики, имена которых можно найти и в «Указателе фабрик и заводов» за 1890 и за 1879 год, и в примечаниях к «Ежегоднику м-ва финансов. Выпуск I» за 1867 год. Кожевенные заводчики кроят кожи и отдают их в кроеном виде на шитье «кустарям». Вытяжка передков исполняется особо, по заказу заводчиков, несколькими семействами. Вообще с заводским кожевенным производством связан целый ряд «кустарных» промыслов, т.-е. целый ряд операций производится на дому. Таковы: 1) отделка кож; 2) шитье обуви; 3) клейка кожаной стружки в пласты для подборов; 4) мытье шурупов для сапог; 5) приготовление шпильки для сапог; 6) приготовление колодок для сапог; 7) приготовление золы для кожевенных заводов; 8) приготовление «дуба» (ивовой коры) для них же. Отбросы кожевенного производства обрабатывают промыслы войлокатный и клееваренный («Куст. пром.» III, с. 3—4 и др.). Помимо детального разделения труда (т.-е. разделения производства одной вещи на несколько операций, исполняемых разными лицами) в этом производстве развилось и потоварное разделение труда: каждая семья (иногда даже каждая улица кустарного села) производит один род обуви. Как курьез, отметим, что в книге «Куст. пром» и т. д.» «Кунгурское кожевенное производство» объявляется «типичным выразителем идеи органической связи фабричной и кустарной промышленности к обоюдной выгоде» (sic!)... фабрика вступает в правильный (sic!) союз с кустарной промышленностью, имея целью в своих интересах (именно!) не подавление..., а развитие ее сил (III, стр. 3). Напр., заводчик Фоминский получил на Екатеринбургской выставке 1887 года золотую медаль не только за отличную выделку кож, но и «за большое производство, доставляющее заработок окрестному населению (ibid, стр. 4, курсив автора). Именно, из 1.450 его рабочих 1.300 работают на дому; у другого заводчика, Сартакова, 100 чел. из 120 работают на дому и т. д. Пермские заводчики, след., весьма успешно состязаются с народнической

*) В том числе на двух скупщиков (Пономарева и Фоминского)—217 заведений. Всего в Кунгурском уезде 470 заведений чеботарей работает на скупщиков.

интеллигенцией в деле насаждения и развития кустарных промыслов...

Совершенно аналогична организация чеботарного промысла в Красноуфимском уезде («Куст. пром», I, 148—9): кожевенные заводчики тоже перешивают кожи в сапоги, частью в своих швальнях, частью раздавая на дома; один из крупных владельцев кожевенно-чеботарных заведений имеет до 200 постоянных рабочих.

Теперь мы можем с достаточной ясностью представить себе экономическую организацию чеботарного и многих других, связанных с ним, «кустарных» промыслов. Это—не что иное, как отделения крупных капиталистических мастерских («фабрик» по теминологии нашей официальной статистики), не что иное, как частичные операции крупных капиталистических операций по обработке кож. Предприниматели организовали в широких размерах закупку материала, устроили заводы для выработки кож и завели целую систему дальнейшей переработки их,—систему, основанную на разделении труда (как условии техническом) и работе по найму (как условии экономическом): они производят одни операции в своих мастерских (кройку обуви), другие операции производятся у себя на дому «кустарями», работающими на них; предприниматели определяют размер производства, размеры задельной платы, виды изготовляемых товаров и количество изделий каждого вида. Они же организовали и оптовый сбыт продукта. Очевидно, что по научной терминологии это—одна капиталистическая мануфактура, отчасти переходящая уже в высшую форму, в фабрику (именно поскольку к производству применяются машины и системы машин: крупные кожевенные заводы имеют паровые двигатели). Выделение некоторых частей этой мануфактуры в особую «кустарную» форму производства есть очевидная нелепость, затушевывающая основной факт господства наемного труда и подчинения всего кожевенно-чеботарного дела крупному капиталу. Вместо комичных рассуждений о желательности для этого промысла «кооперативной организации обмена» (стр. 93 «Очерка») не мешало бы пообстоятельнее изучать действительную организацию производства, изучать те условия, которые заставляют заводчиков предпочесть раздачу работы на дома. Заводчики находят это, несомненно, более выгодным для себя, и выгодность эта будет понятна для нас, если мы вспомним низкие заработки кустарей вообще, особенно кустарей-земледельцев и кустарей 3-й группы. Раздавая материал на дома, предприниматели удешевляют таким образом заработную плату, сбе-

регают расходы на помещение, отчасти на орудия, на надзор, освобождаются от не всегда приятных требований к фабрикантам (они не фабриканты, а торговцы!), приобретают рабочих более разрозненных, раздробленных, менее способных к самозащите, приобретают бесплатных погонщиков для этих рабочих—своего рода «заглодов» или «мастерков» (термины нашей текстильной промышленности при системе раздачи пряжи на дома) в лице тех работающих на них кустарей, которые от себя нанимают еще наемных рабочих (в 636 семьях чеботарей, работающих на скупщиков, сочтено 278 наемных рабочих). Мы видели уже по общей таблице, что эти наемные рабочие (в 3-й подгруппе) получают самые низкие заработки. Это и неудивительно, ибо они подвергаются двойной эксплоатации: эксплоатации своего нанимателя, который выжимает себе «пользицу» из рабочего, и эксплоатации кожевника-заводчика, раздающего материал хозяйчикам. Известно, что эти мелкие мастерки, хорошо знающие местные условия и личные особенности рабочих, особенно неистощимы в изобретении разных прижимов, в практиковании кабального найма, truck-system и т. д. Известна чрезмерная продолжительность рабочего дня в подобных мастерских и «кустарных избах», и нельзя не пожалеть, что кустарная перепись 1894/5 года не дала почти вовсе материалов по этим важнейшим вопросам для освещения нашей самобытной Sweating-system с массой посредников, усиливающих давление на рабочих, с самой бесконтрольной и беззастенчивой эксплоатацией.

Об организации пимокатного промысла (второй по абсолютному количеству семей, работающих на скупщиков) «Очерк» не дает, к сожалению, почти никаких сведений. Мы видели, что в этом промысле есть кустари с десятками наемных рабочих, но раздают ли они работу на дома, производят ли часть операций вне своей мастерской *)—осталось неразъясненным. Отметим только констатируемый исследователями факт, что гигиенические условия пимокатного промысла крайне неудовлетворительны («Очерк», стр. 119. «Куст. пром.», III, 16)—невыносимая жара, масса пыли, удушливая атмосфера. И это в жилых избах кустарей! Естественным результатом является то, что кустари выдерживают не более 15 лет работы и кончают чахоткой. И. И. Моллесон, исследовавший санитарные условия работы, говорит: «Рабочие от 13 до 30 лет составляют главный контингент пимокатов. И почти все они резко

*) Такова организация валяльного промысла в Арзамасском и Семеновском уездах Нижегородской губернии. См. «Труды Комиссии по исследованию кустарных промыслов» и «Материалы» Нижегородской земской статистики.

выделяются бледностью, матовым цветом кожи и своим вялым, как бы истощенным болезнью видом» (III, стр. 145, курсив автора). Практический вывод исследователя таков: «Необходимо поставить в обязанность хозяевам строить мастерскую (пимокатню) значительно больших размеров, так чтобы на каждого рабочего приходился заранее определенный постоянный объем воздуха»; «мастерская должна быть назначена исключительно для работы. Ночевки рабочих в ней должны быть безусловно запрещены» (ibid.). Итак, санитарные врачи требуют для этих кустарей устройства фабрик, запрещения работы на дому. Нельзя не пожелать осуществления этой меры, которая двинула бы вперед технический прогресс, устранив массу посредников, расчистила дорогу для регулирования рабочего дня и условий труда, одним словом, устранила бы наиболее вопиющие злоупотребления в нашей «народной промышленности.

В рогожном промысле в числе скупщиков фигурирует осинский купец Бутаков, который, по сведениям за 1879 год, имел в гор. Осе рогожную фабрику с 180 рабочими *). Неужели этот фабрикант должен быть признан «чуждым самому производству» за то, что он нашел более выгодным раздавать работу на дома? Интересно бы также знать, чем отличаются скупщики, изгнанные из числа кустарей, от тех «кустарей», которые, не имея семейных рабочих, «закупают мочало и передают его на выделку задельщикам, которые и перерабатывают его в рогожи и кули на своих станках» («Очерк», 152)?—наглядный пример той путаницы, в которую завели исследователей народнические предрассудки. Гигиенические условия в этом промысле тоже ниже всякой критики—теснота, грязь, пыль, сырость, вонь, продолжительный рабочий день (12—15 часов в сутки),—все это делает из центров промысла настоящие «источники голодного тифа» **), который и возникал здесь нередко.

Об организации работы на скупщиков в кузнечном промысле мы опять-таки ничего не узнаем из «Очерка» и должны обратиться к книге «Куст. пром. и т. д.», дающей весьма интересное описание Нижне-Тагильского кузнечного промысла. Производство подносов и др. изделий разделено между несколькими заведениями: клепальные мастерские куют железо, лудильные лудят его, красильные—окрашивают. Некоторые кустари-хозяева имеют заведения всех этих видов, будучи, след., чистого типа мануфак-

*) «Указатель фабрик и заводов» за 1879 год. Рогожники, работающие на скупщиков, сосредоточены более всего в Осинском уезде.

**) «Очерк», стр. 158.

туристами. Другие—производят в своей мастерской одну из операций, раздавая затем изделия в полуду и окраску кустарям на дом. Здесь, след., с особенной рельефностью выступает однородность экономической организации промысла при раздаче работы на дома и при принадлежности хозяину нескольких детальных мастерских. Кустари-скупщики, раздающие работу на дома, принадлежат к самым крупным хозяевам (их 25 человек), организовавшим наиболее выгодно закупку сырья и сбыт продукта в широких размерах: эти 25 кустарей (и только они) ездят па ярмарку или имеют свои лавки. Кроме них скупщиками являются уже крупные «фабриканты-торговцы», экспонировавшие свои изделия на Екатеринбургской выставке в фабрично-заводском отделе: их автор книги относит к «фабрично-кустарной (sic!) промышленности» («Куст. пром.», I, стр. 98—99). В общем и целом мы получим таким образом чрезвычайно типичную картину капиталистической мануфактуры, самыми разнообразными и причудливыми способами переплетающуюся с мелкими заведениями. Чтобы показать наглядно, как мало помогает разобраться в этих сложных отношениях деление промышленников на «кустарей» и «фабрикантов», на производителей и «скупщиков», воспользуемся приводимыми в названной книге цифрами и изобразим экономические отношения промысла в виде таблицы:

Самостоятельное производство на рынок.					Работа на скупщиков.			
Заведений.	Рабочих.			Сумма производства в тыс. руб.	Заведений.	Рабочих.		
	Семейных.	Наемных.	Всего.			Семейных.	Наемных.	Всего.
А. „Фабрично-кустарная промышленность“.								
?	?	?	?	60 + 7				
(„фабриканты-торговцы“.)					а) 29	51	39	90
Б. „Кустарная промышленность“.					б) 39	53	79	132
25	(кустари скупщики).			95 + 30	68	104	118	222
16	88	161	249	8				
				163 + 37				
				200 тыс р. = сумма производства всего Н.-Тагильского промысла.				

а) кустари, зависимые в сбыте.
б) „ „ и в сбыте и в производстве.

И теперь нам будут говорить, что скупщики так же, как и ростовщики, «чужды самому производству», что господство их означает лишь «капитализацию менового процесса», а не «капитализацию производства!»

Весьма типичным примером капиталистической мануфактуры является также сундучный промысел («Очерк», стр. 334—339, «Куст. пром.» I, стр. 31—40).. Организация его такова: несколько крупных хозяев, имеющих мастерские с наемными рабочими, закупают материалы, изготовляют отчасти изделия у себя, но главным образом раздают материал мелким детальным мастерским, а в своих мастерских собирают части сундука и, по окончательной отделке, отправляют товар на рынок. Разделение труда—это типическое условие и техническое основание мануфактуры—применяется в производстве в широких размерах: изготовление целого сундука делится на 10—12 операций, исполняемых каждая в отдельности детальщиками-кустарями. Организация промысла—объединение детальных рабочих (Theilarbeiter, как они называются в «Капитале») под командой капитала. Почему капитал предпочитает раздачу на дома работе наемных рабочих в мастерской на это ясный ответ дают данные кустарной переписи 1894—1895 года о заведениях Невьянского завода Екатеринбургского уезда (один из центров промысла), где мы встречаем рядом и сборные мастерские, и детальщиков-кустарей. Сравнение между теми и другими, след., вполне возможно. Приводим сравнительные данные в табличке (стр. 173 таблиц):

Сундучники Невьянского завода.	Группы.	Подгруппы.	Число заведений.	Число рабочих.			Валовой доход.		Заработная плата.		Чистый доход.	
				Семейных.	Наемных.	Всего.	Всего.	На 1 рабочего.	Всего.	На 1 наемн. рабочего.	Всего.	На 1 семейн. рабочего.
„Скупщики“ .	II	1	2	1	13	14	5.850	418	1.300	100	1.617	808 *)
„Кустари“ . .	II	3	8	11	8	19	1.315	70,3	351	44	984	88,4

Рассмотрим эту табличку, оговорившись сначала, что, если бы мы взяли вместо одного Невьянского завода данные о всей 1-й

*) На 1 заведение.

и 3-й подгруппе (стр. 335 «Очерка»), то выводы получились бы те же самые. Величина валового дохода в обеих подгруппах, очевидно, несравнима, ибо один и тот же материал проходит через руки разных детальных рабочих и через сборные мастерские. Но характерны данные о доходе и заработной плате. Оказывается, что заработная плата наемным рабочим в сборных мастерских выше дохода зависимых кустарей (100 р. и 89 р.), несмотря на то, что последние эксплоатируют тоже наемных рабочих. Заработная же плата этих последних более чем вдвое ниже заработка рабочих в сборных мастерских. Ну, как же не предпочитать нашим предпринимателям «кустарную» промышленность перед фабричной, когда первая дает им такие существенные «преимущества»! Совершенно аналогична организация работы на скупщика в экипажном промысле («Очерк», стр. 308 и сл. «Куст. пром.», I, стр. 42 и сл.); те же сборные мастерские, хозяева которых являются «скупщиками» (и раздатчиками, давальцами работы) по отношению к детальщикам-кустарям, то же превышение заработной платы наемнику в мастерской над доходом зависимого кустаря (не говоря уже о его наемном рабочем). Это превышение констатируется и для земледельцев (I группа) и для неземледельцев (II группа). В мебельно-столярном промысле скупщиками являются мебельные магазины гор. Перми («Очерк», 133, «Куст. пром.», II, 11), которые снабжают кустарей при заказах образцами, чем между прочим, они «постепенно подняли технику производства».

В портняжном промысле магазины готового платья в Перми и Екатеринбурге раздают кустарям материал на выделку. Известно, что совершенно однородная организация портняжного и конфекционного промысла существует и в других капиталистических странах Зап. Европы и Америки. Отличие «капиталистического» Запада от России с ее «народным производством» состоит в том, что на Западе называют такие порядки Schwitz-system и изыскивают меры борьбы с этой худшей системой эксплоатации, напр., германские портные добиваются от своих хозяев устройства фабрик (т.-е. «искусственно насаждают капитализм», как заключил бы российский народник), тогда как у нас эту «систему вышибания пота» благодушно называют «кустарной промышленностью» и обсуждают преимущества ее перед капитализмом.

Мы рассмотрели теперь все промыслы, дающие громадное большинство кустарей, работающих на скупщиков. Какие же результаты этого обзора? Мы убедились в полнейшей несостоятельности

народнического положения, будто скупщики и даже сборные мастерские—те же ростовщики, чуждые производству элементы и т. п. Несмотря на указанную выше недостаточность данных «Очерка», несмотря на отсутствие в программе переписи вопросов о хозяйстве, нам удалось по большинству промыслов констатировать самую неразрывную связь скупщиков с производством,—даже прямое участие их в производстве, «участие» как хозяев мастерских с наемными рабочими. Нет ничего нелепее мнения, будто работа на скупщиков есть лишь результат какого-то злоупотребления, какой-то случайности, какой-то «капитализации менового процесса», а не производства. Напротив, работа на скупщика есть именно особая форма производства, особая организация экономических отношений в производстве,—организация, которая непосредственно выросла из мелкого товарного производства («мелкого народного производства», как принято говорить в нашей прекраснодушной литературе) и сейчас связана с ним тысячью нитей, ибо наиболее зажиточные хозяйчики, наиболее передовые «кустари» и кладут начало этой системе, расширяя свои обороты посредством раздачи работы на дома. Непосредственно примыкая к капиталистической мастерской с наемными рабочими, составляя зачастую лишь продолжение ее или одно из ее отделений, работа на скупщика является просто придатком фабрики, понимая это последнее выражение не в научном, а в разговорном значении его. По научной же классификации форм промышленности, в их последовательном развитии, работа на скупщика принадлежит большей частью к капиталистической мануфактуре, ибо она: 1) основана на ручном производстве и на широком базисе мелких заведений; 2) вводит между этими заведениями разделение труда, развивая его и внутри мастерской; 3) ставит во главе производства торговца, как это и всегда бывает в мануфактуре, предполагающей производство в широких размерах, оптовую закупку сырья и сбыт продукта; 4) низводит трудящихся на положение наемных рабочих, занятых в мастерской хозяина или у себя на дому. Именно этими признаками, как известно, характеризуется научное понятие мануфактуры, как особой ступени развития капитализма в промышленности (смотри Das Kapital, I, Kapitel XII *). Эта форма промышленности означает уже, как известно, глубокое господство капитализма, будучи непосредственной предшественницей последней и высшей формы его, т.-е. крупной машинной индустрии.

---

*) «Капитал», том I, гл. XII. Ред.

Работа на скупщика есть, следовательно, отсталася форма капитализма, и в современном обществе эта отсталось ведет в ней к особому ухудшению положения трудящихся эксплоатируемых целым рядом посредников (sweating-system), раздробленных, вынужденных довольствоваться самой низкой заработной платой, работать при условиях крайне антигигиенической обстановки и чрезмерно длинного рабочего дня,—а главное, при условиях, крайне затрудняющих возможность общественного контроля за производством.

Мы закончили теперь обзор данных кустарной переписи 1894/5 года. Этот обзор вполне подтвердил вышесделанное замечание о полной бессодержательности понятия: «кустарничество». Мы видели, что под это понятие подводились самые разнообразные формы промышленности, мы в праве даже сказать: почти все формы промышленности, какие только знает наука. В самом деле, сюда вошли и патриархальные ремесленники, работающие по заказу потребителей из их (потребителей) материала, получающие вознаграждения иногда натурой, иногда деньгами. Сюда вошли далее представители совсем иной формы промышленности—мелкие товаропроизводители, работающие своей семьей. Сюда вошли владельцы капиталистических мастерских с наемными рабочими и эти наемные рабочие, число которых достигает нескольких десятков на заведение. Сюда вошли предприниматели-мануфактуристы с крупным капиталом, господствующие над целой системой детальных мастерских. Сюда вошли и работающие на капиталистов домашние рабочие. По всем этим подразделениям «кустарями» одинаково считались и земледельцы, и не-земледельцы, и крестьяне, и горожане. Такая путаница—вовсе не особенность данного исследования о пермских кустарях. Ничуть не бывало. Она повторяется везде и всегда, когда и где говорят и пишут, о «кустарной» промышленности. Всякий, кто знаком, напр., с «Трудами комиссии по исследованию кустарной промышленности», знает, что там в число кустарей попали точно так же все эти разряды. И вот излюбленный прием нашей народнической экономии состоит в том, чтобы свалить в кучу все это бесконечное разнообразие форм промышленности, назвать эту кучу «кустарной», «народной» промышленностью, и—risum teneatis, amici!—противопоставить эту бессмыслицу «капитализму»—«фабрично-заводской промышленности». «Обоснование» этого восхитительного приема, свидетельствующего о замечательной глубине мысли и познаниях его инициатора, принад-

лежит, если мы не ошибаемся, г-ну В. В., который на первых же страницах своих «Очерков кустарной промышленности» берет официальные числа «фабрично-заводских» рабочих Московской,— Владимирской и др. губерний и сравнивает с ними числа «кустарей», при чем оказывается, конечно, что «народная промышленность» гораздо сильнее развита на святой Руси, чем «капитализм», а о том факте, многократно установленном исследователями *), что громадное большинство этих «кустарей» работает на тех же самых фабрикантов, наш «авторитетный» экономист благоразумно умалчивал. Строго следуя народническим предрассудкам, составители «Очерка» повторяют тот же самый прием. Хотя сумма годового производства «кустарной» промышленности составляет в Пермской губернии лишь 5 миллионов руб. **), а фабрично-заводской»—30 милл. рублей, но «число рабочих рук, занятых фабрично-заводской промышленностью, определяется в 19 тыс. чел., а кустарною—в 26 тыс. человек» (стр. 364). Классификация, как видите, простая до умилительности:

а) фабрично-заводские рабочие	19.000
б) кустари	26.000
Всего	45.000

Понятно, что такая классификация открывает настежь двери для рассуждений о «возможности иного пути для отечества»!

Но зачем же нибудь имеем мы перед собой данные подворной кустарной переписи, исследовавшей формы промышленности. Попытаемся дать классификацию, соответствующую данным переписи (над которыми народническая классификация является просто насмешкой) и соответствующую различным формам промышленности. Те процентные отношения, которые дала перепись о 20 тыс. рабочих, мы приложим и к увеличенному авторами на основании других источников числу—26 тыс.

---

*) См. хотя бы статью г. Харизоменова «Значение кустарной промышленности» в «Юр. Вестнике» за 1883 г., №№ 11 и 12, дающую сводку статистического материала, имевшегося тогда.

**) Мы не говорим уже о курьезном определении этой цифры. Напр., крупнейшую сумму дает мукомольный промысел (1,2 милл. руб.), ибо сюда зачислили стоимость всего хлеба, перемалываемого мельниками. В таблицах и в описании «Очерка» взят был лишь валовой доход 143 тыс. руб. (см. стр. 358 и прим.). Чеботарный промысел дает 930 тыс. руб., из которых изрядная часть составляет оборот кунгурских заводчиков. И т. д., и т. д.

А. Товарное производство.	Число рабочих.	
I. Капиталистически употребляемые рабочие.		
1) „Фабрично-заводские“ рабочие (в среднем, по данным, за 7 лет, 1885—1891, приходится по 14,6 рабочих на одно заведение	19.000 42,2%	
2) Наемные рабочие у „кустарей“ (25% всего числа). (Из них четверть в заведениях, имеющих, в среднем, по 14,6 рабочих на одно заведение)	6.500 14,4%	30.700 68,2%
3) Работающие дома на скупщиков, т.-е. кустари-семьяне 3-й подгруппы—20%. (Из них многие работают на тех же самых фабрикантов, на которых работают рабочие пунктов 1 и 2) . . .	5 200 11,6%	
II. Мелкие товаропроизводители, т.-е. кустари-семьяне 1-й подгруппы—30%.		
(Из них около 1/3 держат наемных рабочих)		7.800 17,6%
Б. Ремесло.		
Сельские (отчасти городские) ремесленники, т.-е. кустари-семьяне 2 й подгруппы 25%. (Из них небольшая часть тоже держит наемных рабочих) .		6.500 14,4%
Всего		45.000 100%

Мы прекрасно понимаем, что и в этой классификации есть ошибки: в ней нет фабрикантов и заводчиков, но есть кустари с десятками наемных рабочих; в нее вошли случайно одни мануфактуристы, не выделенные, однако, особо, и не вошли другие, изгнанные в качестве «скупщиков»; в нее попали городские ремесленники из одного города и не попали из 11 городов и т. п. Но во всяком случае эта классификация основана на данных кустарной переписи о формах промышленности, и указанные ошибки суть ошибки этих данных, а не ошибки классификации *). Во всяком случае эта классификация дает точное представление о действительности, разъясняет действительные общественно-экономические отношения между различными участниками

*) Возразят, может быть, что наемные рабочие у кустарей-ремесленников (20% всего числа наемных рабочих у кустарей) должны быть отнесены не к товарному производству, а к ремеслу. Но рабочая сила здесь самая является товаром, и купля-продажа ее есть существенный признак капитализма.

промышленности, а следовательно, и их положение, и их интересы,—а в таком разъяснении состоит высшая задача всякого научно-экономического исследования.

VII.

«Отрадные явления» в кустарной промышленности.

Нас могли бы обвинить в односторонности, в выставлении одних темных сторон кустарной промышленности, если бы мы обошли молчанием приводимые в «Очерке» факты, которые должны выставить «светлую сторону» и «отрадные явления» кустарной промышленности.

Нам говорят, напр., что наемный труд в кустарном производстве имеет некоторое особое значение, ибо наемный рабочий здесь отличается «бытовой близостью» к хозяину, и сам «может» сделаться хозяином. К «отрадным явлениям» здесь отнесено, след., доброе пожелание превратить всех рабочих в хозяйчиков *)! Впрочем, нет, не всех, а только некоторых, ибо «тенденция эксплоатировать чужой труд свойственна, без сомнения, всем людям вообще, в том числе и кустарю» («Очерк», стр. 6). Эта фраза просто неподражаема по той наивности, с которой «все люди», без дальних околичностей, отождествлены с мелкими буржуа! Неудивительно, что тот, кто смотрит на весь мир через очки мелкого буржуа, открывает такие замечательные истины. На стр. 268-й «предприятием по трудовой обстановке (sic!) в строгом значении слова кустарным» объявляется мелкая фабричка с 8 наемными рабочими, с производством в 10 тыс. р. На стр. 272—274 рассказывается, как другой мелкий фабрикантик (с 7 наемными рабочими и 5 учениками; производство на 7 тыс. р.) устроил доменную печь на арендованной у общества крестьян земле и попросил в кустарном банке ссуду в 5.000 р. на устройство вагранки, объясняя, что «все его предприятие имеет чисто местный интерес, так как добыча руд будет производиться в наделах общества местными же крестьянами». Банк отклонил просьбу по формальным основаниям. И «Очерк» рисует нам по этому поводу увлекательную картину превращения этого предприятия в кооперативное, общественное: хозяину это «без сомнения, будет по душе как раде-

*) О том, как отражается «бытовая близость» на системе и правильности расплаты, способах найма, на кабале рабочего, на truck-system,—нам не сообщают ничего.

телю интересов не только производства, но и окружающих его однообщественников». Предприятие «захватывает массу трудовых интересов сочленов общества, которые будут добывать и свозить на завод руду, лесные материалы». «Домохозяева будут носнть на завод руды, уголь и пр. наподобие того, как домохозяйки несут на общественную сыроварню молоко. Конечно, здесь предполагается организация более сложная, чем на общественных сыроварнях, в особенности при условии пользования местными же мастерами и чернорабочими в ведении самого дела, т.-е. выплавки чугуна из руд». О, идиллия! Чернорабочие («сочлены общества») будут «носить на завод» руду, дрова и пр. наподобие того, как крестьянки несут молоко на сыроварню!! Мы не станем отрицать, что кустарный банк может (если не помешает его бюрократическая организация) сослужить такую же службу, как и другие банки, развивая товарное хозяйство и капитализм, но было бы очень грустно, если бы он продолжал на-ряду с этим развивать фарисейство и маниловское празднословие предпринимателей, ходатайствующих о ссуде.

До сих пор мы видели, как предприятия с большим числом наемных рабочих объявлялись «кустарными» на том основании, что хозяева сами трудятся. Но это условие было бы для мелких буржуа несколько стеснительно, и вот «Очерк» старается расширить его: оказывается, что и предприятие, которое «ведется исключительно наемным трудом», может быть кустарным, если «успех» предприятия зиждется на «личном участии» хозяина (стр. 295), или даже если хозяева «вынуждены ограничить свое участие разнообразными хлопотами по ведению промысла» (стр. 301). Не правда ли, как успешно «прогрессируют» пермские народники? «Личный труд»—личное участие—«разнообразные хлопоты». Mein Liebchen, was uillst du noch mehr? Наемный труд в кирпичном промысле приносит, оказывается, «особенные выгоды» (302) наемным рабочим, находящим «подсобный заработок» в кирпичных заводах; между тем хозяева этих заводов часто испытывают «надобность в деньгах на наем рабочих». «Очерк» заключает, что таким хозяевам следует разрешать кредит из кустарного банка, «относя такие предприятия, по примеч. к п. 3 ст. 7 уст. куст.банка, к случаям особо уважительным» (стр. 302). Это сказано не очень грамотно, но зато очень внушительно и многозначительно! «В заключение мы находим достаточные основания высказать,—читаем в конце описания кирпичного промысла,—что в кирпичном промысле среди крестьян интересы хозяев и наемных рабочих до такой степени обобщаются, что хотя формально артелей в этом промысле

и не зарегистрировано, но фактически в нем существует крепкая товарищеская связь между хозяевами и их наемными рабочими» (305). Отсылаем читателя к вышеданной статистической картинке этих «товарищеских связей». Курьезно также,—как образчик путаницы в народнических экономических понятиях,—что «Очерк» в одно и то же время защищает и подкрашивает наемный труд, утверждая, что кулаком является отнюдь не хозяин с наемными рабочими, а обладатель денежного капитала, который «эксплоатирует труд в лице хозяина-кустаря и его наемных рабочих» (!), и на-ряду с этим пускается самым неразумным и неумеренным образом защищать кулачество: «кулачество тем не менее, в каких бы мрачных красках его ни малевали, есть необходимое пока колесо в механизме обмена кустарного производства... Кулачество по отношению к успехам кустарной промышленности, без сомнения, следует признать благом, сравнительно с тем положением, когда без кулака, без всяких денежных средств, кустарь вынужден оставаться без работы» (стр. 8) *). Доколе же это пока? Если бы было сказано, что торговый и ростовщический капитал есть необходимый момент в развитии капитализма, необходимое колесо в механизме малоразвитого капиталистического общества (как наше), тогда это было бы верно. При таком толковании слова «пока» надо понимать так: пока бесчисленные стеснения свободы промышленности и свободы конкуренции (особенно в крестьянстве) поддерживают у нас самые отсталые и самые худшие формы капитализма. Боимся только, что это толкование не понравится пермским, да и другим народникам!

Перейдем к артелям, этим ближайшим и важнейшим выразителям тех, якобы, общинных принципов, которые народники хотят непременно видеть в кустарных промыслах. Интересно посмотреть на данные подворной переписи кустарей в целой губернии,—переписи, прямо ставившей в программу регистрацию и изучение артелей (стр. 14, п. 2). Мы можем, след., не только познакомиться с разными типами артелей, но и узнать, как широко они распространены.

---

*) Те же мысли находим в книге «Куст. пром.», I, 39 и сл., где полемизируют против газеты «Деловой Корреспондент», писавшей, что кулаков (хозяев сборных мастерских в сундучном промысле) не надо бы пускать в кустарный отдел. «Вся наша кустарная промышленность,—читаем в ответ на это,—находится в узах частных капиталов, а поэтому если бы в кустарный отдел допускались только те кустари, которые сами торгуют своими изделиями, то наш кустарный отдел был бы пуст, хоть шаром покати». Не правда ли, прехарактерное признание? Мы показали выше, на основании данных переписи, эти «узы частных капиталов», держащих в своих руках кустарные промыслы.

Маслобойный промысел. «Бытовая артель в строгом значении этого слова»: в с. Покровском и в дер. Гаврятах двумя маслобойнями владеют пятеро братьев, которые разделились между собой, но маслобойнями пользуются по очереди. Эти факты представляют «глубокий интерес», потому что «ими освещаются контрактные условия общинно-трудовой преемственности кустарных промыслов». Очевидно, что подобные бытовые «артели представляют значительный прецедент в вопросе о распространении в среде кустарничества на кооперативных началах производств заводского типа» (стр. 175—176). Итак, артель в строгом значении слова, как прецедент кооперации, как выражение общинности, состоит в общей собственности нераздельных наследников!! Очевидно, настоящим палладиумом «общинности» и «кооперации» является, если так, римское гражданское право и наш X том с институтами condominium'а, общей собственности наследников и не-наследников!

«В мукомольном производстве... всего ярче выразилась в своеобразных бытовых формах артельная предприимчивость крестьян». Много мельниц находится в общем пользовании товариществ или даже целых селений. Способы пользования мельницами: самый распространенный—по очереди; затем деление чистого дохода на паи пропорционально затрате каждого совладельца; в «подобных случаях хозяева-товарищи редко принимают личное трудовое участие в производстве, которое и ведется обыкновенно наемным трудом» (стр. 181; то же самое об артельных смолокурнях—стр. 197). Удивительная своеобразность и артельность в самом деле—общая собственность хозяйчиков, которые сообща нанимают рабочих! Тот факт, что кустари по очереди пользуются мельницами, смолокурнями, кузницами, свидетельствует, наоборот, о поразительной раздробленности производителей, которых даже общая собственность не в силах побудить к кооперации.

«Один из видов артельной организации»—«артельные кузницы» (239). Кузнецы-хозяева для экономии в топливе собираются в одну кузницу, нанимая одного поддувальщика (экономия в рабочих!) и арендуя у хозяина кузницы как помещение, так и молоток за особую плату.—Итак, отдача вещи, принадлежащей одному лицу на праве частной собственности, другому лицу в аренду за плату есть «артельная организация»! Положительно римское право надо назвать кодексом «артельной организации»!.. «В артельной организации.... мы находим новое указание на отсутствие классовой кристаллизации в производстве среди кустарей,—указание на то же слияние расслоений в земледельческой и кустарной среде,

какое мы видели и в артельных мельницах» (239). И смеют еще какие-то злые люди говорить после этого о разложении крестьянства!

До сих пор, следовательно, ни одного случая соединения кустарей для закупки сырья, сбыта продукта, не говоря уже о соединении в самом производстве! Есть, однако, и такие соединения. Подворная перепись кустарей Пермской губернии зарегистрировала их целых четыре, при чем все устроились при содействии кустарного банка: три в экипажном промысле и одна в производстве земледельческих машин. Одна из артелей имеет наемных рабочих (2 ученика и 2 наемных «подсобных» работника), в другой двое товарищей пользуются кузницей и мастерской, принадлежащей третьему товарищу за особую плату. Сообща закупают сырье и сбывают продукт, работают же по отдельным мастерским (кроме отмеченного случая найма за плату кузницы и мастерской). Все эти четыре артели объединили 21 семейного работника. Пермский кустарный банк действует уже несколько лет. Допустим, что он будет теперь «объединять» (для найма соседской кузницы) в один год не по 20-ти семейных рабочих, а по 50. Тогда все 15.000 семейных рабочих кустарей будут «объединены» «артельной организацией» ровно через 300 лет. А покончив с этим делом, начнут уже «объединять» и наемных рабочих у кустарей... И пермские народники торжествуют: «Столь важные экономические концепции, созданные самостоятельною работой мысли кустарной среды, служат прочным залогом экономического прогресса производства в этой среде на началах независимости труда от капитала, так как в данных фактах сказывается не стихийное только стремление кустарей к трудовой самостоятельности, но и в полной мере сознательное» (стр. 353). Помилосердствуйте, господа! Конечно, нельзя себе и представить народничества без маниловских фраз, но ведь надо же знать и меру! Ни одна из артелей, как мы видели, не выражает «начала независимости труда от капитала»: все—артели хозяев и хозяйчиков, многие—с наемными рабочими. Кооперации в этих артелях нет, даже общая заготовка сырья и продажа продукта встречается до смешного редко, объединяя поразительно ничтожное число хозяев. Можно с уверенностью сказать, что не найдется ни одной капиталистической страны, в которой бы регистрация почти 9 тысяч мелких заведений с 20 тысячами рабочих обнаружила такую поразительную раздробленность и одичалость производителей, среди которых нашлось лишь несколько десятков случаев общей соб-

ственности и менее десятка случаев объединения 3—5 хозяйчиков для закупки сырья и сбыта продукта! Эта раздробленность служила бы вернейшим залогом беспросветного экономического и культурного застоя, если бы мы не видели, к счастью, как капитализм с каждым днем подрезывает под корень патриархальное ремесло с его местной ограниченностью самодовлеющих хозяйчиков, с каждым днем разрушает мелкие местные рынки (которыми держится мелкое производство), заменяя их национальным и всемирным рынком, заставляя производителей не одной какой-нибудь деревни Гаврята, а производителей целой страны и даже разных стран вступать в союзы между собой, выводя эти союзы за пределы одних только хозяев и хозяйчиков, ставя перед этими союзами вопросы более широкие, чем вопрос о более дешевой закупке лесного материала и железа, или вопрос о более выгодной продаже гвоздей и телег.

VIII.

Народническая программа промышленной политики.

Так как практические предположения и мероприятия стоят всегда в связи с тем, что находят «отрадного» и обнадеживающего в действительности, то понятно уже a priori, какие пожелания насчет кустарной промышленности имеются в «Очерке», который свел все «отрадные явления» к подкрашиванию наемного труда в мелком хозяйстве и к превознесению весьма малочисленных и односторонних соединений мелких хозяев. Повторяя собой обычные народнические рецепты, эти пожелания поражают своей противоречивостью, с одной стороны, и безмерным преувеличением дюжинных «мероприятий», превращенных посредством фраз в решение великих вопросов,—с другой. В самом начале «Очерка», во введении, еще до изложения данных переписи, мы встречаем велеречивые рассуждения о «задаче кустарного кредита» — «устранить (sic!) безденежье», о «кооперативной организации обмена между производством и потреблением» (стр. 8), о «распространении артельных организаций», устройстве кустарных складов, технических консультаций, технических школ и т. п. (стр. 9). Эти рассуждения повторяются много раз в книге. «Нужно реорганизовать экономику промысла так, чтобы у кустаря завелись деньги; проще сказать, освободить кустаря от кулака» (119). «Задача нашего времени» совершить «кустарную эмансипацию путем кредита»

и т. д. (267). «Необходимо рационализировать меновые прецессы», заботиться «о проведении в недра крестьянского земледельческого хозяйства рациональных основ кредита, обмена и производства» (362),. необходима «экономическая организация труда» (sic!! с. 363), «рациональное устроение экономики народного хозяйства» и т. д. и т. п. Как видите, это—знакомая народническая панацея, приклеенная к данным переписи. И как бы для окончательного подтверждения своего народнического правоверия составители не преминули осудить денежное хозяйство вообще, поучая читателя, что ремесло «составляет важную услугу народному хозяйству, обеспечивая ему возможность избежать превращения натурального хозяйства в денежное». «Насущные интересы народного хозяйства требуют того, чтобы производимое им сырье перерабатывалось на месте, по возможности, без денежного вмешательства в меновые процессы» (с. 360).

Народническая программа изложена здесь со всей полнотой и откровенностью, которые не оставляют желать ничего лучшего! Мы сказали: «народническая программа», ибо нас интересует не то, что отличает составителей «Очерка» от других народников, а, напротив, именно то, что у них общего. Нас интересует практическая народническая программа относительно кустарных промыслов вообще. Легко видеть, что в «Очерке» выпукло выставлены как раз основные черты этой программы: 1) осуждение денежного хозяйства и симпатии к натуральному хозяйству и примитивному ремеслу; 2) различные мероприятия для поддержки мелкого крестьянского производства, вроде кредита, развития техники и т. д.; 3) насаждение всякого рода соединений и союзов между хозяевами и хозяйчиками—товариществ сырьевых, складочных, ссудо-сберегательных, кредитных, потребительных, производительных; 4) «организация труда»—ходячая фраза во всех и всяческих народнических благопожеланиях. Посмотрим же на эту программу.

Что касается прежде всего до осуждения денежного хозяйства, то по отношению к промышленности оно носит уже вполне платонический характер. Ремесло даже в Пермской губернии оттеснено уже далеко на задний план товарным производством и находится в положении столь жалком, что в том же самом «Очерке» мы читаем о желательности «освободить кустаря от зависимости», именно устранить зависимость ремесленника от заказчика-потребителя «изысканием средств к расширению самого района сбыта за пределы спроса для местного потребления» (с. 32). Другими словами: осуждение денежного хозяйства в теории и стремление превратить ремесло в товарное хозяйство—

на практике! И это противоречие вовсе не составляет исключительного достояния «Очерка», а свойственно всем народническим прожектам: как ни упираются они против товарного (денежного) хозяйства, но действительность, изгнанная в дверь, влетает в окно, и мероприятия, за которые они высказываются, развивают именно товарное хозяйство. Пример—кредит. В своих планах и пожеланиях народники не устраняют самого товарного хозяйства. «Очерк», например, ни слова не говорит о том, что предлагаемые реформы должны быть основаны не на почве товарного хозяйства. Напротив, он желает лишь рациональных основ обмена, кооперативной организации обмена. Товарное хозяйство остается, оно должно быть лишь реформировано по рациональным основаниям. Утопия далеко не новая, имевшая в старой экономической литературе крупнейших выразителей. Теоретическая несостоятельность ее обнаружена уже давно, так что останавливаться на этом вопросе не приходится. Не лучше ли было бы вместо того, чтобы говорить нелепые фразы о необходимости «рационализировать» экономику,—«рационализировать» сначала свои представления о действительной экономике, о действительных общественно-экономических отношениях в той крайне разнородной, разносоставной массе «кустарей», судьбы которой так бюрократически-легкомысленно хотят решать сверху наши народники? Не показывает ли нам действительность сплошь да рядом, как практические мероприятия народников, сочиненные по рецептам «чистых» якобы идей об «организации труда» и т. п., приводят на деле лишь к помощи и содействию «хозяйственному мужичку», мелкому фабрикантику или скупщику, вообще всем представителям мелкой буржуазии? Это вовсе не случайность, не результат несовершенства или неудачности отдельных мероприятий. Напротив, на общей основе товарного хозяйства кредитом, складами, банками, техническими советами и т. д. неизбежно и необходимо пользуются прежде всего и больше всего мелкие буржуа.

Но если так,—возразят нам,—если народники в своих практических мероприятиях, бессознательно и против своей воли, служат развитию мелкой буржуазии, а след., и капитализма вообще, то зачем же нападать на их программы людям, принципиально признающим развитие капитализма прогрессивным процессом? Резонно ли из-за ошибочности, или—скажем мягче—спорности идеологических облачений, нападать на практически полезные программы, ибо никто ведь не станет отрицать «пользы» технического образования, кредита, союзов и соединений между производителями?

Это возражения не вымышленные. То в той, то в другой

форме, то по тому, то по другому поводу они постоянно слышатся в ответ на полемику против народничества. Мы не будем здесь говорить о том, что такие возражения, будь они даже справедливы, нисколько не опровергают того, что одно уже это облачение мелко-буржуазных прожектов в возвышеннейшие социальные панацеи приносит глубокий общественный вред. Мы намерены поставить вопрос на практическую почву ближайших и насущных нужд современности и о этой, умышленно суженной точки зрения оценить народническую программу.

Несмотря на то, что многие народнические мероприятия приносят практическую пользу, служа развитию капитализма, тем не менее в общем и целом эти мероприятия оказываются: 1) в высшей степени непоследовательными, 2) доктринерски-безжизненными и 3) мелочными по сравнению с действительными задачами, которые ставит перед нашей промышленностью развивающийся капитализм. Поясним это. Мы указали, во-первых, на непоследовательность народников, как практических людей. На-ряду с указанными выше мероприятиями, которые обыкновенно характеризуются, как либеральная экономическая политика, которые всегда выставлялись на знамени вожаков буржуазии на Западе, народники ухитряются сохранять намерение задержать данное экономическое развитие, помешать прогрессу капитализма, поддержать мелкое производство, изнемогающее в борьбе с крупным. Они защищают законы и учреждения, стесняющие свободу мобилизации земли, свободу передвижения, удерживающие сословную замкнутость крестьянства и т. п. Есть ли, спрашивается, какие-либо разумные основания задерживать развитие капитализма и крупной промышленности? Мы видели из данных переписи, что пресловутая «самостоятельность» кустарей нисколько не гарантирует от подчинения торговому капиталу, от эксплоатации в ее худшей форме, что на деле положение громадной массы этих «самостоятельных» кустарей зачастую более жалкое, чем положение наемных рабочих у кустарей, что заработки их поразительно ничтожны, условия труда (по санитарной обстановке и длине рабочего дня) крайне неудовлетворительны, производство раздроблено, технически первобытно и неразвито. Есть ли, спрашивается, какие-либо разумные основания удерживать полицейские законы, укрепляющие «связь с землей», запрещающие разрывать эту связь, умиляющую народников*)? Данные «кустарной переписи» 1894/5 года

*) «Очерк» тоже говорит с большим пафосом о пользе общины и о вреде «свободы мобилизации» землевладения, которая повела бы, дескать, к по-

в Пермской губернии ясно свидетельствуют о полной бессмысленности искусственных прикреплений к земле крестьян. Это прикрепление только понижает их заработки, которые при «связи с землей» оказываются более чем вдвое ниже, чем у неземледельцев, понижает жизненный уровень, усиливает разрозненность и раздробленность производителей, разбросанных по деревням, усиливает их беспомощность перед каждым скупщиком и мастерком. Прикрепление к земле задерживает в то же время развитие земледелия, не будучи однако в состоянии помешать появлению класса мелкой сельской буржуазии. Народники избегают ставить вопрос таким образом: задерживать или не задерживать развитие капитализма? Они предпочитают рассуждать о «возможности иных путей для отечества». Но ведь раз речь идет о ближайших практических мероприятиях, то уже этим самым всякий деятель становится на почву данного пути*). Делайте себе все, что угодно, для того, чтобы «стащить» отечество на иной путь! Такая деятельность никакой критики (кроме критики смеха) не вызовет. Но не защищайте того, что искусственно задерживает данное развитие, не заглушайте фразами «об ином пути» вопроса об устранении препятствий с данного пути.

Другое обстоятельство, которое необходимо иметь в виду при оценке практической народнической программы, состоит в следующем. Мы видели, уже, что народники стараются как можно отвлеченнее формулировать свои пожелания, выставить их абстрактными, отвлеченными требованиями «чистой» науки, «чистой» справедливости, а не реальными нуждами реальных классов, имеющих определенные интересы. Кредит—эту насущную потребность каждого хозяина и хозяйчика в капиталистическом обществе—народник выставляет каким-то элементом в системе организации труда; союзы и соединения хозяев изображаются зачаточным выражением идеи кооперации вообще, идеи «кустарной эмансипации» и т. д., тогда как всякий знает, что все такие союзы преследуют на самом деле цели, ничего общего не имеющие с такими высокими материями, а просто связанные с размером

явлению «пролетариата» (стр. 6). Это противоположение общине свободы мобилизации прекрасно оттеняет именно самую реакционную и вредную черту «общины». Интересно бы знать, нашелся ли бы хоть в одной капиталистической стране такой «пролетарий», который бы не был отнесен к пауперам при заработке 33 и 50 руб. в год?

*) А что этот данный путь состоит в развитии капитализма, этого, насколько мы знаем, не отрицали и сами народники, ни г. Н.—он, ни г. В. В., ни г. Южаков и т. д. и т. д.

дохода этих хозяйчиков, с укреплением их положения, увеличением их прибыли. Это превращение дюжинных буржуазных и мелко-буржуазных пожеланий в какие-то социальные панацеи лишь обессиливает эти пожелания, отнимает от них их жизненный нерв, гарантию их насущности и осуществимости. Насущные вопросы каждого хозяина, скупщика, торговца (кредит, союзы, техническая помощь) народник усиливается ставить как общие вопросы, возвышающиеся над отдельными интересами. Народник воображает, что он этим усиливает их значение, возвышает их,— а на самом деле он превращает этим живое дело, заинтересовывающее такие-то и такие-то группы населения, в филистерское пожелание, кабинетное умствование, бюрократическое рассуждение «о пользах». С этим непосредственно связывается и третье обстоятельство. Не понимая того, что такие практические мероприятия, как кредит и артель, технические пособия и т. п., выражают потребности развивающегося капитализма, народник не умеет выразить общих и основных потребностей такого развития, заменяя мелкими, случайно выхваченными, половинчатыми мероприятиями, которые, отдельно взятые, неспособны оказать никакого серьезного действия и осуждены неизбежно на неуспех. Если бы народник открыто и последовательно встал на точку зрения выразителя потребностей общественного развития по капиталистическому пути, то он сумел бы заметить общие условия, общие требования такого развития, он увидел бы, что все его маленькие прожекты и мероприятия при наличности этих общих условий (главное из них в интересующем нас случае— свобода промышленности) осуществились бы сами собой, т.-е. деятельностью самих заинтересованных лиц, тогда как игнорирование этих общих условий и выставление одних практических мероприятий совершенно частного свойства не может не вести к толчению воды. Остановимся, для примера, на этом вопросе о свободе промышленности. С одной стороны, это настолько общий и основной вопрос из вопросов промышленной политики, что разбор его особенно уместен. С другой стороны, бытовые особенности Пермского края дают интересные подтверждения кардинальной важности этого вопроса.

Как известно, главным явлением экономической жизни края является горнозаводская промышленность, которая сообщила ему совершенно особый отпечаток. С положением и интересами уральской горнопромышленности связаны и история колонизации и настоящее положение края. «Крестьяне вообще были населены на Урале с целью работать заводовладельцам»,—читаем мы в

письме обывателя Н.-Сергинского завода, Бабушкина, в «Трудах Комиссии по иссл. куст. пром.» *). И эти бесхитростные слова очень верно выражают громадную роль заводовладельцев в жизни края, их значение, как помещиков и заводчиков вместе, их привычку к безраздельному и неограниченному господству, к положению монополистов, основывающих свою промышленность на своем владельческом праве, а не на капитале и конкуренции. Монопольные начала горнозаводской промышленности Урала выразились в законе известной статьей 394-й т. VII св. зак. (устав горный),—статьей, о которой так много говорилось и говорится в литературе об Урале. Закон этот, изданный в 1806 году, требует, во-первых, разрешения горного начальства на открытие горными городами всяких фабрик, а во-вторых, запрещает открытие в заводских округах «всех тех мануфактур и фабрик, которых все производство главнейше основывается на огненном действии, требующем угля и дров». Уральские горнозаводчики в 1861 году особенно настаивали на том, чтобы такой закон внести в условия освобождения крестьян, и статья 11-я полож. о горнозав. мастеров. повторяет однородное запрещение **). Отчет правления кустарно-промышленного банка за 1895 год говорит между прочим: «Чаще всего одиакоже поступают жалобы на запрещение чинами горного ведомства и владельцами посессионных заводов открывать огнедействующие заведения в черте подведомственных им районов и на всякого рода стеснения в производстве промыслов по обработке металлов» («Очерк», с. 223). Таким образом Урал и по сю пору сохраняет незыблемые традиции «доброго старого времени», и отношение к мелкой крестьянской промышленности стоит здесь в полной гармонии с той «организацией труда», которая обеспечивала заводы прикрепленным к месту заводским рабочим населением. С полной рельефностью охарактеризованы эти традиции в следующем сообщении «Пермских Губ. Ведомостей», № 183 за 1896 год, которое приводится в «Очерке» и справедливо назы-

*) Вып. XVI, стр. 594—595. Цитировано в книге «Куст. пр.», I, 140.

**) См. «Куст. пром.» I, 18—19. «Очерк», 222, 223, 224. «Отчеты и исследования по куст. пром.» изд. М-ва Г. И. и З., статья Егунова в III т. Помещая статью Егунова, мин-во оговаривается в примечании, что взгляды автора «существенно расходятся с воззрениями и данными горного ведомства». В Красноуфимском уезде, напр., было закрыто, на основании приведенных законов, до 400 кузниц. Ср. «Труды Ком. по иссл. куст. пром.», вып. XIV, ст. В. Д. Белова: «Кустарная промышленность Урала в связи с горнозаводским делом». Автор рассказывает, что кустари, боясь суровых законов, прячут свои машины. Один кустарь устроил печь для отливки изделий, на колесах, чтобы легче спрятать ее (стр. 18 цит. ст.).

вается «многозначительным». Вот оно: «М-во Земледелия и Гос. Им. предложило уральским горнопромышленникам обсудить вопрос о возможности принятия горными заводами мер к развитию кустарных промыслов на Урале. Горнопромышленники уведомили мин-во, что развитие на Урале кустарной промышленности послужит во вред крупной промышленности, так как даже теперь, при слабом развитии кустарных промыслов на Урале, население его не может давать заводам необходимого числа рабочих *); когда же население найдет заработок дома, заводы рискуют остаться совсем без работы» («Очерк», с. 244). Это сообщение вызвало у составителей «Очерка» следующее восклицание: «Конечно, первое, необходимое условие всякого рода промышленности, крупной, средней и мелкой, есть свобода промышленности... Во имя свободы промышленности все ее отрасли должны быть юридически равноправными... Металлоиздельные кустарные промыслы на Урале должны быть освобождены от всяких исключительных уз, созданных заводской регламентацией с целью ограничения естественного их развития» (ibid. курсив наш). Читая эту прочувствованную и глубоко справедливую тираду в защиту «свободы промышленности», мы вспомнили известную басню о метафизике, который медлил вылезать из ямы, вопрошая, что такое веревка, брошенная ему—«вервие простое»! Вот и пермские народники по отношению к свободе промышленности, свободе развития капитализма, свободе конкуренции, вопрошают пренебрежительно, что такое свобода промышленности—простое буржуазное требование! Они возносятся гораздо выше в своих пожеланиях; они хотят не свободы конкуренции (какое низменное, узкое, буржуазное пожелание!), а «организации труда»... Но стоит только этим маниловским мечтаниям столкнуться «лицом к лицу» с неподкрашенной и прозаической действительностью,—и от этой действительности пахнёт сразу такой «организацией труда», что народник забывает про «вред» и «опасность» капитализма, про «возможность иных путей для отечества» и взывает о «свободе промышленности».

Повторяем, мы считаем это пожелание глубоко справедливым

---

*) Заметим в пояснение читателю, что статистика нашей горнозаводской промышленности много раз уже констатировала тот факт, что на Урале число занятых рабочих в пропорции к получаемому продукту неизмеримо выше, чем в южном или польском горном районе. Низкая заработная плата—результат прикрепления рабочих к земле—держит Урал на несравненно более низком уровне техники по сравнению с югом и Польшею.

и думаем, что такая точка зрения (разделяемая не одним «Очерком», а едва ли не всеми авторами, писавшими по этому вопросу) делает честь народникам. Но...—Что прикажете делать! Никак нельзя похвалить народников без того, чтобы не поставить сейчас же большущее «но»,—но мы имеем сделать по этому поводу два существенных замечания.

Первое. Можно быть уверенным, что громадное большинство народников с негодованием отвергнет правильность нашего отождествления «свободы промышленности» со «свободой капитализма». Они скажут, что устранение монополий и остатков крепостного права есть «просто» требование равноправности, интерес «всего» народного хозяйства вообще и крестьянского в особенности, а вовсе не капитализма. Знаем мы, что народники это скажут. Но это будет неверно. С тех пор, когда на «свободу промышленности» смотрели так идеалистически-абстрактно, видя в ней основное и естественное (ср. подчеркнутое слово в «Очерке») «право человека», прошло уже более ста лет. Требование «свободы промышленности» и осуществления этого требования обошло с тех пор несколько стран, и везде это требование являлось выражением несоответствия растущего капитализма с остатками монополий и регламентаций, везде оно служило лозунгом передовой буржуазии, везде оно вело лишь к полному торжеству капитализма. Теория разъяснила с тех пор вполне всю наивность иллюзии, будто «свобода промышленности» есть требование «чистого разума», требование отвлеченной «равноправности», и показала, что вопрос о свообде промышленности есть вопрос капиталистический. Осуществление «свободы промышленности» отнюдь не является «юридическим» только преобразованием; это—глубокая экономическая реформа. Требование «свободы промышленности» означает всегда несоответствие между юридическими нормами (отражающими производственные отношения, отжившие уже свой век) и новыми производственными отношениями, которые развились вопреки старым нормам, выросли из них и требуют их отмены. Если уральские порядки вызывают теперь всеобщий клич о «свободе промышленности», то это значит, что те регламентации, монополии и привилегии, которые унаследованы были в пользу помещиков-заводовладельцев, стесняют данные хозяйственные отношения, данные экономические силы. Каковы же эти отношения и эти силы? Это — отношения товарного хозяйства. Эти силы—силы руководящего товарным хозяйством капитала. Вспомните хоть вышецитированное «признание» пермского народника: «вся наша кустарная

промышленность находится в узах частных капиталов». Да и без этого признания данные кустарной переписи говорят достаточно красноречиво сами за себя.

Второе замечание. Мы приветствуем защиту народниками свободы промышленности. Но мы ставим это приветствие в зависимость от последовательного проведения такой защиты. Разве «свобода промышленности» состоит только в устранении уральских запрещений открывать огнедействующие заведения? Разве отсутствие у крестьянина права выйти из общины, права заняться любым промыслом или делом не представляет собой гораздо более существенного ограничения «свободы промышленности»? Разве отсутствие свободы передвижения, непризнание законами права каждого гражданина выбирать для жительства любую городскую или сельскую общину в государстве не ограничивает свободу промышленности? Разве сословная замкнутость крестьянской общины, невозможность проникнуть в нее лицам торгово-промышленного класса не ограничивает свободу промышленности? и т. д. и т. д. Мы назвали гораздо более важные, более общие, более распространенные стеснения свободы промышленности, проявляющие свое влияние на всей России и более всего на всей крестьянской массе. Если «крупная, средняя и мелкая» промышленности должны быть равноправны, то разве не должна последняя получить те же права по отчуждению земель, какими пользуются первые? Если уральские горные законы суть «исключительные узы, стесняющие естественное развитие», то разве круговая порука, неотчуждаемость наделов, особые сословные законы и правила о переселениях, перечислениях, промыслах и занятиях не составляют «исключительных уз»? Разве они не «стесняют естественного развития»?

Вот в том-то и дело, что народничество и по данному вопросу обнаружило ту же половинчатость и двуличность, которые так характерны для всякой идеологии Kleinbürger'ства. С одной стороны, народники не отрицают, что в нашей жизни есть масса остатков такой «организации труда», происхождение которой относится ко временам удельщины и которая находится в самом вопиющем противоречии с современным экономическим строем, со всем хозяйственным и культурным развитием страны. С другой стороны, они не могут не видеть, что этот экономический строй и это развитие грозят погубить мелкого производителя, и устрашенные за участь этого палладиума своих «идеалов», народники стараются задержать историю, остановить развитие, упрашивают и умоляют «запретить», «не дозволять» и прикрывают

этот жалкий реакционный лепет фразами об «организации труда», фразами, которые не могут не звучать горькой насмешкой.

Для читателя ясно уже, конечно, теперь, какое главное и основное возражение сделаем мы против практической народнической программы в вопросах современной промышленности. Поскольку народнические мероприятия входят как часть или совпадают с преобразованием, которое со времени Адама Смита называется свободой промышленности (в широком значении слова), постольку они прогрессивны. Но, во-первых, в них нет тогда ничего «народнического», ничего поддерживающего специально мелкое производство и «особые пути» отечества. Во-вторых, эта положительная часть народнической программы обессиливается и извращается подстановкой частных и мелочных проектов и мероприятий на место общего и основного вопроса о свободе промышленности. Поскольку же народнические пожелания идут против свободы промышленности, стараясь задержать современное развитие, постольку они реакционны и бессмысленны, и осуществление их, кроме вреда, ничего принести не может. Возьмем примеры. Кредит. Кредит есть учреждение наиболее развитого товарного обращения, наиболее развитого гражданского оборота. Осуществление «свободы промышленности» ведет неизбежно к созданию кредитных учреждений, как коммерческого дела, к устранению сословной замкнутости крестьян, к сближению их с классами, наиболее пользующимися кредитом, к самостоятельному образованию заинтересованными лицами кредитных обществ и т. п. Наоборот, какое значение могут иметь кредитные мероприятия, преподносимые «мужичкам» земцами и прочей «интеллигенцией», покуда законы и учреждения ставят крестьянство в положение, исключающее правильное и развитое товарное обращение, в положение, при котором вместо имущественной ответственности (основа кредита) гораздо легче, осуществимее, доступнее и употребительнее... отработки! Кредитные мероприятия останутся при таких условиях всегда наносными, чуждыми растениями, посаженными извне на совершенно неподходящую почву, окажутся мертворожденным детищем, которое могли породить только мечтательные интеллигенты-Маниловы и благожелательные чиновники, и над которым смеются и будут смеяться настоящие торговцы денежным капиталом. Чтобы не быть голословными, приведем мнение Егунова (цит. статья), которого никто не заподозрит в... «материализме». О кустарных складах он говорит: «Даже при самой благоприятной местной обстановке неподвижный склад, да еще единственный

на целый уезд, никогда не заменит да и не может заменить вечно подвижного и лично заинтересованного торговца». О пермском кустарном банке мы читаем: Чтобы получить ссуду, кустарь должен подать заявление или в банк, или агенту его и назвать поручителей. Агент приезжает проверяет заявления кустаря, собирает подробные сведения о производстве и т. п. «и весь этот ворох бумаг за счет кустаря отсылает в правление банка». Разрешив ссуду, банк присылает (через агента или через волостное правление) долговое обязательство. Когда должник подпишет его (с засвидетельствованием подписи волостным начальством) и отошлет в банк,—тогда только посылают ему деньги. Если ссуду берет артель, то требуется копия товарищеского договора. Агенты должны наблюдать, чтобы ссуды расходовались именно па то, на что они выданы, чтобы дела клиентов не расстраивались и т. д. «Очевидно, что банковского кредита никоим образом нельзя признать доступным для кустарей; с уверенностью можно сказать, что гораздо охотнее предпочтет кустарь поискать кредит у местного богача, нежели подвергнуться всем описанным мытарствам: оплачивать почтовые, нотариальные и волостные расходы, ждать целые месяцы со дня возникшей потребности в ссуде до дня ее получения и на весь срок этой ссуды оставаться в поднадзорном положении» (стр. 170 цит. ст.). Насколько нелепо народническое мнение о каком-то антикапиталистическом кредите, настолько же несуразны, неуклюжи и малопроизводительны подобные покушения (с негодными средствами) сделать силами «интеллигентов» и чиновников то, что составляет везде и повсюду настоящее дело торговцев.—Техническое образование. Кажется, об этом можно уже и не говорить... Напомним разве заслуживающий «вечного поминовения» проект нашего известного прогрессивного писателя г. Южакова насадить в России земледельческие гимназии с тем, чтобы неимущие крестьяне и крестьянки отрабатывали стоимость своего учения, служа, напр., поварами и прачками *)... Артели. Но кто же не знает, что основные препятствия к их распространению заключаются в традициях той же самой «организации труда», которая отразилась и в уральских горных законах? Кто не знает, что проведение свободы промышленности в полном объеме повело везде и повсюду к невиданному расцвету и развитию всяких союзов и соединений? Чрезвычайно комично бывает видеть, когда народник пытается выставить своего против-

*) См. статью «Перлы народнического прожектерства», стр. 289—316 настоящего издания. Ред.

ника врагом артельности, союзности и т. п. вообще. Вот уж поистине, с больной головы да на здоровую! Дело только в том, что за поисками идеи союзности и средств ее осуществления надо смотреть не назад, не в прошлое, не на патриархальное ремесло и мелкое производство, порождающие крайнюю обособленность, раздробленность и одичалость производителей,—а вперед, в будущее, в сторону развития крупного промышленного капитализма.

Мы прекрасно знаем, с каким величественным пренебрежением отнесется народник к этой, противопоставляемой его собственной программе промышленной политики. «Свобода промышленности». Какое старое, узкое, манчестерское *), буржуазное пожелание. Народник уверен, что для него это überwundener Standpunkt **), что он сумел подняться выше тех преходящих и односторонних интересов, которые лежат в основе такого пожелания, что он сумел возвыситься до более глубоких и более чистых идей об «организации труда»... А на самом деле он только опустился от прогрессивной буржуазной к реакционной мелко-буржуазной идеологии, беспомощно колеблющейся между стремлениями ускорить современное экономическое развитие и задержать его, между интересами хозяйчиков и интересами труда. Эти последние совпадают, по данному вопросу, с интересами крупного промышленного капитала.

---

*) Найдутся, пожалуй, люди, которые подумают, что «свобода промышленности» исключает такие меры, как фабричные законы и т. п. Под «свободой промышленности» разумеется устранение оставшихся от старины препятствий к развитию капитализма. Фабричное же законодательство, как и другие меры современной т.-наз. Socialpolitik (социальной политики. Ред.), предполагает глубокое развитие капитализма и, в свою очередь, толкает вперед это развитие.

**) — превзойденная точка зрения. Ред.

СТАТЬИ ПО ВОПРОСУ О ТЕОРИИ РЫНКОВ [131])

(1899 г.)

Заметка к вопросу о теории рынков *).

(По поводу полемики г.г. Туган-Барановского и Булгакова [132]).

Вопрос о рынках в капиталистическом обществе занимал, как известно, в высшей степени важное место в учении экономистов-народников с г.г. В. В. и Н. —оном во главе их. Вполне естественно поэтому, что экономисты, отрицательно относящиеся к теориям народников, сочли необходимым обратить внимание на этот вопрос и выяснить прежде всего основные, абстрактно-теоретические пункты «теории рынков». Попытку этого выяснения сделал в 1894 г. г. Туган-Барановский в своей книге: «Промышленные кризисы в современной Англии», гл. I части второй: «Теория рынков», а затем в прошлом году этому же вопросу посвятил г. Булгаков свою книгу: «О рынках при капиталистическом производстве» (Москва 1897 г.). Оба автора сошлись между собою в основных воззрениях; у обоих центр тяжести состоит в изложении замечательного анализа «обращения и воспроизводства всего общественного капитала»,—анализа, данного Марксом в III отделе второго тома «Капитала». Оба автора согласились в том, что теории г.г. В. В. и Н.—она о рынке (особенно внутреннем) в капиталистическом обществе безусловно ошибочны и основаны либо на игнорировании либо на непонимании анализа Маркса. Оба автора признали, что развивающееся капиталистическое производство само создает себе рынок главным образом на счет средств производства, а не предметов потребления;—что реализация продукта вообще и сверхстоимости [133]) в частности вполне объяснима без привлечения внешнего рынка;—что необходимость внешнего рынка для капиталистической страны вытекает отнюдь не из условий реализации (как полагали г.г. В. В. и Н. —он), а из условий исторических и пр. Казалось бы, что при таком полном согласии г.г. Булгакову и Туган-Барановскому не о чем спорить, и они могут совместно направить свои силы на более подробную и дальнейшую критику народнической экономии. Но

*) Написано в конце 1898 г.

на деле между названными писателями завязалась полемика (Булгаков, назв. соч., стр. 246—257 и passim; Туган-Барановский в «Мире Бож.» 1898 г., № 6: «Капитализм и рынок», по поводу книги С. Булгакова). По нашему мнению, и г. Булгаков и г. Туган-Барановский зашли несколько далеко в своей полемике, придав своим замечаниям слишком личный характер. Попробуем разобрать, есть ли между ними действительное разногласие и если есть, то кто из них более прав.

Прежде всего г. Туган-Барановский обвиняет г. Булгакова в том, что он «мало оригинален» и слишком любит jurare in verba magistri («М. Б.», 123). «Изложенное у меня решение вопроса о роли внешнего рынка для капиталистической страны, целиком принимаемое г. Булгаковым, отнюдь не взято у Маркса»,—заявляет г. Туган-Барановский. Нам кажется, что это заявление неверно, ибо решение вопроса взято г. Туган-Барановским именно у Маркса; оттуда же, несомненно, взял его и г. Булгаков, так что спор может вестись не об «оригинальности», а о понимании того или другого положения Маркса, о необходимости так или иначе излагать Маркса. Г. Туган-Барановский говорит, что Маркс «во II томе вопроса о внешнем рынке совершенно не затрогивает» (l. c.). Это неверно. В том самом отделе (III) второго тома, в котором изложен анализ реализации продукта, Маркс совершенно определенно выясняет отношение к этому вопросу внешней торговли, а следовательно, и внешнего рынка. Вот что говорит он об этом:

«Капиталистическое производство вообще не существует без внешней торговли. Но если предположить нормальное годичное воспроизводство в данных размерах, то этим уже предполагается, что внешняя торговля только замещает туземные изделия (Artikel — товары) изделиями другой потребительной или другой натуральной формы, не затрогивая ни тех отношений стоимости, в которых обмениваются между собой две категории: средства производства и предметы потребления, ни отношений между постоянным капиталом, переменным капиталом и сверхстоимостью, на которые распадается стоимость продукта каждой из этих категорий. Введение внешней торговли в анализ ежегодно воспроизводимой стоимости продукта может, следовательно, только запутать дело, не доставляя нового момента ни для самой задачи, ни для решения ее. Следовательно, ее совсем не надо принимать во внимание»... (Das Kapital, II[1], 469 *).

*) «Капитал», II том, стр. 160 русск. изд. под ред. И. Степанова, 1919. Ред.

Курсив наш). «Решение вопроса» г-ном Туган-Барановским:— «...в каждой стране, ввозящей товары из-за границы, капитал может быть в избытке; внешний рынок для такой страны безусловно необходим» («Пром. кризисы», стр. 429. Цит. в М. Б.» 1. с., 121)—есть простая перефразировка положения Маркса. Маркс говорит, что при анализе реализации нельзя брать в расчет внешней торговли, ибо она только замещает одни товары другими. Г. Туган-Барановский говорит, разбирая тот же вопрос о реализации (гл. I части второй «Пром. кризисов»), что страна, ввозящая товары, должна и вывозить товары, т.-е. иметь внешний рынок. Спрашивается, можно ли после этого сказать, что «решение вопроса» у г. Туган-Барановского «отнюдь не взято у Маркса»? Г. Туган-Барановский говорит далее, что «II и III томы «Капитала» представляют собой лишь далеко не законченный черновой набросок», и что по этой причине мы не находим в III томе выводов из замечательного анализа, представленного во II томе» (цит. ст., 123). И это утверждение неточно. Помимо отдельных анализов общественного воспроизводства (Das Kapital, III, 1, 289 *): разъяснение, в каком смысле и насколько реализация постоянного капитала «независима» от индивидуального потребления), «мы находим в III томе» специальную главу (49-ю. «К анализу процесса производства»), посвященную выводам из замечательного анализа, представленного во II томе,—главу, в которой результаты этого анализа применены к решению весьма важного вопроса о видах общественного дохода в капиталистическом обществе. Наконец, точно так же неверным следует признать утверждение г-на Туган-Барановского, будто Маркс в III томе «Капитала» высказывается по данному вопросу совершенно иначе», будто в III томе мы «даже встречаем утверждения, решительно опровергаемые этим анализом» (цит. ст., 123). Г. Туган-Барановский приводит на стр. 122-й своей статьи два таких, якобы противоречащих основной доктрине, рассуждения Маркса. Рассмотрим их поближе. В III томе Маркс говорит: «Условия непосредственной эксплоатации и условия реализации ее (этой эксплоатации) не тождественны. Они не только не совпадают по времени и месту, но и по существу различны. Первые ограничиваются лишь производительной силой общества, вторые ограничиваются пропорциональностью различных отраслей производства и потребительной силой общества... Чем более развивается производительная сила

*) «Капитал», III том, 1 часть, стр. 289 русск. изд. под ред. Степанова, 1922. Ред.

(общества), тем более она становится в противоречие с узким основанием, на котором покоятся отношения потребления» (III, 1, 226. Русск. пер., с. 189 *). Г. Туган-Барановский толкует эти слова так: «Одна пропорциональность распределения национального производства еще не гарантирует возможности сбыта продуктов. Продукты могут не найти себе рынка, хотя распределение производства будет пропорционально,—таков, повидимому, смысл цитированных слов Маркса». Нет, смысл этих слов не таков. Нет никаких оснований видеть в этих словах какую-то поправку к теории реализации, изложенной во II томе. Маркс констатирует лишь здесь то противоречие капитализма, на которое было указано и в других местах «Капитала», именно противоречие между стремлением безгранично расширить производство и необходимостью ограниченного потребления (вследствие пролетарского состояния народных масс). Г. Туган-Барановский, конечно, не станет спорить против того, что это противоречие присуще капитализму; и раз Маркс в этом же отрывке указывает на него—мы не имеем никакого права искать еще какого-то дальнейшего смысла в его словах. «Потребительная сила общества» и «пропорциональность различных отраслей производства»,—это вовсе не какие-то отдельные, самостоятельные, не связанные еще друг с другом условия. Напротив, известное состояние потребления есть одии из элементов пропорциональности. В самом деле, анализ реализации показал, что образование внутреннего рынка для капитализма идет не столько на счет предметов потребления, сколько на счет средств производства. Отсюда следует, что первое подразделение общественной продукции (изготовление средств производства) может и должно развиваться быстрее, чем второе (изготовление предметов потребления). Но отсюда, разумеется, никак не следует, чтобы изготовление средств производства могло развиваться совершенно независимо от изготовления предметов потребления и вне всякой связи с ним. Маркс говорит по этому поводу: «Мы видели (книга II, отдел III), что происходит постоянное обращение между постоянным капиталом и постоянным капиталом, которое, с одной стороны, независимо от личного потребления в том смысле, что оно никогда не входит в это последнее, но которое, тем не менее, ограничено в конечном счете (definitiv) личным потреблением, ибо производство постоянного капитала никогда не происходит ради него самого, а про-

---

*) «Капитал», III том, 1 часть, стр. 289 русск. изд. под ред. Степанова, 1922. Ред.

исходит лишь оттого, что этого постоянного капитала больше потребуется в тех отраслях производства, продукты которых входят в личное потребление» (III, I, 289. Русск. пер., 242 *). Итак, в конечном счете, производительное потребление (потребление средств производства) всегда связано с личным потреблением, всегда зависимо от него. Между тем, капитализму присуще, с одной стороны, стремление к безграничному расширению производительного потребления, к безграничному расширению накопления и производства, а с другой стороны,—пролетаризирование народных масс, ставящее довольно узкие границы расширению личного потребления. Ясно, что мы видим здесь противоречие в капиталистическом производстве, и в цитированном отрывке Маркс только это противоречие и констатирует **). Анализ реализации во II томе нисколько не опровергает этого противоречия (вопреки мнению г. Туган-Барановского), показывая, напротив, связь между производительным и личным потреблением. Само собою разумеется, что было бы грубой ошибкой выводить из этого противоречия капитализма (или из других его противоречий) невозможность капитализма или непрогрессивность его сравнительно с прежними хозяйственными режимами (как любят делать наши народники). Развитие капитализма не может происходить иначе, как в целом ряде противоречий, и указание на эти противоречия лишь выясняет нам исторически преходящий харак-

---

*) «Капитал», III том, 1 часть, стр. 289 русск. изд. под ред. Степанова, 1922. Ред.

**) Совершенно такой же смысл имеет и другой отрывок, цитированный г. Туган-Барановским [III, 1, 231, ср. S. 232 до конца параграфа («Капитал», III том, 1 ч., стр. 231 русск. изд. под ред. И. Степанова, 1922 г. См. стр. 181 наст. издания, примечание. Ред.)], а равно и следующее место о кризисах: «Последней причиной всех действительных кризисов остается всегда бедность и ограниченность потребления масс, противодействующая стремлению капиталистического производства развивать производительные силы таким образом, как если бы границей их развития была лишь абсолютная потребительская способность общества» [«Das Kapital, III, 2, 21. Русск. пер., стр. 395 («Капитал», III том, 2 ч., стр. 22 русск. изд. под ред. Базарова и Степанова, 1908. Ред.)]. Тот же смысл следующего замечания Маркса: «Противоречие в капиталистическом обществе: рабочие, как покупатели товара, важны для рынка. Но капиталистическое общество стремится ограничить их минимумом цены, как продавцов своего товара—рабочей силы» [«Das Kapital», II, 303 («Капитал», II том, стр. 297, примеч. 36 русск. изд. под ред. И. Степанова, 1919. Ред.)]. О неверном толковании этого места у г-на Н. —она мы уже говорили в «Нов. Сл.», 1897, май (см. стр. 196 настоящего издания. Ред.). Никакого противоречия между всеми этими местами и анализом реализации в III отделе II тома нет.

тер капитализма, выясняет условия и причины его стремления перейти в высшую форму.

Сводя вместе все вышеизложенное, мы получаем такой вывод: изложенное у г. Т.-Б. решение вопроса о роли внешнего рынка взято именно у Маркса; никакого противоречия между II и III томом «Капитала» по вопросу о реализации (и о теории рынков) нет.

Пойдем далее. Г. Булгаков обвиняет г. Туган-Барановского в том, что он неверно оценивает учения экономистов до Маркса о рынках. Г. Т.-Б. обвиняет г. Булгакова в том, что он отрывает взгляды Маркса от той научной почвы, на которой они выросли, что он изображает дело так, будто «взгляды Маркса не имеют никакой связи с воззрениями его предшественников». Этот последний упрек совершенно неоснователен, ибо г. Булгаков не только не высказывал подобного абсурдного мнения, но, напротив, приводил воззрения представителей различных школ до Маркса. По нашему мнению, и г. Булгаков и г. Туган-Барановский в изложении истории вопроса напрасно обратили так мало внимания на Ад. Смита, на котором обязательно бы было остановиться с наибольшей подробностью при специальном изложении «теории рынков»; «обязательно»—потому, что именно Ад. Смит был родоначальником той ошибочной доктрины о распадении общественного продукта на переменный капитал и сверхстоимость (заработную плату, прибыль и ренту, по терминологии Ад. Смита), которая держалась упорно до Маркса и не давала возможности не только разрешить, но даже правильно поставить вопрос о реализации. Г. Булгаков совершенно справедливо говорит, что, «при неверности исходных точек зрения и неверном формулировании самой проблемы, эти споры» (по поводу теории рынков, возникавшие в экономической литературе) «могли повести только к схоластическим и пустым словопрениям» (с. 21 н. соч., прим.). Между тем Ад. Смиту автор уделил всего одну страничку, опустив подробный и блестящий разбор теории Ад. Смита, данный Марксом в 19-й главе второго тома «Капитала» (§ II, S. 358—383) *), и остановившись вместо того на учениях второстепенных и несамостоятельных теоретиков, Д. С. Милля и фон-Кирхмана [134]). Что касается до г. Туган-Барановского, то он совершенно обошел Ад. Смита и потому в изложении взглядов последующих экономистов опустил их основную ошибку (повторение вышеуказанной ошибки Смита). Что из-

*) «Капитал», II том, стр. 346—375 русск. изд. под ред. И. Степанова, 1919. Ред.

ложение при этих условиях не могло быть удовлетворительным,— это ясно само собою. Ограничимся двумя примерами. Изложивши свою схему № 1, поясняющую простое воспроизводство, г. Туган-Барановский говорит: «Но ведь предполагаемый нами случай простого воспроизводства и не возбуждает никаких сомнений; капиталисты, согласно нашему предположению, потребляют всю свою прибыль, — понятное дело, что предложение товаров не превзойдет спроса» («Пром. кризисы», с. 409). Это неверно. Вовсе это не «понятное дело» для прежних экономистов, ибо они не умели объяснить даже простого воспроизводства общественного капитала, да и нельзя его объяснить, не поняв, что общественный продукт распадается по стоимости на постоянный капитал + переменный капитал + сверхстоимость, а по материальной форме—на два большие подразделения: средства производства и предметы потребления. Поэтому у Ад. Смита и этот случай возбудил «сомнения», в которых он, как показал Маркс, и запутался. Если же позднейшие экономисты повторяли ошибку Смита, не разделяя сомнений Смита, то это показывает лишь, что они сделали в теоретическом отношении по данному вопросу шаг назад. Точно так же неверно, когда г. Туган-Барановский говорит: «Учение Сэя-Рикардо теоретически совершенно правильно; если бы противники его дали себе труд рассчитать на цифрах, каким образом распределяются товары в капиталистическом хозяйстве, то они легко поняли бы, что отрицание этого учения заключает в себе логическое противоречие» (l. c., 427). Нет, учение Сэя-Рикардо теоретически совершенно неправильно: Рикардо повторил ошибку Смита (см. его «Сочинения», пер. Зибера, Спб. 1882, с. 221), а Сэй к тому же окончил ее, утверждая, что разница между валовым и частным продуктом общества вполне субъективна. И сколько бы ни «рассчитывали на цифрах» Сэй-Рикардо и их противники,—никогда бы они ни до чего не досчитались, ибо дело тут совсем не в цифрах, как уже заметил совершенно справедливо и Булгаков по поводу другого места книги г-на Туган-Барановского (Булгаков, l. c., стр. 21, прим.).

Мы подошли теперь и к другому предмету спора между г.г. Булгаковым и Туган-Барановским, именно, к вопросу о цифирных схемах и об их значении. Г. Булгаков утверждает, что схемы г-на Туган-Барановского «благодаря отступлению от образца» (т.-е. от схемы Маркса) «в значительной степени теряют свою убедительную силу и не разъясняют процесса общественного воспроизводства» (l. c., 248), а г. Туган-Барановский говорит, что «г. Булгаков неясно понимает самое назначение подоб-

ных схем» («Мир Божий», № 6, за 1988 г., стр. 125). По нашему мнению, в данном случае правда всецело на стороне г. Булгакова. «Неясно понимает значение схем» скорее г. Туган-Барановский, который полагает, что схемы «доказывают вывод» (ibid). Схемы сами по себе ничего доказывать не могут; они могут только иллюстрировать процесс, если его отдельные элементы выяснены теоретически. Г. Туган-Барановский составил свои собственные схемы, отличные от схем Маркса (и несравненно менее ясные, чем схемы Маркса), опустив притом теоретическое выяснение тех элементов процесса, которые должны быть иллюстрированы схемами. Основное положение теории Маркса, показавшего, что общественный продукт распадается не на переменный только капитал + сверхстоимость (как думали А. Смит, Рикардо, Прудон, Родбертус и др.), а на постоянный капитал + указанные части,—это положение г. Туган-Барановский совершенно не разъяснил, хотя и принял его в своих схемах. Читатель книги г. Тугаи-Барановского не в состоянии понять этого основного положения новой теории. Необходимость различать два подразделения общественного производства (I: средства производства и II: предметы потребления) г. Туган-Барановский совершенно не мотивировал, тогда как, по верному замечанию г-на Булгакова, «в одном этом делении больше теоретического смысла, чем во всех предшествовавших словопрениях относительно теории рынков» (l. c., стр. 27). Вот почему изложение теории Маркса у г. Булгакова гораздо яснее и правильнее, чем у г. Туган-Барановского.

В заключение, останавливаясь несколько подробнее на книге г. Булгакова, мы должны заметить следующее. Около трети книги его посвящено вопросам о «различии оборотов капитала» и о «фонде заработной платы». Параграфы с этими заголовками представляются нам наименее удачными. В первом из названных параграфов автор пытается дополнить (см. стр. 63, прим.) анализ Маркса и углубляется в очень сложные расчеты и схемы для иллюстрации того, как происходит процесс реализации при различиях в обороте капитала. Нам кажется, что конечный вывод, к которому пришел г. Булгаков (что для объяснения реализации при различии оборотов капиталов необходимо предположить существование запасов у капиталистов обоих подразделений, ср. стр. 85), следует сам собой из общих законов производства и обращения капитала, что поэтому не было никакой надобности предполагать различные случаи отношений оборотов капитала во II и I подразделении и строить целый ряд графиков. То же

самое приходится сказать и о втором из названных параграфов. Г. Булгаков совершенно справедливо указывает на ошибочность утверждения г. Герценштейна [135]), находившего противоречие в учении Маркса по этому вопросу. Автор совершенно справедливо замечает, что «если приравнять оборот всех капиталов году, в начале данного года капиталисты являются собственниками как всего продукта производства прошлого года, так и суммы денег, равной этой стоимости» (142—143 стр.). Но г. Булгаков совершенно напрасно принимал (стр. 92 и сл.) чисто схоластическую постановку этого вопроса у прежних экономистов (берется ли заработная плата из текущего производства или из производства предыдущего рабочего периода?) и создавал себе лишние затруднения, «отводя» показание Маркса, который «как будто противоречит своей основной точке зрения», «рассуждая так, как будто бы» «заработная плата берется не из капитала, а из текущего производства» (стр. 135). В такой форме Маркс вопроса вовсе и не ставит. Необходимость «отводить» показание Маркса вызвана была у г. Булгакова тем, что он пытается приложить к теории Маркса совершенно чуждую ему постановку вопроса. Раз выяснено, каким образом идет процесс всего общественного производства в связи с потреблением продукта разными классами общества, каким образом капиталисты вносят деньги, необходимые для обращения продукта,—раз выяснено все это, вопрос о том, берется ли заработная плата из текущего или из предыдущего производства, теряет всякое серьезное значение. Поэтому издатель последних томов «Капитала», Энгельс, и говорит в предисловии ко второму тому, что рассуждения, напр., Родбертуса о том, «берется ли заработная плата из капитала или из дохода, относятся к области схоластики и упраздняются совершенно содержанием 3-го отдела этой второй книги «Капитала» (Das Kapital, II, Vorwort S. XXI) *).

„Научное Обозрение“ [136]) № 1, январь 1899 г.

за подписью Владимир Ильин.

---

*) „Капитал“, II том, предисловие, стр. XXVII русск. изд. под ред. И. Степанова, 1919. Ред.

Еще к вопросу о теории реализации *).

В январской книжке «Научного Обозрения» за текущий (1899) год помещена моя «Заметка по вопросу о теории рынков (по поводу полемики г.г. Туган-Барановского и Булгакова)», а вслед за ней статья П. Б. Струве: «К вопросу о рынках при капиталистическом производстве (по поводу книги Булгакова и статьи Ильина). Струве «отвергает в значительной мере теорию Туган-Барановского, Булгакова и Ильина» (стр. 63 его статьи) и излагает свой взгляд на теорию реализации Маркса.

По моему мнению, полемика Струве против названных писателей вызвана не столько разногласием по существу, сколько ошибочным представлением Струве о содержании защищаемой ими теории. Во-первых, Струве смешивает теорию рынков буржуазных экономистов, которые учили, что продукты обмениваются на продукты и что поэтому должно существовать соответствие между производством и потреблением, с теорией реализации Маркса, который показал своим анализом, как происходит воспроизводство и обращение всего общественного капитала, т.-е. реализация продуктов в капиталистическом обществе **). Ни Маркс, ни излагавшие его писатели, с которыми полемизирует Струве, не только не выводили из этого анализа гармонии производства с потреблением, а, напротив, энергично подчеркивали присущие капитализму противоречия, которые не могут не проявляться при капиталистической реализации ***). Во-вторых, Струве смешивает абстрактную теорию реализации (о которой исключительно и трактовали его оппоненты) с конкретными историческими условиями реализации капиталистического продукта в той или другой

---

*) Написано в марте 1899 г.

**) См. мои «Этюды», стр. 17 и др. (см. стр. 181—2 настоящего издания. Ред.).

***) Ibid., стр. 20, 27, 21 и др. (стр. 185, 191, 188 и др. настоящего издания. Ред.).

стране в ту или другую эпоху. Это все равно, как если бы кто-либо смешал абстрактную теорию земельной ренты с конкретными условиями развития земледельческого капитализма в той или другой стране. Из этих двух основных заблуждений Струве вытек целый ряд недоразумений, для выяснения которых необходимо разобрать отдельные положения его статьи.

1. Струве не соглашается с моим мнением, что при изложении теории реализации необходимо особенно остановиться на Ад. Смите. Если доходить до Адама,— пишет он,—то следовало бы остановиться не на Смите, а на физиократах. Нет, это не так. Именно Ад. Смит не ограничился признанием той (известной и физиократам) истины, что продукты обмениваются на продукты, а поставил также вопрос о том, как возмещаются (реализуются) различные составные части общественного капитала и продукта по их стоимости *). Поэтому-то Маркс, вполне признававший, что в учении физиократов, напр., в «Tableau économique» Кене [137]) были положения, «гениальные для своего времени» **); признававший, что в анализе процесса воспроизводства Ад. Смит сделал даже в некоторых отношениях шаг назад по сравнению с физиократами («Das Kapital», I², 612, Anm. 32) ***), уделил, однако, физиократам какие-нибудь полторы страницы в обзоре истории вопроса о реализации («Das Kapital, II, 1 S. 350—351) ****), тогда как Ад. Смиту он уделил более тридцати страниц (ib., 351—383) *****), подробно разобрав основную ошибку Ад. Смита, унаследованную всей последующей политической экономией. Таким образом, остановиться на Ад. Смите необходимо именно для того, чтобы выяснить теорию реализации буржуазных экономистов, которые все потворяли ошибку Смита.

2. Г. Булгаков совершенно справедливо говорит в своей книге, что буржуазные экономисты смешивали простое товарное обра-

---

*) Между прочим, в моей статье в «Научн. Обозр.» термин «стоимость» заменен везде термином «ценность». Сделано это не мною, а редакцией. Я не придаю особенно существенного значения вопросу об употреблении того или другого термина, но считаю необходимым отметить, что я употреблял и употребляю всегда термин «стоимость».

**) Fr. Engels: «Herrn E. Dühring's Umwälzung der Wissenschaft», Dritte Aufl., стр. 270 из главы, написанной Марксом (Энгельс, «Анти-Дюринг». Марксу принадлежит здесь глава: «Из Критических очерков». Ред.).

***) «Капитал», I том, стр. 600, прим. 41 русск. изд. под ред. И. Степанова, 1920. Ред.

****) «Капитал», II том, стр. 343—346 русск. изд. под ред. И. Степанова, 1919. Ред.

*****) Там же, стр. 346—370. Ред.

щение и капиталистическое обращение товаров, а Маркс установил различие между тем и другим. Струве полагает, что утверждение г. Булгакова основано на недоразумении. По моему мнению, наоборот, недоразумение тут есть со стороны не г. Булгакова, а со стороны Струве. В самом деле, как опровергает Струве г. Булгакова? Крайне странно: он опровергает его тем, что повторяет его положение. Струве говорит: Маркс не может быть признан сторонником той теории реализации, по которой продукт может быть реализован внутри данного общества, потому что Маркс «проводил резкое различие между простым товарным обращением и капиталистическим обращением» (!! стр. 48). Да ведь это именно то, что и утверждал г. Булгаков! Именно поэтому теория Маркса и не сводится к повторению той истины, что продукты обмениваются на продукты. Поэтому-то г. Булгаков и отнес совершенно справедливо к «пустым и схоластическим словопрениям» спор буржуазных и мелкобуржуазных экономистов о возможности перепроизводства: обе спорящие стороны смешивали товарное и капиталистическое обращение, обе повторяли ошибку Ад. Смита.

3. Струве напрасно называет теорию реализации теорией пропорционального распределения. Это неточно, и неизбежно ведет к недоразумениям. Теория реализации есть абстрактная*) теория, показывающая, как происходит воспроизводство и обращение всего общественного капитала. Необходимыми посылками этой абстрактной теории является, во-первых, абстрагирование внешней торговли, внешних рынков. Но, абстрагируя внешнюю торговлю, теория реализации отнюдь не утверждает, чтобы когда-либо существовало или могло существовать капиталистическое общество без внешней торговли**). Во-вторых, абстрактная теория реализации предполагает и должна предполагать пропорциональное распределение продукта между различными отраслями капиталистического производства. Но, предполагая это, теория реализации отнюдь не утверждает, что в капиталистическом обществе продукты всегда распределяются или могут распределяться пропорционально***). Г. Булгаков совершенно справедливо сравнивает

---

*) См. мою статью в «Научн. Обозр.», стр. 37 (стр. 481 наст. изд. Ред.).

**) Ibid., стр. 38 (стр. 482 наст. изд. Ред.). Ср. «Этюды», стр. 25 (стр. 190 наст. изд. Ред.). «Не отрицаем ли мы необходимости внешнего рынка для капитализма? Конечно, нет. Но только вопрос о внешнем рынке не имеет абсолютно ничего общего с вопросом о реализации».

***) «Не только продукты, возмещающие сверхстоимость, но и продукты, возмещающие переменный... и постоянный капитал... все одинаково реали-

теорию реализации с теорией стоимости. Теория стоимости предполагает и должна предполагать равенство спроса и предложения, но она отнюдь не утверждает, чтобы в капиталистическом обществе всегда наблюдалось и могло наблюдаться такое равенство. Как и всякий другой закон капитализма, закон реализации «осуществляется лишь путем неосуществления» (Булгаков, цит. в статье Струве, стр. 56). Теория средней и равной нормы прибыли предполагает, в сущности, то же пропорциональное распределение производства между различными его отраслями. Но не назовет же Струве на таком основании эту теорию теорией пропорционального распределения!

4. Струве оспаривает мое мнение, что Маркс справедливо обвинял Рикардо в повторении ошибки Ад. Смита. «Маркс был неправ»,—пишет Струве. Однако, Маркс прямо цитирует одно место из сочинения Рикардо (II[1], 383) *). Струве игнорирует это место. На следующей же странице Маркс приводит мнение Рамсэя (Ramsay) [138]), который тоже подметил именно эту ошибку Рикардо. Я указал также другое место сочинения Рикардо, где он прямо говорит: «Весь продукт почвы и труда каждой страны разделяется на три части: задельную плату, прибыль и ренту» (здесь ошибочно опущен постоянный капитал. См. «Сочинения Рикардо», пер. Зибера, стр. 221). Струве обходит молчанием и это место. Он цитирует лишь одно примечание Рикардо, где указывается на нелепость рассуждения Сэя о различии валового и чистого дохода. В 49-й главе III тома «Капитала», излагающей выводы

зуются лишь среди затруднений, среди постоянных колебаний, которые становятся все сильнее по мере роста капитализма»... [«Этюды», стр. 27 (стр. 192 наст. изд. Ред.)]. Может быть, Струве скажет, что этому месту противоречат другие места, напр., на стр. 31 (стр. 196 наст. изд. Ред.)... «капиталисты могут реализовать сверхстоимость»?.. Это противоречие только кажущееся. Поскольку мы берем абстрактную теорию реализации (а народники выдвинули именно абстрактную теорию о невозможности реализовать сверхстоимость), постольку неизбежен вывод о возможности реализации. Но, излагая абстрактную теорию, надо указать на те противоречия, которые присущи действительному процессу реализации. Это указание и сделано в моей статье.

*) Справедливость оценки Маркса видна также с особенной наглядностью из того, что Рикардо разделял ошибочное воззрение Смита на накопление единичного капитала. Рикардо думал именно, что накопляемая часть сверхстоимости целиком расходуется па заработную плату, тогда как она расходуется: 1) на постоянный капитал и 2) на заработную плату. См «Das Kapital», 1, 2, 611—613, гл. 22-я, § 2. Ср. «Этюды», стр. 29, прим. («Капитал», I том, стр. 597—600 русск. изд. под ред. И. Степанова. Ср. стр. 194 наст. изд. Ред.).

из теории реализации, Маркс приводит именно это примечание Рикардо и говорит по поводу него следующее: «Впрочем, как мы увидим далее»,—имеется в виду, очевидно, IV том «Капитала», который еще не издан,—«Рикардо нигде не опроверг ошибочного анализа цены товаров у Смита, именно разложения этой цены на сумму стоимостей доходов (Revenuen). Рикардо не думает об ошибочности этого анализа и при своих анализах принимает его за верный постольку, поскольку он «отвлекается» от постоянной части стоимости товаров. От времени до времени он возвращается к тому же способу представления» (т.-е. к способу представления Смита («Das Kapital», III, 2, 377. Р. пер., 696) *). Предоставляем читателю судить, кто прав: Маркс ли, который говорит, что Рикардо повторяет ошибку Смита **), или Струве, который говорит, что Рикардо, «прекрасно (?) понимал, что весь общественный продукт не исчерпывается заработной платой, прибылью и рентой», и что Рикардо «бессознательно (!) отвлекался от частей общественного продукта, составляющих издержки производства». Можно ли прекрасно понимать и в то же время бессознательно отвлекаться?

5. Струве не только не опроверг утверждения Маркса, что Рикардо перенял ошибку Смита, но и сам повторил в своей статье ту же ошибку. «Странно... думать,—пишет Струве,—что то или другое деление общественного продукта на категории могло бы иметь существенное значение для общего понимания реализации, тем более, что действительно все доли реализуемого продукта в процессе реализации принимают форму дохода (валового), и классики рассматривали их как доходы» (стр. 48). В том-то и дело, что не все доли реализуемого продукта принимают форму дохода (валового); именно эту ошибку Смита и разъяснил Маркс, показавший, что часть реализуемого продукта никогда не принимает и не может принимать формы дохода. Это—та часть общественного продукта, которая возмещает постоянный капитал, служащий для изготовления средств производства (постоянный капитал в I подразделении, по терминологии Маркса). Напр., посевное зерно в сельском хозяйстве никогда не принимает формы дохода; каменный уголь, обращаемый опять на добычу каменного же угля, никогда не принимает формы дохода и пр. и пр. Процесс воспроизводства и обращения всего общественного капитала не может

---

*) «Капитал», II том, стр. 375 русск. изд. под ред. И. Степанова, 1919. Ред.

**) «Капитал», III том, 2 ч., стр. 370 русск. изд. под ред. Базарова и Степанова, 1908. Ред.

быть понят, если не будет выделена та часть валового продукта, которая способна служить только капиталом, которая никогда не может принять формы дохода *). В развивающемся капиталистическом обществе эта часть общественного продукта по необходимости должна расти быстрее всех остальных частей этого продукта. Только этим законом и может быть объяснено одно из самых глубоких противоречий капитализма; рост национального богатства идет с громадной быстротой, тогда как рост народного потребления идет (если идет) очень медленно.

6. Струве «совсем не понимает», почему Марксово различение постоянного и переменного капитала «необходимо для теории реализации», и почему я «в особенности настаиваю» на нем.

Это непонимание Струве есть, с одной стороны, результат простого недоразумения. Во-первых, Струве сам признает одно достоинство этого различения, именно, что в него укладывается весь продукт, а не только доходы. Другое достоинство его состоит в том, что оно логически связывает анализ процесса реализации с анализом процесса производства единичного капитала. Какова задача теории реализации?—показать, как происходит воспроизводство и обращение всего общественного капитала. Не ясно ли уже с первого взгляда, что роль переменного капитала должна быть при этом кардинально отлична от роли постоянного капитала? Продукты, возмещающие переменный капитал, должны обменяться в конце концов на предметы потребления рабочих и покрыть обычное потребление рабочих. Продукты, возмещающие постоянный капитал, должны обменяться в конце концов на средства производства и должны быть употреблены как капитал для нового производства. Поэтому различение постоянного и переменного капиталов безусловно необходимо для теории реализации. Во-вторых, недоразумение Струве вызвано тем, что он и здесь совершенно произвольно и ошибочно понимает под теорией реализации теорию, которая показывает, что продукты распределяются пропорционально (см. особенно стр. 50—51). Мы уже говорили выше и повторяем еще раз, что такое представление о содержании теории реализации неверно.

С другой стороны, непонимание Струве вызвано тем, что он считает необходимым провести различие между «социологиче-

---

*) «Das Kapital», III, 2, 375—376 (русск. пер.—696) («Капитал», III том, 2 ч., стр. 369—370 русск. изд. под ред. Базарова и Степанова, 1908. Ред.) о различии валового продукта от валового дохода.

скими» и «экономическими» категориями в теории Маркса и делает несколько общих замечаний против этой теории. Я должен сказать на это, во-первых, что к вопросу о теории реализации все это совершенно не относится; во-вторых, что я считаю проводимое Струве различие неясным и не вижу в нем никакой реальной пользы. В-третьих, я считаю не только спорными, но и даже прямо неверными утверждения Струве, который заявляет, что «самому Марксу, бесспорно было неясно отношение социологических основ» его теории к анализу явлений рынка, что «учение о ценности, как оно изложено в I и III томах «Капитала», бесспорно, страдает противоречивостью» *). Все эти заявления Струве совершенно голословны. Это не аргументы, а декреты. Это—предвосхищенные результаты той критики теории Маркса, которой намерены заняться неокантианцы **) [139]). Поживем—уви-

---

*) Этому последнему заявлению Струве я противопоставлю новейшее изложение теории стоимости К. Каутским, который говорит и показывает, что закон средней нормы прибыли «не уничтожает закона стоимости, а лишь модифицирует его» («Die Agrarfrage», S. 67—68). Отметим кстати следующее интересное заявление Каутского в предисловии к его замечательной книге: «Если мне удалось развить в предполагаемом сочинении новые и плодотворные мысли, то я признателен за это, прежде всего, моим обоим великим учителям; я тем охотнее подчеркиваю это, что с некоторого времени даже в наших кругах раздаются голоса, объявляющие точку зрения Маркса и Энгельса устарелою... По моему мнению, этот скептицизм зависит более от личных особенностей скептиков, чем от свойств оспариваемого учения. Я делаю такой вывод не только на основании тех результатов, к которым приводит разбор возражений скептиков, но также и на основании своего личного опыта. В начале моей... деятельности я вовсе не симпатизировал марксизму. Я относился к нему так же критически и с таким же недоверием, как любое из тех лиц, которые теперь с пренебрежением смотрят свысока на мой догматический фанатизм. Лишь после некоторого сопротивления сделался я марксистом. Но тогда и впоследствии—всякий раз, когда у меня являлись сомнения насчет какого-либо принципиального вопроса,—я всегда приходил, в конце-концов, к тому убеждению, что неправ был я, а не мои учителя. Более глубокое изучение предмета заставляло меня признать их точку зрения правильною. Таким образом, всякое новое изучение предмета, всякая попытка пересмотра своих воззрений усиливали мою уверенность, укрепляли во мне признание того учения, распространение и применение которого стало задачей моей жизни».

**) Кстати, пару слов об этой (будущей) «критике», которою так увлекается Струве. Против критики вообще не станет возражать, конечно, ни один здравомыслящий человек. Но Струве, очевидно, повторяет свою любимую мысль об оплодотворении марксизма «критической философией». Я не имею, разумеется, ни желания, ни возможности останавливаться здесь на вопросе о философском содержании марксизма и потому ограничусь лишь следующим замечанием. Те ученики Маркса, которые взывают: «назад,

дим, что даст эта критика. А пока констатируем, что по вопросу о теории реализации эта критика не дала ничего.

7. По вопросу о значении схем Маркса в III отделе II тома «Капитала» Струве утверждает, что абстрактную теорию реализации можно хорошо изложить посредством самых различных приемов деления общественного продукта. Это поразительное утверждение всецело объясняется тем основным недоразумением Струве, будто теория реализации «целиком исчерпывается» (??!) той банальностью, что продукты обмениваются на продукты. Только благодаря этому недоразумению Струве мог написать такую фразу: «Какова роль этих (реализуемых) товарных масс в производстве, распределении и т. д., представляют ли они капитал (sic!!) и какой—постоянный или переменный, для существа данной теории совершенно безразлично» (51). Для теории реализации Маркса, которая состоит в анализе воспроизводства и обращения всего общественного капитала, безразлично, представляют ли товары капитал!! Это все равно, как если бы кто-либо сказал, что для существа теории земельной ренты безразлично, разделяется ли сельское население на землевладельцев, капиталистов и рабочих, или нет, ибо эта теория сводится-де к указанию на различное плодородие различных участков земли.

Только благодаря тому же недоразумению Струве мог утверждать, что «натуральное взаимоотношение между элементами общественного потребления—общественный обмен веществ—всего лучше может быть показан» при помощи не Марксова разделения продукта, а при помощи следующего разделения: средства производства + предметы потребления + прибавочная ценность (стоимость, стр. 50).—В чем состоит общественный обмен веществ? Прежде всего в обмене средств производства на пред-

---

к Канту» [140]), не дали до сих пор ровно ничего доказывающего необходимость такого поворота и наглядно представляющего выигрыш теории Маркса от оплодотворения ее неокантианством. Они даже не исполнили падающей на них, прежде всего, обязанности—подробно разобрать и опровергнуть ту отрицательную оценку неокантианства, которую дал Энгельс. Наоборот, те ученики, которые пошли назад не к Канту, а к философскому материализму до Маркса, с одной стороны, и к диалектическому идеализму, с другой стороны, дали замечательно стройное и ценное изложение диалектического материализма, показали, что он представляет из себя законный и неизбежный продукт всего новейшего развития философии и общественной науки. Мне достаточно сослаться на известный труд г. Бельтова в русской литературе и на «Beiträge zur Geschichte des Materialismus» (Stuttgart 1896) в немецкой литературе («Материалы к истории материализма» Г. В. Плеханова. На русском языке полностью вышли лишь в 1922 г. в издании «Московский Рабочий». Ред.).

меты потребления. Как же можно показать этот обмен, выделив особо прибавочную стоимость от средств производства и от предметов потребленйя? Ведь прибавочная стоимость воплощается либо в средствах производства, либо в предметах потребления. Не ясно ли, что подобное деление,—несостоятельное логически (ибо оно смешивает деление по натуральной форме продукта с делением по элементам стоимости), затемняет процесс общественного обмена веществ?*).

8. Струве говорит, что я приписал Марксу апологетически-буржуазную теорию Сэя-Рикардо (52),—теорию гармонии между производством и потреблением (51),—теорию, стоящую в кричащем противоречии с учением Маркса об эволюции и конечном исчезновении капитализма (51—52); что поэтому мое «совершенно справедливое рассуждение» о том, что Маркс и во II и в III томе подчеркивал присущее капитализму противоречие между безграничным расширением производства и ограниченным потреблением народных масс, «совершенно выбрасывает за борт ту теорию реализации..., защитником которой в прочих случаях» являюсь я.

И это утверждение Струве точно так же неверно и точно так же основано на вышеуказанном недоразумении, в которое он впал.

Откуда взял Струве, что я понимаю под теорией реализации не анализ процесса воспроизводства и обращения всего общественного капитала, а теорию, говорящую лишь, что продукты обмениваются на продукты, теорию, учащую о гармонии между производством и потреблением? Струве не мог бы показать разбором моих статей, что я понимал теорию реализации во втором смысле, ибо я прямо и определенно говорил, что понимаю теорию реализации именно в первом смысле. В статье «К характеристике экономического романтизма», в том параграфе, который посвящен выяснению ошибки Смита и Сисмонди, говорится: «Вопрос именно в том, как происходит реализация, то-есть возмещение всех частей общественного продукта. Поэтому исходным пунктом в рассуждении об общественном капитале и доходе, или, что́ то же, о реализации продукта в капиталистическом обществе, должно быть разделение... средств производства

---

*) Напомним читателю, что Маркс делит весь общественный продукт на два подразделения по натуральной форме продукта: I) средства производства; II) предметы потребления. Затем в каждом из этих подразделений продукт делится на три части по элементам стоимости: 1) постоянный капитал, 2) переменный капитал; 3) сверхстоимость.

и предметов потребления» («Этюды», 17) *). «Вопрос о реализации в том и состоит, чтобы анализировать возмещение всех частей общественного продукта по стоимости и по материальной форме» (ib. 26). Не повторяет ли Струве то же самое, говоря, как будто бы против меня, что интересующая нас теория «показывает механизм реализации..., поскольку такая реализация осуществляется» («Н. Об.», 62)? Противоречу ли я той теории реализаций, которую я защищаю, когда я говорю, что реализация происходит «лишь среди затруднений, среди постоянных колебаний, которые становятся все сильнее по мере роста капитализма, среди бешеной конкуренции и проч.». («Этюды», 27) **), — когда я говорю, что народническая теория «не только показывает непонимание реализации, но еще содержит в себе к тому же крайне поверхностное понимание противоречий, свойственных этой реализации» (26—27) ***)? когда я говорю, что реализация продукта, происходящая не столько на счет предметов потребления, сколько на счет средств производства, есть, конечно, противоречие, но именно такое противоречие, которое имеет место в действительности, которое вытекает из самой сущности капитализма» (24), которое «вполне соответствует исторической миссии капитализма и его специфической социальной структуре: первая» (т.-е. миссия) «состоит именно в развитии производительных сил общества (производство для производства); вторая» (т.-е. социальная структура капитализма) «исключает утилизацию их массой населения» (20) ****)?

9. По вопросу о соотношении производства и потребления в капиталистическом обществе у нас со Струве, повидимому, нет разногласия. Но если Струве говорит, что положение Маркса (которое гласит, что потребление не является целью капиталистического производства) «носит на себе явную печать полемического характера вообще всей системы Маркса. Оно тенденциозно»... (53), то я решительно оспариваю уместность и справедливость подобных выражений. Что потребление не является целью капиталистического производства, это факт. Противоречие между этим фактом и тем фактом, что в конечном счете производство связано с потреблением, зависит от потребления и в капиталистическом обществе,—это противоречие не доктрины, а

---

*) Стр. 181 наст. издания. Ред.
**) Стр. 192 наст. издания. Ред.
***) Стр. 188 наст. издания. Ред.
****) Стр. 185 наст. издания. Ред.

действительной жизни. Теория реализации Маркса именно потому, между прочим, представляет громадную научную ценность, что она показывает, как осуществляется это противоречие, что она выставляет это противоречие на первый план. «Полемический характер» носит «система Маркса» не потому, что она «тенденциозна» *), а потому, что она дает точное изображение в теории всех противоречий, которые имеют место в жизни. Поэтому, между прочим, остаются и будут оставаться неудачными все попытки усвоить «систему Маркса», не усвоивая ее «полемического характера»: «полемический характер» системы есть лишь точное отражение «полемического характера» самого капитализма.

10. «Каково реальное значение теории реализации?»—спрашивает Струве и приводит мнение г. Булгакова, который говорит, что возможность расширения капиталистического производства осуществляется на деле, хотя и рядом кризисов. «Капиталистическое производство растет во всем мире»,—указывает г. Булгаков. «Этот аргумент,—возражает Струве,—совершенно несостоятелен. Дело в том, что реальное «расширение капиталистического производства» совершается вовсе не в том идеальном или изолированном капиталистическом государстве, которое предполагает Булгаков, и которое, по его предположению, довлеет себе, а на арене мирового хозяйства, где сталкиваются самые разнообразные ступени экономического развития и различные формы хозяйственного быта» (57).

Таким образом, возражение Струве сводится к тому, что в действительности реализация совершается не в изолированном, самодовлеющем капиталистическом государстве, а «на арене мирового хозяйства», т.-е. посредством сбыта продуктов в другие страны. Легко видеть, что это возражение основано на ошибке. Изменится ли сколько-нибудь вопрос о реализации, если мы не ограничимся внутренним рынком («самодовлеющий» капитализм), а сошлемся на внешний? если мы вместо одной страны возьмем несколько стран? Если мы не будем думать, что капиталисты бросают свои товары в море или отдают их даром иностранцам, если мы не будем брать единичных, исключительных случаев или периодов, то, очевидно, что мы должны принять известную равномерность вывоза и ввоза. Если данная страна вывозит

---

*) Предостережением против употребления подобных выражений мог бы служить классический пример господ à la А. Скворцов, который видит тенденциозность в теории Маркса о средней норме прибыли.

известные продукты, реализуя их «на арене мирового хозяйства», то зато она ввозит другие продукты. С точки зрения теории реализации, необходимо принять, что «внешняя торговля только замещает туземные изделия (Artikel-товары) изделиями другой потребительной или натуральной формы» («Das Kapital», II; 469. Цитир. у меня в «Н. Об.»; стр. 38) *). Берем ли мы одну страну или комплекс стран, сущность процесса реализации от этого нисколько не изменяется. В своем возражении г. Булгакову Струве повторяет, следовательно, старую ошибку народников, которые связывали вопрос о реализации с вопросом о внешнем рынке **).

На самом деле между этими вопросами нет ничего общего. Вопрос о реализации есть абстрактный вопрос, относящийся к теории капитализма вообще. Берем ли мы одну страну или весь мир, основные законы реализации, раскрытые Марксом, остаются те же самые.

Вопрос о внешней торговле или о внешнем рынке есть вопрос исторический, вопрос конкретных условий развития капитализма в той или другой стране в ту или другую эпоху ***).

11. Остановимся еще несколько на том вопросе, который «давно занимает» Струве; какова реально-научная ценность теории реализации?

Совершенно такая же, какова ценность всех остальных положений абстрактной теории Маркса. Если Струве смущает то обстоятельство, что «совершенная реализация есть идеал капиталистического производства, но отнюдь не его действительность», то мы напомним ему, что и все другие законы капитализма, открытые Марксом, точно так же изображают лишь идеал капитализма, но отнюдь не его действительность. «Мы имеем целью,— писал Маркс,—представить внутреннюю организацию капиталистического способа производства лишь в его, так-сказать, идеально-среднем типе» (in ihrem idealem Durchschnitt»—«Das K.» III, 2, 367; русск. пер., стр. 688) ****). Теория капитала предполагает, что рабочий получает полную стоимость своей рабочей силы. Это—идеал капитализма, но отнюдь не его действительность. Теория ренты предполагает, что все земледельческое население вполне раскололось на землевладельцев, капиталистов и наем-

---

*) См. стр. 482 наст. изд. Ред.

**) Разбор этой ошибки народников был сделан мною в «Этюдах», стр. 25—26 (стр. 190—194 наст. изд. Ред.).

***) Ibid. Ср. «Н. Об.», № 1, стр. 37 (стр. 481 наст. изд. Ред.).

****) «Капитал», III том, 2 ч., стр. 360 русск. изд. под ред. Базарова и Степанова, 1908. Ред.

ных рабочих. Это—идеал капитализма, но отнюдь не его действительность. Теория реализации предполагает пропорциональное распределение производства. Это—идеал капитализма, но отнюдь не его действительность.

Научная ценность теории Маркса состоит в том, что она разъяснила процесс воспроизводства и обращения всего общественного капитала. Далее, теория Маркса показала, как осуществляется то присущее капитализму противоречие, что громадный рост производства отнюдь не сопровождается соответствующим ростом народного потребления. Поэтому теория Маркса не только не восстановляет буржуазно-апологетической теории (как это причудилось Струве), а, напротив, дает сильнейшее оружие против апологетики. Из этой теории следует, что даже при идеально-гладком и пропорциональном воспроизводстве и обращении всего общественного капитала неизбежно противоречие между ростом производства и ограниченными пределами потребления. В действительности же, кроме того, процесс реализации идет не с идеально-гладкой пропорциональностью, а лишь среди «затруднений», «колебаний», «кризисов» и пр.

Далее теория реализации Маркса дает сильнейшее оружие не только против апологетики, но и против мещански-реакционной критики капитализма. Именно такую критику капитализма старались подкрепить наши народники своей ошибочной теорией реализации. Марксово же понимание реализации неизбежно ведет к признанию исторической прогрессивности капитализма (развитие средств производства, а след., и производительных сил общества), не только не затушевывая этим, а, напротив, выясняя исторически-преходящий характер капитализма.

12. «Относительно идеального или изолированного самодовлеющего капиталистического общества» Струве утверждает, что расширенное воспроизводство в нем невозможно, «так как неоткуда взять безусловно необходимых добавочных рабочих».

Я никак не могу согласиться с этим утверждением Струве. Невозможность взять добавочных рабочих из резервной армии Струве не доказал, да и нельзя этого доказать. Против того, что добавочные рабочие могут быть взяты из естественного прироста населения, Струве совершенно голословно заявляет, что «расширенное воспроизводство, основанное на естественном приросте, арифметически, быть-может, не тождественно с простым, но практически-капиталистически, т.-е. экономически с ним вполне совпадает». Чувствуя, что теоретически нельзя доказать невозможность найти добавочных рабочих, Струве уклоняется от

вопроса, ссылаясь на исторические и практические условия. «Я не думаю, чтобы Маркс мог решать исторический (?!) вопрос на основании этой, совершенно абстрактной, конструкции»... «Самодовлеющий капитализм есть исторически (!) немыслимый предел»... «Интенсификация труда, которую можно навязать рабочему, поставлена не только реально, но и логически в весьма узкие границы»... «Безостановочное повышение производительности труда не может не ослабить самого принуждения к труду»...

Нелогичность всех этих указаний бьет в глаза! Никто из оппонентов Струве нигде и никогда не говорил такого абсурда, чтобы исторический вопрос можно было решать при помощи абстрактных конструкций. Но в настоящее время Струве сам поставил вопрос вовсе не исторический, а совершенно абстрактный, чисто-теоретический вопрос «относительно идеального капиталистического общества» (57). Не ясно ли, что он просто уклоняется от вопроса? Что существуют многочисленные исторические и практические условия (не говоря уже об имманентных противоречиях капитализма), которые ведут и приведут гораздо скорее к гибели капитализма, чем к превращению современного капитализма в идеальный капитализм,—этого я, конечно, и не думаю отрицать. Но по чисто-теоретическому вопросу «относительно идеального капиталистического общества» я сохраняю свое прежнее мнение, что нет никаких теоретических оснований отрицать возможность расширенного воспроизводства в таком обществе.

13. «Г.г. В. В. и Н. —он указали на противоречия и точки преткновения в капиталистическом развитии России, а им показывают схемы Маркса и говорят: капиталы всегда обмениваются на капиталы»... (цит. ст. Струве, 62).

Это сказано в высшей степени едко. Жаль только, что дело изображено при этом совершенно неверно. Всякий, кто прочтет «Очерки теоретической экономики» г. В. В. и § XV второго отдела «Очерков» г. Н.—она, увидит, что оба эти писателя поставили именно абстрактно-теоретический вопрос о реализации продукта в капиталистическом обществе вообще. Это факт. Факт также и то обстоятельство, что против них другие писатели сочли необходимым выяснить прежде всего основные, абстрактно-теоретические пункты теории рынков (как значится на первых же строках моей статьи в «Н. Об.»). Т.-Барановский писал о теории реализации в той главе своей книги о кризисах, которая носит подзаголовок: «теория рынков». Булгаков дает своей книге подзаголовок: «теоретический этюд». Спрашивается, кто же смешивает абстрактно-теоретические и кон-

кретно-исторические вопросы, оппоненты ли Струве или сам Струве?

На той же странице своей статьи Струве приводит мое указание, что необходимость внешнего рынка вытекает не из условий реализации, а из условий исторических. «Но,—возражает Струве (это очень характерное «но»!),—Т.-Барановский, Булгаков и Ильин выяснили одни абстрактные условия реализации, а исторических условий не выяснили» (стр. 62). Именно потому все названные писатели и не выяснили исторических условий, что они брались говорить об абстрактно-теоретических, а не о конкретно-исторических вопросах. В своей книге: «К вопросу о развитии капитализма в России» (« О внутреннем рынке для крупной промышленности и о процессе ее образования в России»), которая в настоящее время (март 1899 г.) закончена печатанием, я ставлю вопрос не о теории рынков, а о внутреннем рынке для русского капитализма. Поэтому абстрактные истины теории играют там роль лишь руководящих положений, лишь орудий для анализа конкретных данных.

14. Струве «всецело поддерживает» свою «точку зрения» на теорию «третьих лиц», выставленную им в «Крит. заметках». Я, в свою очередь, всецело поддерживаю сказанное мною по этому поводу тогда, когда вышли «Крит. заметки» *).

На стр. 251-й «Кр. зам.» Струве говорит, что аргументация г. В. В. «опирается на целую своеобразную теорию рынков в сложившемся капиталистическом обществе». «Эта теория,—замечает Струве,—верна, поскольку она констатирует тот факт, что прибавочная ценность (стоимость) не может быть реализована в потреблении ни капиталистов, ни рабочих, а предполагает потребление третьих лиц». Под этими третьими лицами Струве «разумеет в России русское земледельческое крестьянство» (стр. 61 статьи в «Н. Об.»).

Итак, г. В. В. выдвигает целую своеобразную теорию рынков в сложившемся капиталистическом обществе, а ему указывают на русское земледельческое крестьянство! Разве же это не смешение абстрактно-теоретического вопроса о реализации с конкретно-историческим вопросом о капитализме в России? Затем, если Струве признает теорию г. В. В. хотя бы отчасти верной,—значит, он проходит мимо основных теоретических ошибок г. В. В.

---

*) Т.-е. в статье: «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», которую автор не мог цитировать, ибо она была сожжена цензурой. Ред.

в вопросе о реализации, мимо того ошибочного воззрения, будто «затруднения» капиталистической реализации ограничиваются прибавочной стоимостью или специально связываются с этой частью стоимости продуктов, именно того ошибочного воззрения, которое связывает вопрос о внешнем рынке с вопросом о реализации.

Указание Струве на то, что русское земледельческое крестьянство своим разложением создает рынок для нашего капитализма,— вполне справедливо (в названной выше книге я подробно доказываю это положение разбором данных земской статистики). Но теоретическое обоснование этого положения относится вовсе не к теории реализации продукта в капиталистическом обществе, а к теории образования капиталистического общества. Нельзя не заметить также, что наименование крестьян «третьими лицами» очень неудачно и способно вызвать недоразумения. Если крестьяне—«третьи лица» для капиталистической промышленности, то промышленники, мелкие и не мелкие, фабриканты и рабочие,— «третьи лица» для капиталистического земледелия. С другой стороны, крестьяне-земледельцы («третьи лица») создают рынок для капитализма лишь постольку, поскольку они разлагаются на классы капиталистического общества (сельскую буржуазию и сельский пролетариат), т.-е. лишь постольку, поскольку они перестают быть третьими лицами, а становятся действующими лицами в системе капитализма.

15. Струве говорит: «Булгаков делает тонкое замечание, что никакого принципиального различия между внутренним и внешним рынком для капиталистического производства нельзя установить». Я вполне присоединяюсь к этому замечанию: действительно, таможенная или политическая граница очень часто совершенно непригодна для разделения «внутреннего» и «внешнего» рынка. Но, по указанным сейчас причинам, я не могу согласиться со Струве, что «из этого вытекает... теория, утверждающая необходимость третьих лиц». Непосредственно из этого вытекает лишь требование: не останавливаться при разборе вопроса о капитализме перед традиционным разделением внутреннего и внешнего рынков. Несостоятельное в строго-теоретическом отношении, это разделение особенно мало пригодно для таких стран, как Россия. Можно бы заменить его другим разделением, различая, напр., следующие стороны в процессе развития капитализма: 1) образование и развитие капиталистических отношений в пределах данной вполне заселенной и занятой территории; 2) расширение капитализма на другие территории (отчасти совершенно не занятые и заселяемые выходцами из старой страны,

отчасти занятые племенами, стоящими в стороне от мирового рынка и мирового капитализма). Первую сторону процесса можно бы назвать развитием капитализма вглубь, вторую—развитием капитализма вширь *). Такое разделение охватило бы весь процесс исторического развития капитализма: с одной стороны, развитие его в старых странах, веками вырабатывавших формы капиталистических отношений до крупной машинной индустрии включительно; с другой стороны, могучее стремление развитого капитализма расшириться на другие территории, заселить и распахать новые части света, образовать колонии, втянуть дикие племена в водоворот мирового капитализма. В России это последнее стремление капитализма особенно рельефно сказалось и продолжает сказываться на наших окраинах, колонизация которых получила такой громадный толчок в пореформенный капиталистический период русской истории. Юг и юго-восток Европейской России, Кавказ, Средняя Азия, Сибирь служат как бы колониями русского капитализма и обеспечивают ему громадное развитие не только вглубь, но и вширь.

Наконец, предлагаемое разделение удобно тем, что оно отчетливо определяет ту область вопросов, которую только и захватывает теория реализации. Ясно, что эта теория относится только к первой стороне процесса, только к развитию капитализма вглубь. Теория реализации (т.-е. теория, выясняющая процесс воспроизводства и обращения всего общественного капитала) необходимо должна брать для своих построений замкнутое капиталистическое общество, т.-е. абстрагировать процесс расширения капитализма на другие страны, процесс товарного обмена одной страны с другою, потому что этот процесс ничего не дает для решения вопроса о реализации, лишь передвигая вопрос с одной страны на несколько стран. Ясно также, что абстрактная теория реализации должна брать посылкой идеально-развитое капиталистическое общество.

Говоря о литературе марксизма, Струве делает следующее общее замечание: «Ортодоксальные перепевы еще продолжают доминировать, но они не могут заглушить новой критической струи, потому что истинная сила в научных вопросах всегда на стороне критики, а не веры». Как видно из предыдущего изло-

---

*) Само собой разумеется, что в действительности обе стороны процесса тесно слиты и разделение их есть лишь абстракция, лишь прием исследования сложного процесса. Названная выше книга посвящена мною исключительно первой стороне процесса; ср. там гл. VIII, § V.

жения, нам пришлось убедиться в том, что «новая критическая струя» не гарантирует от повторения старых ошибок. Нет, уж лучше останемся-ка «под знаком ортодоксии»! Не будем верить тому, что ортодоксия позволяет брать что бы то ни было на веру, что ортодоксия исключает критическое претворение и дальнейшее развитие, что она позволяет заслонять исторические вопросы абстрактными схемами. Если есть ортодоксальные ученики, повинные в этих действительно тяжких грехах, то вина падает всецело на таких учеников, а отнюдь не на ортодоксию, которая отличается диаметрально-противоположными качествами [141]).

«Научное Обозрение № 8,
август 1899 г.,
за подписью Вл. Ильин.

Ответ г. П. Нежданову *).

В № 4-м «Жизни» [142]) г. П. Нежданов [143]) разбирает мою и других авторов статьи о теории рынков. Я намерен ответить только на одно утверждение г-на П. Нежданова, именно на то, что я «исказил свою борьбу против теории третьих лиц» своей статьей в № 1 «Научного Обозрения» за текущий год. Что касается до остальных вопросов, поставленных г. П. Неждановым относительно теории рынков и в частности взглядов П. Б. Струве, то я ограничусь ссылкой на свою статью в ответ Струве («Еще к вопросу о теории реализации»; напечатание ее в «Научном Обозрении» замедлилось по обстоятельствам, от автора не зависящим).

Г-н П. Нежданов утверждает, что «капиталистическое производство никаким противоречием между производством и потреблением не страдает». Из этого он выводит, что, признавая это противоречие, «Маркс страдал серьезным внутренним противоречием», и что я повторяю ошибку Маркса.

Я считаю совершенно ошибочным (или основанным на недоразумении) мнение г. П. Нежданова и не могу видеть никакого противоречия во взглядах Маркса.

Утверждение г. П. Нежданова, что в капитализме иет никакого противоречия между производством и потреблением, настолько странно, что его можно объяснить только совершенно особым смыслом, который придан им понятию «противоречие». Именно г. П. Нежданов думает, что «раз действительно существует противоречие между производством и потреблением,—это противоречие должно систематически давать избыточный продукт» (стр. 301; то же в заключительных тезисах, стр. 316). Это совершенно произвольное и, по-моему, совершенно неправильное толкование. Критикуя мои утверждения о противоречии между производством и потреблением в капиталистическом обществе, г. П. Нежданов должен был (думается мне) изложить читателю, как я понимаю это противоречие, не ограничиваясь изложением своего

*) Написано в мае—июне 1899 г.

взгляда на сущность и значение этого противоречия. Вся суть вопроса (вызвавшего полемику г. П. Нежданова против меня) в том-то и состоит, что я понимаю рассматриваемое противоречие совершенно не так, как хочет понимать его г. П. Нежданов. Я нигде не говорил, что это противоречие должно систематически *) давать избыточный продукт; я это не думаю, и подобного взгляда нельзя вывести из слов Маркса. Противоречие между производством и потреблением, присущее капитализму, состоит в том, что производство растет с громадной быстротой, что конкуренция сообщает ему тенденцию безграничного расширения, тогда как потребление (личное), если и растет, то крайне слабо; пролетарское состояние народных масс не дает возможности быстро расти личному потреблению. Мне кажется, что всякий, внимательно прочитавший стр. 20 и 30 моих «Этюдов» (статья о сисмондистах, цитируемая г. П. Неждановым), и стр. 40 «Научного Обозрения» (1899 г., № 1) **), убедится в том, что я с самого начала только такой смысл и придавал противоречию между производством и потреблением в капитализме. Да и нельзя придать этому противоречию иного смысла, если держаться строго теории Маркса. Противоречие между производством и потреблением, присущее капитализму, состоит только в том, что растет национальное богатство рядом с ростом народной нищеты, растут производительные силы общества без соответствующего роста народного потребления, без утилизации этих производительных сил на пользу трудящихся масс. Понимаемое в этом смысле рассматриваемое противоречие есть не подлежащий никакому сомнению, подтверждаемый ежедневным опытом миллионов людей, факт, и именно наблюдение этого факта приводит работников ко взглядам, нашедшим полное и научное выражение в теории Маркса. Это противоречие вовсе не ведет необходимо к тому, чтобы систематически производился избыточный продукт (как хочет думать г. Нежданов). Мы вполне можем представить себе (рассуждая чисто теоретически об идеальном капиталистическом обществе) реализацию всего продукта в капиталистическом обществе без всякого избыточного продукта, но мы не можем представить себе капитализма без несоответствия ме-

---

*) Подчеркиваю систематически, иоб не систематическое производство избыточного продукта (кризисы) неизбежно в капиталистическом обществе вследствие нарушения пропорциональности между разными отраслями промышленности. А известное состояние потребления есть один из элементов пропорциональности.

**) См. стр. 184, 185, 194—195 и 484 настоящего издания. Ред.

жду производством и потреблением. Выражается это несоответствие (как ясно показано Марксом в его схемах) в том, что производство средств производства может и должно обгонять производство предметов потребления.

Таким образом, г. Нежданов совершенно ошибочно заключил что противоречие между производством и потреблением должно систематически давать избыточный продукт, и из этой ошибки вытекло его несправедливое обвинение Маркса в непоследовательности. Напротив, Маркс остается строго последовательным, когда показывает:

1) что продукт может быть реализован в капиталистическом обществе (разумеется, при предположении пропорциональности между различными отраслями промышленности); что для объяснения этой реализации ошибочно было бы привлекать внешнюю торговлю или «третьих лиц»;

2) что теории мелкобуржуазных экономистов (à la Прудон) относительно невозможности реализовать сверхстоимость покоятся на полном непонимании самого процесса реализации вообще;

3) что даже при вполне пропорциональной, идеально-гладкой реализации мы не можем представить себе капитализма без противоречия между производством и потреблением, без того, чтобы гигантский рост производства не совмещался с крайне слабым ростом (или даже застоем и ухудшением) народного потребления. Реализация происходит больше на счет средств производства, чем на счет предметов потребления—это ясно следует из схем Маркса; а из этого, в свою очередь, вытекает с неизбежностью, что «чем больше развивается производительная сила, тем более приходит она в противоречие с узким основанием, на котором покоятся отношения потребления» (Маркс). Из всех мест «Капитала» посвященных вопросу о противоречии между производством и потреблением *), ясно видно, что только в таком смысле Маркс и понимал противоречие между производством и потреблением.

Между прочим, г. П. Нежданов думает, что г. Туган-Барановский тоже отрицает противоречие между производством и потреблением в капиталистическом обществе. Я не знаю, верно ли это. Г. Туган-Барановский сам привел в своей книге схему, показывающую возможность роста производства при сокращении потребления (и это,

*) Места эти приведены в моей статье в «Научном Обозрении» 1899 г., № 1 (см. стр. 481 и след. настоящего изд. Ред.) и повторены в 1-й главе «Развития капитализма в России», стр. 18—19, (см. III том Собр. соч. Н. Ленина, стр. 30—31. Ред.).

действительно, возможно и случается при капитализме). Неужели можно отрицать, что здесь мы видим противоречие между производством и потреблением, хотя избыточного продукта здесь нет?

Обвиняя Маркса (и меня) в непоследовательности, г. П. Нежданов кроме того упустил из виду, что для обоснования своей точки зрения он должен бы был выяснить, как же следует понимать «независимость» производства средств производства от производства предметов потребления. По Марксу, эта «независимость ограничивается тем, что известная (и постоянно возрастающая) часть продукта, состоящего в средствах производства, реализуется обменами внутри данного подразделения, т.-е. обменами средств производства на средства производства (или обращением добытого продукта in natura на новое производство); но в конечном счете изготовление средств производства необходимо связано с изготовлением предметов потребления, ибо средства производства изготовляются не ради самих же средств производства, а лишь ради того, что все больше и больше средств производства требуется в отраслях промышленности, изготовляющих предметы потребления *). Таким образом, отличие взглядов мелкобуржуазных экономистов от взглядов Маркса состоит не в том, что первые признавали вообще связь между производством и потреблением в капиталистическом обществе, а второй отрицал вообще эту связь (это было бы абсурдом). Различие состоит в том, что мелкобуржуазные экономисты считали эту связь между производством и потреблением непосредственною, думали, что производство идет за потреблением. Маркс же показал, что эта связь лишь посредственная, что сказывается она лишь в конечном счете, ибо в капиталистическом обществе потребление идет за производством. Но хотя и посредственная, а все-таки связь есть; потребление в конечном счете должно итти за производством, и если производительные силы рвутся к безграничному росту производства, а потребление сужено пролетарским состоянием народных масс, то противоречие здесь несомненно. Это противоречие не означает невозможности капитализма **), но оно означает необходимость превращения в высшую

*) «Das Kapital», III, I, 289. Цитировано мною в «Научном Обозрении», стр. 40 (стр. 484 наст. изд. Ред.) и в «Развитии капитализма», 17 см. III том Собр. соч. Н. Ленина, стр. 31. Ред.).

**) «Этюды», стр. 20 (стр. 184 наст. изд. Ред.); «Научное Обозрение», № 1, стр. 41 (стр. 485 наст. изд. Ред.); «Развитие капитализма», стр. 19 (см. III том Собр. соч. Н. Ленина, стр. 29. Ред.). Если бы это противоречие вело к «систематическому избыточному продукту», то оно означало бы именно невозможность капитализма.

форму: чем сильнее становится это противоречие, тем дальше развиваются как объективные условия этого превращения, так и субъективные условия, т.-е. сознание противоречия работниками.

Спрашивается теперь, какое же положение мог бы занять г. Нежданов по отношению к вопросу о «независимости» средств производства от предметов потребления? Одно из двух: или он станет совершенно отрицать всякую зависимость между ними, станет утверждать возможность реализации средств производства, совершенно не связывающихся с предметами потребления, не связывающихся даже и в «конечном счете»,—и тогда он неизбежно придет к абсурду, или же он признает, вслед за Марксом, что в конечном счете средства производства связаны с предметами потребления,—и тогда он должен признать правильность моего понимания теории Маркса.

Возьму пример, чтобы иллюстрировать в заключение абстрактные рассуждения конкретными данными. Известно, что в каждом капиталистическом обществе употреблению машин мешает часто непомерно низкая заработная плата (=низкий уровень потребления народных масс). Мало того: бывает даже так, что приобретенные предпринимателями машины бездействуют, ибо цены на рабочие руки падают до того, что хозяину выгоднее становится ручная работа *)! Наличность противоречия между потреблением и производством, между стремлением капитализма безгранично развивать производительные силы и ограничением этого стремления пролетарским состоянием, нищетой и безработицей народа ясна в этом случае, как день. Но не менее ясно, что из этого противоречия правильно будет делать единственно лишь тот вывод, что уже самое развитие производительных сил с неудержимой силой должно вести к замене капитализма хозяйством ассоциированных производителей. Наоборот, было бы совершенно ошибочно делать из этого противоречия тот вывод, что капитализм должен систематически давать избыточный продукт, т.-е. что капитализм вообще не может реализовать продукта, не может поэтому играть никакой прогрессивной исторической роли и т. п.

«Жизнь» № 12,
декабрь 1899 г.
за подписью Вл. Ильин.

---

*) Пример последнего явления в области русского капиталистического земледелия приведен мною в «Развитии капитализма в России», стр. 165 (см. III том Собр. соч. Н. Ленина, стр. 179. Ред.). И подобные явления— не единичные казусы, а обычное и неизбежное следствие основных свойств капитализма.

РЕЦЕНЗИИ [144])

Парвус [145]). Мировой рынок и сельско-хозяйственный кризис. Экономические очерки. Перевод с немецкого *Л. Я.* Спб. 1898. Изд. О. Н. Поповой (Образовательная библиотека, серия 2-я, № 2). Стр. 142. Цена 40 коп.

Книжка талантливого германского публициста, пишущего под псевдонимом Парвуса, состоит из ряда очерков, характеризующих некоторые явления современного мирового хозяйства, при чем наибольшее внимание уделено Германии. Парвус ставит во главу угла развитие мирового рынка и описывает прежде всего, какие стадии проходит это развитие в последнее время по мере падения промышленной гегемонии Англии. В высшей степени интересны замечания автора о той роли, которую играют старые промышленные страны, служа рынком для более молодых капиталистических стран: напр., Англия поглощает все большее и большее количество германских фабрикатов, в настоящее время от $^1/_5$ до $^1/_4$ общего вывоза Германии. Основываясь на данных торговой и промышленной статистики, Парвус обрисовывает оригинальное разделение труда между различными капиталистическими странами, из которых одни производят, главным образом, для сбыта в колонии, другие—для сбыта в Европу. В главе «Города и железные дороги» автор делает чрезвычайно интересную попытку охарактеризовать главнейшие «формы капиталистических городов» и значение их в общем строе капиталистического хозяйства. Остальная, бо̀льшая часть книги (стр. 33—142) посвящена вопросам о противоречиях в современном капиталистическом хозяйстве и об аграрном кризисе. Парвус выясняет сначала влияние промышленного развития на хлебные цены, на земельную ренту и т. д. Затем он излагает теорию земельной ренты, развитую Марксом в III томе «Капитала», и объясняет с точки зрения этой теории основную причину капиталистических аграрных кризисов. Дополнив чисто-теоретический разбор этого вопроса данными, относящимися к Германии, Парвус приходит к выводу, что «последняя и основная причина аграрного кризиса—

это поднятые исключительно капиталистическим развитием земельные ренты и соответствующие им цены на землю». «Устраните эти цены,—говорит Парвус,—и европейское сельское хозяйство будет опять в состоянии конкурировать с русским и американским». «Единственное ее (частной собственности) средство против аграрного кризиса, если не говорить о случайной благоприятной комбинации мирового рынка, есть: продажа с молотка всей капиталистической земельной собственности» (141). Таким образом, вывод, к которому пришел Парвус, совпадает, в общем и целом, с мнением Энгельса, указавшего в III томе «Капитала» на то, что современный сельско-хозяйственный кризис делает невозможными прежние ренты на землю, взимаемые европейскими землевладельцами. Мы усиленно рекомендуем всем читателям, интересующимся отмеченными вопросами, ознакомление с книгой Парвуса. Она составляет прекрасный противовес тем ходячим народническим рассуждениям о современном сельско-хозяйственном кризисе, которые постоянно встречаются в народнической прессе и которые грешат весьма существенным недостатком: факт кризиса рассматривается вне связи с общим развитием мирового капитализма, рассматривается не с точки зрения определенных общественных классов, рассматривается только для того, чтобы извлечь мещанскую мораль о жизненности мелкого крестьянского хозяйства.

Перевод книги Парвуса можно в общем признать удовлетворительным, хотя в отдельных местах встречаются неудачные и тяжелые обороты речи.

«Начало» [146]) № 3,
март 1899 г.,
за подписью Вл. Ильин.

Р. Гвоздев [147]). Кулачество-ростовщичество, его общественно-экономическое значение. Спб. 1899. Изд. Н. Гарина.

Книга г. Гвоздева подводит итоги данным, собранным в нашей экономической литературе по интересному вопросу о кулачестве-ростовщичестве. Автор сообщает ряд указаний на развитие товарного обращения и производства в дореформенную эпоху, вызвавшее появление торгового и ростовщического капитала. Затем дается обзор материала о ростовщичестве в хлебном производстве, о кулачестве в связи с переселениями, кустарными промыслами, отхожими промыслами и в связи с податью и кредитом. Г. Гвоздев совершенно справедливо указывает, что пред-

ставители народнической экономии неправильно смотрели на кулачество, видя в нем какой-то «нарост» на организме «народного производства», а не одну из форм капитализма, стоящую в тесной и неразрывной связи со всем строем русского общественного хозяйства. Народники игнорировали связь кулачества с разложением крестьянства, близость сельских ростовщиков «мироедов» и пр. к «хозяйственным мужикам», этим представителям мелкой сельской буржуазии в России. Остатки средневековых учреждений, тяготеющие над нашей деревней (сословная замкнутость крестьянской общины, прикрепление крестьян к наделу, круговая порука, сословная неравномерность податей), создают громадные препятствия для помещения мелких капиталов в производство, для обращения их на сельское хозяйство и промышленность. Естественным результатом этого является непомерная распространенность низших и худших форм капитала, торгового и ростовщического. Немногочисленные зажиточные крестьяне, находясь среди массы «маломощных» крестьян, ведущих полуголодное существование на их ничтожных иаделах, неизбежно превращаются в эксплоататоров худшего вида, закабаляющих бедноту раздачей денег в долг, зимней наемкой и пр. и пр. Устарелые учреждения, задерживая рост капитализма и в земледелии и в промышленности, суживают тем самым спрос на рабочую силу, нисколько не гарантируя в то же время крестьян от самой беззастенчивой и безграничной эксплоатации и даже от голодной смерти. Приводимые в книге г. Гвоздева примерные подсчеты тех сумм, которые платит неимущее крестьянство кулакам и ростовщикам, наглядно показывают несостоятельность обычных противопоставлений западно-европейскому пролетариату русского наделенного землей крестьянства. На деле масса этого крестьянства поставлена в положение гораздо худшее, чем положение сельского пролетариата на Западе; на деле наши неимущие крестьяне относятся к пауперам, и все чаще и чаще повторяются годы, когда требуются экстраординарные меры помощи миллионам голодающих крестьян. Если бы фискальные учреждения не связывали искусственно зажиточное крестьянство и бедноту, эту последнюю неминуемо пришлось бы официально отнести именно к пауперам, и это точнее и правдивее определило бы отношение современного общества к данным слоям населения. Книга г. Гвоздева полезна тем, что сводит данные о процессе «непролетариатского обнищания» *) и справедливо

*) Парвус, Мировой рынок и сельско-хозяйственный кризис, Сиб., 1898, стр. 8, прим.

характеризует этот процесс, как низшую и худшую форму разложения крестьянства. Г. Гвоздев, видимо, хорошо знаком с русской экономической литературой, но его книга выиграла бы, если бы автор уделил меньше места цитатам из разных журнальных статей и обратил больше внимания на самостоятельную обработку материала. Народническая обработка имеющегося материала оставляет обыкновенно в тени наиболее важные в теоретическом отношении стороны данного вопроса. Далее, собственные суждения г. Гвоздева отличаются нередко чрезмерной огульностью и общностью. Особенно приходится сказать это о главе, посвященной кустарным промыслам. Слог книги страдает в некоторых местах вычурностью и туманностью.

«Начало» № 3,
март 1899 г.,
за подписью Вл. Ильин.

Торгово-промышленная Россия. Справочная книга для купцов и фабрикантов. Составлена под редакциею *А. А. Блау*, начальника статистического отделения департамента торговли и мануфактур. Спб. 1899. Ц. 10 р.

Издатели этого громаднейшего тома имели целью «пополнить пробел в нашей экономической литературе» (стр. I), именно дать в одно и то же время и адреса торговых и промышленных предприятий всей России, и сведения «о состоянии той или другой отрасли промышленности». Против такого соединения справочного и научно-статистического материала нельзя было бы ничего возразить, если бы и тот и другой материал был приведен в достаточно полном виде. В названном же издании, к сожалению, адресный материал совершенно подавляет статистический, который дан и в неполном и в очень недостаточно разработанном виде. Прежде всего данное издание невыгодно отличается от предшествовавших изданий однородного типа тем, что не сообщает статистических данных о каждом заведении и предприятии, вошедшем в список. Вследствие этого пробела теряет всякое научное значение перечень заведений и предприятий, занимающий 2.703 больших столбца самой убористой печати. А при хаотическом состоянии нашей торговой и промышленной статистики чрезвычайно важны данные именно о каждом отдельном заведении и предприятии, ибо сколько-нибудь сносной обработки этих данных наши официальные статистические учреждения никогда не производят, ограничиваясь сообщением итогов, в которых

смешивается материал сравнительно достоверный с абсолютно недостоверным. Сейчас мы укажем, что это последнее замечание относится и к рассматриваемому изданию, но сначала отметим следующий оригинальный прием составителей. Печатая адреса заведений и предприятий по каждому производству, они приводят число заведений и сумму их оборотов только по всей России, вычисляют средний оборот одного заведения в каждом производстве и разделяют особым знаком заведения, имеющие оборот выше и ниже этого среднего оборота. Было бы гораздо целесообразнее (если уже нельзя было напечатать сведений о каждом заведении отдельно) установить несколько одинаковых для всех отраслей торговли и промышленности разрядов заведений и предприятий (по размеру оборотов, по числу рабочих, по ряду двигателей и пр.) и распределить все заведения по этим разрядам. Тогда можно бы было, по крайней мере, судить о том, насколько полон и сравним материал по разным губерниям и разным отраслям производства. Что касается, напр., до статистики фабрик и заводов, то достаточно прочитать феноменально расплывчатое определение этого понятия на стр. 1-й данного издания (примеч.) и перелистовать списки фабрикантов по некоторым производствам, чтобы убедиться в неоднородности приводимого в книге статистического материала. К тем итоговым данным фабрично-заводской статистики, которые приводятся в отделе I части 1-й «Торгово-промышленной России» («Историко-статистический обзор промышленности и торговли в России»), необходимо относиться ввиду этого очень осторожно. Мы читаем там, что в 1896 (отчасти в 1895) году во всей Российской империи было 38.401 фабрика с производством на сумму 2.745 милл. рублей, с 1.742.181 рабоч., считая и не акцизные производства, и акцизные, и горные. Эту цифру, думается нам, нельзя, без существенных проверок, сравнивать с цифрами нашей фабрично-заводской статистики за прежние годы. В 1896 г. регистрировался целый ряд производств, которые прежде (до 1894/5 г.) не относились к «фабрично-заводским»: пекарни, тони, скотобойни, типо- и литографии и пр. и пр. Сумма производства всех горных и металлургических заводов империи определена в 614 милл. руб. посредством оригинальных приемов, о которых нам сообщают только то, что стоимость чугуна повторена, повидимому, в стоимости железа и стали. Напротив, число рабочих во всей горной и металлургической промышленности, очевидно, уменьшено: их показано 505 тыс. в 1894/5 г. Это—или ошибка, или пропуск многих горных производств. Из разбросанных в книге цифр видно, что

лишь по некоторым производствам этого отдела число рабочих достигает 474 тыс., не считая рабочих, занятых добычей каменного угля (ок. 53 тыс.), соли (ок. 20 тыс.), в каменоломнях (около 10 тыс.) и в нескольких других горных производствах (ок. 20 т.). В 1890 г. во всей горной и металлургической промышленности империи было больше 505 тыс. рабочих, а именно эти отрасли особенно развились с того времени. Напр., в пяти производствах этого отдела, о которых даны в тексте книги историко-статистические данные (чугунолитейное, проволочное, машиностроительное, изделия из золота и из меди), считалось в 1890 г. 908 зав. с 77 милл. р. произв. и с 69 тыс. рабочих, а в 1896 г.—1.444 зав. с пр. на $221^1/_2$ милл. р. и с 147 тыс. раб. Сводя вместе все разбросанные в книге историко-статистические данные, относящиеся, к сожалению, не ко всем производствам, а лишь к некоторым (обработки хлопка, химические производства и более 45 других производств), получаем такие сведения относительно всей империи. В 1890 г. 19.639 фабрик и заводов с сумм. пр. 929 милл. руб. с 721 тыс. рабочих, а в 1896 г. 19.162 фабрик и заводов с сумм. пр. 1.708 милл. руб., с 985 тыс. рабочих; прибавляя два акцизные производства, свеклосахарное и винокуренное (1890/1 г.: 116 тыс. рабочих; 1895/6 г.: 123 тыс.), получаем числа рабочих 837 тыс. и 1.108 тыс., что дает увеличение почти на треть за шестилетний период. Заметим, что уменьшение числа фабрик зависит от различной регистрации мельниц: в 1890 г. в число фабрик попало 7.003 мельницы (156 милл. р., 29.638 рабочих), а в 1896 г. только 4.379 мельниц (272 милл. р., 37.954 рабочих).

Таковы те данные, которые можно извлечь из рассматриваемого издания и которые позволяют составить некоторое представление о промышленном подъеме России в 90-х годах. Более подробно на этом вопросе можно будет остановиться тогда, когда будут опубликованы полные статистические данные за 1896 год.

«Начало» № 3,
март 1899 г.,
за подписью Вл. Ильин.

Гобсон [148]). Эволюция современного капитализма. Пер. с английского. Спб. 1898. Изд. О. Н. Поповой. Цена 1 р. 50 к.

Книга Гобсона представляет из себя собственно не изучение эволюции современного капитализма, а очерки новейшего промышленного развития на основании, главным образом, английских данных. Поэтому заглавие книги несколько широко: автор

вовсе не касается земледелия, да и промышленную экономию рассматривает далеко не в полном ее объеме. По своему направлению Гобсон принадлежит, вместе с известными писателями, супругами Вебб [149]), к представителям одного из передовых течений английской общественной мысли. К «современному капитализму» он относится критически, вполне признавая необходимость замены его высшей формой общественного хозяйства и относясь к вопросу об этой замене с типично-английской реформаторской практичностью. К убеждению в необходимости реформы он приходит более путем эмпирическим, под влиянием новейшей историии английского фабричного законодательства, английского рабочего движения, деятельности английских муниципалитетов и пр. Стройных и цельных теоретических воззрений, которые бы служили базисом для его реформаторской программы и освещали частные вопросы реформы, у Гобсона нет. Поэтому наиболее силен Гобсон в тех случаях, когда дело идет о группировке и описании новейших статистических и экономических данных. Наоборот, когда дело касается обще-теоретических вопросов политической экономии, Гобсон оказывается очень слабым. Для русского читателя даже странно видеть, как писатель с такими обширными познаниями и практическими стремлениями, заслуживающими полного сочувствия, беспомощно возится с вопросом о том, что такое «капитал», какова роль «сбережения» и т. п. Эта слабая сторона Гобсона вполне объясняется тем, что для него Дж. Ст. Милль больший авторитет в политической экономии, чем Маркс, которого Гобсон хотя раз или два и цитирует, но, очевидно, совершенно не понимает или не знает. Нельзя не пожалеть о массе непроизводительного труда, который затрачивается Гобсоном на то, чтобы разобраться в противоречиях буржуазной и профессорской политической экономии. В лучшем случае Гобсон приближается к тем решениям, которые уже давно даны Марксом; в худшем случае он перенимает ошибочные воззрения, находящиеся в резком противоречии с его отношением к «современному капитализму». Самая неудачная глава книги— седьмая: «Машины и промышленный застой». Гобсон пытается здесь разобраться в теоретических вопросах о кризисах, об общественном капитале и доходе в капиталистическом обществе, о капиталистическом накоплении. Верные мысли о несоответствии производства и потребления в капиталистическом обществе, об анархическом характере капиталистического хозяйства тонут в груде схоластических рассуждений о «сбережении» (Гобсон смешивает накопление со «сбережением»), среди всяческих

робинзонад («положим, что человек, работая примитивными орудиями, изобретает новый инструмент... сберегает свою пищу» и пр.) и т. п. Гобсон очень любит диаграммы—и в большинстве случаев очень умело пользуется ими, наглядно иллюстрируя свое изложение. Но то представление о «механизме производства», которое выразил Гобсон в рисунке на стр. 207 (гл. VII), способно вызвать лишь улыбку в читателе, сколько-нибудь знакомом с действительным «механизмом» капиталистического «производства». Гобсон смешивает здесь производство с общественным строем производства, обнаруживает крайне смутное понятие о том, что такое капитал, каковы его составные части, каковы те классы, на которые необходимо делится капиталистическое общество. В главе VIII Гобсон дает интересные данные о составе населения по занятиям и об изменении этого состава во времени, но в его теоретических рассуждениях о «машинах и спросе на труд» крупный пробел тот, что он игнорирует теорию «капиталистического перенаселения» или резервной армии. К более удачным главам книги Гобсона принадлежат те, в которых он рассматривает положение женщин в современной индустрии и современные города. Приведя статистические данные о росте женского труда и описав крайне дурные условия этого труда, Гобсон справедливо указывает, что надежда на улучшение этих условий заключается лишь в вытеснении работы на дому фабричной работой, ведущей к «более тесным социальным отношениям» и к «организации». Точно так же и по вопросу о значении городов Гобсон приближается к общим воззрениям Маркса, признавая, что противоположность между городом и деревней противоречит строю коллективистического общества. Выводы Гобсона много выиграли бы в убедительности, если бы он не игнорировал и по этому вопросу учения Маркса. Тогда Гобсон, вероятно, яснее подчеркнул бы исторически прогрессивную роль крупных городов и необходимость соединения земледелия и промышленности при коллективистической организации хозяйства. Последняя глава книги Гобсона «Цивилизация и промышленное развитие» едва ли не самая лучшая: автор доказывает здесь целым рядом удачных доводов необходимость реформы современного промышленного строя в духе усиления «общественного контроля» и «социализации индустрии». При оценке несколько оптимистических взглядов Гобсона на способ осуществления этих «реформ» необходимо принять во внимание особенности английской истории и английской жизни, высокое развитие демократии, отсутствие милитаризма, громадную силу организованных трэд-

юнионов, растущее помещение английского капитала вне Англии, ослабляющее антагонизм между английскими предпринимателями и рабочими, и пр.

В своей известной книге о социальном движении в XIX веке проф. В. Зомбарт отмечает, между прочим, «тенденцию к единству» (заглавие VI главы), т.-е. тенденцию социального движения разных стран в его различных формах и оттенках к однородности, а на-ряду с этим и тенденцию к распространению идей марксизма. По отношению к Англии Зомбарт усматривает эту тенденцию в том, что английские трэд-юнионы все более оставляют «чисто манчестерскую точку зрения»... Мы можем сказать по поводу книги Гобсона, что передовые английские писатели под давлением требований жизни, которая все больше и больше оправдывает «прогноз» Маркса, начинают чувствовать несостоятельность традиционной буржуазной политической экономии и, освобождаясь от ее предрассудков, невольно приближаются к марксизму.

Перевод книги Гобсона страдает существенными недостатками.

«Начало» № 5,
май 1899 г.,
за подписью Вл. Ильин.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Начало девяностых годов прошлого столетия ознаменовалось, с одной стороны, грандиозным голодом 1891—1892 г.г., с другой стороны—первыми симптомами сознательного рабочего движения (речи рабочих на праздновании 1 мая 1891 г., адрес, поднесенный рабочими Шелгунову, стачки 1892—1893 г.г. и пр.). Эти обстоятельства не могли не вызвать значительного оживления в тогдашней публицистике. Вместе с первыми крупными выступлениями на арену борьбы нового фактора русской общественной жизни—городского промышленного пролетариата,—в легальную литературу «впервые пробрался марксизм». На-ряду с прежними «властителями дум»—народниками—в легальной литературе впервые появляются статьи «русских учеников» Маркса, в которых они выступают с безжалостной критикой господствовавших до того мелко-буржуазных народнических теорий, с их надеждами на «самобытное» экономическое развитие России, идеализацией натурального хозяйства и скептицизмом по отношению к возможности развития в России капитализма с его «язвой пролетариатства».

Первой попыткой систематического изложения взглядов русских марксистов в борьбе с народниками явилась работа В. И. Ленина: «Что такое «друзья народа» и как они борются с социал-демократами», написанная в середине 1894 года. Но она была распространена лишь в гектографированном виде. В легальной же печати первой появилась вышедшая в сентябре 1894 г. книга П. Б. Струве под названием: «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», разбору которой и посвящена данная статья Вл. Ильича. Но П. Струве был одним из тех пришедших в «легальный марксизм» литераторов, о которых Вл. Ил. говорит, что это были «буржуазные демократы, для которых разрыв с народничеством означал переход от мещанского (или крестьянского) социализма не к пролетарскому социализму, как для нас, а к буржуазному либерализму»,—и это тогда уже значительно отразилось в положениях, выдвинутых П. Струве в его книге. Необходимость противопоставить этим, внешне прикрытым якобы марксистской формой, буржуазно-либеральным положениям взгляды подлинно революционного марксизма побудила Вл. Ил. выступить открыто с резкою критикой одного из тогдашних своих «союзников».

О происхождении направленной против П. Струве статьи сам Вл. Ил. рассказывает следующее:

«...в основу ее положен реферат, читанный мною осенью 1894 г. в небольшем кружке тогдашних марксистов *). От группы с.-д., работавших тогда в Петербурге и создавших, год спустя, Союз Борьбы за освобождение рабочего класса, в этом кружке были Ст., Р. и я. Из легальных литераторов-марксистов были П. Б. Струве, А. Н. Потресов и К. **). В этом кружке я читал реферат, озаглавленный: «Отражение марксизма в буржуазной литературе». Как видно из заглавия, полемика со Струве была здесь несравненно более резка и определенна (по социал-демократическим выводам), чем в напечатанной весной 1895 г. статье. Смягчения были сделаны частью по цензурным соображениям, частью ради «союза» с легальным марксизмом для совместной борьбы с народниками. Что «толчок влево», данный тогда

---

*) Реферат читался на квартире А. Потресова—Озерный пер., д. 9, кв. 6. *И. Т.*

**) Ст.—В. В. Старков; Р.—С. И. Радченко; К.—Р. Э. Классон. *И. Т.*

г-ну Струве петербургскими социал-демократами, не остался совсем безрезультатен, это ясно доказывает статья г-на Струве в сожженном сборнике (1895 г.) и некоторые статьи его в «Новом Слове» (1897 г.)».

Подробнее см. предисловие к сборнику «За 12 лет», напечатанное в VIII томе Собр. соч. Н. Ленина.

[2]) Подзаголовок «Отражение марксизма в буржуазной литературе», т.-е. первоначальное заглавие реферата, легшего в основу этой статьи,—вставлен Вл. Ильичем при составлении сборника «За 12 лет», в котором эта статья была перепечатана в 1907 г.

[3]) Сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» не вышел в свет, а погиб в цензуре в апреле 1895 года. Интересные сведения о нем дает в своих воспоминаниях Л. Мартов, в то время как-раз приехавший в Петербург, чтобы вступить в группу «стариков», руководившую с.-д. работой среди петербургских рабочих, во главе которой стоял В. И. Ленин. Указав на появление под одной кровлей статей Плеханова, Ленина и Струве, Л. Мартов говорит:

«...Этот «блок», представивший эмигрантский, подпольный и легальный марксизм, как единое политическое целое, был организован Потресовым после его удачи с выпуском в легальном издании книги Бельтова *). Он рассказывал мне, что Струве и окружавшие его «легальные марксисты» охотно шли навстречу членам кружка «стариков», с которыми Потресов свел их через Ст. Ив. Радченко, на что сами «старики», во главе с юристом Ульяновым, проявили изрядную подозрительность к тенденциям Струве и, соглашаясь на совместное выступление, как будто боялись быть обманутыми. В конце-концов, Ульянов получил возможность подробной критикой Струве подчеркнуть, поскольку это мыслимо было в легальной книге, действенно-революционный характер марксистской идеологии; Струве воспользовался представившимся случаем, чтобы в ответе своим народническим критикам, помещенном в том же сборнике, взять более боевую по отношению к капитализму ноту и сгладить впечатление, оставшееся у читателей от некоторых страниц его книги.

«Сборник вызвал в цензурных сферах настоящий переполох, и к нему применена была редкая в то время мера: конфискация и сожжение. Потресову удалось спасти нелегальным путем сотню экземпляров, которая сыграла свою роль, распространившись по социалистическим кругам столицы и провинции» (*Мартов*, «Записки социал-демократа», Берлин 1922).

Сборник содержал следующие статьи:

П. Скворцов. Итоги крестьянского хозяйства по земским статистическим исследованиям.

В. И. Борьба общины с хутором. (Автор статьи—В. А. Ионов, саратовский земский статистик, умерший в начале девятисотых годов).

А. Потресов. Кризис в замочном промысле Павловского уезда Нижегородской губернии.

Третий том «Капитала». (Перевод, без указания автора, очерка Эд. Бернштейна о только что тогда вышедшем III томе «Капитала». Переводчиком был Р. Классон).

К. Тулин. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве.

П. Струве. Моим критикам.

Д. Кузнецов. Пессимизм как отражение экономической действительности.

Утис. Несколько слов нашим противникам (Материалы для истории цивилизации в русской литературе).

Последние две статьи, подписанные Д. Кузнецовым и Утисом, принадлежали Г. В. Плеханову. Первая была посвящена Чаадаеву, вторая отвечала на критику его книги: «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Н. Михайловским и Н. —оном.

[4]) П. Б. Струве—в 90-х годах с.-д., один из авторов и редактор «Манифеста Р.С.-Д.Р.П.», выпущенного по постановлению I съезда партии; участник Международного Социалистического Конгресса в Лондоне в 1896 году.

---

*) Т.-е. книги Плеханова: «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Вышла в свет 29 декабря 1894 года. *И. Т.*

Наиболее видный представитель «Легального марксизма» 90-х г.г. Уже в своих первых работах, стоя еще под знаменем марксизма, под видом «критической проверки» Маркса подменил революционные идеи марксизма идеями о сотрудничестве классов, мирной эволюции социализма и т. д. Участник легальных марксистских органов («Новое Слово», «Начало», «Жизнь», «Научное Обозрение»). В начале 900-х годов порывает с марксизмом и переходит в лагерь либералов, становясь во главе организации земцев-конституционалистов—«Союза Освобождения» (1904—1905 г.г.) и редактируя орган этого «Союза»—«Освобождение» (Штутгарт). С образованием к.-д. («конституционно-демократической» партии—член ее ЦК. После поражения революции 1905 года становится лидером самого правого крыла либералов, скатываясь к черносотенному национализму. В 1909 году участник реакционно-мистического сборника «Вехи». Во время гражданской войны принимает участие в правительстве Деникина, а затем становится министром у Врангеля. В настоящее время редактирует в Софии журнал «Русская Мысль», объединяя в нем правых кадетов с монархистами.

5) Субъективный метод в социологии — был одним из основных пунктов народнических воззрений, вызывавшим специальный разбор и критику марксистов.

6) Критике учения К. Маркса в русской литературе стали посвящаться статьи вскоре же после появления перевода I тома «Капитала». В 1872 г., в год выхода русского перевода, в майской книжке «Вестника Европы» появилась рецензия И. Кауфмана под названием «Точка зрения политико-экономической критики Карла Маркса», правильно излагавшая сущность работы К. Маркса. Первым злобствующим критиком был Ю. Жуковский, поместивший в «Вестнике Европы», сентябрь 1877 г., статью: «Карл Маркс и его книга о «Капитале», где он пытался при помощи цифр опровергнуть положения К. Маркса. С ответом ему выступил Н. Михайловский в статье: «К. Маркс перед судом г. Ю. Жуковского» («Отеч. Записки», октябрь 1877 г.) и Н. Зибер: «Несколько замечаний по поводу статьи г. Ю. Жуковского» («Отеч. Записки», декабрь 1877 г.). Более объективными критиками явились проф. Э. Вреден (в его «Курсе политической экономии», 1874) и А. Антонович («Теория ценности», Варшава, 1877). В 80-х годах в поход против Маркса выступил Б. Чичерин («Немецкие социалисты: II. К. Маркс» в «Сборнике государственных знаний» Безобразова, 1888), пыытавшийся опровергнуть диалектический материализм Маркса. Более злобствующим был А. И. Тарасов («О социализме», публичн. лекция, Ярославль, 1888). С более спокойною критикой выступили: проф. Л. Ходский («Политическая экономия в связи с финансами», 1884), Н. Х. Бунге (статьи, вошедшие потом в его книгу «Очерки политико-экономической литературы») и проф. Георгиевский («Политическая экономия»). В 1880 г. на страницах «Отечественных Записок» «научный марксист» Н. —он начинает серию своих «Очерков», вошедших позже в сборник «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства» (1893), и В. В. в «Северном Вестнике» 1887 г. «приемлет» экономическую теорию Маркса в статьях, позже вместе с другими статьями против марксизма, вошедших в его «Очерки теоретической экономии» (1895).

Особо следует поставить работы Н. Зибера, первого в России популяризатора и пропагандиста научных идей марксизма (см. прим. 73).

В 90-х годах—до появления книги Струве—против марксизма больше всего выступало «Русское Богатство» (статьи В. В., 1892 г., вышедшие в его сборнике «Наши направления» (1893); Н. Кареева «Источники исторических перемен» в № 1 за 1892 г.; С. Кривенко «По поводу культурных одиночек» в № 12 за 1893 г.; Н. Михайловского «Литература и жизнь» в №№ 1 и 2 за 1894 г., где он приводит, между прочим, письмо-протест одного из первых русских марксистов-революционеров—Н. Е. Федосеева; Н. —она «Нечто об условиях нашего хозяйственного развития» в №№ 4 и 6 за 1894 г.). См. также отдельную книгу Л. Е. Оболенского «Изложение и критика нео-марксизма» (Спб. 1893).

Особенно же ожесточенная критика началась тотчас после появления книг Струве и Бельтова. Против марксизма двинулись в поход почти все народнические публицисты, как, напр.: В. В. («Немецкий социал-демократизм и русский буржуаизм» в №№ 47—49 «Недели» за 1894 г.; «Экономический материализм на русской почве» в №№ 2—3 «Нового Слова» за 1895 г.;

«Очерки современных направлений» в № 6 и «Милостивый критик» в № 7 «Нов. Сл.» за 1896 г.); Ч. Ветринский («Модная теория» в № 11 «Нов. Сл.» за 1894 г.); Н. Михайловский («Литература и жизнь» в № 10 «Русск. Бог.» за 1894 г., № 1 за 1895 г., №№ 1—2, 4—5 за 1896 г., № 10 за 1897 г.); С. Кривенко (заметка в № 10 «Р. Бог.» за 1894 г.); Н. — он («Апология власти денег, как признак времени» в №№ 1—2 «Р. Бог.» за 1895 г.; «Что же значит экономическая необходимость» в № 3 за тот же год; «Несколько слов об основных положениях теории К. Маркса» в № 1 «Р. Б.» за 1897 г.); С. Южаков («Из современной хроники» в № 2 «Р. Бог.» за 1895 г.); Н. Кудрин («На высотах объективной мысли» в № 5 «Р. Б.» за 1896 г.); В. Яроцкий («Односторонняя теория экономического развития» в январ. номере «Нов. Слова» за 1896 г.); Н. Г. («Научно-исторические теории и общественная деятельность» в декабр. номере «Н. Сл.» за 1896 г.) и др. В либеральном «Вестнике Европы» за 1896 г. (№№ 3, 4—5, 7—9) и 1897 г. (№ 2) присяжный экономист этого журнала вульгарный Л. З. Слонимский помещает ряд статей, вышедших потом отдельной книгой—«Экономическое учение К. Маркса» (Спб. 1898). В 1895 г. он же издал книгу: «Очерки политико-экономич. литературы. Карл Маркс». Кроме того см. книги: К. Головина—«Мужик без прогресса или прогресс без мужика (К вопросу об экономическом материализме») (Спб. 1896) и И. Гофштеттера—«Доктринеры капитализма» (Спб. 1897).

[7]) Нововременский — по имени «Нового Времени», консервативно-дворянской газеты, выходившей под руководством Суворина.

[8]) «Русское Богатство» — ежемесячный журнал, основанный Л. Оболенским, в начале 90-х годов перешедший к народникам и ставший в 90-х г.г. главным органом борьбы против марксизма. По выходе из него Кривенко, выходил под редакцией Н. Михайловского и Вл. Короленко. В 900-х годах группировал вокруг себя радикально-народническую интеллигенцию, организовавшуюся потом в народно-социалистическую (н.-с.) партию.

[9]) «Отечественные Записки» — основаны в 1818 году П. П. Свиньиным, в 1838 г. перешли к Краевскому, который привлек к участию в них Белинского. С 1868 г. становятся органом народничества под руководством Некрасова, Михайловского и Салтыкова-Щедрина и оказывают громадное влияние на революционную русскую интеллигенцию. В 1884 году закрыты правительством.

[10]) Статья «Новые всходы на народной ниве», напечатанная в февральской книжке «Отечественных Записок» за 1879 год, включена в I том «Собрания сочинений С. Н. Кривенко», вышедший в 1911 году. Не исключена возможность того, что неизвестным издателем «Собрания сочинений С. Н. Кривенко» статья эта приписана Кривенко ошибочно. Есть указания, что статья на самом деле принадлежит Елисееву.

[11]) Н. Н. Златовратский (1845—1911) — писатель народнического направления, в своих произведениях идеализировавший общинный строй русского крестьянства. Главные сочинения: «Деревенские будни», «Устои» и др.

[12]) Гл. Успенский (1840—1902) — писатель-народник, посвятивший себя изображению русского быта пореформенной эпохи, в котором он описывал контрасты между ломающимися старыми устоями и надвигающимся молодым хищным кантализмом. Другая характерная черта его произведений—тщетное искание гармонии между интеллигенцией, горящею жаждой «отдачи долга народу», и этим народом, уходящим от «власти земли» и «лесной правды» и начинающим терять свой прежний «гармоничный» облик.

[13]) К. Т. — инициалы К. Тулина—псевдонима В. И. Ленина, которым была подписана настоящая статья.

[14]) Truck-system — система выплаты заработка товарами. Один из наиболее грубых способов эксплоатации рабочих.

[15]) В. В. — псевдоним В. П. Воронцова, одного из главных теоретиков народничества 80—90-х годов. Главные сочинения: «Судьбы капитализма в России» (1883), «Наши направления» (1893), «Очерки теоретической экономии» (1895). Сотрудничал во всех руководящих органах наорничества—от Лавровского «Вперед» (в 70-х г.г.) до «Русского Богатства» Михайловского, с которым в начале 90-х г.г. разошелся. Решительно выступал против марксистов и был объектом критических статей чуть ли не всех первых марксистов в России. В частности критике его взглядов много внимания уделил

и Ленин. Систематическую критику взглядов В. В. дал Г. В. Плеханов в своем сочинении: «Обоснование народничества в трудах г. Воронцова».

[16]) Каблуков — экономист и статистик, профессор московского университета и заведывающий статистическим отделом московского земства, проведший ряд образцово разработанных обследований хозяйственной жизни московской губернии. В главном своем труде: «Об условиях развития крестьянского хозяйства в России» пытался доказать преимущественность мелкой хозяйственной единицы в земледелии.

[17]) Н. — он — псевдоним Н. Ф. Даниельсона, писателя-экономиста 80—90-х годов. Один из наиболее ярких представителей народничества. В 1893 году издал книгу: «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», которая вместе с работами В. В. служила главным экономическим обоснованием народничества. Разбор именно этой книги П. Струве положил начало полемике между марксистами и народниками в легальной русской печати. Книга Н. Даниельсона неоднократно разбиралась В. И. Лениным (в частности с его «Развитие капитализма в России»—Собр. сочинений, том III). Н. —он был первым в России переводчиком «Капитала» Маркса. Перевод этот вызвал оживленную переписку между Н. —оном и Марксом и Энгельсом (см. «Письма К. Маркса и Ф. Энгельса к Н. —ону». Перев. Г. Лопатина, Сиб. 1908). Н. —он принял большое участие в полемике между народниками и марксистами в 90-х г.г.

[18]) А. Суворин—журналист, вначале радикал и либерал, потом редактор влиятельного органа консервативно-дворянских кругов «Нового Времени», антисемитствующего и лакействующего перед бюрократией.

[19]) «Московские Ведомости» — выходившая сначала под руководством Каткова, потом Гринмута консервативно-националистическая газета, отражавшая мнения дворянских кругов. Позже—главный орган «черносотенцев».

[20]) «Весть» — реакционно-крепостническая рептилия, выходившая в 60—70-х г.г. прошлого столетия.

[21]) С. Южаков — публицист народнического направления с оттеноком славянофильства и национализма. Сотрудничал в «Отечественных Записках», был одним из редакторов «Русского Богатства». Разбору его взглядов посвящена перепечатанная в этом томе статья В. И. Ленина: «Перлы народнического прожектерства» и 2-я часть брошюры «Что такое «друзья народа» и т. д.» в I томе Собр. соч.

[22]) С. Кривенко — публицист народнического направления, сотрудник «Отечественных Записок», «Русского Богатства», народнического «Нового Слова» и др. Собрание сочинений его вышло в 1911 г. Одним из первых выступил против русских марксистов и был осмеян Г. В. Плехановым («К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»). Еще раньше жестокой критике подверг его Н. Ленин в брошюре: «Что такое «друзья народа» и т. д.» (см. I том Собр. соч.).

[23]) «Неделя» — главный орган консервативного народничества, теории «малых дел» и т. д., выходивший под редакцией П. Гайдебурова.

В «Неделе» В. В. поместил свою статью: «Немецкий социал-демократизм и русский буржуаизм», направленную против Струве. Полемику В. В. со Струве см. также в сборнике В. В.: «Очерки теоретической экономии», статья «Русский марксизм».

[24]) «Диктатурой сердца» названа была политика начальника «Верховной распорядительной комиссии» по борьбе с крамолой в 1880 году, Лорис-Меликова. Эта политика была попыткой русской бюрократии путем заигрывания с либералами и обывателем отвлечь их симпатии от растущего в стране революционного движения.

[25]) Вернадский — либеральный экономист, горячий защитник свободы торговли в 50—60 г.г., полемизировавший с Чернышевским по вопросу о поземельной ренте. Редактировал журнал «Экономический Указатель».

[26]) Б. Чичерин — юрист и философ, профессор московского университета. В своих работах по государственному праву являлся защитником конституционной монархии. В философии пытался весьма неудачно исправить диалектику Гегеля. Решительный враг социализма и критик Маркса.

[27]) Д. Менделеев — известный русский ученый-химик. В своих политических взглядах был реакционером. В вопросах экономической политики был защитником протекционизма (см. его книгу: «Толковый тариф», 1892).

[28]) Н. Михайловский (1842—1904) — рядом с П. Л. Лавровым виднейший теоретик народничества, «властитель дум» русской интеллигенции 70—80-х г.г., давший ей собственную теорию «исторического процесса», признававшую за «критически мыслящими личностями» важную роль в направлении исторического процесса по «желательному» руслу. Примыкал к народовольцам, составляя и редактируя их издания, был автором известного письма Исполнительного Комитета Народной Воли к Александру III после 1 марта 1881 года с требованием амнистии, политических свобод и Учредительного Собрания. Был руководителем «Отечественных Записок», а с 90-х г.г. редактировал «Русское Богатство», на страницах которого с самого начала 90-х г.г. и до смерти в 1904 г. вел ожесточенную полемику с марксистами. Эсеры считают Михайловского одним из основоположников их партии. Его полемические статьи против марксистов собраны в 2-х томах под заголовком: «Литературные воспоминания и современная смута».

[29]) Патримониальный суд — суд, творимый владельцем вотчины.

[30]) Васильчиков — публицист и общественный деятель, писавший по вопросам местного самоуправления, мелкого земельного кредита, сельского хозяйства и землевладения. В своих сочинениях стоял за сохранение «векового хода нашего общественного построения», т.-е. общинного землевладения, хотя и видел в нем препятствие к улучшению земледельческой культуры.

[31]) Конституция 1849 года — общегерманская конституция, выработанная известным Франкфуртским парламентом, была попыткой умеренных элементов либеральной буржуазии уничтожить политическую раздробленность Германии и влияние реакционного прусского абсолютизма. Вновь усилившаяся реакция вскоре отменила эту конституцию.

[32]) Триады — введенная Гегелем трехчленная формула диалектического развития каждого понятия: тезис — первоначальное состояние равновесия, антитезис — нарушение равновесия и синтез — восстановление равновесия на новой основе.

[33]) «Современные Известия» — ежедневная консервативная газета, выходившая в Москве с 1867 по 1887 г.г. под редакцией Гилярова-Платонова.

[34]) Прусский регируигсрат — речь идет о немецком экономисте крайних консервативных взглядов, прусском бароне Ф. Гакстгаузене, в сороковых годах прошлого столетия бывшем в России и в своих исследованиях описавшем русскую крестьянскую общину. Идеализируя общину и артель, Гакстгаузен являлся горячим поклонником крепостного права и высоко превозносил николаевскую Россию перед Зап. Европой за отсутствие в ней пролетариата.

[35]) Настоящее место представляет из себя один из образчиков того «эзоповского» языка, к которому приходилось прибегать, дабы пройти сквозь игольные уши тогдашней цензуры. Владимир Ильич не указывает прямо на ряд марксистских работ, которые были к тому времени изданы уже («Группы Освобождения Труда», сочинения Плеханова и др.), а вынужден ссылаться на В. В., полемизирующего с марксистами.

[36]) «Sozialpolitisches Centralblatt» (Центральный социально-политический листок) — орган правого крыла немецкой с.-д-ии. Струве поместил здесь в № 1 за 1893 г. свою, посвященную критике теории Н.—она, статью: «Zur Beurteilung der kapitalistischen Entwicklung Russlands» (К вопросу о капиталистическом развитии России).

[37]) Миртов — П. Л. Лавров (1823—1900), — виднейший представитель революционного народничества, член общества «Земля и Воля», потом партии «Народной Воли», член I Интернационала, эмигрант. Издавал за границей свой орган «Вперед», в котором развивал взгляды о необходимости «итти в народ» с целью длительной пропаганды и перевоспитания народных масс— в противоположность бунтарям-бакунистам, шедшим туда с целью агитации за немедленное народное восстание. В своих «Исторических Письмах», имевших громадное влияние на русскую интеллигенцию является родоначальником русской социологической теории, основанной на субъективном методе, по которому историю делают «одинокие борющиеся критически мыслящие личности».

[38]) А. В. Яковлев — автор ряда работ по вопросам мелкого земельного кредита, артелей и пр. П. Струве приводит в «Крит. Заметках» одно место из его сочинения «Ассоциация и артель».

[39]) Г. Зиммель — немецкий философ и социолог идеалистического направления, последователь Канта. Его сочинения: «Социальная диференциация», «Проблемы философии истории», «Социологический метод» и др.

[40]) Прудон (1809—1865) — идеолог мелкой буржуазии, один из теоретиков анархизма. Видя причину всех зол капиталистического общества в современной форме обмена, он, в целях реорганизации этого общества, выдвигает не план коллективной организации производства, а утопическую систему, строящую общество на началах мутуализма (взаимности) путем организации дарового кредита и меновых банков и увековечивающую мелкую частную собственность. Теория Прудона вызвала резкую критику со стороны К. Маркса (см. его «Нищету философии») и борьбу его с последователями Прудона в I Интернационале.

[41]) Навкрарии — у древних греков организации небольших территориальных округов, которые должны были каждый соорудить, вооружить и снабдить экипажем одно военное судно и выставить двух всадников.

[42]) Струве цитировал следующее место из «Анти-Дюринга» Энгельса:

«Гегель был первый, который правильно указал отношение между свободой и необходимостью. Для него свобода есть понимание необходимости. Необходимость слепа только поскольку мы ее не понимаем. Свобода заключается не в воображаемой независимости от законов природы, но в познании этих законов и из вытекающей из него возможности планомерно пользоваться ими для определенных целей. Это относится одинаково как к законам внешней природы, так и к тем, которые управляют телесною и духовною жизнью человека—два рода законов, которые мы можем разъединять только в представлении, а не в действительности. Свобода воли поэтому есть не что иное, как способность сознательно (mit Sachkentniss) принимать какое-нибудь решение. Чем свободнее, стало быть, суждение человека о каком-нибудь вопросе, тем более необходимым является содержание этого суждения, тогда как вытекающая из незнания неуверенность, которая делает, повидимому, совершенно произвольный выбор между разнообразными и противоречивыми решениями, тем самым доказывает свою несвободу, свое подчинение тому предмету, который должен бы был быть ей подчинен. Свобода заключается, таким образом, в основанном на познании законов природы господстве людей над собой и над внешней природой; поэтому свобода может быть только продуктом исторического развития» ср. «Анти-Дюринг» в изд. «Моск. Раб.». 1922).

[43]) В. Зомбарт — виднейший из представителей современной немецкой буржуазной науки, много работающий над вопросами происхождения и развития современного капитализма. Один из типичнейших буржуазных критиков Маркса. Главные сочинения Зомбарта: «К критике политической экономии К. Маркса», «Социализм и социальное движение в XIX веке», «Современный капитализм» и др., в которых он пытается также дополнить принцип классовой борьбы принципом «борьбы наций». Зомбарта усиленно пропагандировали «ревизионисты» как в Европе, так и в России. Об его отношении к с.-д. см. любопытные «Воспоминания социалистски» Лили Браун (есть русск. перевод).

[44]) Струве цитировал следующее место из «Пошехонских рассказов» Салтыкова-Щедрина:

«Многие и до сих пор повествуют, что пошехонская страна кипела млеком и медом... Что касается меня, то хотя я остаюсь при особом мнении насчет подлинности и размеров пошехонского изобилия, но должен все-таки признать, что лет тридцать назад жилось здесь как-будто ходчее. Действительно, что-то такое было в роде полной чаши, напоминавшей об изобилии. Но когда я спрашиваю себя, на чью собственно долю выпадало это изобилие?—то, по совести, вынужден сознаться, что оно выпадало только на долю потомков лейбкампанцев, истопников и прочих дружинников, и что подлинные пошехонцы участвовали в нем лишь воздыханиями».

[45]) Лейбкампанцы — солдаты Преображенского полка, содействовавшие возведению на престол Елизаветы Петровны, за что были наделены дворянством и поместьями.

[46]) Фр. Лист (1789—1846) — видный немецкий экономист, апологет развивающейся германской промышленности, с ее стремлением к расширению и объединению в единое национальное целое. Ярый сторонник системы про-

текционизма, пропагандист наибольшего развития жел.-дор. сети. Главное его сочинение: «Национальная система политической экономии».

[47]) Готская программа — программа германской социалистической рабочей партии, принятая в 1875 году на конгрессе в Готе, объединившем две существовавшие до того отдельно социалистические фракции—лассальянскую и эйзенахскую (марксистскую). Программа вызвала критику К. Маркса (см. его брошюру: «Критика Готской программы».

[48]) А. Головачев — право-народнический публицист, один из деятелей тверского комитета по освобождению крестьян, автор ряда работ по крестьянскому и др. вопросам («Десять лет реформы» в «Вестнике Европы» за 1870—71 г.г.; ряд статей о государственном бюджете в «Русской Мысли» за 1882 г.; статьи в «Русск. Вестнике» за 1858 г. по крестьянскому вопросу: «История жел.-дор. дела в России» и др.). П. Струве цитировал его статью из «Отеч. Записок» 1877 г., посвященную критике книги кн. Васильчикова (прим. 30): «Землевладение и земледелие в России и других европейских странах». В статье А. Головачев защищал преимущества общинного землевладения и, боясь «коммунистических идей» и «пролетария», проповедывал «широкое развитие системы действительного народного кредита».

[49]) Ф. Щербина — статистик Воронежского земства, давший ряд работ о русском крестьянском хозяйстве, идеализировавших «народное производство» и общину («Сольвычегодская земельная община» в «Отеч. Зап.» за 1874 г.; «Земельная община в Днепровском уезде» в «Русск. Мысли» за 1880 г.; «Крестьянские бюджеты» (1900); «История Воронежского земства» (1891); «Сборник статистических сведений по Воронежской губ.» (1887) и др.).

[50]) Мальтузианство — учение Мальтуса (1766—1834), английского экономиста, представителя классической школы политической экономии. В своем сочинении «Опыт о законе народонаселения» пытался установить свой закон народонаселения, по которому увеличение населения быстрее увеличения средств производства (первое происходит в геометрической, второе—в арифметической прогрессии). Учение Мальтуса было отражением эпохи первоначального развития крупной фабричной промышленности в Англии, с ее заменою человеческого труда машиною и лишением многих рабочих заработка, и явилось попыткой буржуазного оправдания страданий и нищеты рабочего класса на-ряду с богатством господствующих классов. Жестокую критику теории Мальтуса дал К. Маркс (см. его «Теории прибавочной стоимости»). Тем не менее впоследствии этой теорией увлекались многие видные экономисты, как, напр., К. Каутский (в ранних своих работах, см. XII том его сочинений под ред. Д. Рязанова). Из русских писателей пропагандистами его взглядов были П. Б. Струве (мальтузианством пропитаны уже его «Критические заметки») и Н. В. Водовозов (см. его книгу: «Мальтус, его жизнь и научная деятельность», 1895).

[51]) Ланге — немецкий экономист и философ, один из первых представителей неокантианства. Автор сочинений: «Рабочий вопрос» (1865) и «История материализма» (1866), «обычных,—по выражению В. И. Ленина,—источников «профессорской» буржуазной философии».

[52]) К. И. Арсеньев (1789—1865) — географ и статистик, один из основателей Русского Географического Общества.

[53]) Н. А. Карышев — профессор политической экономии и статистики в московском сельско-хозяйственном институте, заведывал экономическим отделом московского земства, автор ряда работ, посвященных вопросам арендных отношений (главная из них: «Крестьянские вненадельные земли»), сотрудник «Русского Богатства» и «Русских Ведомостей». Развивал обычные народнические взгляды.

[54]) П. Голубев — автор ряда работ по экономическим вопросам («К вопросу о причинах экономического упадка сельского населения» в № 10 «Юридич. Вестника» за 1892 г., «Подать и народное хозяйство» в «Русск. Мысли» 1893 г., №№ 5—7, «Податные очерки» в «Русск. Бог.» за 1895 г., № 5 и др.).

[55]) Джемс Милль (1773—1836) — английский философ и экономист, отец Дж.-Ст Милля (прим. 69), в области философии последователь Бентама и вместе с ним основоположник английского утилитаризма, в экономических вопросах—один из видных учеников Рикардо.

Роджерс (1823—1890) — английский экономист, манчестерец, позже

признавший необходимость фабричного законодательства, рабочих союзов и кооперации. Дал ряд работ («Экономическое истолкование истории», «История земледелия и цен в Англии», «Шесть веков труда и заработной платы», «Промышленная и коммерческая история Англии» и др.), в которых выдвигается важность экономической стороны истории.

Гольдвин Смит (1829—1910) — английский историк и публицист, автор ряда работ по вопросам, касающимся Ирландии, Канады и Соединенных Штатов («Ирландская история и ирландский характер», «Канада и канадский вопрос», «История Соединенных Штатов» и др.).

Фаусетт (1833—1884) — английский экономист, сторонник Мальтуса, много писавший по вопросу о пауперизме («Пауперизм, его причины и средства уничтожения», «Законы о бедных и их влияние на пауперизм» и др.). Был в кабинете Гладстона.

[56]) Дж. Брайт — английский фабрикант, один из вождей фритредерского движения (прим. 79), член радикальной партии. Стоял (вместе с Кобденом) во главе основанной в 1838 г. «Лиги против хлебных законов», стремившейся к уничтожению установленных, с целью создания монополии для богатых землевладельцев, чрезмерных пошлин на иностранный хлеб. Позже был министром в кабинете Гладстона.

[57]) В. Е. Постников — автор книги «Южно-русское крестьянское хозяйство» (1891 г.), собравший и обработавший данные земской статистики по Таврической губернии, указавший на факт диференциации крестьянского населения. Взгляды его на положение общины и крестьянского землевладения значительно разнились от обычных народнических взглядов. Разбор его книги см. в ст. Н. Ленина: «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» в I томе Собр. сочинений и в «Развитии капитализма в России», глава II (III том Собр. соч.).

[58]) А. И. Скворцов — экономист, профессор Ново-Александрийского института сельского хозяйства. Кроме «Влияния парового транспорта на сельское хозяйство» (1890), ему принадлежит ряд других трудов, как, напр., «Прибыль и рента» в №№ 1—4 «Юрид. Вести.» за 1890 г., «Экономические этюды» (1894), «Основания политической экономии» (1898), «Экономические основы земледелия» (1900) и др. Увлечение им Струве доходило до того, что последний признавал «замечательные работы» Скворцова «образцом строго-научного развития некоторых основных положений экономической теории Маркса», в этом отношении представляющими «unicum не только в русской, но и вообще во всей экономической литературе». Должную отповедь этому увлечению дал Вл. Ил. в настоящей статье и в статье «Что такое «друзья народа» и как они воюют с с.-д-ами» (см. I том Собр. соч.).

[59]) В. Раскопин—статистик, автор статьи: «Частновладельческое хозяйство в России (по земским статистическим данным)», помещенной №№ 11—12 «Юридич. Вестника» за 1887 г.

[60]) Парцеллярное хозяйство—хозяйство раздробленное на мелкие участки.

[61]) Ад. Смит (1723—1790) — основатель и главный теоретик классической школы политической экономии (прим. 68). Главное его сочинение: «О богатстве народов» вышло в 1776 г.

[62]) Янжул — экономист и статистик, фабричный инспектор московского округа, автор ряда работ по вопросам фабричного законодательства, сторонник «государственного социализма».

[63]) К. Головин — реакционный критик «Русского Вестника», выступавший против общины (его «Сельская община в литературе и действительности»). В № 12 «Русского Вестника» за 1894 г. выступил со статьею «Два новых противника общины», где разбирал «Экономические этюды» А. Скворцова и «Критические заметки» П. Струве. В этой статье Головин заявлял о возможности «итти рука об руку» с марксистами (конечно, типа П. Струве). П. Струве дал ему ответ в статье «Моим критикам» в сборнике: «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» (перепечатано в сборнике П. Струве: «На разные темы»). Писал также беллетристические произведения под псевдонимом К. Орловский.

[64]) «Новое Слово» — вначале орган правых народников с В. В. в качестве руководителя. В марте 1897 года перешел в руки «легальных марксистов» и, несмотря на страшные цензурные преследования, продержался до

конца года (последняя, декабрьская, книжка была конфискована при выходе в свет, и журнал прекращен постановлением четырех министров). В редактировании его принимали участие: П. Струве (Novus), М. Туган-Барановский, А. М. Калмыкова, В. Поссе. Сотрудничали, кроме того: Г. В. Плеханов (Н. Каменский), В. И. Засулич (В. Иванов), Н. Ленин (К. Т—он), Л. Мартов (А. Егоров), С. Булгаков (Nemo), М. Горький и др.

[65]) Сисмонди — род. 1773 г., ум. 1842 г. Кроме настоящей статьи разбор теории Сисмонди, см. у Розы Люксембург—«Накопление капитала». На русском языке имеется перевод избранных мест из Сисмонди в издании «Библиотеки экономистов» Солдатенкова.

[66]) Б. О. Эфруси (1865—1897) — литератор-экономист, сотрудник «Русского Богатства» и «Мира Божьего». Главные его работы: «Социально-экономические воззрения Сисмонди», «Различные учения о доходе с капитала», «Новый курс политической экономии» (разбор книги проф. Георгиевского), перевод главнейших глав Сисмонди и др.

[67]) Липперт — видный немецкий историк культуры, популяризатор. Статья его о Сисмоди помещена в «Handwörterbuch der Staatswissenschaften» (Энциклопедия государственных знаний), выходившей в 90-х г.г. и отражавшей взгляды экономистов историко-этической школы (прим. 74).

[68]) Экономисты - классики — представители классической школы политической экономии, наследники физиократов (прим. 75), были выразителями идей и стремлений буржуазии эпохи торжества капиталистического производства над феодальным (конец XVIII—начало XIX века). Главные из них: Ад. Смит, Рикардо, Мальтус.

[69]) Рикардо (1772—1823) — английский банкир-миллионер, виднейший из представителей классической школы политической экономии, очистивший учение этой школы от некоторых противоречий, внесенных Ад. Смитом.

Дж. Ст. Миль (1806—1873) — английский экономист и философ, последователь классической школы, автор «Оснований политической экономии», носящих на себе печать значительного эклектизма и вульгаризации. Русский перевод «Оснований» Милля был сделан Н. Г. Чернышевским, который снабдил их толкованиями и замечаниями в духе утопического социализма.

Прудон — см. прим. 40.

Родбертус (1805—1875) — крупный прусский землевладелец, экономист, примыкавший к классической школе политической экономии, один из главных теоретиков «государственного («прусско-юнкерского», как называл Маркс) социализма». Его взгляды изложены и рассмотрены Г. В. Плехановым еще в 80-х годах в «Отечественных Записках» (см. I том его Сочинений под ред. Д. Рязанова).

[70]) Мак-Куллох — английский экономист, сторонник Рикардо. В 1819 г. выступил в «Edinburgh Review» (Эдинбургское Обозрение, орган левого крыла партии вигов) с анонимной полемической статьей против Сисмонди, на которую последний ответил статьею: «Исследование вопроса: растет ли в обществе одновременно со способностью производить и способность потребления?». Подробнее об этой полемике см. у Р. Люксембург в «Накоплении капитала».

[71]) М. Туган-Барановский — один из видных представителей «легального марксизма», вскоре перешедший в ряды «Критиков Маркса» и скатившийся в лагерь либералов. Соратник Струве в первых стычках с народничеством. В 1894 г. выпустил книгу: «Промышленные кризисы в современной Англии» с изложением теории Маркса и богатым материалом по истории кризисов в Англии. В 1898 г. выпустил капитальный труд: «Русская фабрика в прошлом и настоящем» с критикой народнических взглядов на развитие капитализма в России. О его отступлениях от марксизма уже в середине 90-х г.г. см. ниже статью В. И. Ленина «Заметка по вопросу о теории рынков».

[72]) Ж. Б. Сэй — французский экономист, вульгарный истолкователь классической школы политической экономии.

[73]) Н. И. Зибер (1844—1888) — профессор киевского университета, один из первых популяризаторов и пропагандистов марксизма. Правда, его марксизм был в значительной степени односторонним, революционно-критическая сторона этого учения осталась ему чужда, в своих воззрениях он был эволюционистом и по некоторым вопросам приближался к взглядам русских народников; тем не менее, до появления сочинений Бельтова (Плеханова), Ленина и др., его сочинения сыграли громаднейшую роль в деле распростра-

нения идей марксизма в русской литературе, а также в проникновении их на университетскую кафедру. Главнейшие из них: «Д. Рикардо и К. Маркс в их общественно-экономических исследованиях» (1885), «Экономическая теория К. Маркса» (в «Знании» 1876—1877 г.г. и «Слове» 1878 г.), «Очерки первобытной культуры» (1883), а также полемика о Марксе с Б. Чичериным, Ю. Жуковским и др. (см. его Собрание сочинений в 2-х томах).

[74]) Катедер-социалисты — ироническое название «этической» школы политической экономии, направления, группировавшего немецких экономистов довольно различных политических взглядов, но объединенных антипатией к классической школе и стоящих на точке зрения защиты постепенных социальных реформ в рамках существующего строя. Труды представителей этой школы носят описательно-фактический характер и отличаются эклектизмом и нерешительностью в выводах.

[75]) Физиократы — представители господствовавшей в до-революционной Франции школы политической экономии, бывшие выразителями нового капиталистического общества, одерживающего победу над старым феодальным порядком. Действуя в стране с преобладающим сельским хозяйством, понимая под производством лишь земледельческое производство и считая производительным лишь труд земледельческий, физиократы тем не менее были первыми, давшими анализ капиталистического производства. Будучи противниками меркантилизма (прим. 103), они требовали невмешательства государства в экономические отношения.

[76]) Корсак — автор книги: «О формах промышленности в Зап. Европе и России», единственной для своего времени (вышла в 1861 г.) научной обработки промышленной истории России. Автор, считая русский капитализм в значительной степени «искусственным», все же дает верную оценку технических преимуществ фабрики, хотя и не решается признать неизбежность развития фабричной системы и противопоставляет ей артельную организацию кустарной промышленности.

[77]) А. Волгин — псевдоним Г. В. Плеханова.

[78]) Протекционизм — система правительственных мероприятий, проводимых тем или иным государством с целью поддержки и охраны национальной промышленности от иностранного соперничества. С наибольшею полнотою получила свое выражение во Франции и Англии XVII—XVIII столетий, в период расцвета обрабатывающей промышленности.

[70]) Фритредерство — защита свободы торговли, явившаяся реакцией против системы протекционизма со стороны торгово-промышленных кругов, требовавших возможно большего простора для развития промышленности и торговли.

[80]) Редакция «Нового Слова» в этом месте сделала примечание, которое приводим целиком:

«Тем не менее, как всякий вопрос общественной жизни, он требует определенного практического отношения к себе со стороны не-предпринимателей. Такие вопросы, как о протекционизме и свободной торговле, о золотой или серебряной валюте, о свободе промышленности или монополии синдикатов, суть, во-первых, вопросы развития определенной хозяйственной системы. Представители «чистого» труда весьма существенно заинтересованы в том или другом направлении этого развития. Во-вторых, эти вопросы прямо затрагивают текущие жизненные интересы трудящегося населения или, по крайней мере, значительных его групп. На все эти вопросы должны быть выработаны—с точки зрения интересов освобожденного от средств производства труда—вполне определенные практические ответы. Цитируемый нашим сотрудником автор и его последователи никогда не уклонялись от таких ответов под тем предлогом, что самые вопросы суть вопросы «капиталистические». В капиталистическом обществе все вопросы неизбежно являются капиталистическими, но это нисколько не устраняет необходимости вполне недвусмысленного практического отношения к ним. Уклонение от такого отношения было бы жалким бегством от действительности. Мы считали необходимым сделать это замечание ввиду того злоупотребления, которому столь часто подвергается ссылка на «капиталистический» характер важнейших практических вопросов современной общественной жизни. Наш сотрудник, конечно, не при чем в этом злоупотреблении».

[81]) Статья Н. —она: «Нечто об условиях нашего хозяйственного развития», в которой он цитирует следующее место из «Коммунистического Манифеста» (дабы наглядно показать, насколько Н. —он в своем переводе извратил текст «Манифеста», приводим рядом то же место по переводу Г. Плеханова):

Перевод Н.—она.	Перевод Г. Плеханова.
В таких странах, как Франция, где крестьянство составляет более половины всего населения, естественно было появление писателей, которые, становясь на сторону пролетариата, прикладывали к капиталистическим условиям производства мелко-мещанскую и мелко-крестьянскую мерку и защищали дело народа с узко-крестьянской точки зрения.	В таких странах, как Франция, где крестьянство составляет гораздо более половины всего населения, естественно, что писатели, выступившие в защиту пролетариата против буржуазии, прикладывали к буржуазному режиму мелко-буржуазную и мелко-крестьянскую мерку и защищали дело рабочих с мелкобуржуазной точки зрения.
...Эти писатели прекрасно сумели подметить противоречия современных условий производства.	...Этот социализм прекрасно сумел подметить противоречия современных условий производства.
...Положительная сторона их требований заключается или в восстановлении старых способов производства и обмена, а вместе с ними старых имущественных отношений старого отжившего общественного строя, или же они стремятся насильственно удержать современные способы производства и обмена в рамках старых искусственных отношений, которые они уже разбили. В обоих случаях их усилия являются одновременно и реакционными и утопическими.	...По своему положительному содержанию, этот социализм стремится или восстановить старые средства производства и сношения, а вместе с ними и старые имущественные отношения и старое общество; или же он старается насильно удержать новейшие средства производства и сношения в рамке старых имущественных отношений, которые они уже разбили и необходимо должны были разбить. В обоих случаях он является одновременно реакционным и утопическим.

[82]) Буагильбер (1646—1714) — французский экономист, один из предшественников физиократов, выступавший с критикой меркантилизма.

[83]) Ингрэм (1823—1907) — английский экономист, противник классической школы политической экономии, последователь О. Конта, автор «Истории политической экономии» (есть русск. перев.), ряда статей по экономическим вопросам в Британской Энциклопедии и пр.

[84]) Руд. Мейер (1839—1899) — один из немецких так-наз. «социал-консервативных» экономистов, последователь Родбертуса. Издал его сочинения и ряд собственных работ: «Борьба четвертого сословия за свое освобождение», «Аграрное движение», «Капитализм конца века» и др.

[85]) Н. Бельтов — псевдоним Г. В. Плеханова, под которым он выпустил свою нкигу: «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Цитируемую здесь фразу см. на стр. 38 в издании «Московский Рабочий» 1922 г.

[86]) «Передовой» публицист XIX века — С. Южаков (прим. 21).

[87]) Шарль Фурье (1772—1837) — один из представителей французского утопического социализма, давший едкую критику капиталистического строя, с его бессмысленным расточением сил и средств, и рисовавший картину будущего гармоничного человеческого общества, где люди объединены в трудовые общины (фаланстеры) и пользуются всеми земными благами.

Роберт Оуэн (1771—1858) — один из представителей английского уто-

пического социализма, развивший энергичную проповедь социальных реформ и пытавшийся практически заложить первые зачатки социалистического общества. Разорвав с официальным обществом, продолжал работать в рабочей среде, оставаясь мирным утопистом, чуждым революционных действий, и относясь отрицательно к политическому движению рабочего класса того времени (чартизму). Считается духовным отцом английского кооперативного движения.

Уильям Томпсон (1785—1883) — английский социалист-утопист, ученик Роб. Оуэна.

Жюст Муирон (1787—1881) — французский социалист-утопист, последователь Фурье, автор «Социальных преобразований» (1824).

[88]) Исаак Перейра — крупный финансист эпохи Наполеона III, стоявший во главе парижского банка «Crédit mobilier» (банк для залога движимых имуществ). В молодости был последователем Сен-Симона, школа которого послужила для Перейры переходом к капиталистической практике.

[89]) Сен-Симон (1760—1825) — виднейший из представителей французского утопического социализма, выдвинувший программу замены общества, покоящегося на основе частной собственности и борьбы классов, обществом, основанным на началах ассоциации. Средством к уничтожению классовых противоречий считал правительственные реформы и воспитание общества в духе новой религии (что повело потом сен-симонизм к вырождению в религиозно-мистическую секту).

[90]) «Русская Мысль» — ежемесячный журнал, выходивший с 1880 года. В споре между народниками и марксистами в 1895—1896 г.г. «Русская Мысль»,—оставаясь органом либерально-народнической интеллигенции,—пыталась сохранить нейтралитет и объективность суждений и даже дала место на своих страницах письму Плеханова для разъяснения позиции марксистов («Несколько слов в защиту экономического материализма (открытое письмо В. А. Гольцеву)» за подписью С. Ушаков в № 9 за 1896 г.) и ответу Струве его критику, Л. Оболенскому («Несколько слов по поводу статьи г. Оболенского: «Новый раскол в интеллигенции»—в № 2 за 1896 г.). Автором анонимной рецензии, о которой идет речь у В. И. Ленина, был, вероятно, редактор журнала В. Гольцев. После революции 1905 года «Русская Мысль» становится прибежищем перепуганной либеральной интеллигенции, ударившейся в национализм и мистицизм. Продолжает издаваться в Софии под редакцией П. Струве, объединяя правых кадетов с монархистами.

[91]) Один немецкий экономист — К. Маркс. Приводя здесь цитату из «Коммунистического Манифеста», Вл. Ильич избегает называть имя его автора из-за цензурных условий того времени.

[92]) Адольф Вагнер—немецкий экономист, один из представителей катедер-социализма» (прим. 74). Был приверженцем «государственного социализма»,—направления, вдохновлявшего Бисмарка на его социальное законодательство, направленное на борьбу с социализмом. Позже—член христианско-социалистической (антисемитской) партии.

[93]) Боуринг — английский писатель и государственный деятель, один из руководителей «Лиги против хлебных законов». В 1856 году, будучи гугубернатором Кантона, пушками прокладывал дорогу «свободе торговли» опиумом в Китае.

Брайт — см. прим. 56.

[94]) Лига против хлебных законов была основана в Манчестере в 1838 году. Руководимая Кобденом, Брайтом и др., стремилась к уничтожению установленных, с целью создания монополии для землевладельцев, чрезмерных пошлин на привозимый из-за границы хлеб. Просуществовала до 1849 г.

[95]) «Neue Zeit» («Новое Время») — теоретический орган немецкой с.-д-ии, выходит с 1883 года. Редактором его до войны был К. Каутский.

[96]) «Westphälisches Dampfboot» (Вестфальский Пароход)—социалистический ежемесячник (потом двухнедельник), издававшийся в 1845—1848 г.г. в центре вестфальской льняной промышленности—Билефельде, потом в Падерборне, под редакцией Отто Люнинга. К. Маркс поместил здесь в 1847 году свои статьи, направленные против одного из представителей «истинного» социализма—Карла Грюна. Статьи были перепечатаны в «Neue

Zeit» за 1899 г., кн. XVIII/I (см. V том Собрания сочинений Маркса-Энгельса под ред. Д. Рязанова).

[97]) «Русские Ведомости» — московская газета, группировавшая вокруг себя либерально-профессорские круги, с 1905 г. руководящий кадетский орган.

[98]) Н. Левитский — насадитель земледельческих артелей в Херсонской губ. Народники создали большую литературную шумиху вокруг артельных начинаний Левитского, заявляя, что даже «Маркс от души рукоплескал бы этим начинаниям» (Н. —он в № 5 «Нового Слова» за 1896 г.). Действительность показала, что подобные артели способствовали лишь диференциации крестьянства, выделяя сельского буржуа. Об артелях Левитского см. статью С. Булгакова: «Земледельческие артели Херсонской губернии» в «Новом Слове» за 1897 г. и статью А. Потресова (Старовера): «Артельная эпопея» (см. его сборник: «Этюды о русской интеллигенции»).

[99]) Статья «Перлы народнического прожектерства», как и следующая за ней статья «От какого наследства мы отказываемся?», писалась первоначально для журнала «Новое Слово», о прекращении которого в декабре 1898 года Вл. Ил., бывший в то время в ссылке в Сибири, еще не знал. Статья пересматривалась в 1898 году для сборника «Экономические этюды и статьи», и примечания на стр. 302-й и 303-й вставлены уже при пересмотре.

[100]) П. Гриневич — псевдоним известного поэта, народовольца П. Якубовича (П. Я.), выступившего в середине 90-х г.г. в «Русском Богатстве» с рядом публицистических и литературно-критических статей, направленных против марксистов.

[101]) Мануилов — профессор-экономист, один из редакторов «Русских Ведомостей» и «Вестника Европы». К.-д. Был уволен с поста ректора московского университета за протест против студенческих беспорядков в связи с похоронами Л. Толстого. В 1917 году был министром народного просвещения в коалиционном кабинете Керенского.

[102]) Шульце-Геверниц — немецкий буржуазно-либеральный политико-экономист, последователь школы Брентано. Дал ряд работ об экономическом положении России, главные из которых: «Крупное производство в России» (московско-владимирская хлопчато-бумажная промышленность), «Очерки общественного хозяйства и экономической политики России» (имеются в русск. переводе). Из других его работ известны: «К социальному миру», «Крупное производство, его значение для экономического и социального прогресса» и др.

[103]) Меркантилизм — идеология торгового капитализма и его политического выразителя—королевского абсолютизма. Господствовал в XVII и начале XVIII столетий, в эпоху первоначального обогащения торговой буржуазии, побеждающей феодальное дворянство, с его натуральным хозяйством, и находящей новое обширное поле для торгового обмена и обогащения во вновь открытых колониальных странах. В области экономической политики меркантилизм является сторонником вмешательства государства в хозяйственную жизнь страны и ее регламентации.

[104]) Речь идет о проекте члена ученого комитета министерства финансов, Гурьева, защищавшего в 1897 году прект разрешительной (в противовес явочной) системы акционерного законодательства. Проект этот цитировался в статье П. Б. (П. Струве) в апрельской книжке «Нового Слова» за 1897 г., стр. 238.

[105]) Русский великий утопист — Н. Г. Чернышевский.

[106]) С. Шарапов — консервативный публицист, последыш славянофилов, издававший журналы «Русское Дело» и «Русский Труд», в которых проповедывал полезность для сельского хозяйства жмыхов и почтительности к губернаторской власти.

[107]) «Север» — еженедельный журнал для обывательского чтения с высоко-патриотическим налетом, выходивший в Петербурге с 1888 года.

[108]) Антонио Лабриола (1843—1904) — итальянский экономист, близко примыкавший к марксизму. Его главные сочинения: «Исторический материализм и философия» и «Очерки по историческому материализму». О нем см. Г. Плеханова—«О материалистическом понимании истории» (VIII т. Сочинений под ред. Д. Рязанова).

[109]) См. статью Н. Михайловского: «О народничестве, диалектическом материализме, субъективизме и проч.—О страшной силе г. Novus'a, о моей

робости и о некоторых недоразумениях», перепечатанной в VIII томе его Полного собрания сочинений.

110) Novus — псевдоним П. Струве. Об «идиотизме деревенской жизни» К. Маркс писал в «Коммунистическом Манифесте» (В. И. цитирует ее на стр. 314, прим.,—см. соответств. перевод на стр. 552).

111) Слово «новейший» здесь очевидная опечатка, попавшая в первое издание («Экономические этюды и статьи»). За ненахождением рукописи статьи исправить ее не удалось.

112) См. прим. 99.

113) Н. Минский (Виленкин) — поэт, отразивший больные настроения не знавшей пути интеллигенции 80-х годов, позже ударившийся в индивидуализм, декадентство, отрицание общественности. В 1890 году выпустил резонерскую книгу: «При свете совести (Мысли и мечты моей жизни)», в которой силился уяснить себе «высшие тайны жизни». Н. Михайловский подверг ее критике в своей статье: «О совести г. Минского, о страхе смерти и о жажде бессмертия» (см. VIII том Полного собр. сочинений, стр. 665).

114) В. Розанов — публицист и философ, в своих философски-критических статьях являвшийся защитником русского консерватизма, склоняясь к крайнему мистицизму, обскурантизму и изуверству. Хамелеон в политических взглядах, много писал также по вопросам церкви и о проблеме пола, стараясь в статьях своих блеснуть парадоксальностью.

115) Скалдин — псевдоним Ф. Еленева, в 60-х г.г. бывшего типичным русским манчестерцем, к 90-м г.г. ставшего крайним реакционером, членом главного цензурного комитета.

116) Манчестерство вообще было значительно распространено в среде русских людей середины XIX века. Подробно об этом см. у Туган-Барановского в «Русской фабрике».

117) М. Стасюлевич — либеральный профессор и публицист, видный гласный петербургской городской думы. Основатель и редактор «Вестника Европы».

118) Энгельгардт — народнический публицист, в 70-х годах прошлого столетия задавшийся целью поставить собственное рациональное сельское хозяйство. Опыт этот совпал со стремлением тогдашней интеллигенции «итти в народ», что создало из имения Энгельгардта место многочисленных паломничеств. Но в противность своим народническим теориям Энгельгардту пришлось для рациональной постановки своего хозяйства прибегнуть к батраческому способу его ведения. Об этом хозяйстве см. подробно у В. И. Ленина в «Развитии капитализма в России» (III том Собр. соч.). В «Отечественных Записках» Энгельгардт поместил ряд своих писем «Из деревни» с изложением своих взглядов, позже вышедших отдельной книгой. Из других его работ см.: «Вопросы русского сельского хозяйства», «История моего хозяйства».

119) «Земледельческая Газета» — официоз министерства земледелия.

120) Юзов — псевдоним О. И. Каблица (1848—1893). Вначале ярый бакунист и бунтарь, прошедший через «хождение в народ», вскоре затем становится идеологом реакционно-славянофильского народничества, скатываясь до антисемитизма. Сотрудничал в «Неделе». В главных своих работах: «Ум и чувство, как факторы прогресса» (вызвала полемику с Н. Михайловским) и «Основы народничества» противопоставляет «почвенный народ, стремящийся к правде», беспочвенной интеллигенции, притязающей «мудрить над народом», и восстает против конституционных стремлений либералов.

121) Сазонов — представитель реакционного народничества.

122) «Вестник Европы» — основанный в 1866 г. М. Стасюлевичем ежемесячный журнал, отражавший взгляды либерально-буржуазной части русского общества, главной задачей для России считавший политические реформы в либеральном духе. Вел борьбу с русскими марксистами, главным образом, в статьях одного из своих сотрудников—Слонимского.

123) Я. Абрамов — публицист право-народнического направления, проповедник теории «малых дел» и «среднего человека», сотрудник «Отеч. Записок», «Недели» и др.

124) В. Иванов — псевдоним В. И. Засулич. Статья «Плохая выдумка» перепечатана во II томе «Сборника статей В. И. Засулич», изд. «Библиотеки для всех» Рутенберга.

125) Боборыкин — составитель больших романов из жизни интеллигенции, написанных в фельетонно-обозревательском роде, часто списанных с действительности. В романе «По другому» пытался дать картину споров между марксистами и народниками.

126) А. Волынский — один из руководителей «Северного Вестника», критик идеалистического направления, пытавшийся развенчать публицистику 40—60-х годов (Белинский, Добролюбов и пр.). Критику его критики дал Г. Плеханов в своей статье: «Судьбы русской критики» (см. X том его сочинений под ред. Д. Рязанова).

127) Н. Каменский — псевдоним Г .В. Плеханова в «Новом Слове».

128) В №№ 47—49 «Недели» за 1894 г. В. В. поместил направленную против «Критических заметок» Струве статью под названием: «Немецкий социал-демократизм и русский буржуазизм».

129) «Schmollers Jahrbuch» (Ежегодник Шмоллера) — журнал политической экономии, издававшийся проф. Шмоллером, одним из представителей катедер-социализма.

130) «Мир Божий» — издававшийся с 1892 г. еженедельный «журнал для юношества», впоследствии ставший органом русского легального марксизма. После революции 1905 г. переименован в «Современный Мир». С началом империалистской войны стал на позицию социал-патриотизма.

131) Вопрос о теории рынков в русской марксистской литературе 90-х г.г. подвергся весьма тщательной дискуссии. Еще в 1894 г. М. Туган-Барановский уделил ему много внимания в своей книге: «Промышленные кризисы в современной Англии». В 1897 г. этот вопрос поднял С. Булгаковв книге: «О рынках при капиталистическом производстве», на которую Туган-Барановский ответил в № 6 «Мира Божьего» за 1898 г. статьею: «Капитализм и рынок». В полемику вмешался Вл. Ильин (Ленин), поместивший в № 1 «Научного Обозрения» за 1899 г. статью: «Заметка по вопросу о теории рынков (По поводу полемики г.г. Туган-Барановского и Булгакова)», на которую в том же номере «Н. Об.» отвечал П. Струве статьею: «К вопросу о рынках при капиталистическом производстве (По поводу книги Булгакова и статьи Ильина)». В дальнейшем в полемике приняли участие А. С. Изгоев (статья «Теория рынков в нашей литературе» в № 4 «Жизни» за 1899 г.) и П. Нежданов (статья «К вопросу о рынках при капиталистическом производстве» (По поводу статей г.г. Ратнера *), Ильина и Струве в той же книжке «Жизни»), на которую А. Изгоев снова отвечает статьею: «О «третьих лицах» г-на Струве и о возражениях г. Нежданова» в № 6 «Жизни»). П. Скворцов затем помещает в № 7 «Научного Обозрения» статью: «К вопросу о рынках (по поводу заметки г. Струве)» и Вл. Ильин в № 8 статью: «Еще к вопросу о теории реализации», на которую в том же номере «Н. Об.» П. Струве дает свой «Ответ Ильину», в котором он, между прочим, приглашая т. Ленина освободиться «от чар ортодоксии», признает за ним «сильную теоретическую мысль» **). В № 10 «Жизни» П. Струве помещает новую статью под знаменательным названием: «Против ортодоксии». В № 12 «Научного Обозрения» выступает Б. Авилов со статьею: «О «новой» теории рынков (по поводу статей Нежданова и Изгоева)». Наконец, в № 12 «Жизни» появляются статьи П. Нежданова: «Полемика по вопросу о рынках» и В. Ильина: «Ответ г. Нежданову». Позже, в 1912 году, Р. Люксембург подвергла разбору весь этот спор в своем «Накоплении капитала».

132) С. Булгаков — один из представителей «легального марксизма», перешедший затем в ряды «критиков Маркса» (его книга: «Капитализм и земле-

---

*) По поводу книги С. Булгакова М. Ратнер поместил в № 12 «Русского Богатства» за 1898 г. свою статью: «Теория рынков в ее отношении к вопросу об экономическом развитии страны».

**) Несколько позже, в своей статье «Основная антиномия теории трудовой ценности», П. Струве отзывался о Вл. Ил.: «Было бы весьма желательно, чтобы, напр., такой замечательный сторонник ортодоксального отношения к учению Маркса и такой превосходный его знаток, как Владимир Ильин, указал, каким путем—с точки зрения ортодоксии—может быть разрешена «основная антиномия теории трудовой ценности», на мой взгляд логически упраздняющая эту теорию» («Жизнь» № 2 за 1900 г.).

делие», 1900). Дальнейший уклон «от марксизма к идеализму» отбрасывает его в сторону мистицизма и реакционных настроений, охвативших либерально-буржуазные круги после поражения революции 1905 года. Завершением этапов развития бывшего марксиста явилось принятие им священнического сана.

133) В журнале «Научное Обозрение», где первоначально печаталась настоящая статья, редакция своевольно заменила термин «стоимость», всегда употреблявшийся Вл. Ильичем, термином «ценность» (см. примечание на стр. 481). Впоследствии Вл. Ил. придавал более важное значение этому различию, о чем см. его статью: «Еще одно уничтожение социализма» в мартовской книжке «Совр. Мира» за 1914 г. (перепечатано в XIII томе Собр. сочинений).

134) Фон-Кирхманн — немецкий экономист, друг и единомышленник Родбертуса по всем основным вопросам. Его статьи: «О земельной ренте в социальном отношении» и «Меновое общество» (1849), направленные против некоторых положений Родбертуса, вызвали оживленную дискуссию с последним (см. его «Социальные письма к фон-Кирхману», есть русск. перев.). Подробно об этой полемике см. у Р. Люксембург в «Накоплении капитала».

135) Герценштейн — экономист, профессор московского сельско-хозяйственного института, писавший по вопросам кредита, финансов и аграрному, в своих теоретических построениях примыкал к взглядам Родбертуса. Один из видных членов к.-д. партии, член 1-й Госуд. Думы. Убит черносотенцами в 1906 г.

136) «Научное Обозрение» — ежемесячный научный журнал, выходивший под редакцией М. Филиппова, один из органов легального марксизма.

137) Франсуа Кене (1694—1774) — придворный врач Людовика XV, основатель школы физиократов (прим. 75), автор «Tableau économique» (Экономической таблицы), вышедшей в 1758 году, подробный разбор которой дан К. Марксом в «Теориях прибавочной стоимости» и в «Анти-Дюринге».

138) Джордж Рамсэй (1800—1871) — английский экономист, автор сочинения: «Опыт о распределении богатства» (1836, Эдинбург).

139) Неокантианцы — довольно пестрая плеяда буржуазных философов, провозгласивших возврат к идеалистической философии Канта в противовес широко распространившемуся материализму. Главные представители неокантианства: Ф. Ланге, О. Либман, Коген, Виндельбанд, у нас—С. Булгаков и др.

140) Лозунг: «назад в Канту», т.-е. к идеалистической философии от философского материализма Маркса-Энгельса провозгласили вслед за буржуазными философами—неокантианцами—и их последователи из рядов с.-д-ии, во главе с Э. Бернштейном. В русской марксистской литературе этот лозунг был подхвачен П. Струве, Булгаковым и др. «легальными марксистами». Об этом см. статьи Г. В. Плеханова: «Бернштейн и материализм» и «Cant против Канта или духовное завещание г. Бернштейна» (см. XI т. его Сочинений под ред. Рязанова).

141) Вторая половина девяностых годов ознаменовалась появлением в западно-европейском социализме «бернштейнианства», выставившего требование «ревизии» (пересмотра) революционной теории Маркса и замены классовой борьбы сотрудничеством классов. В России это направление встретило сочувственный отклик в среде «легального марксизма». Вслед за П. Струве, и раньше «не зараженного ортодоксией», а теперь поведшего усиленную борьбу с нею на страницах легальных органов, вслед за Туган-Барнаовским, Булгаковым и др.,—в сторону ревизионизма отошла и группа с.-д. практиков, теоретическим выражением позиции которых явилось «Credo» Е. Кусковой, звавшее рабочий класс к отказу от политической борьбы. Все это вызвало энергичный отпор со стороны революционной части русских с.-д. во главе с В. И. Лениным, составившим протест против «Credo», в котором объявлялась беспощадная война идеям ревизионизма и провозглашалась необходимость для с.-д-ии стать во главе рабочих масс для борьбы за свержение самодержавия. (См. т. I Собр. сочинений).

142) «Жизнь» — орган легального марксизма, выходивший в 1899—1901 г.г. в Петербурге под редакцией В. А. Поссе.

143) П. Нежданов — псевдоним Н. Череванина, видного меньшевика-ликвидатора. Участник Стокгольмского и Лондонского съездов партии. Во время войны оборонец, один из редакторов выходившего в 1917 г.

в Петербурге меньшевистского органа «Рабочая Газета»; член меньшевистского (объединенного) ЦК в 1917 г.

[144]) Редакции известно, что, кроме помещаемых здесь рецензий, т. Лениным была дана рецензия на первое издание книги А. Богданова: «Краткий курс политической экономии» в последней (декабрьской) книжке журнала «Новое Слово». Книжка эта была конфискована, и нам до сих пор не удалось ее разыскать.

[145]) Парвус (Гельфонд) — русский эмигрант; в 90-х и начале 900-х годов работал в германской с.-д-ии, примыкал к ее левому крылу. В 1905 г. вернулся в Россию и принимал деятельное участие в первой русской революции. Был сослан и бежал обратно в Германию. В эпоху войны—крайний социал-шовинист и прямой агент германского империализма.

[146]) «Начало» — выходивший в течение пяти месяцев в 1899 г. под редакцией П. Струве и М. Туган-Барановского орган легального марксизма с бернштейнианским уклоном. Разрешение на издание журнала было дано провокатору М. Гуровичу с целью иметь наблюдательный пункт за развивавшимся с.-д. движением, но так как поставленная цель не достигалась, и журнал приносил, наоборот, значительную пользу этому движению—жандармы поспешили закрыть его. Кроме перепечатываемых в этом томе рецензий т. Ленина, в «Начале» была напечатана им одна глава («Вытеснение барщинного хозяйства капиталистическим») из «Развития капитализма в России».

[147]) Р. Гвоздев — псевдоним Р. Э. Циммермана, рано умершего (в 1900 г.) писателя марксистского направления, рассказы и статьи которого помещались в «Русском Богатстве», «Жизни», «Научном Обозрении». В 1896 г. вместе с П. П. Масловым, А. А. Саниным, В. О. Португаловым и др. был руководителем ежедневной газеты «Самарский Вестник»—первой марксистской газеты в России.

[148]) Дж. Гобсон — видный английский экономист, автор ряда работ по вопросам современного капитализма («Эволюция современного капитализма», «Проблемы безработицы», «Империализм», «Проблемы нового мира» и др.), первый из буржуазных ученых, указавший на переход капитализма в новую фразу—империализм. Сторонник социальных реформ, в политических взглядах примыкает к фабианцам. После войны выступил с требованием пересмотра Версальского договора.

[149]) Сидней Вебб — английский экономист и общественный деятель, один из основателей умеренно-социалистического «Фабианского общества», представитель его в Рабочей Партии. Беатрисса Вебб (Б. Поттер)—его жена, видная писательница по экономическим вопросам. Вместе издали ряд работ, из которых главная—лучшая из работ по истории английского трэд-юнионизма—переведена в 1897 г. В. И. Лениным на русский язык под заглавием: «Теория и практика трэд-юнионизма» (два тома, изд. 1900—1901 г.г.).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Указатель авторов.

А.

Абрамов, Я.—338, 348—349.
Арсеньев—118.
Atkinson, W. (Аткинсон, В.)—237.

Б.

Бельтов, Н.—см. Плеханов.
Бибиков—172, 209.
Благовещенский—241.
Блау, А. А.—518.
Боборыкин—344.
Бок—363.
Боуринг (Bowring)—275.
Брайт (Bright, Джон)—130, 275.
Буагильбер—223, 236.
Будагов—360.
Булгаков—481, 482, 486—193, 500—501, 503, 505.
Буняковский—299.
Бушен—363.

В.

В. В. (В. П. Воронцов)—17, 21, 31, 52, 60, 85, 86, 90, 94, 109, 125, 127, 150—151, 152—154, 159—160, 166, 177, 182, 186, 196, 205, 215, 244, 250, 258, 268, 272, 287, 332, 334, 337, 341, 343. 350—351, 354, 399, 405, 412—413, 418, 458, 469, 481, 503—504.
Вагнер, Адольф—267.
Васильчиков—31, 109.
Вебб—521.
Вернадский—24.
Волгин, А.—см. Плеханов.
Волынский—318—349.

Г.

Гарин, Н.—516.
Герценштейн—489.
Гвоздев, Р. (Циммерман)—516—518.
Гобсон 520—523.
Головачев—109.
Головин—157.
Голубев—127.
Гоп (Hop)—277.
Грег (Greg)—277—278.
Гриневич (П. Я., П. Якубович)—291.

Д.

Дюринг (E. Dühring)—80, 249, 491.

Е.

Егунов—421, 471, 475.
Еленев—см. Скалдин.

З.

Засулич, В.—см. Иванов, В.
Зибер, Н.—192, 202, 206, 211—213, 487, 493.
Зиммель—76.
Златовратский—11, 313.
Зомбарт, В.—84, 523.

И.

Иванов, В. (В. Засулич)—344.
Ильин, Владимир (В. И.—Ленин)—163, 289, 317, 336, 354, 357, 389, 489, 490, 504, 507, 512, 516, 518, 520, 523.
Ингрем—226.

К.

Каблиц—см. Юзов.
Каблуков—17.
Каменский, Н.—см. Плеханов.
Кант—497.
Карышев, Н.—125, 334, 357, 360—361, 362, 364, 368—369, 371, 373—382, 385.
Каутский—496.
Кене—491.
Кирхман—486.
Кобеляцкий—364, 369.
Короленко, С. А.—251, 443.
Корсак—213.
Красноперов—394.
Кривенко—21, 48, 244.

Л.

Лабриола, Антонио—313.
Ланге, Ф. А.—112—118, 124.

Левитский, Н.—282—283, 285—287.
Липперт (Lippert)—165, 276.
Лист—98.

М.

Мак-Куллох—178—179.
Мальтус—110—111, 119, 122, 127, 203—204, 209.
Мануилов, А.—297, 312, 315.
Маркс (Marx)—47, 69, 74—75, 78, 80, 83, 89, 92, 99—101, 104, 114—115, 117, 123, 126, 144, 150, 153—154, 181, 235, 275, 277, 313—315, 345, 352, 481—502, 508—512, 515, 521—523.
Менделеев—24.
Мейер, Р.—226.
Милль, Джемс—130.
Милль, Д. С.—175, 486, 521.
Микулин—361, 365, 375, 386.
Минский—321.
Миртов—63, 84.
Михайловский, Н.—25, 27, 36, 63—66, 70, 73, 75—79, 80, 81, 106, 113, 151, 293, 305, 312—316, 319, 32, 337—338, 348—355.
Моллесон, И. И.—451.
Морз (Morse)—277.
Муирон (Muiron)—234, 262.

Н.

Нежданов, П. (Череванин)—508—512.
Николай—он (Н.—он, Н. Даниельсон)—17, 61, 85, 109, 113, 122—125, 127—132, 136—137, 141, 143—146, 152, 166, 177, 182, 186, 189, 191—196, 205, 207, 212—216, 222, 232—233, 235—236, 239—241, 248—250, 252, 254, 257—258, 265—268, 310, 314, 337, 371, 399, 412—413, 469, 481, 485, 503.
Novus—см. Струве.

О.

Орлов—360—361, 365, 368.
Оуэн, Роберт—234, 262, 264.

П.

Парвус—515—517.
Перейра, Исаак—239—240.
Плеханов (Бельтов, Н., Волгин, А., Каменский, Н.)—215, 229, 250, 350—351, 416, 497.
Постников, В. Е.—132, 138.
Прудон—81, 89, 175, 178, 209, 238, 352, 488, 510.
Пругавин—393.

Р.

Рамсэй (Ramsay)—493.
Распопин—146.
Рикардо—175, 175—179, 184—185, 188, 192, 201—202, 206, 223, 227—229, 488, 493—494, 498.
Родбертус—178, 180, 194, 198—200, 226, 488—489.
Роджерс—130.
Розанов, В.—319, 348.

С.

Сазонов—337.
Салтыков—90.
Сен-Симон—240.
Сисмонди (Simond de Sismondi)—163, 165—180, 183—191, 193—238, 242—243, 246—252, 254—277, 279—281, 314, 498.
Скалдин (Еленев)—320—331, 334—335.
Скворцов, А. И.—132—135, 159, 500.
Смит, Адам—154, 171, 173, 175—178, 180—184, 190, 194, 196, 200—201, 224, 226, 227, 254—255, 330, 475, 486, 488, 491—494, 498.
Смит, Гольдвин—130.
Стасюлевич, М.—329.
Струве, П. (П. С., Novus)—7, 9—10, 15, 21, 25, 27, 48, 59—71, 73—77, 79—84, 86—91, 93—94, 97—98, 99—104, 107—113, 117—120, 122—133, 136—146, 150—160, 222, 226, 234, 250, 297, 305, 313—314, 350, 490—508.
Суворин, А.—18.
Сэй—185, 487, 493, 498.

Т.

Тимирязев—363.
Томпсон—234, 262.
Тулин, К. (К. Т—н, К. Т—Ленин)—7, 15—16, 29, 43, 53, 163, 282.
Туган-Барановский—181, 196, 198, 222, 338, 371, 377, 481—488, 490, 503, 510.

У.

Успенский, Гл.—11, 18, 45.

Ф.

Фаусетт—130.
Фурье—234, 262.

Х.

Харизоменов—393, 458.

Ч.

Череванин—см. Нежданов, П.
Чичерин, Б.—24, 133.

Ш.

Шарапов, Сергей—310—312.
Шульце-Геверниц—297, 354.

Щ.

Щербина—110—111.

Э.

Энгельгардт—330—336, 342—343.
Энгельс (F. Engels)—69, 80, 81—83, 107, 197, 205, 256, 298, 314, 329, 489, 491, 496—497.
Эфруси—165, 171, 196—200, 203—204, 210—211, 216—218, 224—226, 228, 243, 251, 255, 260—263, 266—267.

Ю.

Южаков, С.—21, 36, 50, 66—69, 85, 89, 126, 158, 160, 287, 289, 291—313, 333, 337, 343, 350, 399, 469, 476.
Юзов (Каблиц)—337—338, 349—350.

Я.

Я., А.—515.
Яковлев—65, 113.
Якубович, П.—см. Гриневич.
Янжул—157.

Объяснение иностранных слов и выражений, встречающихся и необъясненных в тексте.

Стр. *10.* Profession de foi—изложение своих убеждений.
„ *14.* Status quo—прежнее, неизменное положение.
„ *14.* Laissez faire, laissez aller—оставьте вещам итти их чередом. Лозунг, поддерживавшийся физиократами, а затем особенно манчестерцами, как требование полного невмешательства государства в развитие экономических отношений.
„ *16.* Truck-system—система выплаты заработка рабочим товарами.
„ *17.* Sic!—обрати внимание!
„ *41.* Nota bene (сокращенно NB)—заметь!
„ *43.* De facto—на деле, фактически; de jure—по праву, юридически.
„ *46.* Coûte que coûte—во что бы то ни стало!
„ *78.* Clair-obscur—способ писать картины так, что предметы кажутся затемненными, в тумане.
„ *81.* Justice éternelle—вечная справедливость.
„ *95.* Contra principia negantem disputari non potest—против отрицающего принципы спорить невозможно.
„ *155.* Principia—принципы, основные положения.
„ *215.* Tout court—только.
„ *237.* W. Atkinson. Principles of political economy. London 1840—В. Аткинсон. Начала политической экономии. Лондон 1840.
„ *237.* Fuit Troja!—Погибла Троя!
„ *239.* „Leçons sur l'industrie et les finances". Paris—„Лекции о промышленности и финансах". Париж.
„ *239.* „Crédit mobilier"—банк для залога движимых имуществ.
„ *251.* Vivant sans cesse ensemble, moins épuisés par fatigue, et pouvant se liver davantage à la conversation, les idées ont circulé plus rapidement entre eux—благодаря их беспрестанной жизни вместе, меньшему истощению трудом, возможности больше отдаваться собеседованию, идеи среди них распространялись быстрее.
„ *251.* Aucun attachement à l'ordre établi—никакой привязанности к установленному порядку.
„ *257.* Cottager—владелец сельской хижины.
„ *258.* Jeomanry—название независимого крестьянства в Англии, исчезнувшего в половине XVIII века.
„ *261.* Quasi—мнимо.
„ *267.* Der Arbeiter—рабочий.
„ *313.* „Essais sur la conception matérialiste de l'histoire"—„Опыты материалистического понимания истории" (А. Лабриолы).

Стр. 314. Die Bourgeoisie hat das Land der Herrschaft der Stadt unterworfen. Sie hat enorme Städte geschaffen, sie hat die Zahl der städtischen Bevölkerung gegenüber der ländlichen in hohem Grade vermehrt und so einen bedeutenden Theil der Bevölkerung dem Jdiotismus des Landlebens entrissen—Буржуазия подчинила деревню господству города. Она вызвала к жизни огромные города, в высокой степени увеличила городское население, сравнительно с сельским, и освободила таким образом значительную часть населения от идиотизма деревенской жизни („Коммунистический Манифест“ К. Маркса—Энгельса).

„ *324.* Glebae adscripti—в древнем Риме крестьяне, приписанные к наделам, от которых они не могли уходить, как бы эти наделы ни были убыточными.

„ *345.* Mit der Gründlichkeit der geschichtichen Action wird der Umfang der Masse zunehmen, deren Action sie ist—чем основательнее историческое действие, тем значительнее в нем роль создающей его массы (К. Маркс).

„ *407.* A priori—предположительно.

„ *410.* En regard—для сличения.

„ *428.* In extenso—в полном объеме.

„ *451.* Sweating system—система выжимания пота.

„ *455.* Schwitz system—то же, что Sweating-system.

„ *457.* Risum teneatis, amici—подождите смеяться, друзья.

„ *461.* Mein Llebchen, was willst du noch mehr—милая моя, чего ты еще хочешь?

„ *463.* Condominium—совместное владение.

„ *482.* Jurare in verba magistri—клясться словами учителя.

„ *496.* Die Agrarfrage—„Аграрный вопрос“ Каутского.

Перечень статей В. И. Ленина, вошедших во II-й том, в порядке их написания.

Когда написано:		Когда и где напечатано:
Конец 1894 г.	Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве.	„Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития“. Спб. апрель 1895 г.
Начало 1897 г.	К характеристике экономического романтизма (Сисмонди и наши отечественные сисмондисты).	„Новое Слово“, апрель—июль 1897 г.
Сентябрь 1897 г.	По поводу одной газетной заметки.	„Новое Слово“, октябрь 1897 г.
Конец 1897 г.	Перлы народнического прожектерства.	„Экономические этюды и статьи“, Спб., 1899 г.
Конец 1897 г.—нач. 1898 г.	От какого наследства мы отказываемся?	„
Середина 1898 г.	К вопросу о нашей фабрично-заводской статистике.	„
„	Кустарная перепись 1894/5 г. в Пермской губернии и общие вопросы „кустарной“ промышленности.	„
Конец 1898 г.	Заметка по вопросу о теории рынков.	„Научное Обозрение“, январь 1899 г.
Начало 1899 г.	Парвус. „Мировой рынок и сельскохозяйственный кризис“. Рецензия.	„Начало“, март 1899 г.
„	Р. Гвоздев. „Ростовщичество-кулачество, его общественно-экономическое содержание“. Рецензия.	„
„	„Торгово-промышленная Россия“. Рецензия.	„
„	Гобсон. „Эволюция современного капитализма“. Рецензия.	„Начало“, май 1899 г.
Март 1899 г.	Еще к вопросу о теории реализации.	„Научное Обозрение“, август 1899 г.
Май—июнь 1899 г.	Ответ г. Нежданову.	„Жизнь“, декабрь 1899 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Предисловие Л. Б. Каменева 3

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ НАРОДНИЧЕСТВА И КРИТИКА ЕГО В КНИГЕ Г. СТРУВЕ (Отражение марксизма в буржуазной литературе) . . . . . 7—161

Глава I.—Подстрочный комментарий к народнической profession de foi 11

Глава II.—Критика народнической социологии 61

Глава III.—Постановка экономических вопросов у народников и у г. Струве 88

Глава IV.—Объяснение некоторых черт пореформенной экономики России у г. Струве 112

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОМАНТИЗМА (Сисмонди и наши отечественные сисмондисты) . 163—274

Глава I.—Экономические теории романтизма . . 166—230

I. Сокращается ли внутренний рынок вследствие разорения мелких производителей 166

II. Воззрение Сисмонди на национальный доход и капитал . 171

III. Выводы Сисмонди из ошибочного учения о двух частях годового производства в капиталистическом обществе . . 176

IV. В чем ошибка учений Ад. Смита и Сисмонди о национальном доходе? 180

V. Накопление в капиталистическом обществе 184

VI. Внешний рынок „как выход из затруднения“ по реализации сверхстоимости 190

VII. Кризис 194

VIII. Капиталистическая рента и капиталистическое перенаселение 201

IX. Машины в капиталистическом обществе 210

X. Протекционизм 216

XI. Общее значение Сисмонди в истории политической экономии 222

Глава II.—Характер критики капитализма у романтиков . . . . . 231—281

I. Сентиментальная критика капитализма 231

II. Мелкобуржуазный характер романтизма 241

Стр.

III. Вопрос о росте индустриального населения на счет земледельческого 246
IV. Практические пожелания романтизма 251
V. Реакционный характер романтизма 258
VI. Вопрос о пошлинах на хлеб в Англии в оценке романтизма и научной теории 270

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ ГАЗЕТНОЙ ЗАМЕТКИ 282

ПЕРЛЫ НАРОДНИЧЕСКОГО ПРОЖЕКТЕРСТВА . . . . . 289—316

I. 291
II. 292
III. 298
IV. 301
V. 304
VI. 308
VII. 313

ОТ КАКОГО НАСЛЕДСТВА МЫ ОТКАЗЫВАЕМСЯ . . . . . 317—355

I. Один из представителей наследства 320
II. Прибавка народничества к „наследству“ 330
III. Выиграло ли „наследство“ от связи с народничеством . 336
IV. „Просветители“, народники и „ученики“ 346
V. Г. Михайловский об отказе „учеников“ от наследства . 348

К ВОПРОСУ О НАШЕЙ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОЙ СТАТИСТИКЕ . 357 - 387

КУСТАРНАЯ ПЕРЕПИСЬ 1894/5 года В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ И ОБЩИЕ ВОПРОСЫ „КУСТАРНОЙ“ ПРОМЫШЛЕННОСТИ . 389—477

Статья первая.
I. Общие данные 392
II. „Кустарь“ и наемный труд 402
III. „Общинно-трудовая преемственность“ 411

Статья вторая.
IV. Земледелие „кустарей“ 416
V. Крупные и мелкие заведения.—Доходы кустарей 429

Статья третья.
VI. Что такое скупщик? 445
VII. „Отрадные явления“ в кустарной промышленности . . . 460
VIII. Народническая программа промышленной политики . . 465

СТАТЬИ ПО ВОПРОСУ О ТЕОРИИ РЫНКОВ . . . . . 479—512

Заметка к вопросу о теории рынков.. (По поводу полемики гг. Туган-Барановского и Булгакова) 481

Еще к вопросу о теории реализации 490

Ответ г. П. Нежданову 508

РЕЦЕНЗИИ . . . . . 513—523

Парвус. Мировой рынок и сельскохозяйственный кризис 515
Р. Гвоздев. Кулачество-ростовщичество, его общественно-экономическое значение 516
„Торгово промышленная Россия“ 518
Гобсон Эволюция современного капитализма 520

Стр.

Примечания . . . . . 525—544

Приложения.

I. Указатель авторов 547

II. Объяснение иностранных слов и выражений, встречающихся и необъясненных в тексте 551

III. Перечень статей В. И. Ленина, вошедших во II том в порядке их написания 553

II том собрания сочинений Н. Ленина подготовлен к печати и снабжен примечаниями И. П. Товстухой под редакцией Л. Б. Каменева.